ХРЕСТОМАТІЯ ДАВНЬОЇ УКРАЇНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ

(ДО КІНЦЯ XVIII СТ.)

УПОРЯДКУВАВ
АКАДЕМІК
О.І. БІЛЕЦЬКИЙ

433790

ВИДАННЯ ТРЕТЄ
ДОПОВНЕНЕ

ВИДАВНИЦТВО •РАДЯНСЬКА ШКОЛА•
КИЇВ 1967

8У1
561

Міністерством вищої і середньої
спеціальної освіти УРСР рекомендовано
для філологічних факультетів університетів
і педагогічних інститутів

Науковий редактор
доцент *Ф. Я. Шолом*

[illegible]А
[illegible]НА
Бібліотека
м. Ужгород

7—2—2
212—67

ХАРКІВСЬКА КНИЖКОВА ФАБРИКА ім. ФРУНЗЕ

ПЕРЕДМОВА ДО ПЕРШОГО ВИДАННЯ

Потребу в хрестоматійному підручнику з історії української літератури доби феодалізму відчувають дуже гостро всі викладачі й студенти вищих шкіл, де вивчається історія української літератури.

Тексти пам'яток розкидані по окремих виданнях, монографіях, збірниках, які дуже важко добути в бібліотеках великих центрів і яких зовсім немає в бібліотеках численних нових вузів, що виникли при Радянській владі. Крім того, наукові видання давніх текстів не можуть служити навчальним цілям: вони громіздкі щодо розміру, не містять потрібних для початківця коментарів, вимагають спеціальної філологічної підготовки, якої ще не має студент вузу. Колишні спроби добору зразків української літератури феодальної доби не можуть задовольнити потреби теперішнього часу, хоч би вже тому, що хрестоматії такого типу складені давно, а до того ж призначались для середньої школи.

У хрестоматії тексти подано із збереженням (наскільки можливо) орфографії оригіналів. Правда, з технічних міркувань, а також щоб полегшити користування хрестоматією, тексти подаються звичайним, не церковнослов'янським шрифтом [1], з сучасною пунктуацією та розподілом на слова; титла розкриті, а надрядкові букви введені в текст; не відтворені також надрядкові знаки оригіналів; без застережень поновлені явні пропуски букв у рукописах. З орфографічних особливостей не подається написання твердого знака (ъ) в кінці слів. В усьому іншому правопис пам'яток залишається без змін — цього вимагають давні тексти, бо під традиційним слов'янським письмом ми тут часто-густо можемо виявити риси живої народної мови або особливості вимови.

Добираючи тексти, довелося ураховувати нерівномірну вивченість різних частин матеріалу: багато текстів ще не опубліковано, не досліджено. Якщо, наприклад, пам'ятки драматичної літератури XVII—XVIII ст. більш-менш відомі й зібрані, то далеко ще не з'ясовано склад української повістевої літератури XVI—XVII ст. Немає також ні узагальнюючої роботи, ні зведеного видання текстів віршової літератури,

[1] Звідси суто графічні особливості текстів, як-от «омега» поруч з *о*, «ук» (оу) поруч з *у*, «юс малий» поруч з *я* і т. д., не зберігаються. Так само «юс великий» у рукописах XI—XIV ст. передано через *у—ю*, у рукописах XV і наступних століть іноді (при явній плутанині юсів) через *а—я*. Написання *оу* передано через звичайне *у*, θ — через *ф*.

яка розкидана по журналах, друкувалася більш-менш випадково й далеко не вся вичерпана; можливість нових знахідок тут ще досить широка. Отже, вибір текстів не можна було обмежити самими лише надрукованими науковими публікаціями. Доводилось вдаватись і до стародруків, і до рукописів, про що зроблено застереження нижче, у вступних зауваженнях і примітках.

Хрестоматія поділяється на кілька розділів. Перший охоплює пам'ятки літератури Київської Русі XI—XII ст. і літератури XIII—XIV ст. Література Київської Русі подається як спільна основа трьох братніх східнослов'янських літератур — російської, української і білоруської. Оповідання початкового літопису були основою відомостей про історичне минуле всіх трьох народів майже до XVIII ст. Такі пам'ятки, як «Києво-Печерський Патерик», жили, оновлюючись і змінюючись у рукописах і друкованих виданнях, в пізнішій українській літературі. Як літописні оповідання, так і «Слово о полку Ігоревім» не раз своїми темами і образами привертали та й зараз привертають увагу митців української літератури від часів Шевченка й по наші дні. Закінчується цей розділ уривками з Галицько-Волинського літопису, що остаточно оформився в самому кінці XIII ст. і вже виходить за межі літератури Київської Русі.

Розділи другий та третій охоплюють пам'ятки української літератури від XV до початку XVIII ст. Як відомо, процес формування трьох східнослов'янських народностей в основному завершився близько XIV—XV ст. Перші спроби оформлення української літературної мови маємо вже в пам'ятках кінця XV ст. В середині XVI ст. з'являється т. зв. «Пересопницьке євангеліє» (1556–1561 рр.), надзвичайно цінна в лінгвістичному відношенні пам'ятка писемності, де на церковно-слов'янському ґрунті яскраво виступають особливості живої української мови. Отже, пам'ятки письменства, починаючи з XVI ст. (подані в другому розділі і далі), є пам'ятки української літератури. У другому розділі найвизначніше місце займає полемічна література. В боротьбі православних з католиками та уніатами питання йшло насамперед про дуже позитивні матеріальні класові інтереси,— і до неї цілком застосовні думки Ф. Енгельса з приводу німецьких релігійних війн XVI ст.: «Якщо ця класова боротьба відбувалася тоді під знаком релігії, якщо інтереси, потреби і вимоги окремих класів приховувались під релігійною оболонкою, то це нітрохи не змінює справи і легко пояснюється умовами часу» (див. Маркс і Енгельс, Твори, т. VII, стор. 343). Найбільше місце серед цієї полемічної літератури займають уривки з творів Івапа Вишенського, що цілком виправдується як літературною значимістю його творів, так і малою доступністю наукових видань, де вони були вміщені.

Зрозуміло, що картина боротьби українського народу проти соціального і національного поневолення лишається однобокою та неповною без зразків усної творчості цієї доби — дум та історичних пісень — чи не найвищого досягнення українського народу цього часу в галузі художньої творчості. Але ці зразки, як і взагалі пам'ятки фольклору, повинні знайти своє місце в окремій хрестоматії — українського фольклору.

Четвертий розділ охоплює літературу XVIII ст., включаючи і твори Сковороди.

В кінці книги вміщено зразки перекладної літератури як візантійсько-слов'янського, так і західноєвропейського походження: уривки з апокрифів, з агіографічної літератури, з повістей тощо. Більшість текстів, тут наведених, подається в українських версіях відносно пізнього походження, а тому цілком зрозуміло, що вони йдуть після пам'яток оригінальної літератури. Взагалі відомо, що не з них (хоча б в найдавніших версіях) починалась словесна творчість східних слов'ян. Початком її був фольклор, народна творчість. Щодо Київської Русі, то ми знаємо, що писемність там

існувала ще до того, як християнство стало державною релігією, але оригінальні пам'ятки літературного змісту дохристиянської доби до нас не дійшли. Перекладна література посідала значне місце в обсягу читання старих книжників, проте основою оригінальної літератури вона не стала, характеру цієї літератури не зумовлювала. Цей характер зумовлювався самим життям, історичною дійсністю, класовою боротьбою тих часів.

Такий зміст хрестоматії. До уривків додано коротенькі вступні анотації, які містять стислі фактичні довідки про авторів та їх твори. У тих випадках, коли подається ряд невеликих щодо розміру й однорідних щодо жанру або близьких змістом пам'яток, до них додається одно зауваження узагальнюючого характеру. Усі ці зауваження чи анотації ні в якій мірі не можуть замінити підручника з історії літератури, який має подати аналіз та історичну оцінку творів. Пояснення під текстами допомагають розібратися в окремих реченнях; пояснення незрозумілих слів подані в невеличкому словнику в кінці хрестоматії. Пояснення власних імен, географічних, міфологічних та інших назв і термінів не подаються, бо це збільшило б і без того значний обсяг книги, яка в першу чергу обслуговує все ж студента, що працює під керівництвом викладача.

УПОРЯДНИК

1949 р.

З ПЕРЕДМОВИ ДО ДРУГОГО ВИДАННЯ

Побажання рецензентів першого видання та працівників вищої школи викликали потребу внести в нове видання деякі доповнення.

Додано кілька уривків з «Повѣсти временных лѣт», з пам'яток полемічної та повчальної літератури XVI—XVII століть, з «Історії русів» та з перекладної апокрифічної літератури. Деякі тексти подано повніше: наприклад, уривок із «Слова» Іларіона, уривки з віршів Памви Беринди, Касіана Саковича; додані нові вірші Климентія Зіновієва тощо. З пам'яток полемічної літератури вперше подаються уривки з «Треноса» Мелетія Смотрицького в перекладі з польського оригіналу на сучасну українську мову (переклад зробив спеціально для нашого видання кандидат філологічних наук Л. Е. Махновець). Досі не опубліковані тексти віршів Іоана Величковського для нового видання хрестоматії люб'язно запропонував член-кореспондент Академії наук Української РСР С. І. Маслов. Новий текст «Сатири невідомого селянина», ще не друкований, підготував для хрестоматії кандидат філологічних наук Ф. Я. Шолом.

Перше видання «Хрестоматії давньої української літератури» викликало ряд прихильних рецензій у пресі і розійшлося швидко.

Упорядник хрестоматії висловлює щиру подяку усім тим, хто в пресі і листовно поділився з ним своїми побажаннями або зауваженнями.

УПОРЯДНИК

1952 р.

ПЕРЕДМОВА РЕДАКТОРА ДО ТРЕТЬОГО ВИДАННЯ

Третє видання хрестоматії виходить, на жаль, після смерті її упорядника академіка Олександра Івановича Білецького, проте покійний не раз висловлював цікаві пропозиції щодо її поліпшення з урахуванням як наукових досліджень, так і нових публікацій текстів давньої української літератури.

Готуючи до друку це видання, ми і прагнули врахувати висловлені в свій час О. І. Білецьким побажання, а також вимоги «Програми з історії давньої української літератури для філологічних факультетів університетів» (1965), складеної членом-кореспондентом АН УРСР П. М. Поповим.

В зв'язку з цим тексти творів ряду письменників, зокрема Івана Вишенського, Феофана Прокоповича, Івана Борецького, Григорія Сковороди та інтермедії до п'єс М. Довгалевського і Г. Конiського звірені з останніми науковими публікаціями.

Хрестоматію поповнено кількома новими іменами представників давнього українського письменства, які раніше в ній не подавалися. В підготовці відповідних текстів взяли участь член-кореспондент АН УРСР, доктор філологічних наук, професор П. М. Попов (підрозділ «Щоденник Якова Марковича»), кандидат філологічних наук, доцент В. Л. Микитась (підрозділ «Михайло Андрелла»), кандидат філологічних наук, доцент Ф. Я. Шолом (підрозділи «Іосиф патріарха» Лаврентія Горки», «Разговор Великороссіи с Малороссіею» Семена Дівовича», «Трагедіа... о смерти... Уроша пятого» Михайла Козачинського», а також нові тексти творів Климентія Зіновієва, Івана Некрашевича і сатиричних віршів).

1966 р.

Науковий редактор *Ф. ШОЛОМ*

ЛІТЕРАТУРА КИЇВСЬКОЇ РУСІ ТА ДОБИ ФЕОДАЛЬНОЇ РОЗДРОБЛЕНОСТІ (XI–XIV ст.)

НАЙДАВНІШІ ПАМ'ЯТКИ ПИСЕМНОСТІ

«ИЗБОРНИКИ» СВЯТОСЛАВА

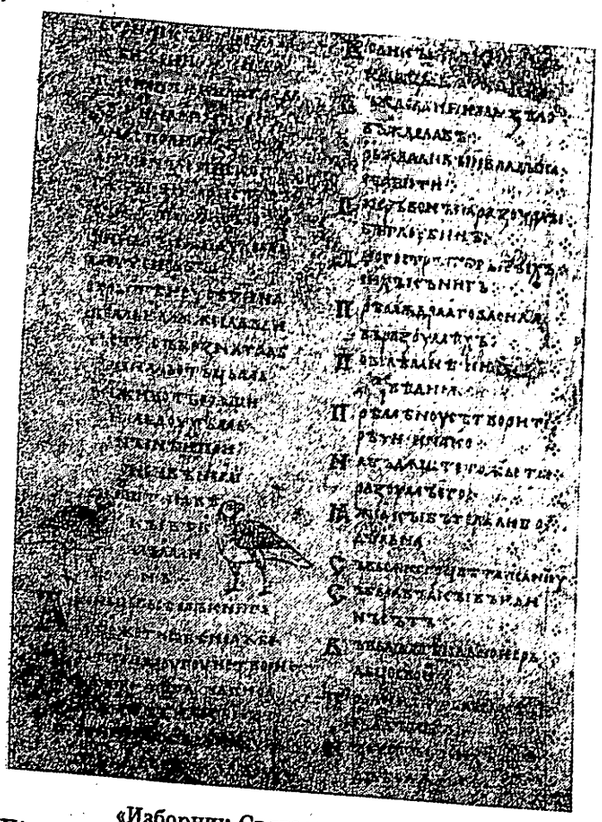
До найстаріших пам'яток писемності в Київській Русі належать два т. зв. «Изборники» 1073 і 1076 рр.— обидва переписані для київського князя Святослава Ярославовича.

Збірник 1073 р. є очевидна копія з болгарського оригіналу, що являє собою переклад з грецького, зроблений для болгарського царя Симеона (кінець IX — початок X ст.); ім'я Симеона в післямові нашого збірника просто замінено на Святослава. Склад збірника енциклопедичний, про що свідчить уже його заголовок: «Събор от мног отьць: тълкованія о неразумных словесах в еуаггелии и в апостолѣ и в инѣх книгах вкратцѣ съложено на память и на готов отвѣт» (тобто «Збірник, складений з творів багатьох отців церкви, тлумачення незрозумілих слів в євангелії і в апостолі і в інших книгах, складений коротко для пам'яті й для готової відповіді»). Але зміст збірника ще енциклопедичніший: поруч із статтями церковно-догматичними в ньому є список книжок «истинных и ложных» (канонічних і апокрифічних), уривок з популярного «поученія» Іоанна Златоуста «о злых женах», стаття Єпіфанія Кіпрського про чудодійну силу дорогоцінного каміння, довідки календарного й історичного характеру, роз'яснення філософських понять про істотне й випадкове, про рід і вид, стаття Георгія Хуровська з питань стилістики — про тропи і фігури і т. д. Рукопис прикрашений мініатюрами, на першій з яких бачимо князя Святослава з родиною.

Збірник 1076 р. не такий різноманітний щодо змісту; в ньому маємо статті релігійно-моральні: про молитву, про піст, про читання книжок, повчення багатим, повчення Ксенофонта і Феодори дітям та ін. Припускають, що збірник складено в Київській Русі упорядником, який дбав про красу форми викладу, і що частина творів, які входять у збірник,— оригінальні. Можливо, у складанні збірника брав участь митрополит Іларіон, автор «Слова о законѣ и благодати». «Изборник» 1073 р. виданий «Обществом любителей древней письменности» (СПБ, 1880), «Изборник» 1076 р.— Шимановським (Варшава, 1887)[a].

---

[a] Див. також найновіше дослідження і публікацію тексту в книзі «Изборник 1076 года. Издание подготовили В. С. Гольшенко, В. Ф. Дубровина, В. П. Демьянов, Г.Ф. Нефедов. Под редакцией С. И. Коткова. Издательство «Наука», М., 1965». *(Примітка наукового редактора).*

«Изборник Святославов» 1073 р.
Післямова (Каринский, «Образцы письма...», табл. 6).

«ИЗБОРНИК СВЯТОСЛАВОВ» 1073 р.

Георьгия Хуровьска о образѣх

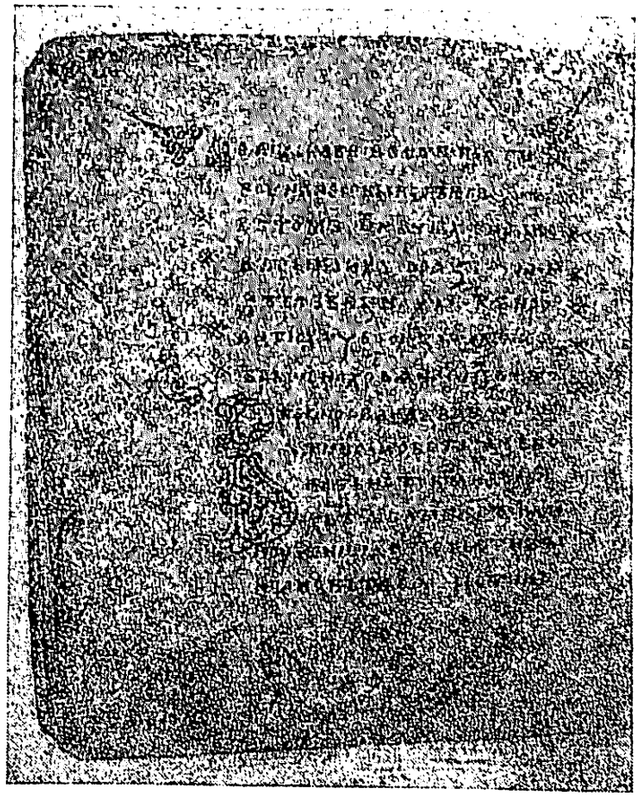
Творьчьстии образи суть 27: инословиє, прѣвод, напотрѣбиє, приятиє, прѣходьноє, възврат, съприятиє, съпятиє, именотвориє, сътворение, въименомѣстьство, отъимениє, въспятословиє, округлословиє, нестатък, изрядиє, лихорѣчье, притъча, приклад, отъданиє, лицетворьє, сълог, поруганиє, вид, послѣдословиє[а]. Толк:

1. Инословиє[1] убо єсть: ино нѣчто глаголюшти, а ин разум указаюшти: яко же єже є речено є бога к змии: «проклята ты и от всѣх звѣрии». Слово бо акы змии єсть, на диявола же инорѣчьнѣ змьємь нарицаєма разумѣваєм.

2. Прѣвод[2] же єсть слово, от иного на ино прѣводимо. Имать же образы четыри: или бо от съдушьныих на несъдушьная прѣводиться, или от несъдушьныих на съдушьная. От съдушьныих убо на съдушьная, яко же се кто царя пастуха наричеть людьм: пастух бо истовоє овьчии єсть, оба же єста съдушьна — и цѣсарь, и овьчии пастух. От бездушьных же на бездушьная, яко же се кто угль съкрыв в пепелѣ, глаголе: сѣмя огньноє сънабъдѣвъся; или речеть: мног изливається из дрѣва пламы; єже бо лиятися мокриим случається. От съдушьныих на бездушьная: єгда кто высоту горьную врьх или главу сущу нарицає; врьх бо и главу о съдушьныих истовоє нарицаєть. От бездушьныих же на съдушьная, яко же се речено є: море видѣ и бѣжа; єже бо видѣти о съдушьныих истовоє глаголеться.

...12. Отъимениє[3] же єсть єгда от одрьжаштиих одрьжимая от имене наричем. По реченууму: накажетеся вси судяштеи земли, рекъше сущим в земи, или от живушшних идеже живуть.

...24. Поруганиє[1] же є слово лицемѣрньно от супротивьнааго супротивьноє явлениє являя; поруганиє же образі 4: поруганиє, похухнаниє[2], поиграниє[2], посмьяниє[2]. И поругание єсть слово с укоръмь глаголемо, якоже се бы кто бѣгуни смѣяся р ть: доблии храбър єсть; похухнаниє же єсть слово потяжьбьно с иныимь похухпании, яко же се бы зълѣ увязъша речем похухнавъше носъмь: добро дѣло издрядьно сътворил єси друже и мудра мужя.

«Изборник Святославов» 1076 р.
Сторінка тексту (Каринский, табл. 9).

«ИЗБОРНИК СВЯТОСЛАВОВ» 1076 р.

1. *Слово ...о четіи святих книг.* Добро єсть, братиє, почитаньє книжноє, паче вьсякому хрьстьяну: блажени бо, рече[3], испытаюштии съвѣдѣния єго, вьсѣмь сердцьмь възиштють єго. Чьто бо рече: испытаюштеи съвѣдѣния єго. Єгда чьтеши книгы, не тъштися бързо пштисти до другыя главизны, нъ поразумѣи, чьто глаголють книгы и словеса та, и тришьды обращтяяся о єдиноі главизнѣ. Рече бо: в сьрдьци моємь съкрых словеса твоя, да не съгрѣшу тебѣ. Не рече: усты тъчью изглаголах, нъ и в сьрдьци съкрых, да не съгрѣшу тебѣ. И поразумѣвая убо истиньнѣ писания, правим єсть имп. Реку же: узда коневи правитель єсть и въздьржаниє: правьдьнику же книгы. Не съставить бо ся корабль без гвоздии, ни правьдник бес почитания книжьнааго: и яко же плѣньником ум стоить у родител своих, тако и правьдьнику о почитаньи книжьнѣмь. Красота воину оружиє и кораблу вѣтрила, тако и правьднику почитаниє книжьноє. Отъкрыи бо, рече, очи мои да разумѣю чюдеса от закона твоєго...

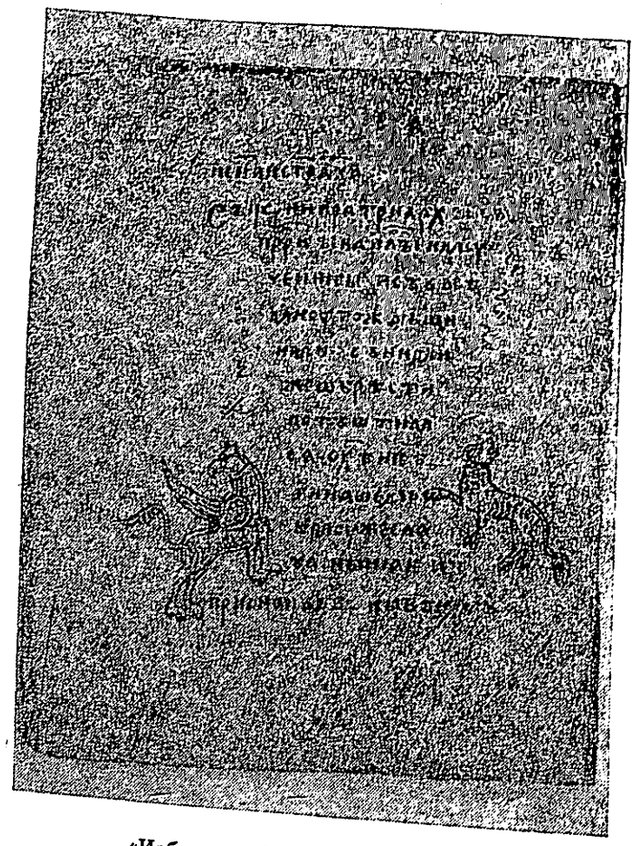
То мы, братия, поразумѣим и послушаим разумьныма ушима, и поразумѣим сплу и поучениє святых книг. Послушаи ты житья свя-

---

[а] Перелічені такі тропи і фігури: алегорія, метафора, зловживання, прийняття, зміна порядку слів, поворот, протиріччя, сполучення, ономатопея, порівняння, антономасія (заміна одного імені другим), метонімія, найменування від протилежностей, перифраз, еліпсис, плеоназм, гіпербола, парабола, приклад, повчення, персоніфікація, уподібнення, іронія, попередження.

[1] алегорія [2] метафора [3] метонімія

[1] іронія [2] різні види іронії [3] сказано (так відзначають цитати в старих пам'ятках)

«Изборник Святославов» 1076 р.
Сторінка тексту (Каринский, табл. 9).

тааго Василия и святаа-го Іоанна Златоустааго и святааго Кирила фїлософа и инѣх мног святыих, како и ти съпърва, повѣдають о них рекуште, измлада прилежааху святъх книг, тоже и на добрая дѣла подвигнушася. Вижь, како ти начятък добрым дѣлом поученіе святыих книг, да тѣми, братия, и сами подвигнѣмъся на путь жития их и на дѣла их, и поучаимъся вѣнну[1] книжьным словесьм, творяще волю их якоже велять, да и вѣчьныя жизни достоини будем, в вѣкы аминь.

2. *Ксенофонта ... еже глагола к сынома своима.* Аз, чядѣ, реку вама. Чловѣчя жития отити хоштю. Вѣста бо, како в житии семь жих без лукы[2], како от вьсѣх чьстьн бѣх и лубим, не сана ради велика, нъ ровъмь великъмь. Не укорих никого же, ни вередих, и никого же не оклеветах, ни завидѣх никомуже. Ни разгнѣвахъся ни на когоже, ни на мала, ни на велика. Не оставих церкве божия вечер, ни заутра, ни полудне. Не прѣзърѣх ништиих, ни оставих страньна и печяльна, не прѣзърѣх никъгда же, ниже в тьмьницах заключении, потрѣбьная им даях, ниже в плѣньницѣх избавих. Не помыслих на доброту чужю... Тако и вы живѣта, чядѣ мои, да и ваю бог ублажить и длъголѣтьна явить и сътворить. Убогыих посѣштяита, въдовицѣ заштиштаита, немоштьныя милуита, и осужяємыя бес правьды изьмѣта. Мир имѣита с всѣми. Паче же вьсѣх, иже в пустыни и в печерах и в пропастьх земльныих, добро творита. Поминаита манастыря, чьрноризьць стыдитася и чьтѣта, и милосрьдуита. Матери же ваю чьсть отъдаита, и вьсе добро сътворита ѥи, да господа узьрита, радуюштяся, и о томь веселитася в вѣкы. Вьсе, ѥлико имата златъмь и сребръмь и ризами, неимуштиим подаита, и в работѣ суштяя акы своя чяда лубита, и уныя милуита, и старыя свободы съподобита, пищу им до съмрьти дающя. И с проста реку: ѥже мя видѣста творяшта, и вы творита да спасетася и съподобитася святыих. Матере не забываита, волу си творита и послушаита с страхъмь господньмь. Вѣдѣ бо, яко дѣло господне дѣлаета, заповѣди господня хранита, и бог мира сего буди с вама. Аминь.

[1] заяжди [2] лукавства

ЛІТОПИСИ

ПОЧАТКОВИЙ ЛІТОПИС

(ПОВѢСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛѢТ)

Найстарішій відомій нам літописний звід Київської Русі — т. зв. «Повѣсть временных лѣт», написана на початку XII ст. (давніші зводи не збереглися). Вона починається оповіданням про розподіл землі між синами Ноя, подає відомості про розселення слов'ян взагалі й східних зокрема, про утворення в них держави, про перших руських князів і далі доводить виклад до 1110 р. Знаходиться вона в кількох літописних списках, найкращими і найстарішими з яких є Лаврентіївський (1377 р.) і Іпатіївський (початку XV ст). В Лаврентіївському списку за «Повѣстью временных лѣт» іде Суздальський літопис (до 1305 року). Іпатіївський список (від назви монастиря, де його було знайдено) містить «Повѣсть временных лѣт» (до 1110 року), Київський літопис (від 1111 до 1200 року) і літопис Галицько-Волинський (від 1201 до 1292 року).

«Повѣсть временных лѣт», крім матеріалу суто історичного, містить повісті, легенди й оповідання як фольклорного, так і книжкового походження. Фактичні відомості в ній чергуються з відгуками героїчних пісень або казок; оповідання, легенди християнського походження поєднуються з поетичними народними переказами язичеської епохи, причому літописний виклад часто переривається вставленими літературними документами самостійного значення. Як і всі кращі зразки оригінальної літератури Київської Русі, «Повѣсть временных лѣт» просякнута гарячим почуттям любові до батьківщини, глибоко патріотичною ідеєю її єдності і на своїх сторінках відтворює героїчний образ Руської землі. Проте це не перешкоджало літописцям відбивати в своїх оповіданнях протилежні інтереси різних верств тодішнього населення і класову боротьбу свого часу аж до відкритих повстань т. зв. «смердів» і міських «низів»; такими, наприклад, були повстання в Києві 1068 і 1113 років.

Нижче подаємо уривки з «Повѣсти временных лѣт» за виданням Археографічної комісії: «Повесть временных лет» по Лаврентиевскому списку», СПБ, 1910.

ПОВѢСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛѢТ

[Оповідання про подорож апостола Андрія]

Оньдрѣю учащю в Синопии и пришедшю ему в Корсунь, увѣдѣ, яко ис Корсуня близь устье Днѣпрьское, и въсхотѣ поити в Рим, и проиде в вустье Днѣпрьское, и оттоле поиде по Днѣпру горѣ, и по приключаю[1] приде и ста под горами на березѣ. И заутра въстав и рече к сущим с ним учеником: «видите ли горы сия? яко на сих горах восияеть благодать

[1] випадково

божья; имать град велик быти и церкви многи бог въздвигнути имать». И въшед на горы сия, благослови я и постави крест, и помоливъся богу, и сълѣз с горы сея, идеже послѣже бысть Киев, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде в словѣни, идеже нынѣ Новъгород, и видѣ ту люди сущая, како есть обычай им, и како ся мыють и хвощются[1], и удивися им. И иде в варяги, и приде в Рим, и исповѣда, елико научи и елико виде, и рече им: «дивно видѣх в землѣ словеньстѣ идущю ми сѣмо; видѣх бани древены, и пережьгуть я рамяно[2], и совлокуться, и будуть нази, и облѣются квасом усниямь[3], и возмуть на ся прутье младое, и бьють ся сами, и того ся добьють, едва слѣзуть лѣ живи, и облѣются водою студеною, и тако оживуть; и то творять по вся дни, не мучими никимже, но сами ся мучать, и то творять мовенье собѣ, а не мученье». Слышащеі же се дивляхуся. Оньдрѣи же, быв в Римѣ, приде в Синопию.

[Переказ про заснування Києва]

Полем же жившем особѣ и володѣющем роды своими, иже и до сее братьѣ бяху поляне, и живяху кождо с своим родом и на своих мѣстѣх, владѣюще кождо родом своим. И быша три братья, единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив, и сестра их Лыбедь. Сѣдяше Кий на горѣ, ідѣже нынѣ увоз Боричев, а Щек сѣдяше на горѣ, идѣже ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горѣ, от негоже прозвася Хоривица; и створиша град во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Киев. И бяше около града лѣс и бор велик, и бяху ловяща звѣрь, бяху мужи мудри и смыслени, и нарицахуся поляне, от нихже суть поляне в Киевѣ и до сего дне.

Ини же, не свѣдуще, рекоша, яко Кий есть перевозник был, у Кіева бо бяше перевоз тогда с оноя стороны Днѣпра, тѣмь глаголаху: на перевоз на Киев. Аще бо бы перевозник Кий, то не бы ходил Царюгороду; но се Кий княжаше в родѣ своемь; и приходившю ему ко царю, якоже сказають, яко велику честь приял есть от царя, при которомь приходив цари; идущю же ему вспять, приде к Дунаеви, възлюби мѣсто, и сруби градок мал, и хотяше сѣсти с родом своим, и не даша ему ту близь живущии; еже и донынѣ наричють Дунайци городище Киевець. Киеви же пришедшю в свой град Киев, ту живот свой сконча; и брат его Щек и Хорив и сестра Лыбедь ту скончашася.

[Оповідання про обрів]

Словѣньску же языку, якоже рекохом, живущю па Дунаи, придоша от скуф, рекше от козар, рекомии болгаре и сѣдоша по Дунаеви, и населиди словѣном быша. Посемь придоша угри бѣлии, и наслѣдиша землю словѣньску; си бо угри почаша быти при Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя перьскаго. В си же времяна быша и обри, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша. Си же обри воеваху на словѣнѣх, и примучиша дулѣбы, сущая словѣны, и насилье творяху женам дулѣбьским: аще поѣхати будяше обърину, не дадяше въпрячи коня ни вола,

[1] шмагають себе [2] сильно [3] кислотою для оброблення шкіри

но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли жен в телѣгу и повести обърѣна, и тако мучаху дулѣбы. Быша бо Обърѣ тѣлом велици и умомь горди, и бог потреби я, и помроша вси, и не остася ни един обърин, и есть притъча в Руси и до сего дне: погибоша аки обрѣ; ихже нѣсть племени ни наслѣдъка. По сих же придоша печенѣзи; паки идоша угри чернии мимо Киев, послѣже при Олвѣ.

[Про хозарів]

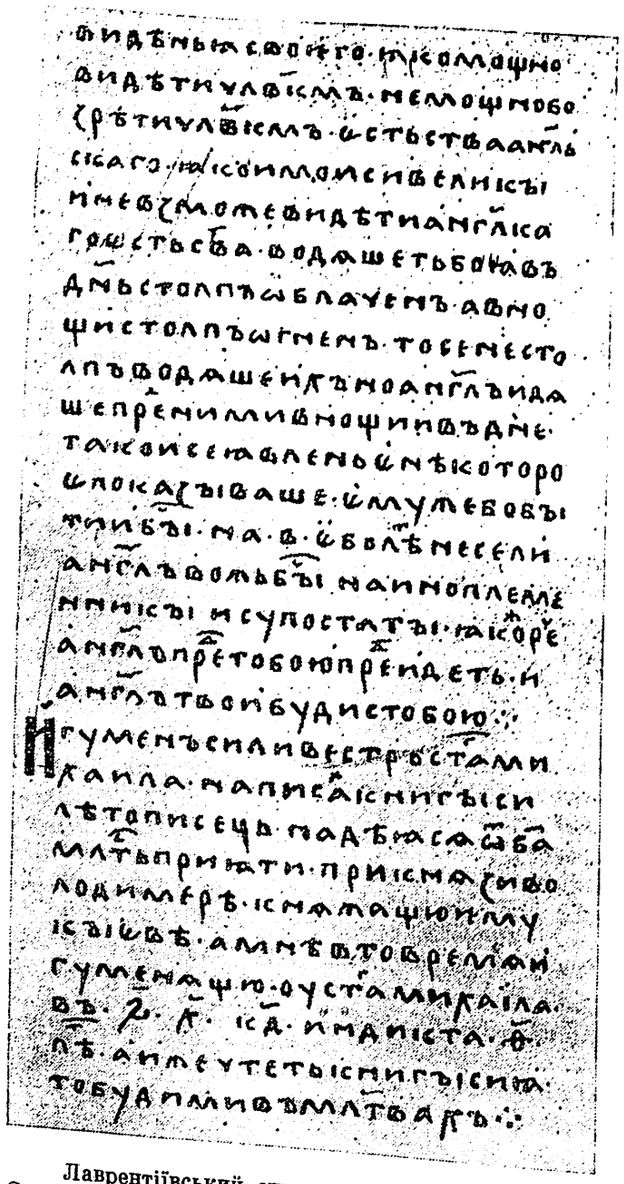
По сих же лѣтѣх, по смерти братьѣ сея быша обидимы древлями и иньми околними, и наидоша я козарѣ, сѣдящая на горах сил в лѣсѣх, и рѣша козари: «платите нам дань». Съдумавше же поляне и вдаша от дыма[1] мечь, и несоша козари ко князю своему и к старѣйшинам своим, и рѣша им: «се, налѣзохом дань нову». Они же рѣша им: «откуду?» Они же рѣша: «в лѣсѣ на горах над рѣкою Днѣпрьскою». Они же рѣша: «что суть вьдали?» Они ж показаша мечь. И рѣша старци козарьстии: «не добра дань, княже! ми ся доискахом[2] оружьемь одиною стороною остромь[3], рекше саблями, а сих оружье обоюду остро, рекше мечь; си имуть имати дань на нас и на инѣх странах». Се же сбысться все; не от своея воля рекоша, но от божья повелѣнья...

[Про початок слов'янської писемності]

...Бѣ един язык словѣнеск: словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, ихже пріяша угри, и морава, и чеси, и ляхове и поляне, яже нынѣ зовомая Русь. Сим бо первое преложены книги, моравѣ, яже прозвася грамота словѣньская, яже грамота есть в Руси и в болгарѣх дунайских.

Словѣном живущим крещеным и князем их, Ростислав, и Святополк и Коцел послаша ко царю Михаилу, глаголюще: «земля наша крещена, и нѣсть у нас учителя, иже бы ны наказал, и поучал нас и протолковал святыя книги; не разумѣем бо ни гречьску языку, ни латыньску; они бы ны инако учать, а они бо ны и инако; тѣмже не разумѣем книжнаго образа ни силы их. И послѣте ны учителя, иже ны могуть сказати книжная словеса и разум их». Се слышав царь Михаил, и созва философы вся, и сказа им рѣчи вся словѣньских князь. И рѣша философи: «есть мужь в Селуни, именем Лев, и суть у него сынове разумиви языку словѣньску, хитра 2 сына у него философа». Се слышав царь, посла по ня в Селунь ко Львови, глаголя: «посли к нам въскорѣ сына своя, Мефодия и Костянтина»[4]. Се слышав Лев, въскорѣ посла я, и придоста ко цареви, и рече има: «се прислалася ко мнѣ словѣнська земля, просящи учителя собѣ, иже бы могл им протолковати святыя книги; сего бо желают». И умолена быста царем, и посла я в словѣньскую землю к Ростіславу, и Святополку и Къцьлови. Сима же пришодъшема, начаста съставляти писмена азъбуковьная словѣньски, и преложиста апостол и еуангелье; и ради быша словѣни, яко слышаша величья божия своимь языкомь. Посемь же преложиста псалтырь, и охтаик[5], и прочая книги. И всташа

[1] від кожного житла [2] здобули [3] зброєю, загостреною з одного боку [4] тобто Кирила, як він став зватися монахом [5] Октоїх — церковна книжка

Лаврентіївський список літопису, 1377 р.
Сторінка тексту з післямовою редактора «Повѣсти...» Сильвестра, 1116 р.

нѣции на ня, рощюще и глаголюще: «яко не достоить ни которому же языку имѣти букъв своих, развѣ еврѣи, и грек и латин, по Пилатову писанью, еже на крестѣ господни написа». Се же слышав папежь римьский, похули тѣх, иже ропьщуть на книги словеньския, река: «да ся исполнить книжное слово, яко въсхвалять бога вси языци, другое же: вси възглаголють языки величья божья, якоже дасть им святый дух отвѣщевати; да аще кто хулить словѣньскую грамоту, да будеть отлучен от церкве, донде ся исправить; ти бо суть волци, а не овца, яже достоить от плода знати я и хранитися их. Вы же, чада божья, послушайте ученья и не отринте наказанья церковнаго, якоже вы наказал Мефодий, учитель вашь». Костянтин же възвратися въспять, и иде учить болгарьскаго языка, а Мефодий оста в Моравѣ. Посемь же Коцел князь постави Мефодья епископа в Пании, на столѣ святаго Онъдроника апостола, единого от 70, ученика святаго апостола Павла. Мефодий же посади два попа скорописца зѣло, и преложи[1] вся книги исполнь от гречьска языка в словѣнеск 6-ю мѣсяць, начен от марта мѣсяца до двудесяту и 6-ю день октября мѣсяца. Оконьчав же, достойну хвалу и славу богу въздасть, дающему таку благодать епископу Мефодью, настольнику Анъдроникову. Тѣмже словѣньску языку учитель есть Анъдроник апостол, и моравы бо

[1] переклад

ходіли и апостол Павел учил ту; ту бо есть Илюрик, егоже доходил апостол Павел, ту бо бѣша словене первое. Тѣмже и словеньску языку учитель есть Павел, от негоже языка и мы есмо, Русь, тѣмъже и нам Руси учитель есть Павел, понеже учил есть язык словѣнеск и поставил есть епископа и намѣсника по себѣ Андроника словеньску языку. А словеньскый язык и рускый одно есть, от варяг бо прозвашася Русью, а первое бѣша словене; аще и поляне звахуся, но словеньскаа рѣчь бѣ. Полями же прозвани быша, зане в поли сѣдяху, а язык словенски им един.

[Похід Олега на Царград]

В лѣто 6415[1] [907]. Иде Олег на грекы, Игоря оставив Киевѣ; поя же множество варяг, и словен, и чюдь, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и сѣверо, и вятичи, и хорваты, и дулѣбы, и тиверци, ке суть толковины[2]: си вси звахуться от грек Великая Скуфь. И с сими со всѣми поиде Олег на конех и на кораблех, и бѣ числом кораблей 2000, и пріиде к Цариграду; и греци замкоша Суд[3], а град затвориша. И выиде Олег на брег и воевати нача, и много убийство сотвори около града греком, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви; а ихже имаху плѣнникы, овѣх посекаху, другиа же мучаху, иныя же растреляху, а другыа в море вметаху, и ина многа зла творяху Русь греком, еликоже ратнии творять. И повелѣ Олег воем своим колеса издѣлати и воставити на колеса корабля, и бывшю покосну вѣтру[4], въспяша парусы с поля, и идяше к граду. И видѣвше греци и убоямася, и рѣша выславше ко Олгови: «не погубляй града, имемъся по дань[5], якоже хощеши». И устави Олег воя, и вынесоша ему брашно и вино, и не пріа его; бѣ бо устроено со отравою. И убояшася греци, и рѣша: «нѣсть се Олег, но святый Дмитрей, послан на ны от бога». И заповѣда Олег дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривен на человѣк, а в корабли по 40 мужь; и яшася греци по се, и почаша греци мира просити, дабы не воевал грецкые земли. Олег же мало отступив от града, нача мир творити со царьма грецкима, со Леоном и Александром, посла к нима в град Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида, глаголя: «имѣте ми ся по дань». И рѣша греци: «чего хощеши, дамы ти». И заповѣда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь, и потом даяти уклады на рускыа грады: первое на Киев, таже на Чернигов, і на Переаславль, і на Полтѣск, і на Ростов, і на Любечь и на прочаа городы, по тѣм бо городом седяху велиции князи, под Олгом суще; «да приходячи Русь слюбное емлють, елико хотячи, а иже придут гости, да емлють мѣсячину на 6 мѣсяць, хлѣб, и вино, и мясо, и рыбы и овощь; и да творять им мовь, елико хотять; поидучи же домовь, в Русь, да емлють у царя нашего на путь брашно, и якори, и ужа и парусы, и елико ім надобе». И яшася греци и рѣста царя и боярьство все: «аще приидуть Русь бес купли, да не взимають мѣсячины; да запретить князь словом своим приходящим Руси здѣ, да не творять пакости в селѣх в странѣ нашей; приходяще Русь да витають у святаго Мамы, и послеть царьство наше, и да испишють имена их, и тогда возмуть

[1] від «створення світу»; за сучасним літочисленням—907 р. [2] іноземці [3] затока «Золотий ріг» [4] коли був погожий вітер [5] дамо данину

436790

мѣсячное свое,— первое от города Киева, и паки ис Чернигова и ис Переаславля, и прочии гради; и да входять в град одними вороты со царевым мужем, без оружья, мужь 50, и да творять куплю, якоже им надобе, не платяче мыта ни в чем же». Царь же Леон со Олександром мир сотвориста со Олгом, имшеся по дань и ротѣ заходивше [1] межы собою, целовавше сами крест, а Олга водивше на роту, и мужи его по рускому закону кляшася оружьем своим, и Перуном, богом своим, и Волосом, скотьем богом, и утвердиша мир». И рече Олег: исшийте парусы паволочиты Руси, а словеном кропиньныя [2], и бысть тако; и повѣси щит свой в вратех, показуя побѣду, и поиде от Царяграда. И восняша Русь парусы паволочиты, а словене кропиньны и раздра а вѣтр; и рѣша словени: «имемся своим толстинам [3], не даны суть словѣном прѣ паволочиты». И приде Олег к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина и всякое узорочье. И прозваша Олга вѣщій: бяху бо людие погани и невѣголоси.

[Смерть Олега]

...И живяше Олег мир имѣа ко всѣм странам, княжа в Киевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олег конь свой, иже бѣ поставил кормити и не вседати на нь, бѣ бо въпрашал волъхвов и кудесник: «от чего ми есть умрети?» и рече ему кудесник один: «княже! конь, егоже любиши и ѣздиши на нем, от того ти умрети». Олег же приим в умѣ, си рече: «николиже всяду на нь, ни вижу его боле того»; и повелѣ кормити й и не водити его к нему, и пребы нѣколико лѣт не видѣ его, дондеже на грекы иде. И пришедшу ему к Кыеву и пребывшю 4 лѣта, на пятое лѣто помяну конь, от негоже бяхуть рекли волсви умрети, и призва старейшину конюхом, рече: «кое есть конь мъй, егоже бѣх поставил кормити и блюсти его?» Он же рече: «умерл есть». Олег же посмѣася и укори кудесника, река: «то ти неправо глаголють волъсви, но все лжа есть: конь умерл есть, а я жив». И повелѣ оседлати конь: «а то вижю кости его». И приде на мѣсто, идѣже бѣша лежаще кости его голы и лоб гол, и ссѣде с коня, и посмеяся рече: «от сего ли лба смьрть было взяти мнѣ?» и въступи ногою на лоб; и выникнувши змиа изо лба, и уклюну [4] в ногу. и с того розболѣся и умре. И плакашася людие вси плачем великим, и несоша и погребоша его на горѣ, еже глаголеться Щековица; есть же могила его и до сего дни, словеть могыла Ольгова. И бысть всѣх лѣт княженіа его 33.

[Смерть Ігоря і помста Ольги]

В лѣто 6453 [945]. В се же лѣто рекоша дружина Игореви: «отроці Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьем и порты, а мы нази; поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы». И послуша их Игорь, иде в деревá [5] в дань, и примышляше [6] к первой дани, и насиляше им и мужи его; возьемав дань, поиде в град свой. Идущу же ему въспять, размыслив рече дружинѣ своей: «идѣте с данью домови, а я возъвращаюся, похожю

[1] заприсяглися [2] пошийте Русі паруси з тонкої тканини, а слов'янам шовкові [3] груба тканина [4] ужалила [5] на деревлян [6] додав

Олег під Царградом. Мініатюра з Радзівілівського списку літопису, XV ст. (з фототипічного видання).

и еще». Пусти дружину свою домови, с малом же дружины возъвратися, желая больша имѣнья. Слышавше же деревляне, яко опять идеть, сдумавше со князем своим Малом: «аще ся въвадить волк в овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьють его; тако и се, аще не убьем его, то вся ны погубить»; и послаша к нему глаголюще: «почто идеши опять? поимал еси всю дань». И не послуша их Игорь, и вышедше из града Изъкоръстѣня деревляне убиша Игоря и дружину его; бѣ бо их мало. И погребен бысть Игорь, и есть могила его у Искоръстѣня града в деревѣх и до сего дне. Вольга же бяше в Киевѣ с сыном своим с дѣтьском Святославом, и кормилець его Асмуд, и воевода бѣ Свѣнелд, тоже отець Мистишин. Рѣше же деревляне: «се князя убихом рускаго; поимем жену его Вольгу за князь свой Мал и Святослава, и створим ему, якоже хощем». И послаша деревляне лучьшие мужи, число 20, в лодьи к Ользѣ, и приставша под Боричевым в лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы киевьския, и на подольи не сѣдяху людье, но на горѣ; град же бѣ Киев, идеже есть нынѣ двор Гордятин и Никифоров, а двор княжь бяше в городѣ, идеже есть нынѣ двор Воротиславль и Чюдин, а перевѣсище бѣ внѣ града, и бѣ внѣ града двор другый, идѣже есть двор Демьстиков за святою богородицею; над горою двор теремный, бѣ бо ту терем камен. И повѣдаша Ользѣ, яко деревляне придоша, и возва я̀ Ольга к собѣ и рече им: «добри гостье придоша»; и рѣша деревляне: «придохом, княгине». И рече им Ольга: «да глаголете, что ради придосте сѣмо?» Рѣша же деревляне: «посла ны дерьвьска земля, рекущи сице: мужа твоего убихом, бяше бо мужь твой аки волк восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли[1] суть деревьску землю, да поиди за князь нашь за Мал»; бѣ бо имя ему Мал, князю дерьвьску. Рече же им Ольга: «люба ми есть рѣчь ваша, уже мнѣ мужа своего не крѣсити; но хочю вы почтити наутрия пред людьми своими, а ныне идѣте в лодью свою, и лязите в лодьі величающеся, и аз утро послю по вы, вы же рьцѣте: не едем на конѣх, ни пѣши идем, но понесѣте ны в лодьѣ; и вънесуть вы в лодьи»; и отпусти я в лодью.

Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремьстѣм, внѣ града. И заутра Волга, сѣдяши в теремѣ, посла по гости, и придоша к ним, глаголюще: «зоветь вы Ольга на честь велику». Они же рѣша: «не едем на коних, ни на возѣх, ни пѣши идем, понесѣте ны в лодьи». Рѣша же кияне «нам неволя; князь нашь убьен, а княгини наша хочет за вашь князь»; и понесоша я̀ в лодьи. Они же сѣдяху в перегъбѣх[2] в великих сустугах[3] гордящеся; и принесоша я́ на двор к Ользѣ и, несъше, вринуша е́ в яму и с лодьею. Приникъши Ольга и рече им: «добра ли вы честь?» они же рѣша: «пуще ны Игоревы смерти»; и повелѣ засыпати я̀ живы, и посыпаша я̀. И пославши Ольга к деревляном, рече им: «да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да в велицѣ чти приду за вашь князь, еда не пустять мене людье киевьстии». Се слышавше деревляне, избраша лучьшие мужи, иже дерьжаху деревьску землю, и послаша по ню. Деревляном же пришедъшим, повелѣ Ольга мовь створити, рькуще сіце: «измывшеся придите ко мнѣ». Они же пережьгоша истопку[4], и влѣзоша деревляне, начаша ся мыти; и запроша о

[1] врятували [2] підпершись у боки [3] металеві застіжки [4] в даному разі — лазню

пих истобъку[1], и повелѣ зажечи я̀ от дверий, ту изгорѣша вси. И посла к деревляном, рькущи сице: «се уже иду к вам, да пристройте меды многи в градѣ, идеже убисте мужа моего, да поплачюся над гробом его, и створю трызну мужю своему». Они же то слышавше, съвезоша меды многи зѣло, и възвариша. Ольга же, поимши мало дружины, легъко идущи приде к гробу его, и плакася по мужи своем; и повелѣ людем своим съсути[2] могилу велику, и яко соспоша, и повелѣ трызну творити. Посемь сѣдоша деревляне пити, и повелѣ Ольга отроком своим служити пред ними; и рѣша деревляне к Ользѣ: «кдѣ суть дружина наша, ихъже послахом по тя?» она же рече: «идуть по мнѣ с дружиною мужа моего». И яко упишася деревляне, повелѣ отроком своим пити на ня, а сама отъиде кромѣ, и повелѣ дружинѣ своей сѣчи деревляны; и исѣкоша их 5000. А Ольга возъвратися Киеву, и цристрои вои на прок их.

[Нача княженья Святославля сына Игорева]

В лѣто 6454 [946]. Ольга с сыном своим Святославом собра вои многи и храбры, и иде на дерьвьску землю. И изидоша деревляне противу, и сънемъшемася обѣма полкома на скупь, суну[3] копьем Святослав на деревляны, копье летѣ сквозѣ уши коневи, и удари в ноги коневи, бѣ бо дѣтеск. И рече Свѣнелд и Асмолд: «князь уже почал: потягнѣте, дружина, по князѣ». И побѣдиша деревляны, деревляне же побѣгоша и затворишася в градѣх своих. Ольга же устремися с сыном своим на Искоростѣнь град, яко тѣе бяху убили мужа ея, и ста около града с сыном своим, а деревляне затворишася в градѣ, и боряхуся крѣпко из града, вѣдѣху бо, яко сами убили князя и на что ся предати. И стоя Ольга лѣто, и не можаше взяти града, и умыслі сице: посла ко граду, глаголющи: «что хочете досѣдѣти? а вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ своя; а вы хочете изъмерети гладом, не имучеся по дань». Деревляне же рекоша: «ради ся бырети гладом, не имучеся по дань, но хощеши мьщаті мужа своего». Рече же им Ольга: «яко аз мьстіла уже обиду мужа своего, когда придоша Киеву, второе, и третьее когда творих трызну мужеви своему; а уже не хощю мъщати, но хощю дань имати помалу, и смирившися с вами поиду опять». Рекоша же деревляне: «што хощеши у нас? ради даем медомь и скорою». Она же рече им: «нынѣ у вас нѣсть меду, ни скоры, но мало у вас прошю: дадите ми от двора по 3 голуби да по 3 воробьи; аз бо не хощю тяжьки дани възложити, якоже и мужь мой, сего прошю у вас мало, вы бо есте изънемогли в осадѣ, да сего у вас прошю мала». Деревляне же ради бывше, и собраша от двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша к Ользѣ с поклоном. Вольга же рече им: «се уже есте покорилися мнѣ и моему дѣтяти, а идѣте в град а я заутра отступлю от града, и поиду в градо-сьй». Деревляне же ради бывше внидоша в град, и повѣдаша людем, и обрадовашася людье в градѣ. Волга же раздая воем по голуби комуждо, а другим по воробьеви, и повелѣ к коемуждо голуби и к воробьеви привязывати цѣрь[4], обертывающе в платки малы, нитъкою повързывающе[5] к коемуждо их; и повелѣ Ольга, яко смерчеся, пустити голуби и воро-

[1] в даному разі — лазню [2] насипати [3] метнув [4] сірку [5] прив'язуючи

бьи воем своим. Голуби же и воробьеве полетѣша в гнѣзда своя, голуби в голубники, врабьѣве же под стрѣхи; и тако възгарахуся голубьници, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины[1], и не бѣ двора, идеже не горяше, и не бѣ льзѣ гасити, вси бо двори възгорѣшася. И побѣгоша людье из града, и повелѣ Ольга воем своим имати а, яко взя град и пожьже и; старѣйшины же града изънима, и прочая люди овых изби, а другия работѣ предасть мужѣм своим, а прок их остави платити дань. И възложи на ня дань тяжьку; 2 части дани идета Киеву, а третьяя Вышегороду к Ользѣ; бѣ бо Вышегород град Вользин. И иде Вольга по Дерьвьстѣй земли с сыном своим и с дружиною, уставляющи уставы и уроки; и суть становища еѣ и ловища. И приде в град свой Киев с сыном своим Святославом.

[Оповідання про князя Святослава]

В лѣто 6472 [964]. Князю Святославу възрастъшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легъко ходя, аки пардус[2], войны многи твореше. Ходя воз по собѣ не возяше, ни котьла, ни мяс варя, но потонку изрѣзав конину ли, звѣрину ли или говядину на углех испек ядяше, ни шатра имяше, но подъклад[3] постлав и сѣдло в головах; такоже и прочии вои его вси бяху. И посылаше к странам, глаголя: «хочю на вы ити». И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе вятичи, и рече вятичем: «кому дань даете?» они же рѣша: «козаром по щьлягу[4] отъ рала[5] даем».

В лѣто 6473 [965]. Иде Святослав на козары; слышавше же козари, изидоша противу с князем своим каганом, и съступишася битися, и бывши брани, одолѣ Святослав козаром и град их Бѣлу Вежю взя. И ясы побѣди и касогы.

В лѣто 6474 [966]. Вятичи побѣди Святослав, и дань на них възложи.

В лѣто 6475 [967]. Иде Святослав на Дунай на болгары. И бившемъся обоим, одолѣ Святослав болгаром, и взя город 80 по Дунаеви, и сѣде княжа ту в Переяславци, емля дань на грьцѣх.

В лѣто 6476 [968]. Придоша печѣнези на Руску землю первое, а а Святослав бяше Переяславци, и затворися Волга в градѣ со унуки своими, Ярополком и Ольгом и Володимером, в градѣ Киевѣ. И оступиша[6] печенѣзи град в силѣ велицѣ, бещислено множьство около града, и не бѣ льзѣ из града вылѣсти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людье гладом и водою. Собравшеся людье оноя страны Днѣпра в лодьях, об ону страну стояху, и не бѣ льзѣ внити в Киев ни единому их, ни из града к онѣм. И въстужиша людье в градѣ и рѣша: «нѣсть ли кого, иже бы могл на ону страну дойти и рещи им: аще не подступите заутра, предатися имамы печенѣгом?» И рече един отрок: «аз преиду»; и рѣша: «иди». Он же изиде из града с уздою, и ристаше сквозѣ печенѣги, глаголя: «не видѣ ли коня никтоже?» бѣ бо умѣя печенѣжьски, и мняхуть и своего. И яко приближися к рѣцѣ, сверг порты сунуся в Днѣпр, и побреде; видѣвше же печенѣзи, устремишася на нь, стрѣляюще его, и не могоша ему ничтоже створити. Они же видѣвше с оноя страны, и приѣхаша в лодьи противу ему, и взяша и в лодью и прівезоша и к дружинѣ; и рече

[1] сінники [2] барс [3] пітник під сідлом [4] назва грошей [5] від сохи, плуга [6] обступили

им: «аще не подступите заутра к городу, предатися хотять людье печенѣгом». Рече же воевода их, имянем Прѣтичь: «подъступим заутра в лодьях и попадше[1] княгиню и княжичѣ умчимъ на сю страну; аще ли всѣсего не створим, погубити ны имать Святослав». Яко бысть заутра, всѣдъше в лодьи противу свѣту и въструбиша вельми, и людье в градѣ клидиша; печенѣзи же мнѣша князя пришедша, побѣгоша разно от града; и изиде Ольга со унуки и с людми к лодьям. Видѣв же се князь печенѣжьский, възратися едии к воеводѣ Прѣтичю и рече: «кто се приде?» и рече ему: «людье оноя страны». И рече князь печенѣжьский: «а ты князь ли еси?» он же рече: «аз есмь мужь его, и пришел есмь в сторожѣх, и по мнѣ идеть полк со князем, бес числа множьство»; се же рече, грозя им. Рече же князь печенѣжьский к Прѣтичю: «буди ми друг»; он же рече: «тако створю». И подаста руку межю собою, и въдасть печенѣжьский князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы; он же дасть ему бронѣ, щит, мечь. И отступиша печенѣзи от града, и не бяше льзѣ коня напоити: на Лыбеди печенѣзи. И послаша княне к Святославу, глаголюще: «ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабив, малы бо нас не взяша печенѣзи, и матерь твою и дѣти твои; аще не поидеши, ни обранишн нас, да паки ны возмуть, аще ти не жаль отчины своея, ни матере, стары суща, и дѣтей своих». То слышав Святослав вборзѣ всѣде на конѣ с дружиною своею, и приде Киеву, цѣлова матерь свою и дѣти своя, и съжалися о бывшем от печенѣг; и собра вои, и прогна печенѣги в поли, и бысть мир.

В лѣто 6477 [969]. Рече Святослав к матери своей и к боляром своим: «не любо ми есть в Киевѣ быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся: от грек злато, паволоки, вина и овощеве розноличныя, из чех же, изь угорь сребро и комони, из Руси же скора и воск, мед и челядь». Рече ему Волга: Видиши мя болну сущю; камо хощеши от мене ити?» бѣ бо разболѣлася уже; рече же ему: «погреб мя иди, яможе хочещи». По трех днех умре Ольга, и плакася по ней сын ея, и внуци ея и людье вси плачем великомь, и несоша и погребоша ю на мѣстѣ; и бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны над собою, бѣ бо имущи презвутер, сей похорони блаженую Ольгу...

В лѣто 6479 [971]. Приде Святослав в Переяславець, и затворишася болгаре в градѣ. И излѣзоша болгаре на сѣчю противу Святославу, и бысть сѣча велика, и одоляху болъгаре; и рече Святослав воем своим: «уже нам сде пасти; потягнем мужьски, братья и дружино!» И к вечеру одолѣ Святослав, и взя град копьем, и посла к греком, глаголя: «хочю на вы ити и взяти град вашь, яко и сей». И рѣша грьци: «мы недужи противу вам стати, но возми дань на нас, и на дружину свою, и повѣжьте ны, колько вас, да вдамы по числу на главы». Се же рѣша грьци, льстяче под Русью; суть бо греци лстивы и до сего дни. И рече им Святослав: «есть нас 20 тысящь» и приреченѣ[2] 10 тысящь, бѣ бо Руси 10 тысящь толко. И пристроиша грьци 100 тысящь на Святослава, и не даша дани; и поиде Святослав на греки, и изидоша противу Руси. Видѣвше же Русь убояшася зѣло множьства вой, и рече Святослав: «уже нам нѣкамо ся

[1] захопивши [2] прибавив, додав

дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрамим землѣ Рускіѣ, но ляжем костьми ту, мертвыи бо срама не имам, аще ли побѣгнем, срам имам; ни имам убѣжати, но станем крѣпко, аз же пред вами поиду; аще моя глава ляжет, то промыслите собою»; и реша вои: «идеже глава твоя, ту и свои главы сложим». И исполчишася Русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святослав, и бѣжаша грьци; и поиде Святослав ко граду, воюя и грады разбивая, яже стоять и до днешняго дне пусты. И созва царь боляре своя в полату, и рече им: «что створим, яко не можем противу ему стати?» И рѣша ему боляре: «посли к нему дары, искусим и́, любьзнив[1] ли есть злату, ли паволокам?» И посла к нему злато, и паволоки, и мужа мудра; рѣша ему: «глядай взора, и лица его и смысла его»; он же взем дары, приде к Святославу. И повѣдаша Святославу, яко придоша грьци с поклоном и рече: «въведѣте я́ сѣмо». Придоша, и поклонишася ему, и положиша пред ним злато и паволоки; и рече Святослав, кромѣ зря[2], отроком своим: «схороните». Они же придоша ко царю, и созва царь боляры, рѣша же послании: «яко придохом к нему, и вдахом дары, и не возрѣ на ня, и повелѣ схоронити». И рече єдін: «искуси и́ еще, посли ему оружье». Они же послушаша его, и послаша ему мечь и ино оружье, и принесоша к нему; он же приим, нача хвалити, и любити, и целовати царя. Придоша опять ко царю, и повѣдаша ему вся бывшая, и рѣша боляре: «лют се мужь хощет быти, яко имѣнья не брежеть, а оружье емлеть; имися по дань». И посла царь глаголя сице: «не ходи к граду, возьми дань, еже хощеши»; за малом бо бѣ не дошел Царяграда. И даша ему дань; имашеть же и за убьеныя, глаголя: «яко род его возметь». Взя же и дары многы, и възратися в Переяславець с похвалою великою. Видѣв же мало дружины своея, рече в собѣ: «еда како прельстивше изъбьють дружину мою и мене», бѣша бо многи погибли на полку[3]; и рече: «поиду в Русь, приведу боле дружины»...

Створив же мир Святослав с греки, поиде в лодьях к порогом, и рече ему воевода отень Свѣналд: «поиди, княже, на коних около, стоять бо печенѣзи в порозѣх». И не послуша его, и поиде в лодьях, и послаша переяславци к печенѣгом, глаголюще: «се идеть вы Святослав в Русь, взем имѣнье много у грек и полон бещислен, с малом дружины». Слышавше же се печенизи, заступиша пороги; и приде Святослав к порогом, и не бѣ лзѣ проити порог; и ста зимовати в Бѣлобережьи, и не бѣ у них брашна уже, и бѣ глад велик, яко по полугрівнѣ глава коняча, и зимова Святослав ту. Веснѣ же приспѣвши, в лѣто 6480, поиде Святослав в пороги и нападе на нь Куря, князь печенѣжьский, и убиша Святослава, и взяша главу его, и во лбѣ его съдѣлаша чашю, оковавше лоб его, и пьяху из него. Свѣналд же приде Кіеву к Ярополку. И всѣх лѣт княженья Святослава лѣт 20 и 8.

[Одруження Володимира з Рогнідою і боротьба з Ярополком]

В лѣто 6488 [980]. Приде Володимир с варяги Ноугороду, и рече посадником Ярополчим: «идѣте к брату моему и рцѣте ему: Володимер ти идеть на тя, пристраивайся противу битъся». И сѣде в Новѣгородѣ.

[1] небайдужий, схильний [2] не дивлячись [3] в поході

И посла ко Рогъволоду Полотьску, глаголя: «хочю пояти дщерь твою собѣ женѣ». Он же рече дщери своей: «хочеши ли за Володимера?» она же рече: «не хочю розути робичича, но Ярополка хочю». Бѣ бо Рогъволод прішел из заморья, имяше власть свою в Полотьскѣ, а Туры Туровѣ, от негоже и туровци прозвашася. И придоша отроци Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину, дщери Рогъволожѣ, князя Полотьского; Володимер же собра вои многи, варяги и словѣни, чюдь и кривичи, и поиде на Рогъволода. В се же время хотяху Рогънѣдь вести за Ярополка; и приде Володимер на Полотеск, и уби Рогъволода и сына его два, и дъчерь его поя женѣ, и поиде на Ярополка. И приде Володимер Киеву с вои многи, и не може Ярополк стати противу, и затворися Киевѣ с людми своими и с Блудом; и стояше Володимер обрывся[1] на Дорогожичи, ме Дорогожичем и Капичем, и есть ров и до сего дне. Володимер же посла к Блуду, воеводѣ Ярополчю, с лестью глаголя: «поприяй[2] ми; аще убью брата своего, имѣти тя хочю во отца мѣсто, и многу честь возьмешь от мене: не яз бо почал братью бити, но он; аз же того убоявься, придох на нь». И рече Блуд к послом Володимеремь: «аз буду тобѣ в сердце и в приязньство». О злая лесть человѣческа! Якоже Давыд глаголеть: ядыи хлѣб мой възвеличил есть на мя лесть. Се бо лукавьствоваше на князя своего лестью. И паки: языки своими льстяхуся; суди им, боже, да отпадуть от мыслий своих, по множьству нечестья их изрини и́, яко прогнѣваша тя, господи. И пакі тойже рече Давыд: мужь в крови льстив не припловить дний своих[3]. Се есть совѣт зол, иже свѣщевають на кровопролитье; то суть неистовии, иже приемше от князя или от господина своего честь ли дары, ти мыслять о главѣ князя своего на пагубленье, горьше суть бѣсов таковии: як же Блуд преда князя своего, и приим от него чьти многи, се бо бысть повинен крови той. Се бо Блуд затворися с Ярополком, льстя ему, слаше к Володимеру часто, веля ему пристряпати к граду бранью, а сам мысля убити Ярополка; гражаны же не бѣ лзѣ убити его. Блуд же не възмог, како бы погубити и́, замысли лестью, веля ему ни излазити на брань из града; рече же Блуд Ярополку: «Кияне слются к Володимеру, глаголюще: приступай к граду, яко предамы ти Ярополка; побѣгни за град». И послуша его Ярополк и изъбѣг пред ним затворися в градѣ Родьни на усть Рси рѣки, а Володимер вниде в Киев, и осѣде[4] Ярополка в Роднѣ, и бѣ глад велик в нем и есть притча до сего дне: бѣда аки в Роднѣ. И рече Блуд Ярополку: «видиши, колько вой у брата твоего? нама их не переборотн; твори мир с братом своим»; льстя под ним се рече. И рече Ярополк: «так буди». И посла Блуд к Володимеру, сице глаголя: «яко сбысться мысль твоя, яко пріведу к тобѣ Ярополка, и пристрой убити и́». Володимер же то слышав, въшед в двор теремный отень, о немже преже сказахом, сѣде ту с вои и с дружиною своею; и рече Блуд Ярополку: «поиди к брату своему и рьчи ему: что ми ни вдаси, то яз прииму». Поиде же Ярополк, и рече ему Варяжько: «не ходи, княже, убьють тя; побѣгни в Печенѣги и приведеши вои»; и не послуша его. И приде Ярополк к Володимеру; яко полѣзе в двери, и подъяста и́ два варяга мечьми под пазусѣ, Блуд же затвори двери и не да по нем ити своим; и тако убьен

[1] окопавшись [2] сприяй [3] не дійде середнього віку [4] обложив

бысть Ярополк. Варяшко же видѣв, яко убьен бысть Ярополк, бѣжа с двора в печенѣги, и много воева Володимера с печенѣгы, одва приваби и́, заходив к нему ротѣ[1]. Володимер же залеже[2] жену братыню грекиню, и бѣ нездраднa[3], от неяже родися Святополк. От грѣховьнаго бо корени зол плод бываеть: понеже бѣ была мати его черницею, а второе, Володимер залеже ю не по браку, прелюбодѣйичичь бысть убо; тѣмь и отець его не любяше, бѣ бо от двою отцю, от Ярополка и от Володимера. Посемь рѣша варязи Володимеру: «се град нашь; ми прияхом и́, да хочем имати окуп на них, по 2 гривнѣ от человѣка». И рече им Володимер: «пождѣте, даже вы куны сберуть, за мѣсяць». И ждаша за мѣсяць, и не дасть им, и рѣша варязи: «сольстил еси нами, да покажи ны путь в греки»; он же рече им: «идѣте». И избра от них мужи добры, смыслены и храбри, и раздая им грады; прочии же идоша Царюграду в греки. И посла пред ними слы, глаголя сице царю: «се идуть к тебѣ варязи, не мози их держати в градѣ, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я́ разно, а сѣмо не пущай ни единого». И нача княжити Володимер в Киевѣ един, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь. И жряху им[4], наричюще я́ богы, и привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсом, и оскверняху землю требами своими, и осквернися кровьми земля Руска и холмо-т. Но преблагий бог не хотя смерти грѣшником, на том холмѣ ныне церки стоить, святаго Василья есть, якоже послѣди скажем. Мы же на преднее възратимся. Володимер же посади Добрыну, уя[5] своего, в Новѣгородѣ; и пришед Добрына Ноугороду, постави кумира над рѣкою Волховом, и жряху ему людье Ноугородьстіи акп богу. Бѣ же Володимер побѣжен похотью женьскою, и быша ему водимыя: Рогънѣдь, юже посади на Лыбеди, идеже ныне стоить сельце Предъславино, от нея же роди 4 сыны: Изеслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери; от грѣкинѣ Святополка; от чехинѣ Вышеслава; а от другоѣ Святослава и Мьстислава; а от болгарыни Бориса и Глѣба; а наложьниць бѣ у него 300 Вышегородѣ, а 300 в Бѣлѣгородѣ, а 200 на Берестовѣ в селци, еже зоуть ныне Берестовое. И бѣ несыт блуда, приводя к собѣ мужьски жены и дѣвицѣ, растьляя; бѣ бо женолюбець якоже и Соломан: бѣ бо, рече, у Соломана жен 700, а наложниць 300. Мудр же бѣ, а наконець погибе; се же бѣ невѣголос, а наконець обрѣте спасенье...

[Облога Корсуня]

...В лѣто 6496 [988]. Иде Володимер с вои на Корсунь, град гречьский, и затворишася корсуняне в градѣ; и ста Володимер об он пол города в лимени[6], дали града стрѣлище[7] едино, и боряхуся крѣпко из града, Володимер же обьстоя град[8]. Изпемогаху в градѣ людье, и рече Володимер к гражаном: «аще ся не вдасте, имам стояти и за 3 лѣта». Они же не послушаша того. Володимер же изряди воа своа, и повелѣ приспу сыпати к граду. Сим же спущим, корсуняне, подъкопавше стѣну

[1] заприсягнувшися йому [2] узяв [3] вагітна [4] приносили жертви їм [5] дядька, материного брата [6] біля лиману [7] віддаль, що пролітає стріла [8] обложив місто

градьскую, крадуще сыплемую перьсть, и ношаху к собѣ в град, сыплюще посредѣ града; воини же присыпаху боле, а Володимер стояше. И се мужь корсунянин стрѣли, имянем Настас, написав сице на стрѣлѣ: «кладязи, яже суть за тобою от въстока, ис того вода идеть по трубѣ, копав перейми». Володимер же се слышав, возрѣв на небо, рече: «аще се ся сбудеть, и сам ся крещю». И ту абье повелѣ копати прекі трубам, и преяша воду; людье изнемогоша водною жажею и предашася. Вниде Володимер в град и дружина его, и посла Володимер ко царема, Василью и Костянтину, глаголя сице: «се град ваю славный взях; слышю же се, яко сестру имата дѣвою, да аще се еѣ не вдаста за мя, створю граду ванему, якоже и сему створих». И слышаста царя, быста печальна, и въздаста вѣсть, сице глаголюща: «не достоить хрестеяпом за поганыя даяти; аще ся крестиши, то и се получишь, и царство небесное приимени, и с нами единовѣрнп будеши; аще ли сего не хощеши створити, не можем дати сестры сво за тя». Си слышав Володимер, рече посланым от царю: «глаголите царема тако: яко аз крещюся, яко испытах преже сих дний закон вашь, и есть ми люба вѣра ваша и служенье, еже бо ми сповѣдаша посланнп нами мужи». И си слышавша царя рада быста, и умолиста сестру свою, имянем Аньпу, и посласта к Володимеру, глаголюща: «крестися, и тогда послевѣ сестру свою к тобѣ». Рече же Володимер: «да пришедъше с сестрою вашею крестять мя». И послушаста царя и посласта сестру свою, сановники нѣкия и прозвутеры; она же не хотяше ити: «яко в полон», рече, «иду, луче бы ми сде умрети». И рѣста ей брата: «еда како обратить бог тобою Рускую землю в покаянье, а гречьскую землю избавишь от лютыя рати; видиши ли, колько зла створиша Русь греком? и нынѣ аще не идеши, тоже имут створити нам»; и одва ю принудиша. Она же сѣдъши в кубару[1], цѣловавши ужики[2] своя с плачем, поиде чрес море; и приде к Корсуню, и изидоша корсуняне с поклоном и въведоша ю в град, и посадиша ю в полатѣ. По божью же устрою в се время разболѣся Володимер очима, и не видяше ничтоже, и тужаше велми и не домышляшеться что створити; и посла к нему царица, рекущи: «аще хощеши избыты болѣзни сея, то въскорѣ крестися, аще ли ни, то не имаши избыти недуга сего». Си слышав Володимер, рече: «да аще истина будеть, то поистинѣ велик бог будеть хрестеянеск»; и повелѣ хрестити ся.

Епископ же корсуньскій с попы царицины, огласив, крести Володимира; яко възложи руку на нь, абье прозрѣ. Видив же се Володимер напрасное[3] исцѣленье, и прослави бога, рек: «топерво уведѣх бога истиньнаго». Се же видѣвше дружина его, мнози крестишася. Крести же ся в церкви святаго Василья, и есть церки та стоящи в Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣже торг дѣють корсуняне; полата же Володимеря с края церкве стоить и до сего дне, а царицина полата за олтарем. По крещеньи же приведе царицю на браченье. Се же, не свѣдуще право, глаголють, яко крестилъся есть в Киевѣ; инии же рѣша: в Василеве, друзии же инако скажють...

[1] корабель [2] родичів [3] раптове, несподіване

[Оповідання про Кожем'яку]

В лѣто 6500 [922]. Иде Володимир на хорваты. Пришедшю бо ему с войны хорватьскыя, и се печенѣзи придоша по онои сторонѣ от Сулы; Володимер же поиде противу им, и срете я́ на Трубежи на бродѣ, кде нынѣ Переяславль. И ста Володимер на сей сторонѣ, а печенѣзи на оной, и не смѣяху си на ону страну, ни они на сю страну. И приѣха князь печенѣжьскый к рѣкѣ, возва Володимера и рече ему: «выпусти ты свой мужь, а я свой, да ся борета; да аще твой мужь ударить моимь, да не воюем за три лѣта; аще ли нашь мужь ударить, да воюем за три лѣта»; и разидостася разно. Володимер же приде в товары и посла бирічи по товаром[1], глаголя: «нѣту лі такого мужа, иже бы ся ял с печенѣжином?» и не обрѣтеся никдѣже. Заутра приѣхаша печенѣзи и свой мужь приведоша, а у наших не бысть. И поча тужити Володимер, сля по всѣм воем, и пріде един стар мужь ко князю и рече ему: «княже! есть у мене един сынь меншей дома, а с четырми есмь вышел, а он дома, от дѣтьства бо его нѣсть кто им ударил; единою бо ми я́ сварящю, и оному мьнущю усние[2], разгнѣвався на мя, преторже череви[3] рукама». Князь же се слышав радъ бысть, и посла по нь, и приведоша я́ ко князю и князь повѣда ему вся; сей же рече: «княже! не вѣдѣ, могу ли со нь, и да искусять мя: нѣту ли быка велика и силна?» И налѣзоша бык велик и силен, и повелѣ раздраждити быка; возложиша на нь желѣза горяча, и быка пустиша, и побѣже бык мимо я́, и похвати быка рукою за бок, и выня кожю с мясы, елико ему рука зая[4]; и рече ему Володимер: «можеши ся с ним бороти». И наутрия придоша печенѣзи, почаша звати: «нѣ ли мужа? се нашь допиша ту обои. Выпустиша печенѣзи мужь свой, бѣ бо превелик зѣло и страшен; и выступи мужь Володимерь; и узрѣ я́ печенѣзин и посмѣяся, бѣ бо середний тѣломь. И размѣривше межи обѣма полкома, пустиша я́ к собѣ, и ястася, и почаста ся крѣпко держати, и удави печенѣзина в руках до смерти, и удари имь о землю; и кликнуша, и печенѣзи побѣгоша, и Русь погнаша по них сѣкуще, и прогнаша я́. Володимер же рад быв, заложи город на бродѣ томь, и нарече я́ Переяславль, зане перея славу отрок тъ. Володимер же великимь мужем створи того и отца его. Володимер же възвратися в Кыев с побѣдою и с славою великою.

[Володимир і дружина]

...Се же пакы твореше людем своим, по вся недѣля устави на дворѣ в гридьницѣ пир творити и приходити боляром, и гридем, и съцьскым, и десяцьскым, и нарочитым мужем, при князи и без князя; бываше множество от мяс, от скота и от звѣрины, бяше по изобилью от всего. Егда же подъпьяхуться, начьняхуть роптати на князь, глаголюще: «зло есть нашим головам, да нам ясти деревяными лъжицами, а не сребряными». Се слышав Володимер, повелѣ исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ, рек сице: «яко сребромь и златом не имам налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣд мой и отець мой доискася дружиною злата и сребра». Бѣ бо Володимер любя дружину, и с ними думая о строи земленѣм, и о ратех, и о уставѣ земленѣм; и бѣ живя с князи околними миромь: с Болеславомь людьскымь, и с Стефаномь угрьскымь, и с Андрихомь чешьскымь, и бѣ мир межю ими и любы...

[1] послав оповісників по табору [2] сиром'ятну шкіру [3] розірвав шкіру з черева (тварини) [4] скільки рука захопила

[Печеніги під Білгородом]

В лѣто 6505 [997]. Володимеру же шедшю Новугороду по верховьниѣ воѣ[1] на печенѣгы, бѣ бо рать велика бес перестани, в се же время увѣдѣша печенѣзи, яко князя нѣ ту, и придоша и сташа около Бѣлагорода. И не дадяху вылѣсти из города, и бысть глад велик в городѣ, и не бѣ лзѣ Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него, печенѣг же множьство много. И удолжися ос в городѣ[2] и бѣ глад велик, и створиша вѣче в городѣ, и рѣша: «се уже хочем померети от глада, а от князя помочи нѣту; да луче ли ны померети? дадим ся печенѣгом, да кого живять[3], кого ли умертвять; уже помираем от глада»; и тако совѣт створиша. Бѣ же един старець пе был на вѣчи томь, и въпраша: «что ради вѣче было?» И людье повѣдаша ему, яко утро хотят ся людье передати печенѣгом. Се слышав, посла по старѣйшины градьскыя, и рече им: «слышах, яко хочете ся передати печенѣгом». Они же рѣша: «не стерпять людье глада». И рече им: «послушайте мене, не передайтеся за 3 дни, и я вы что велю, створите». Они же ради обѣщашася послушати, и рече им: «сберѣте аче и по горсти овса, или пшеницѣ, ли отрубей»; они же шедше ради снискаша. И повелѣ, женам створити цѣжь[4], в немьже варять кисель, и повелѣ ископати колодязь и вставити тамо кадь, и нальяти цѣжа кадь. И повелѣ другый колодязь ископати, и вставити тамо кадь, и повелѣ искати меду; они же шедше взяша меду лукно, бѣ бо погребено в княжи медуши; и повелѣ росытити велми и вълняти в кадь в друзѣмь колодязи. Утро же повелѣ послати по печенѣгы; и горожане же рѣша, шедше к печенѣгом: «поимѣте к собѣ таль нашь[5], а вы поидѣте до 10 мужь в град, да видите, что ся дѣеть в градѣ нашем». Печенѣзи же ради бывше, мняще, яко предатися хотять, пояша у них тали, а сами избраша лучьшиѣ мужи и послаша в град, да розглядають в городѣ, что ся дѣеть. И придоша в город, и рекоша им людье: «почто губите себе? коли можете престояти нас? аще стоите за 10 лѣт, что можете створити нам? имѣем бо кормлю от землѣ; аще ли не вѣруете, да узрите своима очима». И приведоша я́ к кладязю, идѣже цѣжь, и почерпоша вѣдромь и льяша в латки[6], и яко сварiша кісель, и поимше придоша с ними к другому кладязю, и почерпоша сыты[7], и почаша ясти сами первое, потомь же печенѣзи. И удивишася, и рекоша: «не имуть вѣры наши князи, аще не ядять сами». Людье же нальяша корчагу[8] цѣжа и сыты от колодязя, и вдаша печенѣгом; они же пришедше повѣдаша вся бывшая. И варивше яша князи печенѣзьстии, и подивишася, и поимше тали своя и онѣх пустивше, въсташа от града, въсвояси идоша.

[1] за вояками з верхніх земель [2] облога міста затяглася [3] залишать живими [4] розчин [5] заложників наших [6] горщики [7] розварного меду [8] посудину

[Бій Мстислава з князем касозьким]

В лѣто 6530 [1022]. Приде Ярослав к Берестию. В си же времена Мьстиславу сущю Тмуторокани поиде на касогы. Слышав же се князь касожьскый Редедя, изиде противу тому, и ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя к Мьстиславу: «что ради губивѣ дружину межи собою? но снидеве ся сама борот: да аще одолѣеші ты, то возмеши имѣнье мое, и жену мою, и дѣти моѣ, і землю мою; аще ли аз одолѣю, то възму твое все». И рече Мьстислав: «тако буди». И рече Редедя ко Мьстиславу: «не оружьем ся бьевѣ, но борьбою». И яста ся бороти крѣпко, и надолзѣ [1] борющемася има нача изнемагати Мьстислав: бѣ бо велик и силен Редедя; и рече Мьстислав: «о пречистая богородице! помози ми; аще бо одолѣю сему, създижю церковь во имя твое». И се рек удари имь о землю, и вынзе [2] ножь, и зарѣза Редедю, и шед в землю его, взя все имѣнье его, и жену его и дѣти его, и дань възложи на касогы. И пришед Тмутороканю, заложи церковь святыя богородица, и созда ю, яже стоить и до сего дне Тьмуторокани.

[Повстання в Києві р. 1068]

В лѣто 6576 [1068]. Придоша иноплеменьници на Русьску землю, половьци мнози, Изяслав же, и Святослав и Всеволод изидоша противу им на Льто; и бывши нощи, подъидоша противу собѣ, грѣх же ради наших пусти бог на ны поганыя и побѣгоша русьскыи князи, и побѣдиша половьци... Изяславу же со Всеволодом Кыеву побѣгшю, а Святославу Чернигову, и людье Кыевстии прибѣгоша Кыеву, и створиша вѣче на торговищи, и рѣша, пославшеся ко князю: «се половьци росулися по землі; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними». Изяслав же сего не послуша. И начаша людие говорити на воеводу на Коснячька; идоша на гору, с вѣча, и придоша на двор Коснячков, и не обрѣтше его, сташа у двори Брячиславля и рѣша: «поидем, высадим дружину свою ис погреба». И раздѣлишася надвое; половина их иде к погребу, а половина их иде по мосту; си же придоша на княжь двор. Изяславу же сѣдящю на сѣнех с дружиною своею, начаша прѣтися со князем. Стояще долѣ, князю же из оконця зряще и дружинѣ стоящи у князя, рече Тукы, брат Чюдинь, Изяславу: «видиши, княже, людье възвыли; посли, ать Всеслава блюдуть». И се ему глаголющю, другая половина людий приде от погреба, отвориша погреб; и рекоша дружина князю: «се зло сеть; посли ко Всеславу, ать призвавше лестью ко оконцю, пронзуть и мечем». И не послуша сего князь. Людье же кликнуша, и идоша к порубу Всеславлю; Изяслав же се видѣв со Всеволодом побегоста з двора, людье же высѣкоша Всеслава ис поруба, в 15 день семтября, и поставиша и средѣ двора къняжа; двор же княжь разграбиша, бещисленое множьство злата и сребра, кунами и бѣлью. Изяслав же бѣжа в ляхы... Всеслав же сѣде Кыевѣ мѣсяць 7.

[1] довго [2] вийняв

[Піклування Ярослава про освіту]

В лѣто 6545 (1037). Заложи Ярослав город великий, у него же града суть Златая врата; заложи же и церков святыя Софья, митрополью, и посемь церковь на Золотыхь воротѣх святыя Богородица благовѣщенье, посемь святого Георгия манастырь и святыя Ирины. И при семь нача вѣра хрестьяньска плодитися и раширяти, и черноризьци почаша множитися, и монастыреве починаху быти. И бѣ Ярослав любя церковныя уставы, попы любяше не велику, излиха [1] же черноризьцѣ, и книгамь прилежа, и почитая е часто в нощи и в дне. И собра писцѣ многы и перекладаще от грек на словѣньское писмо. И списаша книгы многы, ими же поучащеся вѣрнии людье наслаждаются ученья божественаго. Яко же бо се нѣкто землю [illegible]зорет, другый же насѣет, ини же пожинають и ядят пищю бескудну [2],— [illegible]ко и сь. Отец бо сего Володимер землю взора и умягчи, рекше крещеньем просвѣтив. Сь же насѣя книжными словесы сердца вѣрных людий; а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное.

Велика бо бываеть полза от ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаем и въздержанье от словес книжных. Се бо суть рѣки, напаяюще вселеную, се суть исходяща мудрости; книгам бо есть неищетная глубина; сими бо в печали утѣшаеми есмы, си суть узда въздержанью... Аще бо поищеши в книгах мудрости прилѣжно, то обрящеши велику ползу души своеи; иже бо книгы часто чтет, то бесѣдует с богом, или святыми мужи; почитая пророческыя бесѣды, и еуангельская ученья и апостолская, и житья святых отец, въсприемлет души велику ползу.

Ярослав же сеи, якоже рекохом, любим бѣ книгам, и многы написав, положи в святѣи Софьи церкви, юже созда сам. Украси ю златом и сребром и сосуды церковными, в ней же обычныя пѣсни богу въздают в годы обычныя.

[Про осліплення князя Василька Теребовльського]

В лѣто 6605 (1097). Придоша Святополк и Володимер, и Давыд Игоревичь, и Василко Ростиславичь, и Давыд Святославичь, и брат его Олег, и сняшася [3] Любячи на устроенье мира, и глаголаша к собѣ, рекуще: «Почто губим русьскую землю, сами на ся котору [4] дѣюще? А половци землю нашю несуть розно [5] и ради суть, оже межю нами рати. Да нонѣ отселѣ имемся в едино сердце, и блюдем Рускыѣ земли; кождо да держить отчину свою: Святополк Кыев Изяславль, Володимер Всеволожь, Давыд и Олег и Ярослав Святославль; а имже роздаял Всеволод городы: Давыду Володимер, Ростиславичема Перемышьль Володареви, Теребовль Василкови».— И на том цѣловаша крест: «Да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будем вси и крест честный». Рекоша вси: «Да будеть на нь хрест честный и вся земля Русьская». И цѣловавшеся поидоша в свояси.

И приде Святополк с Давыдом Кыеву, и ради быша людье вси: но токмо дьявол печаленъ бяше о любви сей. И влѣзе сотона в сердце нѣко-

[1] особливо [2] яка не скудіє [3] зібрались [4] котора — явара, розбрат [5] розкрадають

торым мужем, и почаша глаголати к Давыдови Игоревичю, рекуще сице: «яко «Володимер сложился[1] есть с Василком на Святополка, и на тя». Давыд же, ем вѣру лживым словесом, нача молвити на Василка, глаголя: «Кто есть убил брата твоего Ярополка? А нынѣ мыслить на мя и на тя, и сложился есть с Володимером; да промышляй о своей головѣ»,— Святополк же смятеся умом, река: «Еда се право будеть, или лжа, не вѣдѣ». И рече Святополк к Давыдови: «Да еще право глаголеши, бог ти буди послух; да аще ли завистью молвишь, бог будет за тѣм». Святополк же сжалиси по братѣ своем, и о собѣ нача помышляти, еда се право будеть? И я вѣру Давыдови, и прелсти Давыд Святополка, и начаста думати о Васильцѣ; а Василко сего не вѣдяше, ни Володимер. И нача Давыд глаголати: «Аще не имевѣ Василка, то ни тобѣ княженья Кыевѣ, ни мнѣ в Володимери».— И послуша его Святополк.

И приде Василко в 4 ноямьбря, и перевезеся на Выдобычь, и иде поклонится к святому Михаилу в монастырь, и ужина ту, а товары[2] свои постави на Рудици; вечеру же бывшю приде в товар свой. И наутрия же бывшю, присла Святополк, река: «Не ходи от именин моих». Василко же отпрѣся, река: «Не могу ждати; еда будеть[3] рать дома». И присла к нему Давыд: «Не ходи, брате, не ослушайся брата старѣйшаго». И не всхотѣ Василко послушати. И рече Давыд Святополку: «Видиши ли, не помнить тебе, хотя в твоею руку. Аще ти отьидет в свою волость, сам узриши, аще ти не займет град твоих Турова, и Пиньска, и прочих град твоих. Да помянешь мене. Но призвав нынѣ и, ем и дажь мнѣ».— И послуша его Святополк, и посла по Василка, глаголя: «Да аще не хошешь остати до именин моих, да приди нынѣ, цѣлуеши мя, и посѣдим вси с Давыдодом».— Василко же обѣщася прити, не вѣдый лсти, юже имяше на нь Давыд. Василко же всѣдь на конь поѣха, и устрѣте и дѣтьскый[4] его, и повѣда ему, глаголя: «Не ходи, княже, хотять тя яти».— И не послуша его, помышляя: «Како мя хотять яти? Оногды[5] целовали крест, рекуще: аще кто на кого будеть, то на того будеть крест и мы вси».— И помыслив си перекрестися, рек: «Воля господня да будеть. И приѣха в малѣ дружинѣ на княжь двор. И вылѣзе противу его Святополк, и идоша в истобку[6], и приде Давыд, и сѣдоша. И нача глаголати Святополк: «Останися на святок». И рече Василко: «Не могу остати, брате; уже есм повелѣл товаром поити переди». Давыд же сѣдяше акы нѣм. И рече Святополк: «Да заутрокай, брате!». И обѣщася Василко заутрокати. И рече Святополк: «Посѣдита вы сдѣ, а яз лѣзу[7], наряжю»[8]. И лѣзе вон, а Давыд с Василком сѣдоста. И нача Василко глаголати к Давыдови, и не бѣ в Давыдѣ гласа, ни послушанья: бѣ бо ужаслся, и лесть имѣя в сердци. И посѣдѣв Давыд мало, рече: «Кде есть брат?». Они же реша ему: «Стоить на сѣнех». И встав Давыд, рече: «Аз иду по нь; а ты, браге, посѣди». И, встав, иде вон. И яко выступи Давыд, и запроша Василка, в 5-й ноямьбря; и оковаша и́ в двои оковы, и приставиша к нему сторожѣ на ночь.

Наутрия же Святополк созва боляр и кыян, и повѣда им, еже бѣ ему повѣдал Давыд, яко: «Брата ти убил, а на тя свѣчался[9] с Володи-

[1] змовився [2] обоз [3] як би не трапилась [4] дружинник [5] нещодавно [6] горниця [7] піду [8] розпоряджуся [9] радився

мером, и хощеть тя убити и грады твоя заяти». И рѣша боляре и людье: «Тобѣ, княже, достоить блюсти головы своее. Да аще есть право молвил Давыд, да приметь Василко казнь; аще ли неправо глагола Давыд, да приметь месть от бога и отвечаѣть пред богом». И увѣдѣша игумени, и начаша молитися о Василкѣ Святополку; и рече им Святополк: «Ото Давыд». Увѣдѣв же се Давыд, нача поущати на ослѣпленье: «Аще ли сего не сотворишь, а пустишь и́, то ни тобѣ княжити, ни мнѣ». Святополк же хотяше пустити и́, но Давыд не хотяше, блюдася[1] его. И на ту ночь ведоша и́, Бѣлугороду, иже град мал у Киева яко 10 верст в дале, и привезоша и на колѣх[2], окована суща, ссадиша и́ с кол, и ведоша и в истобку малу. И сѣдящю ему, узрѣ Василко торчина остряща ножь, и разумѣ, яко хотят и слѣпити, възпи к богу плачем великим и стенаньем. И се влѣзоша послании Святополком и Давыдом, Сновид Изечевичь, конюх Святополчь, и Дмитр, копюх Давыдов, и почаста простирати ковер, и простерша я[с] Василка и хотяща и́ поврещи; и боряшется с нима крѣпко, и не можа[ш]а его поврещи. И се влѣзше друзии повергоша и́, связаща и́, и снемше доску с печи, и възложиша на перси его. И сѣдоста обаполы Сновид Изечевичь и Дмитр, и не можаста удержати. И приступиста ина два, и снята другую доску с печи, и сѣдоста, и удавиша и́ рамяно[3], яко персем троскотати[4]. И приступи торчин, именем Беренди, овчюх[5] Святополчь, держа ножь и хотя ударити в око, и грѣшися[6] ока и перерѣза ему лице, и есть рана та на Василкѣ и нынѣ. И посем удари и́ в око, и изя зѣницю, и посем в другое око, и изя другую зѣницю. И том часъ бысть яко и мертв. И вземше и́ на коврѣ взложиша на кола яко мертва, повезоша и́ Володимерю.

И бысть везому ему, сташа с ним, перешедше мост Звиженьский, на торговищи, и сволокоша с него сорочку, кроваву сущю, и вдаша попадьи опрати. Попадья же оправши взложи на нь, онѣм обѣдующим, и плакатися пача попадья, яко мертву сущю оному. И очюти плачь, и рече: «Кдѣ се есмь?» Они же рекоша ему: «В Звиждени городѣ». И впроси воды, они же даша ему, и испи воды, и вступи во нь душа, и упомянуся, и пощюпа сорочкы и рече: «Чему есте сняли с мене? Да быхъ в той сорочкѣ кровавѣ смерть принял и стал пред богом». Онѣм же обѣдавшим, поидоша с ним вскоре на колѣх, а по грудну[7] пути, бѣ бо тогда мѣсяць груден, рекше ноябрь. И придоша с ним Володимерю в 6 день. Приде же и Давыд с ним, акы нѣкак улов уловив. И посадиша и́ в дворѣ Вакѣвѣ, и приставиша 30 мужь стеречи и 2 отрока княжа, Улан и Колчко.

Володимер же слышав, яко ят бысть Василко и слѣплен, ужасеся, и всплакав и рече: «Сего не бывало есть в Русьскѣй земьли ни при дѣдѣх наших, ни при отцих наших, сякого зла».

КИЇВСЬКИЙ ЛІТОПИС

Іпатіївський список «Початкового літопису» (початку XV ст.), зроблений з південно-західного оригіналу в Пскові, крім «Повѣсти временных лѣт», містить — як її продовження — Київський літопис (від 1111 до 1200 р.) і Галицько-Волинський (від 1201 до 1292 р.).

[1] остерігаючись [2] на повозу [3] сильно [4] затріскотіли [5] вівчар [6] схибив [7] нерівний

Як і в «Повѣсти временных лѣт», в Київському літопису великі історичні повісті перемежаються з численними короткими записами сучасників про історичні події. Характерна є образність цього літопису, який багато місця приділяє описові воєн між князями і сповнений драматизму в зображенні боротьби Київської Русі з воро-жими войовничими сусідами — половцями.

Уривки подано за виданням Археографічної комісії: «Летопись по Ипатскому списку», СПБ, 1871.

КИЇВСЬКИЙ ЛІТОПИС

[Перемога Ізяслава Мстиславича над Юрієм Долгоруким і зайняття Києва в 1151 р.]

В четвержьный день, переже солнца, Вячьслав же и Изяслав и Ростислав пройдоша вал на чистое поле, и пойдоша бится, кде же стояше Дюргий[1]; и слющим послы межи собою о мирѣ, Олговичем же и половцем не дадущим миритися, зане скори бяху на кровопролитье. Стоящим же им до вечера, перешед Гюрги[1] за Рут, ста. Свитающю же пятьку, исполцив Изяслав вои, пойде к нему; Дюргий же не хотяше и еще битися, но ожидаше Володимера. Изяславу же паче приступающю, и тако устрои бог мьглу, якоже не видѣти никамо же, толико до конець копья видити, и постиже дожть, и в том припрошася ко озеру обои, и разиде ѣ озеро, и тако нѣлзѣ бы ни онѣм онѣх[2]; мьгла же подъяся в полъдни и уяснися небо, узрѣша полкы оба полы озера; и тако бьяхутся на крилѣх полком от обоих, а самѣм полком нѣлзѣ бы съѣхатися. Якоже бѣ к вечеру, и тако пойде Гюрги за шоломя[3] с полкы своими, Вячьслав же, Изяслав и Ростислав пойдоша по нем на верх озера, хотяче ся бити с ним. Гюргий же перед ним зайде полкы своими за Малый Рутець, и перейдя грязи, ту же и ста на ночь; Вячьслав же, Изяслав и Ростислав, пришедше, сташа противу ему ту же на ночь, якоже стрѣлы не доходяхуть, тако стояхуть межи собою. Утрии же день, в пятницю, яко зорѣ почаша ся заимати, переже в Дюргя в бубны в полку и в трубы въструбиша, полци же начаша доспѣвати; такоже у Вячьслава, и у Изяслава, и у Ростислава, почаша бити в бубны и в трубы трубити, полци же начаша доспѣвати. Гюрги же, с сынми своими, и Володимер Давыдовичь, и Святослав Олговичь, и Всеволодичь Святослав, доспѣвше полкы своими, и пойдоша на верх Рутьтця; Вячьслав же, Изяслав и Ростислав тако же пойдоша полкы своими противу им. Яко же бы к верх Рутца, тогда же Гюрги, и Володимер Давыдовичь, и Святослав и половцы диции, и Всеволодичь Святослав, поворотяче полкы своя пойдоша к Великому Рутови, не хотяче ся бити, но хотяху зайти за Рут, туже и ждати Володимира Галичьскаго. Вячьслав же, Изяслав и Ростислав, то видивше, оже идуть от них прочь, и пустиша по них стрѣлцѣ своя черныя клобукы и Русь, и тако начаша наѣздити в зад полков стрѣлятися с ними, и почаша у них возы отъимати. Видив же то Гюрги, и сынове его, и Володимер Давыдовичь, и Святослав Олговичь, и Всеволодичь Святослав, видивше, оже нѣлзѣ им за Руть перейти, оже наѣздять на зад полков

[1] Юрій [2] ні тим, ні другим [3] гора, горб

их и возы их отъимають, и тако оборотячеся полкы своими и сташа противу им. Идущим же ся им бится, Андрѣй поча рядити полк отца своего, зане бѣ старѣй тогда в братьѣ; видив же и половци стояче назадѣ, и к тѣм гнав и укрѣпле ѣ на брань, и оттуда въѣха в полк свой и укрѣпи дружину свою о тъ чин же. Изяслав же и Ростислав пригнаста к отцю своему Вячеславу, рекуча: «ты еси много добра похотѣл, но того не хотѣл брат твой; нынѣ же, отре, хочем головы своя сложити за тя, пакы ли а честь твою налѣсти»[1]; Вячеслав же рече: «брате и сыну! от рожения моего неохвотив[2] есмь был на кровопролитье; но сего мя довел брат мой, да се есмы уже на сем мѣстѣ, а то богови судити», и ту поклонящися ему, и ѣхаста в своя полкы. Изяслав же въѣха в свой полк и посла по всим своим полком, река: «зрите же на мой полк; а како вы пойдеть мой полк, такоже и вы поидите»,— и тако полци поидоша к собѣ.

Якоже и еще полком идущим к себѣ, Андрѣй же Дюргевичь възмя копье и ѣха наперед, и съѣхася переже всих, и изломи копье свое; тогда бодоша конь под ним в здри, конь же нача соватися под ним, и шелом спаде с него, и щит на нем оторгоша; божьем заступлением и молитвою родитель своих схранен бѣ без вреда. И тако перед всими полкы въѣха Изяслав один в полкы ратных, и копье свое изломи; и ту сѣкоша ѣ в руку и в стегно и бодоша, и с того летѣ с коня. Съступившимъся полком бысть сѣча крѣпка. Бог же, и святая богородица, и сила честнаго животворящаго хреста, поможе Вячеславу и Изяславу и Ростиславу, и ту побѣдиша Гюргя; и половци же Гюргеви ни по стрѣлѣ пустивше[3], тогда побѣгоша, а потом Олговичѣ, а потом побѣже Дюрги с дѣтьми. Бѣжащим им черес Рут, много дружины потопе в Руту, бѣ бо грязок; и бѣжащим им овѣх избиша, а другыя изоимаша[4]; и ту убиша Володимира князя Давыдовича Черниговьского, доброго и кроткого; и ины многы избиша, и половечьскиѣ князѣ многы изоимаша, а другыѣ избиша. Яко же снидошася полци, и коньници и пѣшии, Изяслав же лежаше ранен, и тако въсхопися, и ту хотѣша и кияне пѣшци убити, мняще ратного, не знаюче его; Изяслав же рече: «князь есмь!» и един от них рече: «а так ны еси и надобѣ», и вынза[5] мечь свой и нача и сѣчи по шелому; бѣ же на шеломѣ над челом написан святый мученик Пянтелѣмон злат, и удари и мечем, и тако вшибеся шелом до лба; Изяслав же рече: «аз Изяслав есмь, князь вашь», и сня с себе шелом, и позна и; и то слышавше мнози, и въсхытиша и руками своими с радостью, яко царя и князя своего, и тако възваша «кирелѣисон»[6] вси полци радующеся, полкы ратных побѣдивше, а князя своего живого ведяче. Изяслав же изнемагаше велми с ран, зане исшел бѣ кровию; и слыша Изяслава плачющася над братом своим Володимером, и тако оставя свою немочь, и всадиша и на конь и ѣха тамо, и тако плакашеть над ним, акы и по братѣ своем; и долго плакав, а рече Изяславу Давыдовичю: «сего нама уже не крѣсити; но се, брате, бог и святая пречистая, ворогы наша побѣдил, а ти нынѣ бѣгають около, а Чернигов осе, а ты, брате, сему уже не стой, но нарядися, возма же своего брата, поѣди же Чернигову, а яз ти помочь приряжю; буди же нынѣ до вечера у Вышегородѣ». Изяслав же сдумав

[1] добути [2] неохочий [3] навіть і по стрілі не пустивши [4] узято в полон [5] витягши [6] бойовий вигук (перекручене грецьке «Κύριε ἐλέησον» —«господи, помилуй»)

с братом своим Ростиславом, и пустиша с ним Романа сына Ростиславля, припустивше к нему дружину; и тако поѣха Изяслав с Романом до Чернигова, възма брата Володимира на полчици; и якоже рекоша им Изяслав и Ростислав до вечера быти у Вышегородѣ, такоже и быша, той ночи перевозишася, утрии же день первое поѣхаша к Чернигову. Изяслав же въѣха с Романом в Чернигов с Ростиславичем, и погреб брата своего, а сам сѣде на столѣ брата своего в Черниговѣ. Гюрги же переѣже Днѣпр у Треполя, и с дѣтми, и ѣха по оной сторонѣ в Переяславль; половци же бѣжаша в Половци; а Святослав Олговичь и Всеволодичь Святослав перебѣгоста Днѣпр, выше Заруба, и бѣжаста в Городець. Святослав же Олговичь бѣ тяжек тѣлом, и трудилъся бѣ бѣжа, и оттуду из Городьца посла Чернигову Святослава сыновца своего Всеволодича, а сам не може ехати; Святослав же пригна к перевозу ко Деснѣ, и ту бы ему вѣсть, оже уже Изяслав Давыдовичь и Роман Ростиславличь уѣхаста в Чернигов; и то слышав, и побѣже опять, а противу строеви[1] посла, река: «не ѣзди сѣмо, но туда поѣди к Новугороду; здѣ ти въѣхал уже Изяслав Давыдовичь и Роман Ростиславличь»; и то слышав Святослав, и побѣжаста к Новугороду. Володимер же Галичьскый пошел бяшеть к Гюргеви, свату своему, в помочь, егоже и надѣяшеться; и якоже бы у Божьскаго, ту бы ему вѣсть, оже Вячьслав, и Изяслав, и Ростислав побѣдили суть Гюргя и половци его избиша, якоже слыша то Володимер, и тако со тщанием[2] оборотяся пойде к Галичю. И тако Вячьслав, и Изяслав, и Ростислав, похваляче бога, и его пречистую матерь, и силу животворящаго креста, с честью и похвалою великою пойдоша к Киеву; и тако пойдоша противу им святители с хресты, митрополит Клим, и игумени честьнии и попове, и многое множьство святитель; и с великою честью въѣхаша в Киев, и ту поклонившеся святѣй Софьѣ и святѣй богородици Десятиньнѣй, и пребыша у велицѣ весельи и у велицѣ любви, и тако начаша жити...

[Похід Ігоря Святославича проти половців у 1185 р.]

В то же время Святославичь Игорь, внук Олгов, поѣха из Новагорода, мѣсяца априля в 23 день, во вторник, поймя со собою брата Всеволода ис Трубецка, и Святослава Олговича сыновця своего из Рыльска, и Володимѣра сына своего ис Путивля, и у Ярослава испроси помочь Ольстина Олексича, Прохорова внука, с коуи[3] черниговськими; и тако идяхуть тихо, сбираюче дружину свою: бяхуть бо и у них кони тучни велми. Идущим же им к Донцю рѣкы, в год вечерний[4], Игорь же возрѣв на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяць, и рече бояром своим и дружинѣ своей: «видите ли что есть знамение се?» Они же узрѣвше и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: «княже! се есть не на добро знамение се». Игорь же рече: «братья и дружино! тайны божия никтоже не вѣсть, а знамению творѣць бог и всему миру своему; а нам что створить бог, или на добро, или на наше зло, а то же нам видити». И то рек, перебреде Донѣць, и тако прииде ко Осколу, и жда два дни

[1] назустріч дядькові [2] поспішно [3] кочівники, союзники чернігівського князя [4] вечірньою годиною, надвечір

брата своего Всеволода, тот бяше тел инем путем ис Курьска; и оттуда поидоша к Салницѣ, туже к ним и сторожеви приѣхаша, их же бяхуть послалѣ языка[1] ловит, и рекоша приѣхавше: «видихомся с ратными ратници ваши со здоспѣхом[2] ѣздять; да или поѣдете борзо, или возворотися домовь, яко не наше есть веремя». Игорь же рече с братьею своею: «оже ны будеть не бившися возворотитися, то сором ны будеть пуще и смерти; но како ны бог дасть». И тако угадавше, и ѣхаша черес ночь[3]; заутра же пятъку наставшу, во обѣднее веремя устрѣтоша полкы половѣцькиѣ; бяхуть бо до них доспѣлѣ, вежѣ своѣ пустили за ся[4], а сами собравшеся от мала и до велика, стояхуть на оной стороне рѣкы Сюурлия. И ти изрядиша полков 6: Игорев полк середѣ, а поправу брата его Всеволожь, а полѣву Святославль сыновця его, напередѣ ему сын Володимѣрь и другий полк Ярославль, иже бяху с Ольстином коуеве, а третий полк напереди же стрѣлци, иже бяхуть от всих князий выведени; и тако изрядиша полкы своя. И рече Игорь ко братьи своей: «братья! сего есмы искалѣ, а потягнемь»; и тако пойдоша к ним, положаче на бозѣ упование свое. И яко быша к рѣцѣ, ко Сюурлию, и выѣхаша ис половѣцькых полков стрѣлци, и пустивше по стрѣлѣ на Русь, и тако поскочиша; Русь же бяхуть не переѣхалѣ еще рѣкѣ Сюрлия; поскочиша же и ти половци силы половѣцькии, коториѣ же далече рѣкы стояхуть. Святослав же Олговичь и Володимѣрь Игоревичь, и Ольстин с коуи, и стрѣлци, поткоша по них[5], а Игорь и Всеволод помалу идяста, не роспустястя полку своего, переднии же ти Русь биша ѣ, имаша; половцѣ же пробѣгоша вежѣ, и Русь же дошедше вежь и ополонишася, друзии же ночь приѣхаша к полком с полоном. И яко собрашася половци вси, и рече Игорь ко братома и к мужемь своим: «се бог силою своею возложил на врагы наша побѣду, а на нас честь и слава; се же видихом полки половѣцькии, оже мнози суть, ту же, ци вся си суть совокупили?[6] нынѣ же поѣдем черес ночь, а кто поѣдѣть заутра по нас, то ци вси поѣдуть, но лучьшии коньници переберуться, а самѣми как ны бог дасть». И рече Святослав Олговичь строема своима: «далече есмь гонил по половцех, а кони мои не могуть; аже ми будеть нынѣ поѣхати, то толико ми будеть на дорозѣ остати» — и поможе ему Всеволод, акоже облечи[7] ту. И рече Игорь: «да недивно есть разумѣющи, братья, умрети» — и облегоша ту. Свѣтающи же суботѣ, начаша выступати полци половецкии, ак боровѣ[8]; изумѣшася[9] князи рускии, кому их которому поѣхати, бысть бо их бещисленое множество. И рече Игорь: «се вѣдаюче[10] собрахом на ся землю всю: Концака, и Козу Бурновича, и Токсобица Колобича, и Етебича, и Терьтробича». И тако угадавше вси, сосѣдоша с коний, хотяхуть бо бьющеся дойти рѣки Донця; молвяхуть бо: «оже побѣгнем, утечемь сами, а черныя люди[11] оставим, то от бога ны будеть грѣх сих выдавше пойдемь; но или умремь, или живи будемь вси на едином мѣстѣ». И та рекши вси сосѣдоша с конѣй, и поидоша бьючеся; и тако, божиим попущениемь, уязвиша Игоря в руку и умртвиша щюйцю его, и бысть печаль велика в полку его, и воеводу имяхуть, то ть напереди язвен

[1] половчина, щоб добути потрібні відомості [2] озброєні [3] усю ніч [4] летили позад себе [5] кинулися за ними [6] чи всі зібралися? [7] спинитись [8] як ліс [9] дивувалися [10] напевне [11] простих дружинників

бысть. И тако бишася крѣпко ту днину до вечера, и мнозии ранени и мертви быша и полкох руских; наставши же нощи суботнии, и поидоша бьючися. Бысть же свѣтающе недѣлѣ, возмятошася ковуеве в полку, побѣгоша. Игорь же бяшеть в то время на конѣ, зане ранен бяше, пойде к полку их, хотя возворотити их к полком; уразумѣв же яко далече шел есть от людий, и соймя шолом погънаше опять к полком, того дяля, что быша познали князя и возворотилися быша; и тако не возворотися никтоже, но токмо Михалко Гюрговичь познав князя, возворотися; не бяхуть бо добрѣ смялися[1] с ковуи, но мало от простых или кто от отрок боярьских, добри бо вси бьяхуться идуще пѣши, и посреди их Всеволод не мало мужьство показа. И яко приближися Игорь к полком своим, и переѣхаша поперек и ту яша един перестрѣл одале[2] от полку своего. Держим[3] же Игорь, видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси души своей смерти яко да бы не видил падения брата своего; Всеволод же толма[4] бившеся, яко и оружья в руку его не доста, и бьяху бо ся идуще вкруг при езерѣ. И тако, во день святаго воскресения, наведе на ня господь гнѣв свой: в радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселье мѣсто желю[5], на рѣцѣ Каялы. Рече бо дѣи Игорь: «помянух аз грѣхи своя пред господем богом моим, яко много убийство, кровопролитье створих в землѣ крестьянстѣй, яко же бо аз не пощадѣх хрестьян, но взях на щит город Глѣбов у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвиньнии хрестьани, отлучаеми отець от рожений[6] своих, брат от брата, друг от друга своего, и жены от подружий своих, и дщери от материй своих, и подруга от подругы своея, и все смятено плѣном и скорбью тогда бывшою, живии мертвым завидять, а мертвии радовахуся, аки мученици святѣи огнемь от жизни сея искушение приемши, старцѣ порѣвахуться, уноты[7] же лютыя и немилостивыя раны подъяша, мужи же пресѣкаеми и разсѣкаеми бывають, жены же осквѣрняеми; и та вся створив аз,— рече Игорь,— недостойно ми бяшеть жити; и се нынѣ вижю отмѣстье от господа бога моего. Гдѣ нынѣ возлюбленный мой брат? гдѣ нынѣ брата моего сын? гдѣ чадо рожения моего? гдѣ бояре думающеи, гдѣ мужи храборьствующеи, гдѣ ряд полъчный? гдѣ кони и оружья многоцѣньная? не отътовсего ли того обнажихся, и связня преда мя господь в рукы безаконьным тѣмь? Се возда ми господь по безаконию моему и по злобѣ моей на мя, и снидоша днесь грѣси мои на главу мою. Истинен господь и прави суди его зѣло; аз же убо не имам со живыми части; се бо нынѣ вижю другая мучения вѣньца приемлюще, почто аз един повиньный не приях страсти[8] за вся си? Но, владыко господи боже мои! не отрини мене до конца, но яко воля твоя, господи, тако и милость нам рабом твоим»; — и тогда кончавшюся и полку[9], разведени быша, и пойде кождо во своя вежа. Игоря же бяхуть яли тарголове, мужь именемь Чилбук, а Всеволода брата его ял Роман Кзичь, а Святослава Олговича Елдечюк в Вобурчевичех, а Володимера Копти в Улашевичих. Тогда же на полъчищи Концак поручися по свата Игоря, зане бяшеть ранен. От толиких же людий мало их избысть[10], нѣкаком

[1] хоробрі не впали в замішання [2] схопили на відстані перельоту стріли [3] схоплений, полонений [4] так [5] сум [6] дітей [7] юнаки, [8] страждань [9] скінчився бій [10] мало врятувалося

получением[1], не бяшеть бо лзѣ ни бѣгаючим утечи, зане яко стѣнами силнами огорожени бяху полкы половѣцьскими; ношахуть[2], Русь с 15 мужь утекши, а ковуемь мнѣе, а прочии в морѣ истопоша.

В то же время великый князь Всеволодичь Святослав шел бяшеть в Корачев, и сбирашеть от вѣрхъних земль вои, хотя ити на половци к Донови на все лѣто. Яко возворотися Святослав и бысть у Новагорода Сѣверського, и слыша о братьи своей, оже шли суть на половци, утаившеся его: и нелюбо бысть ему. Святослав же идяше в лодьях, и яко приде к Чернигову, и во тъ год прибѣже Бѣловолод Просовичь, и повѣда Святославу бывшее о половцѣх; Святослав же то слышав и вельми воздохнув, утер слез своих и рече: «о люба моя братья и сыновѣ и мужѣ землѣ Рускоѣ! дал ми бы бог притомити поганыя; но не воздержавше уности, отвориша ворота на Руськую землю. Воля господня да будеть о всем; да како жаль ми бяшеть на Игоря, тако нынѣ жалую болши по Игорѣ брате моемь». Посем же Свят[illegible]лав посла сына своего Олга и Володимера в Посемье: то бо слышавш[illegible] возмятошася городи посемьские, и бысть скорбь и туга люта, якоже николиже не бывала во всем Посемьи, и в Новѣгородѣ Сѣверьском, и по всей волости Черниговьскои, князи изымани и дружина изымана, избита; и мятяхуться акы в мотви[3], городи восставахуть и немило бяшеть тогда комуждо свое ближнее, но мнозѣ тогда отрѣкахуся душь своих, жалующе по князих своих. Посем же посла Святослав ко Давыдови Смоленьску, река: «рекли бяхом пойти на половци и лѣтовати на Донѣ; нынѣ же половци се побѣдилѣ Игоря, и брата его с сыном; а поѣди, брате, постереги землѣ Рускоѣ». Давыд же приде по Днѣпру, придоша же ины помочи и сташа у Треполя, а Ярослав в Черниговѣ совокупив вои свои стояшеть. Погании же половци побѣдивъше Игоря с братьею, и взяша гордость велику и съвокупиша всь язык свой на Рускую землю; и бысть у них котора: молвяшеть бо Кончак: «поїдем на киевьскую сторону, гдѣ суть избита братья наша, и великый князь нашь Боняк»; а Кза молвяшеть: «пойдемь на Семь, гдѣ ся осталѣ жены и дѣти, готов нам полон собран, емлем же городы без опаса»; и тако раздѣлишася надвое. Кончак пойде к Переяславлю и оступи город, и бишася ту всь день. Володимер же Глѣбовичь бяше князь в Переяславлѣ, бяше же дерз и крѣпок к рати, выѣха и з города и потче[4] к ним, и по немь мало дерьзнув дружинѣ, и бися с ними крѣпко; и обьступиша мнозии половцѣ; тогда прочии видивше князя своего крѣпко бьющеся, выринушася из города, и тако отъяша князя своего, язьвена сущи треми копьи. Сий же добрый Володимер язвен труден въѣха во город свой, и утре мужественаго поту своего за отчину свою. Володимер же слашеть ко Святославу, и ко Рюрикови, и ко Давыдови, и рече им: «се половьци у мене, а помозите ми». Святослав же слашеть ко Давыдови, а Давыд стояшеть у Треполя со смолняны. Смолнянѣ же почаша вѣчѣ дѣяти, рекуще: «мы пошли до Киева, да же бы была рать, билися быхом; нам ли иноѣ рати искати то не можемь, уже ся есмы изнемоглѣ». Святослав же с Рюриком и со инѣми помочьми влегоша[3] во Днѣпр противу половцем, а Давыд возвратися опять со смолняны. То слышавше половци, и возвратишася от Переяславля; идущи же мимо приступиша

[1] завляки випадкові [2] переказували [3] як у сітях [4] попрямував [5] увійшли

к Римови. Римовичи же затворишася в городѣ, и возлѣзше на заборолѣ, и тако, божиим судом, летѣста двѣ городници[1] с людми, тако к ратным, и на прочая гражаны найде страх; да которѣи же гражанѣ выйдоша из града и бьяхуться ходяще по римьскому болоту, то тѣи избыша плѣна, а кто ся остал в городѣ, и тѣ вси взяти быша. Володимер же слашеться ко Святославу Всеволодичю и ко Рюрикови Ростиславичю, понуживая их к собѣ, да быша ему помоглѣ; они же опоздишася сжидающе Давыда смолняны; и тако князѣ рускиѣ опоздишася и не заѣхаша[2] их. Половци же вземше город Римов, и ополонишася полона, и пойдоша восвояси; князи же возворотишася в домы своя, бяхуть бо печални, и со сыном своим Володимѣром Глѣбовичем, зане бяшеть ранен велми язвами смертьными, и хрестьянъ плененых от поганых. И се бог казня ны, грѣх ради наших, наведе на ны поганыя, не аки милуя их, но нас казня и обращая ны к покаянью, да быхомся востягнули[3] от злых своих дѣл; и сим казнить ны нахожениемь поганых, да некли[4] смиривъшеся воспомянемься от злаго пути. А друзии половцѣ идота по оной сторонѣ к Путивлю, Кза у силах тяжьких, и повоевавши волости их и села их пожгоша, пожгоша же и острог у Путивля и возвратишася восвояси. Игорь же Святославичь тот год бяшеть в половцех, и глаголаше: «аз по достоянью моему восприях побѣду от повеления твоего, владыко господи, а не поганьская дерзость обломи силу раб твоих; не жаль ми есть за свою злобу прияти нужьная вся, их же есмь приял аз». Половци же аки стыдящеся въеводства его и не творяхуть ему пакости, но приставиша к нему сторожов 15 от сынов своих, а господичичев пять, то тѣх всих 20; но волю ему даяхуть, гдѣ хочеть ту ѣздяшеть и ястрябом ловяшеть; а своих слуг с 5 и с 6 с нимь ѣздяшеть; сторожевѣ же тѣ слушахутъ его и чьстяхуть его, и гдѣ послашеть кого, бес пря[5] творяхуть повелѣное им. Попа же бяшеть привел из Руси к себѣ, со святою службою: не вѣдяшеть бо божия промысла, но творяшеться[6] тамо и долъго быти. Но избави и господь за молитву хрестьяньску, им же мнозѣ печаловахуться и проливаахуть же слезы своя за него. Будущю же ему в половцех, тамо ся нашлѣзе ся мужь, родом половчин, именемь Лавор; и тот приим мысль благу, и рече: «пойду с тобою в Русь». Игорь же исперва не имяшеть ему вѣры, но держаше мысль высоку своея уности, мышляшеть бо емпе мужь и бѣжати в Русь, молвяшеть бо: «аз славы дѣля не бѣжах тогда от дружины, и нынѣ не славным путем не имам пойти». С ним бо бяшеть тысячкого сын и конюший его, и та нудяста и, глаголюща: «пойди, княже, в землю Рускую, аще восхощеть бог избавить тя»; и не угодися[7] ему время таково, какого же искашеть. Но якоже преже рекохом, возвратишася от Переяславля половци; и рекоша Игореви думци его: «мысль высоку и неугодну господеви имѣешь в собѣ: ты ищеши няти мужа и бѣжати с ним; а о семь чему не разгадаешь, оже приѣдуть половци с войны, а се слышахом, оже избити им князя и вас и всю Русь? да не будет славы тобѣ, ни живота». Князь же Игорь приим во сердцѣ съвѣт их, уполошася[8] приѣзда их и возиска[9] бѣжати: не бяшеть бо ему лзѣ бѣжати в день и в нощь, имъже сторожевѣ стрежахуть его, но токмо и веремя

[1] частина міської стіни [2] не застали [3] утримались, відстали [4] щоб [5] без заперечення [6] гадав [7] не видавався час [8] злякався [9] шукав нагоди

таково обрѣтѣ в заход солнца. И посла Игорь к Лаврови конюшого своего, река ему: «перееди на ону сторону Тора, с конемь поводным»: бяшеть бо съвѣчал[1] с Лавром бѣжати в Русь. В то же время половци напилися бяхуть кумыза, а и бы при вечерѣ: пришед конюший повѣда князю своему Игореви, яко ждеть его Лавор. Се же встав ужасен и трепетен, и поклонися образу божию и кресту честному, глаголя: «Господи сердцевидче! аще спасеши мя, владыко, ти недостойнаго» — и возмя на ся крест, икону, и подойма стѣну и лѣзе вон. Сторожем же его играющим и веселящимся, а князя творяхуть спяща. Сиѣ же пришед ко рѣцѣ и перебред, и всѣде на конь: и тако поидоста сквозѣ вежа. Се же избавление створи господь в пяток, в вечерѣ. И иде пѣшь 11 ден до города Донця, и оттолѣ иде во свой Новъгород, и обрадовашася ему; из Новагорода иде ко брату Ярославу к Чернигову, помощи прося на Посемье. Ярослав же обрадовася ем и помощь ему дати обѣща. Игорь же оттолѣ ѣха ко Киеву к великому князю Святославу, и рад бысть ему Святослав, также и Рюрик сват его.

[Зайняття Галича угорцями і визволення від угорців у 1189—1190 рр.]

Того же лѣта послашася галичькии мужи к Ростиславу к Берладничичю, зовуще его к собѣ в Галичь на княжение. Он же слышав рад бысть, испросися у Давыда, бяшеть бо Давыд приял его к собѣ, и еха ис Смоленьска вборзѣ; и приѣхавшю же ему ко украйнѣ галичькой, и взя два города галичькыи, и оттолѣ поиде к Галичю, по их съвѣту. Мужи же галичкии не бяхуть вси во одиной мысли: но чіи бяхуть сынове и братья у короля, то ти держахуться крѣпко мо королевичи. В то же время прислал бяше король полкы угорьския многи, сынови в помочь, бояся князий рускых. Слышав же се королевичь и воеводы угорьскыя, ажь идеть Ростислав к Галичю, по съвѣту галичьких мужь, королевичь же не имя им вѣры, поча их водити ко кресту; правии же целоваша не вѣдаюче, а виноватии блюдучися[2] угор. Ростислав же приде к полком галичкым в малѣ дружинѣ, не вѣды льсти их, мнѣв якоже ся ему обѣщалѣ, узрѣвше полк его отступити от королевича.

Бяшеть же и во его полку неколко мужь галичкых приѣхало: и си же узрѣвше льсть братья своея, подъпустивъше и[3] под полк свой и отступиша от него. И рекоша ему дружина его: «княже! се уже видиши лесть их, а поеди прочь». Он же рече: «братья! вы вѣдаете на чемь суть ко мнѣ крест целовалѣ; ажь ловять головы моея, да бог судить им и тот крест, его же ко мнѣ целовалѣ, а яз не хочю блудити в чюже землѣ, но хочу голову свою положити во отчине своей». И то рек дружинѣ своей, потъкнув[4] к полком галичкым; полци жѣ галичькыи и угре обьемше и сбодоша его с коня, и въземше его велми ранена и еле жива суща, и несоша и в Галичь. Галичани же возмятошася, хотяче изяти его у угор и прияти собѣ на княжение. Угре же усмотривше его и приложивше зелье смертьное к ранам, и с того умре; и положиша и в манастырѣ во церкви святого Іоанна, и причтеся к дѣдом своим и ко отцемь своим.

[1] умовився [2] остерігаючись [3] їх [4] кинувся

Літописці. Мініатюра з рукопису XVI—XVII ст. («Древнерусская миниатюра»).

Угре же вѣдаюче лесть галичькую, аже галичане ищють собѣ князя рускаго, и почаша насилье дѣяти во всемь: и у мужий галичкых почаша отъимати жены и дщери на постелѣ к собѣ, и в божницах почаша кони ставляти и в избах, иная многа насилья дѣяти. Галичани же почаша тужити велми и много каяшася, прогнавше князя своего.

В лѣто 6698 [1190]. Преставися князь Святополк, сын Гюргев, шюрин Рюриков, мѣсяца априля в 19 день, и положен бысть во церкви святого Михаила Златовѣрхаго, юже бѣ создал прадѣд его великый князь Святополк.

Того же лѣта преставися епископ Бѣлогородьский Максим; Рюрик же в него мѣсто постави епископом отца своего духовнаго, игумена святаго Михаила Андрѣяна Выдобычиского.

Того же лѣта ускочи[1] Володимер Ярославичь из угор из вежѣ каменое, ту бо держашеть и король и с попадьею его и с двѣима дѣтятема; поставлен бо бѣ ему шатер на вежи, он же изрѣзав шатер, и сви собѣ ужище и свѣсися оттуду доловь[2]; от сторожій же его бяста ему два во приязнь, яже и доведоста земли немѣчкыя ко цареви немѣцкому. Царь же увѣдав, оже есть сестричичь великому князю Всеволоду Суждальскому,

[1] утік [2] опустився звідти вниз

и прия его с любовью и с великою честью, и преставя к нему мужь свой и посла его Казимиру в ляхи, веля ему доправити Галича, по своей волѣ: ял бо ся бяше давати цареви по 2000 гривен сребра до года. Казимир же приставя к нему мужь свои Миклая и посла его в Галичь. Галичькии же мужи срѣтоша его с радостью великою, князя своего и дѣдича, а королевича прогнаша из земля своея, а Володимѣр сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего, на спасов день; и посла ко Всеволоду ко уеви своему в Суждаль, моляся ему: «отце господине! удержи Галичь подо мною, а яз божий и твой есмь со всим Галичемь, а во твоей волѣ есмь всегда». Всеволод же Суждальскии присла ко всим княземь и ко королеви в ляхы, и води я ко кресту, на своемь сестричичѣ Галича не искати николиже под нимь. Володимер же утвердився в Галичѣ, и оттолѣ не бысть на нь никогоже[1].

[Боротьба ських князів з кочовиками]

В лѣто 6699 [1191]. Сдумав Игорь с братьею ити на половцы, и шедше ополониша скотом и конми, и возвратишася восвояси. И опять на зиму ходиша Олговичи же на половци: Игорь с братом со Всеволодом, а Святослав пусти три сини, Всеволода, Володимера, Мьстислава, а Ярослав пусти своего сына Ростислава, а Олег Святославичь пусти сына Давида, и ѣхаша до Оскола; половцем же бысть вѣсть на ня, и пустиша вѣжа назад, а сами совокупившеся ждуть их; Олговичи же не могущи ся с ними бити, заложивъшеся нощью идоша прочь, половцы же освѣтивъшеся и не узрѣша их, и гонившеся по них и не постигоша их.

В лѣто 6700 [1192]. Князь Святослав со сватом своим с Рюриком совокупившеся и с братьею, и стояша у Канева все лѣто, стерегучи земли Рускиѣ; и тако сблюдше землю свою от поганых, и разъидошася восвояси.

[Землетрус у Києві]

В лѣто 6703 [1195]... Тое же зимы, по Федоровѣ недѣлѣ во вторник, в 9 час, потрясеся земля по всей области Киевьской и по Кыеву: церькви каменыя и деревяныя колѣбахуся, и вси людие видящие от страха не можаху стояти, овии падаху ници, инии же трепетаху. И рекоша игумени блажении: «се бог проявил есть показая силу свою за грѣх наша, да быхомся остали от злаго пути своего»; инии молвяхуть друг ко другу: «сии знамения не на добро бывають, но на падение многим, и на кровопролитье и на мятежь мног в Руской землѣ»; еже и сбысться.

[Смерть князя Всеволода, брата Ігоря]

В лѣто 6704 [1196]... Того же лѣта во Олговичех преставися князь Всеволод Святославличь, брат Игорев, месяца мая, и тако спрятавше тѣло его вся братья во Ольговичех племени, с великою честью и с плачемь великым и рыданием; понеже бо во Ольговичех всих удалѣе рожа-

[1] ніхто не виступав проти нього

емь, и воспитаемь, и возрастом, и всею добротою и мужьственою доблестью, и любовь имѣяше ко всим; епископ же черниговьской и вси игумени и попове проводиша его до гроба, со обычными пѣснми, и положиша его во церкви святоѣ богородици в Черниговѣ; и приложися ко отцем своим и дѣдом, дав общий долг, его же нѣсть убѣжати всякому рожденому...

ОРАТОРСЬКА ПРОЗА

ІЛАРІОН

Іларіона, першого митрополита київського з руських, а не з греків, вважають автором одної з перших (відомих нам) пам'яток літератури Київської Русі, церковної промови: «Слово о законѣ и благодати», складеної, мабуть, у 30—50 роках XI ст.

В досконалій ораторській формі «Слово» підносить християнську віру («благодать»), протиставляючи її «закону», тобто «Старому (ветхому) завіту» — староєврейській релігії («закон Мойсея»). Використовуючи біблійну розповідь про жінку Авраама Сару та його ж рабиню Агар, автор доводить вищість християнства від Мойсейового «закону».

Інтерес промови для нас не в цій догматичній частині, а в заключній, де автор уславлює князя Володимира, що переніс християнство в Руську землю, а разом і сина його Георгія — Ярослава Мудрого, який побудував у Києві храм Софії — «премудрості божої». В цій похвалі Іларіон з гордістю говорить про Русь як про країну, що «відома і чутна по всіх кінцях землі», побічно виступаючи проти зазіхань Візантії на церковно-державну гегемонію над Руссю.

Подаємо уривки за рукописом XVI ст., опублікованим А. В. Горським у вид. 1844 р. («Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I»).

СЛОВО

О ЗАКОНѢ, МОИСЕОМ ДАННѢМЬ И О БЛАГОДАТИ И ИСТИНѢ, ІИСУС ХРИСТОМЬ БЫВШІИХ, И КАКО ЗАКОН ОТЬИДѢ, БЛАГОДАТЬ ЖЕ И ИСТИНА ВСЮ ЗЕМЛЮ ИСПОЛНИ И ВѢРА ВО ВСЯ ЯЗЫКЫ ПРОСТРЕСЯ И ДО НАШЕГО ЯЗЫКА РУССКАГО; И ПОХВАЛА КАГАНУ[1] НАШЕМУ ВЛАДИМІРУ, ОТ НЕГО ЖЕ КРЕЩЕНИ БЫХОМ, И МОЛИТВА К БОГУ ОТ ВСЕЙ ЗЕМЛИ НАШЕЯ.

Благословен господь бог Ізраилев, бог християнеск, яко посѣти и сътвори избавленіе людям своим, яко не презрѣ твари своея до конца идольским мраком одержим быти и бѣсовськиим служеніим, но оправди прежде племя Авраамле скрижалѣми и законом, послѣжде сыном своим вся языки спасе Евангеліем и крещеніем и вводя в обновленіе пакыбытіа[2] в жизнь вѣчную...

[1] кагану — мабуть, хозарське слово — князь, цар [2] другого битія, відродження

Закон бо предтечя бѣ и слуга благодати и истинѣ; истина же и благодать слуга будушему вѣку, жизни нетлѣннѣй. Яко закон привождаше в законеныа к благодатному крещенію: крещеніе же препущает сыны своя на вѣчную жизнь. Моисій бо и пророцы о Христовѣ пришествіи повѣдаху. Христос же и апостоли его о воскресеніи и о будущем вѣцѣ.

А еже поминати в писаніи семь и пророческая проповѣданія о Христѣ и апостольская ученія о будущем вѣцѣ, то излиха есть и на тщеславіе склоняся. Еже бо в инѣх книгах писано и вам вѣдомо, то здѣ половіи, то дрьзостн образ есть и славохотію.

Не к невѣдущіим бо пишем, но прензлиха насыщшемся сладости книжныя; не к врагам божіим иновѣрным, но самѣм сыном его: не к странным, но к наслѣдникам небеснаго царствія. Но о законѣ, Моисеомь даннѣмь, и о благодати и истинѣ Іисус Христомь бывшіих повѣсть си есть.

И что успѣ закон? что благодать? Прежде закон, потом благодати: прежде стѣнь[1], ти потомь истина. Образ же закону и благодати — Агар и Сарра, работнаа Агар и свободнаа Сарра: работнаа прежде, ти потом свободнаа. И да разумѣет, иже чтет. Яко Авраам убо от уностн своея Сарру имѣ жену си, свободну, а не рабу: и бог убо прежде вѣк изволи и умысли сына своего в мір послати, и тѣм благодати явитися. Сарра же не рождаше, понеже бѣ неплоды; не бѣ неплоды, но заключена бѣ божіим промыслом на старость родити: безвѣстная же и утаенаа мудрости божіа утаена бяху ангел и человѣк, не яко не явима, но утаена и на конец вѣка хотящеся явитися. Сарра же глагола к Аврааму: «се заключи[2] мя господь бог не раждати; вниди убо к рабѣ моей Агари и розиши оть нея». Благодать же глагола к богу: «аще нѣсть времене снити ми на землю и спасти мір, сниди на гору Синай и закон положи». Слушая Авраам рѣчи Саррины и вниде к рабѣ ея Агари. Послуша и бог яже от благодати словес и сниде на Синай.— Роди же Агарь раба от Авраама рабочиш[3], и нарече Авраам имя ему: Измаил. И снесе Моисеи от Синайскыя горы закон, а не благодать, стѣнь, а не истину.— По сих же уже стару сущу Аврааму и Саррѣ, явися бог Аврааму, сѣдящу ему предь дверьми куща своеа, в полудне, у дуба Мамврійскаго; Авраам же тече в срѣтеніе ему и поклонися ему до землѣ и пріат и в кущу свою. Вѣку же сему к концу приближающуся, посѣти господь человѣчьскаго рода и сниде с небесе, в утробу дѣвицы въходя; пріят же и дѣвица с поклаияніем в кущу плотяную[4] не болѣвши, глаголющи к ангелу: «се раба господня, буди мнѣ по глаголу твоему».— Тогда убо отключи бог ложесна Саррина, и заченши роди Иссака, свободнаа свободнаго. Присѣтившу богу человѣчьска естества, явившася уже безвѣстная и утаеная, и родися благодать и истина, а не закон; сын, а не раб.— Яко отдоися[5] отроча Исаакъ и укрѣпѣ, и сътвори Авраам гостивству велику, егда отдоися Исаак, сын его. Егда бѣ Христос на земли, и еще благодать не укрѣпла бѣаше, но дояшеся еще, за тридесять лѣт, в няже Христос таяшеся; егда же отдоися и укрѣпѣ, явися благодать божіа спасеннаа человѣком в Іерданстѣй рѣцѣ; сътвори бог гостивству велику и пир велик тельцем упитанным от вѣка, въозлюбленным сыном своим Ісус Христомь, съзво-

[1] тінь [2] замкнув [3] раба [4] тілесну [5] вигодувався, зріс

вав на єдино веселіє нєбесныа и земленыа, съвъкупив въ едино ангелы и человѣки...

Вѣра бо благодатная и по всей земли распростреся, и до нашего языка рускаго дойде, и законьное озеро пресыше[1], евангельскый же источник наводнився, и всю землю покрыв, и до нас проліявся. Се бо уже и мы съ всѣми христіанами славим Святую Троицу, а Іюдея млъчит... Хвалит же похвальными гласы Римьская страна Петра и Павла, имиже вѣроваша в Ісуса Христа сына божіа; Асіа, и Ефес, и Патм — Іоанна Богослова; Индія — Фому, Египет — Марка; вся страны, и грады, и людіе чтут и славят коегождо их учителя, иже научиша православной вѣрѣ. Похвалим же и мы, по силѣ нашей, малыми похвалами великаа и дивнаа сътворѣшаго нашего учителя и наставника, великаго Кагана нашеа земля Владимера, внука старого Игоря, сына же славного Святослава, иже, в своа лѣта владычьствующа, мужством же и храбьрьством прослушя[2] в странах многах, и побѣдами и крѣпостію поминаются нынѣ и словут. Не в худѣ бо и не в неведоми земли владычьтсвовашя, но вь Русской, яже вѣдома и слышима есть всѣми концы землы...

Добрь послух[3] благовѣрію твоему, о блаженниче, святаа церкви святыа богородица Маріа[а], юже създа на правовѣрнѣй основѣ, идеже и мужьственое твое тѣло нынѣ лежит, ожыдаа трубы архангеловы. Добр же зѣло и вѣрен послух сын твой Георгій[б], егож створи господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству, не рушаща твоих устав, но утвержающа, ни умаляюща твоему благовѣрію положеніа, но паче прилагающа, не казяща, но учиняюща, иже недоконьчаннаа твоа доконча, акы Соломон Давыдова, иже дом божій великый святый его премудрости създа на святость и освященіе граду твоему, юже с всякою красотою украси златом и сребломъ, и каменіем драгыим, и съсуды честныими, яже церкви дивна и славна всѣмь окружныимь странамь, якоже ина не обрящется въ всем полунощи земнѣм, от встока до запада, и славный град твой Кыев величеством, яко вѣнцем, обложил, предал люди твоя и град святѣй всеславнѣй, скорѣй на помощь христіаном, святѣй богородици, ей же и церковь на великыих вратѣх създа во имя перваго господскаго праздника святаго благовѣщеніа...

Встани, о честнаа главо, от гроба твоего, встани, отряси сон. Нѣси бо умерл, но спиши до общаго всѣм встаніа. Встани, нѣси умерл, нѣсть бо ти лѣпо умрѣти, вѣровавшу в Христа, живота всему міру. Отряси сон, взведи очи, да видиши, какоя тя чьсти господь тамо сподобив, и на земли не безпамятна оставил сыном твоим. Встани, виждь чадо свое Георгіа, виждь утробу свою, виждь милаго своего, виждь, егоже господь изведе от чресл твоих; виждь красящаго стол земля твоей, и возрадуйся, възвеселися. К сему же виждь и благовѣрную сноху твою Ерину[в], виждь вънуки твоа и правнуки, како живут, како храними суть господем, како благовѣріе держат по преданію твоему, како в свя-

[1] висохло [2] уславилося [3] свідок

[а] Святаа церкви святыа богородица Маріа — так звана «Десятинна» церква у Києві, побудована Володимиром 996 р., поновлена Ярославом 1039 р., зруйнована татарами 1240 р.

[б] Ім'я князя Ярослава Мудрого, яке він дістав при хрещенні.

[в] Ірина, або Інгігерда, жінка Ярослава Мудрого.

тыа церкви чястят, како славят Христа, како поклоняются имени его. Виждь и град величьством сіяющ, виждь церкви цвѣтущи, виждь христіанство растуще, виждь град иконами святыих освѣщаем блистающеся, и тиміаном объухаем[1] и хвалами и божествеными пѣніи святыими оглашаем. И си вся видѣв, възрадуйся, и взвеселися, и похвали благого бога, всѣм сим строителя.

КИРИЛ ТУРОВСЬКИЙ

Кирил, єпіскоп Туровський,— відомий письменник-проповідник 60—80-х років XII ст. Вважається встановленим, що він написав дев'ять «слов»-проповідей на теми різних свят, три поучения чернцям і деякі інші твори. «Слова» Кирила Туровського, одного з найосвіченіших представників літератури XII ст., з їх урочистою риторичною формою, алегоричним тлумаченням явищ природи і образів біблії, з драматизацією біблійних подій, з числ ними афоризмами й притчами, свідчать, що автор добре знав тодішню літературу й мав великий ораторський талант.

Наведені уривки з «Слова в новую недѣлю по Пасцѣ» і з «Слова на Вознесеніе господне» подаємо за виданням: *К. Ф. Калайдович*, «Памятники российской словесности XII века», М., 1821.

СЛОВО В НОВУЮ НЕДѢЛЮ ПО ПАСЦѢ

...Ныня солнце красуяся к высотѣ въсходить и радуяся землю огрѣваеть, възиде бо нам от гроба праведное солнце Христос и вся вѣрующая ему спасаеть. Ныня луна с вышьняго съступивъши степени, болшему свѣтилу честь подаваеть; уже ветхый закон, по писанію, с суботами преста и пророкы Христову закону с недѣлею честь подаеть. Ныня зима грѣховная покаяніемь престала есть и лед невѣрія богорозуміемь растаяся; зима убо язычьскаго кумирослуженія апостольскым ученіемь и Христовою вѣрою престала есть, лед же Фомина невѣрія показаніемь Христов ребр растаяся. Днесь весна красуеться, оживляющи земное естьство; бурніи вѣтри, тихо повѣвающе, плоды гобьзують и земля сѣмена питающе зеленую траву ражаеть. Весна убо красная вѣра есть Христова, яже крещеніемь поражаеть человѣчьское покыестьство; бурніи же вѣтри грѣхотвореній помысли, иже покаяніемь претворшеся на добродѣтель душеполезныя плоды гобьзують: земля же естьства нашего, акы сѣмя слово божіе пріимши, и страхомь его присно болящи, дух спасенія ражаеть.

Ныня новоражаеміи агньци и унци, быстро путь перуще, скачють, и скоро к матерем възвращающеся веселяться, да и пастыри свиряюще веселіемь Христа хвалять. Агнеца, глаголю, кроткыя от язык люди, а унца кумирослужителя невѣрных стран, иже Христовомь вѣчеловѣченіемь и апостольскымь ученіемь и чюдесы, скоро по закон емъшеся, к святѣй церкви възвратившеся, млеко ученія ссуть; да и учители Христова стада о всѣх молящеся, Христа бога славять, вся волкы и агньца в едино стадо собравшаго. Ныня древа лѣторасли испущають, и цвѣти благоуханія процвитають, и се уже огради сладъкую подаваютъ воню,

[1] запашний

и дѣлатели, с надежею тружающеся плододавца Христа призывають. Бѣхом бо преже акы древа дубравная, не имуще плода, ныняже присадися Христова вѣра в нашемь невѣрьи, и уже держащеся корене Іосѣева, яко цвѣты добродѣтели пущающе, райскаго пакыбытья о Христѣ ожидають, да святители о церкви тружающеся от Христа мьзды ожидають. Ныня ратаи слова, словесныя уньца к духовному ярму приводяще, и крестьное рало в мысленых браздах погружающе, и бразду покаанія почертающе, сѣмя духовное въсыпающе, надежами будущих благ веселяться. Днесь ветхая конець пріяша, и се быша вся нова, въскресенія ради. Ныня рѣкы апостольскыя наводняются, и язычныя рыбы плод пущають, и рыбари. глубину божія вѣчеловѣченія испытавъше, полну церковьную мрежю ловитвы обрѣтають: рѣками бо, рече пророк, расядеться земля, узрять и разболяться нечестивіи людіе. Ныня мнишьскаго образа трудолюбивая бчела, свою мудрость показающи, вся удивляеть; якоже бо они в пустынях самокърміемь живуще, ангелы и человѣкы удивляють, и си на цвѣты излетающи, медвеныя сты стваряеть, да человѣком сладость и церкви потребная подасть. Ныня вся доброгласныя птица церковьных ликов гнѣздящеся веселяться: и птица бо, рече пророк, обрѣте гнѣздо себе, олтаря твоя, и свою каяжьдо поющи пѣснь, прославить бога гласы немолчьными...

СЛОВО НА ВѢЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ

...Пойдем же и нынѣ, братіе, на гору Елеоньскую умомь, и узрим мыслью вся преславьная, створивъшаяся на ней; на ту бо гору сам Христос бог нашь днесь пришел есть, и всѣх святых чинове тамо събрашася: праотечьстіи събори патріаршьское множьство, пророчьстіи пълци, апостольстіи ликове, и вѣрных тълпы, с седмьдесятьными Христовы ученикы, о них же рече Павел... Нъ си оставльше, о възнесеніи Христовѣ нобесѣдуим, и яже быша на горѣ Елеоньстей. Тамо бо ангельскыя силы и архангельская воиньства: ови облакы крилы вѣтрьними приносять на възятіе от земля Христа бога нашего, друзіи же престол херувимьскый готовять; бог отець жидеть[1], его же преже имѣ в ядрѣх, с собою, дух же святый велить всѣм ангелом его; възмѣте врата небесная, да вънидеть царь славы. Небеса веселяться, своя украшающе свѣтила, да благословяться от своего творца, с плътію сквозѣ тѣх врата на облацѣх възнотварь красуеться, от Елеоньскыя горы просвѣщаема, яко на той ангели с святыми апостолы, по повелѣнію бога отца съвькупишася, ожидающе сыновьня пришествія. Тѣм сій праздьник паче инѣх честьнѣй бысть нам, и си гора святѣйши есть Синайскыя горы. На ону бо невидимо съниде, а на сей явьствьно ся показа, на Синайскую бо съшьд, вся устрашаше, зане гора вся горяше огньм, молнія же и громи приступающая к горѣ умьрщвяху, тѣчью с единѣм Моисѣемь бог бесѣдоваше; а на Елеоньскую с тьмами святых въшьд Христос, вся освящаеть, и вся утѣшаеть. Свътить бо ся Елеон яко солнце, святых чины с Христосъмь на собѣ имѣя, и за оны громы и мълнія пророчьстіи слышатся гласи, яже радостьно

[1] зам. «ждеть»

ликъствують глаголюще: възнесися силою твоею, боже, поем и въспоем силы твоя. Ангели вся поущають глаголюще: въскликнѣте богу вся земля, пойте же имени его; патріарси начинають пѣснь: се бог нашь възноситься, смирив обоя в едино, и съвъкупив земныя с небесными; преподобніи възглашають: възнесися на небеса, боже, по всей земли слава твоя, праведници велегласують: възнесися судяй земли, да и мы в свѣте лица твоего, господи, пойдем; Давыд же акы старѣйшина ликов, уяшняя пѣсненые гласы, глаголеть: вси языци въсплещѣте руками, въскликнѣте богу гласомь радости, да възидеть бог в въскликновеніи и господь в гласѣ трубьнѣ; всѣх же глас оконьчеваеть Павьл, глаголя: кто възиде на небеса, Христа съвести? Кто ли сълезе в бездьну, Христа възвести? Нъ тъ есть съшедый, и пакы въшедый, превыше всѣх небес. Туже бѣ и язычьская церквы, уневѣстивъщіяся Христу, и того ныня възносима на небеса зрящи скърбить, и стонющи от сердца с Соломономь въпіеть уязвена есмь аз любовію твоею, женише небесный, не трудихъся в слѣ тебе, и дни человѣка не в[illegible] любих. И акы проводящи любимаго въпіеть: да цѣлуеть мя от лъбъзанія уст его; с нею же и апостольский лик, зряще на своего учителя и господа, акы чада церковьная, жалостьно глаголаху: Владыко! не остави нас сир, их же волею възлюбил еси яко милостив, нъ посъли, яко же обѣщал еси нам, твой пресвятый дух. К ним же отвѣща Ісус, милостію утѣшая: сядѣте в Іерусалимѣ, аз бо въсхожю к отцу моему и богу вашему и посълю, яко обѣщах вам, иного параклита, духа моего и отча. И въздвиг руцѣ, благослови я. И се рек възношашеся на небо, и ти поклонишася ему, и облак свѣтьл подъят и от очію их: възиде бо, рече, на херовим, и летѣ на крилу вѣтрьнюю. Имѣяшеть же с собою господь и душа человѣческы, яже възнесе на небеса в дар своему отцю, их же в горнимь градѣ усели... Предиже течаху ангельскыя силы, страхомь и радостію, отврѣсти хотяще врата небесная; нъ вышьніи вратьници възбрапяху, въпіюще: си врата господня, да никтоже земных суду проходить, нам бо положи бог яже не мимо идуть; цыняже дивимъся, зряще человѣка на херовимьстѣм престолѣ сѣдяща, и преже серафим тъщащася врата си проити. Ангели же повѣдаху сына божія силу и сан, человѣчьскымь обложена тѣлесемь, и не пререковати божіи воли, вся мудростію творящому: съниде бо, рѣша, на землю, никомуже не чювъшю, и се рабій нося образ въсходить; ониже рѣша: не будем покори, аще не услышим слова божія. Тъгда възгласи Христос: отвьрзѣте мнѣ врата правьды, и въшьд в ня възвѣщю отцю моему, яже на земли съдѣях и пострадах. И познавъше глас господень вся силы небесныя падъше поклонишася, глаголюще: аще не видѣхом, владыко, тебе сходяща, се поклоняемътися въсходящю в славѣ. И дух святый на срѣтеніе ишьд, въводить равьна собѣ сына божія, и почесть творя глаголеть: и да поклоняться ему вси ангелы божіи. Сам же бог отець възгласи к грядущему в плъти. Сын мой еси ты, сяди одесную мене, се престол твой, боже, в вѣкы вѣку; твоя суть небеса и твоя есть земля, и конець ея ты основа. И посадив отець сына на престолѣ, и своею вѣнча его десницею, въспѣвающем сице серафимом: положил еси на главѣ его вѣнець от каменія драгаго, славою и честью вѣнчал еси его, славу и вельлѣпоту възложил еси нань. Посемь съвьршаеть помазаніем божія сущьства, яко же Давыд послушьствуеть: сего ради помаза тя, боже, бог твой олѣемь радости паче при-

частьник твоих. Да поистинѣ сій праздник пълн есть радости и веселія: радость на небесѣх възнесъшюся Христу к отцю, и на земли веселіе всей твари обновльшися от истьлѣнія. Тѣмже и мы, братіе, придѣте въздрадуимъся господеви, въшьдъшему на небо небесное на въстокы, сѣдящему одесную отца поклонимъся, пріимъшему всяку власть на небеси и на земли помолимѣся, царьствующому с отцемь принесем вѣру яко дары, не явимъся пред нимь тъщи в день праздьника, да пріемем божію благодать. Днесь бо своя Христос всѣм раздаваеть дары: даеть отцю принесеную имь в жертву плъть, посылаеть апостолом святый дух, въводить душа святых пророк в небесное царство, раздѣляеть своим угодником горняго града обители, отверзаеть праведником рай, вѣнчаеть страдавъшая зань мученикы, посылаеть страстотерпцем чюдес благодать, даеть святителем душеполезная прошенія, отпущаеть грѣшником прегрѣшенія, милуеть вся творящая волю его и хранящая заповѣди его, посылаеть благовѣрным князем нашим съдравіе тѣлесем и душам спасеніе и врагом одоленіе, утвьржаеть церкви, обогащаеть церковьникы, честьны творить служащая ему іерея и діяконы, освящаеть монастырѣ, прославляеть игумены, укрѣпляеть на тьрпѣніе мнихы, благословляеть вся крестьяны: малыя с великыми, нищая с богатыми, рабы с свободными, старьцѣ с уношами, и женимыя с дѣвицями, матери с младенци, сироты с вдовицами. Придем и мы, братіе, в святую церковь; взвеличим Христа бога нашего, давъшаго ны живот: прославим и по сих обѣщавъшаго небесное царство; възнесем имя его въкупѣ, да послеть и нам пресвятый свой дух; того бо есмы раби, и тому славу, чьсть и покланяніе въсылаем, с отцем и с пресвятымь, благыимь и животворящимь духомь, ныня и присно и в вѣки вѣком, аминь.

СЛОВО ПРО КНЯЗІВ

«Слово о князех» (або «Слово похвальное на перенесеніе мощей св. Бориса и Глѣба)» виголошене було наприкінці XII або в XIII ст., очевидно, на Чернігівщині.

Присвячене братам-миролюбцям Борису і Глібу, «Слово» цікаве своїм публіцистичним пафосом: у піднесеному пристрасному тоні автор картає князів, зокрема чернігівських, за їх «усобиці», при яких вони наводять половців па Руську землю.

Текст, наведений далі, взято з 98 тома «Памятников древней письменности»: «Слово похвальное на перенесеніе мощей св. Бориса и Глѣба», сообщение Хрисанфа Лопарева, СПБ, 1894.— Друкуємо список I (XV ст.), трохи спрощуючи орфографію.

СЛОВО О КНЯЗЕХ

...Слышите, князи противящеся сгарѣйшей братьи и рать въздвижуще и поганыя на свою братью возводяще, не обличил ти єсть бог на страшнѣм судищи Како святыи Борис и Глѣб претерпѣста брату своему не токмо отъятие власти, но отъятие живота. Вы же до слова[1] брату стерпѣти не можете и за малу обиду вражду смертоносную въздвижете, помощь присмлете от поганых на свою братью. Нѣколи чающим израильтяном рати халдѣискыя на Iерусалим, послаша к фараону Єгупеть помощи просяще, да быша халдѣи не плѣнили Иерусалима, бог посла пророка к ізраильтяном, глаголя: «Понеже не уповасте на бога, създавшего вы, но надежю всю возложивше на єгуптяны. халдѣя же отвожду от вас, но от єгуптян плѣнени будете: на нихже уповасте, от тѣх погыбнути вы велю», якоже и бысть.

...Познайте, князи, свое величество и свою честь. Князя дѣда имате святаго Володимера, приведъша к богу тысяща тысящами и тьмы тьмами душь праведных; каку братью имате сиа великыя чюдотворца Бориса и Глѣба[1]. Сима поревнуите, сею образ[2] имѣите, сима накажетеся[3]. Аще ли сотона коли вражду ввержеть между братьею, да помяneть сею святою, како смерть улюбита паче пріяти[4], нежели вражду удержати; и то кто претерьпить.. и мир преже начнеть, то сима от бога равну мъзду прииметь.

Кінні воїни. Мініатюра з рукопису XVI—XVII ст. («Древнерусская миниатюра»).

Скажю же вы притчю о сем не в чюже странѣ бывшю. Давид Святославичь, а Святослав Ярославичь, святаго Бориса и Глѣба брата, тот Давид ни с кѣм не имѣаше вражды; аще кто нань рать въздвигнеть, он же покореніем своим рать уставляше. Княжаше в Чернигове в болшем княженьи, понеже бо старии братьи своєй. Аще кто кривду створяше к нему от братьи, он же все на собѣ притираше[5], кому ли крест цѣловаше, в весь животь свои не ступаше[6], аще кто к нему не исправляше цѣлованиа, он же єдинако исправляше[7]; никого приобидѣ, ни зла створи. Братья же єго, видяще тако суща, вси слушахуть єго, яко отца, и покоряются єму, яко господину.

В веліцѣ тишинѣ бысть княженіе єго. Єгда же изволи бог пояти душу єго от тѣла, и болѣвшу єму недолго, позна єпископ Фектист, яко

[1] і слова

[1] а яку братію маєте? Цих великих і т. д. [2] зразок [3] повчіться [4] як вони хотіли скорше смерть прийняти [5] зносив [6] не переступав, не порушував [7] однаково додержував.

Кінний воїн. Мініатюра з рукопису XVI—XVII ст. («Дрневнерусская миниатюра»).

уже князь преставитися хощеть, повѣлѣ пѣти канун кресту; єдиною рассѣдеся верх теремцю, и вси ужасошася, и влетѣ голубь бѣл, и сѣде єму на грудех; и князь душу испусти, голубь же невидим бысть, и наполнися храм благыа воня. И несоша князя в Спас святый долго по вечернѣ. Пришедши звѣзда ста над крестом. Оттолѣ несоша и в церьковь Бориса и Глѣба, създаную от него. Звезда же от Спаса преступи над мученическую церковь. Пѣвшу єпископу над князем, гроб не докончян бысть. Єпископу рекшу: «Се уже солнце заходить; заутра похороним и». Всѣм сѣдящим над князем шедъше в церковь, повѣдаша єпископу: «Солнце не заходить, но во єдином мѣстѣ стоить». Єпископ же удивився и похвали бога. Дондеже камень сровнаша и князя вложиша в гроб, тогда солнце заидеть.

Разумѣите, чяда, како бог прославляєт своа угодники и ходящая в повелѣниих єго и сдѣ таковыми чюдесы: аггел явися в голубинѣ образѣ, благоуханиє от тѣла явися, звѣзда, с небеси пришедши, над тѣлом ста, солнце заити не смѣаше повелѣнием владычьним дондеже в гроб тѣло святоє вложено бысть, каку славу приємлеть, на небеси. Речеть ли кто, яко жены не имѣ, но и дѣти имѣаше. Преподобный Никола Святоша єго сын бѣ и ина двои сына. Или речеть кто, яко дому не имѣ, того ради заповѣдь господню исправити возможе, многажды бо слышах нѣкыя невѣгласы глаголюща: «С женою и с чяды свими не можем спастися». Сеи бо князь не єдин дом имѣаше, но многи, князь всеи земли черниговськои; заповѣдь владычню исправив в сем животѣ своєм, ни с кѣм вражды имѣ. Постыдитеся враждующи на братью свою и на єдиновѣрнякы своя, въстрепещете, въсплачете пред богом, пакы славы отпадаєте за єдино злопомнение. Но не даи же вы господь, се слышавшим, отпасти славы с сима страстотерпцема, єю же днесь убиєниа празднуєм, єю же чюдеса пред очима вашими предлежат...

ЖИТІЙНА ЛІТЕРАТУРА

СКАЗАНІЄ ПРО БОРИСА І ГЛІБА

«Сказаніе и страсть и похвала святую мученику Бориса и Глѣба», що виникло в кінці XI або на початку XII ст., належало до найпопулярніших пам'яток житійної літератури Київської Русі (збереглося близько 150 списків різних редакцій і чимало наслідувань). Питання про автора викликало багато суперечок, бо належність цього житія Іакову-мніху (XI ст.), яку обстоюють і досі деякі дослідники, не може вважатися доведеною. «Сказаніе» складається з двох частин (власне «житія» і чудес) і характерне не тільки рідкою в агіографії історичністю і реалізмом деталей, а й тими елементами декламаційно-ораторського стилю, що надовго зробили його зразком для пізнішої житійної літератури, зокрема зразком «князівських житій». Крім особливостей агіографічного твору, в «Сказаніи» маємо і прикмети історичної воїнської повісті. Найстаріший список «Сказанія» маємо в т. зв. «Успенском сборнике» XII ст.

Наведений тут текст узято (із скороченнями) з видання: *С. Бугославський*, «Україно-руські пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба», К., 1928 (Збірник Історич.-філол. відділу ВУАН, № 77).

СКАЗАНІЕ И СТРАСТЬ И ПОХВАЛА СВЯТУЮ МУЧЕНИКУ БОРИСА И ГЛѢБА

«Род правыих благословиться», рече пророк, «и сѣмя их в благословеніи будеть».

Сице убо бысть малъмь преже сих лѣт, сущю самодрьжьцю вьсеи Русьстѣи земли Володимеру, сыну Святославлю, вънуку же Игореву, иже и святыимь крєщеніемь просвѣти всю землю Руську: прочая же его добродѣтели инде съкажем, нынѣ же нѣсть время, а о сих по ряду сице есть: сь убо Володимер имѣяше сынов 12, не от единая жены, нъ от расн[1] матер их; в них же бяше старѣи Вышеслав, а по немь Изяслав, третій Святопълк, иже и убійство се зълое изъобрѣт. Сего мати преже бѣ чьрницею, грькыни сущи, и поял ю бѣ Яропълк, брат Володимер, и ростриг ю красоты дѣля лица ея и зача от нея сего Святопълка. Володимер же поган еще убив Яропълка, и поят жену его непраздьну[2] сущю; от неяже родися сій оканьный[3] Святопълк. И бысть от дъвою отцю и брату сущю; тѣмь же и не любляаше его Володимер, акы не от себе ему сущю; а от Рогнѣди 4 сыны имѣяше: Изяслава, и Мьстислава, и Ярослава, и Всеволода, а от иноя Святослава и Мьстислава, а от българынѣ Бориса и Глѣба. И посажа я по роснам землям в княженіи, иже инъде съкажем; сих же исъповѣми убо; о них же и повѣсть си есть. Посади убо сего оканьнаго Святопълка в княженіи Пиньскѣ, а Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ, а Глѣба Муромѣ. Нъ се остану много глаголати, да не во многописаніи в забытье вълѣзем. Нъ о немь же начах, си съкажем убо сице. Многом же дньм уже минувъшем и яко съконьчашася дніе Володимеру, уже минувъшем лѣтом 28 по святѣмь крьщеніи, въпаде в недуг крѣпък.

[1] різних [2] вагітну [3] окаянний

Бориса везуть у Вишгород. Варяги добивають його в дорозі.
Мініатюра з Радзівілівського списку літопису, XV ст. (з фототипічного видання).

В то же время бяше пришел Борис из Ростова; печенѣгом же отъонуду пакы идущем ратію на Русь. В велицѣ печали бяаше Володимер, зане не можаше изити противу им, и много печаляшеся, и призъвав Бориса (ему же бѣ имя издѣяно в святѣм кръщеніи Роман), блаженааго и скоропослушьливаго, предав воѣ многы в руцѣ его, посъла и противу безбожьным печенѣгом. Он же с радостію въстав иде рек: «Се готов есмь пред очима твоима сътворити, елико велить воля сердца твоего». О таковых бо рече Притъчьник: «Сын бых отцю послушьлив и любим пред лицьмь матере своея».

Отшедъшю же ему и не обрѣтъшю супостат своих, възвративъшюся ему въспять, и се приде вѣстьник к нему съказа отчю ему съмьрть, како преставися отець его Василій (в се бо имя бяше наречен в святѣмь кръщеніи), и како Святопълк потаи съмьрть отца своего, и ночь проимав[1] помост на Берестовѣмь и в ковьр обьртѣвъше, съвѣсивъше ужи на землю, везъше на саньх, поставиша и в цьркви святыя богородица. И како услыша, начат тѣлъм утьрпывати[2], и лице его вьсе сльз испълнися; и сльзами разливаяся и не могыи глаголати, в сьрдци си начат сичевая вѣщати: «Увы мнѣ, свѣте очію моею, сіяніе и заре лица моего, бръздо уности моеѣ, паказаніе недоразумія моего! Увы мнѣ, отче и господине мой! К кому прибѣгну, к кому възърю? Къде ли насыщюся таковааго благааго уче-

[1] розібравши [2] слабнути

нія и казанія[1] разума твоего? Увы мнѣ, увы мнѣ! Како заиде свѣте мой, не сущу ми ту! Да бых понѣ сам чьстьное твое тѣло своима руками съпрятал и гробу предал, иъ то ни понесох красоты мужьства тѣла твоего, ни съподоблен бых цѣловати доброльных твоих сѣдин. Нъ, о блаженіе, помяни мя в покои твои. Сьрдце ми горить, душа ми съмысл съмущаеть и не вѣмь, к кому обратитися и к кому сію горькую печаль простреѣти: к брату ли, его же бых имѣл в отца мѣсто,— иъ тъ, мьню, о суетіи мірьских поучається и о убіеніи моемь помышляеть; да аще на убійство мое потъщиться, мученик буду господу моему, аз бо не противлюся, зане пишеться: «Господь гърдым противиться, съмѣреным же дает благодать»; апостол же: «Иже рече, бога люблю, а брата своего ненавидить, лъжь есть». И пакы: «Боязни в любъви нѣсть; съвьршеная любы вън измещеть страх». Тѣмь же чьто реку или чьго сътворю? Се да иду к брату моему и реку: ты ми буди отець: ты ми брат и старѣи. Чьто ми велиши, господи мой?».

И си на умѣ си помышляя, идяше к брату своему и глаголааше в сердци своемь: «То понѣ узърю ли си лице братьца моего мьньшааго Глѣба, яко же Іосиф Веніямина!» И та вься полагая в сердци си глаголааше: «Воля твоя да будеть, господи мой!» Помышляше же в умѣ своемь: «Аще пойду в дом отца своего, то языци мнози еда превратять сьрдце мое, яко прогнати ми брата моего, яко же и отец мои преже святого крьщенія, славы ради и княженія міра сего, иже все мимоходить и хуже паучины,— то камо имам пріити по отшьствіи моемь отсюду? Как ли убо обрящюся тьгда?..»

Идыи же путьмь помышляше о красотѣ и добротѣ телесе своего, и сльзами разливаашеся вьсь и хотя удръжатися и не можааше. И вси зьряще его тако слезна, плакаахуся о доброродьнѣмь тѣлѣ и чьстьнѣмь разумѣ въздраста его, и къждо в души своеи стонааше горестію сьрдьчьною, и вси съмущаахуся о печали.

Къто бо не въсплачеться, съмрьти тоѣ пагубноѣ приводя пред очи сьрдца своего?

Образ бо бяаше унылыи его, възор и скрушеніе сьрдьца его святого. Так бо бѣ блаженыи тъ правьдив и щедр, тих, кротък, съмѣрен; всѣх милуя и вься набъдя[2].

Помышляаше же в себѣ богоблаженыи Борис и глаголааше: «Вѣдѣ, яко брата моего зълуради чловѣци понудять и на убійство мое и погубять мя. Да аще пролѣеть кръвь мою, то мученик буду господу моему, а дух мои пріиметь владыка».

Таче, забыв скърбь съмьртьную, тѣшааше сьрдце свое о словеси божіи: «Иже погубить душю свою мене ради и моих словес, обращеть ю в животѣ вѣчьнѣмь, съхранить ю».

И поидѐ радъстьнъмь сьрдцьм рекыи: «Не презьри мене, господи премилостиве, уповающааго на тя, нъ спаси душю мою».

Святопълк же сѣдя Кыевѣ по отци. Призвав кыяны, многы дары им дав, отпусти я. Посла же к Борису, глаголя: «Брате, хочю с тобою любъвь имѣти, и к отьню данію[3] еще ти придам». Льстьно, а не истину глаголя. Пришед Вышегороду ночь отаи[4], призъва Путьшю и вышего-

[1] науки [2] про всіх дбаючи [3] до даного батьком [4] потай

родьскыѣ мужѣ и рече им: «Повѣдите ми по истинѣ, пріязньство имѣете ли к мнѣ?» Путьша реча: «Вьси мы можем главы своя положити за тя».

Видѣв же діявол и искони ненавидяи добра чловѣка, яко вьсю надежю свою на господа положил есть святый Борис, начат подвижьньи бывати, и обрѣт, яко же преже Каина на братоубійство горяща, тако же и Святополка по истине вътораго Каина, улови мыслью: яко да избіеть вся наслѣдьникы отца своего, а сам пріимьть всю власть един.

Тъгда призъва к себѣ оканьныи трьклятыи Святопьлк съвѣтьникы всему злу и начальникы всеи неправьдѣ, и отъвьрз пресквьрньная уста, испусти зълый глас, рече: «Путьшинѣ чади! Аще убо обѣщастеся главы своя положити, шедъше убо, братія моя, отаи, къде обрящете брата моего Бориса, съмотрьше время [1], убіите и».

И обѣщашася ему тако сътворити.

...Блаженыи же Борис, яко же ся бѣ воротил и стал бѣ на Льтѣ шатьры, и рѣша к нему дружина: «Поиди, сяди Кыевѣ на столѣ отьни; се бо вси вои в руку ти суть». Он же им отвещаваше: «Не буди ми възняти рукы на брата старѣиша мене, его же бых имѣл, акы отца».

Си слышавъше, вои разидошася от него, а сам оста тъкъмо с отрокы своими. И бяаше в дьнь суботьныи; в тузѣ и печали удручьнъмь сердцемь, и вълѣз в шатьр свои плакашеся скърушенъмь, сърдцьмь, а душею радостьною, жалостьно глас испущааше: «Сльз моих не презьри, владыко, да яко же уповаю на тя! Тако да с твоими рабы пріиму часть и жребіи в вьсѣми святыими твоими, яко ты еси бог милостив и тебѣ славу въсылаем в вѣкы. Аминь».

...Таче бысть вечер, и повелѣ пѣти вечерьнюю, а сам вълѣз в шатьр свои, начат молитву творити вечерьнюю с сльзами горькыми и частыимь въздыханіемь и стонаніемь многымь. По сих леже съпати, и бяше сън его в мнозѣ мысли и в печали крѣпъцѣ и тяжьцѣ и страшнѣ: како предатися на страсть, како пострадати и теченіе съконьчати, и вѣру съблюсти, яко да и щадимый [2] вѣньць пріиметь от рукы вьседьржителевы. И възбьнув [3] рано, видѣ, яко год [4] есть утрьніи,— бѣ же в святую недѣлю,— рече к прозвутеру [5] своему: «Въстав, начьни заутрьнюю». Сам же, обув нозѣ свои и умыв лицо свое, начат молитися к господу богу.

Посъланніи же пріидоша от Святопълка на Лъто ночь и подъступиша близ [6], и слышаша глас страстотьрпьца, пьюща псалмы заутрьняя,— бяше же ему вѣсть о убіеніи его.— И начат пѣти: «Господи, чьто ся умножиша сътужающіи [6] ми и мнози въсташа на мя», и прочая псалма до коньца... И коньчавъшю ему утрьнюю, начат молитися, зьря к иконе господьни... И яко услышаше топот зъл окрест шатьра и трьпьтьп, и начат слъзы испущати от очію своею, и глаголааше: «Слава ти, господи, о вьсемь, яко съподобил мя еси зависти ради пріяти сію горькую съмьрть и все прострадати любъве ради словесе твоего. Не въсхотѣх бо възискати себѣ сам; ничьто же себѣ изволих по апостолу: «любы вьсе тьрпить, всему вѣру емлеть и не ищеть своих», и пакы: «боязни в любъви нѣсть; съвѣршеная бо любы вън отъмещеть боязнь». Тѣм, владыко, душа моя в руку твоею вьину, яко закона твоего не забых; яко господеви годѣ [7] бысть,

[1] добравши час [2] приготований [3] прокинувшись [4] година [5] священику [6] ті, хто утискують [7] завгодно

тако буди». И яко узьрѣста попин [1] его и отрок, иже служаше ему, и видѣвъша господина своего дряхла [2] и печалію обліяна суща, расплакастася зѣло и глаголаста: «Милыи господине наю и драгыи! Колико благости испълнен бысть, яко не въсхотѣ противитися брату любъве ради Христовы, а коликы воя дьржа в руку своею!»

И си рекъша умилистася. И абіе узьрѣ текущих к шатьру, блистаніе оружія и мечьное оцещеніе [3]. И без милости прободено бысть честьное и многомилостивое тѣло святого и блаженааго Христова страстотьрпьца Бориса. Насунуша копіи оканьніи: Путьша, Тальць, Еловичь, Ляшько. Видѣв же отрок его, вьржеся на тѣло его, рекыи: «Да не остану тебе, господине мои драгыи!» Да идеже красота тѣла твоего увядаеть, ту и аз съподоблен буду живот свои съконьчати».

Бяше же сь родъмь, угрин имьньмь Георгіи. И бяше възложил нань гривьну злату и бѣ любим Борисъмь паче мѣры. И ту же и пронъзоша. И яко бысть уранен, и искочи из шатьра в оторопѣ. И начаша глаголати стояще округ его: «Чьто творите зьряще? Приступивъше, сконьчаим повелѣное нам». Си слышав, блаженыи начат молитися и мил ся им дѣяти, глаголя: «Братія моя милая и любимая! Мало ми время отдаите, да понѣ помолюся богу моему». И възьрѣв на небо с сльзами и горцѣ въздъхнув, начат молитися... Таче, възьрѣв к ним умиленама очима и спадъшемь лицьмь, и вьсь сльзами обліявъся, рече: «Братіе, приступивъше, сконьчаите служьбу вашю, и буди мир брату моему и вам, братіе»...

И абіе усъпе, предав душю свою в руцѣ бога жива, мѣсяца іулія в 24 дьнь, преже 9 каланд [4] августа. Избиша же и отрокы многы. С Георгія же не могуще съняти гривьны и, отсѣкъше главу, отъвьргоша и кромѣ; да тѣмь и послѣдь не могоша познати тѣла его.

Блаженааго же Бориса обьртѣвъше в шатьр, възложивъше на кола [5], повезоша. И яко быша на бору, начат въскланяти святую главу свою. И се увѣдѣв Святопълк, послав два варяга, и прободоста и мечьмь в сьрдце. И тако съконьчася и въспріят неувядаемыи вѣньць. И положиша тѣло его, принесъше Вышегороду, у цьркве святааго Василія в земли погребоша.

И не до сего остави убійства оканьныи Святопълк, нъ и на большая, неистовяся, начат простиратися...

И си на умѣ си положив, зълыи съвѣтьник дияволь посла по блаженааго Глѣба, рек: «Приди в бързѣ, отець зоветь тя, и не съдравить тя вельми».

Он же в бързѣ, в малѣ дружинѣ, въсѣд на конь, поиде. И пришед на Вългу. На полѣ потьчеся [6] под нимь конь в ровѣ и наломи ногу малы. И яко приде Смолиньску и поиде от Смолиньска, яко зърѣимо едино [7], ста на Смядинѣ въ кораблици. И в се времѧ пришьла бяаше вѣсть от Передъславы к Ярославу о отьни съмьрти. И присла Ярослав к Глѣбу, река: «Не ходи, брате, отець ти умьрл, а брат ти убіен от Святопълка».

И си услышав, блаженыи възпи плачьмь горькыимь и печалію сьрдьчьною...

[1] піп [2] скорботного [3] в іншому варіанті «обнаженіе» [4] календ [5] віз [6] спіткнувся [7] недалеко

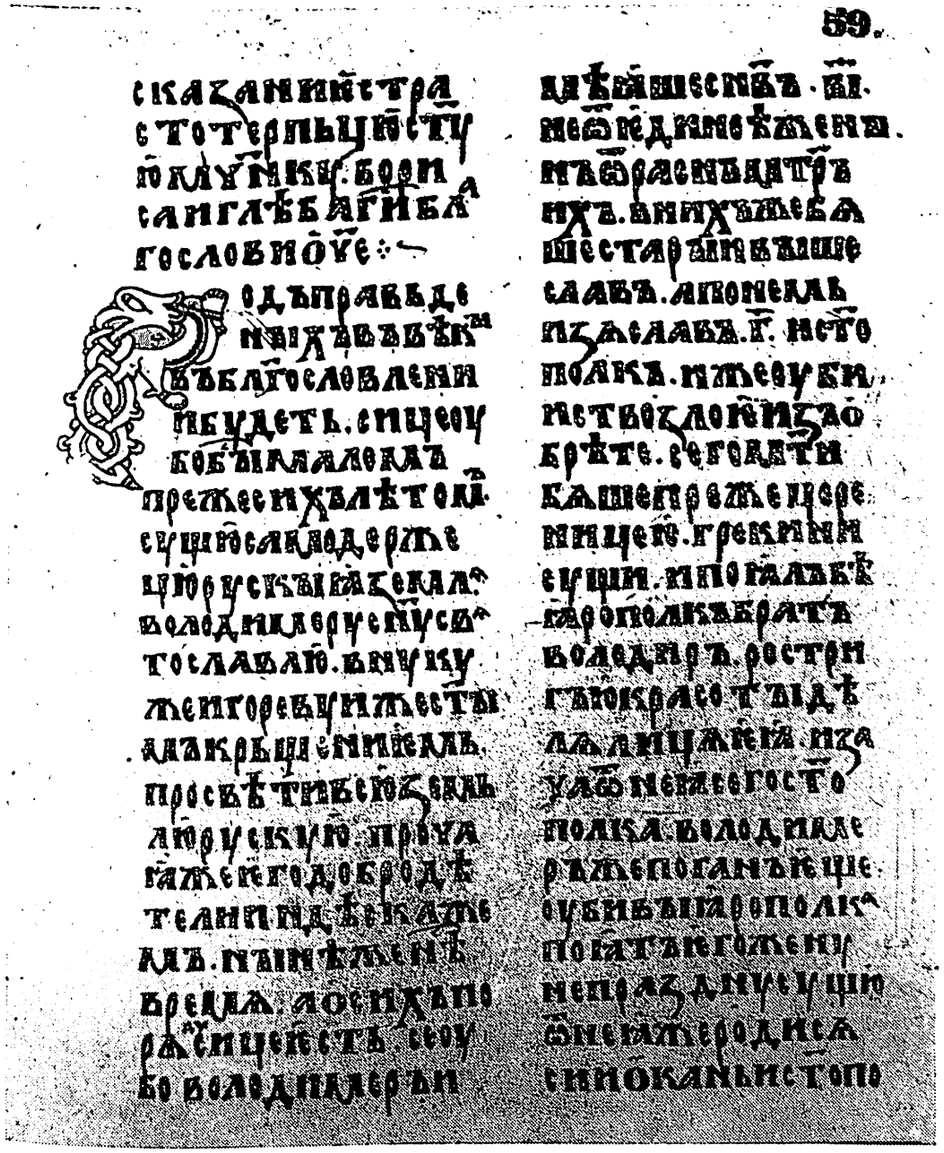
И сице ему стенющю и плачющюся, и сльзами землю омачающю, приспѣша внезапу посъланіи от Святопълка, зълыя его слугы, немилостивіи кръвопіицѣ, братоненавидьници люти зѣло, сверѣпа звѣри душю имѣюще.

Святыи же поиде в кораблици, и срѣтоша и усть [1] Смядины. И яко узьрѣ я святыи, въздрадовася душею, а они, узьрѣвъше и, омрачаахуся и гребяху к нему. А сь цѣлованія чаяше от них пріяти. И яко быша равьно пловуще, начаша скакати зъліи они в лодію его, обнажены меча имуще в руках, блщащася, акы вода. И абіе вьсѣм весла от руку испадоша, и вьси от страха омьртвѣша. И си видѣв блаженыи, разумѣв, яко хотять его убити. Възьрѣв к ним умиленама очима и сльзами лице си умывая, съкрушенъмь сьрдцьм, съмѣренъм разумъмь и частынмь въздыханіемь, весь сльзами разливаяся, а тѣлъмь утьрпая, жалостьно глас испущааше: «Не дѣите мене [2], братія моя милая и драгая! Не дѣите мене, ничто же вы зъла сътворивъша! Небрезѣте [3] мене, братіе и господье, небрезѣте! Кую обиду сътворих брату моему и вам, братіе и господье мои? Аще ли кая обида, ведѣте мя к князю вашему, а к моему брату и господину. Помилуите уности моеѣ, помилуите, господье мои! Вы ми будѣте господие мои, аз вашь раб. Не пожьнете мене, от житія не съзьрѣла! Не пожьнѣте класа, не уже съзьрѣвъша, нъ млеко безълобія носяща! Не порѣжете лозы, не до коньца въздрастъша, а плод имуща! Молю вы ся и мил вы ся дѣю. Убоитеся рекъшааго усты апостольскы: «не дѣти бываите умы, зълобіемь же младеньствуйте, а умы съвьршени бываите». Аз, братіе, и злъобіемь и въздрáстъмь еще младеньствую. Се нѣсть убійство, нъ сырорѣзаніе. Чьто зъло сътворих, съвѣдѣтельствуите ми, и не жалю си. Аще ли кръви моеѣ насытитися хощете, уже в руку вы есмь, братіе, и брату моему, а вашему князю». И ни понѣ единого словесе постыдѣшася, ни мыслью преклонишася, нъ яко же убо сверѣпіи звѣріе тако въсхытиша его. Он же видѣв, яко не вънемлють словес его, начат глаголати сице: «Спасися [4], милыи мои отче и господине Василіе! Спасися, мати и госпоже моя! Спасися, брате Борисе, старѣишино уности моея! Спасися, брате и поспѣшителю Ярославе! Спасися и ты, брате и враже, Святопълче! Спаситеся и вы, братіе и дружино! Вьси спаситеся! Уже не имам вам видѣти в житіи семь, зане разлучаем есмь от вас с нужею [5]». И глаголааше, плачася: «Василіе, Василіе отче мой и господине! Приклони ухо твое и услыши глас мои, и призьри, и вижь приключьшаяся чаду твоему. Како без вины закалаем есмь! Увы мнѣ, увы мнѣ! «Слыши небо и вънуши земле!» И ты, Борисе, брате, услыши гласа моего. Отца моего Василія призъвах и не послуша мене. То ни ты не хощеши мене послушати? Вижь скърбь сьрдца моего и язву душа моея! Вижь теченіе сльз моих, яко рѣку! И никто же не вънемлеть ми; нъ ты убо помяни мя и помолися о мнѣ к обьщему вьсѣх владыцѣ, яко имѣя дьрзновеніе и престоя у престола его».

И начат преклонь колѣнѣ молитися...

Таче възьрѣв к ним умиленъмь и изъмълкъшьимь [6] гласъмь рече: «То уже приступльше, сътворите, на неже посълани есте!»

[1] в гирлі [2] не чіпайте [3] пощадіть [4] тут у розумінні «прощай» [5] силоміць [6] тихим

«Сказание о Борисѣ и Глѣбѣ». Сторінка з уставного рукопису XIV ст. (И. Срезневский, «Сказание...»).

Тъгда оканьный Горясѣр повелѣ зарѣзати и в бързѣ. Повар же Глѣбов, именьмь Търчин, измь ножь и им блаженааго и закла, яко агня безлобливо, мѣсяца септября в 5 дьнь, в понедѣльник.

И принесеся господеви жьртва чиста и благовоньна, и възиде в небесныя обители к господу, и узрѣ желаемаго си брата, и въспріяста вѣнь-

ца небесныя, его же и въжелѣста [1]. И въздрадовастася радостію неиздреченьною, юже и улучиста [2]...

Убіену же Глѣбови и повьржену на пустѣ мѣстѣ межю дъвѣма колодама. И господь не оставляеть своих раб, яко же рече Давид: «хранить господь вься кости их, и ни едина от них скрушиться».

И сему убо святууму лежащю дълго время. Не остави в невѣдѣніи и небреженіи отинудь [3] пребыти, нъ показа: овогда бо видѣша стълп огньн, овогда свѣщи горящи и пакы пѣнія ангельская слышааху мимоходящіи гостіе, ини же ловы дѣюще и пасуще. Си же видяще и слышаще, не бысть памяти ни единому же о възисканіи телесе святаго, дондеже Ярослав, не търпя сего зълааго убійства, движеся на братоубійца онаго оканьнааго Святополка и брани мъногы, с нимь съставив; и въсегда пособіемь божіемь и поспешѣніемь святою побѣдив, елико брани състави. Оканьный посрамлен и побѣжен възращаашеся.

Прочее же сь трьклятыи пріиде с множьствъмь печенѣг, и Ярослав съвъкупив воя, изиде противу ему на Льто и ста на мѣстѣ, идеже бѣ убіен святыи Борис. И въздѣв руцѣ на небо и рече: «Се кръвь брата моего вопіеть к тебѣ, владыко, яко же и Авелева преже, и ты мьсти его, яко же и на ономь положи стонаніе и трясеніе, на братоубіици Каинѣ. Еи, молю тя, господи, да въспріиметь противу тому». И помоливъся рече: «О брата моя! аще и тѣлъмь отсюду отшьла еста, нъ благодатію жива еста и господеви предъстоита, и молитвою помозѣта ми».

И си рек, и поидоша противу собѣ. И покрыша поле льтьское множьствъмь вои, и съступишася въсходящю слънцю, и бысть сѣча зла отинудь [4]. И съступашася трижды, и бишася черес дьнь вьсь, и уже к вечеру одолѣ Ярослав, а сь оканьныи Святопълк побѣже и нападе нань бѣс, и раслабѣша кости его, яко не мощи ни на кони сѣдѣти. И несяхуть его на носилѣх. И прибѣгоша Берестію с нимь. Он же рече: «Побѣгнѣте! Осе женуть по нас!» И посылахуть противу, и не бѣ ни гонящааго, ни женущааго в слѣд его. И лежав в немощи, въсхопився, глаголаше: «Побѣгнѣмы! Еще женуть! Ох мнѣ! И не можааше търпѣти на единомь мѣстѣ. И пробѣже лядьску землю, гоним гнѣвъмь божіемь. И прибѣже в пустыню межю чехы и ляхы. И ту испровръже живот свои зълѣ. И прият възмьздіе от господа, яко же показаше посъланная нань пагубьная рана, и по съмьрти муку вѣчьную. И тако обою животу лихован [5] бысть. И сьде не тъкъмо княженія, нъ и живота гонезе [6], и тамо не тъкъмо царьствія небеснаго и еще с ангелы житія погрѣши, нъ и муцѣ и огню предастьсл. И есть могыла его и до сего дьне, и исходить от нея смрад зълыи на показаніе чловѣком...

И оттолѣ крамола преста в Русьтѣи земли, а Ярослав прія вьсю власть земля Русьскія и начат въпрашати о тѣлесьх святою, како или кде положена еста. И о святѣм Борисѣ повѣдаша ему, яко Вышегородѣ положен есть, а о святѣмь Глѣбѣ вьси не съвѣдяаху, тькмо вьси съвѣдяаху, яко Смолиньскѣ убіен есть. И тъгда съказаша ему, яже слышаша от приходящіих отътуду, како видѣша свѣт и свѣщѣ в пустѣ мѣстѣ. И то слышав, посъла, на възисканіе Смолинську презвутеры, рекыи, яко то есть мои брат. И обрѣтоша и, идеже бѣша видѣли. И шьдъше с крьсты,

[1] бажали [2] дістали [3] зовсім, цілком [4] надзвичайно [5] позбавлений [6] позбувся

с чьстію многою и въложьше в корабль и, пришедъше, положиша и Вышегородѣ, идеже лежить и тѣло преблаженааго Бориса. И раскопавъше землю, и тако же положиша и, недоумѣюще, яко же бѣ лѣпо пречьстнѣ.

Се же пречюдьно бысть и дивьно, и памяти достоино! Како и колико лѣт лежав, тѣло святаго тоже не врежено пребысть ни от коего же плътоядьца, ни бѣаше почьрнѣло, яко обычан имуть телеса мьртвых, нъ свѣтъло и красьно и цѣло и благу воню имуще. Тако богу съхранивъшю своего страстотьрпьца тѣло!.. И на мѣстѣх, идеже мучьничьскынмь вѣнцьмь увязостася, съзьданѣ быста цръкви в имя ею. Да и ту тако же многа чюдеса посѣщающа съдѣваета.

Тѣм же ваю како похвалити не съвѣм или чьто рещи недоумѣю и не възмогу. Ангела ли ва нареку, имь же въскорѣ обрѣтаетася близ скърбящих? Нъ плътьскы пожила еста в чловѣчьствѣ. Цьсаря или князя проглашаю ваю? Нъ паче чловѣка убо проста и съмѣрена, съмѣреніе бо сътяжала еста, имь же в высокая мѣста и жилища въселистася.

По истинѣ вы цесаря цесарем и князя кънязем, ибо ваю пособіемь и защищеніемь князи наши противу въстающая дьржавьно побѣжають и ваю помощію хваляться. Вы бо тѣмь и нам оружіе, земля Русьскыя забрала и утвьрженіе и меча обоюду остра, има же дьрзость поганьскую низълагаем и дьяволя шатанія в земли попираем. По истинѣ несумньнѣ рещи възмогу: вы убо небесьная чловѣка еста, земльная ангела, стълпа и утвьрженіе земля нашея. Тѣм же и пособита по своемь отьчьствѣ, яко же и великіи Димитріи и по своемь отьчьствѣ рек: «аще убо и веселящемъся им с ними бѣх, тако же и погыбающем им с ними умьру». Нъ обаче сіи великыи Димитріи о единомь градѣ сице извѣща, а вы не о единомь бо градѣ, но и дъву, ни о вьси попеченіе и молитву въздаете, но о всеи земли Русьстѣи. О блаженая убо гроба, пріимъши телесе ваю чьстьнѣи, акы съкровище мъногоцѣньно! Блаженая цръкы, в неи же положенѣ быста рацѣ ваю святѣи, имущи блаженѣи телеси ваю! О христова угодьника! Блажен по истинѣ и высок паче всѣх град русьскыих и Вышій-град, имыи в себѣ таковое съкровище, ему же не тъчьн ни вьсь мір. По истинѣ Вышегород нареченся: вышій и превышій город всѣх. Вторыи Селунь явися в Русьстѣи земли, имыи всебѣ врачьство бесмьздное, не нашему единому языку тъкъмо подано бысть богъмь, нъ и въсеи земли спасение. От всѣх бо стран ту приходяще, туне почьреплють ищѣление. Яко же в святыих евангеліих господь рече святим апостолом «туне пріясте, туне и дадите». О сих бо и сам господь рече: «веруяй в мя, дѣла, аже аз творю, и тъ сътворит и больша сих»...

[Пізніше до «Сказанія» додано було характеристику й опис зовнішності Бориса. Подаємо уривок із характеристики:]

О Борисѣ, как бѣ възъръмь. Сь убо благовѣрьныи Борис, блага корене сый послушьлив отцю бѣ, покаряяся при всемь отцю. Тѣлъмь бяше красьн, высок, лицьмь круглъмь, плечи велицѣ, тънък в чресла, очима добраама, весел лицьмь, борода мала и ус, млад бо бѣ еще, свѣтяся цесарьскы, крѣпък тѣлъмь, всячьскы украшен, акы цвът цвътый в уности своеи, в ратьх хъръбр, в съвѣтѣх мудр и разумьн при всемь, и благодать божия цвътяаше на немь.

КИЄВО-ПЕЧЕРСЬКИЙ ПАТЕРИК

«Києво-Печерський Патерик» — збірник оповідань про заснування Печерського монастиря й про його перших діячів — був одним з найпопулярніших літературних творів протягом кількох століть.

Оповідання ці не тільки дають багаті відомості про анімістичні уявлення тих часів, коли своєрідно поєднувалися дохристиянські, язичеські вірування з християнськими, але й широко висвітлюють економічні, соціальні й культурні відносини в Київській Русі. В основу збірника покладені «Посланіе» Симона, єпископа Владимирського й Суздальського (помер в 1226 р.), до монаха Печерського монастиря Полікарпа, з додатком житій перших печерських монахів, і «Слово о созданіи церкви Печерской», а також «Посланіе» Полікарпа до архімандрита Акіндіна й оповідання його про печерських чернців. В окремому вигляді ці твори 20—30-х років XIII ст. до нас не дійшли. Не пізніше початку XV ст. до них почали додавати інші твори, зв'язані з Печерським монастирем.

Найдавнішою вважається так звана Арсеньєвська редакція «Києво-Печерського Патерика» 1406 р. В другій половині XV ст. почалася робота над «Патериком» у стінах самого Печерського монастиря. В результаті цієї роботи з'явилася т. зв. Кассіанівська редакція 1462 р. Після дальших переробок «Києво-Печерський Патерик» був надрукований у Києві в 1661 р. з наказу архімандрита Інокентія Гізеля. Це видання було повторене з дуже незначними змінами в 1678 і 1702 рр. Після перегляду церковною цензурою «Патерик» вийшов у 1759 р. в Москві; пізніші видання, до 1912 р., мало чим відрізнялися від видання 1759 р.

Подані тут уривки «Києво-Печерського Патерика» в Кассіанівській редакції 1462 р. за рукописом 1553—1554 рр., колишньої Лаврської збірки, взято з видання: *Д. Абрамович*, Києво-Печерський Патерик, Київ, 1930 (Пам'ятки мови та письменства давньої України т. IV, вид. ВУАН).

ПАТЕРИК ПЕЧЕРСКЫЙ

ИЖЕ О СОЗДАНІИ ЦЕРКВИ, ДА РАЗУМЕЮТЬ ВЪСИ, ЯКО САМОГО ГОСПОДА ПРОМЫСЛОМ И ВОЛЕЮ И ЕГО ПРЕЧИСТЫА МАТЕРЕ МОЛИТВОЮ И ХОТѢНІЕМЬ СЪЗДАСЯ И СЪВРЪШИСЯ БОГОЛѢПНАА, НЕБЕСИ ПОДОБНАЯ, ВЕЛИКАА ЦЕРКВИ БОГОРОДИЧИНА ПЕЧЕРСКАЯ, АРХИМАНДРИТА ВСЕЯ РУСКЫА ЗЕМЛЯ, ЕЖЕ ЕСТЬ ЛАВРА СВЯТАГО И ВЕЛИКАГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСІА

Слово 1

Бысть в земли варяжьскои князь Африкан, брат Якуна Слѣпаго, иже отбѣже от датыа луды[1], біася полком по Ярославѣ с лютым Мьстиславом. И сему Африкану бяше два сына: Фриандъ и Шимон. По смерти же отца ею изгна Якун обою брату от области ею. Пріиде же Шимон к благовѣрному князю нашему Ярославу; его же пріим, в чести имяще и дасть его сынови своему Всеволоду, да будеть старѣй у него; пріат же велику

[1] верхній одяг, плащ

власть от Всеволода. Вина же бысть такова любве его к святому тому мѣсту. При благовѣрном и великом князи Изяславѣ в Киевѣ половъцем пришедшим на Рускую землю, в лѣто 6576, и изыдоша тріе Ярославичи в срѣтеніе им: Изяслав, Святослав и Всеволод, имый с собою и сего Шимона. Пришедши же им ко великому и святому Антонію, молитвы ради и благословеніа, старец же отвръз неложнаа своа уста и хотящую им быти погыбель ясно исповѣдаше. И сій же варяг, пад на ногу старца, моляшеся съхранену ему быти от таковыа бѣды. Блаженый же рече тому: «о чадо, яко мнози падуть остріем меча, и бѣжащим вам от супостат ваших, попрани и уязвени будете и во воде истопитеся; ты же спасен быв, зде имаши положен быти в хотящои създатися церкви». Бывшим же имь на Алте, съступишася полци обои, и гневом божіим побѣжени быша христіане, и бѣжащим им, погнани быша и воеводы с множеством вои. Егда же съступишася, ту же и Шимон лежаше язвен посрѣдѣ их. Възрѣв же горѣ на небо и видѣ церков превелику, якоже преже виде на мори, и воспомяну глаголы спасовы и рече: «Господи, избави мя от горкыа ea смерти молитвами пречистыа твоеа матере и преподобною отцу Антон и Феодосіа». И ту абіе нѣкаа сила възят его из срѣды мертвых, и абіе исцѣлѣ от ран, и вся своа обрѣть цѣлы и здравы. Пакы възратися въсвояси и пріиде к блаженному Антонію, сказа ему вещь дивну, тако глаголя: «Отець мой Африкан съдѣла крест и на немь изьбрази богомужное подобіе Христово написаніемь вапным[1], ново дѣло, якоже латына чтуть, велик дѣлом, яко 10 лакот[2], и сему честь творя, отець мой възложи пояс о чреслѣхь его, имуще вѣса 50 гривен злата, и венець злат на главу его. Егдаже изгна мя Якун, стрый мой, от области моеа, аз же взях пояс с Ісуса и венець с главы его, и слышах глас от образа, обратився к мнѣ и рече ми: «никакоже сего възложи, человѣче, на главу свою, неси же на уготованное мѣсто, идѣже зиждеться церков матере моеа от преподобнаго Феодосіа, и тому в руцѣ въдаждь, да обѣсится над жрьтовником моим». Аз еж от страха падохся и оцѣпнѣв лѣжах акы мертв, и въстав, скоро внидох в корабль. И пловущим нам, бысть буря веліа, яко въсѣм нам отчаатися живота своего, и начах въпити: «Господи, прости мя, яко сего ради пояса днесь погыбаю, понеже възях от честнаго твоего и человѣкоподобнаго ти образа». И се видѣх церков горѣ и помышлях, каа си есть церков. И бысть съвыше глас к нам, глаголяй: «иже хощеть създатися от преподбнаго во имя божія матере, в нем же и ты положен имаши быти». И якоже видѣхом, величеством и высотою, размерив поясом тѣм златым, 20 в ширину и 30 в дьлину, а 30 в высоту, стены с врьхом 50. Мы же вси прославихом бога и утѣшихомъся радостію великою зѣло, избывше горкыа смерти. Се же и доныне не свѣдях, гдѣ хощеть създатися показаннаа ми церкви на мори и на Альтѣ, уже ми при смерти сущу, дондеже слышах от твоих честных уст, яко здѣ ми положену быти, в хотящои създатися церкви». И изем, дасть пояс златый, глаголя: «се мѣра и основаніе, сій же вѣнець да обѣшан будеть над святою трапезою». Старець же похвали бога о сем, рек варягови: «чадо, отселѣ не наречется имя твое Шимон, но Симон будет имя твое». Призвав же Антоній блаже-

[1] фарбою [2] міра довжини

наго Феодосіа, рече: «Симоне, сій хощеть въздвигнути таковую церков», и дасть ему пояс и вѣнець. И оттолѣ велику любовь имѣше ко святому Феодосію, подавая ему имѣніа многа на възграждение манастырю. Нѣкогда же сему Симонови пришедши к блаженному и по обычнеи бесѣде рече к святому: «отче, прошу у тебе дара единаго». Феодосій же рече к нему: «о чадо, что просить твое величество от нашего смиреніа?» Симон же рече: «велика паче и выше моеа силы трѣбую аз от тебе дара». Феодосій же рече: «съвѣси, чадо, убожество наше, иже иногда многажды и хлѣба не обрѣстися в дневную пищу, иного же не свѣм, аще и что имѣю». Симон же глагола: «аще хощеши, подаси ми, можеши бо по даннѣи ти благодати от господа, иже именова тя преподобным. Егда бо снимах вѣнець с главы Исусовы, тъ ми рече: «неси на уготованное мѣсто и вдаи же в руцѣ преподобному, иже зиждеть церковь матере моеа». И се убо прошу у тебе, да ми даси слово, яко да благословить мя душа твоа якоже в животѣ, тако и по смерти твоеи и моеи». И отвѣщав святый. «о Симоне, выше силы прощеніе, но аще узриши мя отходяща отсюду свѣта сего и по моем отшествіи сію церковь устроену, и уставы преданныа съвръшаться в той, извѣстно ти буди, яко имам дръзновеніе к богу: нынѣ же не свѣм, аще приата ми есть молитва». Симон же рече: «от господа свѣдѣтельствован еси, сам бо от пречистых уст святого образа слышах о тебѣ, и сего ради молютися, якоже о своих черноризцех, тако и о мнѣ грѣшнѣм помолися и о сыну моем Георгіи, и до послѣдних рода моего». Святый же яко обѣщася и рече: «не о сих единѣх молю, но и о любящих мѣсто сіе святое мене ради». Тогда Симон поклонився до земля и рече: «не изыиду, отче, от тебе, аще написаніем не извѣстиши ми». Принужен же быв любве его ради преподобный, и пишеть тако, глаголя молитву: «В имя отца и сына и святого духа», иже и донынѣ вълагають умершим в руку таковую молитву. И оттолѣ утвердися таковое написаніе полагати умершим, прежде бо сего ин не сътвори сицевыа вещи в Руси. Пишеть же и сіе в молитвѣ: «Помяни мя, господи, егда пріидеши в царствіи сии въздати хотя комуждо по дѣлом его, тогда убо, владыко, и раба своего Симона и Георгіа сподоби одесную тебе стати в славѣ твоей и слышати благый твой глас: «пріидете благословеніи отца моего, наслѣдуйте уготованное вам царство искони мира». И рече Симон: «ръци же и к сим, отче, и да отпустяться грѣси родителма и ближним моим». Феодосій же въздвиг руцѣ свои и рече: «да благословить тя господь от Сиона, и узрите благаа Іерусалиму во вся дни живота вашего и до послѣдних рода вашего». Симон же пріим молитву и благословленіе от святого, яко нѣкый бисер многоценный и дар. Иже быв прежде варяг, ныне же благодатію христовою христіанин, научен быв святым отцем нашим Феодосіем, оставив латынскую буесть и истиннѣ вѣровав в господа нашего Ісуса Христа и со всѣмь домом своим, яко до 3000 душь, и с іереи своими, чюдес ради бывающих от святою Антоніа и Феодосіа. И сій убо Симон пръвый положен бысть в той церкви. Оттоле сын его Георгій велику любов имѣяше к святому тому мѣсту. И бысть послан от Владимера Мономаха в Сужьдальскую землю сей Георгій, дасто же ему на руцѣ и сына своего Георгіа. По лѣтех же мнозѣх сѣ де Георгій Владимеровичь во Киевѣ, тысяцькому же своему Георгіеви, яко отцу, предасть область Суждальскую.

Слово о пришествіи мастер церковных от Царяграда к Онтонію и Феодосію

Слово 2

І се вы, братіе, скажу нно дивно и преславно чюдо о тьи богонзбраннѣи церкви богородичинѣ. Пріидоша от Царяграда мастери четыре церковніи, мужіе богати велми, в печеру к великому Антонію и Феодосію, глаголюща: «гдѣ хощета начати церковь?» Она же к нима рѣста: «пдѣже господь мѣсто наречеть». Сіи же рѣста: «аще смерть собѣ проповѣдасте, мѣста ли не назнамѣнавше, толикое злато вдавше нам?». Антоній же и Феодосіе, призвавше всю братію, и въпросиста грек глаголюще: «скажите истинну, что се бысть?» Сіи же мастери рѣста: «Нам спящим в домѣх своих, рано, въсходящу солнцу, пріидоша к комуждо нас благообразни скопци, глаголюще: «зоветь вы царица Влахерну». Нам же идущим, пояхом с собою другы и южикы своя, и обрѣтохомся равно пришедше и, и стязавшеся, едину рѣчь богородичину слышавше, и едини зватае. быша у нас. И ведѣхом царицю и множество вои о ней, поклонихомся ей, и та рече к нам: «хощу церковь възградити себе в Руси, в Кіевѣ, велю же вам, да возьмѣте злата себѣ на три лѣта». Мы же поклонившеся рѣхом: «О госпоже царице, в чюжу страну отсылаеши нас, к кому тамо пріидем?» Она же рече: «сею посылаю, Антоніа и Феодосіа». Мы же рѣхом: «то что, госпоже, на три лѣта злата даеши нам, сима прикажеши о нас, что есть на пищу нам вся потребная, сама же вѣси, чим нас дарствовати». Царица же рече: «сій Антоній, точію благословив, отходить свѣта сего на вѣчный, а сій Феодосій во 2-ое лѣто по нем идеть к господу. Вы же възмѣте до избытка вашего злата, а еже почтити вас, тако не можеть никтоже: дам вам, еже ухо не слыша и на сердце человѣку не взыде. Пріиду же и сама видѣти церкве и в неи хощу жити». Вдасть же нам мощи святых мученик: Артеміа и Поліекта, Леонтіа, Акакіа, Арефы, Якова, Феодора, рекши нам: «сіа положите в основаніи». Възяхом же злато и лише потребы. И рече к нам: «изидыте наасно и видѣте величьство». И выдѣхом церков на въздусѣ, и въшедше, поклонихомся ей и въпросихом: «о госпоже, каково имя церкви?» Она же рече, яко имя себѣ хощу нарещи. Мы же не смѣхом ея въспросити, како ти имя. Си же рече: «богородичина будеть церкви», и дасть нам сію икону: «та намѣстнаа, рече, да будеть». Ей же поклонившеся, изыдохом в домы своа, носяще сію икону, юже пріахом от рукы царицину. И тогда вси прославиша бога и того рождьшую». И отвѣща Антоній: «о чада, мы николиже исходихом от мѣста сего». Грѣци же с клятвою рѣша, яко от вашею руку злато възяхом пред многыми свѣдѣтели, но и до коробля съ тѣми ваю проводихом. и по ваю отшествіи мѣсяць един пребывше, пути ся яхом: и се есть день десятый, отнележе изыдохом от Царя града. Въпросихом же царица величества церкве, и та рече нам: «мѣру убо послах пояс сына моего, по повелѣнію того». И отвеща Антоній: «о чада, великы благодати Христос сподобил вас, яко того воли съвершители есте. Суть вас звавшеи они благообразнии скопци — пресвятіи аггели, а еже Влахернѣ царица — сама чювственаа явившися вам пресвятаа, чистаа и непорочнаа владычица наша богородица и приснодѣвица Маріа, и еже о тои вои

предстоаще суть бесплотныа аггельскыа силы. Наю же подобіе и даніе вам злата бог вѣсть, якоже сам сътвори и изволи о своею рабу. Благословен приход вашь и добру съпутницю имѣете, сію честную икону госпожину, и та отдасть вам, якоже обѣщася, еже ухо не слыша и на сердце человѣку не възыде: того же никто же можеть дати развѣ тоя и сына ея, господа бога и спаса нашего Ісуса Христа, его же пояс и вѣнець от варяг принесен бысть, мѣра сказася широты и долготы и высоты тоя пречестныа церквѣ, гласу таковому от небеси припедшю от велелѣпныа славы». Грѣци же съ страхом поклонишася святым и рѣша, «гдѣ мѣсто таковое, да видим?» Антоній же рече: «3 дни пребудем молящеся: и господь явит нам». И в тую нощь, молящуся ему, и явися ему господь глаголя: «обрѣл еси благодать предо мною». Антоній же рече: «Господи, аще обрѣтох благодать пред тобою, да будеть по всеи земли роса, а на мѣсте, идеже волиши освятити, да будеть суша». Заутра же обрѣтоша сухо мѣсто, идѣже нынѣ церкви есть, а по всеи земли роса. В другую же нощь, тако же помолився, рече: «да будеть по всеи земли суша, а на мѣстѣ святѣм роса». И шедше, обрѣтоша тако. В третій же день, ставше на мѣстѣ святом, помолшеся и благословив мѣсто, и измѣриша златым поясом широту и долготу. И въздвиг руцѣ на небо Антоній рече великім гласом: «послушай мене, господи, днесь, послушай мене огнем, да разумѣють вси, яко ты еси хотяй сему». И абіе спаде огнь с небесе и пожьже вся древа і терніе, и росу полиза, долину створи, якоже ръвом подобно. Сущии же с святыми от страха падоша яко мертвіи. И оттуду начаток тоя божественыа церкве.

Слово о пришествіи писцев церковных к игумену Никону от Царяграда [4]

И се дивно чюдо, еже сказаю вам. Пріидоша от того же богохранимого Констянтина града к игумену Никону писци иконніи, глаголюще сице: «Постави рядца [1] наша, хощеве ся истязати: нам показаша церков малу, и тако урядихом ся предо многыми свѣдѣтели, сіа же церковь велика велми: и се ваше злато възмѣте, а мы идем к Цариграду». И отвѣща игумен: «какови бяше ряд дѣявше с вами?» Писци рѣша подобіе и образ, имена Антоніа и Феодосіа. И рече им игумен: «о чада, нам не мощно вам явити тѣх, прежде бо 10 лѣт отъидоша свѣта сего, и суть непрестанно молящеся за ны, и неотступно хранять сію церков, и съблюдають свой монастырь, и промышляють о живущих в нем». И сіе слышавши грѣци, и ужасни быша о отвѣте, приведоша же и инѣх купець много, иже бѣша оттуду пут шествовавшіи с тѣми грѣци и обези [2]. И глаголааху: «перед сими ряд сътворихом, злато взяхом от руку ею, и ты не хощеши нам явити ею. Аще ли преставилася есть, яви нам образ ею, да и сіи видять аще тая еста». Тогда игумен изнесе пред всѣми иконѣ ею. Видѣвши же греци и обѣзи образа ею, и поклонишася, глаголюще, яко сіи еста воистинну, и вѣруем, яко жива еста и по смерти, и можета помогати и спасати и за-

[1] той, хто підрядився [2] абхазці

ступати прибѣгающих к нима. Въдавше же и мусію, иже бѣша принесли на проданіе, ею же святый олтарь устроиша. Писци же начаша каатися своего съгрѣшенія. «Егда, рече, придохом в Канев в лодіах, и се видѣхом церковь сію на высотѣ. Въпросихом же сущих с нами, кая си есть церкви, и рѣша: «Печерьскаа, ей же вы есте писци». Разгнѣвавъшии же ся, тѣхом бѣжати вънив. В ту же нощь бысть буря велика на рѣцѣ. Заутра же въставше, обрѣтохомся близ Треполя, и лодіа сама идяше горѣ, аки пѣкая сіла влечаашеть ю. Мы же нужею удержахом ю, и стоавше весь день, размышляюще, что се будеть, яко толик путь преидохом единою нощію, не грѣбуще, еже с трудом едва треми деньми доходять друзіи. В другую же нощь видѣхом сію церковь и чюдную икону намѣстную, глаголющу нам: «человѣци, что всуе метететеся, не покоряющеся воли сына моего и моеи, и аще мене преслушаетеся и бѣжати въсхощете, вся вы въземше и с ладіею поставлю в церкви моеи. И се да увѣстѣ, яко оттуду не изыдете, но ту в монастыри моем остригшися и живот свой скончаете, и аз вам дам милость в будущем вѣцѣ строителю сею ради Антоніа и Феодосіа». Мы же, заутра въставше, хотѣхом бѣжати вниз и много трудившеся грѣбуще, а лодіа горѣ идяше противу. Мы же, повинувшеся воли и силе божіи, дахомся, и скоро под манастырем сама лодіа приста». Тогда купно вси черноризци и грѣкы, мастери же и писци, прославиша великаго бога и того пречистую матерь, чюдную икону и святаа отца Антоніа и Феодосіа. И тако обои живот свой скончаша в Печерском монастыри, мастери же и писци, в мнишеском житіи, и суть положени в своем притворѣ, суть же и нынѣ свиты их на полатах и книгы их грѣческыя блюдомы в память таковаго чюдеси. Егда же Стефан игумен,

Патерик Печерський. «О украшеніи иконном». Гравюра з видання К.-Печ. лаври, 1661 р. (ЦНБ АН УРСР).

демественик [1], из монастыря изгнан бысть и видѣв преславная чюдѣса, како мастери пріидоша, икону носяще, и царицино виденіе еже Вълахернѣ повѣдашя, и сего ради сам Влахернъскую церков на Кловѣ създа. Благовѣрный же князь Владимер Всеволодовичь Манамах, юн сый, и самовидець быв тому дивному чюдеси, егда же огнь с небесе спаде и выгорѣ яма, идѣже основаніе церковное положися поасом. И се слышаша по всей земли Рускои. Сего же ради Въсеволод с сыном своим Владимером ис Переяславля пріеха видѣти такого чюдеси. Тогда Владимер, болен сый и тѣм поясом златым обложен бысть, и ту абіе здрав бысть молитвами святую отцю нашею Антоніа и Феодосіа. И в своем княженіи христолюбець Владимер, възем мѣру божественыа тоя церкве Печерскыа, всѣм подобіем създа церковь в градѣ Ростовѣ, в высоту и в ширину и в долготу, но и писмя на хартіи написав, идеже кыиждо праздник в коем мѣсте написан есть, и сіа вся в чин и в подобіе сътвори по образу великыя тоа церкве богознаменаныа. Сын же того Георгій князь, слышав от отца Владимера еже о тъи церкви сътворися, и тъи в своемь княженіи създа церков в градѣ Сужьдали в ту же мѣру, яже по лѣтех вся ты распадошася, сіа же едина богородичина пребываеть в вѣкы.

Мѣсяца Маия в 3 день житіе преподобнаго отца нашего Феодосіа, игумена Печерьскаго манастыря. Списано Нестором, мнихом того же Печерськаго манастыря

Слово 8

...О повъзнику, възвишем святого. И се в единь день шедшу великому Феодосію нѣкоего ради орудіа [2] к христолюбивому князю Изяславу: далече ему сущу от града, тажде яко пришед, и до вечера умедлившу [3] ему орудіа ради. Повелѣ же христолюбець, нощнаго ради поспаніа, на возѣ допровадити его до монастыря. И яко же абіе идыи путем, и возяй его видѣ в таковѣи суща одежди и мнѣвь, яко единь от убогых есть, и глагола блаженному: «черноризьче, се убо ты по вся дьни праздн еси, аз же трудень сый и се не могу на конѣ ехати; но се да аз почію на възѣ, ты же, могыи на кони ехати, всяди на конь». Таже благыи, с всякым смиреніем въставь, сѣде на конь, оному же възлегшу на възѣ. И тако идяше путем, радуася и славя бога, и егда же въздрѣмашеся, тогда же съсѣд с коня, идяше въскрай его, дондеже утрудяшеся, и пакы на конь въсѣдаше. Тажде сице зорям сущим и велъможам ѣдущим противу князя, издалече познавше блаженаго и съсѣдше с коній, поклоняющеся ему. Тогда же глагола отроку: «се уже чадо, свѣт есть, всяди на конь свой». Отрок же, видѣвь, еже тако вси поклоняхуся ему, ужасеся в умѣ и трепетен сый, въста и всяде на кон, и тако поиде путем, преподобному же Феодосію на возѣ сѣдящу. Вси же боляре, срѣтъше его, покланяющеся ему, везущему же его боле страха пребываше. Тажде дошедшу ему монастыря, и се изшедше вся братіа поклонишася ему до земля, тажде отрок болми ужасеся. помышляя в себѣ, кто сеи есть, еже тако вси поклоняються ему. И ем и за руку, преподобный въведе и в трапезницю и повелѣ ему дати ясти и пити, елико хощеть и еще же и кунами тому подав, отпусти его. Сіа же исповѣда братіи сам тъй отрок, блаженому о семь никому же явившу...

...О мужствь и твердости святаго. Бысть же в то врѣмя смятеніе нѣкако от вселукаваго врага в грех князѣх, братіи сущи по плоти. Сице бо двѣма братома брань сътворити на единаго старѣйшаго их брата, христолюбца князя Изяслава, и тако прогнань бысть от града столнаго Кіева. И онѣмь пришедшим в град тъй, посылають же по блаженаго отца нашего Феодосіа, бѣдяще [1] того пріити к ним на обѣд и причаститися неправѣднѣм том съвѣтѣ. Той же бѣ исполнень святого духа преподобный, и яже разумѣв еже неправѣдно суще изгнаніе иже о христолюбци, и глаголеть посланному, яко не имам ити на трапезу Иезавелину и причаститися брашна того, исполн суща крови и убійства, и ина многа глаголавь, отпусти того, рекь, яко да възвѣстиши вся си послався тя. Но обаче оніи слышаста сіа, но не възмогоста прогнѣватися на нъ, видяста бо его праведн суща и человѣка божіа, ни пакы же послушаста его, но устремистас на прогнаніе брата своего, иже от всея тоя области отгнаста его, и тако възвратистася въспять. И единому сѣдшу на столѣ отца и брата своего, другому же възвратившуся въспять в область свою. И преподобный же отець нашь Феодосіе, исполнь сый святаго духа, начат того обличати, яко неправедна сътворивша, не по закону сѣдша на столѣ томь и яко отца си, брата старѣйшаго, прогнавша. Тожде тако не престаше обличаа его, овогда епистоліа пиша, посылаше к нему, овогда же вельможам его приходящим к нему обличаше того о неправеднѣмь прогнаніи братьни, веляше тѣм повѣдати тому. Сице и послѣди же вписа к нему епитолію велику зѣло, обличая того и глаголя: «глас крове брата твоего въпіеть к богу, яко Авелева на Каина», и инѣх многых древних гонитель и убийць и братоненавистникь приводя. Притьчами тому вся, яже о нем, указаль и тако вписавь, посла к нему. И яко прочте князь епистолію ту, разгнѣвася зѣло и яко лев рыкнувь, и удари [2] тою о землю. И яко же оттолѣ промьчеся [3], еже на заточеніе осужденну быти блаженому; тажде братія в велицѣй печали быша и моляху блаженаго остатися и не обличати его, и такожде и боляре мнози приходяще повѣдаху ему гнѣв княжь на того суще, и моляще его не супротивитися ему, се бо, рече, а заточеніе хощеть тя послати. И се слышав блаженый, яко о заточеніи его рѣша, възрадовася духом и рече к тѣм: «се бо о сем велми радуюся, братіе, яко ничто же ми блаженнѣе есть в житіи сем, егда бо богатество, имѣнію лишеніа нудить мя, или дѣтій отлученіе и сел опечалуеть мя? Ничто же от таковых принесохом в мир сей, но нази родихомся и тако же подобает намь, нагым сущимь, отъити свѣта сего: тѣмь еже готовь есм или на заточеніе, или на смерть». И оттолѣ начать о братоненавидѣніи того укаряти, желаше бо зѣло еже заточену быти ему. Но обаче он, аще и вельми разгнѣвался бѣ на блаженаго, но не дръзну ни единаго же зла сътворити тому, видяще бо его мужа преподобна и праведна суща, яко же и преже многажды же его ради завидяше брату своему, еже таковаго свѣтильника имать в области своеи. Яко же исповѣ-

[1] заспівувач у церковному хорі [2] в якійсь справі [3] забарився

[1] переконуючи, запрошуючи [2] кинув [3] пройшла звістка

даше, слышавь от того, черноризець Павель, игумень сый от единаго монастыря сущих области его. Блаженый же отець нашь Феодосіе, много молим бывь от братіи и от вельмож, и наипачеже розумѣв, яко ничто же успѣеть тому сими словесы, остася его и оттоле не укаряше его о том, помыслив же в себѣ, яко лучьши есть того млъбою молити, дабы възвратиль брата своего в область свою.

О смиреніи князя Святослава къ святым. Не по мнозѣх же дьнех, разумѣв благовѣрный княз преложеніе блаженаго Феодосіа яже от гнѣва, и утѣшеніе приимь еже от обличеніа того, възрадовася зѣло, издавна бо желаше бесѣдовати с ним и духовных словес его насладитися, и посылаеть к блаженому, аще повелить приити ему в манастырь свой или ни. Оному же повелѣвшу тому приити, сій же, с радостію въстав, прінде с боляры в манастырь блаженаго. Великому же Феодосію с братіею изшедшу ис церкве, по обычаю срѣтшу того и поклонившимся, яко же лѣпо есть князю, тому же цѣловавшу блаженаго. Также глаголаше ему благовѣрный княз: «се, отче, не дръзнух пріти к тобѣ, помышляя, егда како гнѣваяся на мя и не впустиши нас в манастырь свой». Блаженный же рече: «что бо, благый владыко, успѣеть гнѣвь нашь еже на дръжаву твою, но се подобаеть намь обличати и глаголати вамь еже на спасеніе души и вамь лѣпо есть послушати того». И тако въшедшим им в церковь, и бывши молитвѣ, и по молитвѣ сѣдоста. Блаженому Феодосію наченьшу глаголати тому от святых писаній, и много поучивь того еже о любви брата своего; оному же пакы многу вину износящу на брата своего, и того ради не хотящу с тѣмь мира сътворити. Также пакы по мнозѣи того бесѣдѣ отьиде князь в дом свои, славя бога, яко сподобися с таковым мужемь бесѣдовати. И оттолѣ часто прихождаше к нему, духовнаго того брашна насыщаася: паче меду и съта сіа суть словеса блаженаго, яже исхождаху от медоточивых тѣх уст. Многажды же и великый Феодосіе к тому хожаше и тако въспоминаа тому страх божій и любовь еже к брату. В един же от дьній шедшу к тому блаженому и богоносному отцю нашему Феодосію, и яко вниде в храм, идѣже князь сѣдяй, и се видѣ многыя играюще пред нимь: овы гусленыя гласы испущающим, и инѣм мусикейскыя пискы гласящим, иныя же органныя, и тако всѣм играющим и веселящимся, якоже обычай есть пред князем. Блаженый же бѣ въскрай его сѣдяй и долу зря поник, и яко мало въсклонився, рече к тому: «будет ли сице в он вѣк будущій». И абіе князь словом блаженаго умилися и мало прослезися, повелѣ тѣм престати. Оттолѣ, и аще когда повелѣваше тѣмь игры творити, и когда услыша Феодосіа блаженаго пришествіе, то повелѣваше тѣмь тихо стати и молчати. Многажды же пакы, егда възвѣстять тому приход блаженаго, тоижде тако исъшел, срѣташе его радуяся пред дверьми храма, и тако въхожаста оба в храм. Сей же, якоже веселяся, глаголаше преподобному: «се, отче, истинну ти глаголю, яко аще бы ми възвѣстили отца въставша от мертвых, то не бых тако порадовалъся, яко же о приходѣ твоем, и не бых ся того тако боял или усумнѣл, яко же преподобныя твоея душа». Блаженый же рече: «то аще тако боишися мене, то да съзвори волю мою и възврати брата твоего на стол, иже ему благовѣрный отець твой предасть». Он же о сем умлъче, недоумѣя, что отвѣщати к сим, толъми бо бѣ его враг ражежегл гнѣвом на брата своего, яко ни слухом хотяше слышати. Отець же нашь Феодосіе бѣ по вся дьни

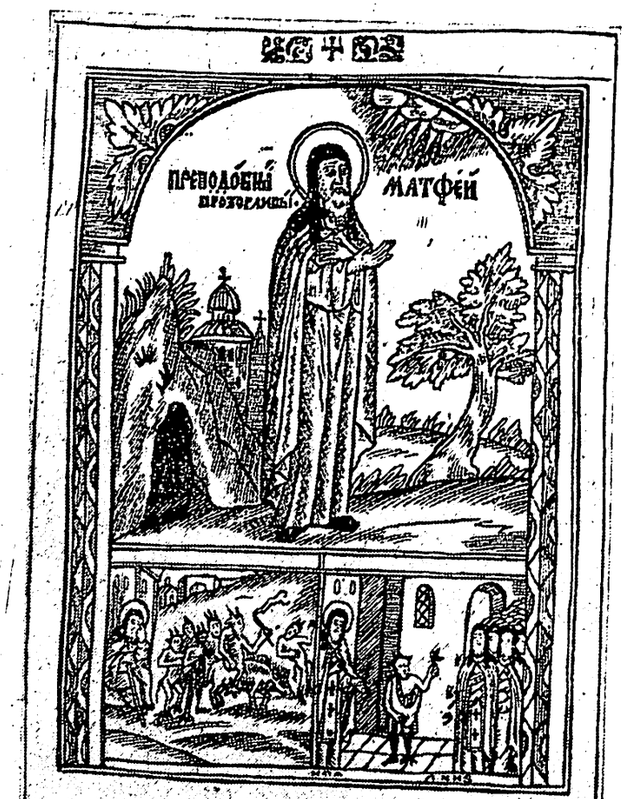
и по вся ноши моля бога о христолюбци князи Изяславѣ, и еще же и в ектеніи веля того поминати, яко стлъному тому князю и старѣишу всѣх, сего же, яко же рече, чрес законь сѣдшу на столѣ том, не веляше поминати в своем манастыри. О сем же едва умолень бывь от братіи, повелѣ и того с ним поминати, обаче же пръвѣе христолюбца и тогда сего благовѣрнаго. Великый же Никон, видѣвь таково смятеніе в князѣх сущих, отьиде с двѣма черноризцема в преже реченый островь, идѣже бѣ манастырь съставивь. Блаженому Феодосію много того моливщу, да не разлучится има, дондеже еста в плоти, и не отходити ему от него, обаче же он не послушав его о том, отьиде в свое мѣсто, якоже прежде речеся.

О святѣм и блаженѣм Агапитѣ, безмѣздном врачи

Слово 27

Бѣ нѣкто от Кіева пострѝжеся, именем Агапит, при блажѣнем отцѝ нашем Антоніи, иже и послѣдствоваше житію его аггельскому, самовидець бы исправленіем его [1]. Яко же бо он, великый, покрываа свою святость болныа исцѣляше от своея яди: мняся тѣм врачевное зеліе подаваа, и тако здрави бываху молитвою его; тако и сій блаженый Агапит, ревнуа святому тому старцю, помагаше больным. И егда кто от братіа разболяшеся, и тако остави келію свою, прихожаше к болящему брату и служаше ему,— и не бѣ бо ничто же крадомаго в келіи его,— подымаа же и полагаа его, и на свою руку износя и подаваа ему от своея яди [2], яже варяше зеліе, и тако здрав бываше болный молитвою его. Аще ли продолъжишеся недугь его, сице богу благоволящу, да вѣру и молитву раба своего умножить, сій же блаженый Агапит пребываша неотетупно, моля за нь бога непрестанно, дондеже господь здравіе подасть болящему молитов ради его. И сего ради прозван бысть Лѣчець, сему бо дарова господарь цар исцѣлѣніа. И слышано бысть о нем в градѣ, яко нѣкто в манастыри лѣчець, мнози болящіи прихождаху к нему и здрави бываху. Бысть же в врѣмя сего блаженаго человѣк нѣкый, арменин родом и вѣрою, хытр же бѣ врачеванію, яко таков не бѣ преже его: иже толико видѣв болящаго, познаваше и повѣдаше ему смерть, нарек ему день и час,— никако же изменяшеся слово его, и сего уже никако же врачюеть. От сих един болный принесен бысть в Печерьскый манастырь, иже первый бысть у князя Всеволода, его же аръменин в нечаніе [3] въведе, прорек ему по осми дьний смерть. Блаженый же Агапит, дав тому зеліа, еже сам ядяше, и здрав сътвори его. И промъчеся о нем слава по всеи земли тои. Арменин же уязвен бысть завистною стрѣлою и нача укоряти блаженаго, и некого осужденна на смерть посла в манастырь, повелѣ дати тому съмертнаго зеліа, да пред ним вкусив, пад умреть. Блаженый же, видѣв сего умирающа, дасть ему манастырскыа яди и здрава сътвори его молитвою своею, и от смерти избави повиннаго смерти. И оттолѣ въоружается на нь иновѣрный той арменин, и научи на святаго Агапита единовѣрьникы своя дати ему испити смертоноснаго зеліа, хотя его сим зеліем уморити. Блаженый же піаше без пакости, ничто же зла пострадав, вѣсть бо господь благочестивыя от смерти из-

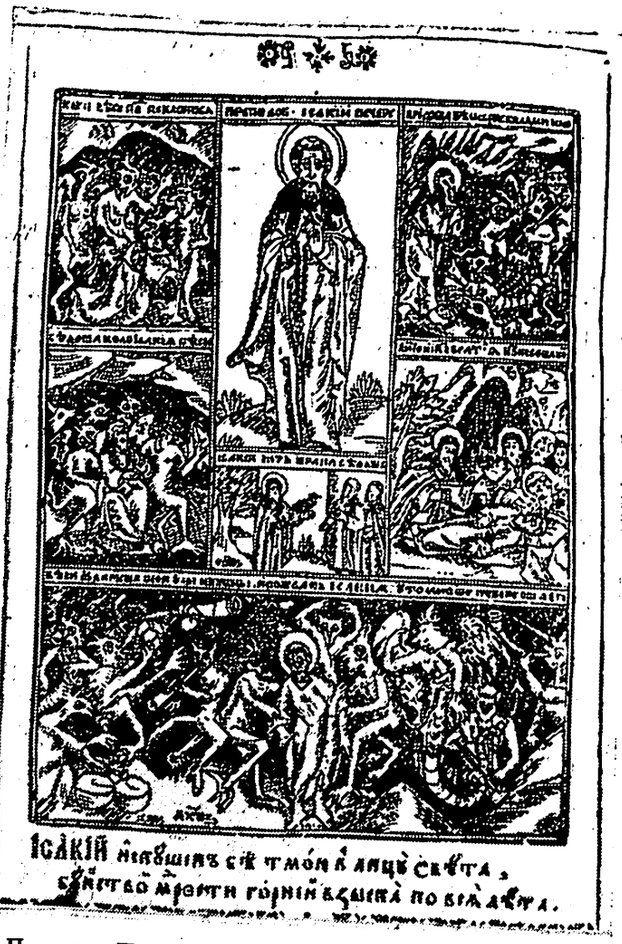
[1] був свідком його побожності [2] від того, що сам їв [3] ввів у безнадію

Патерик Печерський. «Віденіє»ченця Матфія Прозорливого. Гравюра з видання К.-Печ. лаври, 1661 р. (ЦНБ АН УРСР)

бавляти: «иже, рече, аще смертно что испіют, ничто же их вредить, на недужныа рукы възложать, и здрави будуть». В ты же дни разболѣся князь Владимир Всеволодичь Мономах, и прилежаше ему арменин, врачюя его, и ничто же успѣ, но паче недуг бываше болій. И уже при конци быв, посылаеть мольбу к Іоану, игумену Печерьскому, да понудить Агапита пріити до него, бѣ бо тогда княжя в Черниговѣ. Игумен же, призвав Агапита, велить ему ити в Чернигов. И отвѣщав блаженый: «аще к князю иду, то и к всѣм иду; не буди мнѣ славы ради человѣчьскыа прѣд манастырьскаа изыти врата и преступником быти обѣта своего, еже обѣщахся пред богом быти ми в манастыри и до послѣдняго издыханіа. Аще ли изгониши мя, иду в ину страну, потом возвращюся, дондеже вещь си минеть». Не бѣ бо николи же исходил из манастыря. Видѣв же посланный от княза, яко не хощеть ити, молить мниха, да поне зеліа дасть. Принужен же бысть игуменом, дасть ему зеліе от своея яди, да дасть болящему. И егде же князь вкуси зеліа, и гу абіе здрав бысть. Прииде же Владимир в Кіев и вниде в Печерьскый манастырь, хотя почтити мниха и видѣти, кто есть даровавый тому зеліе и здравіе с богом, не бѣ бо его николи же видал; мня сего имѣніем подарити. Агапит же, не хотя славим быти, съкрыся. Князь же принесенное ему злато дасть игумену. Потом же посла Владимер к блаженному Агапиту единаго от боляр своих с многыми дары. Его же посланный болярин обрѣте в келіи, и принесь, положи пред нимь принесенныа дары. И отвѣща: «о чадо, николи же и ни от кого же что взях,— нынѣ ли погублю мьзду свою злата ради, его же не требую ни от кого же?» И отвѣща болярин: «отче, вѣсть пославый мя, яко не требуеши сего, но мене ради утѣши сына своего, ему же о бозѣ даровал еси здравіе; се пріими и дай же нищим».

И отвѣща старець: «с радостію сіе приниу тебе ради, яко требе ми суть. Рьци же послaвшему тя: «все, еже имѣл еси, чюжа бяху тобѣ же отхо-дящу, не могущу взяти ничто же съ собою, нынѣ же раздай все требующим, еже имаши, яко сего ради избавил тя господь от смерти, аз бо ничто же ти бых успѣл, и не мози ослушатися мене, да не тожде постраждеши». И взем Агапит принесенное злато, изнес вне кѣліа, поверже, сам же скрыся. И изшед болярин, видѣв поверженно принесеньное и дары, и взем все, дасть игумену Іоанну, и сказа все князю, еже о старци. И разу-мѣша вси, яко раб божій есть. Князь же не смѣ преслушатися старца, и все имѣніе свое издасть нищим, по словеси блаженаго. По сих же раз-болѣся сій черноризець Агапит, и пріиде к нему пред реченный арменин посѣтити его, и нача стязатися с ним о врачевнѣи хытрости, глаголя, ким зеліем цѣлится какій недуг. И отвѣща блаженый: «им же господь подасть здравіе». И разумѣв же арменин отинуд невѣжу его суща, и глагола к своим: «не умѣеть сій нічто же», и ем его за руку, рече, яко в третій день сій умреть: «се же истинна есть, и не измѣниться слово мое; аще не будеть тако, и аз буду мних». Блаженый же с яростію глагола тому. «сицева ли суть твоего врачеваніа образи: смерть ми повѣдая, а помощи ми не можеши? Аще еси худогь, то дай же живот; аще ли сим не владѣеши, то почто мя укаряеши, осуждаа в третій день умрѣти ми? Мнѣ же извѣстил есть господь въ 3-й месяць умрети». Глаголеть же ему арменин: «яко се уже разумѣл ся еси, то уже никако же преидеши тре-тіаго дня», бѣ бо изболѣл велми, яко не мощи ему ни двигнути собою. И тогда принесоша нѣкоего болна от Кіева, въстав же Агапит, яко не болѣв, взя зеліе, еже сам ядяше, показа лѣчьцю, глаголя: «се есть зеліе, разумѣй и виждь». Видѣв же лечець, глагола мниху: «нѣсть се от наших зелій, но мню, яко се от Александріа приносять». Посмѣавжеся блаже-ный невѣждьству его, дасть зеліе болящему и того здрава сътвори. Гла-голет же к лечьцю: «чадо, яж, не жалуй, понеже убози есмы, не имам чим напитати тя». Арменин же рече к нему: «нынѣ, отче, 4 дни постимся мы сего мѣсяца». Въпроси же его блаженый: «кто еси ты и коея вѣры еси»? Лѣчець же рече к нему: «не слышал ли еси мене, яко арменин есмь?» Блаженый же рече к нему: «то како смѣл еси внити и оскврънити келію честиве». Осрамлен же быв арменин, и отъиде. Блаженый же Агапит, пребыв 3 мѣсяци, мало поболѣв, к господу отъиде. По смерти же его прииде арменин в манастыр и глагола игумену: «отселе уже и аз буду черноризець и оставляю арменьскую вѣру, истинно вѣрую в господа Ісус Христа. Яви бо ми ся блаженый Агапит, глаголя: «обѣщался еси въспріати мнишеский образ, и аще сълъжеши, с животом и душею по-гыбнеши». И тако вѣрую. Но аще бы сій блаженый хотѣл на много врѣмя жити здѣ, не бы бог преславиль его от свѣта сего; аще же и пріать его господь, но вѣчный живот дарова ему, и мню, яко своею волею отъиде от нас, небеснаго царства желаа, могый и еще жити с нами. Яко же и аз разумѣх, 3 дни не бѣ преити ему, и сего ради приложи собѣ 3 месяци, и аще бы рекл 3 мѣсяци, но и 3 лѣта бы пребыл. Но аще и умре сій, но вселися в обители, пребывающіа в вѣчны живот, и тамо жив есть». Таже и сій аръменин пострижеся в Печерьском манастыри, и ту живот свой сконча в добрѣ исповѣданіи...

Патерик Печерський. Біси спокушають Ісакія. Гравюра з видання К.-Печ. лаври, 1661 р. (ЦНБ АН УРСР)

...О Алимпіи иконницѣ

Слово 34

...Преподобный же Алимпій предан бываеть родителема своима на ученіе иконьнаго пісаніа. Егда бо греческыи писци из Царяграда волею божіею и пречистыа его матере приведени быша нужею писати церкви Печерьскыа, в дьни благовѣрнаго князя Всеволода Ярославича, при преподобнѣм игумене Никонѣ, яко же о них сказанно есть в Посланіи Симоновѣ, еже показа бог и сътвори чюдо страшно в церкви своеи. Мастером бо олтар мусиею кладущим, и образ пречистѣй владычици нашеи богородици и приснодѣвѣ Маріи сам въобразися [1]. Всѣм же сим внутр сущим олтаря, покладываху мусіею, Алимпій же бѣ помагаа им и учася, и видѣвше вси дивное и страшное чюдо: зрящим им на образ, и се внезаапу просвѣтися образ владычица нашея богородица и приснодѣвы Маріа паче солнца. И не могуще зрѣти, падоша ниць ужасни, и мало възникше [2], хотяху видѣти бывшее чюдо, и се из уст пречистыа богоматере излѣтѣ голуб бѣл и лѣтяше горѣ к образу спасову и тамо скрыйся. Сіи же вси смотряху, аже из церкви изълетѣл есть, и всѣм зрящим, и пакы голуб излетѣ из уст спасовых и летяше по всеи церкви и коемуждо святому прилѣтаа, овому на руцѣ сѣдаа, иному же на главѣ, слетѣв же долу, сѣдѣ за иконою чюдною богородичиною намѣстною [3]. Долу же стоящіи хотѣша яти голуб и приставиша лѣствицю, и се не обрѣтеся за иконою, ни за завѣсою. Смотривъше же всюду, не вѣдяху, гдѣ съкрыся голуб, и стояху вси зряще к иконѣ, и се пакы пред ними излетѣ голуб из уст

[1] сам намалювався [2] трохи піднявшись [3] місцевою; місцеві ікони — ті, що містяться по обидва боки т. зв. царських врат

богородичин и вдяше на высоту к образу спасову. И възопиша горѣ стоащим: «имѣте!» [1] Они же простроша рукы, хотяху яти его, голуб же пакы влетѣ в уста спасова, отнудуже и изыде. И се пакы свѣт паче солнца осѣа тѣх, изимаа зракы человѣчьскыа. Сіи же падше ниць и поклонишася господеви. С ними же бѣ и сіи блаженный Алимпіе видѣв дѣтел святаго духа, пребывающу в тои святѣи и честнѣи церкви Печерьскои. Егда же скончаша ю пишюще, тогда блаженный Алимъпіе постриженбысть при игумене Никонѣ. Добрѣ извык хытрости иконнѣи, иконы писати хытр бѣ зѣло. Сей же хитрости въсхотѣ научитися не богатьства ради, но бога ради се творяше, работаше бо, елико же доволно бысть всѣм, игумену и всеи братіи писаше иконы, и от сего ничто же възимаа. Аще ли же когда не имяше дела собѣ сеи преподобъный, то възимаа възим злата и срѣбро, еже иконам на потребу, и дѣлаше им же бѣ долъжен, и отдаваше икону за таковый долг. Многажды же моляше другы своя, да в церкви гдѣ видѣвше обѣтъшавша иконы, и тыа к нему принесуть, и сіа обновив, поставляше на своих мѣстѣх. Все же се творяше, да не пра: и будеть, понеже святіи отци рукодѣліе мнихом повелѣша имѣти и велико се пред богом положиша, яко же рече апостол Павел: «мне же и сущим с мною послужистѣ руцѣ мои, и ни у единого же туне хлѣба ядох». Тако же сіи блаженный Алимъпіе на три части раздѣляше рукодѣліе свое: едину часть на святыа иконы, а вторую часть в милостиню нищим, а третюу часть на потребу тѣлу своему. И се творяше по вся лѣта и не дадяше собѣ покоя во вся дьни: в нощи же на пѣніе и молитву упражняшеся, дьни же приспѣвшу, отлучаше себе на дѣло, праздна же николи же бяше видѣти его; но и събора церковнаго вины ради дѣла не отлучашеся николи же. Игумен же за многую его добродѣтель и чистое житіе постави его священником, и в таком чину священъства добро и богоугодно пребысть...

О преподобънѣм Исакии печерьнищѣ

Слово 36

...Сій убо преподобный отець нашь Исакіе, еще ему сущу в миръстѣм житіи богать бѣ купець, родом торопчанин. Сей, помыслив быти мних, и раздаа все имѣніе свое требующим [2] и монастырем, прииде к великому Антонію в печеру, моляшеся ему, дабы был мних. И пріат его Антоніе, възложи на нъ мнишеский образ и нарече имя ему Исакіе, бѣ бо ему имя мирьское Чернь. Сій же Исакій въспріат житіе крѣпко и облечеся в власяницю, и повелѣ купити собѣ козлищь и одрати его мѣхом, и возвлече на власяницю, и осъше около его кожа сыра. И затворися в печерѣ в единои улици, в келіи малѣ, яко чотыри лакот сущи, и ту моляше бога с слезами. Снѣдь же его бѣ просфора едина, и то же чресь день, и воды в мѣру піаше. Приносяше же ему великый Антоніе и подаваше ему оконцем, елико рука вмѣститься, и тако приимаше пищю. И в таковѣм житіи сътворивь седм леть, на свет не исходя, ни на ребрех възлег, но сѣдя мало сна приимаше. Единою же, по обычаю, наставшю вечеру, нача поклонятися, поя псалмы, даиже и до полунощи, и яко

[1] зловіть [2] бідним, нужденним

утрудися, сѣде на сѣдалѣ своем. Сѣдящу же ему по обычаю свѣщу погасившю, и се внегаапу свѣт въсіа в печерѣ, яко от солнца, яко и зрак человѣку отьимати. И поидоста к нему два уноши прекраснѣ, и облистастася лица ею аки солнце, и рѣша ему: «Исакіе, вѣ есва аггела, а се идеть к тобѣ Христос с аггелы». И въстав Исакый, и видѣ толпу бѣсов, и лица их паче солнца, един же посрѣди их сіаше паче всѣх, и от лица его луча исхожааху..И глаголаста ему: «Исакые, сей есть Христос, пад поклонися ему». Исакый же не разумѣ бѣсовъскаго дѣйства, ни памяти имѣ прекрьститися, изъшед ис кѣліа, поклонися аки Христу бѣсовъскому дѣйству. Бѣси же кликнуша и рѣша: «нашь еси, Исакые!» И въведоша его в келію, и посадиша, и начаша садитися около его. И бысть полна келія бѣсов и улица Печернаа. И рече един от бѣсов, глаголемый Христос: «възмѣте сопѣли и бубны и гусли и ударяйте, а Исакый нам спляшеть». И удариша в сопѣли и в гусли и в бубны, и начаша им играти. И утомивше его, оставиша его еле жива суща, и отъидоша, поругавшеся [1] ему...

„ХОЖДЕНІЄ“ ІГУМЕНА ДАНІЇЛА

Ігумен Даніїл (гадають, що він був родом з Чернігівщини) залишив опис своєї подорожі в Палестину, де пробув 16 місяців — у 1106—1107 роках. Поряд із відомостями географічними і економічними автор подає ряд оповідань легендарного й апокрифічного характеру як усного, так і літературного походження.Це зумовило велику популярність твору, відомого в багатьох (близько 90) списках XV—XIX ст. під назвами «Хожденіе», «Странник», «Паломник», «Сказаніе» і т. д. Перебуваючи у Палестині, Даніїл ввесь час почуває себе, «ігумена руського», представником «Руської землі». Це почуття єднає його з іншими письменниками-патріотами Київської Русі. Уривки, які ми друкуємо, взято з видання — «Палестинский сборник», т. I, в. 3, СПБ, 1885.

ЖИТЬЕ И ХОЖДЕНЬЕ ДАНИЛА, РУСЬСКЫЯ ЗЕМЛИ ИГУМЕНА

Се аз недостойный игумен Данил Русскія земля, хужши во всѣх мнисѣх, смѣренный грѣхи многими, недоволен [2] сый во всяком дѣле блазѣ, понужен мыслію своею и нетерпѣніем моим, похотѣх видѣти святый град Іерусалим и землю обѣтованную. И благодатію божіею доходих святаго града Іерусалима и видѣх святая мѣста, обходих всю землю Галилейскую и около святаго града Іерусалима по святым мѣстом, кудаже Христос бог наш походи своима ногама и велика чюдеса показа по местом тѣм святым. И то все видѣх очима своима грѣшныма, беззлобивый показа ми бог видѣти егоже жедах [3] много дній мыслію моею. Братіа и отци, господіе мои, простите мя грѣшнаго и не зазрите [4] худоумью моему и гробости, еже писах о святѣм градѣ Іерусалимѣ и о земли той блазѣй, и о пути, еже к святым мѣстом. Иже бо кто путем сим ходил с страхом божіим и смѣреньем, не погрѣшить [1] милости божія николи же. Аз же неподобно ходих путем сим святым, во всякой лѣности и слабости и во пьянствѣ и вся неподобная дѣла творя. Но обаче, надѣяся на милость божію и на вашу молитву, да ми простить Христос бог моих грѣхов бещисленых, да си исписах путь си и места сіи святая, не возносяся ни величаяся путем сим, яко что добро створив на пути сем, не буди то: ничтоже бо добра сътворих на пути сем; но любве ради святых мѣст сих исписах все, еже видѣх очима своима, дабы не в забыть [2] было то, еже ми показа бог видѣти недостойному. Убояхся онаго раба лѣнивого, скрывшего талант господина своего и не створившаго прикупа им, да сіе написах вѣрных ради человѣк. Да кто убо, слышах о мѣстѣх сих святых, поскорбл бы ся душею [3] и мыслію к святым сим мѣстом, и равну мзду пріимут от бога с тѣми, иже будуть доходили святых сих мѣст. Мнозии бо дома суще, в мѣстѣх своих добріи человѣци мыслію своею и милостынею убогых, добрыми своими дѣлы достигають мѣст сих святых, иже болшую мзду пріимут от бога спаса нашего Ісуса Христа. Мнози бо доходивше святых сих мѣст и святый град Іерусалим и възнесшеся умом своим, яко нѣчто добро сътворивше, и погубляють мзду труда своего, от них же первый есмь аз: мнози бо, ходивше святаго града Іерусалима, поїдут опять, много добра невидѣвши, тщаще опять вскорѣ, а сего пути нелзѣ вскорѣ сотворити ни истоком [4] того мощи и вся святаа та мѣста и в градѣ и внѣ града.

О Іерусалимѣ, о лаврѣ

Аз недостои игумен Данил, пришед в Іерусалим, пребых мѣсяц 16 в мѣстѣ в лаврѣ святаго Савы и тако могох походити и испытати вся святая си мѣста. Невозможно бо без вожа [5] добра и без языка испытати и видѣти всѣх святых мѣст. И что имѣя в руку моею худаго моего добыточка, то от того все подавах вѣдущіим добрѣ вся святаа мѣста в градѣ и внѣ града, да быша ми указали все добрѣ, якожь и бысть. И пригоди [6] ми бог налѣсти в лаврѣ мужа свята и стара деньми и книжна вельми. Тому святому мужеви вложи бог в сердце любити мя худаго, и тои указа ми добрѣ вся святаа та мѣста, и в Іерусалимѣ и по всей земли той поводи мя и до Тивиріадскаго моря поводи мя, и до Фаворы, и до Назарефа, и до Хеврона, и до Іордана, и по всѣм тѣм мѣстом поводи мя, и потрудися со мною любве ради. И ина святаа мѣста видѣх многа, яже послѣди скажу.

О Іерусалимѣ

Есть же святый град Іерусалим в дебрех, около его горы камены и высокы. Да нолны [7] пришедше близько граду тоже видѣти первое столп Давидов и потом, дошедше мало, увидѣти Елеоньскую гору и святаа святых и воскресеніе церковь, идѣже есть гроб господень и узрѣти потом весь град. И ту есть гора равна от пути близ града Іерусалима, яко версты вдале [8], на той горѣ ссѣдают с конь вси людіе и поставляют крестьци [9] ту и поклоняются святому воскресенію на дозорѣ граду [10].

[1] наглумившись [2] недосконалий [3] жадав [4] не засуджуйте

[1] не позбавиться [2] забуття [3] полинув душею [4] мимохідь [5] провідника [6] допоміг, сприяв [7] тільки [8] далі [9] хресні поклони [10] бачачи місто

И бываеть тогда радость велика всякому христіанину, видѣвше святый град Іерусалим, и ту слезам пролитье бывает от вѣрных человѣк. Никто же бо можеть не прослезитися, узрѣв желанную ту землю и мѣста свѣтаа вида, идѣже Христос бог нашь претерпѣ страсти нас ради грѣшных. И идуть вси пѣши с радостію великою к граду Іерусалиму. И ту есть на лѣвой руцѣ, у пути тамо идучи, церкви святаго Стефана первомученика; на том мѣсте побіен бысть каменіем Стефан первомученик от іюдей, и ту есть гроб его. И ту есть гора камена плоска, просѣлася в распятіе Христово; то зоветься ад; есть близь стѣны градныя, яко повержет [1]. И потом входять в святый град Іерусалим вси людіе с радостію великою врaты, сущими близь столпа Давидова, и та суть врата от Вифлеома лиць [2], и ту суть врата Веніамінова. Яко войдуче в град, путь есть сквозѣ град в святая святых на правую руку, а на лѣвую к святому воскресенію, идѣже есть гроб господень.

О церкви воскресенія господня

Есть же церковь та воскресеніе образом кругла, всямокачна [3] и в длѣ и в преки [4] имать же сажень 30. Суть же в ней полати пространьны, и тамо горѣ живет патріарх. И есть же от дверей гробных до стѣны великаго олтаря сажен 12. Ту есть внѣ стѣны за олтарем пуп земли, и создана над ним комарка, и горѣ написан Христос мусіею, и глаголеть грамота: «се пядію моею измѣрих небо и землю».

О мѣстѣ среди земля, идѣже распяться Христос

А от пупа земнаго до распятія господня и до края есть сажен 12. Есть же распятіе господне к востоку лиць, есть же на камени высоко было, яко стружія выше. Камень же тый был кругол, яко горка мала. А посреди камени того, на самом верху, высѣчена есть скважня [5] лакти во глубле, а вширѣ мній пяди круг, и ту был водружен крест господень. Исподи же под тѣм каменем лежить первозданного Адама глава; и в распятіе господне, егда на крестѣ господь наш Ісус Христос предасть дух свой, и тогда раздрася церковная катапетазма [6], и каменіе распадеся; тогда же и тъ камень просѣдеся над главою Адамлею, и тою разсѣлиною сниде кровь и вода из ребр владычень на главу Адамову и омы вся грѣхы рода человѣча. И есть разсѣлина та на камени том и до днешняго дне; знати есть на деснѣй странѣ распятія господня знаменіе то честное.

О Ерданѣ

Іордань же рѣка течет быстро, бреги же имать обон пол [7] прикруты, а отсуду пологы; вода же мутна велми и сладка пити, и нѣсть сыти піюще воду ту святую; ни с нея болѣть, ни пакости во чрѣве человѣку. Всѣм же есть подобен Іордан к рѣцѣ Сновьстѣй, и вширѣ, и в глубле, и лукаво течет и быстро велми, яко же Сновь рѣка. Вглубле же есть 4 сажень среди

[1] на відстані кинутого каменя [2] в напрямі до Віфлеєма [3] звідусіль похила [4] вздовж і вшир [5] щілина [6] завіса [7] на протилежнім боці

самое купѣли, яко же измѣрих и искусих сам собою, ибо пребродих на ону страну Іордана, много походихом по брегу его; вширѣ же есть Іордан, яко же есть Сновь на устіи. Есть же по сей странѣ Іордана на купѣли тои, яко лѣси древо не высоко, аки вербѣ подобно есть, выше купѣли тоя на брегу Іорданову стоит яко лозіе много, но нѣсть якоже наша лоза, но некако аки силяжки [1] подобно есть; есть же и тростіе много; болоніе имать яко Сновь рѣка. Звѣрь миог ту и свинніи дикіи бещисла много, и пардуси [2] мнози, ту суть львове же.

Обон пол Іордана горы высокы каменыя и суть подаль от Іордана; а под тѣми горами другыя горы близь суть бѣлы, и ты суть близь Іордана; и то есть земля Заулоня и Нефоалимьля обон пол Іордана.

О пещерѣ Иліи пророка

И ту же есть другая пещера дивна, идѣже жил святый Илія пророк с Елісеем, учеником его. И то все благодатію божіею видѣхом очима своима грѣшныма и недостойныма. И сподоби мя бог трижды быти на святѣм Іорданѣ, и в самы водокрещный праздник быхом на Іорданѣ, видѣхом благодать божію, приходящюю на воды іорданьскыя, и множьство народа безчисла тогда пришедших к водѣ; всю нощь ту пѣніе бывает изрядно и свѣщь безчисла горящих и в полунощи бывает крещенѣе водѣ; тогда бо и дух святый приходит на воды іорданскіа, и видят достойніи человѣци добріи, а вси народи не видят ничтоже, но токмо радость и веселіе бывает тогда в сердци всякому христіянину, и егда рекут: «во Іорданѣ крещьшутися [3], господи», тогда вси людіе в водѣ и крестяться в полунощи в Іерданьстѣй рѣцѣ, яко же и Христос в полунощи крестился есть. И ту есть гора, высока зѣло, обон пол Іордана; видѣти ю есть отвсюду издалеча, и на той горѣ пророк Моисій преставился есть, видѣв землю обѣтованную...

„ПОУЧЕНІЄ“ ВОЛОДИМИРА МОНОМАХА

«Поученіе» Володимира Всеволодовича Мономаха (1053—1125) вміщене в Лаврентіївському списку літопису під 1096 роком. Час написання його точно не встановлений. «Поученіе», подаючи ряд фактів з життя князя Володимира Мономаха, відомого енергійною діяльністю, спрямованою на об'єднання князів для оборони Русі від нападів половців, цікаве насамперед образом автора, що сполучав у своїй особі видатного державного діяча й воїна з книжником, знавцем староруського письменства й візантійської перекладної літератури; воно є також показником того високого культурного рівня, на якому здавна находилася Русь в особі її найвидатніших представників.

Текст «Поучення» подаємо із скороченнями за виданням Археографічної комісії: «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку, СПБ, 1910.

[1] кизилові [2] барси [3] коли в Іордані ти хрестився

ПОУЧЕНЬЕ

Сѣдя на санех [1], помыслих в души своей и похвалих бога, иже мя сих днев грѣшнаго допровади [2]. Да дѣти мои, или ин кто, слышав сю грамотицю, не посмѣйтеся, но емуже люба дѣтий моих, а приметь ю в сердце свое, и не лѣнитися начнеть такоже и тружатися: первое, бога дѣля и душа своея, страх имѣйте божий в сердци своемь, и милостыню творя неоскудну, то бо есть начаток всякому добру. Аще ли кому не люба грамотиця си, а не поохритаються [3], но тако се рекуть: на далечи пути, да на санех сѣдя, безлѣпицю [4] еси молвил. Усрѣтоша бо мя слы [5] от братья моея на Волзѣ [6], рѣша: «потъснися [7] к нам, да выженем Ростиславича [8] и волость их отъимем; еже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будем, а ты собѣ», и рѣх: «аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити». И отрядив я, взем псалтырю, в печали разгнух я, и то ми ся выня вскую печалуеши, душе? вскую смущаеши мя? и прочая. И потомь собрах словца си любая, и складох по ряду, и написах: аще вы послѣдняя не люба, а передняя приимайте...

...Поистинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человѣколюбець бог милостив и премилостив; мы человѣци, грѣшни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хощем и пожрети и кровь его прольяти вскорѣ; а господь нашь, владѣя и животом и смертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпить, и пакы и до живота нашего, яко отець, чадо свое любя, бья, и пакы привлачить е к собѣ. Такоже и господь нашь показал ны есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаяньем, слезами и милостынею; да то вы, дѣти мои, не тяжька заповѣдь божья оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣхов своих и царствия не лишитися. А бога дѣля не лѣнитеся, молю вы ся, не забывайте 3-х дѣл тѣх: не бо суть тяжка; ни одиночьство ни чернечьство, ни голод, яко инии добрии терпять, но малым деломь улучити милость божью. Что есть человѣк, яко помниши и́? Велий еси, господи, и чюдна дѣла твоя, никакже разум человѣческ не можеть исповѣдати чюдес твоих: и пакы речем: велий еси, господи, и чюдна дѣла твоя, и благословено и хвално имя твое в вѣки по всей земли. Иже кто не похвалить, ни прославляеть силы твоея и твоих великых чюдес и доброт, устроеных на семь свѣтѣ; како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма и свѣт и земля на водах положена, господи, твоим промыслом! Звѣрье разноличнии, и птица и рыбы украшены твоим промыслом, господи! И сему чюду дивуемъся, како от персти создав человѣка како образи разноличнии в человѣчьских лицих, аще и весь мир совокупить, не вси в один образ, но кыйже своим лица образом, по божии мудрости; и сему ся подивуемы, како птица небесныя из ирья [9] идуть, и первѣе в наши руцѣ, и не ставятся на одиной земли, но и сильныя и худыя идуть по всѣм землям, божиимь повелѣньемь, да наполняться лѣси и поля; все же то дал бог на угодье человѣком, на снѣдь, на веселье. Велика, господи,

[1] тобто наближаючись до смерті, бо за старим звичаєм при похороні померлих відвозили на санях і влітку [2] дав дожити до цього часу [3] хай не сердяться [4] нісенітницю [5] посли [6] погост коло Ростова [7] приєднайся [8] князів Володаря й Василька Ростиславичів [9] з теплих країв

Володимир Мономах і його сини. Мініатюра з Радзівілівського списку літопису, XV ст. (з фототипічного видання).

милость твоя на нас, яже та угодья створил еси человека дѣля грѣшна. И ты же птицѣ небесныя умудрены тобою, господи, егда повелиши, то вспоють, и человѣкы веселять тобе; и егда же не повелиши им, язык же имѣюще онемѣють. А благословен еси, господи, и хвален зѣло! всяка чюдеса и ты доброты створив и здѣлав, да иже не хвалить тебе, господи, и не вѣруеть всѣм сердцемь и всею душею во имя отца и сына и святаго духа, да будеть проклят. Си словца прочитаюче, дѣти моя, божествная, похвалите бога, давшаго нам милость свою, и се от худаго моего безумья наказанье [1]; послушайте мене, аще не всего приімете, то половину. Аще вы бог умякчить сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣх своих, рекуще: якоже блудницю и разбойника и мытаря помиловал еси, тако и нас грѣшных помилуй; и в церкви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни одіну же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнеть не мочи, а трижды; а того не забывайте, не лѣнитеся, тѣмь бо ночным поклоном и пѣньем человѣк побѣжаеть дьявола, и что в день согрѣшить, а тѣм человѣк избываеть. Аще и на кони ѣздяче не будеть ни с ким орудья, аще инѣх молитв не умѣете молвити, а «господи помилуй» зовѣте бес престани, втайнѣ; та бо есть молитва всѣх лѣпши, нежли мыслити безлѣпицю ѣздя. Всего же паче убогых не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильным погубити человѣка. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будеть повинен смерти, а душа не погубляйте никакояже хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не клените ся богомь, ни хрестите ся, нѣту бо ти нужа [2] никоеяже; аще ли вы будете крест цѣловати к братьи, или к кому, а ли управивъше сердце свое, на немже можете устояти, тоже цѣлуйте, и цѣловавше блюдѣте, да не, приступни, погубите душѣ своеѣ. Епископы, и попы и игумены, с любовью взымайте от них благословленье, и не устраняйтеся от них, и по силѣ любите и набдите, да приимете от них молитву от бога. Паче всего гордости не имѣйте в сердци и в умѣ, но рцѣм: смертни есмы, днесь живи, а заутра в гробѣ; се все, что ны еси вдал, не наше, но твое, поручил ны еси на мало дний; и в земли не хороните, то ны есть велик грѣх. Старыя что яко отца, а молодыя яко братью. В дому своемь не лѣнитеся, но все видите; не зрите на тивуна [3], ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вам и дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышед, не лѣнитеся, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите [4], ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои, тоже лязите, а рано встанѣте; а оружья не снимайте с себе вборзѣ, не розглядавше лѣнощами, внезапу бо человѣк погыбаеть. Лжѣ блюдися и пьяньства и блуда, в том бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путем по своим землям, не дайте пакости дѣяти отроком, ни своим, ни чюжим, ни в селѣх, ни в житѣх, да не кляти вас начнуть. Куда же поидете, идеже станете, напойте, накормите уне ина; и боле же чтите гость, откуду же к вам придеть, или прост, или добр, или сол, аще не можете даром, брашном и питьем: ти бо мимоходячи прославлять человѣка по всѣм землям, любо добрым, любо злым. Болнаго присетите; над мертвеця идѣте, яко вси мертвени есмы; и человѣка не минѣте, не привѣчавше, добро слово

[1] повчення [2] необхідності [3] управитель дому, села або міста [4] не віддавайтеся

ему дадите. Жену свою любите, но не дайте им над собою власти. Се же вы конець всему: страх божий имѣйте выше всего; аще забываете всего, а часто прочитайте: и мнѣ будеть бе-сорома, и вам будеть добро. Егоже умѣючи, того не забывайте доброго, а егоже не умѣючи, а тому ся учите, якоже бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше [1] 5 язык, в том бо честь есть от инѣх земль. Лѣность бо всему мати: еже умѣеть, то забудеть, а егоже не умѣеть, а тому ся не учить; добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанеть вас солнце на постели; тако бо отець мой дѣяшеть блаженый и вси добрии мужи свершении; заутренюю отдавше богови хвалу, и потом солнцю въсходящу, и узрѣвше солнце, и прославити бога с радостью и рече: просвѣти очи мои, Христе боже, иже дал ми еси свѣт твой красный, и еще: господи, приложи ми лѣто к лѣту, да прок, грѣхов своих покаявъся, оправдив живот, тако похвалю бога: и сѣдше думати с дружиною, или люди оправливати [2] или на лов ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть от бога присужено полудне, отъ чин [3] бо почиваеть и звѣрь, и птици и человѣ

А се вы повѣдаю дѣти моя, труд свой, оже ся есмь тружал, пути дѣя и ловы 13 лѣт. Первое к Ростову идох, сквозѣ вятичѣ, посла мя отець, а сам иде Курьску, и пакы 2-е к Смолиньску со Ставкомь Скордятичем, той пакы и отъиде к Берестию со Изяславом, а мене посла Смолиньску, то и- Смолиньска идох Володимерю. Тое же зимы той посласта Берестию брата на головнѣ [4], где бяху пожгли, той ту блюдох город тѣх. Та идох Переяславлю отцю, а по велицѣ дни ис Переяславля та Володимерю, на Сутейску мира творит с ляхы; оттуда пакы на лѣто Володимерю опять...

...А из Чернигова до Кыева нестишь [а] ѣздих ко отцю, днем есм переѣздил до вечерни; а всех путий 80 и 3 великих, а прока не испомню меншних. И миров есм створил с половечьскыми князи без одиного 20, и при отци и кромѣ отца, а дая скота много и многы порты своѣ; и пустил есм половечскых князь лѣпших из оков толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Овчины братьѣ 4, а всѣх лѣпших князий инѣх 100; а самы князи бог живы в руцѣ дава: Коксусь с сыномь, Аклан, Бурчевичь, Таревьскый князь Азгулуй, и инѣх кметий молодых 15, то тѣх живы вед, исѣк, вметах в ту рѣчку в Славлий; по чередам [5] избье чо не с 200 в то время лѣпших. А се тружахъся ловы дѣя: понеже сѣдох в Черниговѣ, а из Чернигова вышед, и д... о [б] лѣта по сту уганивал и имь даром всею силою кромѣ иного лова, кромѣ Турова, иже со отцемь ловил есм всяк звѣрь. А се в Черниговѣ дѣял есм: конь диких своима рукама связал есмь в пущах 10 и 20 живых конь, а кромѣ того же по Роси ѣздя имал есм своима рукама тѣже кони дикиѣ. Тура мя 2 метала на розѣх и с конем, олень мя один бол, а 2 лоси, один ногами топтал, а другый рогома бол, вепрь ми на бедрѣ мечь оттял, медвѣдь ми у колѣна подъклада [6] укусил, лютый звѣрь скочил ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже; и бог неврежена мя съблюде. И с коня много падах, голову си розбих

[1] вивчив [2] судити [3] в той час [4] на згарище, пожарище [5] по черзі [6] пітник під сідлом

а Неяснее місце: тлумачать і «не тихо», і «коло ста разів».

б Тут на середині аркуша порваний пергамент.

дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередих, в уности своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя головы своея. Еже было творити отроку моему, то сам есмь створил дѣла на войнѣ и на ловѣх, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя; на посадникы не зря, ні на биричи сам творил что было надобѣ, весь наряд в дому своемь то я творил есмь; і в ловчих ловчий наряд сам есмь держал, и в конюсѣх, и о соколѣх и о ястрябѣх; тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не дал есм сильным обидѣти, и церковнаго наряда и службы сам есм призирал. Да не зазрите ми [1], дѣти мои, ни ин кто, прочет, не хвалю бо ся ни дерзости своея [2], но хвалю бога и прославляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣт сблюд от час смертных, и не лѣнива мя был створил, худаго, на вся дѣла человѣческая потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потъснѣтеся [3] на вся дѣла добрая, славяще бога с святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не бояще, ни рати, ни от звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы бог подасть; оже бо яз от рати, и от звѣри и от воды, от коня спадаяся, то никтоже вас не можеть вредитися и убити, понеже не будет от бога повелѣно; а иже от бога будеть смерть, то ни отець, ни мати ни братья не могуть отьяти, но оче [4] добро есть блюсти, божие блюденье леплѣ [5] есть человѣчьскаго...

СЛОВО О ПОЛКУ ІГОРЕВІМ

«Слово о полку Игоревѣ» — героїчна поема невідомого автора XII ст.— найкращий зразок високого ідейно-художнього рівня, якого досягло мистецтво Київської Русі. Невідомий автор, палкий патріот руської землі, обстоював загальнонародні інтереси, закликаючи князів до єднання «якраз перед нашестям монголів» (М а р к с и Э н г е л ь с, Сочинения, том XXII, стор. 122). Тема — боротьба руського народу з кочівниками-половцями, зокрема, невдалий похід проти половців Ігоря Святославовича, князя новгород-сіверського, в союзі з братом Всеволодом, князем трубчевським, сином Володимиром, князем путивльським, і племінником — князем рильським Святославом Ольговичем. Похід відбувся в кінці квітня — на початку травня 1185 р. Відомості про нього знаходимо в Лаврентіївському й Іпатіївському літописах. Епізод про втечу Ігоря з полону, а також звернення до князів Ярослава Галицького (Осмомисла) і Володимира Глібовича, як до живих людей,— а померли вони в 1187 р.,— дають підставу вважати, що поема була написана не пізніше кінця 1187 — початку 1188 р. Поему знайдено на початку 90-х років XVIII ст. Вельможа часів Катерини II граф А. І. Мусін-Пушкін придбав з бібліотеки Спасо-Ярославського монастиря рукописний збірник, де разом із «Словом» переписано було кілька перекладних творів, як от «Книга глаголемая Гранаграф» (хронограф), «Временник», «Сказаніе об Индіи богатой», «Синагрип царь Адоров» та ін. Під час московської пожежі 1812 р. рукопис цей загинув. Першоджерелом для вивчення «Слова» лишається текст, надрукований у Москві в 1800 р. під заголовком: «Ироическая пѣснь о походѣ на половцов удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверского Игоря Святославича, писанная старинным рус-

[1] не судіть мене [2] сміливості своєї [3] спрямуйтеся [4] якщо [5] краще

ским языком в исходѣ XII столѣтія с переложеніем на употребляемое нынѣ нарѣчіе». Видання було підготовлене графом Мусіним-Пушкіним при діяльній допомозі археографа Н. Н. Бантиша-Каменського і його учня та помічника А. Ф. Малиновського. В 60-х роках XIX ст. в Державному архіві акад. П. П. Пекарський знайшов список з рукопису Мусіна-Пушкіна, зроблений для Катерини II, і опублікував його в 1864 р. в додатку до V тома «Записок Императорской академии наук»; цей текст, опублікований вдруге П. Сімоні в 1890 р. в XIII томі «Древностей Московского археологического об-ва», є другим джерелом для вивчення пам'ятки. При невисокому рівні палеографічної науки в XVIII ст. видання 1800 р., не кажучи вже про Катерининську копію, мало багато дефектів, і перші дослідники помилково прочитали деякі місця рукопису. Зрозуміло, чому текст Мусіна-Пушкіна й копія в деталях іноді розходяться. Дослідження було ускладнене тим, що рукопис «Слова», за всіма ознаками письма, не є оригінал, а список поч. XVI ст., північного, а не південного походження.

Між оригіналом і цим рукописом були, очевидно, проміжні списки, і складний, своєрідний текст «Слова» за 300 років, що минули від написання твору до написання відомого нам списку, зазнав великих змін. Звідси — наявність ряду неясних місць у тексті, що не доконечно витлумачені, хоч про «Слово» існує величезна література.

Список «Слова» відбиває ряд фонетичних особливостей північноруських діалектів (це позначається насамперед у зміні шиплячих і свистячих). Текст списку відбиває особливості традиційної орфографії XI—поч. XIII ст.: вживання глухих ъ і ь (місцями ъ і ь плутаються) крім того, в рукопису є помітні сліди нової, пізнішої орфографії XIV—XV ст.: написання глухих після плавних, знов-таки з взаємною заміною глухих, а також відсутність йотації після голосних.

Літературознавці вже в 30-х роках XIX ст. зазначали стилістичну схожість «Слова» з східнослов'янським, зокрема — українським фольклором. Нові українські поети зробили багато спроб дати художні перекладп «Слова» прозою й віршем. Після перших (30—40-х рр.) недосить вдалих спроб у 1857 р. вийшов віршований переклад *М. Максимовича*; два уривки з поеми («Плач Ярославни», «З передсвіта до вечора», датовані 1860 р.) переклав *Т. Г. Шевченко*; з пізніших перекладів треба відзначити переклад *С. Руданського* (1860 р., надруковано вперше в 1896 р.), *Панаса Мирного* (вперше друкований в «Зорі» (Львів, 1896), окреме видання — 1914 р.). В 1938 р., в зв'язку з 750-річчям «Слова», ряд перекладів було зроблено радянськими поетами *(М. Т. Рильський, Наталя Забіла)*. Великий вплив мало «Слово» й на оригінальну українську поезію від передшевченківських часів до радянської доби (див., наприклад, твори Федьковича, І. Франка, а з радянських поетів поезії П. Тичини, А. Малишка та ін.).

Текст «Слова» подається за виданням Академії наук СРСР: «Слово о полку Игореве», под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, 1950 (серія «Литературные памятники»).

Порушуючи поширену традицію, переставляємо абзаци:

«Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце... шеломомь Дону» — ставимо після «О Бояне соловію стараго времени... а князю славѣ», щоб уникнути логічного розриву, який міг виникнути внаслідок помилки при оправлянні рукопсу.

СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА

Не лѣпо ли ны бяшеть [1], братіе, начяти старыми словесы трудных повѣстий [2] о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начати же ся тъй пѣсни по былинамь сего времени, а не по замышленію Бояню. Боян бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрым вълком по земли, шизым орлом под облакы. Помняшеть бо, рече [3], първых времен усобицѣ. Тогда пущашеть 10 соколовь на стадо лебедѣй: которыи дотечаше [4], та преди [5] пѣснь пояше старому Ярославу [а], храброму Мстиславу [б], иже зарѣза Редедю пред пълкы касожьскыми, красному Романови Святъславичю [в]. Боян же, братіе, не 10 соколовь на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщиа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнем же, братіе, повѣсть сію от стараго Владимера [г] до нынѣшняго Игоря, иже истягну [6] умь крѣпостію своею и поостри сердца своего мужеством, наплънився ратного духа, наведе своя храбрыя плъки на землю Половѣцькую за землю Руськую.

О Бояне, соловію старого времени! Абы ты сиа плъкы ущекотал [7], скача, славію, по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая славы оба полы [8] сего времени, рища в тропу Трояню [д] чрес поля на горы.

Пѣти было пѣснь Игореви, того внуку: «Не буря соколы занесе чрез поля широкая,— галици стады [9] бѣжать к Дону великому». Чи ли въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовь [е] внуче: «Комони [10] ржуть за Сулою, звенить слава в Кыевѣ; трубы трубять в Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ!»

Игорь ждет мила брата Всеволода. И рече ему буй тур [11] Всеволод: «Один брат, один свѣт свѣтлый ты, Игорю, оба есвѣ Святъславличя! Сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти куряни свѣдоми къмети [12]: под трубами повити, под шеломы възлѣлѣяни, конець копія въскръмлени, пути имь вѣдоми, яруги им знаеми, луци у них напряжени, тули [13] отворени, сабли изъострени; сами скачють, акы сѣрыи влъци в полѣ, ищучи себе чти [14], а князю славѣ».

---

[1] чи не добре було б нам [2] сумні повісті [3] як кажуть [4] яку доганяв [5] наперед, тобто перша [6] зміцнив [7] ощебетав, оспівав, як соловей [8] обидві половини [9] галки табунами [10] коні [11] завзятий, відважний [12] випробувані вояки [13] сагайдаки [14] честі

а Ярослав Володимирович (Мудрий), великий князь київський (1019—1054).

б Брат Ярослава Мстислав Володимирович, князь тмутороканський і чернігівський (пом. 1036 р.). Про його перемогу над Редедею, князем касозьким, розповідає «Повѣсть временных лѣт» під 6530 (1022 р.).

в Роман Святославович, внук Ярослава Володимировича, князь тмутороканський (помер 1079 р.).

г Володимир Святославович, вел. кн. київський з 980 р. (пом. 1015 р.).

д *Тропа Трояня* — мабуть, шлях римського імператора Траяна (пор. «Троянові вали» на Україні і в Румунії). Особа Траяна була обожествлена в Римі; з ім'ям Траяна зв'язувалось і уявлення про слов'янське божество. Дехто з дослідників пробував пояснювати це місце, вважаючи написання «Троян» перекрученням слова «Боян» (Тихонравов). Були спроби віднести це ім'я до князя Святослава Ігоревича, бо він, мовляв, батько трьох синів, або до князя Олега Святославовича.

е *Велес*, або *Волос* — староруський бог скотарства, багатства, достатку.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ от него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь к дружинѣ своей: «Братіе и дружино! Луце ж бы потяту быти [1], неже полонену быти; а всядем, братіе, на свои бръзыя комони, да позрим синего Дону». Спал князю умь похоти [2] и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго [3]. «Хощу бо, рече, копіе приломити конець поля половецкаго, с вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону».

Тогда въступи Игорь князь в злат стремень и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди; свист звѣрин въста; збися [а] див [4], кличет връху древа: велит послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу [5], и Корсуню [6], и тебѣ, тьмутораканьскый блъван [6]! А половци неготовами [7] дорогами побѣгоша к Дону великому: крычат тѣлѣгы полунощы, рци — лебеди роспущени [8].

Игорь к Дону вои ведет! Уже бо бѣды его пасет птиць по дубію [в]; влъци грозу въсрожат [8] по яругам; орли клектом на кости звѣри зовут; лиси брешут на чръленыя [9] щиты.

О Руская земле, уже за шеломянем [10] еси!

Длъго ночь мрькнет. Заря-свѣт запала [11]. Мъгла поля покрыла. Щекот славий успе; говор галичь убуди [г]. Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.

С заранія в пяток потопташа поганыя плъкы половецкыя и, рассушясь [12] стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а с ними злато, и паволокы [13], и драгыя оксамиты [14]. Орьтъмами [15], и япончицами [16] и кожухы начашя мосты мостити по болотом и грязивым мѣстом, и вськыми узорочьи [17] половѣцкыми. Чрълен стяг, бѣла хорюговь, чрълена чолка [18], сребрено стружие [19] — храброму Святъславличю!

Дремлет в полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! Не было оно обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный ворон, поганый половчине! Гзак [20] бѣжит сѣрым влъком, Кончак [20] ему слѣд править к Дону великому.

Другаго дни вельми рано кровавыя зори свѣт повѣдают. Чърныя тучя с моря идут, хотят прикрыти 4 солнца [21], а в них трепещуть синіи млъніи. Быти грому великому! Итти дождю стрѣлами с Дону великаго! Ту ся копіем приламати, ту ся саблям потручяти о шеломы половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ [22], у Дону великаго.

---

[1] порубаному бути [2] спало на думку князеві бажання [3] жадоба досягти великого [4] міфічний птах, вістун лиха [5] нині Судак (місто в Криму) [6] давній Херсонес [7] невторованими [8] підіймають [9] червоні [10] за горбом [11] запалала [12] розсипавшись [13] дорогі тканини [14] шовк, бархат, парчу [15] покривалами [16] накидками, плащами [17] дорогоцінними речами або тканинами [18] бунчук [19] ратище [20] половецький хан [21] чотирьох князів, учасників походу [22] можливо, від «каяти» — проклинати; за іншою думкою,— це річка Калміус

а Стрепенувся. В архівній копії цього слова і двох попередніх немає; в тексті М.-П.: «в стазби».

б Статуя, ідол. Біля Тмуторокані, на Таманському півострові, стояли величезні статуї, споруджені богам Санергу і Астарті за 300 років до н. е. Їх міг мати на увазі автор. Інше тлумачення — пограничний стовп.

в Наче сполохані лебеді.

г Неясне місце. Імовірний переклад: «птахи по деревах виглядають біду».

д Збудився.

О Руская землѣ, уже за шеломянем еси!

Се вѣтри, Стрибожи [1] внуци, вѣют с моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы. Земля тутнет [2], рѣкы мутно текуть, пороси [3] поля прикрывают, стязи глаголют: половци идуть от Дона, и от моря, и от всѣх стран Рускыя плъкы оступиша [4]. Дѣти бѣсовы кликом поля прегородиша, а храбріи Русици преградиша чрълеными щиты.

Яр туре Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными! Камо, тур, поскочяше, своим златым шеломом посвѣчивая, тамо лежат поганыя головы половецкыя. Поскепаны [5] саблями каленымі шеломы оварьскыя [6] от тебе, яр-туре Всеволоде! Кая [7] раны дорога, братіе, забыв чти и живота [8], и града Чрънигова отня злата стола, и своя милыя хоти [9], красныя Глѣбовны [10], свычая и обычая?

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плъци Олговы, Ольга Святьславличя.

Тъй бо Олег мечем крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступает в злат стремень в градѣ Тьмутороканѣ, той же звон слыша давный великый Ярославь, а сын Всеволожь Владимир по вся утра уши закладаше в Черниговѣ. Бориса же Вячеславлича слава на суд приведе и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя [а]. С тоя же Каялы Святоплъкь повелѣ яти отце своего междю угорьскими иноходьцы ко святѣй Софии к Киеву [б]. Тогда, при Олзѣ Гориславличи [в] сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука [11]; в княжих крамолах вѣци человѣкомь скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть [12], нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе [12].

То было в ты рати и в ты плъкы, а сицей рати не слышано! С зараніа до вечера, с вечера до свѣта летят стрѣлы каленыя, гримлют сабли о шеломы, трещат копіа харалужныя в полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыи. Чръна земля под копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна: тугою взыдоша по Руской земли.

Что ми шумить, что ми звенить далече рано пред зорями? Игорь плъкы заворочает: жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день,

---

[1] Стрибог — бог вітрів [2] дуднить, гуде [3] порох [4] обступили [5] розсічені, розтяті [6] авари — кавказький народ [7] що тому рани... хто забув... [8] честь і життя [9] любу дружину [10] Ольга Глібівна — дружина Всеволода [11] руського народу, внука Даждьбога, бога сонця [12] перегукувалися [13] на поживу

а Говориться, очевидно, про смерть князя Бориса Вячеславича в бою на Нежатиній ниві біля Чернігова в 1078 р. Князь Борис разом з Олегом Святославичем, дідом Ігоря, вів боротьбу проти Всеволода Ярославича, підтриманого братом — великим князем Ізяславом, сином — Володимиром Мономахом і племінником — Ярополком.

б Дехто з дослідників уважає, що тут неясна згадка про перевезення до Києва вбитого на Нежатиній ниві (1078 р.) вел. кн. київського Ізяслава Ярославича; інші гадають, що йдеться про те, як вел. кн. київський Святополк Ізяславич привіз у Київ тіло вбитого під Переяславом (1097 р.) ворога й тестя свого — половецького хана Тугоркана. Мертвих перевозили на дошках, прив'язаних між двох коней. «Повелѣ яти» — заколисав, обережно перевіз.

в Князя Олега Святославовича автор називає Гориславичем, бо він приніс усобицями багато горя руській землі.

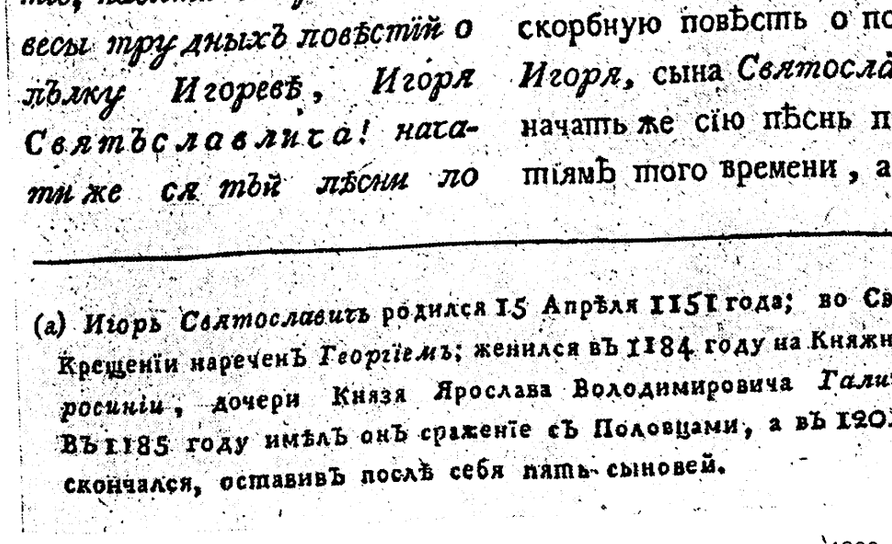
СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ, (а) ИГОРЯ СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА.

Не лѣполи ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! начати же ся тъй пѣсни по

ПѢСНЬ О ПОХОДѢ ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЬГОВА.

Пріятно намъ, браттцы, начать древнимъ слогомъ прискорбную повѣсть о походѣ Игоря, сына Святославова! начать же сію пѣснь по бытіямъ того времени, а не по

(а) Игорь Святославичъ родился 15 Апрѣля 1151 года; во Святомъ Крещеніи нареченъ Георгіемъ; женился въ 1184 году на Княжнѣ Евфросиніи, дочери Князя Ярослава Володимировича Галичьскаго Въ 1185 году имѣлъ онъ сраженіе съ Половцами, а въ 1201 году скончался, оставивъ послѣ себя пять сыновей.

«Слово о полку Игоревѣ». Перша сторінка тексту з видання 1800 р.

Кінні воїни. Мініатюра з рукопису XVI—XVII ст. («Древнерусская миниатюра»).

бишася другый; третьяго дни к полудню падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пир докончаша храбріи русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою к земли преклонилось.

Уже бо, братіе, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида в силах Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣм море у Дону плещучи, упуди [а] жирня времена [1]. Усобица княземъ на поганыя погыбе[2], рекоста бо брат брату: «Се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати. А поганіи с всѣх стран прихождаху с побѣдами на землю Рускую.

О, далече зайде сокол, птиць бья,— к морю! А Игорева храброго плъку не крѣсити [3]! За ним кликну Карна [б] и Жля [в], поскочи по Руской земли, смагу людем мычючи в пламянѣ розѣ [г]. Жены рускія въсплакашась, аркучи: «Уже нам своих милых лад [4] ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати» [5].

А въстона бо, братие, Кіев тугою, а Чернигов напастьми. Тоска разлияся по Рускои земли; печаль жирна тече средь земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху, а поганіи сами, побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ [6] от двора.

[1] багаті часи, часи достатку [2] боротьба князів проти поганих припинилася [3] не воскресити [4] коханих, чоловіків [5] торкнутися, можливо — побряжчати [6] по білці

а Прогнала.

б—в «Карна» і «Жля», очевидно, персоніфікують поняття плачу («карити» — плакати по померлому) і скорботи.

г Вогонь розкидаючи в полум'яному розі. Дослідники зближують це місце з вказівками літопису про «живий вогонь» у трубах або сифонах, вживаний греками і половцями під час воєн.

Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволод, уже лжу [1] убудиста которою [2]. Ту [а] бяше успил отец их Святъславь грозный [б] великый кіевскый грозою: бяшеть притрепал [в] своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хлъми и яругы, взмути рѣкы и озеры, иссуши потокы и болота. А поганаго Кобяка из луку моря от желѣзных великих плъков половецкых яко вихр, выторже: и падеся Кобяк в градѣ Кіевѣ, в гридницѣ Святъславли. Ту нѣмци и венедици, ту греци и морава [г] поют славу Святъславлю, кають [3] князя Игоря, иже погрузи жир [4] во днѣ Каялы рѣкы половецкія, рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣдѣ из сѣдла злата, а в сѣдло кощиево [5]. Уныша бо градом забралы [6], а веселіе пониче.

А Святъславь мутен сон видѣ в Кіевѣ на горах. «Си ночь с вечера одѣвахуть мя,— рече,— чрѣною паполомою [7] на кроваты тисовѣ [8]; чрѣпахуть ми синее вино, с трудомь [9] смѣшено, сыпахуть ми тѣщими тулы [10] поганых тльковин [11] великый женчюгь [д] на лоно и нѣгуют [е] мя. Уже дьскы без кнѣса [12] в моем теремѣ златовръсѣм. Всю нощь с вечера бусови врани възграяху у Плѣсньска, на болони бѣша дебрь кияня, и несошася к синему морю» [с].

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умь полонила; се бо два сокола [14] слѣтѣста с отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припѣшали [15] поганых саблями, а самаю опуташа в путины желѣзны.

Темно бо бѣ в 3-й день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста и с нима молодая мѣсяца, Олег и Святъслав [ж], тъмою ся поволокоста и в морѣ погрузиста, и великое буйство подаста хинови [з]. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣт покрыла; по Руской земли простроташася

[1] чвари [2] незгодою, суперечками [3] докоряють (може — жаліють) [4] багатства [5] рабське [6] міські стіни [7] покривалом [8] кедровій [9] з горем, з лихом [10] порожніми сагайдаками [11] іноземців, треба гадати, половців [12] без гребеня, балки, що зв'язує крокви, скріпляючи обидві половини покрівлі [13] сірі [14] тобто Ігор і Всеволод [15] підрізали (буквально «зробили пішими»)

а А її.

б Святослав Всеволодович, великий князь київський (1176—1194 р., з перервою), успішно боровся з половцями; незадовго до зображуваних тут подій, у 1184 р., у союзі з деякими князями він розгромив половців, дістав величезну здобич і полонив хана Кобяка.

в Грозою розбив.

г Згадуючи про ці народи, автор визначає тодішній культурний світ, де ширилася слава про переможні походи київських князів.

д Перли уві спі, за візантійськими і староруськими повір'ями, віщували сльози; ці уявлення відбилися в народній пісенній творчості.

е Ніжили, пестили.

с «Плѣсньск» — на думку сучасних дослідників місцевість біля Києва; «на болони» — на низькому узбережжі; «дебрь кияня» — лісистий яр, де, мабуть, протікала річка Киянь ... (див. статтю М. В. Шарлеманя «Дебрь Кисаня» у зб. АН СРСР «Слово о полку Игореве», Лгр., 1950).

ж Молоді князі — учасники походу. Але, як відомо, їх імена — Володимир (син Ігоря) і Святослав (племінник його); отже, тут або помилка, або згадка про племінника й малолітнього сина Ігоря — Олега, що міг бути в поході, або, нарешті, згадка про двох менших синів Ігоря: Олега й Святослава.

з Збірне ім'я для означення «поганих бусурман». В тексті М.-П. і в архівній копії слова: «и в морѣ погрузиста... хинови» стоять після: «аки пардуже гнѣздо», чим порушується зв'язок речень.

половци, аки пардуже [1] гнѣздо. Уже снесеся хула на хвалу [2]; уже тресну нужда на волю [3]; уже врѣжеся дивь на землю. Се бо готскыя [а] красныя дѣвы, въспѣша на брезѣ синему морю: звоня Рускым златом, поют время Бусово [б], лелѣют месть Шароканю [в].

А мы уже, дружина, жадни веселія!» [4].

Тогда великый Святъслав изрони злато слово с слезами смѣшено и рече: «О моя сыновчя [г], Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити [5], а себѣ славы искати. Нъ нечестно [6] одолѣсте, нечестно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердца в жестоцем харалузѣ скована, а в буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ [д]! А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многовоя брата моего Ярослава [д], с черниговьскими былями [7], с могуты [8], и с татраны, и с шельбиры, и с топчакы, и с ревугы, и с ольберы [е]. Тіи бо бес щитовь с засапожникы [9] кликом плъкы побѣждают, звонячи в прадѣднюю славу. Нъ рекосте: «Мужаимсѣ ся сами: преднюю славу сами похитим, а заднюю си сами подѣлим!» А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли сокол в мытех бывает [10], высоко птиц възбивает; не даст гнѣзда своего в обиду. Нъ се зло — княже ми непособіе: наниче [11] ся годины обратиша. Се у Рим [є] кричат под саблями половецкыми, а Володимир под ранами.

Туга и тоска сыну Глѣбову!»

Великый княже Всеволоде! [ж] Не мыслію ти прелетѣти [12] издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы вылъяти! Аже бы ты был, то была бы чага [13] по ногатѣ [14], а кощей [15] по резанѣ. Ты бо можеши посуху живыми переширы [16] стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы [з].

Ты буй Рюриче и Давыде! [и] Не ваю ли вои злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкают акы тури, ранены

---

[1] барсове [2] уже безчестя перемогло славу [3] уже вдарило насильство на свободу [4] жадаємо веселощів [5] терзати, примушувати плакати [6] безславно [7] вельможами [8] воєводами [9] зачобітними ножами [10] линяє [11] на ніщо [12] чи не мислиш ти прилетіти [13] рабиня [14] дрібні гроші [15] раб [16] списами

а Залишки готів, що осіли в II ст. н. е. на берегах Чорного й Азовського морів, зберігалися там до XVII ст. Поразка руських військ, збагачуючи готських купців невільниками, викликала в готів радість.

б Неясне місце: Бус — або один з відомих перемогами половецьких ханів, або, за іншим припущенням, замучений (у IV ст. н. е.) приморськими готами цар аптів-слов'ян — Бооз.

в Шарукан — половецький хан, що не раз зазнавав поразок від руських князів наприкінці XI— на початку XII ст.

г Племінники. Святослав, двоюрідний брат Ігоря й Всеволода, звертається до них як старший у роді.

д Ярослава Всеволодовича, князя чернігівського (помер у 1198 р.).

е Ратраний, шельбіри, топчаки, ревуги, ольбери— назви племен, що служили у війську чернігівських князів.

є Місто Римов, зруйноване половцями після невдалого походу Ігоря; незабаром після заняття Римова в бою з половцями був тяжко поранений князь переяславський Володимир Глібович (помер у 1187 р.).

ж Всеволод III Юрійович, «Большое Гнѣздо» (пом. у 1212 р.), відомий своєю могутністю, зробив за кілька років до зображуваних подій вдалий похід на волзьких болгар.

з Діти князя Гліба Ростиславича, рязанські князі, що брали участь у поході Всеволода на болгар і дістали від нього уділи.

и Рюрик (князь перемишльський) і Давид (князь смоленський) Ростиславичі; брали участь у кривавому бою з половцями при р. Орлі в 1183 р.

саблями каленими на полѣ незнаемѣ? Вступита, господина, в злата стремень за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! [а] Высоко сѣдиши на своем златокованѣм столѣ, подпер горы угорскыи [1] своими желѣзными плъки, заступив королеви [2] путь, затворив Дунаю ворота, меча бремены [3] чрез облакы, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землям текут, отворяеши Киеву врата, стрѣляеши с отня злата стола салътани за землями [4]. Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе! [б] Храбрая мысль носит ваш ум на дѣло! Высоко плаваеши на дѣло в буести [5], яко сокол на вѣтрех ширяяся, хотя птицю в буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи паробци [6] под шеломы латиньскыми. Тѣми тресну земля и многы страны: хинова, литва, ятвязи, деремела, и половци [в] сулици [7] своя повръгоша, а главы своя подклониша под тыи мечи харалужныи.

Нъ уже, княже Игорю, утрпѣ [8] солнцю свѣт, а древо не бологом [9] листвіе срони: по Рси и по Сули гради подѣлиша [10]. А Игорева храбраго плъку не крѣсити. Дон ти, княже, кличет и зоветь князи на побѣду. Олговичи [г], храбрыи князи, доспѣли на брань...

Инъгварь и Всеволод и вси три Мстиславичи [д], не худа гнѣзда шестокрилци! [е] Не побѣдными жребии собѣ власти расхытисте! Кое [11] ваши златыи шеломы и сулицы ляцкіи и щиты? Загородите полю [12] ворота своими острыми стрѣлами за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

Уже бо Сула не течет сребреными струями к граду Переяславлю, и Двина болотом течет оным грозным полочаном под кликом поганых. Един же Изяслав, сын Васильков [є], позвони своими острыми мечи о шеломы литовьскыя, притрепа славу дѣду своєму Всеславу, а сам под чърлеными щиты на кровавѣ травѣ притрепан литовскыми мечи и с хотию на кров, а тъи рекъ: «Дружину твою, княже, птиць крилы приодѣ, а звѣри кровь полизаша». Не бысть ту брата Брячяслава [ж], ни другаго Всево-

---

[1] карпатські [2] королеві угорському [3] тягарі [4] турецьких султанів за далекими землями [5] на подвиг [6] нагрудники, панцири [7] списи [8] потьмарився, ослабнув [9] не на добре [10] вороги поділили міста [11] де [12] степові, степовим кочівникам

а Галицький князь Ярослав Володимирович (помер у 1187 р.), один із найвпливовіших і наймогутніших тодішніх князів, тесть князя Ігоря, героя «Слова». «Осмомисл», на думку Потебні,— такий, що має вісім думок, вісім турбот відразу.

б Роман Мстиславич, князь володимир-волинський (помер у 1205 р.), Мстислав Ярославич, князь луцький (помер у 1206 р.).

в Племена, з якими воював Роман Мстиславич.

г Ольговичі — Святослав, Ігор та Всеволод і сини Святославові Олег та Володимир, яких він послав до Посем'я боронити Русь від половців.

д На думку більшості дослідників,— це три сини Ярослава луцького: Інгвар, Всеволод і Мстислав, названі Мстиславичами за прадідом князем Мстиславом Володимировичем (помер у 1132 р.); можливо, ті самі Інгвар і Всеволод і їх двоюрідні брати Роман, Всеволод і Святослав Мстиславичі.

е У трьох соколів-князів — шість крил.

є Ізяслав, син Васильків, князь полоцький, городенський, потомок Всеслава полоцького, але літопис такого не вказує.

ж Брячислав Василькович — князь ізяславле-вітебський.

лода [а]; един же изрони жемчюжну душу из храбра тѣла чрес злато ожерелие [1]. Уныли голоси, пониче веселіе, трубы трубят городеньскии.

Ярославли [б] и вси внуци Всеславли! Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени [2]; уже бо выскочисте из дѣдней славѣ. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь [3] Всеславлю. Которою [в] бо бѣше насилие от земли Половецкыи!

На седьмом вѣцѣ [г] Трояни връже Всеслав [д] жребіи о дѣвицю себѣ любу [е]. Тъй клюками [4] подпръся о кони [5] и скочи к граду Кыеву и дотчеся стружием [6] злата стола Кыевьскаго. Скочи от них лютым звѣрем в плъночи из Бѣлаграда, обѣсися [7] синѣ мьглѣ; утрѣ же вознзи стрикусы [е],— отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влъком до Немиги с Дудуток [8].

На Немизѣ снопы стелют головами, молотят чепи харалужными, на тоцѣ живот кладут, вѣют душу от тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологом бяхуть посѣяни, посѣяни костьми руских сынов. Всеслав князь людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь влъком рыскаше: из Кыева дорискаше до кур [9] Тмутороканя, великому Хръсови [10] влъком путь прерыскаше. Тому в Полотьскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софеи в колоколы, а он в Кыевѣ звон слыша. Аще и вѣща душа в дръзѣ [ж] тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боян и пръвое припѣвку, смысленый [11], рече: «Ни хытру, ни горазду [12], ни птицю горазду суда божіа не минути».

О стонати Руской земли, помянувше пръвую годину и пръвых князей! Того стараго Владимира [13] нельзѣ бѣ пригвоздити к горам Кыевьским; сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи — Давидовы [14], нъ розно ся им хоботы [15] пашут [16].

Копіа поютъ.

На Дунаи [з] Ярославнын глас ся слышит, зегзицею [17] незнаема рано кычеть [18]: «Полечю,— рече,— зегзицею по Дунаеви, омочю бебрян [19] рукав в Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣм [20] его тѣлѣ!»

---

[1] золота гривня, яку носили на шиї знатні особи як відзнаку [2] пошкоджені [3] багатство, добро [4] лукавством, хитрощами [5] оконився, сів на коня [6] списом [7] повиснув [8] містечко близько Новгорода [9] до півнів [10] сонцю [11] мудрий [12] розумному, вправному [13] Володимира (пом. 1015 р.) [14] знову згадка про незгоди між князями [15] бунчуки [16] мають [17] зозулею [18] кує [19] бобровий [20] могутнім

а Очевидно, помилка переписувача «Слóва». Тут автор має на увазі Всеслава Васильковича, князя вітебського і з часом полоцького; «другий» тому, що вище згадувалося про його діда Всеслава Брячиславовича.

б Мабуть, Ярослав Всеволодович, князь чернігівський (помер у 1198 р.), з роду Ольговичів.

в Через чвари.

г Умовне епічне число, що означає давність.

д Всеслав Брячиславич (помер 1101 р.), князь полоцький, правнук Володимира I Святославича і Рогніди. Далі згадуються пригоди Всеслава, що вперто воював із внуками Ярослава Мудрого: зайняття Новгорода, поразка, якої він зазнав при Немізі від Ізяслава й Всеволода Ярославовичів, захоплення київського престолу, зустріч з противниками під Білгородом і втеча до схід сонця в Полоцьк.

е Добування дівиці символізує добуття міста, в даному разі Києва або Новгорода, які Всеслав ненадовго захоплював.

е Вранці вдарив сокирами.

ж Хороброму.

з «На Дунаи» — звичайне пісенне, епічне визначення місця, де відбувається дія.

Ігор захоплює половецький стан. Мініатюра з Радзівілівського списку літопису XV ст. (з фототипічного видання).

Ярославна рано плачет в Путивлѣ на забралѣ, аркучи:[1] «О, вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мечеши хиновськыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю [2] на моея лады вои? Мало ли ти бяшет горѣ [а] под облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?»

Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: «О Днепре Словутицю! [3] Ты пробил еси каменныя горы [4] сквозѣ землю Половецкую! Ты лелѣял еси на себѣ Святославли насады [5] до плъку Кобякова [6]. Възлелѣй, господине, мою ладу к мнѣ, а бых не слала к нему слез на море рано».

Ярославна рано плачет в Путивлѣ на забралѣ, аркучи: «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣм тепло и красно еси. Чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? В полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою им тули затче?» [6]

Прысну [7] море полунощи; идут сморци [8] мьглами. Игореви князю бог путь кажет из земли Половецкой на землю Рускую, к отню злату столу.

Погасоша вечеру зори. Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслію поля мѣрит от великаго Дону до малаго Донца. Комонь в полуночи Овлур [9] свисну за рѣкою; велить князю разумѣти: князю Игорю не быть! [10] Кликну, стукну земля, въшумѣ трава, вежи [11] ся половецкии подвизашася. А Игорь князь поскочи горностаем к тростию и бѣлым гоголем на воду. Въвръжеся на бръз комонь и скочи с него бусым [12] влъком. И потече к лугу Донца, и полетѣ соколом под мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и ужинѣ. Коли Игорь соколом полетѣ, тогда Влур влъком потече, труся собою студеную росу: претръгоста [13] бо своя бръзая комоня.

Донец рече: «Княже Игорю! Не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселиа!»

Игорь рече: «О Донче! Не мало ти величия, лелѣявшу князя на вълнах, стлавшу ему зелѣну траву на своих сребреных брезѣх, одѣвавшу его теплыми мъглами под сѣнію зелену древу; стрежаше его гоголем на водѣ, чайцами на струях, чрьнядьми [14] на ветрѣх».

Не тако ли, рече, рѣка Стугна; худу струю имѣя, пожѣрши чужи ручьи и стругы [15], ростр[в]ена к устью [в], уношу князю Ростиславу затвори. Днѣпрь [г] темнѣ березѣ плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою и древо с тугою к земли прѣклонилось.

А не сороки встроскоташа [16]: на слѣду Игоревѣ ѣздит Гзак с Кончаком. Тогда врани не граахуть [17], галици помлъкоша, сороки не троскоташа, полозие [18] ползаша только. Дятлове тектом [19] путь к рѣцѣ кажут, соловии веселыми пѣсньми свѣт повѣдают.

---

[1] кажучи, голосячи [2] на легких крилах [3] давня назва Дніпра [4] мовиться про Дніпрові пороги [5] судна [6] спрагою стягнув їм луки, тугою їм сагайдаки заткнув [7] захвилювалося, плеснуло [8] смерчі [9] половчин, що тікав разом з Ігорем, у літопису — Лавор [10] князя Ігоря немає [11] шатра [12] сивим [13] підірвали [14] чорна чубата качка [15] потоки [16] заскреготали [17] не крякали [18] по гілках [19] стукотом

а Вгорі.

б Згадка про щасливий похід князя Святослава проти половців у 1184 р.

в Розширена в гирлі. В тексті М.-П. і в архівній копії — «ростре на кусту».

г Молодий князь Ростислав Всеволодович утопився 1093 р. в Стугні, притоці Дніпра, рятуючись від половців.

Млъвит Гзак Кончакови: «Аже [1] сокол [2] к гнѣзду летит, соколича [3] рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами».

Рече Кончак ко Гзѣ: «Аже сокол к гнѣзду летит, а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею» [а].

И рече Гзак к Кончакови: «Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будет сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнут наю птици бити в полѣ половецком».

Рек Боян и Ходына, Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля, Ольгова коганя хоти [б]: «тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы», Руской земли без Игоря.

Солнце свѣтится на небесѣ, Игорь князь в Руской земли: Дѣвици поют на Дунаи [в], вьются голоси чрез море до Киева. Игорь ѣдет по Боричеву [4] к святѣй богородици Пирогощей [г]. Страны ради, гради весели.

Пѣвше пѣснь старым князем, а потом молодым пѣти: Слава Игорю Святъславличю, буй-туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Здрави кн[я]зи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки!

Князем слава а [5] дружинѣ. Аминь.

ГАЛИЦЬКО-ВОЛИНСЬКИЙ ЛІТОПИС

Галицько-Волинський літопис вміщений в Іпатіївському списку початку XV ст. як продовження Київського літопису (що кінчається 1200 р.) і обіймає період від 1201 до 1292 р.

Порівняно з іншими цей літопис відзначається перевагою світських інтересів над церковними, особливо перша його частина, що описує князювання Данила Романовича Галицького. Є підстави вважати, що автором цієї частини був світський письменник, близький до офіціальних кіл, можливо, дружинник князя, добре знайомий з книжною літературою. Про це свідчить його риторичний, прикрашений стиль з багатьма специфічними книжними зворотами і словесними формулами. Як і літописи давнішого часу, Галицько-Волинський літопис відзначається почуттям глибокої любові до батьківщини і послідовно проводить ідею єдності Руської землі.

Подаємо уривки за виданням Археографічної комісії «Летопись по Ипатскому списку», СПБ, 1871.

---

[1] якщо [2] тобто Ігор [3] тобто Володимира, сина Ігоревого [4] по Боричеву узвозу [5] і

а Пор. Іпат. літоп.: «Тогда же приде Володимѣрь ис Половѣць с Коньчаковною, и створи свадьбу Игорь сынови своему и вѣнча его ис дѣтятемь» (стор. 659).

б Явно попсоване місце. В академічному виданні «Слова» 1950 р. Д. С. Лихачов слідом за І. Е. Забєліним гадає, що текст першого видання «ходы на» треба читати як «Ходына», вважаючи це за ім'я якогось іншого співця па зразок Бояна. «Хоти» подвійне число від «хоть» — улюбленець.

в Знову Дунай згадується як епічна ріка.

г Церква заснована князем Мстиславом у 1131 р. і названа так тому, що в ній була привезена з Константинополя «Пирогощая» (грец. πιργωτισσα — баштова) ікона богородиці.

[Про Романа Галицького і половецьких ханів Сирчана та Отрока]

В лѣто 6709 [1201]. Начало княжения великаго князя Романа, самодержца бывша всей Руской земли, князя Галичкого.

По смерти же великого князя Романа, приснопамятнаго самодержьца всея Руси, одолѣвша всим поганьским языком, ума мудростью ходяща по заповѣдемь божиим: устремил бо ся бяше на поганыя, яко и лев, сердит же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодил, и прехожаше землю их, яко и орел, храбор бо бѣ, яко и тур. Ревноваше [1] бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганыя измалтяны, рекомыя половцы, изгавшю Отрока во Обезы [2] за Желѣзная врата [3], Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою оживъшю; тогда Володимер Мономах пил золотом шоломом Дон, и приемшю землю их всю, и загнавшю оканьныя агаряны. По смерти же Володимерѣ, оставъшю у Сырьчана единому гудьцю [4] же Ореви, посла и во Обезы, река: «Володимер умерл есть, а воротися, брате, пойди в землю свою; молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни половѣцкия; оже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья, именемь евшан [5]». Оному же не восхотѣвшю обратитися, ни послушати, и дасть ему зелье; оному же обухавшю и восплакавшю, рче: «да луче есть на своеи землѣ костью лечи, нели на чюже славну быти». И приде во свою землю. От него родившюся Концаку, иже снесе [6] Сулу, пѣшь ходя, котел нося на плечеву; Роману же князю ревновавшю за то, и тщашеся погубити иноплеменьникы. Велику мятежю возставшю в землѣ Руской, оставившима же ся двѣима сынома его, един 4 лѣт, а другий дву лѣт.

[Похід Мстислава Удалого проти Філі Гордого воєводи угорського]

В лѣто 6727 [1219]. Приде Лестько на Данила к Щекареву, бороня ити ему на помощь Мьстиславу, тестеви своему. Кондратови же приѣхавшу мирить Лестька и Данила, познавшю же ему лесть Лестькову, и не велѣ князю Данилу ехати к Лестьку. Филя же строяшеся на брань, мняше же бо яко никто можеть стати противу ему на брань; остави же Коломана в Галичи, и созда град на церкви пречистое владычица нашея богородица, яже не стѣрпѣвше осквернения храма своего, и вдасть ю в руцѣ Мстиславу. Бѣ бо ту с Коломаном Иван Лекин и Дмитр, и Бот. Половцемь же приехавшим видити рати, угром же и ляхом гонящим я, увернувся половцин застрѣли Уза во око, и спадшю ему с фаря [7] взяша тѣло его, и плакашася по немь. Наутрѣя же наканун святой богородици, приде Мьстислав рано на гордого Филю и на угры с ляхы, и бысть брань тяжка межи ими: и одолѣ Мьстислав. Бѣгающим же угром и ляхом, избьено бысть их множьство, и ят бысть величавый Филя паробком Добрынином, его же лживый Жиpослав украл бѣ, и обличену ему бывшю, про него же погуби отцину свою. И побѣдившу же Мьстиславу поиде к Галичю, бившим же ся им о врата градная, и возбѣгоша же на комары [8] церковныя и инии же ужи возвлачишася, а фарѣ их поимаша: бѣ бо град

[1] старався наслідувати [2] в Абхазію [3] Дербент [4] співцю [5] полин [6] розгромив [7] з коня [8] склепіння, хори

створен на церкви; онѣм же стрѣляющим и каменне мещющим на гражаны, изнемогаху жажею водною, не бѣ бо воды в них; и приѣхавшю же Мьстиславу, и вдашася ему, и сведени быша со церкви. Данилови же приѣхавшю в малѣ дружинѣ с Демьяном тысячкым, не бѣ бо приѣхал во время то, потом же приѣха Данил ко Мьстиславу: и бысть радость велика, спас бог от иноплеменьник: вси бо угре и ляхове убьени быша, а инии яти быша, а инии бѣгающе по землѣ пстопоша, друзии же смерды избьени быша, и никому же утекши от них; тако бо милость от бога Руской землѣ.

Потом же приведоша Судислава ко Мьстиславу, оному же не помыслившю о немь зла, но милость ему показавшю, он же обуимая нозѣ его обѣщася работѣ быти [1] ему; Мьстиславу же вѣровавшю словесемь его, и честью великою почтив его, и Звенигород дасть ему.

[Поява татар і бій при Калці]

В лѣто 6732 [1224]. Приде неслыханая рать: безбожнии моавитяне, ре. мыи татарове, придоша на землю Половецькую.

Половцемь же ставшим, Юрьгий Кончаковичь бѣ болийше всих половець, не може стати противу лицю их; бѣгающи же ему, и мнози избьени быша, до рѣкы Днѣпра; татарове же возвратишася, идоша в вежа своя. Прибѣгшим же половцемь многим в Рускую землю, глаголющим же им руским князем: «аще не поможете нам, мы ныне изсѣчени быхом, а вы наутрѣе исчѣчени будете»; бывшю же съвѣту всих князѣй, во градѣ Кыевѣ, створиша съвѣт сице: «луче ны бы есть прияти я на чюжой землѣ, нежели на своей». Тогда бо бѣахуть Мьстислав Романовичь в Кыевѣ, а Мьстислав в Козельскѣ и в Черниговѣ, а Мьстислав Мьстиславичь в Галичѣ: то бо бѣаху старѣйшины в Руской земли; Юрья же князя великаго Суждальскаго не бы в том съвѣтѣ; се же паки млади князи: Данил Романовичь, Михаил Всеволодичь, Всеволод Мьстиславичь Кыевскый, инии мнозии князи; тогда же великый князь Половецкый крестися Басты; Василка же не бѣ, бѣ бо в Володимерѣ млад. Оттуду же придоша мѣсяца априля и придоша к рѣцѣ Днѣпру, ко острову Варяжьскому. И приѣха ту к ним вся земля Половецкая, и черьвниговцемь приѣхавшим и кияном и смолняном, инѣмь странам; всяном [2] по суху же Днѣпр перешедшим, якоже покрыти водѣ быти от множества людий, а галичане и волынци кийждо со своими князьми, а куряне и трубчяне и путивлици и кийждо со своими князьми, придоша коньми, а выгонци галичькыя придоша по Днѣпру и въидоша в море; бѣ бо людей тысяща, и воидоша во Днѣпр, и возведоща порогы, и сташа у рѣки Хорътицѣ на броду у протолчи [3]; бѣ бо с ними Домамѣричь Юрьгій и Держикрай Володиславичь. Пришедши же вѣсти во станы, яко пришли суть видѣт олядій [4] руских, слышав же Данил Романовичь, и гна всѣд на конь видѣти невиданьноя рати, и сущии с ними коньници и инии мнозии князи с нимь гнаша видити невидѣное рати. Онѣм же отшедшим, Юрьги же им сказываше, яко стрѣлци суть; инии же молвяхуть, яко простии людье суть, пуще и половець; Юрьги же Домамиричь молвяшеть: «ратници

[1] підкоритися [2] вся нам (?) [3] звужене русло, бистрина [4] човни

суть и добрая вои». Приѣхавъше же сказаша Мьстиславу, Юрьги же все сказа, и реклим молодым княземь: «Мьстиславе и другий Мьстиславе! не стойта, пойдемь противу им», переидоша же вси князи, Мьстислав и другий Мьстиславъ Черниговьский, рѣку Днѣпр, инии князи предоша, и поидоша в поле половецкое; переидоша же Днѣпр во день во вторник. И усрѣтоша татареве полкы рускыя, стрѣлци же рускыи побѣдиша и, гнаша в поле далече, секуще, и взяша скоты их, а со стады утекоша, яко всим воем наполнитися скота. Оттуду же идоша 8 дни до рѣкы Калкы, стрѣтоша и сторожьеве татарьскыи; сторожем же бившимъся с ними, и убьен бысть Иван Дмитрѣевичь, иная два с ним; татаром же отъѣхавшим напрочьне рѣцѣ Калкѣ.

Устрѣтоша и тотарове половецкыя полкы и рускыя, Мьстислав же Мьстиславличь повелѣ вперед перейти рѣку Калку Данилови с полкы, инѣмь полком с ним; а сам по немь перейде, еха же сам во сторожѣ; видившу же ему полкы татарьскыя, приѣхав рече: «воружитеся». Мьстиславу же и другому Мьстиславу, сѣдящема во стану, не вѣдущема, Мьстислав же не повѣда има зависти ради: бѣ бо котора велика межю има. Съразившимся полком на мѣсто, Данил же выѣха наперед, и Семьюн Юлюевичь и Василко Гавриловичь, поткоша в полкы тотарьскыя; Василкови же сбодену бывшю, а самому Данилу бодену бывшю в перси, младъства ради и буести не чюяше ран бывших на телеси его: бѣ бо возрастом 18 лѣт, бѣ бо силен. Данилови же крѣпко борющися, избивающи тотары, видив то Мьстислав Нѣмый, мнѣв яко Данил сбоден бысть, потче и сам в нѣ, бѣ бо мужь и тъ крѣпок: понеже ужика [1] сый Роману от племени Володимеря, прироком [2] Маномаха, бѣ бо велику любовь имѣя ко отцю его, ему же поручивше по смерти свою волость, дая князю Данилови. Татаром же бѣгающим, Данилови же избивающи их своим полком, и Олгови курьскому, крѣпко бившимся, инѣм полком сразившимся с яими, грѣх ради наших руским полком побѣженым бывшим: Данил видив, яко крѣпцѣйши брань належить в ратных, стрѣльцѣм их стрѣляющим крѣпцѣ, обрати конь свой на бѣг, устрѣмления ради противных. Бѣжащю же ему, и вжада воды, пив почюти [3] рану на телеси своемь, во брани не позна ея крѣпости ради мужьства возраста своего: бѣ бо дерз и храбор, от главы и до ногу его не бѣ на немь порока. Бысть побѣда на всі князи рускыя, такоже не бывало никогда же. Татаром же побѣдившим русьскыя князя, за прегрешение крестьянское пришедшим и дошедшим до Новагорода Святополчьского: не вѣдающим же Руси льсти их, исходяху противу им со кресты, они же избиша их всих. Ожидая бог покаяния крестьяньскаго, и обрати и воспять на землю восточную, и воеваша землю Таногустьску и на ины страны; тогда же и Чаногиз кан [4] их таногуты убъен бысть; их же прельстивше и послѣди же льстию погубиша, иные же страны ратми, наипаче лестью погубиша.

[Князь Данило Романович Галицький під Калішем]

В лѣто 6737 [1229]. Льстько убьен бысть великый князь лядьскый, на сонмѣ убьен бысть Святополком Одовичемь и Володиславом, съвѣтом бояр невѣрных. По смерти брата своего, Кондрат прия Данила и Василка

[1] родич [2] на прізвище [3] відчув [4] хан

в великую любовь, и проси сю, абыста шла ему на помощь, и поидоста ему на помощь на Володислава на стараго; сама же идоста на войну, остависта же в Берестии Володимера пиньского, и угровьчаны и берестьяны, стеречи землѣ от ятьвязь. В то же время воеваша литва ляхы; мняще мирни суще и придоша ко Берестью, Володимѣр же рече: «оже есте мирни, но мнѣ есте не мирни», и изнѣде на нѣ и берестьяне вси, избиша ѣ всѣ. Данил же и Василко придоста ко Кондратови, и сгадавшим [1] им идоша к Калешю, и придоша Вепру вечер; наутрѣе же свѣтающю, прѣидоша рѣку Пресну и поидоша к городу, и тое нощи бысть дождь велик; видивши же яко нѣсть кто противяся, пустиша воеват и плѣнит. Русь же догнаша Милича и Старогорода, и нѣколко сел Воротиславских заяша, и приняша плѣн велик и вратишася, и придоша во станы, гадающим, како поити к городу на бой; ляхом же нехотящим битися. На утрее же Данил и Василько поем вое свое, и поидоста ко граду; Кондрату же любящу рускый бой и понужающу ляхы свое, онѣмь же одиако не хотящим. Приступившима же има обѣима ко воротомь калѣшьским, а Мирослава посласта взад града и иныи полкы; бѣ бо город обошла вода и сильная лозина и вербье, и не свѣдущимся самѣмь, идеже кто биаше [2]; егда же си отступяху от боя, они же належахуть [3] на оны, а коли они отступяху, а они належаху на си: за невидѣние не прият бысть град томь дни: идущу же каменію со забрал, яко дожду силну, стоящим им в водѣ, дондеже сташа на сусѣ наметаном каменій [4], и возводный мост и жеравець [5] вожьгоша; ляхове же врата одва угасиша градьская. Данилови же и Василкови ходящима подлѣ града, стрѣляющим на град инѣмь стрѣлцемь, и бысть ранено мужь стоящих на забралѣх 100 и 60; бывшу же вечеру, и возвратишася во станы своя, Станислав же Микуличь рече: «кде то мы стояли, ту нѣсть воды, ни гребле высоки»; Данил же всѣд на конь еха сам на зглядание града, и видѣ яко тако и есть. Данил же приѣха ко Конъдратови и рече ему: «аще быхом исперва вѣдалѣ мѣсто се, то град прият бы был». Кондратови же моляшуся има, да наутрѣе пакы приступита ко граду; на утрия же Данил и Василко посласта люди свои, онем же стоящим и теребящим лѣси около града, гражаном же ни камения смѣющимь вещи на нѣ, просяхуся дабы к ним прислал Кондрат Пакослава и Мьстиуя. Пакослав же рече Данилови: «измѣнив ризы свое, поеди с нами». Данилови же не хотѣвшю, рече ему брат: «иди, да слыши вѣче их»; не вѣряшеть бо Мьстиуеви Кондрат. Данил же возма на ся шелом Пакославль и ста за нима. Стоящим же мужемь на забрала ѣх и рекущим им: «тако молъвъта великому князю Конъдрату: сий град не твой ли есть? мы же мужи, изнемогшеи во градѣ семь, ци иного странници есмы? но людье твои есмы, а ваша братья есмы; чему о нас не сожалитеси? аще нас Русь плѣнять, то кую славу Кондрат прииметь? аще руская хоругвь станеть на забролѣх, то кому честь учиниши? не Романовичема ли? а свою честь уничижиши; нынѣ брату твоему служим, а заутра твои будемь; не дай славы Руси, ни погуби града сего»; и многа словеса глаголаху. Пакославу же рекшу: «Кондрат бы рад милость учинил вам; Данил лют зѣло есть, нас не хощеть отойти прочь, не приемь

[1] порадившись [2] і не знати було, де хто б'ється [3] натискали, палягали [4] на сухому з намотаного каміння [5] приладдя, щоб піднімати міст

града», розсмѣявся рче: «а се стоить сам, молъвьте с ним». Князь же тъче его скѣпищемь [1], и съня собе шелом. Они же кликнуша с града: «имѣи службу..[2] нашу, молимся, створи мир». Оному же много смѣявъшуся и много вѣстовавшу [3] с ними, и поя от них 2 мужа и приеха Кондратови: и створи Кондрат с ними мир и поя у них таль [4]. Руси бо бѣаху полонилѣ многу челядь и боярынѣ; створиша же межи собою клятву Русь и ляхове: аще посемь коли будеть межи ими усобица, не воевати ляхом руское челяди, ни Руси лядьской. Потом же возвратистася от Кондрата в дом свой, с честью, богу поспѣвающю има; створиста ему помощь велику и внидоста со славою в землю свою: иный бо князь не входил бѣ в земяю лядьску толь глубоко, проче [5] Володимера великаго, иже бѣ землю крестил...

[Похід князя Данила Романовича проти угорців]

В лѣто 6741 [1233]. Королевичь же и Судислав выведе Дьяниша на Данила. Данил же ѣха Кыеву и приведе половцѣ и Изяслава противу им, и со Изяславом водися у божницю и со Володимером, придоста противу Діанишу. Изяслав же льсть створи и вѣлѣ воевати землю Данилову, и взяша Тихомль и возвратишася. Оставьшуся Володимеру с Данилом и Котяневи одиному, о лесть зла есть! якоже Омир пишеть, до обличенья сладка есть, обличѣна же зла есть, кто в нѣй ходить, конѣць зол прииметь; о злѣе зла зло есть! Оттуда же идоша ко Перемишлю, Андрѣй королевичь, Дьянишь и угре, бишася о мост со Володимѣром и Данилом, и отбивъшися им, угре же воротишася к Галичю и порокы пометаша. Володимѣр же и Данил поидоста по них; Василко же и Олександр приде ко брату, и сняшася в Бужьска. Володимер же, и Котянь и Изяслав воротишася.

[Вступ Данила Романовича в Галич після переможної війни]

В лѣто 6743 [1235]. ...И потомь приде Ярослав Суждальский и взя Киев под Володимером, не мога его держати пде пакы Суждалю: и взя под нимь Михаил, а Ростислава сына своего остави в Галичи, и отьяша от Данила Перемышль. Бывшю же межю ими овогда миру, овогда рати, и шедшю же Ростиславу во поле, богу же поспѣшившу, приде вѣсть Данилу, во Холъмѣ будущю ему, яко Ростислав сошел есть на Литву, со всими бояры и с нузники [6]; сему же прилучившуся, изыде Данил со вои изо Холъма, и бывшю ему третий день у Галичи, любяхуть же и гражане. Подъехавшу же ему под город, и рече имь: «о мужи градьстии! Доколѣ хощете терпѣти иноплеменьных князий державу?» Они же воскликнувше рѣша: «яко се есть держатель нашь, богом даный» — и пустишася яко дѣти ко отчю, яко пчелы к матцѣ, яко жажющи воды ко источнику. Пискупу [7] же Артѣмью и дворьскому Григорью возбраняющу ему, узрѣвшима же има, яко не можета удерьжати града, яко малодушна блюдящася о преданьи града, изыдоста слезныма очима и ослабленомь лицемь и лижюща уста своя, яко не имѣюща власти княжѣнья сво-

[1] ратищем [2] покірність [3] поговоривши [4] заложників [5] крім [6] вершниками [7] єпископу

его; рѣста же с пужею: «приниди, княже Данило! прими град». Данило же вниде во град свой, и приниде ко пречистѣй святѣй богородици, и прия костол отца своего, и обличи побѣду и постави на Нѣмѣчьских вратѣх хоруговь свою. Наутрѣя же приде к нему вѣсть, яко Ростислав пошел бѣ к Галичю, слышав же приятье градьское, бѣжа во угры путемь, им же идяше на Боръсуков дѣл,и приниде к бани, рекомѣй Родна, и оттуда иде во угры. Бояре же пришедше, падше на ногу его, просяще милости: «яко согрѣшихом ти, иного князя держахом»: он же отвѣщав, рче им: «милость получисте, пакы же сего не створисте, да не во горьшая впадете». Данилови же увѣдавшу вход их, посла на нѣ вое свое, и гнаша по них до Горы и возвратишася.

[Зруйнування Києва татарами]

В лѣто 6748 [1240]. Приде Батый Кыеву в силѣ тяжьцѣ, многомь множьством силы своей, и окружи град и остолпи [1] сила татарьская, и бысть град во обьдержаньи велицѣ. И бѣ Батый у города и отроци его обьсѣдяху град, и не бѣ слышати от гласа скрипания телѣг его, множества ревения вельблуд его, и рьжания от гласа стад конь его. И бѣ исполнена земля Руская ратных. Яша же в них татарина, именемь Товрул, и тъ исповѣда им всю силу их; се бяху братья его сильныи воеводы: Урдюй, Байдар, Бирюй, Кайдан, Бечак, и Меньгу, и Кююкь иже вратися увѣдав смерть канову [2] и бысть каномь; не от роду же его, но бѣ воевода его перьвый, се Бѣдяй богатур и Бурунъдай багатырь, иже взя болгарьскую землю и суждальскую; инѣх бес числа воевод, их же не исписахом зде. Постави же Батый порокы [3] городу, подълѣ врат Лядьских, ту бо бѣаху пришли дебри; пороком же беспрестани бьющим день и нощь, выбиша стѣны, и возиидоша горожани на избыть стѣны и ту бѣаше видити лом копѣйны и щет скѣпание, стрѣлы омрачиша свѣт побѣженым; и Дмитрови ранену бывшу, взиидоша татарѣ на стѣны и сѣдоша того дне и нощи. Гражанѣ же создаша пакы другий град, около святое богородицѣ. Наутрѣя же прідоша на нѣ, и бысть брань межи ими велика; людем же узбѣгшим на церковь и на комары церковныя, и с товары своими, от тягости повалишася с ними стѣны церковныя, и прият бысть град сице воими. Дмитрѣя же изведоша язвена и не убиша его, мужьства ради его.

В то же время ѣхал бяше Данил во угры королеви, и еще бо бяшеть не слышал прихода поганых татар на Кыев. Батыю же вземшю град Кыев и слышавъшу ему о Данилѣ, яко в угрѣх есть, поиде сам Володимерю и приде к городу Колодяжьну, и постави порока 12 и не може разбити стѣны, и начат пермолъвливати люди; они же, послушавше злого съвѣта его, передашася и сами избити быша. И приде Каменцю, Изяславлю, взят я; видив же Кремянѣць и град Данилов, яко невозможно прияти ему, и отъиде от них; и приде к Володимерю, и взя и копьемь [4] и изби и не щадя, такоже и град Галичь, иныи грады многы, им же нѣсть числа. Дмитрови же, кыевьскому тысяцкому Данилову, рекшу Батыеви:

[1] обступила [2] ханову [3] тарани [4] приступом

«не мози стряпати в земле сей долго, время ти есть на угры уже пойти; аще ли встряпаеши[1], земля ти есть силна, сберуться па тя и не пустять тебе в землю свою»; про то же рече ему, види бо землю гибнущу Рускую от нечестиваго. Батый же послуша съвѣта Дмитрова, иде во угры.

[Поїздка князя Данила Романовича до хана Батия]

В лѣто 6758 [1250]. Приславшу же Могучѣеви посол свой к Данилови и Василкови, будущю има во Дороговьскы: «дай Галичь!» Бысть в печали велицѣ, зане не утвердил бѣ землѣ своея городы: и думав с братом своим, и поѣха ко Батыеви, река: «не дам полуотчины своей, но ѣду к Батыевы сам». Изыде же на праздник святаго Дмитрѣя, помолився богу, и приде Кыеву, обдержащу Кыев Ярославу боярином своим Еникомичемь Дмитром. И пришед в дом архистратига Михаила, рекомый Выдобичь, и созва калугеры [2] и мниский чин и рек игумену и всей братьи, да створять молитву о немь — и створиша — да от бога милость получить; и бысть тако, и пад пред архистратигом Михаилом, изыде из манастыря в лодьи, видя бѣду страшьну и грозну. И прииде Переяславлю, и стрѣтоша и татаровѣ. Оттуда же ѣха к Куремѣсѣ, и видѣ яко нѣсть в них добра. Оттуда же нача болми скорбѣти душею, видя бо обладаемы дьяволом: сквѣрная их кудѣшьская бляденья [3] и Чигизаконова мечтанья [4], сквѣрная его кровопитья, многыя его волшьбы, приходящія цари и князи и вельможѣ, солнцю и лунѣ и земли, дьяволу, и умершим в адѣ отцемь их и дѣдом и матеремь, водяше около куста покланятися им. О сквѣрная прелесть их! Се же слыша велми нача скорбѣти. Оттуда же приде к Батыеви, на Волгу, хотящу ся ему поклонити. Пришедшу же Ярославлю человѣку Съньгуруви, рекшу ему: «брат твой Ярослав клањлъся кусту; и тобѣ кланятися»; и рече ему: «дьявол глаголеть из уст ваших; бог загради уста твоя и не слышано будеть слово твое». Во тъ час позван Батыем, избавлен бысть богом злаго их бѣшения и кудѣшьства; и поклонися по обычаю их и вниде во вежю их. Рекшу ему: «Данило! чему еси давно не пришел, а нынѣ оже еси пришел, а то добро же; пьеши ли черное молоко, наше питье, кобылий кумуз?» Оному же рекшу: «доселѣ есмь не пил; нынѣ же ты велишь, пью». Он же рче: «ты уже нашь же татарин: пий наше питье». Он же испив поклонися, по обычаю их, изъмолвя слова своя, рече: «иду поклонитьсѧ великой княгини Баракъчинови». Рече: «иди». Шед поклонися по обычаю: и присла вина чюм и рече: «не обыкли пити молока, пий вино». О злѣе зла честь татарьская! Данилови Романовичю князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею, Кыевом и Володимером и Галичем, со братом си, инѣми странами: ныне сѣдить на колѣну и холопом называться, и дани хотять, живота не чаеть и грозы приходять. О злая честь татарьская! Его же отець бѣ царь в Руской земли, иже покори половецькую землю и воева на иные страны всѣ, сын того не прия чести, то иный кто можеть прияти? Злобѣ бо их и льсти нѣсть конца: Ярослава великаго князя суждальского зелиемь умориша; Михаила князя черниговьского, не поклонившася кусту со своим боярином Федором, ножемь заклана быста, еже предѣ сказахом

[1] забаришся [2] пустельники, ченці [3] забобонні, чародійницькі пісепітниці [4] вигадки

кланяние их, еже вѣнѣць прияста мученицкы; иные мнозии князи избены быша и бояре. Бывшу же князю у них дний 20 и 5, отпущен бысть и поручена бысть земля его ему, иже бѣаху с нимь; и приде в землю свою, и срете его брат и сынове его, и бысть плачь обидѣ его, и болшая же бѣ радость о здравьи его.

[Зустріч князя Данила Романовича з німецькими послами]

В лѣто 6760 [1252]. Присла король угорьскы к Данилу, прося его на помощь: бѣ бо имѣ рать на бои с нѣмци; иде ему па помощь и приде к Пожгу. Пришли бо бяху посли нѣмѣцкыи к нему, бѣ бо царь обьдержа Ведень, землю Ракушьску и Штирьску: герцюк бо уже убьен бысть. Бѣ бо имена послам: воевода царев и пискуп Жалошь Пурьскый, рекомый Сольскый, и Гарих Поруньскый, и Ота Гаретеньник Пѣтовьскый. Возъѣха же король с ними противу же Данилу князю; Данила же приде к нему, исполчи вся люди своѣ. Нѣмьци же дивящеся оружью татарьс му: бѣша бо кони в личинах [1] и в коярѣх кожаных, и людье во ярыцѣх [2], и бѣ полков его свѣтлость велика, от оружья блистающася. Сам же ѣха подлѣ короля, по обычаю руску: бѣ бо конь под нимь дивленню подобен, и сѣдло от злата жьжена, и стрѣлы и сабля злагом украшена, иными хитростьми, якоже дивитися, кожюх же оловира [3] грѣцького и круживы златыми плоскыми ошит, и сапози зеленого хъза [4] шити золотом. Немцем же зрящим, много дивящимся, рече ему король: «не взял бых тысяще серебра за то, оже еси припел обычаемь рускимь отцев своих»; и просися у него в стан, зане зной бѣ велик дне того. Он же я и за руку и веде его в палату свою, и сам соволочашеть его и облачашеть и во порты своѣ; и таку честь творяшеть ему, и приде в дом свой.

[Похвала князю Володимирові Васильковичу]

В лѣто 6796 [1288]... Свѣтающю же пятку, и тако преставися благовѣрный, христолюбивый, великий князь Володимѣр, сын Василков, внук Романов, княжив по отци 20 лѣт. Преставление же его бысть во Любоми городѣ, в лѣто 6797 (1289), мѣсяца декабря во 10 день, на святаго отца Мины. Княгини же его со слугами дворьными омывше его, и увиша и оксамитом со круживом, як оже достоить царемь. и возложиша и на сани повезоша до Володимѣря; горожане же от мала и до велика, мужи и жены и дѣти, с плачемь великим проводиша своего господина. Привезъше ставиша и на санѣх во церкви, зане бысть поздно.

Того же вечера по всему городу увѣдана бысть смерть княжа; наутрѣя же, по отпѣтьи заутрении, приде княгини его, и сестра ему Олга и княгини Олена черници, с плачемь великим приидоша, и весь город сойдеся, и бояри вси стари и молодии плакахуся над нимь. Епископ же володимерьскии Евьсѣгнѣй, и вси игумени, и Агапит Печерьский игумен, и попове всего города, пѣвше над нимь обычныа пѣсни, и проводиша и со благопохвальными пѣснми и кадилы добровоньными, и положиша

[1] налобниках [2] латах [3] шовкова, заткана золотом тканина [4] саф'янові

тѣло его во отни гробѣ; и плакашася по немь володимерци, поминающе его добросердье до себе, паче и слугы его плакахуся по немь, слезами обливающи лице свое, и послѣднюю службу створьше ему, опрятавше тѣло его, вложиша и во гроб, мѣсяца декабря во 11 день, на память святаго Данила Столпьника, в суботу. Княгини же его беспрестани плакашеся, предстоящи у гроба, слезы от себе изливающи аки воду, сице вопиюще, глаголюще: «царю мой благый, кроткый, смиреный, правдивый! воистину наречено бысть тобѣ имя во крещеньи Иван, всею добродѣтелью подобен есь ему: многыа досады приим от своих сродник, не выдѣх тя, господине мой, николиже противу их злу никоторого же зла воздающа, но на бозѣ вся покладывая провожаше». Наипаче же плакахуся по немь лѣпшии мужи володимерьстии, рекуче: «добро бы ны, господине, с тобою умрети, створшему толикую свободу, якоже и дѣд твой Роман свободил бяшеть от всих обид; ты же бяше, господине, сему поревновал и наслѣдил путь дѣда своего; нынѣ же, господине, уже ктому не можемь тебе зрѣти, уже бо солнце наше зайде ны и во обидѣ всѣм остахом»; и тако плакавшеся над нимь все множество володимерцев, мужи и жены и дѣти, нѣмци, и сурожьцѣ, и новгородци и нищии и убозии, и черноризци и черници: бѣ бо милостив на вся нищая.

Сий же благовѣрный князь Володимѣр возрастомь бѣ высок, плечима велик, лицемь красен, волосы имѣя желты кудрявы, бороду стригый, рукы же имѣя красны и ногы; речь же бяшеть в немь толъста и устна исподняя дебела, глаголаше ясно от книг, зане бысть философ велик, и ловець хитр, хоробор, кроток, смирен, незлобив, правдив, не мьздоимѣць, не лжив, татьбы ненавидяше, питья же не пи от воздраста своего. Любовь же имѣяше ко всим, паче же и ко братьи своей, во хрестьном же целованьи стояше со всею правдою истиньною, нелицемѣрною; страха же божия наполнен, паче же милостыни прилежаше, манастырѣ набдя, черньцѣ утѣшаа и вси игуменѣ любовью приимая, и манастырѣ многи созда, на всь церковный чин и на церьковникы отверзл ему бяшеть бог сердце и очи; иже не помрачи своего ума пьяньством, кормитель бо бяшеть черньцемь и черницам и убогим, и всякому чину яко возлюбленый отець бяшеть, паче милостынею бяше милостив. Слыша господа глаголюща: аще створите братьи моей меншей, то и мнѣ створите. Пакы Давыд глаголеть: блажень мужь милуя и дая всь день, о господѣ не потъкнеться. Мужьство и умь в немь живяше, правда же и истина с нимь ходяста, иного добродѣанья в немь много бѣаше. Гордости же в немь не бяше, зане уничижена есть гордость пред богом и человѣкы: но всегда смиряше образ свой, скрушеным сердцемь и воздыхание от сердца износя и слезы от очью испущаще, покаяние Давыдово приим, плачася о грѣсех своих, возлюбив нетлѣнная паче тлѣньных, и небесная паче временьных, и царство со святыми у вседержителя бога паче претекущаго сего царства земнаго; и чести тя обѣщника господь на небесех сподоби, благовѣрья твоего ради, еже имѣ в животѣ своемь...

ЛІТЕРАТУРА XV ПЕРШОЇ ПОЛОВИНИ XVII СТОЛІТЬ

СКАЗАНІЄ ПРО МАМАЄВЕ ПОБОЇЩЕ

Блискуча перемога над татарами в Куликовській битві (1380 р.), з якої починається визволення Русі від татарського панування, дуже швидко відбилася в літературі. Ряд оповідань, від сухої, стриманої літописної повісті до просторої, патетичної «Задонщини» з її своєрідним наслідуванням «Слова о полку Игоревім», виникають і перероблюються протягом XV і XVI ст.

Загальноруське значення битви було, очевидно, цілком зрозумілим для «західноруського» письменника XVII ст. (порівн. «Сінопсіс»), тим більше, що в особі литовських князів Західна Русь брала безпосередню участь у боротьбі з татарами. Звідси зрозумілий факт перекладу-переробки твору братньої російської літератури на літературну мову Західної Русі десь на початку XVII ст. Перекладач використав одну з пізніх руських обробок теми, скоротивши ряд молитв, риторичних описів та інше, і разом з тим доповнив оповідання короткими відомостями «О царех татарских», склав заголовки розділів. Отже, «західноруський» текст являє собою вдалу спробу досить самостійної обробки теми: його оповідання стисле, ясне й послідовне.

Нижче подаємо два розділи з цієї обробки за виданням *С. Шамбинаго*, «Повести о Мамаевом побоище», СПБ, 1906.

Тут наводимо заголовки перших розділів повісті:

1. Повѣсть о царех татарських, як довго над Русью пановали и о пришествіи Мамаевом в рускую землю на великого князя Димитрия.

2. О змовѣ злои князя резанского Олга зь княземь литовскимь Олгердомь на князя московского Дмитрия и о поселствах ихь до царя татарского Мамая.

2. Князь Дмитріі Ивановичь московский молится и раду чинить на Мамая з митрополитом і зь своими князи, о змовѣ тежь князей Олга и Олгерда и Мамаевом замыслѣ довѣдавшися, збирает своих князей, гетмановь и войска.

4. Князь Дмитріі приимать благословение от святого Сергия в манастырѣ живоначальныя троицы и пророчество о звитязствѣ над татарами.

5. О выправѣ и выходе з Москвы князя Дмитрия на войну противь царя татарского Мамая.

6. О посланью сторожов от князя Димитрия, о фрасунку Олга резанского и Олгерда литовского для похода на войну князя Димитрия и о пристю Олгердовичов князей на помочь князю Димитрію.

7. О взятю языка Мамаевого от сторожей князя Дмитрия, о радѣ его зь князями и ушикованю зь обоихь сторонь войскь и о укрепленіі войскь от князя Дмитрия и о молитвѣ его.

8. О примѣтах слышных и о видѣніі явленном, з которых звитязство князю Димитрею пророковано над Мамаем и о молитвѣ великого князя.

КНИГА О ПОБОИЩИ МАМАЯ, ЦАРЯ ТАТАРСКОГО, ОТ КНЯЗЯ ВЛАДИМЕРСКОГО И МОСКОВСКОГО ДИМИТРИЯ

Глава 9. О поставленіі от князя Дмитрия Михайла вмѣсто себе, о листѣ от святого Сергия, о охотѣ князевой на войну и о выеханию на герць з татарином Пересвѣта черница.

В празникь рождества пресвятой богородицы, третей годины на день справившися, почали обои войска трубити на войну. Рускіі трубы гримѣли, а татарскіі якь онемѣли. Еще не гышлися з собою, бо мьгла была. А великий князь Димитріі, ѣздячи на своемь выборном конѣ, укреплял свое войско и мовиль зь слезами: «Не страшѣтеся за святые церкви и за вѣру християнскую и за отчизну милую, голов своихь класти не щадѣте».— Так укрѣпивши, подѣхал под свою чорную короговь и, зьсѣвши зь своего коня, зложиль зь себе царскую одежду, вьзсѣль на иншого коня и вь иншую одежду одѣявся. А свою одежду вложил на своего любимаго Михаила Бренина и коня своего даль ему и свою короговь рыделю [1] казал над нимь возити, под которою тои Михайло за своего князя был и забитый. А самь князь великіі, вынявши зь запазухи свой кресть, в котором была часть животворящего древа, рекль: «В тебѣ, кресте святый, останняя моя надѣя, якь помоглес Костянтину звитяжити враги християнския, так и нам поможи звитяжити поганого Мамая и его всю силу».— Того ж часу пришло писане от преподобного Сергия, вь которомь тое написано: «Великому князю Димитрею Івановичю і всѣмь князем рускимь і всему православному воинству мирь и благословение».— Даль тежь посланець великому князю хлѣбь пресвятые богородицы от игумена Сергия. Тымь всѣ писанемь утѣшившися, подтвердилися на войну. А великий князь, поцѣловавши посланца, взяль хлѣбь святый и рекль: «О великое имя пресвятыя троицы, пресвятая богородица, помагай намь на противных молитвами преподобного Сергия и спаси нас».— І взявши свое копье и палицу свою желѣзную, самь вперед хотѣль скочити на погановь, але богатыри его рускіі удержали, мовячи: «Не годиться тебѣ вперед битися, але особно смотрѣти стоячи на битву полку и уважати, гдѣ показатися. Коли ты где подѣнешся, што и по нас будеть; мы готовы головы свои покладати, а ты по нась память будешь творити і впишешь в книгы, на память потомным вѣкомь».— Князь, заплакавши, рекль: «В земной чести я естемь пред всѣми вами почтен, нехай же вперед васъ голову положу і вперед вас венець от Христа прииму; благая от господа принялемь, злых не стерплю».— Затымь передовыи полки почали сходитися з татарами. Первое полкъ проводиль Дмитріі Всеволожь и Володимерь, брат его, правою рукою ишол Микула Василевичь

[1] рицарю

з коломничами и зь иными князями; а поганыи татаре пшли обоими руками: бо не было имь где ростягнутися. А царь безбожный Мамай зь трома своими князями взышоль на мѣстце смотрѣти кровопролития. Затым выѣхал з полку татарьского татарин, на имя Челебѣй, на герць, якь давный Голиадь [1]. Того обачивши чернець Сергиевь Пересвѣть, з полку Владимера Всеволожа, рекль: «Сей татарин хочеть себѣ противного герцовьника, я з нимь хочю видитися и ударитися і восприяти венец царствия».— Мѣл на своей прилбицы [2] схиму зь крестомь. Потом рекль: «Простѣте мя и благословите, и ты, брате мой, прости и благослови и молися за мене».— Рекли всѣ: «Бог тебе да простить и благословить и поможеть тебѣ молитвами святого Сергия». И так ударилися обадва, з коней попадавши померли.

Глава 10. О войнѣ князя Димитрия и войскь рускихь з войсками мамаевыми, о раненю князя Дмитрия и о побитью войск руских от тарь и о звитязствѣ потомь славномь през помочь брата князя Димитрия войск рускихь над татарами.

Затым крикнувши всѣ войска рускии: «С нами бог»,— и знову: «Боже хр тиянскіі, поможи намь на враги».— А татаре крикнули: «Огь Магмет».— И зышовшися, почали крѣпко битися зь обоих сторон. Лиеться кров богатырская под сѣдлами оковываными, котятся прилбицы золотыи под ноги конскіі, за прилбицами — и головы богатырскіі, и татарскіі выдвое того падают, на поли Куликовѣ, в тѣсном мѣсте межи Доном и Мечею, льются рѣки кровавыі от множества побитыхь, шабли блискают, якь блискавица, а копіі, якь громь ломаючися, трищать. От третей годины ажь до шестой билися, тамь в три годины безчисленное мнозство створеня розумного божияго побито. От шестой зас годины почали татаре одолѣвати, а християне изнемогати: много храбрых богатырей рускихь и молоди зацное [3] побито. Многіі сыны рускіі конскими копытами татарскими потерты, и самого князя великого Димитрия ранено, ажь. нуждею схилившися з коня, пошол з побоища. Един вѣрный самовидец от полку Владимера Андрѣевича повѣдаль ижь видѣль шестой годины над великимь княземь небо отворенное, з которого вышол облак, якь ранняя зоря низко держачися; той облакь полнь рукь человѣческих, каждая рука держала оружие. Тыи руци спустилися над головы християнскіі на оборону, уже бо вѣмь отвсюль обышли татарове християн.— Обачивши з дубровы, в которой на засадцѣ сѣдѣл князь Владимерь Андрѣевичь, ижь барзо много християн побито, и звитяжають татаре, не могучи болше братіі своих православных убиваня терпѣти, рекль Дмитрею Волынскому: «Што за користь тут больше стояти, наши до конца погибають, даймо имь помочь, хотя и сами з ними головы положимь». Рекль Волынский: «Бѣда, вижу, велика, але еще не час нам ити, бо кто не в свой час починаеть, што шкоду относить. Потривай мало, а бога призывайте: вь осмую годину будеть ласка божия и помочь християном».— Владимерь почал молитися, просячи господа бога о милосердие и о помочь на поганых, а в полку его сыны рускіі плакали, видячи братіі и друзей своих от татар барзо много погибаючих, и сами порывалися на ихь оборону, якь на чашу вина. Волынець имь еще боронил, мовячи:

[1] Голіаф [2] на своєму шоломі [3] знатної, славної

«Пождѣте, будеть вашь часъ».— Вь осмую теды годину дунув вѣтер полудневый ззаду ихь, тогды Волынець великим голосом крикнуль: «Княже Владимере, пришол час».— И рекль: «Братия милая, дерзайте, сила божия помогаеть намь».— Богатыри зас рускиі вышли з дубровы и кинулися на татар, якь ясныи соколы на журавлевь. Татаре, обачивши знагла [1] много полковь руских, зьтривожилися, крикнувши же: «Русь мудра, молодших впереди на нас выправили, а се самыи богатыри рицери засадскиі идуть».— И почали татаре уступовати, а рускиі полки ихь погнали, помочью святых мученикь Бориса и Глѣба, и сѣкли утекаючих поган. Татарове, утекаючи, волали: «Бѣда, бѣда тебѣ, нечестивый Мамаю».— Рускиі, бога призываючи, без числа татаров побивали, бо нѣлзя имь было от Руси утекати, же коней мѣли потомпеных. А Мамаіі, видячи свою бѣду, почал призывати своих богов: Перуна, Савата, Ираклия, Гурга и великого своего помощника Махмета; не маючи себѣ от нихь помочи, свою голову почаль уносити. Видячи новых людей руских, крѣпко сѣкучих татаров, побегь зь четырма своими мужами. За ними погналися рускиі воины, але ихь не догнали, ижь кони Мамаевы добрыи были непотомлены. А татаров, побитых помощию святых мученикь Бориса и Глѣба, якь в видѣніи видель предреченный Фома Кацѣй, по обоихь сторонах рѣки Непрадвы безчисленое множьство лежало, мало ихь за Мамаемь утекло.

[Останні розділи повісті:

Глава 11. О знайденю раненого князя Димитрия и о радости великой з звитязства над татарами.

Глава 12. О поѣздѣ князя Димитрия межи трупами, о личбѣ забитых и о похованю ихь, а славномь вьѣздѣ в Москву и о погибели Мамаевой и Олговой и о соромотѣ Олгерда князя литовского].

ПОЛЕМІЧНА І БОГОСЛОВСЬКА ЛІТЕРАТУРА

ГЕРАСИМ СМОТРИЦЬКИЙ

Герасим Данилович Смотрицький (помер, як гадають, у 1594 р.) — шляхтич, родом з Поділля. Певних біографічних відомостей про нього дуже мало. Був міським писарем у Кам'янці; запрошений князем Василем Костянтином Острозьким у 1570-х роках, працював над виданням «Острозької біблії», що вийшла в 1581 р. з його передмовою й віршами на герб князів Острозьких. Є відомості, що Смотрицький написав кілька полемічних творів проти відступників від православної віри і сатиру на духовенство. До наших часів збереглася лише одна книга Смотрицького, видана в Острозі в 1587 р. під назвою «Ключ царства небесного», що складається з присвяти князю Олександрові Острозькому, статті «До народов Руских короткая а пилная предмовка», трактату «Ключ царства небесного и нашее християнское духовное власти нерешимый узел» і статті «Каленъдар римский повый».

[1] раптово, несподівано

Написана проти католицької пропаганди, книга Смотрицького трактує питання про зверхність римського папи над церквою, про новий календар і про потребу дати відсіч наступові католицизму. Композиційно важкий, але написаний без заглиблення в теологічні тонкощі, багатий на прислів'я, дотепи (іноді римовані) та іронічні вислови, цей твір належить до видатних книг полемічної літератури XVI—XVII ст.

КАЛЕНЪДАР РИМСКИЙ НОВЫЙ,

О КОТОРОМ КНЯЗЬ ВЕНЕДИКТ ГЕРБЕСТ У КНИЖЦЕ СВОЕЙ НОВОТВОРЕНОЙ ВО ЛВОВѢ, В ЛИСТЕ ДО ЧИТАТЕЛЯ ЧИНИТЬ ПЫТАНЬЕ ТАКОЕ [a]

А за годиться единому людови християнскому не еднако и велку ноц и боже нарожене и иныше свята през цалый рок тримати.

Вчора сам от едности церковное в том оторвался, а нынѣ юж нам тое задаеть, заразом и приться и потваряет, сам же мовит, же ся негодит, сам же и от едности церковное отскочил или отщепился. И што ся дѣет не пред очима и ушима нетолко всѣх нас але праве всего свѣта. Штож разумѣти маем о тых речах давных, в которых так же от едности отступаючи, нас невинных потваряют. Чим простаков некрѣпких у вѣре звопят страшачи их, же без воли их папы жаден збавен бытп не может, а той волѣ таковым способом никгды конца не будет. Кгдыж каждый з них можнейшим, мудрейшим и зацнейшим един на другого хочет быти на свѣте. Которую таковую мудрость Павел апостол глупством именует и мовит.

Мудрость телесная ворожство есть на бога, и божему закону не покаряется. Не телесная ли то мудрость противозаконная, же явне самомнителною гордостью над всѣх превознесшися. Едины новины уставляют, а другие старины поправляют. И як отступили дороги правой завжды ся мешают да инших до того примушают и страшат, же им тогож не помагают. Ано бы в добром бачеию болший то мѣл быти пострах, где апостолове и их послѣдователе святые богоносные отцеве, укрепляючи и успевняючи уставы и порядки церковные без нарушенья анафемою страшно загрозили того ся стеречи и бояти лѣпше бы потреба, а ниж ли их папы, и с тым новым календарем. О котором тамже пишет, же за велики ми причынами юж ото масть свое потребное попревлене. С которых причин великих, и едное наменшое не указал, а хотя бы хотѣл подобно слушное не мѣл, ач многие дають до того тую запевную прычину. Иж кгды бы насвятший папеж яко найвышшый намѣсник божій а всего свѣта голова так мудре а потужне в час тому не забежал, теды за небаченем и глупством посполитого люду вошло бы было боже нарожене у весну, а велка ноц в лѣто. Якож за правды за так пилным а преважным промыслом и стараньем, звлаща так зацное особы, которая ключѣ носит от неба, досить ся значне погамовало, же не толко боже нарожене у весну пе вошло, але и велка ноц не смѣла. Хто был на той час в костелѣ у худой одежи лѣпшей повѣдити может.

[a] Передруковано з книги: «Архив Юго-Западной России», ч. I, т. VII, Киев, 1887, стор. 250—265.

Ач хотя бы был и не помыкал тых недел четырех наперед, не велми бы ся с тым опознил. Не вѣдати чи звѣздный бѣг его в том омылил, с которым законъные справы свое посполу скорикговати хотѣл.

Ци-пак звездам творец спротивился оному своволному корикгователеви, абы в тое ся што ему не поручено не въдавал, кгдыж на том, яко видим, и назбыт шванковал. Ач яко недбалый коштовал, яко бы было ведле его зданя лѣпше, рядивши на земли, хотѣл поправити и на небѣ и прозрѣвши наперед якимсь невѣдати если не валаамъским духом, тому так пилно в час забегал, вѣдаючи, же по шкодѣ разум мало потребен бываеть.

...С которого то поправленя яко видим заправды мало што доброе дѣется, толко великий а дивный розрух стался по всем праве свѣте. Не толко у дѣйствах законъных церковных, але и во всѣх справах, и поступках светских, и великая васнь и ненависть межи людми с того поправленя всчалася, тягнучи за собою много трудностей и утрат безпотребных невинне. Человѣк бѣдный, убогий, который от працы рук своих и в потѣ лица мусит ясти хлѣб свой, и с тоеж працы и поту мусит досыть чинити и даваті пану, што ему роскажут. Звыкл был от предков своих отдавати, што належало богу, и што належало пану, тепер юж в тое жадным способом гаразд потрафіти не может: пан ему кажет у дни святые богу ку чти и хвалѣ ведле звычаю церковного давного належачие робити. Боится и бога, боится и пана, мусит болшого опустити, а меншему служити. Бо о оном слыхает, же есть долготерпелив и многомилостів, а сего вѣдает, же есть коротко терпелив и троха милостив. Если не его тѣло поведуть, теды воловое певне. Панъское теж свято прийдет, рад бы бѣдный убозство свое роботою подпомог, боится пана мусит липити, а часом за тыми бедами не толко панского нового свята не памятает, але и своего старого забывает, в чом и богу и пану неправ бывает, а собѣ пак рѣдко або николи. Зверху ненъдза доедаеть, а внутр сумнене грызет. Чого инъшим способом ратовати не могучи, мусит нареканем, вздыханьем и слезами часто бѣду свою нагорожати, и не вѣдати если в таковой своей роскоши и оного календарного поправителя часом злиха не проклинает в чом хотя не в шарлатѣ, и не оратор, потурати не треба, кгдыж тот пан, до которого то чинит в горкости сердца подчас и шарлаты и орлаты из ораторми бывают у него як сметье, поневаж толко на чистое покорное и сокрушеное сердце гледит, и таковых выслухаеть, на сильных и незбожных со престолов зметывает, да на мѣстца их от гною беручи сажает.

Так теж в мѣстех затвористых, наших на свое новые свята зброн не пущають, в роботах заказують, забирают и сажають, они теж як христіане правовѣрные, будучи повинни свята свои церковные давные обходити и святити мусят, в чом не малые забавы трудності и утраты в своих справах и кгосподарствах домовых и полных и дорогах гостинных, невинъне мусят относити и тые не мають за што оногож благословіти, так теж в ярмарках, и у справах купецких великих, в записех, в пырографех. Едны по старому, другие по новому мѣшатися, и великих трудностей и безпотребных забав, накладов и утрат. А часом и завасненя уживати мусят, и с тых подобно не всѣ мовять, бодай здоров поправлял, якож не много ся тут после того забавлял.

Ктому еще муж и з женою, которых сам бог наперед прозпрает злучаеть в едно тѣло, межи которыми в доброй згодѣ и порядку, як тѣло лека, а потом словом своим всетворительным, через слуги церковные едино, так воля и мысль мает быти едина, первому росказовати и рядити, второму слухати и повиноватися, так теж в молитвах до бога, в учинках милосердных, в постех и святех мають быти як едино сердце и уста, так едина и рука, тепер тот календар новый нашол и там скутки свое новые. В тых мовлю, где з реліи грецкое и римское стап малженскій прияли, якож то бывало, нетолко межи посполитыми, але и межи зацными станы. Кгдыж единому бывает средопостье, а другому мясопусты, потом едіному жалостное роспамятоване Христовых страстей, а другому веселые роспусты, также теж и всѣ свята дорочные, што пръвѣй з радостью, з дѣтками и с челядкою хвалу даючи богу обходили сполечне, тепер мусят далеко розно. С чого подобно часом единому бывает маркотно, а другому немило. Кгдыж первый все ся дѣяло ясне, а тепер якобы ся спило.

В чом нас же невинных укоряють, възгоржають и ненавидят, и без мала не слушней бы тое покрывленем назвати, а нижли поправленъем, цыж больше вадит, ниж помагаеть. И як не певные а новотные уставы всѣ теж еднако держать, а звлаща в том року.

...Кгдыж юж яко видим и само небо, або на нем сѣдячый противится явне их так небачному упорови, болшее зимно в том их квѣтню показуючи, а нижли в иных мѣсяцех прошлых было. А звлаща их недели бѣлое, где и чорному мусело быти под носом бѣло. А хто бы тому вѣрити не хотел, нехай бы без футра и теплое изъбы потрывал хотя з годину, бачитьмися ктому не был бы невѣрен, но вѣрен.

У пяток великий, кгды Июдаша хлопята страшили тыми крекотъками, в которого была не голосна, мусел зубами треску докладати, а звлаща тые, которие от пауперибус латину починають учить, так теж и на самую велку ноч дивное знаменіе бог показати рачил, так бурливое і страшное зимно, з великим снегом. Же не каждому волно было и колачи до костела святити отослати, хто был в мили або далей от костела, кгдыж не толко санями, пли пѣшому, але и на кони не можено, где потреба доехати. І много быдла розъмаитого на тот день от зимна вѣтру, і кгвалътовного снегу поздыхало, што и з людий мало ся комусь не прідало. А вжды нѣкоторый казънодея, который пръво был прокуратодѣя таковую штуку в обмовѣ учинил до своих. Видячи, же их мало в костелѣ на так великое свято было, не противъться тому, ато нас пан бог кареть для небачное упорное а крнубръное Руси, жеся не хотять узнати. А до найвышшого намѣсника божего пристати.

...А вжды твердять, опираючися як на леду, же право ходять, а иные всѣ блудять. С чого можем снадне обачити, и властне зрозумети, же не без великих явных а слушных причин, всѣх всходъных и полуденъных сторон, или церквей пастыреве мусели опустити заходъного костела вожа. Который ач будучи з нами в едности и зъгоде, пръвое мѣстъце заседал, але потом утыл утолъстѣл и разъширѣл, и забыл бога спаса своего, и закона от него поданого.

...Так теж жоны законъные, от самого бога презъреные, и поданые и от апостол святых, так скутком яко и писмом потверженые, духовным своим поотыймовали, да на их местъца блудъницы поподъставляли, а

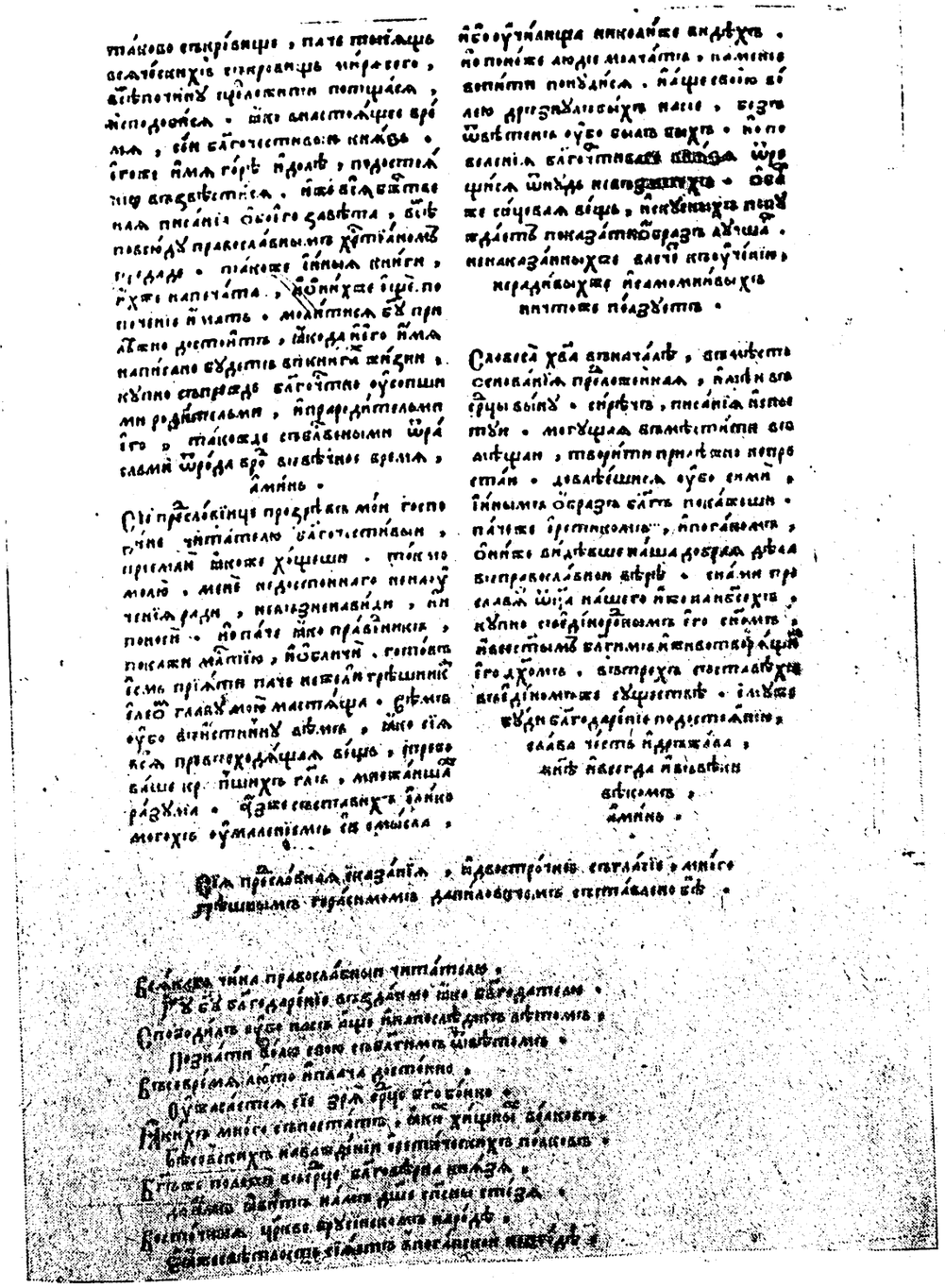
хотя не подставляли, ино на дурное и сами ся домышляют, кгдыж их посполу з собою многіе явне ховают, и особный юръкгелт у панов своих им вымовляють. Если же ваша милость опатрил каплана, потреба еще и на прачку, а ты бѣдъный попе руский мусиш и з законъною пендзу клепати неборачъку.

Надъто,..хотя кому можется здати реч малая, але не вѣм не есть ли и то противозаконъная, кгдыж самое подобіе Христово, пророков его древних и апостолов святых показили, бороды и усы поголивши, мужскиій образ в женский премяняючи. Не оному ли то к воли папѣ, который малого папежка был уродил, бо там борода и усы не мусели быти, и разумѣли, же то з великого набоженъства бог его тым почтил, же ангелу подобный образ ему подал, зверху ся им так здало, а на долѣ не вѣдали, што ся дѣяло, ач един мусел вѣдати, але не сказал никому, и на сповѣди не смѣл ся того звѣрити жадному. Боячися клятвы як намѣстніка божого, а ключника высоких ворот, бо бы его не пустил до неба, о не малую шло заправъды. И так тое было не значно и тихо, аж ся выполънили дни, тож пак всѣм было явно и лихо.

А предъся волѣли тое зелживости мъститися на богу, или на истинных уставах его церковных, а нижли на уставах папѣжских, бо и донинѣ многие ся голят, подобно и сам папа, але юж их тым жаден не ошукаеть, пригода учит розуму, доглядають того с пилностью, которым то повѣрено. Смотривши в вочи, смотрят из другого конца, ку горѣ подносячи столца. Вѣдають юж гаразд, чим были ошукани, акгды тое добре обачять, и намацаютъ, юж за тым всю годность познавають...

...Як давно, так и тепер недовѣрьками и отщепенцами нас же венеруют, и многіе досады задают, што всѣ з стороны свѣта, зешлобыся з молъчаньем скромне тръпети. Кгдыж спас наш блаженьством тых почтіл, которые невіньне правды его дѣля, поношенья и розные досады и укорізны тръпят. Але з стороны истінъное вѣры, непорочное церкви, терпѣти и молъчати зле хулу на вѣру приймати. А то еще горше, же не крепкіе у вѣре, да еще оных великіх вѣры правое начальніков сынове и внукове без всякое осторожности даются зводити, за которыми юж и старіе к воли свѣту и тѣлу, замруживши око духовное за телесным починают блудить. В чем срокое личбы пастыреве, и учителеве их в день судъный не вѣм будут ли волні, же молчат, а ни языком а ні пером о тое ся старають.

Час бы ся юж за правды почювати и давно, бы потом, коли будеть труднѣй, и помочи будеть не лачней, и прочая. Што ж было чиніти оных часов, въсходных и полуденых церквей пастырем, и начальником, и всему вобец хрестіанству, за перъвыми единым блудиті, чіли им четырем зе всѣми своими подвластными прі правде стояти, маючи по собѣ писм святых яко оболок, к тому из самого неба приклад великій. Же теж первый ангел подънесшися в гордость а хотячи ровен быти вышнему, звержен есть зо всим почтом з высокости. А иные чинове ангельскіе со страхом и трепетом стали в своем везваню, или чину, крѣпко и неотступно, и нынѣ суть, и вѣчно будуть. Также и наши начальници православное вѣры добре ся розмысливши, ач не без великого жалю мусѣли то вчинити, за што их и нас менять отщепенцами в чом безмала и не своим титулом, иных подписуют. Претож тут хто боится господа бога, и

Герасим Смотрицький. З передмови до Острозької біблії 1581 р.

святую правду его знает, нехай тому добре ся присмотрить очима верхніми и внутрѣними а нехай не боиться тых плоцьних страхов, которіми грозять, же без того папы, и его календара жаден збавлен быти не может.

Подобнѣй бы тому лякатися, который отступівши правое старожитное спасающее вѣры, и своего исправленья церковного, и пристал до тых многозмышленых блудов, которих чим будуть болше поправляти, тым тое горше будеть валяти, и смѣл в том юж не нас толко, але и самого Христа потварити, мовячи. Же до тое едности и тераз значне нас рачить вести през костельный календар сам змысливши, и написавши, привлащает Христа або своего папежа Христом именует.

Надъто еще все, юж не тылко дни и свята празніком господским и нарочитых святых угодников божіих отменили на земли, але и на небѣ лунного бѣгу дорочного двападесятім мѣсяцам имена от начала свѣта ведле времен и часов им даные, поотменяли, подобно у рімъскую вѣру их покрестили, хотячи и тых под послушеньство папы своего привести, абы и они без волѣ его нѣчого справовати не смѣли, февраля назвали мартом, а марта кветнем, бачітмися и май у них змѣнит своего имене скуток, так и всѣ дванадесят мусятся мѣніти, штож дѣлати, коли то их папѣ волно чинити, толко тое на него яко бы полихо, же имя отменити можеть, але прироженья и скутку свыше поданого трудно. Зимна в тепло, снѣгу в дожчь пременити, то не римского бога сила и справа, хотя бы и всѣ кардыналы собрал, до того не помогуть нѣчого.

...Зле и небезпечно кролевскіе и княжацкіе уставы и декрета нарушати и ламати, а о божих пак як маем розумети, о которых нарушенью в добром баченю страшно бы и помышляти.

А то все справа тых новоименъных законъніков, которим упрікрилося звати християны, прозвалися езусіяны, или езуитаны.

АПОКРИСИС

«Апокрисис» Христофора Філалета (псевдонім), один з найвидатніших полемічних творів XVI ст., вийшов двома виданнями: польською мовою в 1597 р. у Вільні й тодішньою літературною «руською» мовою в Острозі, як гадають, у 1598 р. з деякими змінами і скороченнями. Написаний насамперед проти анонімно виданої в 1597 р. книги єзуїта Скарги «Описанье и оборона събору руского берестейского», трактат складається з чотирьох частин: перші дві розглядають злободенні питання, зв'язані з унією; третя й четверта — питання про владу римських пап, про східний патріархат і відповідають на закиди католиків про вищу церковну владу. Написаний з великою ерудицією й публіцистичним талантом, з використанням багатьох документів, твір багатий на влучні дотепи і сатиру; автор охоче оживляє виклад народними приказками, прислів'ями, наводить притчі, байки й анекдоти. Викриваючи корисливу політику прихильників унії й гостро виступаючи проти польського насильства над українським православним населенням, Філалет попереджає, що польська політика утисків і гноблення приведе до внутрішньої війни, яка загрожує існуванню держави.

Питання про автора, що виступив під псевдонімом Христофора Філалета, не розв'язане; на підставі пізніших даних одні дослідники вважають автором Христофора Бронського, інші — Мартина Броневського, без досить переконливих, проте, доказів.

Уривки тексту подано за виданням Археографічної комісії: «Русская историческая библиотека», т. VII, «Памятники полемической литературы», кн. 2, СПБ, 1882.

АПОКРИСИС

АЛБО ОТПОВѢДЬ НА КНИЖКЫ О СЪБОРѢ БЕРЕСТЕЙСКОМ, ИМЕНЕМ ЛЮДЕЙ СТАРОЖИТНОЙ РЕЛѢИ ГРЕЧЕСКОЙ, ЧЕРЕЗ ХРИСТОФОРА ФИЛЯЛЕТА ВРИХЛѢ ДАНА

Четвертой части отповѣди. Раздел 9

...В тот час юж теперь на набоженство наше явне натерто[1]. А вступок того за универсалный кор. его мил. и в добрах и мѣстах кор. его мил. наперед учинено: церквы на нѣкоторых мѣсцах печатаючи,— аппараты[2] церковные з них беручи,— от хвалы божей и набоженства в дни святые, ведлуг старого календаря отправованые, з церкви люди кгвалтом выгоняючи,— на презвитери и попы наши ся торгаючи,— з сакраментом звыклым способом до хорых через рынок ходити им в уберох поповских закалуючи,— мертвых явне через рынок с процессіею ведлуг обычаю релѣи греческой провадити, в церквах в свята звонити, и обрядов набоженства своего заживати заповѣдаючи,— а тых, которые тым заказом и заповѣдем подлегати не хотѣли, браньем вин, везеньем, битьем и иншими способы удручаючи.

В тых же мѣстѣх кор. его мил. и под тым же часом на школы релѣи нашей греческой ся торгано: дѣти и убогіе з них до своих волочачи, бьючи, сажаючи и розманитые над ними збытки чинячи.

Под тым же часом в нѣкоторых кор. его мил. мѣстах греческой релѣи люде, мимо давный звичай, от урядов, от цехов, от ремесл отстрыхани; в чиненью справедливости им и з иншых розных мѣр утискати их почато. О чом барзо много на розных мѣстах ест протестацій починеных, которые тых припомненых в мѣстах кор. его мил. и пндѣй утерпленых через наше анкгаріи[4] много прикладов припомнити.

Вступок так забороненья и перешкоженья набоженства мѣщаном, подданным кор. его милости, в мѣстах Речи Посполитой и кор. его милости учинивши, поступлено далѣй: торгненося с тоею опресѣею и на стану шляхецкого люди. Чого ач прикладов есть немало, однак, уходячи придолженья, толко одну тут, зацную особу заходячій, для визерунку помнимо:

Владыка Володимерскій по пріѣха́нью юж з Риму, на двор ее милости, панеи Браславскои, кнежны Збаражскои, в которой ведлуг давного звычаю набоженство презвитер отправовал, нашедши там до церкви, двери кгвалтом выбил, речи до набоженства отправованья належачіе одны побрал, другіе порозмѣтовал, ово згола кгвалт великій учинил. З стороны чого кгды ее милость протестацію чинила, всказал до неи, же дармо ся протестует, бо его тут в Полщи жаден суд о тое судити не будет могл; а еслиж до папѣжа, которому юж послушенство отдал, схочет его позывати, будет мѣти добрую проѣжчку; але он будет то мѣл перед нею, же ему дороги там пытати не будет потреба, бо юж еи перевѣдал, и так розумѣет же там за еи милостью не скажут.

[1] одверто нападають [2] убори, одяг [3] хто цікавиться [4] утиски

В заборонянью и перешкожанью таком набожества старожитного мало маючи, торгненося зараз клятвами, а при клятвах кгвалтом и моцью на релѣи нашеи духовных, которые за оторванцами ити не хотѣли. Зачим одны выгнани, другіе иманы, третіи биты, четвертые везеньем и иншими тому подобными прикрыми поступками суть траплени,— чого приклады меновати можемо.

А для болшеи в том всем свободы, отступники, хотячи казни за свое отступство зникнути и хотячи нас тым снаднѣй до тоей матнѣ, в которую сами влѣзли, угнати, забѣгали тому, яко бысмы патріархов восточных волѣ и рады досягнути не были могли...

...Наспѣл потом зараз собор Берестійскій. Али на нем и по нем вмѣсто сподѣваной поправы — погершенье, вмѣсто ослабы — болшеи тяжар, вмѣсто потѣхи — болшій смуток наступил. Замолчуемо, яковые там уруганья, яковые легкіе уваженья[1] в мовах и казаньях без всякоі вины относили есмо. Не вспоминаю, як грека Никифора[а], который там был прибыл, коли власти уряду своего протосинкгелского заживал, арестовано. То — кгрунт всему, же, мимо нас всѣх духовных и свѣцких позволенье и овшем противко явной нашей протестаціи, митрополит[б] с пятма владыками, обставившися в церкви гайдуками, по сползненью дня и термѣну соборови назначоного, едность нѣякуюсь с римским костелом строил. А мало на том и з своим товариством маючи, и хотячи нас поневолне до тоеж едности привести, выеднал универсалы з канцелярііи. кор. его мил. през которые той едности и справам его и Берестійским не толко противитися заказано, але теж оную пріймовати и оной подлегати, а при том — лвовского и премыского владыку, про то иж на тую едность не позволили, не за владыки, але за проклятые мѣти и з ними не посполитоватися, ани обцовати нам конечне росказано...

...Не припоминаю тут жалосных кривд, которые от нѣкоторых небачных римского вызнанья людей, мимо звычай давный, з неучтивостью и зе лживостью нашею змѣшаные, относимо! Чесные малженства наши в роспач невстыдливый вшетечными мовами своими приводят! В церквах отмѣны чинячи, тѣла мертвых греческой вѣры людей, из землѣ выкопаные, вымѣтуют! От свѣдецтв старожитной вѣры греческой людей, яко бы вѣры негодных, отдаляют, и оным книг правных, которые ведле права никому не мают быти боронени, боронят! Презвитеров наших на дорогах споткавши розмаитыми деспекты карают!

Которые то всѣ уразы, от гонителей римского вызнанья отношеные, не так нас от них, як от отступников старожитной вѣры греческой болят! Хтож бовѣм не видит, же за их справою тые уразы вщалися?![2] Бо поколя отступленье их не было затривожило, з ласки божей былихмо от них волными, и в яком-таком седѣлихмо покою. За их же ся справою вщали, и им далѣй, тым болше посполитуются везенья, морды[3], наѣзды, гоненья, и иншые тым подобные бѣды тых, которыи за ними ити а старожитной вѣры отступити не хочут. Чого в каждом кутѣ, гдѣ одно греческой вѣры люде живут, прикладов много!

[1] міркування, судження [2] почалися [3] вбивства
а Представник константинопольського патріарха.
б Митрополит київський Михайло Рогоза.

А уже тот поломень, от иных вщатый, и старших наших правдивых духовных доходит. Уже архимандритови Кіевскому, якобы для статечности при старожитной поприсяженой вѣрѣ духовным быти переставаючому, манастыр Печерскій отняти хочут! Уже и владыци Лвовскому, для тоеж статечности монастыр Жидичинскій, который аж дотоль за привильем короля его милости спокоіне держал, кгвалтом наѣхавши на оный, през штурм с пролитьем крови выдирают! Уже иных много тым подобных, кровью пахнучих, выступков дѣет!!.

...А нам и право, и конфедераціи, и привилья, и звычаи, и иншіи фундамента волности набожества маючим, же ся то в волной Речи Посполитой дѣет,— и якож не стисковати, и якож не нарекати на тое, якож с того доволни быти маем?! Бо добре тое нас самых не заходило и не долегало, а жебыхмо хотя в иншей вѣры особах такій праву кгвалт чиненый видѣли,— и заж бы нам хуть ку задержанью ойчистой волности и права посполитого мовчати о тое допустила? А штож коли то ся в вѣрѣ нашей дѣет: же отступници не толко хлѣба собѣ неналежачого заживают, але и звѣрхность над нами силомоцью ростягают; коли за оказіею тоей зверхности их в сумнѣньях наших нам кгвалт ся дѣет; коли нас волные нам набожен-ства отправовати и церкви будовати забороняючи горше от безбожных... з розных мѣр натирают; коли взглядом вѣры, на маетности, на здоровья и на учтивое наше частокроть повтараные шукаючи, не найдуемо? И якъже не маемо стискевати, а и з жалем сердечным нарекати?!

Певныхмо, же жаден бачный за зле того нам мѣти не будет; а и дѣпис[1] занехает нас невдячниками грубыми называти, хотя то тых таковых прикрых скарбов, которих спасителными зовет, не тылко с хутью не пріймуемо, але и жалосне же их их в нас поневолне ткают, стискуемо! Нехай ся сам ткнет,— чи бы мовчал, чи бы дяковал, гдѣ бы его то, што нас долегает, долегало? А либо бы он, чого не розумѣемо, долеглость такую и з вдячностью и з мовчаньем вытрвати мог?! Мы ся объясняемо, же на таковую терпливость, жебы то, коли болит, не стогнати и не охтати— здобытися не можем. А теж досыть в том терпливости нашей, же хотя так уражени будучи, хоть так през долгій час в уразах своих жадного улжеенья[2] через прозбы одержати не могучи, хотя видячи, иж зношеньем старых крывд новые побужаемо,— еднак то злого злым не отдаваемо, ани ся до кгвалту против кгвалтови мечемо...

Замкненье отповѣди...

...Не есть вашим милостям тайно и за прошлыми скаргами, и за тепешним припомненьем — великіе а право незносные, не толко маетности, здоровья и учтивости, але и сумнѣнью заходячес зневоленье и стисненье наше. А иж братьею нас своею зовете и члонками едного тѣла Речи Посполитое менуете,— просимо: ужальтеся над утисненою братьею своею! нехай вас рушат як власне в. м. обходячіе раны и уразы наши! Еслиж теды ваша милость (чого не розумѣемо) против нам озябла, вжды нехай

[1] історик [2] жодної полегкості

в. м. рушит милость прав в. м., которые в едных дощках з нашими (в которых кгвалт тепер терпимо) замкнены, и едными звязками утвержени суть! Стережитеся того, абы тоею дирею, которая ся в правах нам служачих дѣет, вси ся вашим милостям свободы не выслизнули! Штоть нас долѣгает, то и в. м. всѣх прикладом и секвелля[1] заходит. Николи в жадной речи посполитой всѣм зараз утисненье не докучило: злегка той пожар идет, хто его на чужом не гасит, той посполите на своем его кгруитѣ, а прудко обачует!

Нехай в. м. рушит огляданьяся на вѣру, сумнѣнья и почтивости ваши, которыми до перестереганья прав, волность набоженства варуючих, естесте обовязани. Нехай в. м. рушит уваженье того, же либо бы есте нам отступленья вѣры нашее зычили, людми, а не скотами естесмо, а з ласки божей людми свободными, на которых абы што през моц и мус вымочи мѣл, прожне собѣ хто обѣповати мает! А либо бы в чом иншом тое быти могло,— в вѣрѣ, которая в сердцу а в умыслѣ своем мѣсце мает, изаж ктому может быти яковое подобенство?!

Хтож з людей смертелных привлащити собѣ может шафунок вѣры, которая есть самого господа бога даром?! Хто ест так потужным, абы умыслом пановати а до вѣренья того, чого сумнѣнье чіе не пріймует, або до невѣренья того, што пріймует, приневолити кого мочи мѣл?! Ничого не ест так доброволного, як набоженство и вѣра, так же ее мус бы найболшій ни в ком не стварит: позвирхнюю толко облуду, вѣри подражняючую, а господу богу барзо мерзкую, далѣй ничого в людех боязливых, а межи небоязливыми розлитье крви справити может!

Приклады, того посвѣдчаючіе, у нас их не шукаючи, рачите в. м. мѣти с посторонных краев, в которых не от килку лѣт, але без мала от ста, не леда от кого, але от монархов свѣта найможнѣйших и найпотужнѣйшых, не леда з яковым промыслом, але якій може быти на свѣтѣ и найсильнѣйшій и наймудрѣйшій, люде до набоженства, собѣ ся неподобаючого, притискани были. Штож ся тым справило? Чи ся едность вѣры и згода досконала уклѣтила? Ничого? Але што? За примушаньем пришло до васни[2], з васни до ростырков, з ростырков до розорванья, з розорванья до внутрной войны, которая межи всѣми злыми рѣчами на свѣтѣ ест найгоршею: бо взрушенье права и божого и прироженого, кгвалты, пожоги, наѣзды, крви розлянье, спустошенья, а коротце мовячи — вшелякіе кшалты злых припадков в собѣ замыкает. До того, такая война, над иные внутрніе войны, як ядовитшая быти так и должей трвати мусит. В инших войнах внутрних бовѣм одна сторона до уступенья другой, за обаченьем слушной ее причины, снадне приведена бывает: тут зась (гдѣ кождый то, што вѣрит, щирою и спасителною правдою быти мнимает: а за тым же штож колвек терпит, для правды терпит, и през тое терпѣнье мученического вѣнца и живота вѣчного доступует — есть певного розумѣнья) — якій способ може быти вынайденый гамованья? Само аж зобополное знищенье, упрадованьеся[3], высиленье, выжаленье[4], зубоженье — звыкло такіе войны але не в час гамовати, а згоду пожаданую нерыхло приворочати. Што иж так есть, для бога, милостивыи панове, гамуйте в час тые кола, поки ся не розбѣжат!

[1] наслідок [2] свари [3] втома [4] засмучення; позбавлення сили

Жалосная реч — терпѣти утиск от вышшого, жалоснѣйшая — от ровного, найжалоснѣйшая — от подлѣйшого. Терпливость, часто ображеная, в попудливость звыкла ся премѣняти. Недуфанье о доступенью справедливости през звыклые средки, недуфанье о помочи, выгледанье за некараньем и негамованьем утисненых — што раз то болшаго утрапенья до незвыклого утисненым одыймованья звыкло бывати причиною утрапеным.

Ужалтеся, для бога, над отчизною сполною! Уважте кондицію ее инакшую ниж инших королевств, в которых огонь внутрней войны и до того часу не есть угашеный. Там мѣста, там замки, там тверди оборонные густо седят; зачим недив, же долго ся собѣ опирали и опирают. У нас гдѣ бы ся той поломень (которого, боже, уховай!) появил, прудко бы вси того широкого панства мазапки попопелѣли! Там турок — одлеглый, о татарынѣ — ледво слыхати! А мы их тут туж при боку маем; и хотя в згодѣ мешкаючи, от них в небеспеченствѣ уставичном; а ктому и з инших сторон покоем, пріязнію и примирьем — не до конца убезпечени естесмо.

Досвѣдчилисте в. м., в якой есмо згодѣ з вашими милостями прошлых вков мешкали, хотяемо при старожитной вѣре греческой и при патріархах в Греціи будучих статечне трвали. До милости, до зычливости, до ратунку в потребѣ розность церемоній ничого не перешкожала!

Досвѣтчайте уже теж в. м. тое милое згоды и едности, которую наши отступнін митрополит и владыкове лѣпити почали! Видите в. м., якіе скутки тая едность приносит и принести может! Видите, же за нею, мѣсто причиненья, нарушенье старожитной згоды и милости наступило!..

ІВАН ВИШЕНСЬКИЙ

Біографічні відомості про Івана Вишенського, найвидатнішого письменника-полеміста своєї епохи і одного з найзначніших представників давньої української літератури взагалі, надзвичайно скупі. Можна гадати, що народився він коло 1550 р., помер у 20-х роках XVII ст. (принаймні, коли в 1621 р. його згадують як живого, то в 1633 р. називають його «покійним»). Походив він із Судової Вишні в Галичині, з якого стану — невідомо. Ряд натяків у творах дає підставу гадати, що до постригу в монахи і від'їзду на Афон Вишенський жив у різних місцях Галичини, Волині й Поділля. Доведено, що протягом 1605—1607 рр. він жив у Галичині й повернувся згодом на Афон. Немає певних відомостей і про освіту Вишенського, але твори його свідчать про велику начитаність, і не лише в біблії та культових книгах, про добре знання полемічних творів другої половини XVI ст. і прийомів полеміки. Більшу частину творів Вишенський надсилав з Афона, де, крім (1605—1607 рр.), провів другу половину свого життя.

Обмеженість відомостей про життя й діяльність Вишенського спричинилася до розходжень у визначенні хронології його творів. На підставі наявних даних найдоцільніше розбити його творчість на три періоди: 1) 1588—1596 рр. (тобто до Берестейської унії), коли написані були «Извѣщение краткое о латинских прелестех», «Обличеніе діавола миродержца», «Послаціе до всіх в Лядській землі живущих»; 2) 1597—1600 рр., на який припадають «Посланіе до князя Острозького», «Послаціе до єпископів», «Краткословный отвѣт Феодула» та інші, і 3) 1600—1617 рр., коли написані були «Зачапка мудрого латинника», «Позорище мыслепное», «Посланіе

к старищѣ Домникіи» та інші. Як свідчить лист сучасника, твори Вишенського за життя автора були поширені на Україні й у Білорусії; надруковане ж було (в Острозі в 1598 р.) тільки одно «Посланіе» до князя К. Острозького та всіх православних, написане Вишенським, як доводить аналіз стилю, від імені монахів «Святої гори». Повної збірки творів І. Вишенського в рукопису не маємо.

Наведені тут уривки з творів подаємо за виданням «Іван Вишенський. Твори». Вступна стаття, упорядкування, підготовка текстів та примітки доктора філологічних наук І. П. Єрьоміна. Державне видавництво художньої літератури. Київ, 1959.

ИОАННА МНИХА ИЗВѢЩЕНИЕ КРАТКОЕ О ЛАТИНСКИХ ПРЕЛЕСТЕХ, О ЗАБЛУЖДЕНИИ ОТ ПУТИ ИСТИННАГО И БОЛЕЗНЕХ СМЕРТОНОСНАГО МУДРОВАНИЯ

...О чистцу[1] латинском, вымышленом мистром диаволом и его учениками, папами рымскіимиа.

...Се постражду власти разумом владѣющии духовно о не о приобрѣтению спасаемых, занеже тщание и промысл небрежением о стадѣ погрѣбают, и о исправлении овец ничтоже радят, се же оттуду страждут, понеже за прохранение плоти точию ся попят, сирѣчь в попы стригутся, за умножение же душ спасаемых не брегут. Постражду зас и власти мирския, они же талант добр, от бога им данный, в своих похотех и сластех гноя телеснаго погрѣбают, о размножении же хвалы божие ничтоже дбают, не памятаючи на сей глас истязания, яко: «ему же дано, рече, много, много и взыщется от него» и паки: «силнии, силно истязани будуть» и не памятают, яко сего ради от бога божие прияша, да сим бога прославляют, они же сопротивно творят, на свой смрад и тщую славу мира сего добра божии истощевают, на спасение же свое и подручных своих скупостию врата сердечныя заключают, да ниже божие дарование в славу божию умножат, ниже тым себе и братию свою ползуют, точию в суетѣ и истлѣнии мира сего вся сия дарования божия погрѣбают, мнящася о сем богу не вѣдѣти. И что сотворите, градодержатели и многоселци, егда господин в даннаго вам истязати вас хощет? Кий отвѣт дасте тогда? Егда речеши, якоже нынѣ обыкл еси глаголати, глаголюще: «Волно ми над своим, что хощу с тѣм сотворити, то сотворю, а где хощу расточити, тамо расточю». Егда твое ест, еже имаши? Егда создал еси сие или из утробы матере с собою на жизнь еси то извлек? Не твое убо ест, бѣдниче, не твое и не волно ти сие кромѣ волѣ божие ниже едину черту расточити и изнурити; тогда узриши, егда истязан будеши, нынѣ же сокровенно сие от очию твоею плотскою.

...Се есть пуркгаториум[1] наш христианский, котораго ради вѣры вѣрныи (одны между языки, незнающими бога, другии от латины, познав-

[1] чистилище, чистець

а Полемізуючи з католицьким вченням, Вишенський загрожує карою «на тім світі» духовенству й «властям мирським», що дбають тільки про розкішне життя й збагачення. Від заперечення католицького догмату про «чистилище» (місце, де душі померлих муками очищаються, щоб перейти в рай) Вишенський дотепно переходить до зображення дійсного «чистилища» — кар і переслідувань, яких зазнають українці-православні від католицької шляхти.

ших бога и паки гордостию отпадших и едино с невѣрными мудрствующих) проплывают, очищаются наши християне; безчестием, поруганием, поносами, клеветами, лжеглаголанием, посмѣянием, гонением, бѣдноутворением, уничижением, томлением, биением, в темницах затворением, мучением и убиением антихристового наслѣдия, папежское вѣры, пуркгуются наши християне истинныи в жизни сеи, по христовой заповѣди, да достоини будуть внити в живот вѣчныи тѣсным и скорбным путем, утѣсняющеся и въмѣщающе в тѣсные врата смертные, за ними же пространство, покой вѣчныи, живот и царство божие обрѣтают,— «яко нужно,— рече — царство божие и нуждници е въсхищают». Ибо наш пуркгаториум, истинных христиан,— в плоти, у ложных же — по смерти, наша нужда,— за ради царства божия, в терпении, у латины же, антихристовых слуг,— в досадѣ и томлении. Нудятся ради царства божия, да в конец православных обезчестят и в свою прелест силою языческою поплѣнят и покорят, и сие не образом добродѣтелей, по христову изображению («тако да просвѣтится свѣт ваш пред человѣки, яко да видѣвши ваша добрая дѣла, прославят отца вашего, иже ест на небесех») творят, съпротивно сей славѣ отца небесного дѣлы лукаваго отца и убийцы учителски християн понуждают, якоже прежде в время идолопоклонства от нечестивых царей христиане понуждаеми были, глаголюще: «Пожри Ваалу, Аполону или другому коему идолу, богу поганскому,— аще же не хощут, томѣте их и мучите, имѣния разграбѣте; аще же ни тако прелжитися не хощут, и до конца убийте». Сице и нынѣ латина христианом православным творят, отновляюще прежде бывшее идолопоклонство и гонение, глаголюще: «Поклонися папѣ, прими его самосмышленный закон, календар новоутворенный, и почитай, ветхий же отступи и всю прелест нашея вѣры честно почти, на нас истинны ничтоже не глаголи, лжи и прелести нашея не хули. Аще же не хощете, то имѣте их и мучите досадами и бѣдами. Вы, войтове, бурмистрове, лантвойтове, власт мирская, градская и повсюду, не дадѣте Руси ни едино пространство в жизни их, в судѣх по Руси не поборяйте, паче же и крывдите, в сусѣдствѣ любви не показуйте, ниже с ними ся общѣте, паче же их ненавидите; в куплях, торгах, ремеслах русин с папежником волности единой да не имат; в цехах ремесницких русину быти не достоит, доколѣ ся не попажит; на власти войтовства и бурмистровства и прочиих строителств от русского народа да ся не поставляють, доколѣ ся у папежа не увѣруют. Аще же сим Руси не досадите и своей християнское вѣры отступити и папѣ идолопоклонитися не хощут, набоженство им разорѣте, на праздники старого календаря звонити не дадѣте, новый же святити и праздновати с силою понудѣте и виною запретѣте. Аще же и еще не послушают, сакрамент христов обезчестѣте, на землю пролѣйте и ногами попеют, сакрамент христов обезчестѣте, на землю пролѣйте и ногами попеют, и потопчѣте. церкви запечатуйте и от всѣх стран бѣднотворѣте и дорѣте и потопчѣте. церкви запечатуйте и от всѣх стран бѣднотворѣте и досаждайте, да поне сими бѣдами и досадами повинутся поклонитися папѣ и костелови римскому. Аще же ни и сими досадами им не одолѣете, в темницах затворяйте и без вин вины на них налагайте, бийте, безчестѣте и убийте в имя найсвятшего папы,— прощение и разрѣшение от него приймете и в чистцю за то и за вся беззакония по смерти очиститеся». Видите ли, погибели сынове, за что ради таковый прелестный и поганский чистець собѣ по смерти сограділи, яко да, поганьски житие сего вѣка

суетнаго пожившe, по смерти в чистець входят, из чистца зас в царство небесное выскакуют. Вѣру ми ими, папѣжу и папѣжнику папежовь, яко уже с того чистца по смерти, в которого праведным судом божим вержен будеши, в вѣки выскочити, ни выплынути не можеши,— свѣдитель ест сам Христос, глаголя: «И идут сии в муку вѣчную, праведници же в живот вѣчный». Почто не рече зде: «досадители и мучители и убийцы идуть в живот вѣчный», но «праведници»? А в твоих плодѣх поганских, папѣжу и ты папежниче, где ест правда, яви ми ону! Видиши ли, православный христианине, латинское правды плоды: поганское безвѣрие, мулавный христианине, латинское правды плоды: поганское безвѣрие, мучителский идолопоклонный нрав. Видиши ли, яко ты истинный пуркаторium в жизни сей от досад латинских плывеши, да, очищен скорбми и бѣдами, достоин в царство небесное внийти будеши, латина же, досаждающе и заповѣди христовы дѣлом разоряюще, по смерти в геенѣ вѣчнѣй чиститися изволяют. Но они убо своей прелести да послѣдуют и на чистець по смерти уповают...

ТОБѢ, В ЗЕМЛИ, ЗОВЕМОЙ ПОЛСКОЙ, МЕШКАЮЧОМУ ВСЯКАГО ВЪЗРАСТА, СТАНУ И ПРЕЛОЖЕНСТВА НАРОДУ, РУСКОМУ, ЛИТОВСКОМУ И ЛЯДСКОМУ, В РОЗДѢЛЕНЫХ СЕКТАХ И ВѢРАХ РОЗМАИТЫХ, СЕЙ ГЛАС В СЛУХ ДА ДОСТИЖЕ

Ознаймую вам, як земля, по которой ногами вашими ходите и в ней же в жизнь сию рождением произведени есте и нынѣ обитаете, на вас перед господом богом плачет, стогнет и вопиет, просячи сотворителя, яко да пошлет серп смертный, серп казни погибелное, яко же древле на содомляны, и всемирнаго потопу, который бы вас выгубити и искоренити (яко да не скврьните болшей оную антихристовым безбожным нѣрием и поганским, нечистым и несправедливым житием вашим) вѣрием и поганским, нечистым и несправедливым житием вашим) могл,— изволяючи лѣпше пуста в чистотѣ стояти, нежели вашим безбожством запустошона от хвалы всесилнаго бога, създателя и творца небеси и земли, быти.

Вьмѣсто зас евангельское проповѣди, апостолское науки, и святых закона, и ограниченя цноты, и учтивости сумненя христианского нынѣ поганские учители, Аристотели, Платоны и другие тым подобные машкарники и комидийники, в дворех Христа бога владѣют. Вьмѣсто зась смирения, простоты и нищеты гръдост, хитрост, матлярство[1] и лихоимство владѣет. Вьмѣсто зас суду и правды несправедливост, лъж, крырда, прехитреня, препрене, потвар[2], лицемѣрие, лест и кгвалт антихристов владѣет. Вьмѣсто зась вѣры и надежди, и любви безвѣрство, отчаяние, ненавист, завист и мрьзост владѣет. Вьмѣсто зась цѣломудръного жития конечное вшетеченство[3], плюгавство и нечистота скверная владѣет.

Покайтеся убо, всѣ жители тоя земли! Покайтеся, да не погибнете двоякою погибелию, и вѣчною и дочасною, от скораго гнѣва божия нагло! Аще ли же не хощете, тогды к вам, стаду православному, христианскому роду, мовлю: будѣте готови отлучитися от того погибелного антихристова

[1] фальш [2] наклеп [3] розпуста

и содомскаго рода, да есте истинною новый Израиль, а не с поганци погане. Где бо в поганѣх таковый плод нечистый, яко ж нынѣ в Лядской земли видится? Стосугубиѣй некрещеные в имя отца и сына и святого духа, прелщеные от диаволского слуги и лжепророка Махомета, турки честнѣйшие ест пред богом в судѣ и правдѣ якой-такой, нежели крещеные ляхи, которые на евангельскую науку сопротивно борют и оную своим злым житием и гордостию антихристового духа пожерши попирают!

Прето вѣдаючи вы о сем, православнии християне, не скорбѣте! Господ бо ест с нами, и аз убо есм с вами. Имѣйте убо вѣру и надежду в бога жива крѣпку и непоколѣбиму! На панов же ваших руского роду, на сыны человѣческия, не надѣйтеся! В них же нѣст спасения. Всѣ бо бога живаго и вѣры яж в него отступили, прелести же еретической, любви духа тщеславного, жизнолюбию и лихоимству ся поклонили. В них же не благоволит господь по реченному: «А егда обинется, не благоволит душа моя о нем». Тѣмже да отступит от неправды всяк именуяй имя господне. Будите убо готови на приятие Исуса, который нынѣ у вашей земли нѣмает где главу подклонити. Духи бо нечистии поднебеснии везде в естествѣ зовемых христиан гнѣздятся и царствуют: прелстили, прехитрили и от бога различными ересьми десно и шуе естество человѣческое откралн и вслѣд себе отволокли сут. Як нынѣ нѣст хвалы богу ни мало з Лядское землѣ, и христианство в конец исчезе и погибе. Всѣ бо настоящаго вѣка гонят, да ся его благыми удовлят и насытят. О будущаго же вѣчное наслаждение мыслити и искати в жизни сей — и памят тую уморили и, яко ж камень, ко оной[1] жизни онечувствѣли суть. Обаче где ся толко от вас обрѣтает истинный священик, инок цѣломудр и мирского жития христианин православный, которий от труда своего житие свое, богобойне живучи, а не от лихоимства языческого, окормляет и правду видѣти алчет и жаждет? Даст вам бог по желанию вашому. Не скръбѣте убо, но потерпѣте мало. Грядый бо приидет и не закоснит.

Да прокляти будут владыки, архимандрити и игумени, которие манастирѣ позапустѣвали и фолварки собѣ з мѣст святых починили, и сами толко з слуговинами и приателми ся в них телесне и скотски переховывают, на мѣстох святых лежачи, грошѣ збирают, с тых доходов, на богомолци Христови наданных, дѣвкам своимъ вѣно готуют, сыны одѣвают, жоны украшают, слуги умножают, барвы[2] справуют, приателѣ обогачуют, кариты зиждут, възники[3] сытые и единообразные спрягают, роскош свою погански исполняют. А в манастырѣ рѣкь и потоков непрестанно в молитвѣ к небесному кругу текущих иноческого чина по закону церковному видѣти нѣсть, и вмѣсто бденна, пѣсни и молитвы и торжества духовнаго — пси выют, гласят и ликуют. Где нынѣ правило по уставу святых в Лядской земли в церкви видѣти и слышати хощеши, то есть вечерню, павечерницю, полунощницю, завтредню, 1 час, 3 час, 6 час, 9 час, книжное поучение закона день и нощ? Не все ли превратися в поганское безвѣрие, и слѣд христианского жития изчезе и погибе? Владыки

[1] майбутньої [2] барвисті одежі (лівреї) слугам [3] коні

безбожные вмѣсто правила, и книжнаго чтения, и поучения в законѣ господни день и нощ над статугами и лжею увесь вѣк свой упражняют и погубляют и вмѣсто богословия и внимания настоящаго жития — прелести, хитрости человѣческия, лжи, щекарства[1] и прокурацій[2] диаволского празднословия и угождения ся учат.

О, земле запустѣлая и заросłая трънием безвѣрия и безбожия! О, образе божий, по подобию зданный, како погребеся от славы нетлѣнной и вѣчной жизни небеснаго царства во жизни сеи, скоро ищезающей! О человѣче окаяный, како, чести своее отбѣгши, и ко безсловесных скотох несмыслству припрящися и усвоитися изволил еси! О христианине реченный[3], како помазание крещения в божество божеством духа миролюбием сим посмрадил еси! О сыне вѣрою небеснаго бога, како сыном диаволским плоды дѣл своих преименоватися изволил еси! О царское священие, языку святый, людие обновления, како во поганьское и еретическое безвѣрие превратился еси!

К тебѣ ж, земле Лядская, с плачем глас Исаин мовлю: «И како быст блудница град вѣрный Сион полн суда! В нем же правда успе, в нем же нынѣ убийци. Сребро ваше непотребно. Корчемници твои смѣшают вино с водою». Еже ест образ лядского священства; священници бо твои смѣшают истинное слово божие со лжею, с похлѣбством[4], ласканием, лицемѣрием, лестию и человѣкоугождением, оводнѣвающе винную истинну водою лицемѣриа и лести, чесанием слухов, а не бодением и убиением грѣха, внутр сердца криемаго, истинною обличениа. Князи твои закону божию не покаряются,— обещници[5] татем, любяще мзду, гоняще за посулами, сиротам не судяще и суд вдовиц не внемлюще! Сего ради се глаголеть владыка господь Саваоф: О, горе моцным и преложоным в Лядской земли! Не престанет бо ярост моя на противност их и суд лукавства их! И противления над ними учиню, и наведу руку мою на них, и роспалю бѣдами и искусом в чистоту. Не хотящих же покаятися и от того злонравствия преложитися — и до конца погублю, и памят имени их во вѣки затрачу, и отиму всѣх безаконых от тебе, и всѣх гръдых смирю. И будет крѣпост их, яко паздерие згребное, и дѣла их, яко искры огнены. И съжегутся беззаконници и грѣшници вокупѣ, и не будет угашаяй.

О, лютѣ, страно грѣшна, людие полны грѣхов, племя злое, сынове беззакониі! Остависте господа и разгнѣвасте святого Израилева, отвратистеся въспят! Что и еще уязвляетеся, прилагающе безаконие ко безаконию? От главы и до ног остругпѣли есте! От началник, от священик и до простых онечистѣли есте! Осмраднѣли есте гноем миролюбиа! Образ божий огноили есте! Нѣсть мѣста цѣлаго от грѣховного недуга — все струп, все рана, все пухлина, все гнилство, все огнь пекелный, все болѣзнь, все грѣх, все неправда, все лукавство, все хитрост, все коварство, все кознь, все лжа, все мечтание, все сѣнь, все пара, все дым, все суета, все тщета, все привидѣние — сущее ж нѣст ничтоже. Нѣст где плястра приложити на исцѣление нѣкоея части. Все смертоносный грѣх, все пеклом, адом и геенною вѣчною смрѣдит!

[1] брехні [2] процесування [3] християнин по імені [4] лестощами [5] спільники

Покайтеся убо бога ради, покайте, донелиже покаанию время имате; по смерти бо сего обрѣсти не можете. Что толико онечувствѣли, одебелѣли и окаменѣли сердцем и помыслом есте? Еда не вѣруете, яко помрете? Аще украдает вам диавол тую память и ослѣпляет вас миролюбием, а вы прибѣгнете с памятию породивших вась и продков ваших. Где ся подѣли и в которую сторону отшли? Не помрѣли ли? Не и вам же ли там подобает отити и также помрете? А егда и вы мусите, хоть и не хочете, так же, як и родители ваши, помрѣти, готовѣте ж ся на исход ко будущему вѣку! Готовѣте дѣла, готовѣте чистое житие, готовѣте богоугождение! Да егда повелит вам маятель от сея жизни преходити, да имате тое готово з собою. Да будет тое сокровище при вас на смертной постели, да видите тое собрание свое...

ОБЛИЧЕНИЕ ДИАВОЛА-МИРОДЕРЖЦА И ПРЕЛЕСТНЫЙ ЛОВ ЕГО ВѢКА СЕГО СКОРО ПОГИБАЮЩЕГО, ОТ СОВЛЕКШАГОСЯ С ХИТРОУПЛЕТЕНЫХ СѢТЕЙ ЕГО ГОЛЯКА-СТРАННИКА, КО ДРУГОМУ, БУДУЩЕМУ ВѢКУ ГРЯДУЩАГО, УЧИНЕНОЕ[a]

Евангелие от Матфея, глава 4.

И поят его диавол на гору высоку зѣло и показа ему вся царствия мира и славу их и глагола ему: «Сия вся тебѣ дам, аще, пад, поклонишии ми ся». Тогда глагола ему Исус: «Иди за мною, сатана! Писано бо ест: «Господу богу твоему поклонишися и тому единому послужиши».

Вопрос. Тут теды, коли ся звытязство[1] над прелестию твоею, сыну геенский, от Христа избавителя стало и смертию конечно царство твое лукавое мира сего обнажено и показано (через вѣру и крещение во имя отца и сына и святого духа) всему свѣту ест, пытаю тя, як будеш зас тое гнѣздо миролюбия в вѣрных и крещеных вити и основание невѣрия языческаго фундовати.

Отповѣд прелестника диавола-миродержца. Сталося звытязство от Христа над царством моим, признаваю, але от облеченых в имя его зовемых християн мало и велми мало, и то еще от свѣжей памяти по вознесении его на небеса чяст нѣкая, тою теплотою вѣры разждеженная, нѣгде-нѣгде от рода христианского на звытяжство моего царства обралася. А нынѣшнего вѣку зась в клюбу[2] нѣвѣрия пръ-

[1] перемога [2] в межі, в лещата

[a] «Обличеніе діавола миродержца», написане під впливом євангельського оповідання, про те як диявол спокушав Христа, і відгомонів його в аскетичній літературі IV—VI ст., має діалогічну форму. Зрікаючись слави, розкошів і багатства в ім'я аскетичних ідеалів, автор дає ряд натяків, що стосуються як до життя вищих класів, так і до життя та інтересів шарів демократичних.

ваго зовемое християнство впало, и одним способом с поганци некрещеными мир любят и царства и роскоши его насытитися прагнут и еще болше нежели погане похоти телесные своволного и нечистого жития своим злым житием исполняют. А што пытаеш, якобы по Христовѣ звытяжствѣ миролюбием во христианстве вшрубоватися[1] есми мѣл, а тое пытати не треба. Таковою ж хитростию, прелестию, мечтанием и усоложением блеску и красоты свѣта того, яко же и прежде пришествиа Христова. Ибо Христос образ толко побѣждати хотящим мира дал, показал и научил и сам собою изобразил, прелести же моего лживого царства мнѣ не отнял и не погубил, ато для того учинил, абы самовластие человечѣское в том искусѣ, борбѣ и пробѣ вѣка того настоящаго досвѣдчалося, очищалося и на живот вѣчный исполеровало. Але вижу, мало ся их обирает и знаходит на той тѣсный гостинец[2] хотячих и любячих ходити; ти ж всѣ пали и поклонилися славѣ, царству, красотѣ и любви вѣка того настоящаго, мною владомого. От началных и до послѣдних, от духовно зовемых и до простых, от властей и до подручных — всѣ полюбили тот мечт, блеск и пестроту красоты царства моего мирскаго, которую есми на горѣ Христови обнажил и показал. И всѣ нынѣшнего вѣка до того моего царства розум, мысль, любов сердечную и всю крѣпость телесную привязали, прилѣпили и приспоили, сут так моцно, иж их только смерт, от бога посланная, от любве моего царства розлучити может, а другое ничтоже. И зась тоеж мовлю и показую, што при Христѣ мовилем и показовал: хто чого ищет у мене, миродръжца, аще, пад, поклониши ми ся, вся тебѣ дам.

Вопрос. Што ж ми даеш, диаволе? Именуй, да знаю наперед.

Отвѣт. Дам ти нынѣшнего вѣка славу, роскош и богатство. Если хочеш быти преложоным, духовно зовомом, от мене ищи и мнѣ угоди, а бога занедбай; бо от того не леда як таковые достойнства дарованы бывают, а я скоро тобѣ дам. Если хочеш бискупом быти, пад, поклони ми ся, я тобѣ дам. Если хочеш арцибискупом быти, пад, поклони ми ся, я тобѣ дам. Если хочеш кардиналом быти, пад, поклони ми ся, я тобѣ дам. Если хочеш папѣжем быти, пад, поклони ми ся, я тобѣ дам. И другим всѣм, меншим преложенствам, пробощствам и поповствам в приходѣх и наданях, не так гойных и богатых, прагнучии, падши, поклонѣте ми ся, я вам дам. И до вас, мирское власти и титулу земного моего царства прагнучим, тое ж мовлю, аще, падши поклоните ми ся, я вам вся сия прагненнаа вами подам. Если хочеш войским, подкоморим или судиею быти, пад, поклони ми ся, я тобѣ дам. Если хочеш кашталяном быти, пад, поклони ми ся, я тобѣ дам. Если хочеш старостою быти, пад, поклони ми ся, я тобѣ дам. Если хочеш воеводою быти, пад, поклони ми ся, я тобѣ дам. Если хочеш гетманом или канцлѣром быти, пад, поклони ми ся, я тобѣ дам, буди досконалый угодник мой, я тобѣ дам. Если хочеш королем быти, обѣщайся мнѣ на офѣру в геенну вѣчную, я тобѣ и королевство дам. И другим всѣм меншим дикгнитарствам и преложеньствам тое ж мовлю, аще, пад, поклоните ми ся и чого по прагнете от земных и дочасных, я вам дам. Тако ж и до вас, простых

[1] угвинтитись, укрутитись [2] шлях

и неславных во моем царствѣ, мовлю: Аще, падши поклоните ми ся, знайду я по вашей мѣрѣ и простотѣ чим вас обогачу и в прелест моего вѣка уплутаю. Если хочеш идолопоклонником, сребролюбцем и лихоимцем быти, я тебе мытником, купцем и карчмарем учиню; там твою волю и прагненя забавлятися, доколя здохнеш, привяжу и моцно до самого исхода, не мылячися с помыслом от лихоимства отодрати прикую. Если хочеш хитрцем, майстром, ремесником рукодѣлным быти и других вымыслом превозмѣти, чим бы еси и от сусѣд прославитися и грошики собрати могл, пад, поклони ми ся, я тебе упремудрю, научу, наставлю и в досконалост твоего прагненя мысл твою приведу. Если хочеш похоти телесное насытитися и господарем дому, древа и землѣ шмата назватися, пад, поклони ми ся, я твою волю исполню, я тобѣ жену приведу, хату дам, землю дарую, тое ярмо на твою шию повѣшу и твою мысль в бѣдѣ, неволи, скорби, мятежи, попечении, фрасунку и уставичном промыслѣ погребу, я тебе стражу, слугу, неволника и вязня женѣ учиню, я тобѣ всю мысль у жоны похотное студнѣ привяжу, толко поищи, попрагни и мнѣ ся поклони, вся сия аз тобѣ дам.

Отвѣт странника от лица всѣх прелщаемых от диавола. Вѣм, диаволе, як ты все тое реченное даси, если ся тобѣ поклоню, але пойду искати и в зерцалѣ учения Христова глядѣти, тая твоя данина на пожиток ли или на погибел вѣчную будет, на славу ли или на безчестие вѣчное ся превратит, на долго ли или на малый час ся в руках попѣстует, а потом з дароносцем посполу знагла погибает и ищезает. Даси ми, дияволе, быти папѣжем, кардиналом, арцибискупом и другим нѣкоторым духовного стану именоносцем, але што за пожиток с того дарованя, коли от тебе диавола, за гордост с небесе на дол зверженного, тое достоенство приму, а не от небесного бога, которий велми заслужоным и от духа святого посвященным таковые преложенства стану духовного даровати звыкл, а не тым, которые, як пси встеклые, бѣгают, ищут, да стан духовный или имѣние оного угонят и поймают. Што за пожиток с того дару, коли я сам и от тебе, диявола, того попрагнул и поискал, а не бог небесный мене на тое достоинство везвал и избрал. Што ж за пожиток с того духовенства, коли я горшей поганца злое и нечистое житие прохожу и в калу чревное похоти и сластолюбия ся валяю. Што ж за пожиток с того священства, коли я имени святости не знаю и с иновѣрци ровно мудростию, образом и житием ся знахожу. Што ж за пожиток с тое власти пастырское, коли я раб, неволник и вязень вѣчный грѣхови ест есми, за который в геену вѣчную отиду. Што ж за пожиток с тое дочасное славици, коли я вѣчне посоромочон буду. Што ж ми за пожиток с тое малое роскоши, коли я во вѣки в огни печи и скважитися буду. Што ж ми за пожиток с тых сел, и имѣний, и богатства великого, коли я наг и гол, без всего того, в пеклѣ седѣти буду. Прето вѣдай о том, диаволе, иж я поповского преложенства и стану от вышняго и до послѣднего стопня, от тебе дарованного, не прагну и тобѣ ся поклонити не хочу. Господу богу ся единому поклоню и тому единому послужу. Иди за мною[1], сатана! Даси ми зась, диаволе,

[1] іди від мене

быти кролем, канцлером, гетманом, воеводою, старостою, кашталяном и другим нѣкоторым дикгнитаром и преложоным власти мирское твоего дияволского царства. Што ж за пожиток с того твоего дарованого поганского началства, коли я христианство страчу и живота вѣчнаго отпаду. Што ж ми за пожиток с того твоего мирского титулу, коли я царства небесного титул погублю. Што ж ми за пожиток с того голоса кролевства, канцлерства албо воеводства, коли я сыновство божие страчу, безсмертный титул. Што ж ми за пожиток с твоее малое славицы временное тытулку и гнилых и суетных уст хваления, коли я от божое вѣчное славы отвръжен буду, титул помазаньства божия погублю и похвалы ангельских уст отпаду. Я теды, диаволе, таковое власти и титулу от тебе не ищу, тобѣ ся поклонити не хочу. Господу богу единому ся поклоню и тому единому послужу. Иди за мною, сатана! Даш ми зась, дияволе, купцем, лихоимцем, мытником и карчмаром быти, да тым лихоимством и упражнением розум свой погребу и ослѣплю. Што ж за пожиток с того твоего дару, коли свѣта истинны науки слова божия видѣти не могу и вкусити сладости его ся не сподоблю. Прето да знаеши, дияволе, як я от тебе того идолопоклонного титулу и забавы жития моего в нем не требую, тобѣ ся не поклоню. Господу богу единому поклонюся и тому самому послужу. Иди за мною, сатана! Даш ми зась, диаволе, ремесльником хитрым и славным быти, да межи сосѣды славнѣйшим, годнѣйшим и честнѣйшим быти, грошики собѣ зберу, фолварки покуплю, домок приоздоблю. Што ж за пожиток с того всего твоего дарохитрства, коли я простоты Исусовы навыкнути не могу. Што ж ми за пожиток з славы и чести сусѣдское, коли я в лику пророк, патриарх, апостол, мученик и добре богу угодивших славитися не буду. Што ж ми за пожиток з многих фолварков и оздоб домку, коли я красных дворов горняго Иерусалима не узрю и не во едином кутику в оном посидѣти не сподоблюся. Прето я от тебе, дияволе, тое майсторѣи славы и чести не требую, грошиков збирати, фолварков и домков куповати не хочу, тобѣ ся не поклоню. Господу богу единому поклонюся и тому самому послужу. Иди за мною, сатана! Даш ми зась, диаволе, убогому и неславному человѣку, утѣху и похот телесную, жону, даш ми домок и землицю, даш ми смуток и бѣду, да свой розум в той забавѣ, фрасунку и стараня домового, земленного и женского погребу. Што ж за пожиток с тое утѣхи и похоти телесное, коли я утѣшителя духа святого витати во своем кгмаху сердечном николи ся не сподоблю. Што ж за пожиток с тое жоны, коли я Христа, жениха, своей ложници сердечной пришедшаго упокоитися и спочинути, видѣти не могу. Што ж ми за пожиток с того домку, коли я в палацу небесного мѣста Иерусалима седѣти не буду. Што ж за пожиток с тое малое землици и кгрунтику, коли сторичное заплаты, реченное Христом в царствии небесном за оставление сих, не прииму и живота вѣчного наслѣдником и дѣдичем быти не могу. Прето да знаеш, диаволе, як я от тебе жоны, дому, земли дочасное не прагну, тобѣ поклонитися не хочу. Господу богу, во троици славимому, поклонюся и тому единому послужу нынѣ, все время житиа моего и во вѣки вѣком. Аминь. Иди за мною, сатана, изчезни и пропади сам и з царством своим прелестным! Аминь.

БЛАГОЧЕСТИВОМУ ГОСУДАРУ ВАСИЛИЮ КНЯЖАТИ ОСТРОЗСКОМУ И ПРАВОСЛАВНЫМ ХРИСТИАНОМ МАЛОЕ РОССИИ, ТАК ДУХОВНЫМ, ЯК И СВѢТСКИМ, ОТ ВЫШШОГО СТАНУ И ДО КОНЕЧНАГО. БЛАГОДАТЬ, МИЛОСТЬ, МИР И РАДОСТ ДУХА СВЯТОГО В СЕРДЦА ВАША СВЫШЕ НИЗПОСЛАТИСЯ ВАМ ОТ ТРЕИПОСТНОГО БОЖЕСТВА ОТЦА И СЫНА И СВЯТОГО ДУХА ИОАН МНИХ З ВИШНѢ ОТ СВЯТОЕ АФОНСКОЕ ГОРЫ УСЕРДНО ЖЕЛАЕТЬ[a]

...Прийдѣте ж тепер всѣ православныи християне на видѣние того рапсака папежского гласа! Час бовѣм приспѣл, да его на среду вытягнем и плакати над ним, як по нагле здохлом, будем, и учинѣм всѣ едногласно, елици истинными християны ся зовете и спасение всѣх любите, тому трупови невѣрия папежского погреб и плачмося всѣ по нем, як погибелию вѣчною умре и в адовѣх пропастех погребстися изволи. Труп гласа папежского невѣриа и гръдости, яко браны пекелные вѣру грецкую премогли, римское ж не премогли и премочи не могут, ато тым пж ест папа голова и намѣстник святого Петра. Сей есть труп того рапсака папежского гласа, нагле здохлый лежит. Подвигнѣте же всѣ, милостивые, утробы ваше и оплачте его: уже бо его в смирении нѣколи не узрите, уже в благочестие и православие нѣколи взъвратитися не может, уже свѣта благочестиа нѣколи не узрит, уже радости отца и сына и святого духа нѣколи ся не сподобит, уже небеснаго наслѣдия, правовѣрным уготованного, во вѣки отлучился ест. Плачте, боголюбци, и стогнѣте, гледячи на того трупа, и головами кивайте, ревност любве сердечной показуючи, и охтайте по нем, поминаючи як красный был, коли здоров был, а тепер як ся измѣнил, коли отрупѣл и бездушен стал, и мовте в собѣ, поглядуючи на него: «Чи не лѣпше было вѣрою живым быти, нижли невѣрием здохнути? Чи не лѣпше было смирением живым быти, нѣжли гръдостию здохнути? Чи не лѣпше было в едности з нами быти и вѣчне жити, нижли, отлучившися от нас, нагле здохнути и погибнути? Чи не лѣпше было свѣт присносущнаго разума, православной церкви дарованный, видѣти, нѣжели нынѣ в тмѣ поганских наук затворитися и умерети? Чи не лѣпше было, в простотѣ сердца хвалячи бога, з нами посполу здоровым быти, нижели нынѣ, отлучившися от нас, комедийским и машкарским набожеством оболѣти и умрѣти?». И зась, обшедши глас того трупа плачучи, тые слова мовте: «Ох, ох, окаянный гласе! Чи не мовили тобѣ святые отци, да ся не отлучаеши от церкве, як лев диавол изшедших вон хватает. Чи не мовили тобѣ святии отцѣ, да ся не отлучаеши дружины, да не вмѣсто горняго Иерусалима в долнѣйший ад заблудиши? Чи не мовили тобѣ святии отцѣ, да ся над всѣх выше не взъносиши, да ся, падши, не сокрушиши? Чи не мовили тобѣ святии отцы, да не яси много поганских наук снѣди, да не, разумом прелестным отрувся, от святое тройци отлучен будеши и вѣчне здохнеши? Что явне видимо,

а У цьому «Посланії до князя Острозького», написаному в 1597 або 1598 р., зразу ж після Берестейської унії, Вишенський звертається до одновірців з приводу книги (очевидно, «Апокрисис» Філалета), що була перемогою в боротьбі з уніатами. За уявленням автора, бог цією перемогою православних покарав гордого папу і його слугу єзуїта-рапсака (рапсак у біблії, в книзі пророка Ісаії,— герольд, вістун, що схиляв євреїв скоритись цареві ассірійському Сенахеріму). Вишенський закликав віруючих подивитись на труп переможеного рапсака — «папежского гласа».

нынѣ страждеши, мертв, наг, безобразен, убит и повръжен лежиши. Отож тобѣ мир зъеднал! Отож тобѣ гръдост зеднала! Отож тобѣ власт головная и началная зеднала! Отож тобѣ слава свѣта сего зеднала! Отож тобѣ чого ся ти хотѣло, тое ти ся исполнило».

Буди ж вам извѣстно правовѣрным, як сего ради попущени есмо в сей искус, зане ж поеретичихомся вси обиталници малое Русии и от бога устранихомся далече, к невѣрию и зложитие припрягше. Тѣмже возвратѣмся к богу паки, да бог к нам ся приближит; он бо ест всѣгды близ, грѣхи ж наша далече нас отлучают от него. Сего ради покаймося сами в своих съгрѣшениих, кождо суд собѣ сътворше. Посем и благочестие правовѣрия церкви нашее тако исправити совѣт вам, истинен и неблазнен, даю[a]

Первѣе да очистите церков от всяких прелестей и забобонов еретических и, без нестроты, в простотѣ сердца бога хвалѣте; латинский смрад пѣсней из церкви изжденѣте, простою же нашею пѣснию рускою поюще бога благодѣрѣте. Посем до вѣри нашое восточное православное без всякого вонтпеня[1] всѣм сердцем, душею и смыслом ся приложѣте, еретичество и невѣрие всякоѐ от себе отвръжѣте. Иконное поклонение с учтивостю почитайте и в домех, идеж пребываете, образ матере божее с превѣчным ее младенцем на стѣнах в концю трапезы вашее пригвоздѣте. Крестом христовым, до церкви пришедши, креститися на соромѣйте; абовѣм нынѣ християне Малое Русии поеретичѣли, як креста христова, славы своее, на нем ж нам спасение содѣяся, соромѣются. И не толко в церкви, але и на трапезу сѣдаючи, крестом ся знаменайте; если бы и латина или еретики быти с тобою ся прилучили, не соромѣйтеся рода прелюбодѣнаго жизни сея, да не посрамлени будете на вселенском позорищи, ибо нашее вѣры таинства увес мир вмѣстити не может, иншее ж вѣры всѣ сут прелести. На трапезѣ без молитвы (свински) ясти не начинайте, як же нынѣ оскотѣли есте. По наядении зас благодарение по уставу церковному творѣте. До церкви на правило соборное ходѣте и в всем по уставу церковному (ни прилагающе от своего умысла что, ни отимающе безстудием, ни раздирающе мнѣнием) творѣте и по закону нашему християнскому жизнь сию проходѣте; еже бо дух святый уфундовал вмѣстившими его усты, тамо поправы гнилых земных помысл не потреба. Евангелиа и Апостола в церкви на литургии простым языком не выворочайте. По литургии ж для зрозуменя людского попросту толкуйте и выкладайте. Книги церковные всѣ и уставы словенским языком друкуйте.

Сказую бо вам тайну великую: як диявол толикую завист имает на словенский язык, же ледве жив от гнѣва; рад бы его до щеты погубил и всю

[1] сумніву

[a] В «Пораді», яка була опублікована як частина «Посланія до князя Острозького», але становить окреме ціле, Вишенський, намагаючись підтримати своїх одновірців у боротьбі з римсько-католицькою церквою, вихваляє православні обряди, дає високу оцінку слов'янській мові, застерігає проти світської освіти, як зброї в руках католицтва, і різко виступає проти керівників церковних, які, йдучи на угоду з польськими магнатами, схиляли віруючих під зверхність папи римського.

борбу свою на тое двигнул, да его обмерзит и во огиду и ненавист приведет. И што нѣкоторие наши на словенский язык хулят и не любят, да знаеши запевно, як того майстра дѣйством и рыганем духа его поднявши творят. Ато для того диавол на словенский язык борбу тую мает, зане ж ест плодоносньйший от всѣх языков и богу любимший: понеж без поганских хитростей и руководств, се ж ест кграматик, рыторык, диалектик и прочих коварств тщеславных, диавола въмѣстных, простым прилежным читанием, без всякого ухищрения, к богу приводит, простоту и смирение будует и духа святого подемлет. «Во злоковарную же душу,— рече Премудрий,— не внийдет премудрост», што нынѣ латинская злоковарная душа, ослѣпленьная и насыченная поганскими тщеславными и гордыми догматы, страждет, которая божие премудрости и разума духовного, смирения, простоты и беззлобна въмѣстити никакож не можеть. Тѣмже блюдѣте, православнии, от тое трутизны дѣти свои, зане да знаете, истинно вам мовлю, идеж дух любве сим поганским, мечетным, мира сего угодным догматом прилнет, тот запевне в вѣрѣ погрѣшит а згола и от благочестия отпадет: што есте нынѣ вы явно пострадали, егда есте на латинскую и мирскую мудрост ся полакомили, тогда есте благочестие стратили, во вѣрѣ онемощили и поболѣли и ереси породили, и в него ж крестихомся прогнѣвали. Чи не лѣпше тобѣ изучити Часословец, Псалтыр, Охтанк, Апостол и Евангелие с иншими, церкви свойственными, и быти простым богоугодником и жизнь вѣчную получити, нежели постигнути Аристотеля и Платона и философом мудрым ся в жизни сей звати и в геенну отити? Разсуди! Мнѣ ся видит, лѣпше ест ани аза знати, толко бы до Христа ся дотиснути, который блаженную простоту любит и в ней обитель собѣ чинит и там ся упокоивает. Тако да знаете, як словенский язык пред богом честнѣйший ест и от еллинскаго и латинскаго. Се же не басни сут. По нынѣ о том довод широкий чинити мѣста не маю, абовѣм о очищении церкве нашей православной ся рѣч зачала и далей точити будет.

На священический степен по правилох святых отец да восходят, а не по своих волях, похоти плотское ради, имѣния и панства сан да въсхищают. И всякого такого, котрий сам наскакует, не приимуйте и от короля данного без вашего избрания изжденѣте и проклинѣте: не в папежа бо вы крестилися и не в королеву власт, да вам дает волки и злодѣи, разбойники и антихристовы таинники. Лѣпше бо вам без владык и без попов, от диавола поставленых, до церкви ходити и православие хранѣти, нежели с владыками и попами, не от бога званными, у церкви быти и с тое ся ругати, и православие попирати. Не попы бо нас спасут, или владыки, или митрополиты, але вѣры нашее тайство православное с хранением заповедей божиих — тое нас спасти мает. Прето вы пастыря собѣ такого избирайте; прежде назнаменайте нѣколико особ от жития и разума свѣдителствованных, яко сут благоговѣйны и правовѣрны, таж узаконѣте собѣ день и пост и сътворѣте бдѣние, съвокупившися в церков, и молитеся богу, да вам даст и открыет пастыра; его же жребием от сих реченых искушайте. Бог же милостивый моления вашего не презрит, вам пастыра даст и объявит, которого приемши за пастыра, тогда свѣтскую власт (се ест короля, да вам того подаст) ищѣте, которого если не схочет вам подати и не послухает вас, узрите его скоро до конца оглохнувша и онѣмѣвша: зане поставлен суд прав судити, а не своее вѣры прелесть фолкговати.

Толко вы к богу истинною ся обратѣте: все тое вам бог чудотворне устроит. Сих проклятых владык никакож не приймуйте и молѣтеся, да отгнани будут; аще ли же власт свѣтская не хощет, узаконѣте собѣ день молитвъный по всѣх градѣх и помолѣтеся богу. Тогда узрите игрушку короля вѣры папы рымского, хто владѣет над православными, дурною Русю и в неволи будучими греками.

[Апологія чернецтва [а]]

...Чому ся ты, рымлянине, смѣеш з духовнаго иноческого чина? Ты ж ми, вѣдаю, отповѣси: «Для того ся смѣю, иж каптур или страшило на головѣ носит, што мы зовемо клобук, и зась смѣюся, иж волося долгое носит и не подголився, и зась: простое одѣне носит, што некшталтовне, як в мѣх оболокся, и зась: поасище пѣкчемное скураное или ремѣнное, черевичище нѣмаш на што погледѣти или чоботища невытрътыи, аж гадится погледѣвши на них, а до того, хлоп простый, не знает и проговорити с чоловѣком, коли его о што запытаеш». То ест твой разум, мирянине, о иноческом чину и убире. О т п о в ѣ т. Тую тайну иноческаго чина убиру я тобѣ открыю, толко прошу тя пилне послухай.

Каптур тот или страшило, а по нашому клобук, которому хвост висит на задѣ, праведно ест назвати страшило. Чому? Абовѣм страшит и много причин замыкает в собѣ. Первое, страшит бѣсы. Для того, иж крест Христов на рамо взял, из мира вызулся и печат на головѣ поставил, што юж в мир обратитися не мает, тым клобуком знати даючи. И як бы нѣкий голос, так и потрясане того хвоста диаволу отповѣдает, мовячи: «Порожне ся трудиш, бореш и прелщаеши мя, диаволе, да ся до макгерки[1], тобѣ угодное, обращу. Уже мя не узриш, диаволе, перекривляючи макгерку то на той, то на сей бок, шию напяливши, як индийский кур[2], да пыху свою в моей головѣ (где образ божий седит и панует) показуеши и на свое угодное моею головою куда хочеш поворочаеши и напинаеши». Што диавол видячи, иж тот хвост клобучный отнял ему пожиток пыхы головное, и боится и безчестится от так нѣкчемного, незвыклого, некрасного, нѣкому нелюбимого, мирским бриткого, на посоромачене мирское красоты духовне вымышленого строю ношеня того клобука. Боится для того, абы тот клобук многих на живот вѣчный от макгероносцев не половил и в мудрование небесное не вовлек, посоромочается зас, иж юж отмѣны частое в куповаю шапок и в выбираю, которая красшая и на головѣ кшталтовнѣй стоит (да ся зрителем приподобает, косичку или пѣрце запявши), не мыслит и о угождении человѣком в приподобаю образа, или головы, мысль свою о том не упражняет, але юж мыслит, як мир тот до конца взъненавидит и ко будушему вѣку дѣлы добрыми ся уготовит. Се ест пръвая причина того клобука. Вторая причина: посромочует красоту и пестроту мираугодных и красоту любячих своею шпетностю и нѣкчемностю. Тре-

[1] модна на той час угорська шапка [2] індик

[а] Вишенський в «Апології», що, як і «Порада», була опублікована у вигляді частини «Посланія до князя Острозького», застосовує характерну для нього діалогічну форму, раз у раз перебиваючи релігійно-моральні міркування гостро-сатиричними малюнками світського життя, йому ненависного, і переходячи з слов'янської, книжної мови на «просту» розмовну, що надає його виступам особливої влучності й дотепності.

тяа причина: ругает и безчестит мир, зане не любят его очи мироугодные, што нецудный кшталт ношеня вымышлен. Четвертая причина: смѣется явно з шапок и макгерок чирвоных и чорных, кутнорованых[1] и голых, ато тым, иж тыи ко приподобаню человѣческом ся носят, а сеи к приподобаню единому богу. То ся рекло о клобуцѣ.

О волосю зась — одно: для того инок головѣ зазрости попустил, абы был шпетный на видѣню головном. Другое: для того, абы женьскую плът во огиду и мръзост на себе въздвигнул, для неблажненя взроку; обычай бо ест мирским на облупленую голову носячого подголенца, выструганого, мылом вышарованого и вымакглеваного, пилне смотрѣти и мыслью похотною (если и не самым тѣлом) блудити. А на спросного, косматого и неумытаго и ко любви не прикислого, если и позрит, однак от мерзячки некраснаго образа помыслом скоро отскочит и не согрѣшит. Третяа причина: для того оброслую голову носит, абы был розный от облупенца и образом, и одеждею, и житием; ов бо из мира изыйде и ко будущему вѣку мыслию пелкгримуе, а подголенец в мир странствует и мир помыслно в собѣ розширяет и множит; ов о богу и животѣ вѣчном ся помыслно учает, а гологлавец, како да человѣком ся приподобает, а для того, як небо от земля, так голая голова от косматой мыслию, достойнсвом, годностю и учтивостю пред богом далече отстоит. Се ест причина косматого волося.

...Але зас речеши, яко зло житие мают иноки: по корчмах ходят и упиваются, и по господах обѣды чинят, и приятелство собѣ з мирскими еднают, и до того грошѣ збирают и на лихву дают. О, если грошѣ збирают и на лихву дают и если бы и на лихву не давали, але при собѣ ховали и купа до купы привязовали, грош до гроша для розмноженья прикладали, та ковых кромѣ общаго житиа поединковых иноков-грошолюбителей нѣст достойно иноки едиными называти, бо будет лъж крытися в имени. Ты его едным зовеш, и он не сам, але з диаволом-грошовладателем, и будет хула на иноческое имя, але его смѣле можеш назвати тым именем — июда, раб и лестец, друг и предател, образом во апостолѣх, а дѣлом в зрадцах, образом в спасаемых, а дѣлом в пропадаемых, образом в ученикох, а дѣлом в пропадаемых. «Продам бо,— рече,— Христа и приобрящу имѣния». Подобный бо и сей грошолюбивый инок чинит глас: «Отвръгуся,— рече,— обѣтници своего пострига и съберу грошѣ». А о обѣдах и напитю, если того грошового грѣха инок не чинит и не имает ничого в своем схованю, а трафится ему от того чрева и от того горла звытяжитися, тому ни мало не чюдуйся, и я тому вѣрую, що трафляется и то в вашей земли иноку, иж часом и переначует в корчмѣ. Не все бо пшеница в посѣяню ся знаходит, але знайдеш другую ниву, которая болшей куколю, нижли пшеницѣ народит. Також и межи иноки: в доспѣянню на звытяжство того чрева комало их ест. Тому не дивуйся, абовѣм подвиг и борба ест жизнь тая, торое ты не знаеш, бо еще еси на войну не выбрався, еще еси доматур, еще еси кровоед, мясоед, вълоед, скотоед, звѣроед, свиноед, куроед, гусоед, птахоед, сытоед, сластноед, маслоед, пирогоед; еще еси периноспал, мяккоспал, подушкоспал; еще еси тѣлоугодник; еще еси тѣлолюбител; еще еси кровопрагнител; еще еси перцолюбец, шафранолюбец, имберолюбец, кгвоздиколюбец, кминолюбец, цукролюбец и других бреден горко-

[1] ворсистих

и -сладколюбец; еще еси конфакттолюбец; еще еси чревобѣсник; еще еси грътановстек; еще если грътаноигрател; еще еси грътаномудрец; еще еси детина; еще еси младенец; еще еси млекопий,— яко же ты хочеш бѣду военника, бьючогося и боручогося, у цицки матернее дома сидячи, розсудити?

...А што ты, брате милый, знаеш? И уж ты его пиюча и едуча видел и осудил, а он зась, отшедщи с корчмы в свою келию, тот кус смачный и куфел оплакав и отжаловав, и прощение от бога приал. Яко ж ты смѣеш прежде судии суд на божиа раба чинити? Не суди ж, брате, да не осуждѣн будеши, и обрати свои очи помысла на себе самого.

Як ся усправедливиш богу с того карчмарства, которое всѣгды во адѣ чрева своего носиши и которое смачнѣйшее пиво, мед или вино коштуючи, тое горлом глытаеши, а которое ты не любо, тое подлѣйшим черевом, възницким, мысливским, давати повелѣваеши, и своего бръвена, в очах сумнѣня лежачого, видѣти не хощеши, а на порохно братнее видѣти его широко очи продрал еси. Видиш ли, што страждеши, а болезни ощупати не можеши! Тому неборакови в месяц раз трафится напитися и то без браку: што знайдет, горкое ли или квасное пиво альбо мед, тое глощет, толко бы тую поганку-утробу насытити и утѣшити могл; а по насыченю зас тръпит, в келию влѣзши, доколя ся ему другий такий празник трафунком намѣрит. А в тебе што середа — рождество череву, а што пятница, то великдень, весѣля празнованя жидовского, кроме другых, разрѣшеных дний, мовлю. А пред ся себе видѣти не хощеши, але на бѣдника хулный язык вывернул еси! А если бы и так было, жебы от бѣсов знаменого инока в корчмѣ пиючи видѣл еси! Однак день або два забавившися, зас на покуту и плач в келию бѣжит и за злые два дни 40 дний добрых намѣщает; постит, альчет и страждет, за долг грѣховный покутою платит и отмщает. А ты всѣгды в корчмѣ живеши и сам шинкарем еси: корчмы запродаеши, людские сумнѣня опоиваеши, скупостию корчемного торгу з Афраимами жидовскими людское чрево оцѣневаеши, а пред ся тое поганство видѣти не хощеши и очи суда себе не видѣти зажмурил еси.

...Не ругай же ся, бѣдниче пане, иноческому чину, сыном царства небеснаго, не ругай! Бо далеко хлоп от шляхтича розност мает. Хто ж ест хлоп и неволник? Толко тот, которий миру сему, яко мужик, яко хлоп, як поиманец, як неволник, служит, которий образ и кшталт вы, панове, носите для того, иж мира сего хлопи и неволници есте, и ему вѣк свой в службѣ аж до смерти изгубляете и сами з ним погыбаете! Хто ж ест шляхтич? Тот, которий з неволѣ мирское к богу вырнет и совышше ся от духа святого породит, по Иоану: «Елици же,— рече,— приаша его, даст им власт чадом божиим быти, вѣрующим во имя его, иж не от кръви, ни от похоти плотскиа, ни от похоти мужескиа, но от бога родишася». Видиш ли шляхетство вѣры нашее! Которий от бога ся породит, тот ест шляхтич. А вы сопротивно перевернули всѣ писма в той безбожной земли и, от кръви и похоти, от смрада родячиеся, пошляхтѣли и попышнѣли есте и божиих рабов поругаваете! Молю теды вас, того ся обычая останте и покаание за зле пожитое времѧ учинѣте, а бог мира да вам поспѣшит и поможет. Аминь.

О иноческом чину реклося досыт; зась о очищению церкве, доканчаючи, речем. Празничные ярмарки, што вы зовете съборами, очистѣте, як в Жидичинѣ и в Горах Святого Спаса, зане же ест мръзско богу, иж диавол

вмѣсто его чести и хвалы под титулом божиим собѣ чинит вшетечеиствы и пияиствы и торгами купецства,— ибо рече: «Дом мой, дом ест молитвы, а не вертепу и корчмы и ярмарку». Празник бо ест твой таковый не христианский, але диаволский. Коляды з мѣст и з сѣл ученнем выженѣте; не хочет бо Христос, да при его рождествѣ диаволские коляды мѣстце то мают, але нехай собѣ их в пропаст свою занесет. Щедрый вечер з мѣст и з сѣл в болота заженѣте, нехай з диаволом сѣдит, а не с христиан ся ругает. Волочѣлное по воскресении, з мѣст и з сѣл выволокши, утопѣте; не хочет бо Христос при своем воскресении славном того смѣху и руганя диаволского имѣти. На Георгия мученика празник диаволский на поле изшедших сатанѣ офѣру танцами и скоками чинити разорѣте; гнѣвает бо ся на землю вашу Георгий мученик, што нѣмаеш христианина православного, которий бы руганье тое диаволское очистити и изгнати могл. Пироги и яйца надгробные в Острозѣ и где бы ся то знаходило упразнѣте, да ся в христианствѣ тот квас поганьский не знаходит. Купала на Крестителя утопѣте и огненое скаканя отсѣчѣте; гнѣвает бо ся Креститель на землю вашу, што ся на день памяти его попущаете диаволу ругатися вами з вас же самых. Петр и Павел молят вас, если хочете от них ласку мѣти, да потресбите и попалите колыски и шибеницѣ на день их, чиненые по Волыню и Подолю и где бы ся толко тое знаходити мѣло; мрзко бо им на землю с небеси смотрѣти на тое диаволское позорище христианским людем збираючися. И другие прелести, которие бы были, очистѣте и тое писане всѣм по ушу пропустѣте.

ВЕЛМОЖНЫМ ИХ МИЛОСТЯМ, ПАНОМ АРЦИБИСКУПУ МИХАЙЛУ И БИСКУПОМ ПОТѢЮ, КИРИЛУ, ЛЕОНТИЮ, ДЕОНИСИЮ И ГРИГОРКУ СОВЫШШЕ ПАМЯТ ПОКАЯНИЯ, СТРАХ ГЕЕННЫ И БУДУЩАГО СУДА НИЗПОСЛАТИСЯ ОТ ВСЕВИДЯЩАГО ОКА ТРОИЧНАГО БОЖЕСТВА, ОТЦА И СЫНА И СВЯТОГО ДУХА, ИОАН МНИХ З ВИШНѢ ОТ СВЯТОЕ АФОНСКОЕ ГОРЫ УСЕРДНО ВАМ ЗЫЧИТ[а]

...Покажите ми убо, о згоду вяжучии, где который з вас первый стопен сам собою выполнил и в вѣрѣ, основаной в непорушенном фундаментѣ, со исполненными заповѣдми ся знашол? Не ваши милости ли вѣру дѣлы злыми наперед еще разорили? Не ваши милости ли прагненя лихоимства пѣнежного и достатку мирского жерело похотий в собѣ роспустили и насытитися никакож не можете и еще болшею алчбою и жаждею, свѣцких достатков прагнучи, оболѣли есте? Покажѣте ж ми, о згоду вяжучии, где который з вас, в мирском житии будучи, оных шест заповѣдей, от Христа узаконеных, сам собою исполнил, то ест алчных прекормил, жаждных напоил, странных упокоил, нагих одѣял, болным послужил, в темницах навежал? Не ваши милости ли тых шест заповѣдей не толко в мирском

а «Посланіс» до єпіскопів-уніатів (1597 або 1598 р.) належить до найкращих творів Івана Вишенського. Ця гостра сатира на «владик» церкви, що готові були на будь-яку угоду з польськими магнатами і римською церквою, аби здобути мастки та привілеї для себе й своїх родичів, є одним з найяскравіших творів старої літератури по силі правдивого зображення пануючих верств.

чину разорили есте, але и нынѣ, в мнѣмаючемся духовном, непрестанно разоряете?

Не ваши милости ли алчных оголоднѣваете и жаждными чините бѣдных подданых, той же образ божий, што и вы, носячих; на сироты церковные и прекормлене их от благочестивых христиан наданых лупите и з гумна стоги и обороги волочите; сами и з своими слуговинами ся прекормлюете, оных труд и пот кръвавый, лежачи и сѣдячи, смѣючися и граючи, пожираете, горелки препущаные курите, пиво трояковыборное варите и в пропаст несытнаго чрева вливаете: сами и з гостми ся своими пресыщаете, а сироты церковные алчут и жаждут, а подданые бѣдные и своее неволи рочнего обходу удовлѣти не могут, з дѣтми ся стискают, оброку собѣ уймуют, боячися, да им хлѣба до пришлого урожаю дотягнет.

Где который з вас странных в дом ввел, упокоил, ублажил, ноги авраамски страннику умыл? Не ваши милости ли сами нынѣ у мнимаючимся духовном чину из странных ся ругаете, хулите, поносите, ненавидите, злословите, клевещете? Што ся показало с тых уст, смродливую згоду вяжучих, которые тым духом ругали, мовячи: «А што ж сут, патриархи или кгрецкие владыки? Жебраки, волоцуги, змаменники!»[1]. Видите ли вашого мудрованиа странноприимство!

Где есте нагих одѣвали? Не ваши милости ли сами обнажаете, из оборы конѣ, волы, овцѣ у бѣдных подданых волочите, дани пѣняжные, дани пота и труда, от них вытягаете, от них живо лупите, обнажаете, мучите, томите, до комяг и шкут[2] безвременно, зимою и лѣтом, в непогодное время, гоните,— а сами, як идоли, на одном мѣсцу присѣдите или, если и трафится того трупа отидолотворенного на другое мѣсце перенести, на колысках, як бы и дома сѣдячи, безскорбно преносите, а бѣдные подданые и ден и ноч на вас трудят и мучат; которых кров, силы и праци и подвига выссавши и нагых в оборѣ и коморѣ учинивши, вырванцов ваших, вам предстоящих[3], фалюндышами, утрфинами и каразиами[4] одѣваете, да красноглядством тых слуговин око накормите, а тые бѣдные подданые и простое сермяжки доброе, чим бы наготу покрыти могли, не мают! Вы их пота мѣшки полны грошми золотыми, талярми, полталярки, орты, четвертаки и потройными напыхаете, сумы докладаете, в шкатулах мѣсца, где бы которой особѣ с тых помененых годное было почивати, росправуете, а тые бѣдници шелюга, за што соли купити, не мают.

Где есте болным послужили? Не ваши милости ли болных еще сами от здоровых чините, биете, мучите и убиваете? Пощупайся тылко в лысую головку, ксенже бискупе луцкий, колко еси за своего священства живых мертво ко богу послал, одных сѣканою, других водотопленою, третих огнепалною смертю от сея жизни изгнал? Так розумѣю, иж памятаеш, ваша милость, всѣх тых, если схочеш покаятелное исповѣди правду отригнути. Воспомяни и Филипа, маляра многопѣняжного. Камо тые румяные золотые по его неволном отходѣ остались и в чием нынѣ везеню седят?

Где есте в темницах посѣщали? Не ваши милости ли в темницах за правду затворяете и бѣды людем христианским терпѣти еднаете? Не ваши милости ли и Никифора добре посѣтили и в темницу затворити ис-

[1] обманщики [2] поромів і барж [3] слуг [4] роди сукна

ходотаили есте, яко да со лжею беспечне пануете и обличениа на свое отступление со папою своим от оного уст не относите? Але так вѣдайте, если и язык человѣчий умолкнет, але зрител видит от горѣ долних, и узрите все свое нынѣшнее тогда, егда, тайнство жизни сея выполнивши, в страну будущаго вѣка отидете. Тогда все ся вам тое откроет, чого нынѣ ощупати и видѣти (за окраденям слѣпоты мира сего и славы его) не можете.

... Покажѣте ми, о згоду вяжучии, где который з вас оставил дом, села, имѣния, маетност, сородство и мирское житие господа ради. Не ваши милости ли того ради и бискупства ся докопали, яко да сокровище болшее имѣней, маетност, скарбов пѣняжных и прибытков в церкви божой знайдете, слуг личбою двояко и трояко, нежли перво есте мѣли, умножите; славою вѣка сего коронуетеся, в достатках беспечалных и роскошных, як в маслѣ, плываете, дочки богатым вѣном бискупским обвѣнуете, зятей панами пышногордшими почините и своих повинных церковным, сиротским, убозским и слѣда христова держачихся добром обогатѣли есте, титулы им славнѣйшие у свѣта сего починили есте, от войских на подкоморих, от подкоморих на судѣй, от судей на каштеляны, от каштелянов на старосты, от старост на воеводы переворочаете?

Покажѣте ми, о згоду вяжучие, где который з вас тот конечный степень петрова гласа исполнил: «Се мы,— рече,— оставихом вся и вслѣд тебе идохом,— что убо будет нам», слышавше от учителя, яко неудоб богатии вниидут в царство небесное. Не ваши милости ли болшей нынѣ маете, нежли перво есте имѣли, и богатшими и пышнѣйшими есте, нежли перво есте были? А если неправду мовлю, отвалѣм тот надгробный камен и узрим явно все житие ваше першее в мирском стану и нынѣ рекомо в духовном, хто што перво был и что имѣл и хто тепер ест и што мает.

Начну ж от мирославнѣйших. Перво его милость каштелян Патей, если и каштелянства титул догонил, але толко по чотыри слуговины и во одежди, якая барва вомѣститися могла, за собою волочил, а нынѣ, коли бискупом зостал, перебѣжит личба и десятковая и барва скупо-дорожшая и славнѣйшая. Так же и его милость арцибискуп, коли простым Рогозиною был, не знаю, если и два слуговины переховати на службу свою могл, а нынѣ личбою перебѣжит и десяток, барвою ровно с першим. Так же и Кирило, коли попом простым был, толко дячка за собою волочил, которому кермашами пирожными[1] заплату чинил, а нынѣ, коли бискупом зостал, догонит слугами и барвою первых. Так же холмский, коли в Луцку жил, саксоном и майдебурским правом свое черево кормил, а нынѣ, коли бискупом зостал, мусит быти и слуговин собѣ набыл. Так же и Григорко, коли дворянином Рогозиным был, и хлопчика не мѣл, а нынѣ и тот тепер, коли бискупом зостал, в черевѣ ширший, в горлѣ сластолюбнѣший, в помыслѣ высочайший, в достатку богатший и в слуговинах доволнѣйший. А пинского в первом житию не знаем; але по нынѣшнем показуется, што и тот, як и другие, так же единою бо вижу, яко не вслѣд Христа, но вслѣд свѣта сего пелгримацию всѣ вышреченные трудят [a].

[1] пирогами відпустовими

[a] Вишенський перелічує церковних діячів, які сприяли поширенню унії: відомого Іпатія Потія, митрополита Михайла Рогозу, Кирила Терлецького — єпископа луцького, Діонісія Зборівського — єпископа холмського, Григорія Загоровського — єпископа полоцького й пінського єпископа Леонтія.

Тут теды вас вопрошу в докончею тых пяти стопней. Покажѣте ми, о згоду вяжучии, откуду есте тое годности вѣрою шафовати доспѣли, коли плоды вѣры сами собою есте разорили и самую вѣру обесчестили и поругали. Не видите ли, нендзные мудрцеве, што рек Христос: «Если хто не отречется себе и своея душа, не может быти мой ученик»? А коли не может быти его ученик, як же тот вѣры познати тайнство может? А коли вѣры тайнство познати не может, як же таковый вѣрою шафовати смѣет? Видите ли, згоду вяжучие, вашу самых вѣру, яко воскресению мертвых не вѣруете! Видите ли вашу смѣлост, яко во отчаяние воверглися есте! Видите ли вашу слѣпоту, яко во погибел миролюбия угрязли есте! Видите ли вашу премудрост, яко во прелести вѣка сего утонули есте! Видите ли ваш подвиг, труд, ревност и тщание, яко да настоящаго вѣка благая погоните, о будущаго же памят, теплоту, страх и боязнь уморили есте! Як же ся вы духовными, а не толко духовными, але и вѣрными звати можете, коли брата своего, во единой купели крещения — вѣрою и от единое матере — благодати ровно з собою породившагося, подлѣйшим от себе чините, уничижаете и ни за што быти вмѣняете, хлапаете, кожемякаете, сѣделникаете, шевцами на поругане прозываете? Добре, нехай будет хлоп, кожемяка, сѣделник и швец, але воспомянѣте, як брат вам ровный во всем ест. Для чого? Для того, иж во едино треипостасное божество и одным способом з вами ся крестил, и одною благодатию и даром вѣры облечен ся стал, и одною печатию духа святого на христианство запечатан ест. А подвигом и вѣрою дѣлною, если ж и одного отца и матере, вѣры и крещения есте, может быти кожемяка от вас лѣпший и цнотливший. Откуду то познаемо? Оттуду: два сынове были у одиного отца Исаака и матере Ревеки — Иаков и Исав; Иаков же был лѣпший и цнотливший, хоч молодший, а Исав зас горший и подлѣйший, хоч же старший. Ато чему? Для того, иж Иаков богу угодил и благословение приял, а Исав чрево и похоть над благословение божие предпочтил и от бога отвержен был. Пытаю теды тебе, ругателя имени, чим ты лѣпший от хлопа. Албо ты не хлоп такий же, скажи ми! Албо ты не таяж материя, глина и персть, ознайми ми! Албо ты не тоеж тѣло и кров! Албо ты не таяж жолчь, хракотины, слина и тлѣние! Или ачей ты от камене утесан и немаеш кишок и слюзу хлопского в собѣ, ознайми ми! Или ачей ты костяный, так, без тѣла, родился еси, дай ми знати о том! Зас пытаю тебе и не оставлю, пытаючи, чим ты лѣпший над хлопа,— повѣж ми и свѣдоцтво дай, не гордую хулу и дмение, але божественнаго гласа писанием покажи. А егда показати не можеши, яко ты каменный, костяный или навет и золотый, толко такий же гной, тѣло и кров, яко и всяк человѣк, чим же ся ты лѣпшим показати можеши над хлопа? Явно, яко ничим другим, толко хулою и величанием гордости пред человѣки, а пред всевидящим оком — окаяннѣйший и всѣх тварей безчеснѣйший еси. «Всякое бо,— рече,— высокое во человѣцѣх мерзко и нечисто ест пред богом». А коли ты показати то не можеши, яко ты лѣпший над хлопа, а сам ся гордостию чиниши, як же ты духовным или навет и християнином простым зватися можеши? Видите ли, як дух антихристов, ваши мѣхи надув, и усты гордо дыхает и рыгает. Видите ли, яко не толко духовными, але ани простыми християны зватися вам не годит и не достоит. Ато чему? Для того, иж на Христа самого и учение его борете, плотским рождением, славою и богатством хвалите и духовными

пастырми быти называете, а братию свою и христову подлѣйшими от себе и не толко подлѣйшими, але и ни за што их пред своею гордостию быти розумѣете. Того ради показати то не хитростию речництва, але божественным писанием хощу, як не естесте не толко духовные, але ниже простые христиане, и хто вас христианами звати бы хотел, и тот не ест христианин.

[...Але когда добрый владыка на проповѣд выбрал простых хлопов, смиренных нищих, беззлобивых рыболовов, кожемяк и тым церков свою поручил, в шафунок спасение человѣческое, досвѣдчивши их быти вѣрными, злецил[1],— так же властие и патриарха, слѣда христова держачися, учинил; тым, которых быти не еретиками, не отщепенцами, не развратниками благочестия досвѣдчивши, церков христову и своего пастырства моц строения злецил и як ей хранити от ереси антихристового учения научил, и Анны и Каифы оставил, архиерее, широкореверендные[2] и на лектыках[3] колышучиеся, пренебрегл, а бискупи, саки по Римѣ гонячие, ни за что быти и розумѣтися осудил. Видите ли, яко патриарха слушне и пристоїне учинил, як на простых вѣрных, свѣтских людей, православных христиан церков христову вложил и строение в ней поручил. Але вы, бискупи, по тому вашему обличению што учините, вержетеся, вѣм, зас до того надыманя[4], мовячи: тые хлопи простые в своих кучках[5] и домках сѣдят, а мы пред ся на столах епископских лежимо; тые хлопи з одное мисочки поливку албо борщик хлепчют, а мы пред ся поколко десят полмисков, розмаитыми смаками уфарбованых, пожираем; тые хлопи бетцким албо муравским кгермачком[6] ся покрывают, а мы пред ся в гатласѣ, ядамашку[7] и соболѣх шубах ходимо; тые хлопи сами и панове и слуги собѣ суть, а мы пред ся предстоящих барвяноходцев[8] поколко десят маемо; перед тыми хлопи нѣхто славный шапки не здоймет, а перед нами и воеводы здыймают и низко кланяются. На тое кокошене[9], панове бискупи, вам отповѣм так: архиерее они, Христа убившие, подобные вам, не на мѣстах ли епископских седѣли так же, яко и вы, але хлопи христовы лѣпшие от них были и нынѣ суть; они чрево не так же ли ладовали, якож и вы, але хлопи христовы, алчющие правды, лѣпшие от них были и нынѣ суть; тые трупи не так же ли мякко и коштовне убирали, якож и вы, але простые христовы, одноризные, лѣпшие от них были и нынѣ суть; тые предстаки христовы, стоящими не так же ли ся были окружили, яко ж и вы, але хлопи христовы, самослужные собѣ, лѣпшие от них были и нынѣ сут; тых Пилаты и Ироды не так же ли почитали и перед ними уклякали, як же и перед вами, але хлопи христовы, гоненые и оплюваные, обесчещенные, поруганые, смѣяные, битые и убитые,— лѣпшие и цнотлившие и славнѣйшие от них были и нынѣ сут. Так же и вы, панове бискупи, сѣдите на мѣстах епископских, але на достойнствѣ и учтивости не сѣдите; селами владѣете, але вашими душами диавол владѣет; пастырами ся зовете, але есте волки; священными ся зовете, але есте прокляти; епископами ся именуете, але есте мучители; духовными ся быти розумѣете, але есте поганци и язычници; хвалитеся, павловым словом боронячися, попом благочестивым и мовите, як вы попи, а мы епископи, не ко попом, мовит, речено:

[1] доручив [2] реверенда — попівська ряса [3] на ношах [4] погорди [5] хлівах [6] грубі сорти сукна [7] дорогі тканини [8] ліврейних слуг [9] пишання

«Внимайте себѣ и всему стаду, в нем же вас дух святый поставил епископы пасти церков господа и бога», але ко епископом.

Тут ставши, буду вас пытати силы того слова. Приидѣте, приидѣте, вси позорищници, на видѣние духа антихристова гласа и узрите его, як ся будет румянѣти и соромѣти, коли его сонце праведное пригрѣет и обличит! Пытаю вас, лживые бискупи, чим ся вы хвалите,— чим не были, ни естесте и николи не будете. Скажѣте ми тое первое голое слово, Павлом реченное, что ест «внимайте себѣ» и кую силу тое внимание мает, а потом и до духа святого, ставящаго епископы, поступимо. Але вѣм, о том вниманю не толко вы, богочревци, але и всѣ философи мирские, посполу з вашими машкарники исусоругателми, то ест зовемыми езуиты, сложившися, силы-того слова «внимайте себѣ» ознаймити ми не можете,— развѣ не мовлю истинного богослова, в пустыни искус безмолвным претерпѣвшаго, бѣсы мыслѣно преборовшаго и ко богу око душевное прозрѣти проочистившаго, плоти и крови совлекшагося, от такового толко силу того «внимай себѣ» услышати могу, а от богокорчемника и мудръца, в миру пресловутого, никакож. А коли того первого слова не знаете, чим же ся вы над попы превозносите и станом епископским славити смѣете? Пытаю зас, дух ли святый вас поставил епископы пасти церков господа и бога или дух антихристов пасти чрево и множити несытое лихоимство. Не явно ли всему свѣту, яко самого преисподнего Велиара дух вас поставил и его жертовное лакомство! Чим же ся вы над попов православных вышшими во спасении душевном чините? Вѣм, яко вышшие есте, и я вам признати мушу, але чревом роскошнѣйшим и горлом сластолюбнѣйшим, и помыслом пышнѣйшим, и лихоимством несытѣйшим. Тым есте вышшии от попов православных, а не спасением душевным! А спасением душевным не толко от попов, але и от простых свѣцких православных так далеко меншими и послѣднѣйшими есте, яко из Иерусалима до Рима и далѣй. И хвалитеся тым титулом епископским, а не достоинством, мовячи, яко не имают власти духовенство православных (егда с предѣлов законных выступите и от жоны власное своее, церкви вѣры восточное, до курвы римское на блуд отбѣгати хочете и оную вшетечницу, наблудившися там з нею, и еще тайно до чистаго ложа облюбеницѣ церкве христовы приволокати изволите) вас низлагати, измѣтовати и кляти. Так вѣдайте, не толко очи здоровые ока гнилого усмотрити и осудити могут и власт имают, але и само тѣло церковное, то ест простые християне, по Христову гласу, сквернонаучника изверечи, осудити и прокляти власт имают, да не с тым блазненым оком, или пастырем, в геенну внийдут. А священници православное вѣры, поборници благочестия, в своем степени неподезренные, таковую силу, власт и началство имают правду евангелскую боронити и о ней ся до крове заставляти, яко же сам Христос и апостоли его и прочии. И аз убо, многогрѣшный мних Иоан, первей вас навпоминаю, да ся ко богу обратите и покаяние за дерзнутое вами и другого злого жития, плоды достойные показавши, сотворѣте. А если не хочете, проклинаю вас от отца и сына и святого духа, да есте прокляти нынѣ и в будущий вѣк. Амин.

...Пытаю вас зас о той послѣдней добродѣтели, покажѣте ми, о бискупи, хто давал за вами свѣдителство от внѣшних, як есте на той степень достойни и як есте житием добрым исполнили всѣ тые добродѣтели, Павлом реченные. «Подобает бо,— рече,— ему и свѣдителство имѣти от внѣш-

них, да не в поношение впадет и в сѣть неприязнену». Хто ж давал за вами свѣдителство от православных, скажѣте ми? А если показати не можете или не хочете, тогды я вам показати хочу, хто давал за вами свѣдителство. Первое вам посвѣдчили румянцѣ, то ест чирвоные золотые з бѣлыми великими таляры, полталярки, орты, четвертаки и потройники. Ато як? Ото так, што славнѣйшим секретаром и рефендаром, похлѣбцям и тайным лгаром его кролевской милости, абы ся причинили и свѣдчили, яко годный человѣк на панствованя бискупских доходов и пожитков и своволного и вшетечного мешканя на тых имѣнях и селах, бискупству належачих, за которую причину тому, особѣ, завивши в папѣрец сто или як ся трафит чирвоных золотых, в руку тыць, другому зас тых же шафранцюв очелюбных, завивши так же, в руку тыць; одправивши же румянолюбцув, потом ступѣмо до понеславнѣйших особ, тым зас, ворочки[1] понаполнявши, овым — великих бѣлых таляров, овым — зас полталярков, овым — ортов и четвертаков, тому в руку тыць, овому тыць и сему тыць, а писародрачѣ юж не бракуют и потройники з грошами берут и дерут. Тые ходотае, панове бискупи, за вами свѣдчили, яко есте годни на своволное житие сел епископских; свѣдчил зас поклон, нѣкоторая тисеча чирвоных в кишеню кролевскую; а до того свѣдчило вам ваше злое сумнѣня, иж есте ся обѣщали вѣры отврещися и антихристу поклонитися, што и скутком есте постигли и желаемое исполнили. И учинивши тое плодоносие, мовите, яко не имают власти православные епископы, священници и общий народ вас прокляти. Мают и мают, небожата, и юж есте прокляти и геенну вѣчную запевно наслѣдуете, если ся не покаете. Волно вам не вѣровати, але умры тылко, тогда узриши, если лгу или правду мовлю. Видите ли, нендзнороскошници, где заплынули есте. Видите ли, яко на глубокий вир, римскую прелест, натрафили есте, в которой вѣчно утонути мусите, если ся не покаете...

КРАТКОСЛОВНЫ ОТВѢТ ФЕОДУЛА, В СВЯТѢЙ АФОНСТѢЙ ГОРѢ СКИТСТВУЮЩАГО, ПРОТИВ БЕЗБОЖНАГО, ЛЖИВАГО, ПОТВАРНАГО, И НАСТОЯЩАГО ВѢКА ПОГАНСКИ, А НЕ ЕВАНГЕЛЬСКИ МУДРУЮЧЕГО ПИСАНИЯ ПЕТРА СКАРГИ[а] О РЕЧЕННОМ РЯДЕ И ЕДНОСТИ КОСТЕЛА БОЖИЯГО ПОД ЕДНЫМ ПАСТЫРЕМ И О ГРЕЦКОМ И РУСКОМ ОТ ТОЕ ЕДНОСТИ ОТСТУПЛЕНИЮ[б]

...Там бовѣм на оном вселенском позорищи пред Христом все станем и тогда скутком узрим, кто будет лучший — латына ли или грѣки с Русью. Пусть нынѣ латыня фарисейски хвалит, пусть в богатьствѣ с оным богатым гобзуют, пусть во славѣ князем вѣка сего возносят, пусть в розмножению земной чести и достоинства с поганы ширят и множат, а мы, православныи, терпим, а мы похулени, поруганы и посмѣяны будем, а мы, стискаеми, убожимо и алчемо, а мы смиряймо ся и понижаймо, а мы

[1] торбинки

[а] Петро Скарга — видатний агент Ватікану у Польщі XVI ст., єзуїт, проповідник, заклятий ворог «православія», агітатор за «унію».

[б] «Краткословный ответ Феодула» написаний Вишенським з доручення александрійського патріарха Мелетія Пігаса як відповідь на книгу єзуїта Скарги «O rządzie i jedności kościoła bożego» («Про єдність церкви божої») і має застерегти православне українське населення від впливу відомого пропагандиста унії.

не погоршимося, если и во умаление приходимо, но благодарнѣ сей крест нѣсимо. Скудно бо есть благое и мало спасаемых и избранных, и во малѣх спасение обрѣстися хощет; «не бойся бо, рече, малое стадо, яко отец небесный благоизволил вам дати царство небесное». И убо если бы нас с то стало, дабы естесмы любопрителнѣ[1] на ту ложь латынѣ отвѣщали и латыню спором преперли, ничего ни нам, ни им пожитку ни единого не принесет, только звaду и вражду болшую еднает, ибо латыню и сам Христос, а не только мы, не увѣрим. Уже бо в конец в том певѣрию заматерели, уже бо в конец в миролюбии утонули, а для того оставимо их ратовати и с той погибели миролюбное извлекати, да не и сами с ними погрязнемо и утонемо,— яко то случилося иншим епископом, досвѣдчили есте. Себѣ стережимо, о собѣ старание чинимо, да не во вѣцѣ сем потоплени будем и вѣчнѣ погинѣмо. А до того и Христос и апостоли, паче же Павел прения о вѣрѣ и законѣ с неуврачеванными возбраняют нам, свинским нравом бисера пометати не повелѣвают; Павел к Титу и коринфом тако рече: «Буя же стязания и родословия, и прения, и свары законныя отступай; суть бо не полезна и суетна» и «аще кто любо препирателен мнится быти, мы таковаго обычая не имамы, ниже церкви божия»; ино: «Еретика человѣка по первом и втором наказании отрицайся, вѣдый, яко развратися, таковый есть самоосужден; Иоанн Богослов: «Аще кто приходит к вам и сего учения не приносит, и не приемлите его и радоватися ему не глаголите» и прочая. Досыть нам на том, коли мы правовѣрни и православни! Досыть нам вѣдати о собѣ и о своих нам единогласных и присных! Тѣх утвержаймо и воспоминаймо вѣдомостью нашего православия, писанием, наукою, друкованием книг, училищи и довольствы от избытков наших. А латыню совсѣм навсѣм оставимо; ни ся их о чем, яко мнящихся мудрых, ани како же пытаймо, ни их науки и лжеправославия на искушение слушаймо, ниже их хитрости на наше цвечение и полерование[2] учимся, ниже их власти и начальства страшимося, ниже их размножению и разширению чюдимся! Да будут они како суть! Мы же будем пред очима их, по Евангелию, прости, глупы и незлобивы. Досыть нам спасти нас самых. Единако же, абы не разумѣла латыня, яко не можем познавати прицукрованое лжи сладкословия их, рядом идучи писания Скарги, начавши от предмовы королевское до третьего раздѣлу, гдѣ показует знаки, по чему познавается правдивая церковь божия...

...Не смотри на то только, яко сладко пишут и сладкие рѣчи ставят, да смотри, если правда в них сѣдит и над ними зверхность имѣет. Обычай бо есть латыне, мирское и поганское хитрости в том уживаючи, так сладко а сладко говорити, писати и речь, лжу покрываючи, умножати и уфарбовати, от которого же увѣривания мало их угонькнет. Все бо видѣли и видят — которые на потупление вѣчное годни во тѣх сѣтѣх лжеправославия их увязают. То бо их есть и ремесло: поганское науки баснословием, орациями, похвалами и похлѣбствы смачными слабоумных и ненаказанных[3] прельщати. Чего бѣгает и бѣгати велит? Евангельское правды. И Павел, сопоспѣшник и поборник евангельских речей,— «Премудрость бо мира сего буйство есть пред богом... Но не во словеси царство божие,— рече,— но во силе». И я бо нѣкогда во той пробѣ был и сам своим слухом

[1] з охотою до сперечань [2] напоумлення й очищення, лощіння [3] ненавчених

латынского оратора свѣдчил. Для чего кротко, тихо хочю припомнити,— абы есте от таковых мѣдовных слов, в которых трутизна живет, пилно стереглися — то, что латынский оратор, достоiнством сана мистр[1], имѣл дружбу со мною в Луцку и не утаил тѣлесное пожадливости предо мною, которою звитяжен был, ато как блуда от цнотливые девицы прагнул и не могл повабками того себѣ зеднати, абовѣм цвѣтный был. Яко же до того пришел? Ото так, повѣм ти: рѣчьми сладкими и бесѣдами прельстил девицу и тѣм словесным похлѣбством цноту девицы ведоме украл. Которые рѣчи его в залецанию чинение на змамение[2] девицы, коротко ти припомену, пилне послушай! Начал девицу называти солнцем, яко подобно тому сличностью красоты свѣтит; начал звати златом и сребром, яко рутяность з бѣлостью в лице цветет; начал звати каменем дорогим шанфѣром[3] и дияментом, яко променистое лицо от крове ея показует; тѣми и большими баснями и лжами девицу, яко масло, на блуд ростопил, которая и, шпетности забачивши, тѣм сладким похлѣбством уловлена будучи, цноту стратити произволила. Не явна ли то ложь, яко та девица не была ни солнцѣ, ни злато и сребро, ни каменне шанфер и дияментом, а вжды слабоумна, тоей смачной лжи увѣрила, и во похвалном смаку блядословном[4] увязла, и мысль царствующую погрузила. Которой неволник-тѣло по нуждѣ: на што воля мысленная пропзволит, на добро ли пли на зло, послѣдует. Тако тогда и ты, любимый прочитателю, пилне смотри латынской мудрости духа, коли себѣ и своих во своем писанию хвалит, баснями красными свѣдоств звѣрхных, а не плодов евангельских, подпирает, шикорокорѣчнѣ и доводнѣ богословным оцукрованием помащает. Тогда ко Евангелию прибѣгни на пробу, еже Христос рече: «Яко от плод их познаетѣ их» и «не всяк, глаголяй ми «господи, господи», внидет в царство небесное, но творяй волю отца моего, иже есть на небесѣх».Видиши ли, яко не от речей самохвалных, но от творения воли отца небеснаго познавается правдивый християнин, и не во словесѣх, а в силѣ учинку живет евангельская правда. Прето тогда, держачися той пробы, и тѣ да ты не от бога слова мирские ксенза Скарги, на знаменье[5] руского народа улепление, которые я тебѣ кротко от тѣх первых раздѣлов показати хочю, лацно лжу, любимый прочитателю, познати можеш. О сем довольно.

С предмовы до кроля ксенза Скарги вѣрш

Яко богатшая Русь книжки, повыкупивши, попалила, и уже приводит короля, зелецает и хвалит, абы руский народ властию свѣцкою от православной вѣры на папѣжство притѣк, указуючи ему залѣцанный пожиток, ато яким способом справити может: абы народу руского вольности, а свое сумнение и присягу сламал, и ни до единого достойнства и преложенства, если до латыни не приложатся, руский народ припусщен не был. Зри жь ту судом здравым мысли, любимый прочитателю, того ходатая зовемого исусового живота, проповѣдника евангельского — не лживый ли то таковый исусов живот, а не фальшивая ли то наука и проповѣдь, а не евангельская правда? Гдѣ то во Евангелии и апостольской науке начитал, яко да лжет на християнина, да и на жида и поганца? Не сам ли Христос рече: «Да будет у вас еже «ей, ей», еже «ни, ни», а еже излишнее — от не-

[1] майстер, учитель [2] обдурення [3] сапфіром [4] обманному, пустослівному [5] обман

приязни есть». Присмотритеся первому излишнему слову того езуита, яко богатшая Русь, книжки его повыкупавши, попалила. А коли первое слово лжею и на лжи основано есть, найдешь и познаешь уже усюды, путем повести идучи, если и вмѣсто правды уфарбованную — еднак, яко лжа есть, лжу ощуплеш и зрозумѣеш. То первая ложь, яко безыменно злочинцу руского положил — только «богатша Русь», а не знати хто. Второе: потвар, яко от зависти и гнѣва на народ руский, хотяй его обмерзити пред властию, ту ложь смыслил и без стыду, не могучи того гнѣва, во сердци гнѣздящагося, уморити, усты наявно отригнул, по в Евангелии реченному: «Яко от преисполнения сердечнаго, рече, глаголют уста его». Третее: злое сумнение и яд убийственный гнѣва, яко гвалтом правовѣрных до латынства власти свѣцкой приводити понуждает; чего ни один кроль з первых кролев важитися не смѣл, то нынѣ езувита тѣ пожитки в земли вольной и спокойной будует, то есть — згвалчение сумнения королевскаго, замѣшание, неприязнь и злоречение на стан королевский от всего посполитого человѣка и еще — погибель вѣчную королю, яко да от добра человѣка тираном ся учинит. Правду, ей, рекл в похлѣбствѣ своем до кроля, Скарго, молвячи, яко на затрудненые часы и на дивные люде вашей королевской милости панство пришло. О, воистину на затрудненые часы! И я тебѣ признаю,— коли с правдивого кроля тиранна учинити хочеш! О, воистинну на дивные люди — тебѣ самого от всѣх дивнѣйшаго,— коли во мѣсто правды лжу в земли вольной фундуеш и во мѣсто покою на том фундамѣнте ложном гвалт и тиранство будуеш! Спытай же его тут, любимый прочитателю, тым способом: То ли твоя проповѣдь, езувито, якова лжеши, то ли твоя проповѣдь, Скарго, якова силою и мучительством, а не покорою и наказанием кротким спасение мое правдивое мнѣ от мене выдрешь и в поганскую згоду, от тѣснаго пути слѣда, ведущаго в живот вѣчный, притягнеш, то ли твоя правдивая наука, езувито, яко да властию свѣцкою евангельскую проповѣдь змочняеш и чего Евангелием зъеднати себѣ не можеш, то тиранством справити старание чиниш?...

СИЕ ПИСАНИЕ ЗОВЕТСЯ ЗАЧАПКА МУДРАГО ЛАТЫННИКА С ГЛУПЫМ РУСИНОМ В ДИСПУТАЦИЮ, А ПОПРОСТУ ГЛАГОЛЮЩИ, В ГАДАНИЕ ИЛИ БЕСѢДУ: ВОПРОС И ОТВѢТ ПОСЕМ ОТВѢТ СКАРЗѢ НА ДВА АРТИКУЛЫ[1], В КНИЖКАХ ЕГО (О ОТСТУПЛЕНИЮ ГРЕКОВ И РУСИ ОТ ЛАТИНСКАГО КОСТЕЛА, З ДРУКУ ВЫДАННОЙ) ИМЕНОВАННЫХ. ЕДИН АРТИКУЛ ХУЛНЫЙ НА ГРЕЦКИХ УЧИТЕЛЕЙ, ИЖ ОТ ЗАЗРОСТИ НЕ ПОДАЛИ РУСКОМУ РОДУ, В СЛОВѢНСКОМ РОДѢ, ПИСМѢ И ЯЗЫКУ ЖИВУЩЕМУ, СВОЕЙ НАУКИ. ДРУГИЙ АРТИКУЛ САМОХВАЛНЫЙ, ИЖ ЩАСЛИВЫЙ КОСТЕЛ ЛАТЫНСКИЙ, ЯКО ВСЮДЫ В ПАПЫ РИМСКОГО ПОСЛУШЕНСТВѢ НАУКИ И ШКОЛЫ ФУНДОВАНЫ СУТЬ[a]

...По сем по простотѣ нашего благочестия вѣры, боячися жебы есте дѣти свои хитростию и ересию латинскою не отравили и не поморили, залецаю[2] вам, православным, правовѣрную школу и пораду даю, чого ся учити имѣют, чтобы дѣти ваши спасли и по вас благочестие задержали и хри-

[1] розділи, пункти [2] раджу

[a] «Зачапка» — твір полемічний, скерований, як і «Краткословный отвѣт Феодула», проти твору Скарги,— підносить між іншим, питання про роль слов'янської мови як зброї в боротьбі з римсько-католицькою пропагандою.

стиянство своей вѣры не стратили: в первых, ключь, или грецкую или словенскую грамматику, да учат; по грамматицѣ же во мѣсто лживое диалектики (з бѣлого черное, а з черного бѣлое перетворяти учащее) тогда да учат богомолебного и праведнословнаго Часословца; во мѣсто хитрорѣчных силогизм и велерѣчивое реторики тогда учат богоугодно-молебный Псалтырь; в мѣсто философии надворное и по воздуху мысль разумную скитатися зиждущее тогда учат плачивый и смиреномудривый Охтанк[a], а по нашему, церковнаго благочестия догматы,— Осмогласник; таже конечное и богоугодное предспѣяние в разумѣ — дѣлное богословие, тогда учат святую евангельскую и апостольскую проповѣдь с толкованием простым, а не хитрым,— не слухи (рѣчь упремудривши токмо) чесати словом проповѣдным, але силу духа святаго влагати в слышащих сердца; рече бо и о сем Павел до Тимофея: «Будет бо,— глаголет,— время, егда здраваго учения не послушают, но изберут себѣ учителя чешими слухом и от простой истины слухи отвратят и к хитрым и родословным басням уклонятся»,— еже наша Русь пострада и отступлением от вѣры, лакомячися на поганского красномовнаго Аристотеля и на вавилонские страсти музыки. Но о сем до здѣ.

К своим ученическим, слѣд проходити хотящим, что да учат, паки возвращаюся. Таже, во евангелской проповѣди мысль напасши, и до прочих книг, богословию тезоименитых, касайся и всяко писание богодухновенное проходи, которое мысль от благочестивые вѣры не развращает, але и овшем смиреномудрию учит...

«Блюдетеся,— рече,— да никтоже вас будет прелщая философскими мудростьми, вынайдеными от стихий мира». Ваша тогда милость, мудрый латинниче, на деспект[1] и зелживость[2] науцѣ святаго апостола Павла не толко бы есте от лживое мудрости и хитрости свѣтское стеречи имѣл, але еще так есте поганскими учители, Аристотелем и другими, умотал, иж толко второе пришествие христово твоего костела мудрость и науку с поганское мудрости вымотает и обнажит, а в жизни сей никтоже. А коли ся так во всем, мудрый латинниче, святому Павлу спротивляеш и глупым быти духовно, по разсуждению вѣка сего, яко коринфяны и нас всѣх, вѣрных, с оными учить, не хочеш, мы тежь, глупая Русь, вашего костела разума и хитрости не хочем и на ваше жродло поганских наук, которое славу свѣта сего гонит, не лакомимося и единитися от благочестивые вѣры (в прелестную) хотя бы по своей воли и хотѣли, але от зазрѣния совѣсти и от возбранения святаго апостола Павла, учителя нашего, не можем. Лѣпше во очию вашу за глупых, неразумных, простых и ничтоже хитровати во вѣце сем не розумѣючих, укореных, неразумных и безчещеных от вас быти изволяемо, толко спасение живота вѣчнаго да наслѣдуем и правду евангелскую и науку апостольскую с вѣрою прародителей наших до исхода смертного цѣло заховати и съдержати (мы сами и потомки наши), вѣдоме обѣцуем. Будте себѣ, мудрый латинниче, з своею вѣрою и мудростию кромѣ нас, мы жь з своею вѣрою и апостольским глупством кромѣ вас.

[1] зневагу [2] ганьбу

[a] Октоїх — церковна книжка (осмогласник).

Ответ Скарзѣ на зазрость греков

...Пытаю тебѣ, Скарго, которая есть зазрость учителей грецких до славенскаго языка, коли нам, в первых, православную вѣру, таже спасителное евангелие, апостольскую проповѣдь, мученические подвиги и страданйя, постнические борьбы с поднебесными воздушными духи мыслно борющимся, очищение и освящение тѣснаго пути слѣду, ведущаго в живот, проходити изволяющим и все оправдания, чем естество крещеное к богу присвояется, оправдает, освящает и спасает,— то нам все учители грецкии подали, явили, растолковали и научили тако достатечнѣ, иж и наподленнѣйший в разумѣ языка словенскаго русин, либо сербин или болгарин вѣдает и разумѣет, чем спастися может, если только сам восхощет. Пытаю тебѣ, Скарго, которая мудрѣйшая наука быти может над тое, которая спасает и освящает. И паки пытаю тебѣ, в котором бы блудѣ словенскаго языка люди быти имѣли, коли прошением того дошли, иж бог всемогущий, во тройцы славимый, лутче крестит в словенском языку, а нежели в латынском, и лутчей пожиток имѣл и имѣет словенскаго языка в славословии неподозренном, и во спасению душ людских, и в постижению богоугодной волѣ, а нежели от латынскаго языка.

...Яко же ты смѣеш хулный язык, Скарго, на святых учителей грецких отверзати и хулити, зазрость приписуючи, яко бы, от той побежденны будучи, не подали языку рускому, в писмѣ словенском живущему, науки? Скажи ми, Скарго, которая бы наука и хитрость разумная на свѣтѣ болшая быти мѣла, яко гдѣ человѣк диявола звитяжит, богу угодит, от духа святого освятится и на спасение наслѣдовати живот вѣчный явными чюдотворпыми знаки и силами запечатуется? То всѣ, Скарго, род руский в писмѣ и науке славянскаго языка благодатию Христа бога одержал, засвидѣтельствовал и тако достатечне спробовал. Иж хто бы инако о том разумѣти и вдавати правду божию на ложь, перевертаючи, мѣл, Павел сам апостол анафеме его предает, молвячи: «Аще и ангел с небесе благовѣстит вам паче еже приясте от нас и научистеся, анафема да есть онаго проповѣдника!». Видиши, ли, Скарго, иж твоя хула неправедная, в клятву ся ввалила,— сѣдижь в ней, колико любишь и изволяеш. Видиш, Скарго, иж что колико молвиш,— не духом мира и правды божия и не от покоры мытаря смиреннаго и самоукорнаго, во все от фарисея гордаго, велерѣчиваго и самохвалнаго, черпаеши от воздушных духов вѣсть и паки на воздух тще-и-прожнохулныи слова отрыгаеш. Видиши ли, Скарго, иж сам власною зазростию, враждою и потворною лжею вмѣсто учителей грецких оболѣв еси и на словянский язык посполу с дияволом борбу подвигнул еси, который для того языка словянскаго не любит и от всѣх других на онаго поцвигом силнѣйшим (стлумити и угасити его хотяй) подвигнулся есть, иж в языку словянском лжа и прелесть его никакоже мѣста имѣти не может, ибо ани диалектик и силогизм поганских, (ницующих правду божию во лжу) ани хитрорѣчием лицемѣрнаго фарисейства упремудряет, толко истинною, правдою божиею основан, збудован и огорожен есть и ничтоже другое ухищрение в себѣ не имѣет, толко простоту и спасение рачителю словянскаго языка еднает. А твоего латынскаго языка вседушне диявол любит; и признаваем ти — яко сам хвалишися,— иж его по всѣм свѣтѣ розширил есть и успевати и роскоре-

питися над все языки допомогает и дарует. Есть тако властне, Скарго, яко молвиш, и то для того, Скарго, твоему языку латынскому от диявола тот дар дарован есть: вѣдай завсегда о том, иж его всего на свое угодие перетворил, пренщовал и в поганскую хитрость перевернул, иж в нем никакоже правда евангельская и простота святых мѣста не имѣет, толко лжа поганская, хитрость и фарисейство сѣдит, почивает и обладает...

ЧЕСТНОЕ И БЛАГОГОВѢЙНОЙ СТАРИЦЫ ДОМНИКИИ ИОАНН СТРАННИК О ГОСПОДѢ РАДОВАТИСЯ ЖЕЛАЕТ И СПАСЕНИЯ ПРАГНЕТ[а]

Пишет до мене пан Юрко, яко от диявола пострадах, зане до Унева отидох; вину же глаголет народную ползу в лучшем от добрых предразсуждающе; таже Христа приводит, яко милосердовав о народѣ и яко извидил их в пустыню не ради пустыннолюбия, но ради мучительныя и завистныя власти, да свободнѣ сѣмя слова о животѣ вѣчном посѣет; нынѣ же во градѣ, глаголет, проповѣдь не возбраняется, которую не отбѣгати, але множити потреба и прочая; показующе образ, и нас влечет в подобие, и если глаголу не послѣдуем, многа зла о нас человѣцы вознепщуют, поносят, оклевещут и в соблизн отчаятелный впадут; и яко пустыня единому ходатайствует спасение, проповѣдь же многим. До здѣ оглавление сих словес, и прочая...

Видиши ли, госпоже Домникие, як пан Юрко не вѣсть нашего слѣда, по чину и степени к богу приводящего, але зараз на верховный христов степень вскочил и в гордость мнѣния (ползовати других себѣ неополеровавшим и страстей мирских несовлекшим повелѣвает) впал.

Присмотрися, госпоже, что пользуют их чернилом хитрости (а не духа святаго словесы) воспитанные школьные казнодѣи, которые з латинской ереси себѣ способ ухвативши, зараз школы, бают, проповѣдают и учат, а полѣровнаго[1] и безстрастнаго жития не хочют и тот слѣд, изображенный святыми (по отправѣ школноѣ науки), отвергли. Первое, церковному послѣдованию в славословию, благодарению и молитвѣ непотребны суть, ни бо умѣют у церкви ни читати ани пѣти, только, яко и простѣйшие, без помощи церковной нуждѣ богохваления стоят. С котораго цвичения[2] и заживаня способом тым хитростным латынских наук не вижду ни куса: ни попа, ни дякона ани протчаго священническаго чина служителя, только если тые байки риторские знают, то тѣжь к басням досконалшим, родителем сих, то есть до латини, паки возвращаются и отходят: свойственное к своему духу влечется и прилепляет. Але бым я радил нашим фундатором благочестия во Львовѣ: в первых, церковнаго послѣдования,

[1] полірований [2] вправа, вивчення

[а] Написане в 1605 р., після від'їзду Вишенського з Львова й незадовго до повороту його на Афон, «Посланіе к старицѣ Домникіи» — найцікавіший з пізніх його творів. Вишенський через третю особу — Домнікію — звертається з листом до пана Юрка (як гадають, відомого діяча львівського братства Ю. Рогатинця), відповідаючи йому на закиди з приводу відходу Вишенського від громадських справ і повернення до монастирського життя. «Посланіс» цікаве як гнівними висловлюваннями Вишенського про духовенство — «діролазців, найманців, розбійників», так і новими поглядами автора на освіту: ставлячи в основу православну славну освіту, Вишенський не забороняє й світських наук, правда, відводячи їм другорядну роль.

славословия и благочестия узаконити, дѣтем научити; таже утвердивши сумнения вѣры благочестивыми догматы, тогда внѣшних хитростей для вѣдомости касатися не возбраняти. Не бо аз хулю грамотичное учение и ключь к познанию складов и речей, яко же нѣцыи мнят и подобно глаголют: «Зане же сам не учился, того ради и нам завидит и возбраняет». Сей же глас, мню, в первых пан Виталий, казнодѣя волынский, отрыгал. Но аз о сем ничтоже печалую, ниже о поносѣ и уничижении брегу, ниже о лжи, завистным имѣнем налагаемой, смущаюся. Само бо существо тѣсного пути слѣда, ведущаго в живот вѣчный, да извѣстит когождо. Не бо о сромотѣ учащихся аз глаголю: да не отпадут благочестия, утверждаю,— еже пострадаша мнози, извѣстно вѣстѣ. Что бо бых завидети мел духов злобных поднебесных, аеровоздушных учению, в погибель влекущих, евангельский разум христов в помыслѣ вѣры вдрузивши и тесным путем, вѣдущим в живот вѣчный, пошедши,— сие знамение, яко лгут от зависти. Мнѣ бо довлѣет простый и нехитрый Христос, в нем же вся сокровища премудрости и разума. То подобно и на святаго Павла апостола нанесут хулу клеветницы, яко от зависти Павел остерегает коласяны, да угоньзнут от тое поганское латынское науки, которые ся нынѣ в тую сѣть духов злобных поднебесных учения умотали. Евангелие повергли. Апостол Павел к колосяном тыми словы глаголет: «Братие, блюдитеся, да никтоже вас будет прелщая хитростию и тщетною лестию, по преданию человѣческому, по стихиям мира сего, а не по Христѣ Исусѣ, яко в том живет всяко исполнение божества тѣлеснѣ». Не бо, мню, яко от завидѣния наук Павел сие рече, но, да не увязнут в прелесть от христовы любве, остерегает. Тако подобно да мниши и о мнѣ,— о престрозѣ[1], яже глаголал. И не вѣдомость хулю художества, але хулю, што тепѣрешние наши новые руские философы не знают в церкви ничтоже читати,— ни тое самое Псалтыри, ни Часослова. А знать, если бы хто што строхи и знал, як южь досягнет стиха якого басней аристотельских, тогды южь Псалтири читати ся соромѣет и прочее правило церковное ни за что не вмѣняет и яко простое и дурное быти разумѣет. А тежь не вижу инших, толко простою наукою нашего благочестия воспитавшиеся,— тые и подвиг церковный носят и отправуют, а латынских басней ученицы, зовемыи казнодѣи, трудитися в церкви не хочют, толко комедии строят и играют. И не дивно! Приведу притчю. Коли южь хто наказания внѣшняго строхи досягл, подобен коневи, в стайни хованному и на узах держанному, который, часу пролетного дождавши, коли траву ощутить и выпущен будет, не вѣда, як ся поимати даст от игранья, скаканья и шаленья ради своеволное владности. Так власне коли хто з благочестия догмат до латынского мудрования и хитрости выпущен будет, не веда, як его южь ухватит и обуздает и к благочестию привлечет. Бо есть так складкая латынское прелести трава, иже еѣ воли на широком поли вкусивый своеволне заживати, нижли в стайни благочестия на привязех законных наилепшим овсом истинное науки питатися хочет. Там бо есть у латыни своеволя, там есть чистец по смерти мудрым безецником, вшетечником[2] и раскошником, а у нас, дурное Руси, чистца по смерти немаш, только в терпѣливном страдании и покаянии прежде умертия. И для того в тѣснотѣ сей малы изволяют

[1] застереження [2] мерзотники, негідники

быти: всѣ ся на широту роскоши вергли и пастыря себѣ такого своеволника (и на широтѣ роскошии скитающиеся) имѣют, который таиньство вѣка сего сына погибелнаго изобразует,— по Павлу, к солуняном глаголющему.

Отожь, госпоже Домникие, нехай ся пан Юрко перво научит церковного чина и тайны его, а не зараз кого без воли христовы на христовом мѣстцѣ от своего мнѣния посаждает, глаголючи: «Христос так чинил или учил, и ты так чини и учи». Бо ся с того дерзновения все ереси в нас породили, и церковь воздушные духи сплюндровали. Иж не толко жебы хто уготованый на степень церковнаго и духовнаго чина восходити мѣл дверми — нет! Але и ты самые дѣролазцѣ, наемницы, злодѣи, разбойницы, волци, драпѣжницы[1], пси, волхвы, чародѣе, войни, жолнѣрѣ, кровопролийцы, игрцы, скоморохи альбо машкарники, всяк вид злобы мирское прешедшие и естество обезчестившие, которые нашу церковь нынѣ опановали и под власть себѣ мучительски покорили, не толко жебы слѣда альбо порядку якого законнаго на входѣ сѣдалища власти церковное заживати мѣли, але гонятся и один одного для власти сану и позысканья имѣний и перебѣгают и упережают, власнѣ як конские заводницы для закладу. Что бо за чин в нашей церквѣ нынѣ на принятье стану духовнаго? Не тот ли, присмотрися и признай, если правду глаголю! Днесь кат, а завтра священник, днесь мучитель, а завтра учитель, днесь корчмар и танцоводец, а заутра богослов и народоводец, днесь убийца, а заутра святитель и епископ, доднесь жертовал сатанѣ всѣ время вѣка сего, а нынѣ пред олтарем предстоит и непостижимому божеству таиньствует и жертву приносит. Пытаю вас, не от сих ли ваш хитрѣйший Патѣй[a], которого ты, панѣ Юрку, хвалил и залицал! Розгни книги совѣстные и узриши, иж во уготованных чину не коснел и ни чернец ани страдалец не был, толко так же — днесь еретик и кашталян, а заутра намѣсник христов — именем, а не дѣлом, и пастырь — славы и чести вѣка сего, а не стада словесных овец и будущаго вѣка сотаинник[2].

Видиши ли, сестро Домникие, куды разумѣнье неправое низпадает и благочестие поруговает! Нехай же не выкладает пан Юрко христовых словес по страсти и своему угождению, але по правдѣ. И мою пустыню да не уничижает, без которое и он сам (если схочет мира свлещися и памяти и жития страстного свободитися, по Василия Великаго писанию к Григорию Богослову) быти не может. А еже глаголет пан Юрко, яко Христос не изводил народ в пустыню развѣ нужди, для власти, проповѣдь возбраняющее, а нынѣ проповѣдь в градѣх не возбраняется,— на тое слово отповедь пану Юркови: яко не толко я, ничтоже сый в очах людских, але подобно ино сам Христос с небеси, если бы звал, крест свой залецал и в пустыню изыйти (для очищенья помысла и навыкновенья брани бѣсовское) росказал,— подобно не только народа, але ни самого книгочию народонаставника, пана Юрка, з логовиска мирского бы выторгнути[3] не могл, бо ся добре напечатали смаки, юхи[4], шафраны, пѣрце и пирожные сласти на помыслѣ и угождению его. Обецую ти, что ся крестом

[1] грабіжники [2] пастир, пастух [3] викинути [4] юшка

[a] Потій, або Іпатій Поцій, походженням українець, згодом ревний пропагандист унії, запеклий ворог «православія».

христовым пан Юрко прелстити не даст и для него роскоши львовское не оставит. Кольми паче другий народ о пустыни не мыслит, от тогожь тѣ и нас не зовут некого, бо бых не мирен был: довлѣет ми свой струп соглядати и к здравию приводити, а не других раздражняти.

А еже глаголет пан Юрко, яко пустыня только себе спасает, а не других,— в том словѣ познаваю, иж пан Юрко на бѣглости речей толко разум свой забавляет и вѣшает, а власного разума и ведомости истинное во писании не досягает и вѣдати не может, власнѣ як шидерством[1] о спасении говорит, глаголющи: «в пустыни себѣ спасает»,— яко бы власнѣ пироги, з ложа вставши, лацно ясти, так в пустыни спастися. А того не вѣдает пан Юрко, что святии над всѣ чюдотворства спасти кому себѣ (не толко в градѣ забавном, мятежном и многомолвном, але и в самой пустыни, в памяти несмутной и отлученной будучи от мира) покладают. Исаак глаголет: «Болѣе воскресити душу свою от страстей, нежели воскресити умерших». А если же так великий подвиг на воскресение души от мирскаго страстного навыкновения, яко и над чюдотворную благодать ся судит, что же может быти болшого и потребнѣйшаго на свѣте, яко еже спасти себе? За которое самоособное спасение душевное сам владыка Христос всего мира неспасаемаго неровна и недостойна спасаемой (и в царство небесное напечатаной) души чинит. Отожь потреба пану Юркови постаратися о спасении, бо ему ни едина полза от науки других, если себѣ презрит и не спасет. И не может никто никого врачевати альбо учити, если наперед себѣ не уздоровит и не научит. Так же и в спасение жаден привести не может, если перво себѣ на спасаемом фундаментѣ не поставит. А тожь я бым и пану Юркови радил, доколѣ дышет о своем спасении пилне постаратися, на христову науку не робити, але послушанием оной пленитися и оно слово апостольское в совѣсти своей пробовати, в которой мѣрѣ предспѣятелного разума стоимо: «Учай бо, рече, иного, себе ли не учиши?»

Потреба бы нам с паном Юрком тое власное науки духа святаго зажити, як бы мучителнѣйшей от всѣх страстей страсти гнѣва и памятозлобия свободитися, а не толко на том досыть мати, жебы книги проходити и речми хвалитися и по своему мнѣнию и страсти писание толковати— тое ни на что ся не придаст и безпотребный разум есть. Христос рече: «Если не отпущаетѣ человѣком согрѣшения их, ни отец небесный отпустит вам согрѣшения ваша». Як разумѣет пан Юрко о тых словѣх? Что за вымову знайдет, если его в том гневѣ смерть заскочит? А с паном Красовским ся не поеднает, если змовит: «Еретик есть и отступник»,— але то: «В церкви благочестия ся показует быти, а не с еретики и отступники», если речет: «Был, але ся повратил». Благодарити жь бога за повращение потреба, а не гнѣвом отмщати; бо если отпадших и возвращающихся на покаяние приимати не будет, то з Наватом еретиком в проклятьствѣ от святых отец будет, ибо несть закон християнину, аще и случится поползновение брату отступити от вѣры, на оного гнѣватися, ярити и враждовати, но паче скорбѣти и соболезновати и молитися о нем, просячи бога о дар упометованья; «Мнѣ бо, рече, отмщение, аз воздам»,— рече господь.

...А еже глаголет пан Юрко о возвращении моем, которое, аще укоснет, нещевати, злая поносити, клеветати и отчеяватися мнози будут;

[1] глузування

вину глаголет — народно ожидание. Сия словеса истовыя басни суть, ниже ответа достойни: ни бо аз с народом завѣты завѣщевал, ниже ответы творил, но ниже народа знаю, ниже бесѣдою с ними общихся и познанием зрака. Что глаголет пан Юрко, не вѣм. Почто мя ожидают? Егда занмствовах что у кого и долг отдати должен есмь? Не вѣм другого, развѣ страньствовавшаго мя пана Красовского и на препитание нечто возложившего, сего и пана Миколая знаю, от прочаго же народа никого не знаю. Что есть вина народное страсти и которого народа, доумѣтися не могу. Ни бо вещь, ниже народных лиц, от мене пострадавших, не изобрази,— отвѣщати не вѣм что. О прехвалных же плодех, в мирском житию гнѣздящихся, ими же велможа Юрий похвалися, се есть злым мниманям[1], поносом, клеветою и отчаянием,— аз о сем нимало брегу и попечение имам, егда совѣсть свидѣтельствует ми, яко вину злобную (на недуг сими страстьми уязвится кому) от себѣ не испустих. Аще ли же кто чем от сих и постраждет, мню, от злаго навыкновения, а не от моего изображения сия постраждет, и исполнится на нем христова речения глас, «яко злый злѣ глаголет и неппцует» и прочая. А еже отчаяватися кому ради отшедшаго в пустыню на покаяние, а не и самому тогожде следа покаятелнаго ревновати, сне не христианина, в жизнь вѣчную нареченнаго, но идолопоклонника сластолюбнаго, ему же бог — чрево есть, и о сем не пекуся; да страждет страсть возлюбивый; «Овѣм бо проповѣдаша в живот, овѣм же в смерть»,— рече апостол. О сем до здѣ.

По сем блажен свободивыйся прелестей бѣсовских мнѣнных и разумѣний еретических гонзув, в твердыни же вѣры и простотѣ благочестия помысл упования вдрузив, во время исхода, от духов злобных поднебесных не убоится, от них же и вас и нас Христос да сохранит и в книгах живота вѣчного напишет,— желаю. Аминь.

Писано в монастыри Уневе в недѣлю цвѣтоносную. И се виждь: сего ради к лицу велможа Юрия не писал, но к тебѣ, старице Домникие: слышах бо его болна суща. Тѣмже, бояся, да не стужу и досажду оному в болѣзни, к тебѣ пишу. Обаче молю тя благоговѣйнѣ оному метание сотворити рачь. Твоя же любовь, сие писание со вниманием в безмолвии прочетши, твори мир и любовь христову, да вселится Христос посредѣ нас. И паки молю, сохрани сие писание, да ми его повратиши: нужда бо есть. Странник реченный Вышенский писал.

ПЕРЕСТОРОГА

«Пересторога зѣло потребпая... православным христіаном» — видатний твір полемічної літератури (1605—1606 рр.), цікавий насамперед як викриттям зрадництва української шляхти й інтриг церковних аристократів — уніатів, так і агітацією на користь національної освіти. Відзначаючи факти захоплення католиками староруських книжковах скарбів, автор безпосередню причину політичного й культурного занепаду православних українців вбачає в недостачі освіти, добре організованих шкіл, без яких не можна користуватися навіть наявними запасами книжок, зібраних

[1] судження, уява

по культурних центрах. Гарячий прихильник релігійних братств, автор оповідає про Берестейський собор 1596 р., Варшавський сейм 1600 р., про справу представника константинопольського патріарха — протосинкела Нікіфора, замученого католиками у в'язниці, про численні факти переслідувань за релігійні переконання з боку католиків і уніатів. Виклад, загалом перівний, з анахронізмами, мішаниною реальних подробиць і фантастичних перказів, але жвавий, близький до народної мови, набуває подекуди особливої пристрасності.

Автор — невідомий, але, очевидно, це світська людина, близька до князя Острозького, добре обізнана з полемічною літературою й діяльністю братства; дослідники гадають, що автором «Перестороги» міг бути Юрій Рогатинець, впливовий діяч Львівського братства, або Іван Борецький, згодом київський митрополит Іов Борецький, чи Андрій Вознесенський, високоосвічений в літературному відношенні пресвітер-священик і діяч Львівського братства, учасник Брестського церковного собору 1596 р.

Уривки з «Перестороги» подаємо за виданням: М. Возняк. Письменницька діяльність Івана Борецького на Волині і у Львові. Видавництво Львівського державного університету, 1954.

ПЕРЕСТОРОГА ЗѢЛО ПОТРЕБНАЯ НА ПОТОМНЫЄ ЧАСЫ ПРАВОСЛАВНЫМ ХРИСТІАНОМ,

СВЯТОЄ КАФОЛИЧЕСКОЄ ВОСТОЧНОЄ ЦЕРКВЕ СЫНОМ, АБЫ ВѢДАЛИ, ЯКО НѢКОТОРЫЄ ЕПИСКОПОВЕ ПАНСТВ КОРОННЫХ, КОТОРЫЄ ИСПЕРВА ЗАВШЕ ПОД ВЛАДЗОЮ И ПОД ПОСЛУШЕНСТВОМ СВЯТѢЙШАГО ВСЕЛЕНСКАГО КОНСТАНТИНОПОЛСКАГО ПАТРІАРХИ БЫЛИ, А ПОТОМ НЕ (ДЛЯ) СПАСЕНІЯ ДУШ СВОИХ АЛЬБО ВРУЧЕННЫХ СЕБЕ, АЛЕ ДЛЯ ПЕВНЫХ ПРИЧИН СВОИХ И ДОЧАСНЫХ ПОЖИТКОВ (ЯКО СЯ НИЖЕЙ ПОКАЖЕТ) СВОЄГО ПАТРІАРХИ ОТСТУПИЛИ И РИМСКОМУ ПАПЕЖОВИ В ПОСЛУШЕНСТВО СЯ ОТДАЛИ И ВЕЛИКОЄ ЗАМѢШАНЯ В ЛЮДЕХ УЧИНИЛИ. И ЗАСЬ, ПИШУЧИ КНИЖКИ И ДРУКУЮЧИ, ПРИШЛОГО ВѢКУ ЛЮДЕМ ЗНАТИ ДАЮТ, ЯКОБЫ ТО ОНИ ДЛЯ СПАСЕНІЯ ДУШ ЛЮДСКИХ ВЧИНИТИ МѢЛИ, НИЧОГО ИНОГО В ЦЕРКОВ БОЖІЮ НЕ ВНЕСЛИ, ТОЛЬКО ТО, ЩО ЯКОБЫ ИСПЕРВА БЫТИ МѢЛО И БЫВАЛО, ВЗНОВИЛИ. И ПОКАЗУЮТ, ИЖБЫ ПАПА РЫМСКІЙ СТАРШІЙ НАД ВСѢМИ ПАТРІАРХАМИ БЫТИ МѢЛ, А ПОТОМ ЯКОБЫ СЯ ПАТРІАРХОВЕ ОТ НЕГО ОДОРВАТИ МѢЛИ, І ОН ИХ ПРОКЛЯЛ ЯКО ПАСТЫР ВСЕЛЕНСКІЙ И НАМѢСНИК ПЕТРА СВЯТОГО АПОСТОЛА І ЕПИСКОПА РЫМСКОГО. А ПОТОМ ЯКОБЫ НА ФЛОРЕНСКОМ СОБОРѢ ПРЕД [ПРЕД] ПОЛТОРМАСТЫ ЛѢТ, ТО ЄСТ ПО РОКУ ТЫСЯЧНОМ ЧТЫРИСТА ПЯТДЕСЯТ ДЕВЯТОМ АЛБО ДЕСЯТОМ ЗГОДУ З СОБОЮ УЧИНИТИ МѢЛИ, И МИТРОПОЛИТ КІЄВЪСКІЙ ІСИДОР ЯКОБЫ ТУЮ ЗГОДУ В РУСКОЙ ЗЕМЛИ УТВЕРДИТИ МѢЛ. ШТО ЯКОБЫ НА МНОГИХ МѢСЦАХ У ЦЕРКВАХ СТАРОФУНДОВАНЫХ ЗНАЙДОВАТИСЯ МѢЛО. И ПРОЧ.

Кождый православный христіанине, потреба того, абысь вѣдал, отколь в сюю землю пришла вѣра христіанская. Иначей не довѣдаешъся, только аж з Кгреції приняли вѣру христіанскую уперед нѣжли ляхове з Нѣмец рымскую двайцятьма и пятьма лѣты. И так были великіе ревнители, иж много з великим коштом церквей и монастырей намуровали и

мастностями опатрили[1], злотом, сребром, (с. 102) перлами и дорогим камѣнням церкви приоздобили, книг великоє множество языком словенским напесли, леч[2] того, што было напотребнѣшоє, школ посполитых не фундовали. За чим за лѣтами оная грубость поганская и прироженьє влекущеє на марность того свѣта так поразило, же потомкове оных побожных благочестивых самодержцов, княжат рускіх, свѣта сего красотами уведеныс, а науками не выученыс, упали в великоє лакомство, около панованя великую хтивость взяли и роздѣлилися: єдины тут зостали, а другіе у полночных краях панства осѣли, и тыє долъше у своєм панстве трвали. И як собѣ очи лупали о панства, один другому выдираючи, а на помоч противко себе сусѣдов ограничных зводячи, яко Венкгров, Поляков и Литвы, великос кровопролитіе межи собою чинили. За чим оныє помочники, побевши супостатов их, потом и самих побеждали и панство рускоє в руки их приходило. За чим церкви божіе з их окрасами на луп[3] приходили: злото, сребро и оноє дорогоє камѣня и книги зобрано, яко то на око обачиш у самом Краковѣ корунном и в костелах рымских полно того. Книг словенских великими склепами знайдеш замкненых, которых на свѣт не выпустят. Также єст и ве Львове у мнихов доминиканов склеп великій книг наших словенских учительских докупи знесеных по збуреню и осягненю панства рускаго.

И так то много зашкодило панству рускому вельми, же не могли школ и наук посполитых разширяти и оных не фундовано, бо коли бы были науку мѣли, тогди бы за невѣдомостю и глупством своим не пришли до таковоѣ погибели. Чита[ю]чи кроники польскіе, знайдеш о том достатечне, як Поляци рускіе панства поосѣдали, попріятелившися з ними, и цорки [цорки] своє за Русинов давши, через ных своє обычає оздобныє и науку укоренили, так иж Русь, посполитовавшися з ними, позавидѣли их обычаєм, их мовѣ и наукам, и не маючи своих наук, у науки рымскіе посвоє дѣти давати почали, которыс за науками и веры навыкли. И так помалу малу науками своими все панство рускоє до вѣры рымскоє привели, иж потомкове княжат руских з вѣры православноє на рымскую выкрестилися и назиска и имена собѣ поотмѣняли, якобы нѣколи не знашлися быти потомками благочестивых прародителей своих.

А за тым православіе греческоє озимнѣло и в згорду пришло и во занедбаня, бо теж зацных станов особы, погордѣвши своим православієм, до врядов духовных [при] (с. 103) приходити перестали, але ледакого на них вставляли ку воли только самому посполитому человѣкови. За чим наступовали на столицѣ митрополитове и епископове неискусныс, не такіе, якіе исперва бывали: мужи святобливыє, архимандритове кієвъскіе, за которых старшенства и инокове бывали люде живота святобливого, так иж просіяли добродѣтельми своими, а по смерти их великіе чудеса у гробах их честных дѣєвалися, яко то и тепер знаки того сут у Кієвѣ. По которых благообразных и подвижных ленивыє и не добрыє настали. И так за ними порядки церковныє у забвеніе пришли: книги тыє, що єще их позостало, порохом припали и все набоженство пришло ку взгордѣ, так иж не тылько стану шляхецкого, але и простого люде стану у иновѣрство и отщепенство приходили, от духовных соблазнены будучи.

[1] паділили [2] але [3] грабунок

А в тых часех тыж панство кгрецкоє в свѣцкоє пришло, в руки сарацинскіє, за грѣхи христіанскіє. Однак кгды юж тот тиран утвердил своє панство по часѣ, же Константинополь пуст был (бо Кгрекове розбѣглися были), забрал поганин люд до купы, позволил, абы патріарха на столици своєй сидѣл, владзу духовную абы тримал, монастырѣ абы цало зостали й в ных духовныє спокойне сидѣли, дань первую, то єст, по червоному от особы давши, вольне не только набожества[1], але и ремесла, кгрунтов, с которых поживенє маєт хто, абы заживал кождый, позволил, абы обычаєм становным люд посполитый патріарху обирал, а от патріархов трех был посвящоный и от него потвержоный. Так то так Бог предивным чудом устроил, же тот поганин, который головпым непріятелем вѣрѣ Христовой єст, а так рад не рад яко пес чужій скарбов, сам их не уживаючи, сторожем єст и расхищати их никому не допущаєт.

През долъгій час святѣйшіє патріархове панства нашого не навѣжали[2] особами своими, только през посланцов своих, а теж митрополитове, кождый з них одержавши митрополію от господаря кроля польского по благословеніє до вселенского патріархи до Константинополя завше посилали.

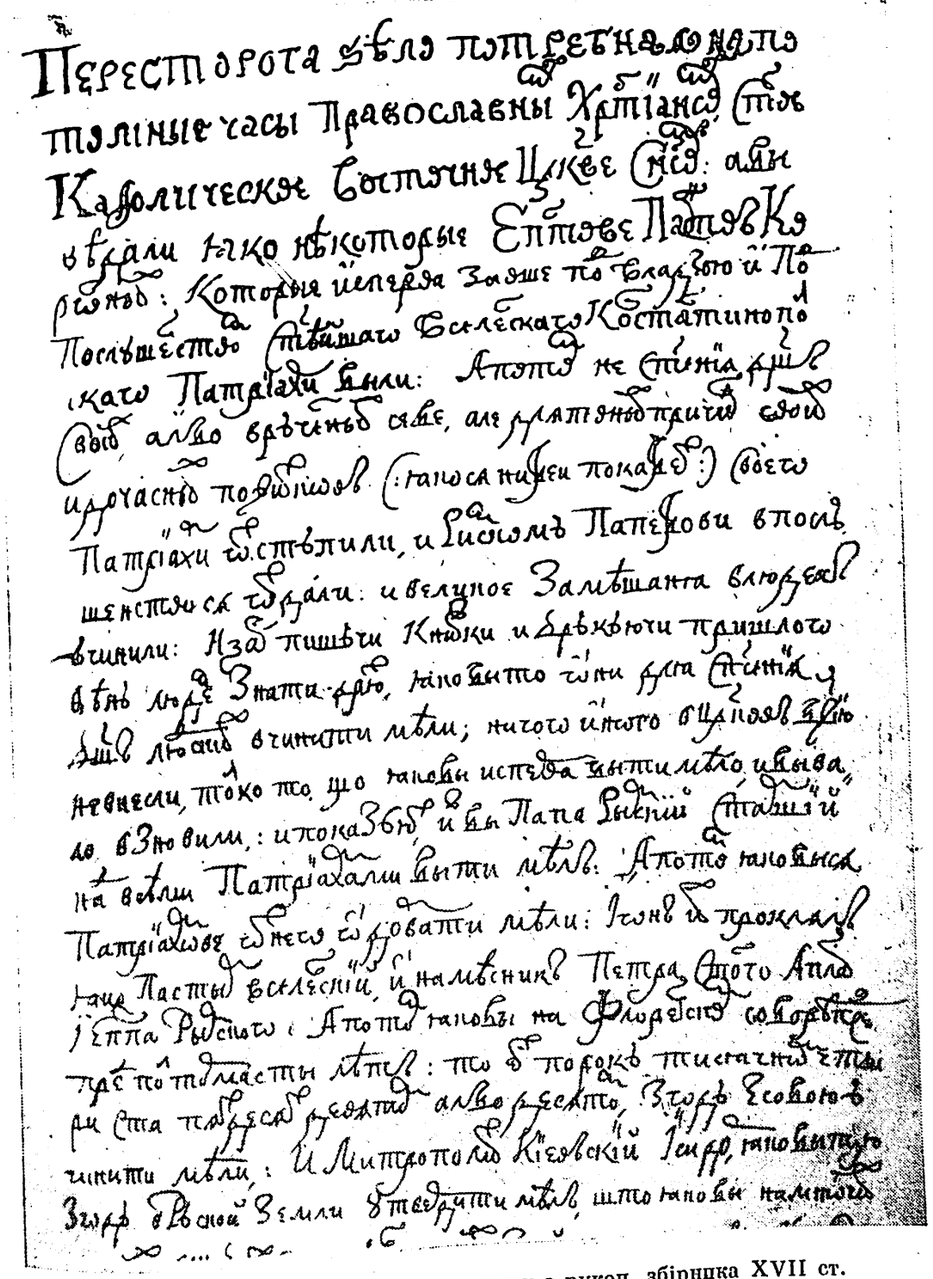
То[т] час по зезволеню божієм благовѣрный князь Константин Константинович в святом крещеніи нареченый Василій, княжа острозкоє, поревновавши благочестивым родителем и прародителем своим, маючи в дому в князствѣ своєм острозком епископію острозкую, с продков своих, такъже княжат кієвъских идучи, у православной вѣрѣ непремѣнно с продками своими будучи утверженый, епископію уфундованую и маєтностями опатренную и на многих мѣсцах монастирѣ и в ных иноци, взбужон будучи Духом святым, умыслил утвердити православную вѣру, продками своими везде уфундованую. Напервѣй старался у святѣйшо[го] патріархи, абы ся зде дидаскалов[2] ку розмноженю наук вѣрѣ православной зослал, а он на то маєтностями своими ратовати надоложеня на то не жалуєт, як юж збудовал школу, (с. 104) шпиталѣ, маєтностями их надарил. И так науки словенскіє и грецкіє у Острогу заложил, друкарню собрал, со благословеніем и зосланям патріархи вселенского тоє все заложил.

И так почал святѣйшій патріарх константинопольскій о овечках своих стараня мѣти, которыє ся до него утѣкали. А видячи єго таковую горячую милость святѣйшій патріарх до церкви божеєй, часто а часто єго навежал, утвержал посланцами своими и писмены своими.

За чим и великій король польскій святобливоє памяти княжате єго милости привилеєм то злецил[4] и поручил, абы преложоных духовных вѣры своєє завѣдовал, а за єго залеценєм[5] митрополіє, епископіє роздавати людем вѣры и послушенства грецкого обецал, якож и давал.

За чим православіє наше почало было просіавати, яко солнце. Люде учоныє почали были в церкви божієй показоватися: учителей и строителей церкви божеи книги друкованыє почали множитися. Што бачачи, святѣйшій патріарх тым частѣй призирати почал, дидаскалы мудрыми обсилал, а наконец святѣйшій патріарх Іоаким антіохійскій первей, а потом константинопольскій в землю рускую пріихали и час немалый каждый з них прієздом своим перемешковали, братство в мѣстах постановили, Ставропикгію и во Львовѣ уфундовали, а то напред припомянувши Сте-

[1] відправи [2] відвідували [3] учителів [4] доручив [5] схваленням

«Пересторога». Перша сторінка тексту з рукоп. збірника XVII ст. (ЦНБ АН УРСР).

фанови королеви, же то епархіа єго власная константинопольская єст. А того єму помогли два сенаторове, то єст православнос вѣры єще старыє обрѣтающися, помененый[1] княжа острозкоє, воєвода кієвъскій Василіє и Феодор Скумин Тишъкевич, воєвода новгородскій. За чим увѣдавши король от своих канцлеров, же продкове єго вѣру грецкую у панствах коронных ровне, яко и рымскую, при волностях и при зверхностях их во их границах духовноє владзы зоставуєт и то присягою потвержаєт и правами остерѣгаєт, дал теж привилей свой король Стефан святѣйшому патріархови константинопольскому, абы во всем всѣ епископове з митрополитом и зо всѣм духовенством єго яко пастиря своєго слухали и порядков и справ вшеляких через него постановленных ведле старых прав послушны єго были.

...А в тот час приспѣл сейм коронный в Варшаве, на котором о той справе владыков отступных много бы (с. 111) ло сваров и трудностей, а для успокоєня тых речей, кгдыж не тылько метрополит и иншіє владыкове, которыє о том не вѣдали, але и тыє, што в той радѣ испервa были, видячи, яко Июда, же продали кров неповинную, раскаялися и того ся запрѣли[2]. Только тыє послове змышленыє[3] не могли ся запрѣти. Позвол[ил] король и росказал митрополитови, абы был зложон сенод, якож и зложон и отправовалъся. На котором што ся дѣяло, сут о том гисторіє, так нашѣ правдивые, яко и противников фалшивыє.

А ижем сам при том был там, што буду писати, истинну буду писати пред Богом серцевидцем, же коли зєхалисмося, княжа Острозкоє з сыном своим, воєводою волынским, где праве вси благочестія нашего так стану свѣцкого, яко и духовенства, где и я сам был в тых всѣх хоженіях и отправованях, пытаючи митрополита, если же хощет з нами переставати во благочестію, чили змешатися з ними, отступниками. Который явне рек: яком того не поручал тым фалширом, так православія моєго и пастыря, который мя на тот стан посвятил, не отступую и до вас прийду и з вами о том радити хочу и то, што Бог нам всѣм и посланцом патріаршим на сердцу положит, учинити єстем готов. То пак по одестю нашом ночу пришли до него отступници и там прелестію діяволею намовили єго до себе, так иж на день завтрѣшный з ними юж пристал. То юж знайдете у писаню сенодовом, яко ся отправовал, же наше благовѣріє с посланцем патріаршим оных отступников от церкви божеи яко члонки гнилыє оттяли и у клятву вложили. А оны, совокупившися з бискупами рымскими, згоду свою учинили и на знак згоды у церкви божій вси поспóлу служеніє своє отправовали, где зараз Бог показал, же отринул их офѣру, бо при том служенію в келиху вино у воду ся премѣнило без приливаня воды, и мусѣли у иншом келиху неофѣрованом на жертовницѣ з дому принести вина и так просто скверную свою службу албо офѣру отправити. Там же оттоль тыє отступници выправили єзуитов, Скаргу з другими, до єго королевскои милости з тою новиною, же мниманую згоду учинили, и тыє предитечеве всюду оповѣдали тую згоду. И православныє послали до господаря двох православныхъ послов з народу шляхецкого, оповѣдуючи, же штокольвек луцкій и володимерскій учинили, тоє все зрада и фалш, и митрополит первей правдиве до того, якож и правда истная, не знался, але прелщен;

[1] згаданий [2] відреклися [3] неправдиві

однак их духовенство все о том не вѣдаєт и при своєм пастыру святѣйшем патріарсе стоят; и оны за то сут з врядов духовных зложоны и выклятыє; а станы обадва, духовный и свѣтскій, их за пастырей мѣти не хотят и просят, абы господар король митрополитов и владыков им инших дал ведле прав и волностей их, присягою єго им утвержоных.

Которыє послове от православных, идучи за тыми єзуитами, увезде свѣдчилися и оповѣдали, же жадноє згоды не учинили, и овъшем[1] митрополита и владыков отступных у клятву вложили, то єст, протосингель патріаршій и из их врядов ведле права духовнаго обнажил и станы обадва, духовный и свѣцкій, их за пастыров не мают и господаря просити ходят, абы ведле прав и волностей их им на мѣсци тых отступников инших пастырей дати рачил.

С тым коли послове (с. 112) до Варшавы прієхали, зараз почали их намовляти лагодными словы, абы того занехали и замолчали, и обецано им за тоє ласку господарскую справити. А коли того на ных не могли ремочи, не припустили их до отправованя того посельства. А в том часе тыє отступници прієхали и оную свою мнѣманую згоду оповѣдили, противко чему оные послове освѣдчалися о своє посельство. За великим о то воланєм на короля и указованєм гвалту отправовати их казано. Якож отправили и тоє все королеви оповѣдили и свѣдчилися, же их за пастырей не пріймуют и о иншихъ пастырей до тых достойностей и епископій и митрополіей просят; и кгды би того отримати не могли, иж на сейме мовити хотят и свѣдчити хотят явне. А в том часе оныє отступници, взявши листы с канцеляріи господаръскіє, маючи промоторов[2] Мацієвского, бискупа луцкого, который прудко на краковъскоє бискупство вступил, и канцлѣра литовъского, который, сам недавно от православія отступивши, рымлянином зоставши, великим гонителем на церъков божію зостал. Так оныє отступници церков божію почали воєвати. А и первей ударили на братство виленскоє и берестецкоє взаєм, муками, отбираням добр, недопущаням робити, ремесла уживаня, торгованя и вшелякого гандлю, так власне, же хто нѣ мал знаку на челѣ албо на руках отступленя и сполкованя з ними, жадному не было вольно ни купити ни продати, а найбарзѣй у Берестю Потей помучил, так же мусѣли от домов своих преч розбѣгнутися. А виленскоє вкупе зостало, маючи при собѣ геретиков, которых им Господь Бог заступцами дал. И в том гоненю им болш гонимии и переследованы были, тым моц больш божія над ними оказовалася, а братство множилося, школа росла, людей з неи ученых, оных казнодѣєв мудрых выходит. И так мужаются и укрѣпляются, посредѣ волков невредимы сут и праве оныє слова Збавителевы над собою мают явне: не бойся, малоє моє стадо, яко благоволив отец ваш небесный дати вам царство небесноє; а другоє, где мовит, иж брамы пекельныє не могли premочи. Што так дѣется и по сей час.

...На том же сейме кгды попирали послове тоєи справы противко митрополита и владыков, тогды оныє отступници, маючи по собе власть духовную рымскую и теж власть кролевъскую, справу тую с того сейму зволокли, а потом чинили великоє насилованє людем убогим. Попов до тои унѣи кгвалтом притягали, а тым, которыє изводитися не дали от ных,

[1] навпаки [2] прихильників, прибічників

обезчестивали, других вязанєм и муками трапили, инших направуючи забивати, топити и розными способами губити почали, издячи по мѣстех, церкви печатуючи за взятьєм власти у гетмана. А в тот час трафилось, иж под Луцком в манастыру святого Спаса в дедицтве княжати єго милости пана воєводы Кієвъского был священник Стефан Добрянскій, который не повиновался их невѣрію, и люд з мѣста до него ся обернул, и там у него набоженства заживати почали. Кирил луцкій, не вѣдаючи, што єму учинити, не могучи явне приступу до него мѣти, направил своих єму кровных, же взявши от него наєм шпикговати того Стефана, который в своих потребах у мѣстѣ был у Луцку, ишол до черниц до монастыря. Которого тыє лотрове[1], выпровадивши з мѣста, иж то было близько пред Божим Нарожењем, кгды єго выпровадили за мѣсто на оболонє, поймавши, утопили.

...Кто против вас пишет, и не смѣєт жаден имене своєго в книжках своих написати, абы єго не поткало, як Стефана попа, которого в луцкой рѣцѣ утоплено, иж против вас стояти [стояти] обецалъся, оповѣдалъся. И мещаном лвовским и виленским, церковному братству, и теж берестейским мещаном далистеся знати; вѣдаєт то их хребет и мѣшок, и попа их Павла в Берестю як єсте в темници смродливой мордовали, а иншим побожным священником головы и бороды єсте пообголевали. И самого отца Никифора[a], который вас судил, того великого протосинкгела, в заточеня отпровадивши, уморили, который писаням и книжками своими вас обволал[2]. И Стефана Зизанего, дидаскала школьного и казнодѣю, который на вас волалъ и книжки своє явне друковал, обещестилисте и на єго здоровя так єсте важили, аж, през комин вытиснувшися, утѣк з Вильны.

Дивно єст всѣм, длячого Ипатей епископ пишучи крієт своє имя у своих книжках, полных всякоє прелести, и под покрытя свѣтит, а чому на свѣщницѣ не стоит, абы всѣ видѣли свѣтлость его. Инших у водѣ утопляєте, повинны будучи сами, увязавши собѣ камень до шиє, утопитися, яко и Христос казал. И выдали єсте остатную книжку свою против книжки нѣякого Филялета, грозячи єму кієм. И пишет Потей в тых же остатных книжках своих нынѣшных о новом календару, который єсте, в Рымѣ по руску выдруковавши, принесли з Рыму, хвалячи той богопротивный календар, як єст добрый и вельми потребный, и нѣякого Лятоса, который против нового календара мѣнуціи выдаєт, отповѣдаєте и до Рыму на науку єму радите ихати, абы ся тут клопоту рыхлѣ сего свѣта вызволил.

МЕЛЕТІЙ СМОТРИЦЬКИЙ

Мелетій Смотрицький (народився коло 1578 р., помер 1633 р.) розпочав свою діяльність як палкий борець проти унії: серед його писань проти унії і католиків відзначається суто літературними якостями книжка «Тренос, тобто плач єдиної святої вселенської апостольської східної церкви» (виданий польською мовою у м. Вільні 1610 р.) під псевдонімом Теофіла Ортолога. Українські церковні полемісти вдавалися до польської мови, щоб бути зрозумілими тим, хто стояв на чолі держави, тобто великому панству і урядовцям. Згодом Смотрицький перекинувся до уніатсько-католицького табору, зробившись зрадником свого народу.

[1] розбійники [2] викрив

[a] Представник константинопольського патріарха, брав участь у Берестейському соборі.

Крім «Треноса» і слов'янської граматики (див. нижче), йому належить 18 творів, частково писаних проти унії, частково на захист унії і на виправдання свого ренегатства. Українською мовою написав він «Казання на честний погреб отца Леонтія Карповича» (перевидане за стародруком в «Чтеніях в историческом обществе Нестора Летописца», 1908, кн. XX, вип. 2 і 3 С. І. Масловим, з вступом, де подається докладна довідка про Мелетія Смотрицького).

Наводимо уривки з першого розділу «Треноса» в перекладі на сучасну українську мову.

ТРЕНОС,

ТОБТО ПЛАЧ ЄДИНОЇ СВЯТОЇ ВСЕЛЕНСЬКОЇ АПОСТОЛЬСЬКОЇ СХІДНОЇ ЦЕРКВИ[a]

З поясненням догматів віри. Спочатку з грецької на слов'янську, а тепер з слов'янської на польську мову перекладений Теофілом Ортологом, тієї ж святої східної церкви сина. У Вільні, року божого 1610.

РОЗДІЛ 1,

В ЯКОМУ ЗНАХОДИТЬСЯ ПЛАЧ АБО НАРІКАННЯ СХІДНОЇ СВЯТОЇ ЦЕРКВИ НА ЗВИРОДНІЛИХ СИНІВ

Горе мені бідній, горе нещасній, ах з усіх боків з добра ограбованій! Горе мені, на світську ганьбу тіла мого з шат оголеній! Біда мені, нестерпними тягарями обтяженій! Руки в оковах, ярмо на шиї, пута на ногах, ланцюг на бедрах, меч над головою обосічний, вода під ногами глибока, вогонь по боках невгасимий, звідусіль крики, звідусіль страх, звідусіль переслідування. Біда в містах і в селах, біда в полях і дібровах, біда в горах і безоднях землі. Нома жодного місця спокійного, ані житла безпечного. День у болях і ранах, ніч у стогоні і зітханні. Літо гаряче — до непритомності, зима морозна — до смерті. Мізерно-бо наготу терплю і аж на смерть переслідують мене. Перед тим гарна і багата, тепер я знівечена і убога. Колись королева, всьому світові мила, а тепер усіма поневажена і змучена. Сам до мене, все, що живе, всякі народи, всі живі землі, підійдіть, послухайте голосу мого і узнаєте, чим була я недавно, і здивуєтесь. Тепер я посміховисько світові, а раніш була подивом для людей і янголів. Пишно одягнена була я перед усіма, вдячна і мила, прекрасна, як зоря ранкова на сході, гарна, як місяць, чарівна, як сонце, порочна, не мала я жадної плями чи тавра, або чого такого. Олія розлита — ім'є моє, криниця вод живих — прізвище. Побачивши мене, доньки сіонські найблагословеннішою королевою проголосили. Коротше кажучи: тим була я між доньками сіонськими, що Єрусалим між усіма

[a] Переклад з польської мови, видання 1610 р., Вільно.

містами єврейськими; і щò лілія між терном, тò я була поміж дівчатами. Через ту красу зажадав цар вродливості моєї, кращий над сини людські, а, полюбивши, мене вічним подружним зв'язком з собою з'єднав. Діток родила і виховала; але вони зреклися мене і стали мені посміховиськом і глумом. А то роздягли мене з шат моїх і наго мене з дому мого вигнали, одягли оздобу тіла мого, і голови моєї привабливість забрали. Що більше? Вдень і вночі стараються про бідну душу мою і про згубу мою повсякчасно мислять. О, ви, що переді мною стоїте, ви, що дивитесь на мене, послухайте і розважте, де є біль, як біль мій? Де журба і жаль, як муки мої? Діток родила і виховала, а вони зреклися мене і спричинились до мого упадку, і тому сиджу зараз, як одна із плачучих удів. Колись пані сходу сонця і заходу, південному і північному краям, вдень і вночі плачу, і сльози по щоках моїх як потоки річкові течуть, і нікому мене втішити: всі од мене відбігли, всі згордували мною, кревні мої далеко від мене, приятелі мої неприятелями стали, сини мої, зміїному позаздривши племені, утробу мою заразливими жалами жалять! Слухайте жалісної моєї повісті, всі народи, беріте в уха всі, що в крузі світу живете. Сини і доньки мої, що їх я родила і виховала, покинувши мене, пішли за тою, яка ними не боліла, аби вдосталь жиром її насититись! Священики мої осліпились, пастирі мої (не хотячи знати, що тут про душу йдеться) оніміли, старці мої сдуріли, молодики мої здичавіли, доньки мої в розпусту вдалися, і всі єдиним замислом, бога і правду його занедбавши, на душу мою змовилися. Роззявили пащеки свої і, свистячи, скрегочуть на мене зубами своїми, мовлячи: «Ось вже день той прийшов, якого ми чекали. Ходімо і загубімо її, викоренімо з землі пам'ять про неї». Замість любові, зневажають мене, а за доброту мою злістю мені віддають і ненавистю мені мою любов нагороджують. Наклали на мене замість коштовних шат моїх ветхе лахміття — і я стала їм притчею. О болі душі моєї! Горе мені, обшарпаній, біда мені, погорджений, притупилася од невпинних сліз бистрота очей моїх, закрилися нутрощі мої, зупинилося в скорботі життя моє. І літа мої в зітханні, і щезли, як дим, дні мої, а кості мої, як шкварки, висохли, посічена я мов сіно. І зів'яло серце моє, од голосного плачу мого присохла кість моя до тіла мого. Роздерли на мене пащеки свої як пащеки неприятельські, словами зрадливими і злобними наповнені. Взяли сокири в руки свої і шукають душу мою, щоб її загубити. Зусюди сіті, всюди змії, зусюди заразливі жала. Там вовки хижі, а там леви рикаючі. Звідси гади отруйні, а звідти василиски люті. Не знаходжу до кого звернутись, не знаю, куди вдатись, до кого голову мою прихилити, кому в оборону податися. Чи не єсть то, о небо і земля, новий біль і нечуваний жаль, що синів родила і виховала, а вони зреклися мене. Одному мужу панна пошлюбована, одному за дружину віддана, з одним зачала, в однім животі носила, одним молоком кормила, з різними, одначе, звичаями (о, горе!) синів, на стид і горювання моє, бачу. Нема нікого, хто б батька наслідував. Нема жодного, який би йшов за матір'ю. Що більше? Виродкам і підозрілим позаздривши, язики свої проти батьків нагострили. Батька соромлять, матір оббріхують. Батьківською наукою згордували, материнське піклування зневажили. Всі разом відпали і непотрібними остались. Нема з так багатьох жодного, який би робив добре. Біда неплідній, біда безпотомній, як закон мовить: проклят всякий, хто

потомства в ізраелю не залишить. О, наскільки більша біда і як особливо зле — потомство із злими звичаями та злобою, сваволею та неполіслухом залишити, від якого батькові сором, а матері наруга буває!

...Ах тяжко ж мені справді з тим непокірним потомством, з тим отруйним гадючим племенем, тяжко. Хто ж болю того разом зі мною не візьме? Хто мені плакати не допоможе? Синів породила і виховала, а вони мене зреклися і отруйні жала язиків своїх на мене повисовували. Спершу вони посланців і слуг слухати не хотіли, а тепер сам господар прийшов, сам закликає і вчить, аби тягарем гріхів обтяжені в нім спокою шукали і в ньому перебували, якому настільки охотніше послух віданий мав бути, наскільки голос господаря важливіший від голосу слуг. Що ж на те винародки? Краще за єгипетськими казанами і часником уганятися воліли, ніж з'явитись на коштовну вечерю господаря свого, що їх кликав! Де тепер ті часи, коли я мучеників родила? Де ті літа, коли справедливо і побожно в домі моїм ховала? Де вони, благословенні усього світу научителі апостоли? Де їх нелицемірні наслідувачі — пастирі і вчителі? Вас зараз потребую, милі і вірні сини мої. Вас прославляю, вами горджусь, возлюбленіками отця вашого, вами тішусь, що душі свої за мене віддали.

...Таких, кажу, потребую тепер синів, про таких в цей час мого нещастя дітей стараюсь, які б не тільки блюзнірам розпусні уста замкнули, але й своїх од найвищого до найнижчого, від архісвящеників до всіх священиків, що під їх владою перебувають, разом з довіреними їх владі людьми належно і відповідно гідності заслуг їхніх поучали, карали і виправляли. Але де таких знайду? Чи з неба вже торжествуючих ззову? То річ неможлива. Чи в рідних краях пошукаю? Нема жодного. Всі проти мене, як проти тої, що ними б ніколи не боліла, повстали. Всі озброєні і збунтувались, як на головного неприятеля, і шукають душі моєї на вигнання. Нещасна ж я мати, щò я такого вчинила, що нестерпні переслідування од власних моїх синів терплю? Чи ж озброювала я того, хто смерті вартий, що за здоров'я моє не є безпечна?

...Ви, княжата і вельможі, божим судом суditе повірених вам піддаених, пильнуючи того, аби тим же судом засуджені не були. Не вкладайте на них великої данини, знаючи, що і вам господь ваш увесь довг відпустив і чинш за вас заплатив. А коли що потаємно чините, не мовте: «хто ж нас бачить?», бо отець ваш — на небі, який все бачить, і все, що хоче, робить. Ви, архісвященики і священики, пастирі і научителі овець розумного стада христового, стійте, не хитаючись, в дарованій вам од бога вірі, пильно піклуйтесь про довірених вам овець. Мужньо чиніть опір тим, які намагаються правду повалити. Неспокійних умовляйте, потішайте лякливих, неуків навчайте, свавільних і непокірних вгамовуйте і приборкуйте, немічних зціляйте, докоряйте тим, що супротивляться. Будьте прикладом вірних у мові, в поведінці, в любові, у вірі, в чистоті. Пильнуйте читання, нагадуйте поучення. Провозвіщайте слово, наполягайте вчасно і невчасно, умовляйте, лайте, просіть з усією терпеливістю научатись, бороніть несильних і безпутних напучуйте. Ви-бо есте сіль землі і світлість світу.

...Але. як бачиться, вони, закриваючись, заткнули вуха свої, аби не чути голосу нашого. Кого ж то дужче турбує? Кому більше болю додає? Кого жорстокіше мучить? І кому небезпечніше життя готує? Я засмучена,

я бідна, від усіх матерів найнещасливіша, куди тільки не обернусь, всюди синів моїх на зраді мені знаходжу. Тут непроходимі ями копають, там дротяні сіті закидають. Звідти ядовиті жала випускають, а звідси смертельні трутизни ллють, одні явно, другі таємно, деякі улесливістю, а деякі погрозою. Однак усім одностайно про життя моє йдеться, всім одна мати в ненависті. А чи ж маю боятись? Чи маю лякатись? Аж ніяк. Оце стою, нехай прийде котрий і загострене залізо в зомліле серце моє вразить. Хай підійде і наболілу утробу матері своєї відкриє. Нехай радіє над тілом замученої неньки. Ліпша-бо є смерть від життя нещасного, миліше мені раз нагло померти, ніж через нечестивість синів моїх щоденно в скорботах умирати. Ах, горе оплаканому моєму життю! Біда нестерпним болям тіла мого!

...Біда мені, нещасній, що синів породила на біль собі, а дочок на рани! Воістину краще б мені було безпотомною бути, ніж на такі густі натовпи безбожних синів дивитись! Краще б направду було їм не родитись, ніж, народившись, вічну погибель успадковувати, в якій легше буде Содому й Гоморі, ніж їм! Бо слуга, який знає волю господаря свого, а не робить згідно з нею, немалою карою буде караний. О архісвященики і священики, научителі і пастирі овець отця вашого, доки німими бути хочете? Доки марнотратно овець пожирати будете? Не досить вам молока й вовни з тих, яких лупите, кров п'єте, а м'ясо на поживу крукам і вовкам викидаєте! Самі поніміли єсте і іншим мовити забороняєте! А чи стільки овечих стад в церковній вівчарні в недавні минулі часи було? І чи стільки роду божого під владу і управління вам подано?

...Забрано в мене пророка і вчителя, забрано вождя і пастиря. Багато тепер пастирів іменем, але мало — ділом. Бо деякі з теперішніх пастирів розумного стада христового заледве могли б бути гідними пастирями над нерозумним стадом ослів. Що більше! Не пастирі вони, а вовки хижі, не вожді, а леви зголоднілі, які одних овечок самі нещадно пожирають, а іншими гадючі пащеки без милосердя затикають. О нещасне стадо! Чи може той пастирем і учителем бути, який сам ніколи не вчився? Який не знає, що богу повинен, ані теж ближньому свому? А тим більше довіреним вівцям! Який з дитячих літ своїх не науки письма святого вчився, а іншою якоюсь, станові духовному непотрібною забавою займався, або в безділлі часи недозрілості тратив. А коли був стиснутий недостатком поживи і одежі, і коли йому нужда шию крутити почала,— проповідувати взявся, не знаючи, ані що таке проповідь, ані розуміючи, як її виконувати належить. І одні з корчем, другі з двору, ті з війська, а деякі з поборів, без жадного обрання і без всякого доброго свідоцтва за допомогою золота і срібла до дому божого вдерлися. Тому теж не диво, що із соромом з нього (яко негідні) повипадали і віровідступниками правди божої і зрадниками повіреного їм стада стали. Біда убогим овечатам, що мають таких пастирів! Біда тим, що за такими вождями йдуть услід, які, самі сліпі будучи, їх в ту ж юдоль безодні зіпхнути намагаються! Біда і вам, через чиє недбальство ті в дім божий ввійшли! Біда і вам, що пустошите доми божі, бо самі ним погублені будете! Біда вам, батьки, які, синами бути не научившись, батьківським титулом діток моїх зводите! Біда вам, батьки, які своє домашнє потомство не виховали добре, і божим синам із себе приклади злого життя подаєте! Біда і проклятим вашим

грошолюбцям, від яких ви на ті духовні власті висвячення взяли, які, знаю, що не за гідності ваші, ані теж не через наполегливі прохання братів руки на вас возложили, але через неминуче лакомство, через жадобу грошей...

...Теперішні ж мої єпископи і архієпископи, всю ту апостольську науку за себе закинувши, жадобою срібла засліплені, ногами непорядку її потоптали. Той в теперішній час мудрий і дотепний священик, котрий має з чого — якщо він від справ церковних віддалений — єпископові своєму вділити, щоб знову його назад повернути. Горе мені, недбалим робітникам довіреній! Ах мені, ненаситним лакомцям в опіку відданій! Біда і вам, що продаєте, і вам, що купуєте дар духа святого! Срібло ваше буде вам на згубу! Не хочете знати правди, не хочете бачити й неправди! Не хочете розуміти, звідки ті, що вам дають, здобувають, яким промислом багатіють! Молоко доять з овець, вовну стрижуть, шкури луплять і продають, самі м'ясом їх годуються і кров'ю напиваються, а вам із достатку м'ясив тих і лишків невинної крові уділяють! О грішителі, а не учителі, гасильники, а не світильники, брехуни, а не пастирі, архіскоти, а не архієпископи, виступили з закону волі божої, обманули душі свої проклятою мамоною світу цього, обдурили оздобленою машкарою невинних христових овечок, затемнили заразливим своїм недбальством євангельської світлості ясність! Що ви будете робити тоді, коли заберуть у вас виноградник, а іншим робітникам віддадуть, і ви, негідні, негідно погублені будете? Що скажете, коли вам дадуть відповідь: ви єсте сини отця вашого — диявола, ідіть, прокляті, від мене, не знаю вас! Що відповісте, коли пророчено буде: зв'язавши їм руки і ноги, киньте до темниці кромішньої, де буде плач і скрегіт зубовний! Біда вам тоді буде, сини мої, біда і мені! Вам нестерпні муки терпіти, а мені на вічну вашу погибель дивитись! О єпископи, єпископи! О сини, що згордували батьком і матір'ю! Дітки, в палацах королівських породжені і виховані, а тепер до корчем і халуп своєю волею приваблені! Доки сном лінивства спати будете? Доки ліні недбальства з очей сердець ваших не зітрете? Прийдіте до вод чотирипотічних євангельських ручаїв і обмийте болото простоти розуму вашого! І чи ще ж не досить маєте на тій неоцінимій утраті, яку я через ваше недбальство терплю? Таку велику згубу золота, срібла, перлів і дорогоцінного каміння, що ним мене отець ваш кількадесят літ тому, як найдостойнішу королеву, приздобив! Де тепер той неоцінимий камінець — яко світильник сяючий — карбункул, що його я між іншими перлами, як сонце між зорями, в короні голови моєї носила — дім княжат Острозьких, той, що блиском світлості старожитної віри своєї дужче від інших світив? Де інші дорогі і так же неоцінимі тієї ж корони камінці — славні доми руських княжат, неоціненні сапфіри і безцінні діаманти,— княжата Слуцькі, Заславські, Збаразькі, Вишневецькі, Сангушки, Чорторийські, Пронські, Ружинські, Соломирецькі, Головчинські, Крошинські, Масальські, Горські, Соколинські, Лукомські, Пузини і інші без ліку? Довга річ була б перечислювати їх поодинці! Де коло них і інші неоцінимі мої клейноти — родовиті, кажу, славні, відважні, сильні і давні, відомі по всім світі в добрій славі, моці і мужності доми народу руського — Ходкевичі, Глібовичі, Кишки, Сапіги, Дорогостайські, Войни, Воловичі, Зеновичі, Паци, Халецькі, Тишкевичі, Корсаки, Хребто-

вичі, Тризни, Горностаї, Бокії, Мишки, Гойські, Семашки, Гулевичі, Ярмолинські, Чолганські, Калиповські, Кирдеї, Загоровські, Мелешки, Боговитини, Павловичі, Сосновські, Скумини, Потії та інші? Не згадую тут тієї широкої і коштовної шати моєї, незліченними перлами і різнокольоровим камінням усипаної, якою я завжди прикрашалась — князівств і повітів у межах руської землі! Це ви з мене, злочинці, таку оздоблену шату здерли, і над бідним тілом моїм, з якого ви всі вийшли, насміхом і глумом знущаєтесь! Але проклятий кожен, хто на зневагу наготу матері своєї відкриває! Прокляті і ви, що з наготи моєї насміхаєтесь і тішитесь! Прийде той час, коли всього цього соромитесь будете! Ліпше-бо справді було б вам не пізнати світлості правди, ніж пізнану відкинути, загасити і заглушити. Бо хіба ти пастир, коли ти пастирством чванишся, а втратою овечок ображаєш бога? Хіба ти священик, коли ти висвяченням вихваляєшся, а безчестям святості бога зрікаєшся? Ані життя, ані звичаї, ані ходіння, ані одіння не показують, що ви научителі. Ні мудрість, ні наука, ані розмова про висвячення — не свідчать про пастирство ваше. В житті корчмарі і купці єсте, у звичаях лежебоки, в розмові неуки, в ходінні — лукаві лиси, в одінні — хижі вовки! А що ж про прикмети розуму вашого скажу? Мудрість ваша, знання, розмова — безглузді, марні і розпусні. Заняття — безпутні, в яких і ви самі, і ті, що вас наслідують, гинете.

...Кому ж від цього біда? Мені. Кому горе? Мені. Кому тяжко? Мені. Кому нужда? Мені. Я погорджена, зневажена, вигнана, оббріхана. Біда і вам, що згордували мною! Горе і вам, що зневажили мене! Тяжко і вам, які вигнали мене! Нужда і вам, що оббрехали мене!

...Я щиро воліла б, щоб неправдивою мене назвали за все те, що я тут сказала, ніж правдивою. Але тяжко ж мені, бо все те правда, що я кажу.

ЗАХАРІЯ КОПИСТЕНСЬКИЙ

Біографічні відомості про Захарію Копистенського дуже скупі. Гадають, що походив він із Західної України і вчився в школі Львівського братства. Про дальшу освіту відомостей немає, хоч Копистенський прославився великою ерудицією. В 1616 р. записався він до Київського братства; в 1625 р. став архімандритом Печерського монастиря після Єлісея Плетенецького, в гуртку якого визначився освітньою й видавничою діяльністю; помер у 1627 р. Крім «Палінодії», Копистенський написав «Книгу о вѣрѣ» (1619 р.), «Книгу о правдивой єдности» (1625 р.), дві проповіді, присвячені Єлісею Плетенецькому, ряд передмов до перекладів церковних книг, а також сам перекладав твори Андрія Крітського та інших церковних письменників. Написаний проти книги віленського уніатського архімандрита Лева Кревзи «Obrona jedności cerkiewnej» (1617 р.) великий трактат «Палінодія» (1619—1622 рр.), що складається з передмови і чотирьох частин, має на меті довести безпідставність католицького вчення про першість папи (1—2 чч.), спростувати твердження, ніби київська митрополія була в унії з Римом до Флорентійської унії (3 ч.) і довести незаконність Берестейської унії (4 ч.). Аналізуючи факти, Копистенський кожне твердження обґрунтовує документами і посиланнями на багатьох авторів (понад 100), виявляючи широке знання не лише богословської літератури, але й юридичної, а також історичної. Спокійний діловий тон трактату поєднується з патетичним (як в панегірику князеві К. Острозькому) або гостро сатиричним, часто з використанням народних

порівнянь і прислів'їв, коли автор перелічує кривди, які чинять українському народові польські світські й духовні вельможі. Докладно спиняючись на поборах, відбираннях церков, паклепах, грошових карах, арештах, вбивствах і всяких інших утисках, Копистенський пророкує загибель шляхетській державі, що пригноблює народи, які входять у її склад. Хоч «Палінодія» не була надрукована, проте мала велику популярність і вплинула на творчість пізніших українських письменників XVII ст.

Уривки з «Палінодії» подаємо за виданням Археографічної комісії: «Русская историческая библиотека», т. IV, «Памятники полемической литературы Западной Руси», кн. 1, СПБ, 1878.

ПАЛІНОДІЯ ИЛИ КНИГА ОБОРОНЫ

...Было теж и в Россіи нашей дидаскалов много, а который писма зоставили, не вспоминаючи старих, новых мяную пару якую: преподобного Артемія инока, который, споспѣшествующу ему господу, в Литвѣ от ереси аріанской и лютеранской многих отвернул, и през него бог справил, же ся весь народ русскій в Литвѣ в ереси тыи не перевернул; монах Стефан Зизаній, в грецком и словенском языку муж учоный велце; блаженный Леонтій Карпович, архимандрит виленскій, муж богодухновенный, в языку греческом и латинском знамените бѣглый, оборонца благочестія; пречестной Виталій, архидіакон, учитель и любомудрец. А живых благодатією божією маемо з потребу.

В Москвѣ теж люде мудріи и богословове православныи, язык греческій знаючіи, о чом нам св. отец патріарха іерусалимскій кир Феофан повѣдал, который в Москвѣ на столици был завитавши от Іерусалима для навѣженья духовного и спасенія народов многих.

(Части II, роздѣлу XII, артикул 4).

... Барзѣй нас тое болит, же штò грекове от поґан, тое мы, Русь, от вас, христіан костела римского, терпимо! Присмотрѣтеся, якосте православных христіан виленских, мѣнских, перемислских, могилевских, быховских, пинских, берестійских, полоцких, витебских и по иных мѣстах, з великих церквій выгнаных, в маліи церковки втиснули! Присмотрѣтеся, як по многих повѣтах бѣдніи мѣщане, же им поотбирано в мѣстѣх. церкви, в домах, полях и лѣсах набожество свое христіанское отправуют! Присмотритеся еще и в том справедливости и сумнѣнью людій религіи римской, которыи, от нас обѣма руками гойніи упоминки и дары беручи, обѣцуют покой и волности захованье, а еднак вмѣсто уищеня ся[1] в обѣтници прирѣченой[2], барзѣй на нас инстигуют[3], и декрета суровыи, якобы з найму, феруют[4]. Мают то грекове над нас, ркомо вольных и правы обварованых, же в вѣрѣ и в набоженствѣ своем волность мают. Хто был в Константинополю и по инших мѣстах в Греціи на урочистыи свята, обачил бы свободу и волность, и веселе, и строй и безпеченство христіан таковое, же рекл бы кождый, иж тыи там христіане царствуют, и же в так великом их згромаженью, и в так свѣтлой их оказалости толко им цара

[1] дотримання [2] даної обіцянки [3] підмовляють [4] ухвалюють

не доставает. И которыи на то глядѣли, мовили в себѣ, же царство Константиново и царство Юстиніаново нынѣ видимо, в котором пресвѣтлом выдоку и веселю, ено им діадиму носячого не доставало. А у нас в свято, як у попа, у мѣщанина и у хлопка обачено свѣтлое што на хребтѣ, так долго около того ходити будет пан, пани и урядник, же аж мусит збыти убогій худак! Але то меншая! Гды нам волность вѣры захована будет на свободѣ, як захована ест греком в неволи, которыи ведлуг давных своих христіанских прав, мают єпископов, архіепископов, примасов, патріархов и весь нижшый причет церковный,— о подачки и о чинши стояти не будемо: дал за себе и за Петра, а в особѣ его за церков свою чинш Иисус Христос; будемо давати и мы, толко вѣры свобода нехай нам зоставает, якая зоставаєть братіи нашей греком.

(Части II, роздѣлу XII, артикул 6).

...Православный христіанине! маеш преложенный правдивый каталог и вывод всѣх митрополитов кіевских, и свячене их от патріархов константинополских, которіи всѣ в послушенствѣ их статечне тръвали. А овыи: Исидор, Григорій, Михаил Рагоза, Ипатій, Іосиф Веламин, также и единомысленныи их владыкове, иж суть выклятими от патріархов всходных, и рукою свѣтскою през кгвалт насажены, за митрополитов и епископов их не знаемо и знати не хочемо, и жадной повинности оным, яко латинныком, измѣнником и ворогом церкве всходной, патріархов святых хулником, не отдаемо и отдавати не будемо, богу нас покрѣпляющему, заступленіем пресвятой богородицы, молитвами святых патріархов и всѣх отцев всходных! Аминь.

А поневаж прозрѣніем и благословеніем божіим от церкве всходной, то есть от греков и от церкве константинопольской маемо вѣру, крещеніе, пастирѣ, митрополити, епископы, пресвитеры, святиню и святости, книги, науку, набожество и ввесь чин и обход церковный, пре то з ными вѣруемо, з ними держимо, и в едности правдивой з церковію всходнею пребываемо, и оной не отступуемо, за ню хотячи и мученичество подняти. А от костела латинского римского и от папежов з початку бог не благоволил россом ничего з поменених взяти, и продкове наши ничего не взяли, и мы не беремо, и не была и не ест воля божія, абысмо ся з латинниками лучили и едночили, поки костел латинскій не отступит и не отвержет всего того, о што от всходной церкве есть наганен и обличен...

(Части III, роздѣлу II, артикул 1).

...А то ест причина ... той мерзеной их уніи, або рачей апостасіи. Которою иж ся народ роскій зо всего серца бридил и их в том не наслѣдовал, они, видячи себе от своих парафіян отпущеными и зневажеными, з шляхтою, з панами и з княжаты мало што, або згола нѣчого почати не могши, зачали з мѣщаны, з людом посполитым и з священниками, пустили межи ных злого своего отступства злыи проповѣдники: кіи, посторонки[1], ланцухи, турмы, инквизиціи, мандаты[2], баниціи[3] и пныи мученія и трапеня и тым подобныи учителѣ, которыи бы тяжкою, и трудною до знесеня своего проповѣдію до наслѣдованя отступства их народ примушали.

[1] мотузки [2] накази [3] заслання

И кождый в своей діецезіи — почали пресвитеров инших от хлѣба отдаляти, инших ланцухами и турмами мордовати, а которых през гвалт не подоляли, тых мандатами турбовали, баниціи на них выносили, церкви им печатовали, а затым або имали их и вязенем трапили, або то всей маетности проч с парафій выгоняли. Мѣщан — также: одных от лавицы ратушной руговали, инших от цехов, других вязенем и окрутными темницами, без вшелякой милости и литости трапили, напрод в Берестю, в Пинску, в Красном Ставѣ и индѣ, а потом пришло до Вилня, до Полоцка, до Витепска, до Орши, до Могилева и до инших мѣст бѣлоруских.

И такою своею окрутною и нехристіанскою проповѣдію идучи, гды видѣли, же и тым не вскурали, але им оны суровѣй на люд и на священники наступовали, тим ся они барзѣй ними брыдили и удалялися от них,— до иншей ся рады скрытой и превротной удали, который чловѣчій промысл, если бы божій особливый был не приступил, нѣгды бы забѣчи не могл...

(Части III, роздѣлу II, артикул 1).

...То теды ест, православный чителнику, велебная тая унія, або рачей обридлая апостасія и турбація, тыи суть причины еи и той поступок! А што бы были еи за скутки — всѣм суть на вѣдоку, же юж з той едности и згоды такая немаль народом тым — полскому, литовскому и рускому — едность и згода сталася, якая ест волком з овцами. Здарь, Христе цару, конец потѣшный, нѣж на якій заносится видимо. Амин...

(Части III, роздѣлу II, артикул 1).

...Даніил, князь великій росскій, ходил з ляхами на чехи воевати. Там всѣ небезпеченства полки росскіи поносили так, же все звитяство Даніилови приписано. Услышавши то папеж римскій, послы свои и корону з титулом кролевства послал Даніилови, вѣншуючи а за так великую дѣлность и мужество оного уважаючи, годным его быти кролевского тидстулу узнавал. Которую то коруну, за поводом и порадою своих епископов, принял. Леч не от рук папежских, ани от его посла, ани от бискупов его корунован был, ани ся з костелом римским в вѣрѣ едночил, и през приняте тое коруны Даніил не отступовал вѣры, ено за почесть ко болшей своей славѣ принял оную. Славныи бовѣм богатирове и от непріятелей и от невѣрных пріймали дары почетныи. И от турков хрестіянскіи кролеве пріймуют, ане юж за тим идет, абы и на секты их зезволяти мѣли!?

...Припомяну еще вкоротцѣ о дѣлности россов Великой Россіи, як народ той яфето-росскій и доселѣ квитнет и прославляет его бог.

Іоан, цар Московскій, двѣ ордѣ татарскіи, Казань и Астрахань, взял и под свою моц подбил. А другая часть яфето-роского поколѣнья, з Малой Россіи выходячи, а на за-порогах живучіи козаки — татары и мѣста турецкіи на мори чолном воюют, а на всѣх выправах военных кролей полских дѣлне, мужне и преважне ся ставят, ач незычливыи вѣрѣ нашой козаком того не признавают. Леч нехай ся встидают посторонных! Всѣ бовѣм посторонніи и сам той непріятель хрестіанского имене, татарове и туркове, признавают россом мужество. Опущаю давныи дѣлности, припоминаю нынѣшнюю в року 1621 з цесарем турецким и татарами войну под Хотѣнем в Волоской земли. На которой земли сам цесар турецкий

Осман притомный был з войском барзо великим. Як там напрод сам бог з своего великого милосердія кролевство и войско полское заховал, а заступ и оборону тую войском росским козаками выставил! Тое-то ест войско и той-то народ, который вѣру оную за Володимера, от греков принятую, держит, и который в послушенствѣ и благословеніи патріархи вселенского, архиепископа константинополского, статечне травет! А не выставил бог уніятов-отступников, кролевства ляцкого турбаторов, а наших преслѣдовников и мучителей! Были там за помочю божою на той войнѣ под Хотѣнем своим обозом козаки, живим и движучимся муром и баштами оборонными! Весь свѣт и правое рицерство вѣдает свѣдоцство, як они там мужне, преважне и рицерско поступовали, як насилнѣйшим и накгвалтовнѣйшим турецким штурмом отпор валечный давали и вытримавали, так иж цесар, не доказавши своих замислов, зо встидом отступити мусѣл!..

(Части IV, роздѣлу I, артикул 1)

...Княжа острозское Василій Константинович рожай свой з благословенного яфето-роского поколѣня провадит: пресловутого Володимера, в святом крещеніи Василія, монархи великого, и Даніила, княжат росских, власный потомок;— сын пресвѣтлого Константина, княжати острозского, а великого гетмана великого княжства литовского, воеводы троцкого, в обоем высоце преславный — в дѣлности и правовѣріи,— первый межи княжати роскими, великій заступ и потѣха всего народу роского; мур желѣзный на Украйнах, страх и трепет татаром; слава и свѣча ясносвѣтлая кролевства полского, оздоба и окраса сеймовая, всѣх публичных зъѣздов око и сила потужная; — притомность двору и люду его наполняла дороги и мѣста: многополчный бовѣм свѣтлый и стройный поѣзд отправовати был звыкл; — урода Гекторова; красота лица и особы Іосифа Прекрасного;— постава вспанялая; муж обычаев царских, ласкавости и цнот побожных полный.

Двор свѣтлый и дородный: Гетфеом и гигантом подобныи мужеве, силныи такіи около него, як нѣкогда у дѣда Херева и Фелефофіи, то ест отражаючіи и утѣшаючіи; Авраамскіи и Іаковы и Ісааковы почестныи особы пред обличностью его предходячіи и послѣдуючіи, як бы хто от старых оных вѣков хотѣл видѣти на востоку пресловутого монарху. Подобен в дѣлности, в мужествѣ, як Авенир и Самаія, Аннибалеви и Помпеушом. Ровен радою и розсудком Іафорови, Фемистоклесови, Артабанови и Велисарію з Нарсесом, и иным тым подобным. Згола — муж словом, силою, и дѣлом, цнотами и добродѣйствы преславный!

Найдовалися на дворѣ его и мовцы оному Димосфенесови ровныи, и Сафанове и иные розличныи любомудрцы. Найдовалися и докторове славныи, в греческом, славенском и латинском языках выцвѣчоныи. Найдовалися и математикове и астрологове превыборныи, межи которыми он презацный математик, философ и астролог, Ян Лятос, который календар новый славне зганил и пером доводне през друк показал, же ест омылный.

Пойдем же еще и до другой вышшей в богодухновенных похвалы: в православной кафолической вѣрѣ и набоженстве — продкуючій; — церковь велегласная и розличным сіяніем свѣтлая;— церкви и двор того

княжати — полныи православных учителей евангелских и апостолских, полныи богословов истинных, от богословов Діонисія, Афанасія, Василія, Григорія Назіанского и Ниссенского, Іоанна Златоустого, Кирилла Александрійского, Іоанна Дамаскина и Феофилакта, и иных многых, и от соборов и от патріархов всходных знаючих богословію и вѣру правую; — был архіереев и священников велце шануючій, оборонца вѣры и церквій божіих; силный мур мѣдяный, от бога благочестію нашему поставленый в Россіи;— в вѣрѣ отчистой адамантова статечность. И то знаменитое добродѣйство церквам показал и учинил, же през магистерство типографіи книг богословских выдал не мало, през што церков Христова будуется не толко ту в Россіи, але и по пных краінах сполвѣрных нам народов.

(Части IV, роздѣлу II, артикул 3).

КИРИЛ ТРАНКВІЛІОН СТАВРОВЕЦЬКИЙ

Кирил Транквіліон Ставровецький став відомим як учитель Львівської братської школи. Брав участь у боротьбі братства проти єпископа Гедеона Балабана. В 1592 р. переїхав до Вільна, але через кілька років повернувся в Галичину, у 20-х роках XVII ст. був проповідником у Замості; перейшовши в унію, став з 1626 р. архімандритом чернігівським, помер у 1646 р. Ставровецький склав систему богословія — «Зерцало богословіи» (вид. 1618, 1692 рр. та інші), де знаходимо цікаві космографічні відомості за тодішніми поглядами, збірник проповідей «Учительное евангеліе» (1619 р.) і «Перло многоцѣнное» (1646 р. і 1690 р.)— збірник віршів релігійно-морального характеру.

Уривки з «Зерцала богословіи» (вид. 1618 р.) наводимо за виданням: *Ф. Буслаев*, Историческая христоматия, М., 1861.

КНІГА НАРІЦАЕМАЯ ЗЕРЦАЛО БОГОСЛОВІИ

I

[Про елементи]

Подобает же вѣдати о єлеменѣтах, яко не суть равны: єдины бо вѣм легъкого и суптельного єстества, яко огнь и воздух; другии же тяжшего и грубшего, яко вода и земля. Легкіе и суптелныи єлемента на вышшем местѣ положив премудрій будовъца. Грубшіи же и тяжчаишіи на низшем: землю и воду; земли послѣднее мѣсто даде, водѣ суптельнѣйшой — над землею; въздуху, яко тоншеи стихіи, над землею и водою, огневи же, яко легчайшей стихіи, над воздухом вышъше всѣх даде мѣсто.

Двѣ же стихіи между собою враждуют и валку ведут: вода и огнь; и для того их премудрый съдѣтель розсадив на розныи мѣста далеко от себе; вода низко, огнь высоко, воздух же посредѣ их яко перегорода и миротворец.

[Про води]

Раздѣляют же ся воды моря окіянъского на одноги и єзера, и на малыи моря, на рѣки и на жрудла, которіи от камени и от землѣ исходят. А иж вода морская слана єст и горка, повѣдают нѣкоторіи философи:

для того єст такова, поневаж много стоит на єдном мѣстѣ непоступна и недвижима, а до того солнце уставичне ходячи над морем окиянским, вытягает променьми своими, парею суптелною, або мглами, сладость водную. Так же и дуга часто берет суптелнѣйшую воду з моря и възносит на высоту, и учиняет облаци дождевныи.

Друзіи же физелоици,повѣдают, яко по єстеству слана вода морская: абовѣм, если бы была не слана и так долго стоячи, без порушеня на єдином мѣсте от сътвореня свѣта, тогда бы ся загнила и засмердѣла, и смрадом своим заразила бы увес воздух и живот людскіи згубила.

А с тои причины мнѣ ся мнит, иж с прироженя слана єст водная стихія.

Но и се вѣдати подобает, откуду сладкая вода течет: поневаж вся стихія слана єст с прироженя. Напрод то уважити потреба, иж вся земля дѣри в собѣ имѣет, яко нѣякіи жилы. В мори зась сут таковыи мѣста, єврѣпины[1] албо пупы и пропасти, которими вода впадает внутр землѣ и расходиться по жилах и дѣрах оных. И так идучи скрозѣ землю, грубост горкости и солоность в земли оставует: тілко тонкая и сладкая вода исходит жрудлами.

Із передмови Кирила Транквіліона Ставровецького до Унівського «Зерцала Богословіи» 1692 р.

Вѣдай и то, ласкавый чителнику, для чого покладалося в той книзѣ простый язык и словенскій, а не все попросту. Та причина ест: по словенскій ся клали слова богословцов и доводы писма святаго. А другое, иж слова нѣкоторіи словенъского языку трудныи на простый язык также нелацно[2] понятыи, яко то «качество» або «якости» попросту. И много таковых найдуется; леч простакови все криво, хотяй и найпростѣйше, а мудрій и кривое справити може. И о мнѣ многогрѣшном в молитвах своих святых памятьствуйте, да и болшее сподобит бог дѣло изобразити и увѣренный талант усугубити, которого ради многіи бѣды и скорбы претерпѣваю в родѣ моем: завиденіе, оболганіе, неблагодарство. И до нынѣ въсуе кривавые поты проливаю, велице бо діявол с помочниками своими въоружився на мя, хотячи свѣт правды божеи в тму съкрити и стрѣлу ядовитую, на него уготованную, отбити и воспят возвратити. Напрягоша лук, уготоваша в тайнѣ, в скритости здрад своих умыслиша състрѣляти правое сердце и уязвити болѣзнію. Но стрѣлы их обратит господь в сердца их, а мнѣ много бѣдствуемому помощи пошле крѣпкую руку свою. И до конца, уповаю, укрѣпит мя на дѣло доброе. И труды к трудом моим приложу, аще ми господь поспѣшит болшего духовного сокровища, свѣт разума открити на ползу и утѣху душам вашим, узрю, аще з любовію и охотою сію малую труда моего книгу прыймете с благодарством. Вѣм, яко мала здается в очах людских тая книжечка; но тилко прочитай ю з уваженям, каждый снадне[3] обачиш великіи горы в ней премудрости ѣебеснои и дивный свѣт разума. Прочее здравствуй о господѣ.

[1] «єврѣпины» замість «еврипины» — вирове (з грецького — морська протока, канал)
[2] нелегко, тяжко [3] легко, зручно

К. Транквіліон Ставровецький, «Зерцало богословіи». Титульна сторінка з Унівського видання 1692 р. (з примірника ЦНБ АН УРСР).

ЕВАНГЕЛІЕ УЧИТЕЛЬНОЕ [а]

...Прійдѣмо на простѣйших и кротчайших, на род дѣлателей и художников, да и сих стяжем: сіи бо наипаче мнятся от праведных трудов жити. Но и таковыи єгда не внимают закону Христову, то съгрѣшают, прелщаемы суще желаніем имѣніа тлѣнного, и отсюду зло събирают себѣ, еже от продаяніа и куплѣ неправду присовокупляют себѣ и к своим праведным трудом клятвы, лжесловіе прилагают и имѣнія ради земли ум привязуют, сами немилостивы суще к нищим и паки заимства, лихвы, съпрѣніа, потвари, кривоприсяжства. Тѣм же и сіи длъжни сут тмою талантов господину своему.

Но оставивши сих, пріидѣмо єще и на иных, иже праведнѣйшіи мнятся быти и кто ли сіи сут: явѣ яко сіи, иже стяжаша села, насадиша виногради и умножиша рабов, от землѣ богатство събирающе. И что убо сих буде неправеднѣйше, егда оны, окаянныи, показуются немилостивыми на подручных себѣ и к дѣлателем своим варваров лютѣйшіи являются. И нѣже их зрят, яко гладом погибают и рубища раздранного скудны, и през всю жизнь свою труждаются на них, дѣлающе день и нощ, поты проливают. Они же за то въздают им вмѣсто благодѣанія злодѣяніе, біеніе, раны, досады, в темницу затвореніе, узилища. К тому же и дани всегда налагают нестерпимыя, и службы трудныи повелѣвают: не яко человѣку, но яко ослом и волом тѣм томителство налагают, и нѣже мало ододхнути попущают. И что еще будет безаконѣйше, яко тѣми, и женами их, и чады куплю дѣяти, яко безсловесными, и имѣніе их похищати без правды. Увы мнѣ, что сего безаконіа буде лютѣйше! Єгда бо они, трудившеся чрез цѣлую зиму, глад, и мраз, и досажденіе претерпѣвают, сами с праздными руками отходят еще и задлъжившися! Тыи ж, потами их крывавыми обогатившися, и нѣ єдного же им за то благодареніа въздают, но и паче гнушаются их. И в болшей чести имѣют безсловесных псов и коней, нежели брата своєго и образ божій, єго же ради небеса и земля създаны, и сын божій на крест възшед. И єда ли мал сих длъг, не тмою ли должны богу, страшному царю?

Но и єще непрестану, оглаголуя тѣх безаконіе и корчемства, еже они корчемствуют. От трудов убо и потов подданных своих точила их исполняются, и гумна полны. Оным же трудившимся нѣ малои части дают в домы своа внести, но вес цѣлый плод и труд их изнуряют в законопреступная чрева своа, яко в делвы, и мало им за то сребра покинувше, паки новыя им лихвы умышляют, да и тое от них възмут, и тако грѣх к грѣху сълагают и събірают себѣ гнѣв в день гнѣва и болшій длъг.

ВІРШОВА ЛІТЕРАТУРА XVI—XVII ст.

Спроби силабічного віршування на Україні виникли ще в XVI ст. Найстарішим їх зразком є вірші в Острозькій біблії 1581 р., написані *Герасимом Смотрицьким* (*В. Перетц*, Историко-литературные исследования и материалы, т. I, СПБ, 1900), і *Хронологія Андрія Римші* (вийшла в Острозькій друкарні 5 травня 1581 р.) — двонадцять двовіршів, що в короткій формі подають відомості про найважливіші події,

а Текст подається за виданням 1619 р. (Рахманів).

які сталися в тому чи іншому місяці. Мова цих двовіршів «західноруська», близька до мови ділових паперів; вірш дванадцяти- і тринадцятискладовий, з цезурою після сьомого складу, набуває характеру розмірної мови, якщо читати його з наголосами на передостанньому складі кожного слова.

У міру розвитку друкарської й шкільної справи число віршових творів зростає. Від першої половини XVII ст. до нас дійшло вже чимало пам'яток віршової літератури, які можна поділити на три групи: 1) вірші панегіричні; 2) вірші історичні; 3) вірші дидактичні, що наближаються до пізнішої «лірики почуття».

Зразок першої групи — *Вѣзерѵнок цнот* (Образ чеснот) на честь Єлісея Плетенецького, архімандрита Києво-Печерської лаври (1599—1624) і засновника Києво-Печерської друкарні. Заснування цієї друкарні було справою, що вимагала великої енергії й організаторських здібностей. Плетенецький зумів знайти собі добрих помічників в особі, наприклад, Памви Беринди, знавця друкарської справи, видатного лексикографа й віршописця (див. нижче), автора «Палінодії», Захарії Копистенського, проповідника Тарасія Земки та ін. Усі вони були «загромажены на святое мѣсце... им на этом мѣсцѣ держаны и як духовным, так в изобилiи и тѣлесным выхованем пѣстованы и загорѣваны». В числі їх був і друкар Олександр Митура, автор панегірика.

Панегірик складається з ряду окремих віршів, що прославляють за традицією тих часів: 1) герб «панів Плетенецьких»; 2) походження вихвалюваної особи; 3) її стійкість у вірі; 4) її працьовитість і відданість православній релігії; 5) її піклування про заснування монастирів і церков; 6) її властивості як начальника; 7) справу заснування друкарні. Закінчується панегірик промовою й «колядою».

Два інші панегірики присвячені Петру Могилі, що в 1631 р. перетворив школу Київського богоявленського братства в колегіум, пізніше — Києво-Могилянську колегію, яка через недовгий час стала центром шкільної освіти на всій Україні. В результаті реформи Могили в колегіумі переважне місце належало тепер латинській мові замість грецької, почалося вивчення польської мови; система освіти була побудована на зразок католицьких єзуїтських шкіл. Така реформа була викликана практичною потребою; виправдуючи її, Сільвестр Косов, професор риторики в новому колегіумі, в 1635 р. писав у своєму творі «Екзегесис» (Роз'яснення): «Яка ж потреба в латинських школах нашому народові?.. Насамперед та, щоб нашу бідну Русь не називали дурною Руссю. А то поїде бідняк русин на трибунал, на сейм або сеймик, в повітовий міський суд, або земський, дивишся, ні розуму, ні діла; дивиться він то на того, то на другого, витріщивши очі, як ворона»... Новий характер освіти визначив і новий стиль панегіричної поезії, прищепивши їй, наприклад, звичайну в латино-польських панегіриках мішанину язичеської міфології з християнською, схильність до персоніфікацій, до фігурної складної побудови та ін.

Перший з двох поданих нижче панегіриків *Евхаристіріон* (1632 р.) складається з двох частин: 1) Гелікон, або сад наук перший, з характеристикою основних семи «вільних наук», що вивчалися ще в середньовічних школах, і їх «вінця» — богословія (теології); 2) Парнас і його дев'ять муз, що відповідають дев'яти мистецтвам («цвіченям» — вправам), з їх керівником Аполлоном. Як перша, так і друга частина закінчується двома віршами, з яких перший — похвала Петру Могилі, другий — моликовне звертання до бога. Кінцівкою до цілого є вірш до Зоїла (заздрісника), якому не радять виступати проти Петра Могили, бо він не боїться «шарпанья зубатих зоилов».

Другий панегірик *Евфонія* (Доброзвучність), 1633 р., піднесений друкарями Печерської друкарні з нагоди обрання Петра Могили митрополитом. Він відрізняється від першого більшою різноманітністю строфічних побудов і відносно меншою скованістю висловлення звичними шаблонами.

Зразком історичних віршів першої половини XVII ст. може бути *Острозький лямент* (плач) 1636 р. Вірші ці, що належать авторові з «найубогшей школи» в м. Ровно, є відгуком на подію в м. Острозі, характерну для часів польського панування. Внучка славнозвісного князя Костянтина Острозького, Ганна Ходкевич, дружина воєводи віленського, ставши щирою католичкою, за порадою єзуїтів, наказала своїм слугам викрасти із замкової богоявленської церкви в Острозі труну з тілом Олександра Острозького, її батька, і перенести її в новий, побудований нею костьол при єзуїтській острозькій колегії. Це викрадення острозькі православні міщани сприйняли як образу їх віри, і на другий день між слугами Ходкевич і міщанами сталася сутичка, з якої виникло повстання проти поляків, що закінчилося жорстоким придушенням і судом над учасниками. Не вміючи ще усвідомити політичного значення того, що сталося, автор від імені потерпілого населення висловлює сумні почуття з приводу події.

Найстарішим зразком віршів лірично-дидактичного характеру є збірник *Кирила Транквіліона Ставровецького — Перло многоцѣнное*. У передмові сказано, що збірник складений як підручник для проповідників, як заміна світських пісень у побуті письменного населення й як підручник у школі. «Лѣкарство роскошником того свѣта» — один з віршів цього збірника, написаний від імені значного пана, захопленого смертю несподівано; він ніби з могили висловлює, як поучення живим, думки про марність людського життя, про мінливість земних благ і про могутність смерті.

Наведені зразки свідчать про те, що форма віршової поезії в першій половині XVII ст. остаточно ще не встановилася. Так само не встановилася остаточно й теорія. *Мелетій Смотрицький* у *Граматиці 1619 р.* рекомендує ще метричну систему (див. нижче уривки, наведені за виданням: *В. Перетц*, Историко-литературные исследования и материалы, т. I, СПБ, 1900).

Проте вже в 1638 р. в Кремінці вийшла «Грамматіки или писменница языка словенскаго тщателем в кратцѣ издана». В кінці її є «просодія», а також поучення. «Сію просодію, или припѣло верхнее, со претинаніем строчным, ея же славенстіи чтецы и писцы употребляти обыкоша, предложихом, стихотворную же оставихом; понеже славяном нѣсть еще обычай мѣрам временми и степенми стихи составляти, яко видим и польских стихотворцов не мѣрами ниже степенми (еже еллином и латином обычно), но слогами во всѣх потребах всѣ искусныи стихотворцы или вѣршописцы мѣру токмо слогов в стисѣх и согласіе послѣдняго слога съблюдающе употреблятися. Сим и славенстіи тщателі любо учащеися послѣдующю здравствуйте» (див. *Каратаев*, Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами, т. I, СПБ, 1883, стор. 466). Звідси видно, що автор — прихильник просодії силабічної, де збе-рігалися «мера слогов» і рима, а не метричної, що ґрунтувалася на довготі й короткості складів у стопах. Нижче наведені зразки вводять нас в історію чергувань систем силабічної (панегірики) з несилабічною, близькою, за нашими уявленнями, до римованої прози («Лямент» і «Перло многоцѣнное»), і метричною, що проте лишилася тільки в теоріях і не перейшла в літературну практику.

До другої половини XVI ст. належить найраніший відомий досі запис української народної пісні. В чеській граматиці Яна Благослава, який помер 1571 р., було вміщено пісню про Стефана восводу (ця граматика опублікована аж у 1857 р.). В 1625 р. в польській брошурі надрукована народна пісня про козака і Кулину. Наводимо тексти цих двох пісень.

СТЕФАН ВОЄВОДА[а]

Дунаю, Дунаю, чему смутен течеш?
[Ой як же Дунаю смутному не течи,
Що дно його точуть студені криниці,
А по середині та рибоньки мутять],
На версі Дунаю три роти ту стою.
Первша рота турєцка,
Друга рота татарска,
Трета рота волоска.
У турецкі-м роті шаблями шермую,
У татарскі-м роті стрілками стріляю,
У волоскі-м роті Стефан воєвода.
В Стефанові роті дівониця плачет,
[Дівониця плачет], плачучи повідат:
«Стефане, Стефане, Стефан воєвода!
Альбо ме[не] пуїми, альбо ме[не] лишп!»
А што ми [од]речет Стефан воєвода?
«Красна дівонице, пуїмил-бих [я] тебе,
[Красная] дівонько, неровнай ми єси;
Лишил бих [я] те[бе], миленька ми єсп».
[І] што-ж му [од]рекла [красная] дівонька?
[Одрекла дівонька]: «Пусти мня, Стефане!
Скочу я у Дунай, у Дунай глубокий.
А хто мя доплинет, [то] єго я буду».
Ніхто не доплинул красну[ю] дівоньку,
Доплинул дівоньку Стефан воєвода,
І узял дівоньку за білу ї ручку:
«Дівонько, душенько, миленька ми будеш».

ПІСНЯ ПРО КОЗАКА І КУЛИНУ[б]

— Гой козачейку, пане ж мій,
Далек же маєш домик свій?
— При березі, при Дунаю,
Там я свою хижу маю:
Ліс зелений,
Оздоблений
Красним цвітом,
Густим листом,—
То дім мій,
То покій,
Кулина!

— Гой козачейку, пане ж мій,
На чім же буде поїзд мій?
— Посажу тя за бедрами,
Прив'яжу тя тороками,
Бог над нами,
Кінь під нами,
Ти зо мною,
Я з тобою
Побіжим,
Поспішим,
Кулина!

а Подається за виданням: *Ів. Франко*, Студії над українськими народними піснями, т. I., Львів, 1913. У квадратних дужках наведені додатки, зроблені Франком.

б Подаємо за розвідкою І. Франка «Козак Плахта, українська народна пісня, друкована в польській брошурі з р. 1625» «Записки наукового товариства ім. Шевченка», 1902, т. 47. Враховано також транскрибування тексту, здійснене М. С. Возняком.

— Гой козачейку, пане ж мій,
Який же буде покарм твій?
— Будем їсти саламаху,
Козацькую затираху,
При криниці
Без тескниці
Будем їсти,
Будем пити,
Викрикати,
Облапяти,
Кулина!
— Гой козачейку, пане ж мій,
Що за розкіш буде мені?
— Да вдень будеш коні пасти,
Вночі при мені ляжеш спати,
O północy
Ze wszej mocy
Ocucę,
Przewrócę
Дівоньку
К серденьку,
Кулина!
— Гой козачейку, пане ж мій,
Який же буде постіль твій?
— Войлочище під бочище,
А сідлище в головище
В дубровиці
На травиці.
Я закрию
І прикрию
Гормаком,
Жупаном,
Кулина!
— Гой козачейку, пане ж мій,
Сподобав ми ся живот твій.
— Любо ж тобі горювати?
Дай преч з тобов поїхати!
— Душе моя,
Я вже твоя!
— Ручку дай,
А всідай!
— Я твоя!
— Ти моя,
Кулина!
— Гой козачейку, пане ж мій,
Не донесе нас коник твій!
— Не жури ж ся ти для того,
Найдем в полю коний много,
А не найдем,
То піш підем;
Нич лихого
Для любого
Терпіти,
З ним бути,
Кулина!
— Гой козачейку, пане ж мій,
Далек же іще домик твій?
— Уже оті Запороги
Конець нашої дороги.
Тут козаки
Все юнаки:
Здобуває —
Пропиває,
Що має —
Програє,
Кулина!
— Гой козачейку, пане ж ти мій,
Который же то домик твій?
— Ген котера розбитая,
Опанчою прикритая,
То мій гарем,
То мій терем,
Тут ховаю,
Що же маю:
Рубашку,
Сермажку,
Кулина!
— Гой козачейку, пане ж ти мій,
Вельми то благий єсть скарб твій.
— Козак щаслив, хоть не богат,
Нікому нич не виноват.
Він горює,
Він чатує:
Де пійду —
Здобуду,
Боярин,
Татарин,
Кулина!
— Да й що ж ми ту за бесіда.
Ні приятеля, ні сусіда!
Ти си здобувати пійдеш,
А мене смутну відійдеш:
Ні з ким жити,
Розмовляти,
Ні сестриці,
Ні зовиці!
— З козаком,
Голяком,
Кулина!
— Коли буде того много,
Пусть мене до дому мого.
— Коли схочеш поїхати,
Не буду тебе тримати.
Борзо всідай,
Да й од'їжджай
Ко чортом,
Всім лихом,
Люб човном,
Люб коньом,
Кулина!
— Доле ж моя нещасная!
Чого-м ся я дочекала;
На діл мене несла вода,
Тепер мене женеть біда.
Що ж ділати?
Проклинати?
Би пропав,
Що мя взяв,
Дівчину
Зведену!
Кулина!

ХРОНОЛОГІЯ АНДРІЯ РИМШІ (1581 р.)[a]

Которогося месеца што за старых веков дѣело короткое описаніе

Месеца сентебра, по гебрейску елюль, просто вресень.

Двадъцать четвертого дня месяца сенътебра
дороблен Ерусолим, сталася реч добра.

Месеца октовріа, по гебреиску тышри, просто паздерник.

Арха[1] з Ноим на горе станула на суши,
другій потоп не будет, так нам письмо туши[2].
октовріа 17 дня.

Месеца декавріа, по гебреиску хашлеу, просто просинец.

В том месецы Іисус Христос народился нам,
нехто иный, тот избавил души наши сам.
декавріа 25 дня.

Месеца генуара, по гебреиску тебет, просто стычень.

Чужоземъские мудърцы Христа привитали,
злато, ладан и миру, як пану, дали.
генуара 6 дня.

Месеца февраля, по гебреиску себат, просто лютый.

Смотри як то голубка Ноаху служила,
мы о бога не дбаем, только б злость плужила.
февраля 18 дня.

Месеца мая, по гебреиску іяр, просто май.

Ной арху готует божим повеленіем,
абы в потоп не згинул з своим поколеньем.
мая 10 дня.

[1] ковчег [2] свідчить
[a] Подаємо за виданням: Сборник снимков с славяно-русских старопечатных изданий. Часть I. XV и XVI век. Составил *С. Л. Пташицкий*. Спб, 1895, табл. XXI і XXII.

Месеца іюня, по гебреиску сыван, просто чырвец.

Ужо воды въсих топят, Ноах в корабль вошол,
знать, иж богу кланялъся, просто ласку знашол.
іюня 27 дня.

Месеца іюля, по гебреиску тамус, просто липец.

Моисій побил таблицы з приказаньем божим,
а мы грешим што часок, ни ся страхом трвожим.
іюля 17 дня.

Месеца августа. по гебреиску аов либо ав, просто серпень.

В том месецы Аарон умер, божій ерей,
того собѣ на приклад ты, попе, завжды мей.
августа 1 дня.

Друковано 5 дня мая, року
1581. В Острозе
Писанье Андрея Рымшы.

ВѢЗЕРУНК ЦНОТ ПРЕВЕЛЕБНОГО В БОЗѢ ЕГО МИЛОСТИ, ГОСПОДИНА ОТЦА ЕЛИСЕЯ ПЛЕТЕНЕЦКОГО,

АРХІМАНДРИТА КІЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ ПЕЧАРСКОГО И ПРОЧ. а

МАТФЕЙ ГЛАВА 5, ЗАЧАЛО 11

Яко да просвѣтится свѣт ваш пред человѣки, яко да видят ваша добраа дѣла, и прославят отца вашего иже на небесех.

Друковано в святой великой Лаврѣ Кіевопечарской. Року 1618.

На клеинот их м. панов Плетенецких

На крестѣ наш бог в тѣлѣ всѣм збавене справил.
И през него упадок наш в рай направил.
Ты иже теж пышного шатана поразил,
Кгды му тое оруже в сердце его вразил.
Того и на звитязство подал Константіну,
През котрого до вѣры взбужон был причину.
Тым и вшелких ересей муры упадают,
А сыны православных сличне проквитают.
До котрого и мѣсяц з звѣздою посполу
Приданый ест: свѣтячій земному падолу.
Тот клейнот невысловный дан е за герб дому
Плетенецких: котрыи впрод нѣкгды нѣкому
В вѣрѣ, цнотѣ и менствѣ, житю святобливом,
Мѣстца нѣкгды не дали, речю и теж дѣлом.
То их бронь была и ест, крестом звитяжати,
И прикладным житем свым як солнце сіати.
Нехай прето слава их дотоль не вступует,
Поколь мѣсяц з звѣздами бѣг свои отправует.

а Текст подаємо за виданням: *В. Перетц*, Панегірик «Вѣзерунк цнот превел. о. Е. Плетенецкого» року 1618 («Записки Укр. наук. товариства в Києві», кн. VI, 1909).

На урожене

Певными сут свѣдками небесныи знаки
Сличный мѣсяц з звѣздою, з ними крест чворакій:
Уроженя твоего, отче, цнот великих,
Жес вышол з фамилій продков знаменитых.
Котрым о не дармо тот клейнот даровано,
Кгдыж их вѣры и цноты завше дозиавано.
Тот значит побожност, и статечность в вѣре
Против богу и пану и до ближних щире.
Тых побожных продков свых, потомок побожный,
Наслѣдовца зосталесь: и дѣдич острожны
Цнот их знаменитых, о котрых брмит слава
И брмѣти потол будет, покол аже нава
Збыт быстропрудный бѣг свой будет справовати
По мору необешлом: она будет трвати.
Бо памятка побожных нѣкгды не устает,
Ясне в том пророк божій свѣдоцство выдает.

Статечность в вѣрѣ

От кореня доброго овоц особливый,
Был родител побожный, сын ест святобливый.
Кгдыж ся жадным не хочеш вѣтром уносити,
И вѣры правдивои нѣкгды отступити.
Нѣзач маеш намовы, не дбаеш подарков,
Легце важиш безбожных глупых их посварков.
Стоиш праве як фѣляр моцне вкгрунтованый,
Вѣтром жадным противных намнѣй не захвяный.
Збудовал тя абовѣм архітектон собѣ,
Претож вѣтер противны не зашкодит тобѣ.
Маеш майстра доброго ку подпорѣ дому
Не боишся злых звѣров, выходячих злому
(мовлю смоков пекельных), а рачей яскинѣ,
Откол они вщалися, и матка их гордынѣ.
А чемуж ся не боиш; бос ест фундованый
На камени, не пѣску: от бога презряный.

Праца и старане о релѣи[1] старожитной

Подчас праве утисков, подчас бѣд церковных
Подчас ей турбаціи, и невчасу полных
Тебе, отче, бог преизрѣл опекуном быти,
Тобѣ церков поручил от злых боронити.
Якож видим на око хентное старане,
Видим кошту, здоровя, збыт нешановане
Не в час собѣ за роскош покладаеш быти,
Жебы православіа моглесь боронити.

[1] релігіі

Не глядишся на вѣк свой шедивости полный,
Не боронишся працы нѣкгды быти волный.
Яко вѣрный служебник у пана своего,
В день и в ночи вставичне чуючій до него.
Который тя пастырем до своего стада
Обрал быти; жадная абовѣм завада
В паствѣ ся не находит сторожи твоей:
За що даст ти корону бог хвалы своей.

Фундоване монастырей и церквей

Що теж о побожности треба прекладати,
Слухи слушне укрывши, о чом волю дати,
Абы явне оныи тое оглядали
И збожности дѣл твоих свѣдоцство выдали.
Свѣдчит панян монастыр, през тебе зряженый
В монастыру Печарском; пянкне споряженый.
Свѣдчит не мнѣй и город кіевского мѣста,
Сличне з коштом в будынку церковного мѣстца.
Не мнѣй свѣдчит Радомышль, з ним Городок сполне,
Як домы в них божіи збудовалес гойне,
И всюды где но колвек естесь преложоным,
Церков, шпитал, убогій, не ест обнажоным.
То бо вѣм твоя роскош, то твое старане,
Абы церкви, убогим было выховане.
За що бысь з Христом для нас убогим спочивал,
Котрый любячим его небо наготовал.

Преложенство

Здалося ми теж еще о том припомнѣти,
На яком бог зезволил преложоным мѣти
Мѣсцу тебе, о отче, цнот высоколетных,
Которого облоки преч минают лестных.
А на яком же, свѣдчит он патерик славный
За оных святых мужев, в христіанстве давный.
Котрых тѣла святыи за скарб повѣрено
Не змѣроный, о отче, и в опекуть[1] дано.
За которых цным житєм ест теж збудованый
Цный монастыр печарскій, дивне фундованый,
А за твоим усилным старанєм зряженый
И во хендожствѣ церкве сличне оздобленый.
Котрая ест през волю бозскую зряжена,
Гисторіа певная о том освѣдчена.
Оноись умиловал сличную оздобу,
За що возмеш от бога в небѣ нагороду.

[1] в твою опіку

Фундоване друкарнѣ

И тоєи теж цноты молчать не годится,
Хтобы против того был, глупым подобится,
Которые бы намнѣй о тое не дбают,
Же мудрые под лаву славу их вкидают.
Ты як велце потенжный[1] в учинку горливом[2],
Ведеш (яко мовят) реи[3] в дѣлѣ святобливом,
Бось повскресил друкарню припалую пылом
Балабана, цнот велких, речю и теж дѣлом.
Он за благословенством отца нам святого,
Удалъся до ремесла (могу речи) цного.
Ты зась яко милостник церкви збыт ревнивый,
Хотѣл и допялесь то, яко не лѣнивый.
По зестю его з свѣта, друкарню вскресити,
И през выдаванье книг церков украсити,
Кгдыж ся церков божаа през ню помножает:
И в догматех отцевских сличне проквитаєт.
Нехай же ти стократне бог то нагородит:
А щастье противноє нех нѣвчом не шкодит.

Промова

Збытней своей смѣлости велцеся дивую,
Жеся речей великих простак подеймую:
Цноты твои, о отче, всему свѣту явны,
А в кгмѣне православных велице похвалны.
Границею обвести в аркушу папѣру,
Котрым до выличеня нѣхт не найдет мѣру.
А власне подобенство в той мѣрѣ найдую,
И собѣ то за властност слушне приписую.
Яко бы хто в дол море вылятися важил,
Того нѣкгды не допнет, бы яких штук зажил.
Овшем еще присловя не уйдет за тое,
Бо розумом чловечим не понято тое.
Я теж праве над силу и мѣлкость довтѣпу,
Котрый певне не вмѣл бым здолати и цѣпу,
Цноты твои, о отче, важил описати,
Чогоб и сам Цицеро не могл доказати.
Але що за причина смѣлости моєи
Безпечности двери до особы твоєи
Отворила мнѣ? тая, о запевне тая,
Свѣдчит твоя персона в шедивости цнаа:
Же нѣким не погордиш, всѣх в ласце ховаеш,
С каждым пєнкне рад живеш и теж в любви маєш.
То мя на то увело, то мя побудило,
То само и огонь тот в мнѣ розжарило.

[1] потужний [2] працьовитий, такий, що рветься до роботи [3] ведеш перед

Абым теж я с чим колвек ставился пред тебе,
Хоч же праве над слушност, вѣм то до себе.
Леч золота не мѣвши, теж не потребусш,
Овшем его потребным обфите даруеш.
Ставитимъся умыслил пред персону цную
Твою, о отче, и працу тую то малую,
Як першій мой колосок не родного жнива,
Котрого в невмѣстность обфита ест нива.
За колядуть отдати, милостивый пане,
Хоч же то ест и назбыт, вѣм, у тебе тане,
Леч як оный монарха, котрый воды троха
Не гордѣвши, рад припял, хочай была плоха
За дар ему приняти, вчинил то хентливе,
Кгдыж убогій подданый чинил то зычливе.
И ты, прошу усилне, будь му в том подобный
Приняти рач тот дарунк, хоч же не ест годный
Особы твоси, леч самая сердечность
Принята нех будет, а прощена безпечност.

В. м. моего м. пана и добродѣя
поволныи и наинизшіи слуга
Александр Митура.

Коляда

Кождый вѣрный сего дня духом веселися,
А на пристьє Христови пилне готовися.
Он к нам з неба на землю позволил зступити,
Бы от владзы шатана могл освободити
Люд, творенє рук своих, и так ся понижил,
Же ся до нас нездников ведлуг тѣла зближил.
Якож его витати, о то ся страймо,
Як може быт вапенкней в тое потрафляймо.
Дяки чинѣм всѣ сполне за то навѣженє,
Же през пристье на землю справил нам збавенє.
Абы теж день тот святый свого нароженя
В веселю дал отправит, просѣм узыченя.

«ГРАММАТИКА» МЕЛЕТІЯ СМОТРИЦЬКОГО (1619) [а]

О просодіи стихотворной

Матфій Стрійковськія, каноник самоитскій, дѣй славянских хронограф достовѣрный, в четвертой своей хронологіи книзѣ пишет, Овідіа славнаго онаго латінскаго поету в сарматских народ заточеніи бывша и языку их совершенствѣ навыкша, славянским діалектом за чистое его красное и любопріемное стіхи или вѣрши писавша...

а Уривки паводимо за виданням: *В. Перетц*, Историко-литературные исследования и материалы, т. I, ч. 1, СПБ, 1900.

Зане возможну стіхотворну художеству в словенском языцѣ и аз быти судив, по сплѣ вократцѣ правила его по мнѣ тожде искуснѣе творити хотящим, божіею помощію, предлагаю...

О родѣ стіха ироійскаго, или шестомѣрнаго: — Ироійскій стіх состоит шестми степеми [1], ихже пятый дактил есть, шестый спондій; прочіи дактили, или спондіе, яко:

Сарматски новорастныя мусы стопу перву,
Тщащуюся Парнас во обител вѣчну заяти,
Христе царю, прійми: и благоволив, тебѣ с отцем
И духом святым пѣти учи россійскій
Род наш, чистыми мѣры славенски имны...

О родѣ стіха сафійска.— Стіх сафійскій пятма степеми состоит, первым трохеем, вторим спондіем, третим дактилем, четвертым и пятым трохеем. Ему же стихов родови по коемждо третем стісѣ прилагается стіх адонскій, двома степеми состоящь, первым дактилем, вторым спондіем, яко:

Мусо Татр сарматск богу тріедину
Должную дай честь поклона со имны,
Чистую славян его, давшему ти
Мѣрою пѣти.

[Додаток у московському виданні 1721 р. до відділу про віршування].

Сія здѣ о художествѣ піитичествѣм вкратцѣ предложишася, не толико ради употребленія, елико вѣдѣнія. Ибо аще у древних еллин и латин и в велицѣм почтеніи бяше, обаче нынѣ за трудность, многими едва не оставлена, на лучшій плод иных художеств нужнѣйших время златое житія своего опредѣлившими. Изволяя же о сей пространнѣе извѣдати, да чипает греческих Омира и Исіода, латинских Овидія, Виргилія и прочих и оными может удовольствоватися до сытости.

ЛЯМЕНТ [а]

Ту ся починает лямент [2] о утрапеню мещан острозких и о зневазѣ шляхты преднѣйшеи от люду посполитого.

Во имя господне. Аминь.

Дни веселые, дни зацные, дни великои радости
Обернулис в смуток и великие жалости.
Ден той власне, который мѣл быти богу на хвалѣные,

[1] «степень есть мѣра извѣстная, в количестве стихов блюдомая» (стопа) [2] плач

а Автор «Ляменту» і «Придатку», що заховав своє ім'я за ініціалами М. Н., видимо, один з православних учителів, присвятив свої вірші, написані в 1636 р., митрополитові Петру Могилі (див. вище, стор. 178). Уривки віршів подаємо за виданням: *П. Житецький*, Острозька трагедія («Записки Наукового т-ва ім. Шевченка», т. 51, 1903, кн. 1).

Обернулся на взгарду през люде зухвалные.
О нензная ваша пасхо, неньзный ваш обѣде,
Прыятелская утѣхо горкая пры бесѣде!
Єщо то меншая той обѣд, который тѣлу служыт,
Мовлю я о пожиток, который душы плужит[1],
И той вас был омынул. Жался моцный боже!
Чого з вас обжаловати снат[2] жаден не може.
Азали то не жалост — на первшом потканю,
На первшом, мовлю, на пляц люду выиханю
На послугу так великую, которая небесного
Монархи великои моци округу земного,
Якая великая поражка и деспект не малый
Поткал оных мещанов, которыи панъскои хвалы
Стерегли з великою охотою, вслѣд за нею идучы,
Створителеви своему звыкле ся молячы.
Который же то так был гордый, же ся вам спротивыл?
Не вам то, але богу самому провиныл,
Же смѣл руку подносити на так святые справы,
Чым ся всѣ щитимо и достаемо славы.
Розсуди, который ту вышѣйшый в таковой гордости,
Кто был затвердѣлшый в своей злой кръноброности[3],
Иж под той час таковая справа ся точыла,
А правдѣ ведлуг свѣта неровна прибыла,
Же пани мѣста того на той час ѣхала
И с тою ся процессиею людей оных поткала.
Що в правдѣ кром похлѣбства вступитися годило,
Леч гды бы на увагу мудрых прыходило,
Єслы людей прынамнѣ бога пошановат,
Постояты было, вшак конѣ моглы бы загамоват,
Моглыж бы на господы зараня ся ставити,
Гдыж там спона годыны не моглы забавити.
. . . . . .
Щож далей было чынити? Хот бы камѣнное было
Сердце в людех, снат бы ся и тое ужалило,
Посмотрывшы на такое сроггое замѣшаня,
На такий великий утыск и пренагабаня[4],
Которого бы не вытръвал снат и святый нынѣ;
Хиба бы зошол з свѣта где в глухии пустынѣ.
Ач много причын дают нещасным мещаном,
Славным, мовлю, нѣколис милым острожаном,
Звлаща тыи, которыи звады таемне вщынают,—
Хоч ся людем на постав святоблывые удают:
Яко бы самы мещане здавна того хотѣлы,
Абы деспект таковый им вырядити мѣли,—
Єднак латво о лѣску, хто хочет песка карати,
И о леда прычыну лацност постарати.

[1] плужити — іти на добре, вдаватися [2] знати, видно, мабуть [3] впертості, неслухняності [4] збудження, намова, спокуса

Бы так мѣлы доброго що колвек учиныти,
А тыи звады не взгнѣщати, згоршеня не чиныти,
Звѣрхности не побужат ку таковой срокости,
Але и овшем научат святой побожности!
Абы ся своим подданым ласкаве ставылы,
Не яко лвы тиранско з ними ся рядилы.
И на щож ся вам зыйшло, презацныи отцеве,
Хотя ж будет з вас который противный моей мови,
Жесте к тому прывелы поцтивую матрону,
Же ест тѣло порушеное отца еи з гробу[a]...

Придаток: замкненя той же матерѣи

. . . . . .
Як ся тое стало, о боже всемоцный.
В мѣстѣ Острогу на день великоночный,
Гды в понеделок всѣ выступили,
Бога хвалили,
Та ся споткали с панею мѣста того,
Не маючи на сердцу гнѣву жадного,
Алеж найперъше им прычыну дали
Зступити казали.
. . . . . .
Єднак як ся на мостѣ споткали,
З замку выйшовшы, внет[1] ся замѣшали,
Коли возница почал их бычовати,
Казал вступовати.
Що видячы оныи люде нещасливыи,
Будучы с того барзо жалослывыи,
С попудливости всѣ ся порвали,
Кыи побрали.
Слуги тои панеи и всѣ дворяне,
Видячы, же не жарт, кинулися на ных едностайне,
Шабел добывшы, внет же по собѣ:
То мнѣ, то тобѣ.
На той час еи милость в каретѣ сидѣла,
«Перестанте»! з обох сторон вшистких гамовала,
Абы тои звады болше понехали,
Далѣй ихали.
Леч трудно было: барзо заюшыли,
З обох сторон битых, раных начиныли,
Єдны с перестрахов в вал з мосту падали,
Шыи ламали.

[1] раптом, відразу
[a] Натяк на таємне перенесення з замкової церкви до єзуїтського костьолу праху батька Ганни — Олександра Острозького (помер 1603 р. православним), що сталося напередодні сутички.

Хтож що несл в руках, того не жаловали:
Яйца фарбованые тым шаты смаровали,
Не смотрено того, вара кого замѣрыл,
. Быле бы ударыл.
. . . . . .
Внет мещан зацных в колоду посажано,
А найубогшых в темницу загнано,
Абы росправы до часу чекалы
И горло дали.
Хотѣлы духовныи в тую справу вложыти
А на их здоровя горло свое положыти,
Але им слова на то рещы не дано,
Преч им казано.
Под час юръмарку нѣкгдыс славного,
А тепер, реку, юж занедбалого,
На самую взгарду звести их казано,
Жебы стинано.
Там килку мещан мечем прыкро стято,
Четвертому ушы и носа утято,
А оные трупы ховат заказали,
Псом торъгати дали.
А других еще дано за поруку,
Радячи, що им дадут за муку:
Толко потаемне звады якиесь кнуют[1],
Що им готуют.
Болше убогих там ест выноватый
И предше згинет, нѣжлы богатый,
Хто зась лѣпше пѣнязми заложит,
Той ся не тръвожит.
Нѣмаш ся як розмовити з сусѣдами,
Бо потаемнои здрады полно завсѣгды,
Там под окнами и в ночи слухают,
Що розмовляют.
О ты, Острогу, мѣсто справедливое!
В тобѣ бывали мешъканцы цнотливые,
Не єден тепер твоеи прыгоды плачет,—
Єст кто и скачет.
Тыс было хлѣбом завжды прыходневи,
Ты убогому маткою было студентовы,
В тобѣ хто мешкал, нѣгды не шкодовал
Хто ся шановал.
Тераз не стуйте ж! на щож юж прыходыт!
Снат ся юж на тое, подобно, заводыт,
Жебыс юже было в нѣвеч оберънено,
З грунъту знищоно.
. . . . . .

[1] замишляють

ЕВХАРІСТІРІОН АЛБО ВДЯЧНОСТЬ

Ясне превелебнѣйшому в Христѣ его милости господину отцу Кир Петру Могилѣ, воеводичу земль Молдавских, великому архимандрітови святои велікои лавры чудотворнои Печерскои Кіевскои, вѣры православнои в церкви святои въсточнои поборникови побожному и несмертелнои славы годному оборонци. Од спудеов гимнаморови побожному и несмертелнои славы годному оборонци. Од спудеов гимназіум с. м. з школы реторіки за гойныи добродѣйства, собѣ и церкви православнои, в фундованю школ показаныи. При вѣншованю свят хвалебных въскресенія Христа спасителя міру повинне а упреймe отданая.

Геликон, то ест Сад умѣетности первыи.

Осм короній вызволеных наук в собѣ маючій, през пречестнѣйшого с. м. господина отца кир Петра Могилу в Россіи ново фундованый. Вдячность. Геликон, жродло наук, вдячность посылает твоей, отче, святыни, бо в ней мѣстце мает.

Геликон

Старых гордост поганов вес свѣт наполнила,
Скоро только их глупство мудрост заслонила,
Бо гды наук початок з Гиппокріту мает,
Юж Пегаза аж назбыт з Кадмом выславяет.
Чемуж барзѣй не нам честь тая тепер служит,
Котрым власность правдивых наук первѣй
плужит.

Кто несвѣдом, иж мудрость з Едема Сіону
Подана есть, а то фалш жебы з Геликону.
А нам зась от Сіона закон, мудрость, вѣру
Даровано, да тым теж и славы над мѣру.
Приступи, Геликоне, дай честь, познай
пана!

Опустивши жолнѣрство привитай гетмана.
Наклони верх з под неба до земного долу,
Звѣтяжцу там поткаеш з вязнями посполу.
В особѣ твоей свѣтлой, отче велебнѣйшій,
Витаю кроля, вижу триумф презацнѣйшій.
Юж Геликонид з Фебом роскошным ховати
Не позволю и пѣсней вдячных им спѣвати.
То твоей превелебной все служит особѣ,
Высокое в высокой имя есть оздобѣ.

Стефан Стрибыль.

Корень умѣетности першій. Грамматіка, учит слов и мовы.

Розумному под небом где мѣстце звѣряти
Позволено, там можеш то латво познати,
Якого бы пожитку была и похвалы
Слов складанья наука, през час так немалый.
Хто бы вѣдал, як звано киты вод глубоких,
На повѣтру и землѣ мешканцов широких.
Еще людем и над тых потребна ест мова,

Хто не глупый заж не тот, що не мовит слова;
Недивуйся, бо негдысь до згоды призваный,
Тож повѣди сын з маи под ксанфом спытаный.
И я теды спытавши, если не по мови
Знать ретора, по ту дам глупство ослови.
Тот корень в твоем садѣ, отче пречестнѣйшій;
Заквитнет з Геликоном над солдне яснѣйшій,
Кгды в Россіи потомок славных роксолянов,
В науках поровнает премудрых поганов.
Тылко абы звитязца пекелного смока
Заховал вдале вѣру правую з востока.
А где солнцу ест мѣстце, тогож дознавает,
Твое имя кгды мѣстце в грамматице мает.

Григорій Трипольскій.

Парнас, албо Сад умѣетности вторый... Лѣторосль наук вторая. Мелпомене, тоест цвичене в писаню вѣршов смутных и жалобных.

Час, музо, жалость вѣршов смутных отмѣнити,
Час з ляменту веселе иж теж учинити.
Мелпомене зостав юж срогіи жалобы,
Не псуй плачем дня того свѣтлои оздобы.
Гипполіта сталого Цекропом отдавши
И его несмертельных похвал занехавши,
Отдавай чест звѣтязци, славу, годност, вѣру,
Нехай его ширится можность до Епиру.
При небесном земного незабывай вожа,
В Христовой овчарни дость пилного строжа,
А хвалячи дивуйся, як ест опочистый.
Петр в звѣтяздвѣ, а в житю як бы криштал чистый.

Стефан Колчицкій.

ЕВФОНІА ВЕСЕЛОБРМЯЧАА

На высоцеславный фрон митрополіи кіевскои щасливе вступуючему в бозѣ преосвященному е. мл. господину отцу кир Петру Могилѣ, воеводичу земель молдавских, православному упривилеіованому митрополиту кіевскому, галицкому и всея Россіи, ексарсѣ с. фрону константінополского, архімандріту с. чудотворнои лавры Печерскои Кіевскои.

Преч з роксолянских, смутки, уступуйте
Границ, ляменты сердца не турбуйте:
Юж ест веселье, ах, досыт стогнаня!
Преч нареканя.
Ест по бурливых юж еврах погода,
Мысли похмурной ест юж охолода
По слезных рѣках, по бѣдах окрутных,
По плачах смутных.
Триумфу зачни, Евфрозіно, смѣле
Гимн выкрикати, почни волат миле:
Што то за радость в Россійском Сіонѣ,
В Кіевской Зонѣ.
Рожа то рожа першои оздобы
Берет початок през працы, особы
У савроматов значнои щасливе,
Берет згодливе.
Могила славный на фрон митрополи
Вступует годне з небеснои воли.
О часе вдячный! О лѣта святыи!
Дни золотыи.
Острая юж преч фортуна отходит,
Зефир лагодный юж трофея родит,
По всеи Россіи, преч юж слез потоки,
Жалю оброки.
Горкотиранскій юж нам непанует
Декрет, гды в святой Софіи продкует
Петр митрополит Могила велможный,
Пастыр побожный.
И гдеж по плачу радость небывает,
Золотоокій гдѣ не обясняет,
Титан по хмурах, мусит радость жити,
По смутках в свѣти.
Любо то часом фортуна ся ставит
Срогою многим, але то пан справит
Фортуны, же внет всѣм додасть ратунку,
По злым фрасунку.
Але тут добре трохи потерпѣти,
А потым в свѣтѣ невечернем жити:
Щастье то щастье, гды през тую к богу
Ходим дорогу.
Маеш, Россія, юж тепер отмѣну
Фортуны, маеш триумфу годину:
Отто прав твоих Петр есть оборона,
Тарча[1] Сіона.
Идиж по трудах, Петре, незличоных,
Иди по працах юж незвитяжоных
На фрон презацный, отбирай за цноты
Тыи клейноты.
Тебе Софіи руины чекали,
З твоих направы рук ся сподѣвали,
Вступиж на свою столицу щасливе,
Жій святобливе.
Россія тебе на помоч обрала,
Тобѣ тот престол годне даровала,
Тебе Софія так з плачем витает,
З жалю волает.

[1] щит

О, Петре, здавна гостю пожаданый!
Витай, Россіи на утѣху даный,
Давай ратунку Россійской оздобѣ,
В мизерной добѣ.
Помниш, яко предтым Россія бывала
Славна, як много патронов мѣвала,
Тепер их мало: тебѣ хочет мѣти
В сарматском свѣти.
Оздоба славы ты нашеи давно,
Лбо то свѣту о твоих не явно
Працах одважных, котрыми вспираеш,
Русь украшаеш.
Ледвем утѣхи в жалю дочекала,
Моя направа цнот потребовала
Твоих велможных; вшакже твоя слава,
Моя поправа.
Имя Могилы и в словенской Зони,
И в богомыслном будет мѣти Тріони
Несмертелное свое залеценье
И вывышшенье.
Тобе юж муры мои полецаю,
От Ярослава которыи маю,
Любо то слабы: ты их будь Атлянтом,
Будь адамантом.
Короны з лявров нехай вьют Могилы
Всѣ, всѣ, котрые сердечне хотѣли
Видѣть в Сіонских Софію съборах,
В пресвѣтлых хорах.
И хтож рук своих в дворы не подносит,
Феболунные! Хто так не голосит!
Христе ты наша слава, ты корона,
Ты оборона.
Если, наш боже, на нас штурмовати
Захочут враги, ты их отганяти
Рач от нас, а мы тебе при поклонѣ
Славим в Сіонѣ.
В небо подносим руки, ты патрона
Рач боронити кіевского фрона:
Нехай щасливе тобѣ услугует,
Поклон дарует.
Сръдцем сынове россійстіи дайте
Поклон пастыру, ему повторяйте
Полякованье за труды, за працу,
На кождом пляцу.
Клейнот то у нас, а клейнот коштовный,
Скарб то дорогій, а скарб невымовный.
За ним Россія поживет в покою,
Потым розбою.
И гарпіи роги за ним схизматицких

И хитрых злостей штукп геретицких
Нам не зашкодят: он все добре справит,
Добре направит.
Идиж, пресвѣтлый Могяло, безпечне,
Архіерейскій фрон пріймп статечне,
Жій многолѣтне: бог твоя заслона,
Тарча, корона.

КИРИЛ ТРАНКВІЛІОН. «ПЕРЛО МНОГОЦѢННОЕ» (1646 р.)[а]

Предмова до чителника о той презацной книзѣ, которая то книга названая Перло многоцѣнное для двох поважных причин: первое для высокого богословского разума, повторе для сладкоглаголивого риторского языка и поетицкого художества, разум в той книзе філіоз[офско]бозскій.

Ласкавый чителнику, подобает вам напруд то вѣдати, для чого автор важилъся подыймовати так великую и тяжкую працу около тои презацнои книги, реченои Перло многоцѣнное, абовѣм правдиве годна такового титулу славного, гдыж перла родятся в глубынѣ морскои от блискавици и с трудностю на свѣт виносятся. Так и в той книзе слова на честь и славу и хвалу имени бозкому сут яко перла многоцѣныи, рожденыи от молныи небеснои, от светлости духа святого в глубынѣ небеснои премудрости, а вынесены нынѣ в мір сей долный видимый, высокопарным и многозрителным умом моим на вѣчную радость и ненасытимую сладость душам христолюбивим: Христос єст истинное веселіе любящим єго. Прето такую працу мою трудную з любовѣю пріими, правдиве многими трудами тая книга святая възяла свое съвершенство, а звлаща в поетицком художествѣ богословская реч; и правда, латвѣйша просто писати, але под метрами бозкіи речи трудно, и барзо трудно, тилко той тое знает, кто того ремесла заживает. То мя до тои труднои праци побудило в старости лѣт моих, абы человѣк охотнѣйшій был до читаня речій бозких и таемниц збавеных[1], которыи сут почасти описаны сладкою мовою под метри, а звлаща для молодых, жебыся заправляли горячею любовѣю до хвалы божеи и розрадованою душею завше хвалили, благословили, благодарили, въспѣвали, величали бога творца своего, а таковое набоженство отправует христолюбивая душа двѣма способами. Первое с умиленіем слез горячих о невиннои смерти сына божія; єсли схочеш слезами твоими омыти пречистыи нозѣ и невиныи раны господа и жениха душѣ твоеи, яко начастѣй размышляй набожне невинную смерть господа нашего Іисус Христа сына божія и страданіа єго, раны и болезни, и пролите крови єго пресвятой за грѣхи твои, спѣвай же жалосно о смерти сына божія на каждый пяток: слезы выводит от закаменѣлого сердца память смерти Христовои, которая описана под метри, также спѣвай собѣ жалосно о покаянію грѣшных и там истяжеш умиленіе слез на омытя грѣхов твоих. Повторе хвали бога твоего

[а] Подаємо (із скороченнями) з «Перла многоцѣнного» (видання 1646 р.) передмову до читача, епіграму й найпопулярніший вірш «Лѣкарство роскошником».

[1] рятівничих

розрадованною душею, розмышляй дары сго дивныи и добродѣйства многіи и неизреченыи, видимыи и невидимыи, прето єсли схочеш радости бозкои доступити и нею наполнити душу свою и сердце, спѣвайже собѣ весело в радости о трох персонах бозких: о персонѣ отцевскои преславнои и сыновнеи и духа святого. Бог бо єст вѣчная радость души нашои, и память єго святая славная; кто єи обносит у души своей, от таковои душѣ далеко стоит хитрость діаволя и печаль, тилко радость вѣчная съдержит таковую душу.

...Лѣпше єст спѣвати духовныи пѣсны, а нѣжли свѣцкіи сромотныи бѣсовскіи.

А притом и то потребно вѣдати тебѣ, ласкавый чителнику, иж тая книга презацная, хотяй ся видит мала в очах людских, але великіи съдержит в собѣ тайны, збавеню твоему служачіи: такого сут высокого разума богословского, же из єдиного вѣршика двох або трох слов може добрый казнодѣя казаня повѣсти и кротко звязаную реч роспространити и душѣ людскіи утѣшити словом божіим. Также в школах будучіи студенти могут собѣ с тои книги святои выбирати вѣрши на свою потребу и творити з них орації розмаитіи часу потребы свои, хоч и на комедіях духовных. А єсли бы теж хто схотѣл мѣти собѣ за патрону матер божію пречистую дѣву Марѣю, нехайже похвалу єи читает и спѣваєт на кождую суботу, прудко таковый почует поправу живота своего и повстання з грѣхов своих...

Єпиграма

Єсли ту що нестройного поета мудрый обачит,
Проше нехай ми пребачит.
Гдыж теоліогія святая в колѣ филіозофском вакує,
А поетами и выборними бракує.
Сама жие у славѣ свѣтородной,
Тылко ся часом показує души годной.
З дару бозкого знамените,
Мудростю своею не закрите.
У свѣтлости свои славы,
Без поетицкои забавы.
А то она у своей моци мает,
Же байки поганскіе розбивает.
И навѣки до них ся не знает,
А сама в правдѣ паче солнца сіяет.
Прето поета бы и намудрѣйшій
И филіозоф розумом острѣйшій
Мусит гордои думы роги схилити,
А небесной царици сам низко ся поклонити.
А що оглядали разумныи очи нашѣ,
Тогда тое хотѣли слуги вашѣ
Ямбѣкус, трохеус, спондеус
Провадити межи поганскіи боги,
Але прудко поломали свои ноги.
Пред свѣтлостю богословіи утѣкаючи,
И жадного до неи приступу нѣ маючи:

Прето що ся кому бачит,
Волно яко собѣ рачит.
Убѣ дивинум иллюмѣнаціо,
Ибѣ тацет поетарум шкондаціо[1]...

[Лѣкарство роскошником]

А по сих лѣкарство полагаю, роскошником того свѣта, правдивое.
Пѣснь вдячная при банъкетах панских.

О смерти несподѣвана,
Тось мя богатого пана
Без отповѣди нынѣ застала
И все красное и любимое мое забрала,
И навѣки от очій моих в тмѣ сховала.
Где мои нынѣ замки коштовне муровáніи,
И палаци мои свѣтне и сличне маліовáніи,
А шкатулы злотом нафасовáніи[2],
Възники под злотом цуговáніи?
Где мои пресвѣтлыи злототканныи шати,
Рысѣ, соболе сличніи, кармазини и дорогіи шкарлати?[3]
О смерти, все твоим приходом от мене забрано,
И навѣки от очій моих в тмѣ сховано.
Где мои сады и красныи виногради?
И ногами твоими, о смерти, потоптани,
И навѣки от мене несподѣванне забрани
Слугами твоими, а непріятелми моими,
А скарбы мои расхищены и побраны,
Шпаліери коштовніи пошарпаны.
О смерти злосливая и гнѣвливая,
Тылкось на жалость мою скваплива,
Несподѣванне зо всегось мя обнажила,
И межи смродливыи трупы положила.
Пріятелѣ мои далеко от мене стали,
И носы свои пред смрадом моим позатикали.
Вчера в дому моем было гойне веселя,
Музыков играня, а спѣваков веселое спѣваня,
И на трубах мѣдяних викриканя,
Скоки, танцѣ, веселое плясаня.
Винá наливай, випивай, проливай,
Столы мои, коштовними сладкими покарми покритіи,
Гостѣ мои и пріятелѣ персоны знаменитіи.
А нынѣ мене все доброе и веселое минуло,
Слава и богатство навѣки уплынуло,
Тылко мя нынѣ все злое до себе пригорнуло.
Страх, болезнь, стогнаня,
И плачивое нарѣканя.
О смерти гнѣвливая, злосливая,

[1] де божественне осявання, там мовчить творчість (букв.— скандування) поетів [2] набиті, наповнені [3] дорога червона тканина

Слѣпая, глухая и нежалосливая,
Тылко на жалость нашу скапливая,
Ты мене молодого несподѣванне уморила
И двоякое дивовиско надо мною сътворила.
Пріятелѣ любыміи по мнѣ плачут,
А вразы мои нынѣ от радости скачут.
Вчера слуги мои ордами за мною,
А нынѣ нѣ единого с мною.
Всѣ стали и носы свои позатикали.
Власныи слуги мои, тыи ся нынѣ мною гнушают
И за смродливого и згнилого трупа мене мают.
Тылко ми в том нынѣ послужили,
Же мя в темный гроб положили
И землею тяжкою покрили,
Абы мя прудко робаци ядовитіи расточили.
О смерти, коль страшна память твоя,
Которои трепещет нынѣ и боится душа моя!
Ты а всѣх мѣч свой сроґій обнажила
И през него олбримов[1] силных положила
Под ноги свои; сих потоптала,
А славных вѣка сего побрала,
И в тмѣ без памяти сховала.
Где нынѣ сут міролюбци,
И роскошныи сластолюбци,
А лакомыи златолюбци?
Всѣх сѣть гнѣвливои смерти помкнула
И в тмѣ вѣчной несподѣване замкнула.
Где нынѣ тиранове неужитіи
И князи на земли знаменитіи,
Играющіи с птицами небеслыми
И с звѣрми иногда земными?
Смерть в гроб послала,
Веселіє и славу их забрала.
Где нынѣ воинове горделивыи
И мучителѣ невинных злосливыи?
Где сроґіи и страшніи гетманове?
Несподѣване смертным мечем посѣчени,
И без памяти в тмѣ нынѣ заключени,
И знагла ядовитим червієм расточени.
О смерти гнѣвливая и страшливая,
Ты цесаром и крулюм коруны здыймуеш,
А з голыми головами их до гробу вандруеш,
Ты много злого на том свѣтѣ броиш
И с премудрых филозофов смѣховиска строиш.
У главѣ их, где свѣтлая премудрость
Столицу свою мала и в ней почивала,
Там нынѣ тилко смродливая пустка зостала

[1] велетнів

И червый много в себе през тебе набрала,
О смерти, приходом твоим страшливым,
А часом моим смутним и плачливым.
Ты риторскій язык складкоглаголивый безгласіем связуеш
И пред многими его показуеш,
Яко нѣмого болвана, славного пана
В мовѣ и премудрого у словѣ.
Ты многим смѣхотворцум огноила незапертіи губы,
Тилко ся зостали огнилыи при них зубы.
Ты в тлустом тѣлѣ черви ховаеш,
А вместо перфом смрад виливаеш.
Ты красных у щетность претворяеш.
О смерти, в моци то своей маеш!
Ты богатыров з богатества обидрала
И всѣх славных вѣка сего до темницѣ свои загнала.
Ты моцаров міра сего под ноги свои положила,
И всѣх тых червѣем ядовитим покрила.
О смерти страшливая и нежалосливая,
Ты яко косар нынѣ неросудный
Под ноги свои крадеш цвѣт барзо цудный.
Молодости и красоты жаловати не знаеш,
А нѣ на едином с тых милости нѣ маеш.
О смерти слѣпая и глухая.
Ты персонами славных браковати не знаеш.
Ты пред жалостю уха свои затикаеш.
О, смерти, таковую злосливую природу маеш,
Нѣ на чий плач нынѣ нѣ дбаеш, а нѣ поглядаеш,
Всѣх нынѣ заровно береш и до темного гробу ведеш
И на покарм робацтву кладеш,
О смерти гнѣвлива, сила твоя страшлива!

ДРАМАТИЧНА ЛІТЕРАТУРА

Багаті зародки театру в народних обрядах і іграх довгий час (до XIX ст.) лишалися невикористаними літературною драмою. Драма ця виникла на Україні як драма шкільна. Місцем її виникнення були братські школи Західної України, часом — епоха, коли розгорялася боротьба з польською шляхтою за соціальне і національне визволення.

Уже наприкінці XVI — на початку XVII ст. у школі Львівського братства виставлялися «комедії». «Комедії», треба гадати, були просто діалоги, декламовані школярами в церквах і школах з нагоди великих свят або яких-небудь значних подій церковного життя. Зразком таких діалогів можуть бути надруковані в Львові *різдвяні вірші Памви Беринди* (автора, виданого в 1627 р. в Києві «Лексикона», пізніше друкаря Києво-Печерської лаври). Ці вірші складаються з пролога, промов семи отроків, що прославляють свято, і епілога, що закликає вірних до радісної хвали богові. Виконавцями були учні, як видно з присвяти книжки, «котрая то през дѣток ест деклямована».

Кілька років пізніше син Памви Беринди Лукаш, учень Києво-Братської школи, виступав сам як декламатор серед своїх 20 товаришів, виконавців подібної ж декламації — віршів: *«На жалосный погреб вацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачного, гетмана войска его королевской милости Запорозкого!»* (1622 р.). Автором цих віршів був *Касіян Сакович*, в 1622 р. ректор Києво-Братської школи (потім уніат, пізніше католик, автор ряду полемічних творів).

В 1631 р. вчитель Львівської братської школи *Іоанікій Волкович* надрукував «смутныи трены [1] в смутный день страстей Христа спасителя нашего» — під назвою *Розмышлян'е о муцѣ Христа спасителя нашего при тым веселая радость з тріумфалного его воскресенія*. Цей твір можна вже розглядати як першу відому нам спробу української драми на релігійну тему: тут є зображувані особи — три побожні Душі, Милость божія, десять Весників; у другій частині (що прославляє «тріумф» — воскресіння Христа) виступають Ангел, Милосердіе божіе, Разум, Память, Воля, Тріумф, Крест, Копіе, Трость, Гвоздіе (знаряддя мук Христових) та інші алегоричні фігури. Вірші виконуються по черзі учнями, прізвища яких зазначені в книзі (Георгієвич, Буневський, Лангіш, син «пана Гавріеля Марковича Лангіша, славного купца и мѣщаніна львовського»).

До початку XVII ст. належать і перші зародки майбутньої комедії. В польській духовній драмі якогось Якуба Гаватовича *(Трагедія або образ смерті пресвятого Іоанна хрестителя, посланця божого, на п'ять актів поділена... написана Я. Гаватовичем, львівським бакалавром вільних наук і філософії. Виставлена в Кам'янці на ярмарку в день того ж Іоанна святого хрестителя р. 1619)*, написаній польською мовою, є дві вставні інтермедії, комічні сцепки з українського народного побуту, де українська мова передана латинською транскрипцією. Чи був автором цих вставних сцен сам Гаватович, чи хто інший — встановити важко. У першій інтермедії наймит Климко спритно обдурює свого дурнуватого хазяїна Стецька, продаючи йому в мішку кота у вигляді спійманої ним лисиці; друга — «Найкращий сон» — сюжетом своїм зв'язана з усною народною творчістю (цей же сюжет пізніше опрацював Степан Руданський у віршах «Пан і Іван в дорозі»). Обидві інтермедії й своєю мовою, і своїм змістом надзвичайно цікаві як крок на шляху до народності й реалізму.

До першої половини XVII ст. можна віднести також драму великоднього циклу *Слово о збуреню пекла* (невідомого автора) — єдиний зразок старовинної української драми, що не відгонить шкільною вченістю й справляє враження народного театру. Видання й дослідження тексту належить *І. Франкові* (див. «Южно-русская пасхальная драма», «Киевская старина», 1896; «Слово про збурене пекла», «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. 81, 1908.

РІЗДВЯНІ ВІРШІ ПАМВИ БЕРИНДИ [а]

На рождество господа бога и спаса нашего Іисуса Христа вѣршѣ, для утѣхи православным христіаном. В Львовѣ, в друкарни Братской. Року от въплъщенія господня 1616.

В Христа збавителя дня того нароженьє,
И з высокости бозского нас навеженьє:

[1] голосіння, заплачка по мертвому (грецьке слово).

[а] Друкується за виданням: *А. Сычевская*, Памва Берында и его Вирши на рождество Христово и др. дни, К., 1912.

Кролеве перскіе пана свѣта почтили,
Же го с троякими подарки привѣтили.
З миром, з кадилом, и з злотом го витаючи,
Богом и человѣком Христа вызнаваючи.
А иж я нендзный злота и сребра нѣмаю,
Ото чим могу, тым тя, пане мой, витаю:
Пане милостивый, и отче превелебный,
Пастыру добрый, церкви Христовой потребный.
Веспол з велебным презвитерством мѣста Львова,
Котрых рада к збудованю завше готова:
Речій, котрыє бы ку хвалѣ божой были,
И людій до целю збавенья приводили.
Не взгоржаючи працею слуги твоєго,
Малый колос убогого жнива моєго:
Пріими о архіерею великій значный,
Яко в речах не похибне дѣльный, и бачный.
С честными мнѣ отцы презвитерми своими,
Вѣрными в всем съслужительми твоими.
За коляду в щодрый день, книжечку тую,
Праздника зацного на памятку святую.
Котрая то през дѣток єст деклямована,
И для утѣхи на день тот, з друку выдана.
Претож єи нынѣ за коляду мѣную,
И за щодрый день с худобы спул офѣрую...

Пролог

Христос збавитель нынѣ с панны нароженый,
От бога отца ведлуг тѣла увелбеный,
Нынѣ в вѣрных щасливе нехай завитаєт,
И радость в сердцу кожного з нас проквитаєт.
Котрый дня пынѣшнего дал нам дочекати
И с панны нароженьє его оглядати.
Тот як сам вѣдает нехай тоє в нас справит,
Же нас радости вѣкуистои набавит.
Гойная ласка нынѣ всѣм ся показала,
Котраа ся здавна от бога обецала,
Котрую на нас обфите выльляти рачил,
Кгдыж народ людскій в упадку не перебачил...

Вторый отрок

Нынѣ Вифлеем, дом хлѣба, церковь Христова
Всѣх нас гойне учтити будучи готова
Хлѣбом, котрый к нам з неба зышол невымовным
И напоєм живота вѣчного коштовным.
Всѣх нас до купы вѣрных Христовых ззываєт
И радость невымовную оповѣдаєт,

Котрую там ангели пастырум звѣстили
И их таковои радости домѣстили,
Котраа ся то в Вифлеемѣ показала,
Где панна сина над надѣю оглядала.
В Вифлеемѣ подлом телесне ся находит,
Бог з высокости неба на землю к нам сходит,
В вертепѣ нендзном в пелюшки ся повиваєт
И в яслех быдлят нерозумных спочиваєт.
Ось чудо страху полно, так невымовного,
Ось таємницо монархи збыть неровного,
Котрого небо нѣкгды не может змѣщати
И бы якій розум великости сстигати:
Того маленькій живот паненьскій змѣщаєт
И вертеп так нендзный телесне огортаєт.
Ось чудо над всѣх дивне з вѣку дивнѣишее,
Ось мѣстце над небо барзѣй коштовнѣйшее.
Котрый бовѣм на херувімох почиваєт,
Тот в вертепѣ и яслех тут перебываєт.
Того пастухове хентне венц навѣжают
И кролеве перскіє с подарки витают.
Ось справы, таємниц таких наполненые,
Ось ясли предивне з бога увельбеные,
У котрых вол и осел с покорою стоят
И над ізраиля лѣпше ся бога боят,
Тых и моцаръства небесные окружили
И чины ангельскіє гуфом оступили.
Пред вами ясли серафіми упадают
И боязню великою зняти бывают.
Як пред маєстатом оным божества огнистым
И от свѣтла троици святои пломенистым
С страхом пѣснь им присвоитую спѣваючи,
Слова всѣм нам потѣшныи выражаючи:
Хвала на высокостях богу нехай будет,
Котрому нѣкгды на хвалѣ его незбудет.
Иж ся покою нынѣ земля дочекала.
Котрая то так долго под прокляцтвом тръвала.
Бовѣм всюды межи людми добрая воля:
Пѣснь нам тая от пастухов забръмѣла с поля,
Котрых не от речи здалобыся спытати,
Кгды бы их ту было обецне нам видати,
Котрых там они речій самовидци были
И що ся за таємниц очне пасмотрили.
Иж бы то нам хотѣли о всюм ознаймити
И повѣстю всѣх нас гойне розвеселити.

Третій отрок

Ест ли ту кто с пастухов нех ся озывает
И о тых то речах с повѣстю выступает.

Четвертый отрок

Обецне з оных жаден ся ту не найдуєт,
А ни ся самовидец кто быти менуєт,
Але ово котрый не раз з ними ся зносил
И як товариства пильне о то просил,
Абы го о речах вѣдомым учинили,
Котрых ся они в Вифлеемѣ насмотрили,
Тот вам тот статечную справу может дати,
Що от пастырув Вифлеемских могл слыхати...

ВІРШІ КАСІЯНА САКОВИЧА НА ПОГРЕБ САГАЙДАЧНОГО

Вѣршѣ на жалосный погреб зацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачного, гетмана войска его к. милости Запорозкого. Зложоныи през инока Касіана Саковича, ректора Школ Кіевских, в брацтвѣ. Мовленые от его спудеов[1] на погребѣ того цного рыцера в Кіевѣ, в недѣлю проводную року божого, тисяча шестьсот двадцать второго.

Предмова

Зацне силному войску его к. милости, Запорозкому: ласки божое, смертелнои славы небываем, автор, от в. троици єдиного бога зычит:

Вѣрность подданых против пану то справует,
Же им што найболшого есть в людех, дарует.
Наиболшую реч межи всѣми сужу волность.
Которой в стосованю уступует годность.
Того ми посвѣдчити могут всѣ створеня,
Которыи з натуры прагнут свобоженя.
Золотаа волность, так еи называют,
Доступити еи всѣ пилне ся старают.
Леч она не кождому может быти дана,
Толко тым, што боронят Ойчизны и пана.
Менэством[2] еи рыцерѣ в войнах доступуют.
Не грошми, але крвю ся еи докупуют.
Воиско Запорозкое волности набыло
Тым, же вѣрне Ойчизнѣ, и кролюм служило.
Кройники о их менэствѣ старые писали,
Як они неприятелей ойчистых бивали
Морем, сухом, частокроть пѣшо и тыж конно,
Хотяй ся неприятель их убирал збройно.
Племя то есть з насѣня оного Іафета,
Который з Симом покрыл отчіе секрета.
За Олекга Росского монархи плывали
В чолнах по мору и на Царъград штурмовали.
Их то продки з Росским ся монархою крестили

[1] учнів [2] мужністю

П. Сагайдачний. Гравюра з видання 1622 р.

Владимером и в вѣрѣ тэй статечне жили,
При которои и они так стоят статечне,
Же за ню умирати готови конечне.
Бывали межи войском тым князѣ и паны,
С которых выходили добрыи гетманы,
Яким и тот их гетман Петр Конашевич был,
Который справ рицерских дѣлностю всюды слыл.
О войску Запорозком кождый может знати,
Як оно Ойчизнѣ есть потребно, уважати.
Украина тым войском вцале зоставает.
А где запорозцов нѣт, татарин впадает.
Свѣдками того суть, ох, мѣста Подолскіи
И краи Подгорскіи аж тыж и Белзскіе,
Где много поганин крове христіянской розлял,
А живо позосталых тых в неволю забрал.
Козак, нѣ маючи нѣ зброи, нѣ шишака,
Стигает[1] татар, бы могл допасти[2] лошака.
Чинит здровю своему часто одваженя[3],
Бы толко неволник могл мѣть высвобоженя.
Прото которыи бы хотѣли вотовати[4],
Жебы их знести, албо туркови выдати:

[1] переслідує [2] здобути [3] риск [4] голосувати

Теды певне в тую̀жъбы як овцѣ сѣть впали,
Кгды бы своих сторожов псов волком выдали,
Они Ойчизнѣ нашой суть обороною
От татар поганых и турков заслоною.
Але юж до вас мову мою обертаю,
Зацное рыцерство, всѣх вас напоминаю,
Абысте в вѣрѣ своей святой моцно трвали
И вѣрность кролю пану в всем заховали,
За которую волность вам есть дарована,
Же, проч самого кроля, не маете пана.
От втеляких податков и судов волными
Естесте заслугами своими годными.
Тую волность за клейнот дорогій ховайте,
Заслугами своими еще причиняйте.
И ты, днешній гетмане, зацный Олефѣру,
Щасливе справуй войском тым, а ховай вѣру
Богу и народови тыж христіанскому,
Чим будеш завше страшный племеню поганскому.
И с тым рыцерством славы доброи набывай,
А мене в ласце своей зо всѣм войском хо́вай.
Которому книжечку тую офѣрую,
И род именем всего войска в друк дарую.
И што ся тут на славу гетмана писало
Петра Конашевича, на вас ся стягало.
Кгдыж гетман не сам през ся, леч[1] войском ест славный,
А войско тыж гетманом, довод то ест явный,
Гетман без войска штож ест, войско тыж без него;
Згола нѣчого не есть един без другого.
Реч кончачи, творцу вас богу полецаю[2],
Щасливого звитязтва завше жадаю.

Первый студей

Ест для чого гойныи слезы выливати,
Сердцы, усты и шатми жал свой освѣдчати,
Бо ото смерть горкая невчесне порвала
Славного рыцера, с котрого похвала
Кролю пану и Речи посполитой была,
Бо его слава в многих краях земных слыла.
Славное войско годно такого гетмана,
Который пилне стерег чести своего пана.
Умѣл мудре тым силным войском керовати.
Доброго любил, злого зась звыкл был карати.
Для тогож и звитязства часто доказовал,
Же карность[3] с послушенством в своем войску мѣвал.
Пилне он того стерег, бы война с христіаны
Христіаном не была, леч толко с поганы,

[1] але [2] доручаю [3] дисципліну

Которых он водою и сухом воевал
И плѣненых христіан з моцы их выдирал.
Слушне о том гетманѣ каждый держат може,
Же был правый гетман, дай му вѣчный покой, боже.
За великую собѣ мѣл то нагороду,
Кгды з неволѣ вызволил кого на свободу.
Кгдыж война для тых толко причин маєт быти,
Себе от кривд и иных так же боронити.
О, цный[1] гетмане, славный в людех по всѣ вѣки,
Нехай тя пріймет Христос в небесныи лики.

Вторый

Милость в сердцу палает, як мовит Сенека,
Ведлуг времени праве каждого чловека.
В потѣхах с пріателем сполне ся радует,
А в противных зась речах спол з ним ляментує.
Тая по своих милых тескнит хоть нерада,
Утративши милого друга альбо брата.
Тая великого нас жалю наполнила,
Кгды през смерть того мужа от нас отдалила.
Который своим менздтвом слынул в всѣх краях:
В татарских, турских, навет и в полночных странах.
Не раз он громил орды татаров на шлаках,
И загоны их разил в великих оршаках.
Дознал моци рыцера того турчин силный
В том тогорочном бою, як то был муж дѣлны,
Же в малом почтѣ своих турским многим полком
Менжне спирал поганским розѣдлым волком,
За ойчизну межне ся им заставляючи,
Здоровя своего намнѣй не охороняючи
Волѣл сам, як Кодрус кроль в Атенах в Греціи,
Смерть поднять, бы ойчизна толко была в цѣлѣ.
Кгдыж лепѣй ест стратити живот за ойчизну,
Нѣжли неприятелю достат ся в коризну.
Кто бовѣм за ойчизну не хочет вмирати,
Тот потом з ойчизною мусит погибати.
Цный Сагаидачный волѣл сам рану подняти,
Нѣжлибы поганину христіан выдати.
От которои рани ото умирает,
Але слава и менздтво его зоставает.
Так як спартанского кроля Леонідеса,
Который менжне кроля воювал Ксерксеса,
Шестьсот толко з собою рыцеров маючи,
Впал з ними Ксерксово войско рубаючи,
Которого по пятькроть стотисячный было,
Леч от шестех сот двадцат тисяч го убыло.

[1] чесний, благородний

Тамже и тые шестьсот на пляцу зостали,
Але ся живо поймать нѣкому не дали.
Которых менздтво будет так долго слынути,
Поки в своих берегах Нил будет плынути.
Таким способом рыцер славы набывает,
Кгды ся з непріятелем менжне потыкает.
. . . . . .

Четвертый

Идеш от нас, гетмане милый,
Коронѣ той велце зычливый.
Крвю обляный, пострѣлом турским,
Кончиш живот выроком бозским,
Смѣле ойчизны боронячи,
Здровя за ню покладаючи.
Єднак потомным вѣком слава
Вѣчная по тобѣ зостала,
Котроись набыл своим менздтвом
З славным запорозким рицерством,
Котрогось вожем был славным,
Непріателюм ойчизны страшным...

РАЗМЫШЛЯН'Є О МУЦѢ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ НАШЕГО
ПРИ ТЫМ ВЕСЕЛАЯ РАДОСТЬ З ТРИУМФАЛНОГО ЄГО ВОСКРЕСЕНІА:
ВѢРШАМИ НАПИСАНЫ, ПРЕЗ МНОГОГРѢШНОГО ИНОКА
ІОАНИКІА ВОЛКОВИЧА[a]
1631

О новина вдячная, полная радости.
О любая утѣхо, вѣчная сладости.
Христос сын бога жива з мертвых поставает,
Народ чловечій вѣчнои неволѣ збавляет,
И хто ж ся з нас не будет миле веселити,
Хто не допоможет нам утѣхи зажити.
Емпирейское небо з мѣстца подвигнися,
Над прироженьс твоє моцно порушися.
Кришталныи окажи нам твои сличности,
Заживай веспол з нами любезнои радости.
В подземныи, Титане и ты злотовлосы,
Темныи краи, пусти свѣтло твои косы.
Веселѣй, яснѣй, ранѣй, з оцеану мора,
Нехай повстаєть твоя пресвѣтлая зора.
В нагороду отмѣны котрую терпѣлесь,
На умерлого пана гды смутне смотрилесь.

[a] Уривок подано за виданням: *В. Резанов*, Драма українська, в. І, К., 1926 (Збірник Істор.-філол. від. УАН).

З веселым лицем выступ смѣх в устах маючи,
Всѣх к радости обфитой миле взбужаючи.
И ты Луно крававого одѣнья позбывши,
В сребросличную шяту сличне ся упстривши,
Роспущай свѣтлость, нехай темност уступуст,
В день и ноч радости ся свѣтило знайдуєт.
И ты оцеанскос глубокос море,
Радуйся, выскакуй, прерадост взбійся взгоре.
И вы земле, каменьс, гойнои заживайте
Радости, горких смутков овшеки нехайте.
Всѣ розныи музики, к нам ся к нам зберѣте,
Прелюбезнои утѣхи нам допоможѣте.
Орфес и Аріон вас к собѣ взываєм.
До нашего веселья и вас запрошаєм.
Стройте цитари, лютнѣ, в арфы миле бійте,
Меліодійными думы нас всѣх веселѣте.
Бійте в лютнѣ а нехай лѣсы выскакують,
И морскіи делфины при берегу танцують.
Хоры аггелскіи и вы к нам завитайте,
И з нами, Христос воскрес, весело спѣвайте...

ІНТЕРМЕДІЇ ДО ДРАМИ Я. ГАВАТОВИЧА[a]

ІНТЕРМЕДІЯ ПО ДРУГОМУ АКТІ

Особи: Стецько з горшками, Климко кота мав в мішку на спині

Климко.
Що тут ти, побратиме, собі порабляєш?
Кажи міні як живеш, та и як ся маєш?
Стецко.
Я тут не роблю ничого,
Ось иду до дому свого,
Та и з тоєми горшкамі,
Як з своімі сусідами.
Климко.
Та на що так много маєш?—
Льибой[1] на жонку кидаєш!
Стецко.
Нащо? Ти хочеш вірити,
Що люблю хороше жити,
Всього достаток варити
Кажу, та ся не курчити —
Так яко пшиналєжаєт
Сподарові, що все маєт.

[1] либонь

[a] Tragedia albo Wizerunek śmierci przeświętego Jana Chrzciciela Przesłańca Bożego... (1619 р.). Текст інтермедій подано за виданням «Розвідки Михайла Драгоманова про українську народню словесність і письменство», том I, Львів, 1899. Заголовки та ремарки оригіналу, зроблені польською мовою, наводимо далі в перекладі.

Климко.
Бохме-сь чольовік хороши!
Льибой маєш много грошы?
Стецко.
Та що маю?
Климко.
Та добиток.
Стецко.
Маю тот на полю вшиток:
Сут тамо увци, барани,
Котромі частую пани,
Сут воли, та и корови —
Всє маю, колі-м здорови.
Климко.
Та и много поля маєш?
Стецко.
Маю — та що так питаєш?
Климко.
Бо хочу тоби служити,
З тобою вік провадити.
Стецко.
Колі хочеш — гараст, служи!
Хот ся и шинкарком длужи[1]:
Колі пінізі маємо —
Всє ми тоє поплатимо.
Ліше хоць верне служити.
Климко.
Кажи-ш, що будеш варіти
Для мене?
Стецко.
Хот — видиш, много
Горщков, що-м до дому свого
Тут покупил на ярмарку?!
Купілем и тою мірку,
Що будем соби з ней пити —
Та питаєш, що варити
Буду? Ось в тоім борщика,
В тоім яхли[2] до молока;
Колі риби достанемо,
В тоім горщику зваремо,
А в тоім ся зварит тисто,
В тоім коропи розписто[3],
В тоім капусту тлустою,
В тоім розпустимо лою
До гороху, от так знаєш,
Та и пирогов ся наиш;
В горщку іх поваремо,

[1] боргуй [2] просяної крупи [3] густо зварені

Та в тим шпирок насмажемо,
Та — що бис хотил іншого —
Що маєм, наварим много.

К л и м к о.

Богме, я буду служити,
Колі так схочеш варити!
Тат же ся хороше маєш!

С т е ц к о.

Та ти що робити знаєш? —
Кажи, щобим слугу свого
Знал та ласкав бив на нєго.

К л и м к о.

Я чоловік всеє робити
Знаю, та волкі ловити,
Щоби овец не псовали,
Та билла не розганяли.
И іншого звєра много
Достану ось з ліса того.
Лісіцю, щом імиў, несу,
Та за длухи я понесу.

С т е ц к о.

Того слуги потребую,
Та юж ся тобі радую.
Будеш же ся гараст мати,
Та борзо хоч прибивати!

К л и м к о.

Гараст. Та ти звірка того
Купи, дам його не дрого.
Будеш до тей шепкі мяти.

С т е ц к о.

Колі би го оглєдати?

К л и м к о.

Іще бистри, тепер з ліса,
Уцюклби мини до биса!
Дома його оглєдаєш,
Гей же хороши — пузнаєш!

С т е ц к о.

Як його шацуєш[1] собі?

К л и м к о.

За шіст осмаков дам тобі.

С т е ц к о.

Вольмі зачиниў-єсь много.

К л и м к о.

Кажи, що даш? дам нє дрого.

С т е ц к о.

Три усмакі возмі собі.

[1] оцінюєш

К л и м к о.

Дай пят.

С т е ц к о.

Не дам.

К л и м к о.

Жичу тобі.

С т е ц к о.

Много.

К л и м к о.

А хочеш купіти? —
Чотири; та будем жити
Собі, ліше длух однесу,
То горщкі тоте понесу
За тобую.

С т е ц к о.

Іще много
Хочеш.

К л и м к о.

Та богме не дрого!
Так бо-єм винен сила,
Колізмо там у корчмі пила!

С т е ц к о.

Бериш юж чотири гроши,
Та ся верни як хороши.

К л и м к о.

Гараст! — из міхом зоставлю,
Та не вольмі ся забавлю.

Тут відходить Климко, а Стецько оглядає лисицю.

С т е ц к о.

Осмотру тою лисицу,
Чи будет пуд рукавіцю,
Та и пуд шепку красейко...

Кіт утікає.

Биднаіш ма головонько!
Ось-ось мене гроши збавіў,
Ліх чоловік, міх зоставіў.
Ось кога в міху купив-єм!
Чом я так не мудри биў-єм.
Іже у тот міх нє глєдиў-єм
Та що у ним не осмотриў-єм?!
О, бісу твоєй матери!
Кажут: не каждему вери...
Та и горчкі лібой пубрал?

Шукає горшків.

Ось матунько, щом я виграл
На тоім ліхим ярмарку!

Біс взяў и з горщками мірку.
И сукни лібой не маю?

Шукає одежі, яку поклав на горшках.

Що мам дзєяти? — не знаю.
Біднаш моя головонько!
О, нещещнаяш матонько,
Щось мя на сьвіт народила,
Щом так нінка стратил сіла!

Климко приходить, перебравшись в іншу одежу, а горшки кладе й прикриває їх одежею та притрушує травою.

К л и м к о.
Та що, побратиме, тобі?

С т е ц к о.
Чи жартуєш з мене собі!
Наробівши, та не знаєш?
Горшкісь украл, та питаєш,
Из сукману, тась и здрадил
Мене в торгу: котась всадзіл
В міх, та, же лисіцю маєш,
Казаў-єс, що ю продаєш.
Тоюм я заплатил тобі,
А тогом не змисліл собі,
Що-єм в тот міх не заглєдів.
А тись пришол, щобись шидіў [1],
Іще, що ми єст, питаєш,
Та ся з мене насьмєваєш!

К л и м к о.
Та що ти на мене кладеш?
Щом ся тут натрапіль, рад-єс!
Не маю кім осьвядчити,
Щось сьмєл то на мене вложити!

С т е ц к о.
Як тебе зовут? — питаю.

К л и м к о.
Клімко.

С т е ц к о.
О, того не знаю,
Як здрайцю зовют тамтого...
Та бо сепка [2] власна його,
Та для тогом гадал собі,
Що он, там тот, мовил тобі.
Прошуш, пробач вину тою!

К л и м к о.
Мили брате, я з тобою.
Та, як кажеш? що тя здрадіў!
Кота у пред в тот міх всадив?

[1] глузував [2] шапка

С т е ц к о.
Ой, так.

К л и м к о.
Та и пубрал грошн?

С т е ц к о.
Пубрал.

К л и м к о.
Чоловік нє хороши!
Та іміў служити тобі?

С т е ц к о.
Міў.

К л и м к о.
З грошамі пойшол собі?

С т е ц к о.
Так, брате.

К л и м к о.
Та и сукману
Взяв, біс в його маму,
Як непишному пану?)

С т е ц к о.
Ой, взяв.

К л и м к о.
То и горщкі украл?

С т е ц к о.
Так.

К л и м к о.
Тась ти його не шукал?

С т е ц к о.
Ніт, бо ся ти натрапилесь.

К л и м к о.
Тепер то?

С т е ц к о.
Тепер.

К л и м к о.
Зблудилесь!
А хочеш міні віріти?
Здаст мі ся, щом міл відити
Тепер чоловіка того,
Що міл горщков вельмі много...
Тот льибой?

С т е ц к о.
Ей льибой!

К л и м к о.
Сукману,
Що тобі, благому пану,

Лібой взяў, ніcл па паліци,
Та собі лігл на травіци.
О бугме тот, бо шарая[1]
Сукмана била такая!

С т е ц к о.

Такая, такая!

К л и м к о.

Чи хочеш мі віріти?
Коліць його покажу, не хоч го живити!
Ось лєжит! А тот?

С т е ц к о.

Тот, тот!

К л и м к о.

Нуж тою паліцю
Гараст його по хребти, же змажет травіцю
Посокою.

С т е ц к о.

О буду-ж його смаровати!
Мусіт міні и горщкі и все поўрацяти!
Та як, мудри, накрил ся, ось відиш, травою,
Щоби го не зхлідино!

К л и м к о.

Бій крипко, та свою
Сукману и всє побери,
А його в світі пе дери!

Стецько, закасавши рукава, б'є горшки, а Климко втікає.

С т е ц к о.

О, матйонько, матйонько! тепер же ми ліхо!
Чи бі, чи ліх чоловік управил мене тихо
В то нестєстє[2] веліке, щом убоство своє
Потолк, внивоч обротил те горщочкі моє!
Що ся діят? чи бог то милостіў справити
Хотил, такоє ричи на менэ пустити,
Чи ліхій люде? О боже, милостиви!
Коліш би ся тот трапил чоловік здрадліви,
Що мі такоє ричи, ось пане, наброіл,—
Пузналби якбим диви коло нєго строіл!..
Возьмуш претя туй сукману —
Пуйду ся скарити пану.

Стецько відходить, а Климко приходить сміючись.

Га, га, га, га, га, га, га! два крот одинього
Чоловікам ошукал — признам ся до того.
Тот — пан, що знаєт в сьвіті гараст махльовати.
Пойду іще, 'за знайду кого ошукати.

[1] сіра [2] нещастя

ІНТЕРМЕДІЯ ДРУГА ПО ТРЕТЬОМУ АКТІ

Особи: М а к с и м, Р и ц к о, Д и н и с, Ч е р е д н и к и.

М а к с и м.

Ідим же, брате, юж в тою,
Що ідемо, дорогою,
Колісми юж зторговалі.
Та и вся воли продалі,
На тоім ліхим ярмарку!
Не будем бульше шарварку
По тоіх волах робити —
Ліпше на флісі[1] служити.

Р и ц к о.

Ліпше, брате! я з тобою
Іду, ти іди зе мною.

Д и н и с.

Ей, побратимове, стоіте,
Та що́ говору, почуйте!
Далєк ідете! — кажите,
Та з субую ме везмите.
Помагай бог вам.

Р и ц к о.

Здорови
Бут, та короткеми слови
Кажи, о що питаємо!
Та, як те звати маємо?

Д и н и с.

Ям з Каміньця Подольскєго.
Пришол до містечка того
На ярмарок з воли, та Диніс
Істем.

М а к с и м.

Та біс тя тут приніс?!
А ми вуд Городка — знаєш?

Д и н и с.

Знаю.

М а к с и м.

Далєк пойти маєш?

Д и н и с.

Ось коби ся з кім трапіло,
Щоб нас хот зе три било,
Ишолбим на фліс.

Р и ц к о.

Іди з нами,
Та ми ідем от двай сами.

[1] на річних сплавах

Динис.
О, славаш господу богу,
Щом знашол в тою дорогу
Товариство хорошос!
Ось нас будет тепер трос.

Йдуть троии далі, а Динис питас їх про хліб.

Ой, братонькове, слухайте,
Та що мені істи дайте!
Забиў-єм хліба купити,
Без котрого трудно жити.
Максим.
Ей, брате, и я не маю.
Рицю, ти маєш, я знаю!
Рицко.
Та ти хліба не купиў-єсь?
От так собі наридиў-єсь!
Та ям ся на тебе спустил,
Щось ти хліба купити міл!
Максим.
Та що будемо чиніти?
Лібой придет глод терпити?
А вольмі ся хочет істи;
Щось не купил — тожесь чисти.

Йдуть далі, і Динис знов почув пироги.

Динис.
Братя, та любой пирогі
Ту пахнут з тоєй дорогі?
Максим.
О, пахнут!
Рицко.
Пахнут!
Динис.
Шукаймо,
Та говорити перестаньмо.
А за дазд бог гу знайдемо,
Та ся всі трей поделімо.
Та ось пирух на травіци
Биў! лібой виросл з зємліци
О, слава тобі господи!
Омінут нас тепер глоди,
Колі бульше достанемо.
Максим.
Любой юже не знайдемо?..
Та що ту іст за травая,
Що родит пироги тая?
Ось іще будут пироги,
Колі ся вернемо з дроги,

Будем тою траву знати,
Та тут пироги іскати.
Рицко.
А з тим що будем чиніти?
Любой ся придет діліти?
Динис.
Хот ся дилiти хочемо,
Претя ся всі не наємо.
Нас три, а тот пирох мали.
Максим.
Та хотби оден з'єл цали,
Кривда би зась іншим била,
Босьми го всі три зглідила.
Рицко.
Вят[1] ся диліти будемо.
Динис.
А колі так учинимо!
Котрому ся що ліпшого
Присніт — будет пирог його?
Максим.
Гараст, гараст!
Рицко.
Вяг лігайми,
Та всі три позасіпляймі!
Динис.
А тот пирог нєх тут буде —
Вшок[2] ту не украднут люде?

Лягають, а Динис, вставши, пиріг з'їв і ліг; потім їх будить.

Максим.
Гей, Грицю, встань, та Динису!
Чом дулго спиш? Іди к бісу!
Динис.
Ну, юже тепер мувите,
Та и сни в перед кажите!
Максим.
Гей, братя! я-м в небі бив.
Гей, том ся там хороше міў!
Гей, гей, тож трудно скажати,
Щом я там могль охлєдати...
Та тот небо як золоти
Замок, що такей роботи
В сьвітим нє видал красноє!
Мури маєт золотоє,
Та каменамі сажене
Дорогимі: сут зелєне,
Сут білоє, черлєноє,

[1] тож [2] ачей, може

Сут блакітне та сьвітноє.
Та и муст там єст золоти.
Та я собі перед вроти
Стою, аж там викрикают
Ангелі, ейже спивают
Хороше! та сьвятих много
Стоїт вольмі. Ось я того
В небі ся там насмотрелем!
И господа там відилем
Бога: та седит за столом,
А всі біют пред нім чолом,
Та сє и всі так жегнают.
Як ми в цоркві, та співают,
Потим бог господ носити
Істи кәзал: там служити,
Щó живоє, ся рушило!
От, братя, тот ся мі снило.

Д и н и с.

Та южесь всє виповідил?

М а к с и м.

Іще, бом там внет[1] схлідил
Що потрави принесено,
Та и мне за стол всазено.
Гей, билож там много
Істи — не пребачу того!
Било мясо, просята,
Били пєчоне курчата,
Били там и вароноє,
Та била и смажоноє —
Всє хорошо, и з юшкою
Білою, та и жолтою,
И тисто било варєне;
Смажоне, та и печоне;
И пироги тамо били,
Та и борщика зварили,
Та била и капустая,
И горох, била кашая,
Та била там и ботвіна,
И вшелякая зверина.
От так ся я в небі мілем
На банкєти, що там билем!

Р и ц к о.

Та я, братонку, в піклі див.
Ой томже тим біду терпіў!
Чарненьци там по голові
Біли мя, та по хриптові
Літунове. Та там всього

[1] зараз, відразу

Відилем поспольства много:
Суть тамо попи, панове,
Та наси побратимове,
Сут там и ліхоє жункі,
Сут не веліке дітонкі,
Всі гореют аз по уши;
Бідаш там и моєй души
Била, та на «вічне вікі,
Кажут, будеш терпіл мукі».
Тот ся міні ліше снило —
Бодаї ся тот не трапило!

Д и н и с.

Та я, браття, собі лєжу,
Та ось гангель ідет, віжу,
Та тот до мене пришедши,
Порвал мене за волоси,
Та ме посадил на небе,
Та я там відилем тебе
Що ти собі уживал-єсь;
Там я просил, що би дал-єсь
Міні що, куска одного.
Нехотилесь, всє до того
Пирога — казаў-єсь з неба.
Та гангель: «юж те не треба
Тут — рикл міні — товариства,
Колісь відил! Ось у биса
Други седіт в тоім пеклі!»
Та ме там ставіл при теплі:
Аж ти на мене ківаєш,
Та слова такі волаєш:
«Юж мене не гледаєш!
Возьмі пирох, що там маєш,
Та зійш, бо на вічні вікі
Тут буду терпити мукі!»
Та зась гангель тут ме ставіл,
Та ям ся пирога наіл.

М а к с и м.

Лібой?

Д и н и с.

Ой так.

М а к с и м.

Ей, Денісу,
Ідиш же ти собі к бісу!
Колі не будет пирога
Будеш плакати на бога.

Д и н и с.

Вшакось[1] ся ти наіл в небі?

[1] адже

Р и ц к о.
Як я, баламуте, тебе
Почну паліцю взбірати —
Не будеж ти жартовати!
Д и н и с.
Ось біда: зійсти казалі
Пирог, та ся розгнівалі!
М а к с и м.
Ідиш, ідиш, скудесь пришол,
Хот бись и до біса пошол!
Д и н и с.
Колім пирог зїл — недбаю,
Та юж ся з вамі жогнаю[1]!

Побіжить, а вони за ним.

СЛОВО О ЗБУРЕНЮ ПЕКЛА

ЄГДА ХРИСТОС ОТ МЕРТВЫХ ВСТАВШИ ПЕКЛО ЗБУРИЛ[а]

Л ю ц и п е р (*мовит до Ада*)
Знаю я, Аде, о том Христѣ много причин,
Иж он єст от колѣна Давидова Маріин син,
Который сам себе сином божим именує
И человѣком також називаєт.
О том пророци здавна пророкуют
И повѣст тую тилко дармо розмножуют,
От полшости тисящи лѣт запевняют,
Єго быти богом и человѣком вызначают,
А наших собѣ за нищо мают.
Але юж маю слуг в справах моих бѣглих,
Не тилко на земли, але и на облаках свѣтлих;
Знаю я, що ся дѣє и на краи свѣта,
Коли бог основал землю и положил на неи дочаснїє лѣта.
Так под небом и в морах и под землею що ся дѣє знаю,
В їединой годинѣ през слуги свои много новин маю.
А о том Христѣ и раз не знаю,
Но вѣсти певнои єще ожидаю.
Дивная би то рѣч була, їж би бил на земли божїй син,
Не могу тоє из свого разуму поняти,
С которых би ся причин
Он могл взяти.
Знаю творца єще пред вѣки
Живого в небѣ и со человѣки,
Знаю и аггели, иж служат в небѣ богу,

[1] прощаюсь

[а] Подаємо за текстом, надрукованим у виданні: *В. Резанов*, Драма українська, в. I (Збірник Істор.-філол. від. УАН), К., 1926.

А того, що ся именує сыном божим, знати не могу.
Єще и на земли от слуг своих много новин маю,
А так єще певной вѣдомости ожидаю.
А я тїи справи, що бог сотворил, всѣ знаю,
А шо ся именує сином божїим, того не разумѣваю.
И я билем аггелом свѣтлим и на облацех жил,
И до всего ся там приглядел;
Знаю, що ся дѣєт и во едемских палацах,
Але барзо дивую ся о тих речах.
И знаю, що бог Адама создал от землѣ
И все живое, єже єст наверх землѣ;
И в рай на востоцѣ єго посадил,
Аби на землѣ бога и творца своєго хвалил.
Але я тому барзо позавидѣл,
Адама и Єву ужем из розуму извѣл,
Иж божию заповѣд преступили,—
На тоє-м привѣл, что изгрѣшили.
А гди згрѣшили, познали ся нагими,
И бог им не хотѣл того грѣха терпѣти,
Послал аггела своєго и вигнал их из райскои роскоши,
Которои роскоши и розумом не поняти.
И хоч Адам розум тот маєт,
А от того часу землю дѣлаєт
И в потѣ лица свой хлѣб снѣдаєт.
Тую то оповѣдают вѣсть,
Но он скончења свѣта не вѣсть.
В той час возрадовалем ся и смѣялем ся з него,
Жем го привѣл на тоє — барзо добре на него,
Скоро он тоє отримал,
А я того давно ожидал.
Албо тиж и тоє знаю,
Иж девять хоров аггелов бог маєт,
От которих на небѣ хвалу приимаєт.
А я тїлко помислив ровнати ся з ним.
И за тоє зараз стручен єсмь из неба,
И там мя посадил,
Гдѣ мнѣ давно було потреба.
Так тиж и Адам согрѣшил,
Же от древа заказаного овоцу ѣл,
От которого древа ангел єму заповѣл,
Аби ани в руки свои не брал.
Але то ся все стало з моєи причини,
Иж от древа заповѣданного овоцу ѣли.
И єщем ся о то старал,
Аби ся мнѣ Адам с потомством записал.
А я то Адамовѣ сини роднїє повадил,
Же Каин Авеля брата своєго из свѣта изгладил
И от того часу зачалем пекло будовати
И души грѣшнїи из сего свѣта избирати.

Из всѣх потомков нѣхто мнѣ не завадил:
Адама первозданна я в пекло спровадил,
И зрадивши так Адама,
Запровадил и Авраама,
Исаака и Якова и всѣх дванадесят патрїархов,
Там мнѣ не било от них инших страхов.
И царей незличоних
И рицаров барзо моцних
Назбиралем от всего свѣта
Не мало аж до сего лѣта.
Самсона барзо дужаго
И цара Александра всего свѣта можнаго.
Пекло, моя слѣчная потѣха єдина
Грешников аж до верху узкаго пожерла,
И Давида цара, с которого племя Исуса Христа повидают,
О чем вси пророци люд паучают,
А пана моего Ада и нас всѣх в пеклѣ понижают,
Которых во отхланях моих повно,
И завше у мене их єст много.
А хтож у мене єще будет,
Той до скончания вѣка мене не забудет.
Івонко єсть, а по тому и сам Христос у мене будет.

А д *(до Люципера мовит)*

Пане Люциперу, пане старосто,
Хоч у тебе самого слуг тисящ зо сто,
Чемусь мнѣ гадки великиє голову здоймают
И фрасунки не малиє мене строскают.
Зажиймо ми поради, а Христа того занехаймо,
И слуг своих к себѣ заволаймо,
И скажемо ми им, аби тому Христу дали покой,
Жеби єго не зачипали, жеби и нам бил упокой.
Бо гди мѣлем Лазара четвородневнаго у себе,
А гди он єго єдним словом своим заволал,
Собѣ єго за таємника обобрал,
И у мене из зубов острих вирвал
И моє барзо остроє оружїє притупил,
Которое я себѣ от вѣка мѣл,
Хоча єм ся из ним не бил.
И тепер я тим клопочу голову свою:
Бою ся, жеби мнѣ не бути в неволи с тобою.

Л ю ц и п е р *(до Ада мовит)*

Не тревож ся, Аде мой и добродѣю!
Тилко ти у мене першая надѣя.
Хто вже не буде у тебе?
Ти будеш мѣти Христа у себе.
Єслиж то так страшен Марїин син,
Ово и я о воиско постараю ся

И добре вибю ся з ним,
И буду шукати на него яких причин.
...И до того подмовилем своєго утѣшителя Иуду,
Аби видал Исуса до фалшивого суду.
Бо гдиж чинит ся богом бити,
А хтож перед ним стоит єго боронити?
Тепер при нему не видно и жадного апостола,
И Марїя боит ся за ним причинити.
Не вижу я єго, бо ся он и мене боит
И от тих апостолов єго дванадцять
Не будемо боязливими,
Хоч би било их тисящ килка-двадцять.
...И попущаю я слуг своих,
От которих маю приязнь прихилную,
И в каждой годинѣ будем мати вѣдомость вѣрную.
В каждой годинѣ буду знати,
Що той Ісус будет умѣти и що будет дѣлати.

А д *(до Люципера мовит)*

Люциперу, старосто, мой добрий друже,
Прошу тя, коло господарства моєго пилнуй дуже!
Пилнуй добре! Знаєш, на шо-с ся поднял,
Бо Іоан Предитеча слуг наших дуже полякал.
Але радше того Христа не зачѣпаймо!
Откуду єсть, того добре не знаємо.
Бо мои усѣ жили починают дрижати,—
Либой коло нас не жарти!
Я чемусь бою ся, аби мнѣ не було яких страхов,
Абисмо не утратили пекелних наших гмахов.

Л ю ц и п е р *(до Ада мовит)*

Пане мои Аде, чему єси так барзо боязливий?
Не бачиш перед собою войска? А так лякливий!
Не тривож мене и моих слуг вѣрных,
Которих маю и у сторонах чужих.
Як-им из ними лѣта долгїи прожил.
Але, Аде, добру я надѣю маю,
Душу Христову себѣ поимаю.
Зараз пошлю з войском старшого воєводу Трубая
И другаго Венеру, там нехай бѣгают
Под мѣсто Єрусалим до великого гаю,
Аби Христа пилно стерегли,
Жеби аггели душѣ єго до неба не взяли.

Л ю ц и п е р *(до слуг своих мовит)*

Гей панове воєводи, ти пане Трубаю,
И ти Венеро, ото я для того вас до себе волаю,
Жебисмо зажили яковой поради,
Щоб з Христовою душею аггели не учинили зради.

И щобисмо ся тепер добре порадили,
И того Ісуса душѣ до неба не пустили.
...И нам ся о тоє пилно треба старати,
Аби смо до себе душу єго могли поймати.
А гди бисмо єго душу до себе поймали.
То бисмо били безпечни и нѣкого на свѣтѣ ся не бояли,
И я бил би паном всего свѣта.
Тепер же безпечне бѣжѣте,
А душу єго пильно стережѣте,
Куди ся той Ісус повернет, треба нам о том знати;
Вѣн бо кажет, що из ним нам жарти.
Абисте того Ісуса поймали,
И мнѣ о том рихло знати дали.

Люципер (*мовит до Ада*)

Южем, Аде, послал по Ісуса слуг своих вѣрних,
Венеру и Трубая, воєвод немалих.
А гди будут бубнити,
В той час душу єго будут провадити.
А ми сюди аггелов не допускаймо,
Потухи им не даваймо,
Аби нас не зрадили
И душѣ єго до неба не запровадили.
Не бой ся, Аде, пане мой милий!
Чему єстесь так барзо унилий?
Єще я в господарствѣ твоем не оспалый
И весь вѣк в радости пробув час немалий.
Не бой ся Маріина сина! Гди он человѣк,
Не вчинит нам нѣчого во вѣк.
А я завше до конца с тобою
Готов хоч на плац до бою;
А пекло, то моя столица,
Где рачит єго моя правица...

Ад (*до Люципера мовит*)

Юж я бачу страсть свою и ляментую,
Хоч єще жаднои навалности не чую.
Живот мои древнѣє
И в очах моих мрїє;
Живот чуєт, тилко не скажет,—
Подобно той Ісус пришедши всѣх нас повяжет.

Люципер (*до Ада мовит*)

Що, Аде, по том, що так плачеш и прорицаєш?
Що єси прожив, то всѣ днѣ свои проклинаєш.

Ад (*до Люципера мовит*):

О старосто Люциперу, стражею затвори пекло,
Жеби жадной душѣ з него не втекло.

А там изо всѣх сторон мѣдянне ворота поставми,
И затвóри желѣзними ланцухами
Моцнимп стягни,
И твердими колодками
Барзо замкни!
И тисящу тисящ маю войска збройного,
Может и с Христом не ходит так много.

Люципер (*до Ада мовит*):

Не ужасай ся, Аде, пане мой!
Буду ся як мога из ним бити,
Поки єдному з нас кости на десять ся не разпадут,
И не дам до тебе приступити.
Тилко послов очѣкую.
И вѣсти первой ожидаю.

Святїй Їоан Креститель (*мовит до Ада*):

Смути ся, Аде, плач и ляментуй во вѣк,
Гди идет до нас бог и человѣк!
Готовал єси на нас пекло, вязеня,
Которое тобѣ будет в сїє время.
Веспол из слугами твоими
Будете под ногами божими.
Востани, Давиде, и в струни вдарай,
А творца своєго и бога вихваляй!
Ото будет запевне по нас
И не поидет отсюду без нас.

Люципер (*мовит до святого Їоана Хрестителя*):

Постой, Їоане, єще ся своим Ісусом не вихваляй
И того Ісуса не прославляй.
И ти тут будеш и твой Ісус будет у нас,
А хто дужшїй, той ся виграєт з мижи нас.
И ти ся не вифиглюєш, хоч бис як фигловал
С тим, которому я дорогу готовал.
Бо єси Їоан, зовут тя покаянию проповѣдник,
Але ти власній Їсусов похлѣбник.
Ти єстесь єму щось за родина,
Що така твоя о нем з нами перепина.
Для чогож ти вязнев моих потривожив,
Же им єси повѣсть тую дармо розмножив?
Щоб у тебе бог був, коли би ти ся народив,
Щобись нам тїй вѣсти не множил!
Чому иншѣ святии сидят тихо?
Гдесь и тобѣ у нас прийшло лихо.
Як то, тут маєт Їсус до пекла уступати
И всѣх моих вязнев от мене взяти?
То того нѣгди не дочекаєш,

Тилко славу тую дурно розмножаєш.
А долго ще ти тут будеш стояти,
А щораз то болш о Христѣ повѣдати?
А докиж ти, Їоане, будеш практиковати,
А щораз то болше о том Христѣ пророковати?
О, що ти так богато пророкуеш братку?
Дайте єму смоли напити ся и пекелного кваску!
А ходи но ти сюда болше не проповѣдаї,
Товаришу мосму и мнѣ страху не задаваї!
Бо ми ся и знаку єго не боимо
И на божество єго не глядимо.
Знаю я, же єст бог в небѣ,
Которому спѣвают аггели: «Слава тебѣ!»
Але тут на земли в тѣлѣ бога не маєш,
А ти о нем пророкуеш и сам єго не знаєш,
Тилко єго на помощ призиваєш.
Бо бог в небѣ со аггели пануст,
А моя слава по всем свѣту роскошуст;
И мене люде всѣ на язицѣ носят
И болше нижли бога о що просят.
А я ведлуг прозби их буду чинити,
А хто мои учинки чинит, буду єго любити.
А за тое им обфитую ласку покажу:
Не єдного в огонь пекелнїи усажу,
И покажу им за тое обфитую ласку,
Не єдин бо им дам килиф пекелного кваску.
А ти, Їоане, пойди в ад, болше не волай,
Товариству своєму в смутку не помагай.
Вижу я, же ти то фиглюєш
И розумѣю, же ти оттоль утекти ся готуєш.
Ой, не увойдеш от мене, рицеру пташку!
Ми того не убоимо ся, Иванашку.
Подобно у нас той Їсус буде, и ти будеш из нами
В той нашой ямѣ. (*Іван відходить*).

Отож Посел первый (*бижит и мовит*):

Пане Аде и ти пане старосто наш,
А гдиж над тебе болшого немаш!
Послали мене воєводи Венера и Трубай:
Ничого ся ни раз не лякай!
А що єси хотѣл их просил, то все поорудовали
И Христа того у ланцухи поубирали...

Посел трети (*прибигае и мовит*):

Отож, пане наш Аде, юж Христос умираст,
На крестѣ главу свою прикланяст...
Одтом со жолчїю єго напоили
И приправами, присѣками єго частовали.

Остали ся там нашѣ воєводи,
Аби душу єго взявши принесли сюди
На нашиє угоди.

Люципер (*до Ада мовит*):

Видиш, Аде, такую маю новину,
Що ся стало през мене Маринну сину?
...на крестѣ єго прибили
И бок єму копиєм пробили,
И терновий винец на главу вложили.
А нам потреба о душѣ єго пильноє стараня мѣти,
Аби душу єго поимати во своя сѣти.

Ад (*до Люципера мовит*):

Моя рада такая
И голова старая:
Душѣ Христовой не берѣте
Анѣ єй стережѣте,
Щоб для єдного
Не утратити много.
Нехай душа єго идет до неба,
А нам єй тут не треба.
Бо всѣ пророци поднесли ся и радуют,
Приход єго духом святым чуют.
Мусит то правдивый бог бути,
А нам для єдной душѣ всѣми треба ригнути.
Бо уже я бачу близко конець наш,
И наше старшинство тепер єст, а завтра немаш.

Посел четверти (*прьбѣг и мовит*):

Отож Христос запевне умер,
И я бачив ото не давно, тепер.
Але гди душа єго вишла с тѣла,
Тогди не єдина там плоть изимълѣла.
И мы всѣ ся били полякали
И далеко от неи повтѣкали.
Хотѣли-смо єго душу поимати,
Але гди-смо обачили, страшно было к ней приступати.
Аггелскиє войска около оступили,
А нас до неи не допустили.
Дрижала земля, же аж ламали ся опоки,
Був страх великий и єсть и доки,
Солнце и мѣсяц во кров ся премѣняли.
И много от мертвих от гробов повставали;
И тиє от страха великого аж на землю падали
И через три години лежали,
Аж не худко встали.
И ми ся страха уже набравши
Идемо до пекла зброю побравши.

И чулисмо от аггелов глас,
Же во третїй деи Христос воскреснет и приде до нас,
И маст взяти всѣх вязнев конечне у нас.

Воеводи Венера и Трубай (*мовят*):

Великий наш пане Аде и ти пане Люциперу старосто,
Запевне Христос идет до нас просто.
Мы хотѣли душу єго собѣ взяти,
Але божїи сили не дали к ней приступати.
Ох лихо наше, вѣдѣлисмо страх незносний,
Блискавицѣ и громи великиє;
Подобно правдивїй и власний єст Христос бог,
Бо нѣхто таких чудес кромѣ него чинити не мог.
Уступилисмо ту до пекла поради зажити,
Що б ис тим Христом чинити и як прожити?
Бо будет тут запевне до нас,
А почавши от Адама, и всѣх святых маст узяти от нас.

Люципер (*мовит до слуг своих*):

Ова, буду ся боронити як могучи,
Бо не подобаєт ми из своєго панства утечи,
Єсли он божїй сын, нехай собѣ в неби панует,
А з нами и пеклом нехай ся не воюєт.
Бо било би мнѣ за встид, гди бим ся єму кланял
И данѣ давати гди бим ся поднѣмал.
Тревалем пят тисящ лѣт, мало не до вѣку,
А тепер бим ся в моци дал єдному человѣку?
Буду єго чекати аж на плац, Аде, с тобою,
А гдиж он человѣк, то ся я єго не бою.
И буду ся з ним менжне воєвати,
Хоч бим мѣл и поле програти.
До бронѣ всѣ мои жолнѣре берѣт ся,
А гди якїй страх прїйшол, то ви не смутѣт ся;
Ставте ся противко єго менжне,
А я за вами з другим войском потенжне.
А ви ворота желѣзние рихло зачиняйте,
И зводи звѣвши ланцухами заволѣкайте,
И колодками моцними и твердими замикайте!
Бо уже запевне той Христос придет,
Але хто дужшїй, той внидет.
А вам нехай сердце от страху не умливаєт,
Иж от Христа того все повтѣкаєт;
Але берѣте ся до него смѣле,
Ставайте з ним цѣле.
Але я знаю, же не новина вам воєвати,
И не таких рицеров в полю и на плацу имати.
И з ними воєвати и всѣм кролювати.
И всѣ кролеве и царѣ наших рук не втекли.
Але и сами бачите, же єст они у пекли.

През то ви не тривожте ся
И Христа того не бойте ся.
Єще ожидаю посла остатного
И на плац пристя Христового.

Посел остатнїї (*прибигав и мовит*):

Пане Аде и ти, пане Люциперу старосто,
Ознаймую вам, иж Христос идет до нас просто.
Цар грозній и аггелов множество,
Серафим з ним и єго божество.
Нѣчого ми противо єдного аггела не могли скурати,
А самого Ісуса и мови єго страшно було и слухати.
Побѣглисмо до пекла даючи знати вам,
Як бы прожити нам.

(*Зобачили корогву Христову и полякалися*).

Люципер (*до слуг мовит и корогов собѣ велит дати*):

Оножидет к нам! Пилно стережѣте,
И в руках своих оружиє моцно держѣте,
А як до вас придут, грозно отповѣдайте.
И плечима дверѣ моцно подпирайте.
И если би ся ламал, аггелов забивайте.
Нехай он тут не идет! Никому не фолгуйте,
Бо нѣчого тут
По нему не бут.
Коли он божїй син,
Нехай собѣ в неби сидит,
А воєвати ся з нами и пеклом нехай не идет.
Коли он єст божїй син,
Я не знаю, для яких идет сюда причин.
Не маєт он до нас жаднои справи.
И не можу разумѣти, що то за цар слави.

Святий Іоан (*до Люципера мовит*):

А, то ти от нас царя слави не чувал
Из уст моих, о котором я пророковал?
Не тилько я, али и всѣ пророки;
Не тилько пророки, али и всѣ патриархи
о тим предсказуют усѣ роки.

Люципер (*до Іоана мовит*):

Знаю и Іоане, же то бог все тое справил,
Не той цар слави,
О котором ти пророковал!
А я бога сѣдящаго знаю,
А тут на земли о том не розумѣю:
Отколь би то он мѣл ся на земли взяти.
То не могу з розуму моего поняти.

Втеди Люципер *(до слуг мовит)*:

Гей, панове молодцѣ! Нехай вам сердце ся не лякает.
Же от того Христа восько все повтѣкает!
Потужне си ставте,
А з пляцу и жаден не утѣкайте!
Грозне ся до него ставте, а за дверѣ берѣтѣ и голосно волайте
Криком страху ему завдайте.
Бо як розумѣю: як жи гвалту не будети чинити,
То он не схочет з нами войни точити.
А если би кликав, вязний просил,
Не билбим ему и десяти боронил.
Рад би я з ним поради зажити,
Але боюся иншого огни...
Бо я анѣ письма читал,
Анѣ от людий мудрих не чувал,
Що би то бил за цар слави?
То той не мает до нас справи,
Же мает грозно до нас прийти
И пекло наше розпошити.

Слуги *(мовят до Ада)*:

Отож, пане наш Аде, щосмо видѣли уже великія чуда.
Правда, исправил ем худо барзо и наш Іюда.
Не тилько чинил чудо во Ерусалимѣ, але и всюда:
Мертвих воскресил, хорих уздоровлял,
А нас словом своим далеко прогонял.

Потом сам Христос *(приходит и мовит)*:

Господ силен во брани!
Возмѣте врата, князи, ваша,
И возмѣте ся врата вѣчная,
Внидет в вас цар слави.

Люципер *(до Ісуса мовит)*:

Прошу тя, Христе, в добрїи обичай,
Дай мнѣ покой и болше ми не докучай.
А хтож єст за цар слави?
Коли ти бог, прийми от апостол хвалу
И от аггелов своих славу,
И на воротаров моих больше и на мене не волай!

Потом Христос *(другій раз рече и благословит корогвою)*:

Господь крѣпок и силен во брани!
Возмѣте ся, врата вѣчная,
Вныйдет во вас цар слави.

Люципер *(до Ісуса мовит криком)*:

Повторне прошу тя, Ісусе, не напастуй пекла мого
Анѣ мене, бо не впнапастуєш нѣчого.
Коли ти бог, там собѣ сиди в раю,
А я тебе тут не потребую.

И третіи раз Христос *(рече и бывт корогвою, и бысть тако, сокрушишася врата)*:

Ото входит во вас цар слави!
Господь силен, той єст цар слави.

И перехрестивши на три части, в той час ворота и ланцухи сокрушиша ся и входит Христос во пекло и освѣщают ясным своим променем и освящает всѣ мѣстца пекелнїи и кропит водою и духом святым.

Ад *(кричит)*:

Гвалт, гвалт, панови! Врата ломят,
И водою якоюсь острою нас кропят!

Люципер *(до Христа мовит)*:

Що ти ломиш мои врата безпечне?
Гдесь вязней моих хочеш взяти конечне.
И для чого мя так, сыну божий, гвалтуєш,
И вязнев моих из собою приймуєш,
Которих я бил собѣ от вѣка назбирал?
. . . . . .

Ад[а]

А тепер пекло збурил и столицу сплюндровал,
А мене, Ада, вѣчними узами звязал,—
Щож я тепер чинити маю?
Юж вязней моих побрал, запевне знаю.
Вѣчнии палаци мои попсовал
И все мое пекло сплюндровал
И нас под ноги свои брал и потоптал.
И слуги мои милїи всягди порозганял,
И слуги мои милїи всягди порозганял,
Адама и Єву и всѣх святих с собою забрал.

Люципер *(мовит)*:

Тилко з єднаго страху ледво сижу,
А по старому перед собою єдного праведника вижу,
Питаю ся я тебе, Соломоне, чему ти ся тут зостал?
Подобно мнѣ тебе Христос даровал.

Соломон *(до Люципера мовит)*:

Юж повторне Христос по мене прїиде;
Страшний єго бил приход первїй,
Єще другїй страшнѣйшїй буде.

[а] Пропуск у рукопису.

Люципер (*мовит до слуг своих*):

Слуги мои, озмѣте,
Царя Соломона из пекла випровадѣте!
Не жалую єго,
Анѣ Христа того,
Нехай сюди болше не приходит,
Пеклом нашим и нами не тривожит.

В той час бѣси взявши Соломона и випровадили ис пекла: и мовят так бѣси па Христа и па Соломона:

Идиж, иди за своим Христом, а тут не бувай,
И пеклом нашим и нами болше не колатай!

Соломон скачучи, почал спѣвати, Люципер из Адом плакати и ридати.

Христос (*до него рече*):

Не ридай мене, Аде, наполню пива во остатній день,
Будеш мѣти якось мѣл.

Соломон (*почал бога во тройци вихвалляти и пречистую богородицу*):

Преблагословена єси, богородице дѣво,
Воплотивий бо ся ис тебе божоє слово.
Ад плѣнен бист, Адам призва ся,
Клятва потреби ся,
Єва свободи ся,
Смерть умертви ся.
И ми ожихом!
Тѣм поюще воспоєм:
Благословен Христос бог наш
Изволивый и такая. Слава тебѣ.

ЛІТЕРАТУРА ДРУГОЇ ПОЛОВИНИ XVII ПОЧАТКУ XVIII СТОЛІТЬ

ВІРШОВА ЛІТЕРАТУРА

ІСТОРИЧНІ ВІРШІ

Подібно до дум і історичних пісень, історичні вірші відгукуються на події, що найбільше хвилювали тодішнє українське суспільство, отже й невідомих нам авторів наведених тут віршів. Це — переважно події, зв'язані з великою визвольною війною українського народу проти польської шляхти за визволення від соціального гноблення, за свою національну незалежність. Створені в часи громадського піднесення, викликаного народною боротьбою, вірші цих часів інколи такі близькі й ідейним спрямуванням і стилем до фольклорних творів, що їх важко відрізнити від пісень.

Вірші *Висипався Хміль из міха* (очевидно, записана пісня), *Он глянул як звір...* і *От так пиха наробила лиха* присвячені першим великим перемогам визвольної війни 1648—1654 рр. У травні 1648 р. під Жовтими Водами військо Богдана Хмельницького розгромило польську армію на чолі з сином коронного гетьмана Стефаном Потоцьким і самого його взяло в полон, а під Корсунем довершило розгром, полонивши обох гетьманів польських — коронного Миколу Потоцького й польного Калиновського — і віддавши їх татарам, союзникам Хмельницького в поході 1648 р. Автори цих віршів, співчуваючи Хмельницькому, висловлюють моральне задоволення з приниження магнатів: один з віршів кінчається словами: «Як ми од вас, так ви од нас тепер потерпіте».

Вірш *Дума козацька о Берестецькім звиченстві* написаний з приводу битви під Берестечком у червні 1651 р., коли зраджений татарами Хмельницький зазнав поразки, наслідком чого був Білоцерківський мир, менш вигідний для України, ніж Зборівський трактат 1649 р. Неясний щодо змісту окремих місць і з зіпсованим початком, вірш цей написаний людиною, що була в курсі подій і знала подробиці нещасливого бою, як видно з багатьох окремих згадок.

Плач Россійскій відбиває почуття українського патріота, прихильника Переяславської угоди 1654 р. «Малая Россія», скаржачись, що її «всѣ маткою называють, а не всѣ за матку мають», гостро картає авантюристів з-поміж козацької старшини, які в другій половині XVII ст. зробили Україну ареною боротьби за владу, раз у раз укладаючи угоди з поляками. Усе лихо для батьківщини іде від «ляхолюбців» — зрадників свого народу й віри,— до відсічі їм і закликає автор.

Опис страшного спустошення України внаслідок безперервної війни протягом кількох десятиріч по смерті Хмельницького й засудження польських прибічників, які своїми чварами приводять до того, що «вси врази ликують, веселят и торжествуют», бачачи руїну колись квітучої й грізної для ворогів країни, масмо й у вірші *О гордых и гнівливых ляхах*. Як і в попередньому, заспокоєння й порятунок здаються авторові можливими лише під охороною сильної «Російської держави», яка приборкає ворогів — «ярих і гнівливих ляхів».

ІСТОРИЧНІ ВІРШІ

[Про Жовтоводську битву][а]

Висипався Хміль из міха
И наробив ляхам лиха,
Показав им розуму,
Вивернув дідчу думу.
До Жовтои водиці
Наклав им дуже хмельници.
Не могли на ногах стояти —
Волили утикати.
Гетьманчику-небоже![б]
Не туди на Запороже!
Не найдеш гаразд шляху
У Сидоровим байраку.
Чи не ти Степанку-сараче![б]
Од козаків гарачи,
Не тись брав им хутори.
Єсть инши тепер пори!
Одже побірки прокляти
Під Очаковим взяти
И по пастуши тебунці
Приїхали к вам ординці.
Не утікай же, ляху,
З самого перестраху,
Заждай юнаків в табори,
Готуй деньги за хутори.
Юж не будеш их хаты
Поганцям оддавати,
Не будеш пересудів брати,
А ні их воювати...
Хочь же маєте кримчухи,
Дайте им тепер кожухи.
Отже Хмельницкій може,—
Поможи ему, боже!—

Тих куркоідів бити...
Юж утікають з валів:
Бояться самопалів,
Волять татарскои юки,
Ніж козацкої руки.

[Полонення Потоцьких під Жовтими Водами і Корсунем]

Он глянул як звір, он крикнув як лев на жолнірскіі слова.
Острая як міч, грубая як піч була там тая мова.
Зараз синачка своєго єдиначка шлеть на Жовтую Воду.
Там на большую и на горшую собі и всім шкоду.
Бо скоро стали ляхи подле Плавли, зараз поскочили,
Хмельничики, ординчики обоз заточили.
А скоро привернули, зараз огорнули, роскопали моцнии вали
Одних пострелляли, других порубали, третіх живцем в орду
пооддавали.

На тім не досить; миру не просить Потоцький здумалий[1]
На войну встає, штурми готує, бо мів встид немалий
Хочеть битися, кривди мститися, під Корсунь вступає,
А за собою, як за свою волю запорозьців потягає,
Там же на полю всім своим силу желнерским утрачає,
Стрельбу и штуки и всі ринштунки запорозьцям нажичає
Турецькіи коні, дрогии убори оддає по неволі.
А сам иде и инших веде до татарськои неволі!

[Полонення польських гетьманів]

От так пиха наробила лиха коронному Потоцькому.
От так була и тобі скрута польному Калиновському.
Отам жолніре ідіте сміло на зимовиско,
В Білогороді в загороді майте становиско.
Нехай, християне ваші подоляне, не роспложують кури,
Що виловили виносили ваші дьзюри[2].
А ви в татарах в тяжких кайданах до смерти сідите;
Як ми од вас, так ви од нас тепер потерпіте.

Дума козацька о Берестецькім звиченстві 1651 31 іюля[а]

О ріко Стирю, що Хміль за віру
Скажи ти всьому миру,
Гди в Дніпр впадаєш, оповідаєш
Радость з війни чи з миру?[б]

а Текст цього і двох дальших віршів друкується за виданням: *Антонович и Драгоманов*, Исторические песни малорусского народа, т. II, К., 1875.

б «Степанко-гетьманчик» — Стефан Потоцький, син гетьмана коронного, поранений і полонений, вмер після бою.

---

[1] гордий [2] джури

[а] Текст друкуємо за виданням: *В. Перетц*, Историко-литературные исследования и материалы, т. I, ч. 1, СПБ, 1900.

[б] Початок заплутаний і темний, може означати: Ой ріко Стирю, що в Дніпр впадаєш. Що робить Хмельницький за віру? Що мирові оповідаєш, радість з війни чи з миру?

Хан наступає і помагає
Козакам ляхів бити
Під Берестечком, малим містечком,
Міл оних кров пролити,
На перевозі, чилі[1] в дорозі
Короля погромити.
Ляцкими пани да і гетьмани
Татарам заплатити.
Хан згоду радив, да не порадив.
Козаки війну люблять.
Ой Казіміру, юж тобі миру
З козаками не будеть.
В тім хутнесенько Хміль ранесенько
Ку королю приближаєть.
Била погода, да восвода
Руський знать війську дасть,
То єсть о хані і о гетьмані
Королю ознамлять.
А лях не дбаєть, не утікаєть,
К війні ся приближаєть.
Середа пришла, вся Орда вишла,
Хан і Хміль з козаками,
Ой не Зборово, війна то нова,
Не як під Пилявцями:
Не утікають, кров проливають
І на татар не дбають:
В крові татарській і бусурманській
Острий меч свой купають.
А Казановський[а], богатир польський,
Серця всім додаваєть,
Для оборони польської корони
Голову покладаєть.
Б'ються що живо да вельми диво
Мні на Осолинського[б].
Що нас воюєть, не наслядуєть[2]
Канцлежа детка свого.
Он бил спокійний, не іскал війни,
Он на нас натераєть,
Яко лях давній і юнак славний
Для Польщі вмираєть.
Бачил рицера, на подканцлера
Сапіга[в] що зближаєть.
А Вишневецький[г], хоть не величкий,

[1] чи, а чи [2] не наслідус
[а] Капітелян галицький, загинув під Берестечком.
[б] Юрій Осолинський, канцлер коронний.
[в] Підканцлер литовський, під Берестечком командував полком.
[г] Ярема Вишневецький.

Своїх не одступаєть.
— Що, небож хане, як знаєш стане
Лях по Пилявецькому:
Не утекаєть, от наступаєть
К бунчуку юж ханському.
— Ой не глядіте, треба ся бити,
Хан мурз напоминаєть.
А лях не дбаєть, мурз забиваєть,
В їх крові меч купаєть.
Тричі кланяли і упадали,
Короля сьмо просили,
По Зборовському люб по старому
Щобо сьмо тулько жили.
Мовити не даєть, з очі зганяєть:
— «Видайте мі гетьмана,
Панов слухайте, старшини дайте,
А йдіть бийте хана».
— Хмеля не маєм, панов слухаєм,
Татаров будем бити,
Але старшину, нашу дружину,
Нет вісти, як одступити.

Плач Россійскій[а]

О боже мой мілостывій!
возри на плачь мой ревнивій.
Где бѣдница есть такая,
як я Россія Малая?
Всѣ маткою называють,
а не всѣ за матку мають:
Другій хощет загубити,
в ложцѣ води утопити.
Бо чи треба горшой муки,
як подати ляхом в руки?
Давно вони острать зуби,
давно моей ищут згуби.
А ви, дѣтки, як чужіи,
садите їх мнѣ на шіи.
От як скоро все забули,
что видѣли и что чули,
Як под тими ворогами
стогнала я тяжко з вами!
Стогнала я, ни отради
не мѣючи, ни поради...
. . . . . .
І тое все вже би стало,
Щоб имя наше пропало,

[а] Текст друкується за виданням: *П. Кулиш*, Плач Россійскій, «Основа», 1861, V.

Если б Богъдан, муж избранный
не бил от бога нам даній.
Той стер сѣмя проклятое,
зскинул з мене ярмо злое,
И за мудрим сам совѣтом
поставил под крипким щитом,
Под рукою царей славних,
самодержцов православных.
А ви, дѣтки, ах, утѣха,
прошлого зхотѣли лиха.
Еще я крил не простерла,
еще и слез не оттерла,
А вам, дѣтки, жалко стало,
що я оддихнула мало.
Ох мнѣ бѣда! дѣтей лаю,
не знать што з жалю гадаю.
Ой не сини, ой не дѣти,
хощут мене загубити,
Ляхолюбци, лихолюбци,
тии мои, тии згубци!
Як саранча налетѣли,
доми, церкви посквернили.
Куда пойдем — ляхов хвалят,
вѣрних тилько що не палять,
Простим уши набивають,
лихим ядом заражают.
Без хвал лядских анѣ слова:
идать, чи пють — о их мова.
. . . . . .
Що лядское, то им смачно,
хочь лядащо, то им вдячно.
Хощуть бути унѣяти,
папу в ногу цѣловати.
К ляхом весь дух, вся охота,
то им мудрость, то и цнота.
Тии теперь хощут цѣло
привести замисл свой в дѣло.
Тіи мене загубити
мислять — не ви, мои дѣти.
Да и на вас нарѣкаю
и на самих вас жаль маю,
Щоб з такими дружба ваша,
а невдячна любовь наша.
Що видите у их мосцѣ,
опрочь дурной хвальшивосцѣ?
Що мнѣ за син, що з врагами
сердце его, а не з нами?
Не той то син мнѣ здажився,
що в моем дому родився;

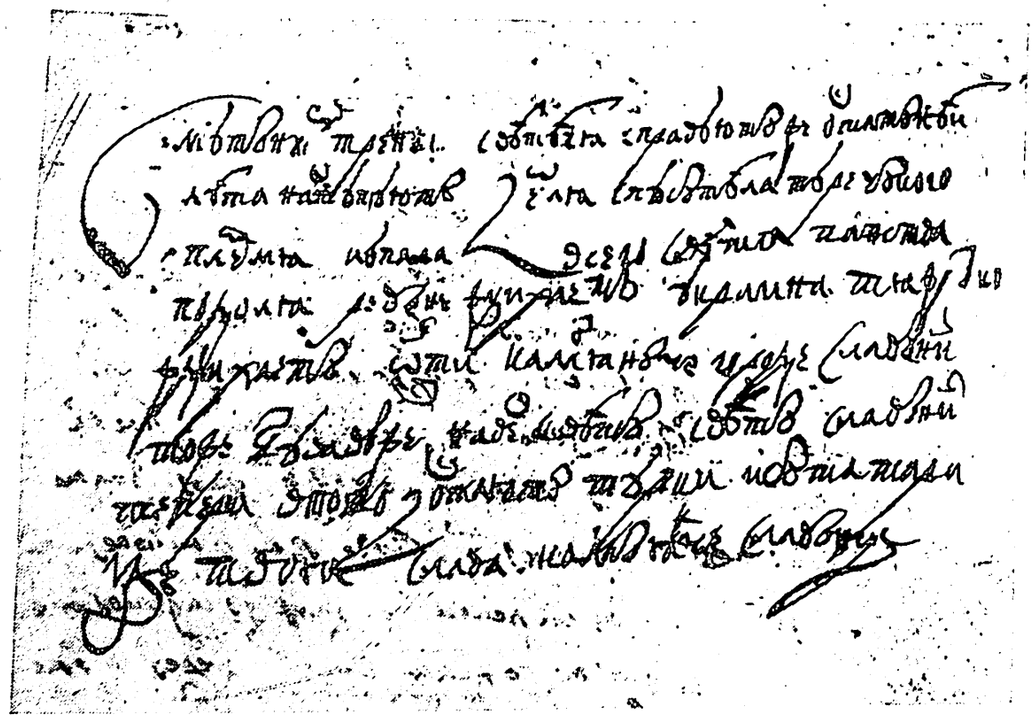
Нехай прийде и за свѣта
да мнѣ жичить многа лѣта,
Той мнѣ будеть син родимій,
не иначе, як любимый.
Осе ж, дѣти, ви гдядѣте,
ляхолюбцев не любите.
Поти добра в нас не буде,
поки у нас сіи люде.
Нехай идуть на сухѣй лѣс,
куда зоветь их гордій бѣс...
Нехай же им безъголовя,
а нам живучи на здоровъя.

Finis

О гордых и гнѣвливых ляхах, како гордостїю хотѣша Росією обладати и православїє в єресь низложити[a]

Кто хощет пріяди и узри,
Очима своима возри,
Что в мирѣ ся дѣет,
Что в нас самых спѣет.
Брани днесь умножишася
И мечи изостришася,
Брат брата убивает,
Кровь отца проливает.
Ненависть междусобная
Изрещи неудобная
Точит кровем токи,
Падают отроки,
Юноши млады и дѣвы,
Матери бывають вдовы.
Ох, ох вездѣ се слышим,
Пріидите сія внушим:
Нѣкогда страна славная
И врагом всѣм ужасная,
Паде, паде мечем,
Междусобным сѣчем.
Окрест вси врази ликуют,
Веселят и торжествуют,
Зря сію обнаженну
И в конец спустошенну.
Силніи вси и княжата
Ведут, яко отрочата,
По руках связанны
Во скифскія страны.
Подолье стонет рыдает,

[a] Текст друкується за виданням: *В. Перетц*, Исторические вирши по рукописи начала XVIII в. («Киевская старина», 1899, август).

Вірш на взяття Кам'янця турками в 1670 р. з рукопису другої половини XVII ст. (ЦНБ АН УРСР).

Волынь плачет воздыхая
Чад своих заколенных
И вездѣ избіенных.
Тысящи и тмы падоша,
Враны во плѣн отвѣдоша,
Земля стала пуста,
Пред тым сущи густа.
Грады бо вси суть сожжени
Живущеи внутрь сотрени.
Горе, горе оставшим,
Блюдут их к бѣдам вящшим...

КЛИМЕНТІЙ ЗІНОВІЄВ

«Иеромонах Климентій Зѣновіев сын» — так називав себе автор рукописного віршового збірника кінця XVII — початку XVIII ст., в склад якого входить 369 невеликих (16—20 рядків) віршів різноманітного змісту, що містять багато цікавих даних для характеристики народного побуту на Україні в ті часи. Біографічних відомостей про Климентія ми не маємо: видимо, він — один з тих «мандрованих дяків»,

що були типовим побутовим явищем на Україні другої половини XVII і особливо XVIII ст. (див. зразки їх творчості в дальшому розділі). Багато помандрувавши по Україні й Білорусії, Климентій подав у своїх віршах власні спостереження над представниками різних станів і професій: панів і ченців, сільських працівників, козаків і особливо кустарів-ремісників. У своїх поглядах на народний побут, на явища природи і громадського життя Климентій — типовий представник «середнього міщанства», хоч інколи в його віршах, дуже шанобливих до влади і багатства, почувається певна напівприхована іронія. Мова віршів Климентія — тодішня книжна, але із значною домішкою елементів живої народної мови, про інтерес до якої свідчать зібрані, мабуть, ним і вміщені наприкінці збірника прислів'я.

Наведені далі тексти взято з видання: *В. Перетц*, Вірші єром. Климентія Зиновієва сина, Львів, 1912 (Пам'ятки українсько-руської мови та літератури, т. VII).

О зегару, або теж о годинникy и о годынѣ смертной

Егдá зегар годúны в свой час выбúет,
в то время смертныя нам часы́ презначáет.
Бо вѣк наш хоч бы долгий влáсне як годы́на:
ах, не вѣмы, что справúг минута едúна.
Індѣж ся зовет зéгар годинник, люб алолóй,
которым устраяти прилúчно живóт свой.
А поневаж то во всем мирѣ не новы́на:
кождому человѣку смертная часы́на
І неминущая то смертная дорóга,
котрою влýчит, боже дай, до тебé бога.
А колко жывучи едно́ ден смертный прийдет,
и душá хоч грѣшна, хоч свя́та, з тѣла выйдет.
Бо и мовят «час за час, а к вéчеру блúжей»:
так же и ден за день, нощ за нощ, к смерти ближшей.
Прето, братіе, требѣ на смерть памятáти
И на приход ся ея прыуготовля́ти.

О убогих и о богатых

Що далѣй на свѣтѣ горш бѣда настáвает:
же убогий человѣк во всем погúбает.
Хоч может бѣдный в людей що й заробúти:
то богатый не хочет слушне нагородúти.
І що им за корист іж мзды́ удержáвают:
а зь того удержáнья пожúтков не мáют.
Бо стокротный им зато́ ущербок бывáет:
кгды за слезы у́богих бог таких карáет.
Альбо громовым огнем, або теж водóю:
аж выходят им тые вдержанья зь бѣдóю.
Зачим работникам прошу нагорожайте:
И едным шелягом гды заробят не вкривжайте.

Бо за милостыню й тое ся вмѣняет:
кто трудникам як слушне годным заплачает.
А написавшаго мя се слово простѣте:
и здраво и спесенно в долгий вѣк живѣте.
Бо. написах укор, їж небо вам пріяю:
и паки милость вашу о ласку впрашаю.

О убогих людех

О горе бѣдным людем убогим на свѣтѣ:
же не могут скутечно радости имѣти.
А богатому аще и скорб часом ткнеться:
то в том же ему часѣ рыхло и минеться.
Бо багач судам очи мздою забивает:
и тоею до конца оных ослѣпляет.
А убогий неборак хоч мало споткнется:
певне побѣденному дармо не минется.
Або будет к здоровью бѣдный танковати:
или которым іным лихом торговати.
І єсли от богатых милости не получит:
то хоч рад або не рад з душею розлучит.
О, боже, чему ж то ты вбогих опущаеш:
на скорб и на слезы их оком не сматряеш.
Чи тым же богач царство может куповати:
а ты яко бог можеш и нендзному дати.
А поневаж судія естес справедливый:
сотвори ж и на земли в панов суд правдивый.
Аби тя судію болш юж не оскорбляли:
ї жебы безвинне душ болш не погубляли.
Але даруй властем мир и любов вь їх сердца:
молим ти ся господи наш от всего сердца.

О идучих на слободы людех

Хто колвек собѣ іщет на житло слободы,
мало входят з меж таких великои бѣды.
Бо готовые хаты идучи покидают,
а прышедши на слободу готовых немают.
А що найгоршей часом худобы забырают
и тылко що з душами живых оставляют.
Ужеж тогда где зхочет, то скочит хоч к лѣсу
и голый уже навет хоч к самому бѣсу.
Пожытечная ему судылас слобода:
доволная пустыня и лика и вода.
Нащо любо зволится, хоч утопитися:
а ежели захочет, волно и вдавитися.
Огож мѣеш за свое тепер, дурный мужыче,
а бывший на своего пана бунтовниче.

Не хотѣлес панови послушенство отдавать
и в цѣлости з всѣм своим в едном мѣсцу пробуват.
Гинь же тепер за свое злое непокорство
и за упрямую твою гордост и упорство.
И добре тые чинят, що прочан обдырают:
бог их простит за тое, згола грѣха немают.
И не тылко потребаб таких обдырати,
але из самими душами разлучати.
Поневаж не хотѣв, пуд ким був, чинить повинност,
обдери и хоч забнї за тую учинност.
Бог за бунтовника, як мовят, не повѣсит:
але и нагородою еще потѣшит.
Кгдыж учинив своему пану пакост многу:
не тылко пану и самому богу.
Як ся мѣв, то мѣв, треба былоб претерпѣти,
а за терпеніе спасеніе могл бы мѣти.
Зачим вы, панове, таких не важтес щадѣти:
втѣкаючих проч самых дерѣт, бѣт и берѣт дѣти.
І отнюд милости таким не показуйте:
але совершенно так таковым справуйте.

О уписующыхся в козаки дурных мужыках и знову выписуватися хотящых

Тожес, дурный мужику, барзе неуважный:
же тылко безчестыш чин козацкий поважный.
Засяглес того чину, аже погоржаеш:
не бывши и в войску, юж выступит гадаеш.
Нихто тя вписувати нѣт не приневолял,
але сам ся з доброй волѣ естес вписал.
А не хоч с козаками у войско завытать,
якос не хотѣл пред тым тяглости отбувать.
Прето березовым пѣром выписуват тя треба;
и худобу гды маеш, на ратуш взят потреба.
Абы еси яково козацство памятал
и другим мужыкам так чинити заказал.
Отож гдыс не втопился напрод где у воду,
приймиж козацкую хорбацѣ нагору.
Быс не запомнѣл тоей речи аж до смерти:
покул ся обвѣсиш, чи теж судится вмерти.

О злобѣ людей памятозлобных, урядовых

Если кто озлоблѣнных сырот не прощает,
такому сам господь бог до зѣла отмщает.
Кром сиротѣ скорбному из мосту да в воду,
а нехай бы на свою кождый позрѣл вроду.
А праведный судія в правду разсуждает
и вышнему судіи Христу подражает.

А не будет судіи тому подража́ти,
может в послѣдный день о собѣ позпа́ти.
Да уже в тое время тое не вернет ся,
когда от небесных врат до ада вернет ся.
Тѣм и памятозлобных, Христе боже, наста́в
на стезю спасенную и грѣхи им оста́в.

О ратаях: або теж о пашущих хлѣб людех

Над всѣ ремесла потребнѣшое подобно
па́харство: же то́е всему свѣту выгодно.
Бо хоч бы хто срѣбро и злото могл роби́ти,
а не мѣючи хлѣба злота не вкуси́ти.
Мовленна тая реч, же хлѣб сердце укрѣпи́т,
если хлѣбом животы человѣк покрѣпи́т.
И без хлѣба немощно всяким пробува́ти,
бо без него з го́лоду могут умира́ти.
І не тылко убогий хлѣба потребует,
але и богатому оный не попсует.
Бога́тый еще болшей хо́чет его мѣти,
жеб по смерти его ужыва́ли и дѣти,
А так хлѣб святый всюда всѣм не безпотре́бен,
але и невѣрным он на свѣтѣ потребен.
А ты, господи, безъпреч хлѣба людям умножай
и доволно на ввес свѣт его у́рожай.

Нище́нский вѣрш

Осеж, панове, пришо́в до вас и я,
що мѣю собѣ хорошое имя.
А хорошое так, же есмо́ Свыри́д,
и сам так же хороший, гляди́тес мнѣ на вид.
А пра́вда гре́чный естем и хоро́ший
и богатий, же много мѣю воший.
Звол сяж, славная мѣщанко, мнѣ в го́лову пойскат,
то можеш от мене тогож скарбу ся набра́ть
А ты́ мнѣ за той скарб ничо́го не дай,
ты́лько за мене дочку свою́ отдай.
І еще́ минѣ дай много и вѣна:
хочай принамнѣй из вя́зочку сѣна.
Або найдоро́жшую рѣчь, мѣх поло́вы,
и додатку к тому добрый кул соло́мы.
А тепер буд собѣ так велми здоро́ва:
и то́вста, як яловая коро́ва.
А дочка нехай росте́т, як теля́ца,
жеб хорошая була́ молоди́ца.
Бо я на еи давно ся залецаю
и уже и на весѣлье ся прибира́ю.

О зарека́ющыхся горѣлки пити и зно́ву піючих

Зле той чи́нит, котрый ся пити зарека́ет:
часто ся зарекает, а еднак не ка́ет.
Влегце собѣ тую та́к кля́тву поважа́ют:
а не минет ся дармо того не уважа́ют.
Зачим человѣче перестан зарекати:
волно и без зароку́ тобѣ пит переста́ти.
А ежели́ не можеш пити покида́ти:
то звол не помногу горѣлки зажыва́ти.
А то що завжываш горѣлок помно́гу:
а през зарок и клятву пи́еш грѣшиш богу.
І если́ пяный мѣеш собѣ злый обычай:
то выпивай помѣрно, як належит звычай.
А так и худобы не будеш утрача́ти:
да богови и людям меншей проступа́ти.

О трезвых и о піяных

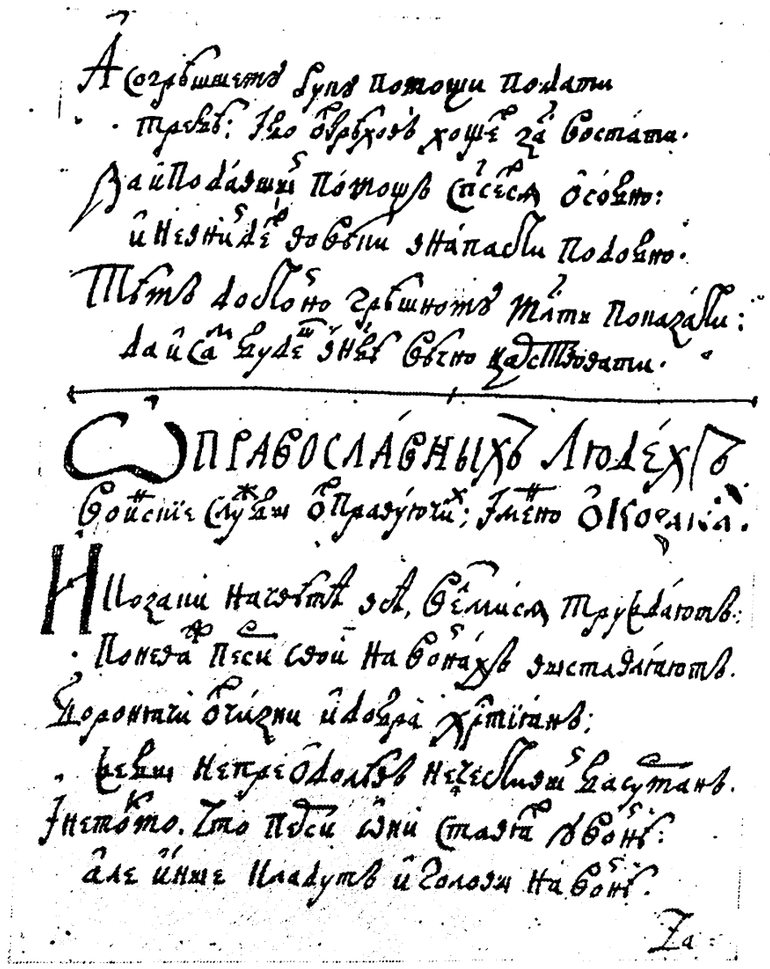
Если́ мовят «трезвому мощно з пя́ним жи́ти»:
то может и порося́ из вовком пожи́ти.
Тылкож немощно сему́ слову вѣрова́ти:
жеб мощно поросяти з вовком пробува́ти.
Так и пяный з трезвым не живе́т лаго́дно:
а то цѣлая правда зоста́ет подобно.
Поневаж трезвый дѣло честно размышля́ет:
а пя́ный хоч мыслит, то тылко похыбля́ет.
Кгдыж мовят, що в трезвого на вмѣ жителствует:
то пяный самым словом не запамятствует.
Прето дай боже быхмо в трезвости коха́ли:
би́ тебе нѣгды, и твой люд не оскорбля́ли.

О заматере́лых дѣви́цах

Прилучается мно́го дорослых дѣв вида́ть:
и тых, що уже нихто не бере́т оглда́ть.
З молодшых не хотѣли лѣт за́муж поступова́ть,
длятого́ и не хочет таких нихто́ и брать.
А лѣпшей бы в звычайных лѣтех жено́ю оста́ть:
хотѣлаб тепер в лѣтях, да жа́ден не зхочет взят.
Уже́ змовит «от мене́, ба́бо, откосни́ся!
и не тылко на явѣ, и вво сне́ не сни́ся».

О женах сварливых, и злоязы́чных

Рек Соломон: «Лучш со лво́м в пустини жи́ти:
нежели со женою зло́ю в дому́ бы́ти».
Сварлива жена и днес згибел человѣку:
якоже не́гдыс бѣста в стародавнем вѣку.

Климентій Зіновієв. Вірш про козаків. З рукопису поч. XVIII ст. (ЦНБ АН УРСР).

Многіе убо тогда през жен погибо́ша
му́жіе: что себе им в област дадо́ша.
Щаслив той, хто женѣ злой ся не подава́ет:
и що як бе́стій по ребрах ча́сто дава́ет.
Будет таковый толко, мѣт верх над жено́ю:
над злою тва́рію и на́збыт проклято́ю.
І певная то ре́ч ест, же така́я прокля́тая:
бо от бога и людей ласка той отня́та.
І благослове́нія божого не ма́ет.
бо з дія́волом собѣ товарыство ма́ет.
Зачим боже сохраняй сам до́брого му́жа
од такой злой тва́ры: жеб не постыгла ну́жа.
Бо «лѣпш, мовят, желѣзо у водѣ вари́ти:
неже псію личину жену злу учи́ти».

Уже человѣк бѣдный такой не научи́т:
развѣ сам дія́вол гды з душею разлу́чит.
А тепер человѣче мусѣш бѣду терпѣти:
и до смерти з такою не будеш добра мѣти.
І сам тя нехай господь рачит свободи́ти:
а жену твою злую з свѣта скорени́ти.
Ты́ же восхощи́ тое от неї пострада́ти.
за поку́ту: й будеш в небѣ царствовати.
Єднак женѣ своей злой нивчем нехили́ся:
й на кождый ден кі́ем па́рыт нелѣни́ся.
А так певне, от бога приймеш нагоро́ду:
и полу́чиш от муки вѣчной себѣ свобо́ду.

О правосла́вных людéх вопнскіе службы отправу́ючих: іменно о козаках

И козаки́ на свѣтѣ всѣ велми ся тружда́ют:
поневаж перси свои на войнах выставля́ют,
Боронячи отчи́зни и добра́ христія́н,
жебы непреодолѣв нечестивый басурма́н.
І не токмо что перси они́ ставят у войнѣ:
але иные кладут и головы на войнѣ.
Зачим спаси іх, боже, за ту́ю отва́гу:
а грѣшит богу, хто дает козакам зневá́гу.
Простый человѣк завше у дому пробувает,
а козак, шедши в войско, ввес дом свой оставляет.
А идучи, чи вернет к дому, и сам не зна́ет;
тылко сам бог их нехай от смертей сохраня́ет.
Зачим не тылко, ховай боже, нагану давать
козакам, але треба их як святых шанова́ть.
Бо на войнах в потребах кров свою пролива́ют
и за православную вѣру души полага́ют.
І даруй, боже, таким небесные коро́ны,
що чинят землѣ нашой от врагов о́бороны.

О косарях, що сѣно косят

И косарѣ потребны людям кождого ро́ку,
хто мѣет сѣножа́ти, затяга́ет знаро́ку.
А барзѣй в косови́цу посред лѣтнего ча́су,
кгды всяк непѣшный сѣна требует того́ часу.
І хоч бы нерад,— мусѣт косаров затяга́ти,
по пят чехов и по три шаги́ на ден дава́ти.
А косарѣ сподарѣ идут к нему с коса́ми
и косят травы ввес ден, и в порану з росами.
І козба́ з великою працею вѣм походит;
для того недешево и сѣно приходит.
А без сѣна немощно конным пробува́ти:
тылко мусят на зыму о его ся стара́ти.

Бо где колвек без сѣна кон в зымѣ ищезáет,
а человѣк стравою и хлѣбом жив буває́т.
І так много зáзыму сѣна кон поядáет,
же часом из шкурою сам за тó не ставает.
А в когó часом сѣна своéго переймется,
той по́ сторонах з денгáми куповати товчется.
Гды окаянных коней не хочет поморúти,
жеб было чим поѣхат, або дрова возити.
А так бѣдный человѣк о сѣно ся стара́ет
и для сѣна іногда остатнее збува́ет.
Зачим же и косарóв для прац их похваляем
и доброго мешканя, и здоровя пріяем.

О женцах

И женцѣ дóбре працуют на свѣтѣ́,
котрые хотят на зыму хлѣб мѣти.
Тылкож хоч былаб їм часом третына,
але хы́лячис заболи́т и спи́на.
І жегóмы теж от солнца быва́ют,
же аж іногда потом обliва́ют.
І без воды так іный изнеможе,
звлаща, нетерпяч хто, аж ратуй боже.
І ру́ки солнцем тогда́ присмяга́ют:
а що найгоршей — тва́ры зчернѣвают.
І иной втóж наберуться знуты[1]
и мусят терпѣть во мѣсто покуты.
Тыж сам, господи, видиш їх страданя:
храни іх прото срогого караня.

О друкаря́х, що кни́ги друку́ют

Пишу́ вѣршы друкарям ремесникам славным:
которые дрюкуют книги православным
Людем: бо всѣм дѣло их свято ест й чéстно:
а барзѣй тым, котрые жи́ют благочестно.
Друкуют же вся́кіе церковные обря́дки:
и всѣ христіянскіе розные поря́дки:
На книгах бо вѣрные молятся ко богу:
и в книгах обрѣтают до неба доро́гу.
Кгды́ убо правылные кни́ги хто читает:
таков бéсѣду з самым богом отправля́ет.
Чирство же ся знайдует отных то ремесло́:
але ускрутно велми оно́ и тяжестно́.
А особливе ногам ойчам неспокойно:
и не обрѣтается в роботѣ покойно.
Поневаж бо як начнут потяга́ти пра́сы:
аж на главах их вскорѣ мокры станут вла́сы.

[1] знеможення

Зачавши бо мусят ся до поту труждати:
аж развѣ в нощи могут из мало поспа́ти.
І в вели́кий роботу праздник оставля́ют:
а тым часом способы впят приготовляют.
І научил так бог их рыхло друкова́ти:
що за́ ден, то немощно за рок преписа́ти.
Прето як годны они́ от вѣрных похва́лы:
так за труды вдостой их боже вѣчной сла́вы.

О стрѣлниках, що стрéлы козацкіе ро́бят, и о козаках, Похвалное.

И стрѣлники козакам потребны быва́ют:
поневаж до военных справ стрѣлы зробляют.
Бо и стрѣло́ю мо́щно так же поразúти:
и як огненною стрѣлбо́ю, у́мертвúти.
І дывная рѣч стрѣлы, гды́ их вытяга́ют:
в го́ру: й високо так ничим недосяга́ют.
Же который знайдется коза́к здоровых рук:
то такúй крѣпко моцно й добре тягнет лу́к.
Же аж может на версту́ возду́х зачепúти:
й хмуры воздушные стрѣлою пробúти.
І то по правдѣ тому тако быти можно:
кгды й было на свѣтѣ тое то неложно.
Іж негдыс стрѣла́ в гору козако́м пущенна:
суха: а з высоты́ вдол мо́кра возвращенна.
Знат то же скроз дождевну хмуру стрѣла́ пройшла́:
тылко що щос облаков небесных недойшла́.
Было́ то на сѣверѣ. в писца́ сего́ вѣку:
при людех многих, а не при едном человѣку.
І тогдаж хмуры частка на́ землю испа́ла:
величеством яко человѣчая гла́ва.
В подóбій леда, й там же й істаяла:
й водою свѣтлою на́ земли зоста́ла.
Прето дывовати ся й зас стрѣлам треба:
же мало само́го недосяга́ют неба.
А вы козакú лук здоровы потягайте:
й з огненных оружий смѣле выпаляйте.
Бог вам нехай побѣждат врагов помага́ет:
а вас от врагов в войсках й в домах сохраня́ет.
І всѣм милостям вашим сердечно пріяю:
а пришедшых з войска ми́ле поздоровля́ю.

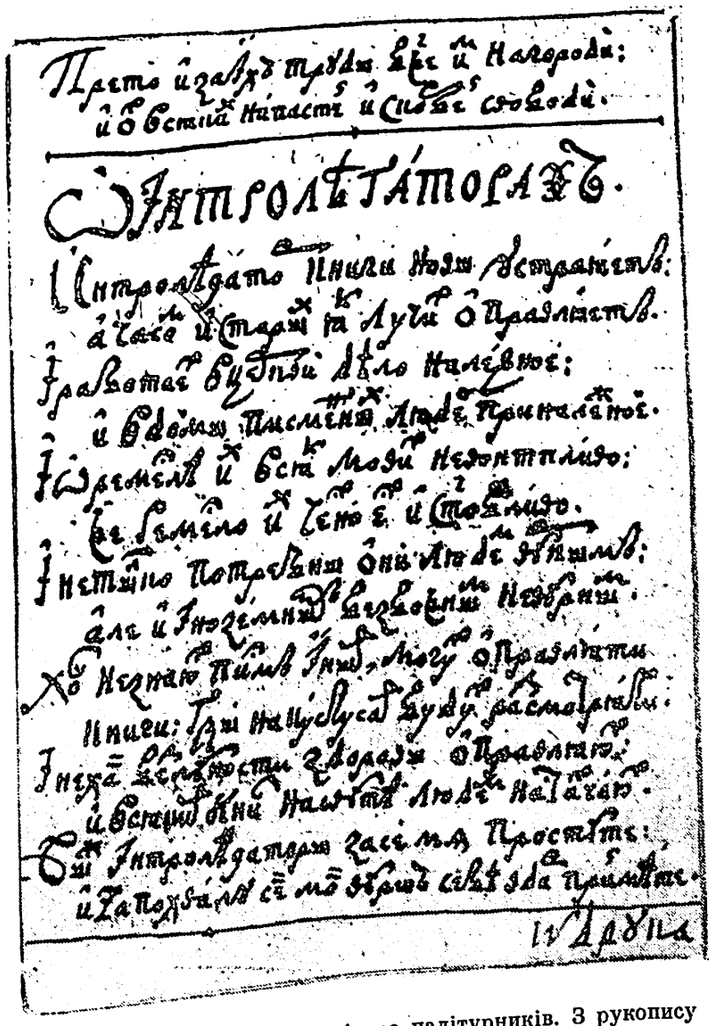
О соляника́х торяника́х бурла́ках: що со́ли господарскіе ва́рят

Торяники́ велику працу подыймают:
паче коломыйцов, що гуски́ выробляют.
Сотце́ бо вѣдер вкинет на бочку соли́ воды́:
и дрова в пѣч кергая натерпится бѣды́.

А безпрестанно треба и недосыпля́ти:
и жеб не прогорѣла [скоро] сковра́да, пилнова́ти.
Пото́м в садовницу сол з сковрады́ выкида́ет:
и надру́гии сад воду пошедши накида́ет.
І потреба из со́лю бо́чку изтруси́ти:
и всего́ що ведется там пилно досмотри́ти.
Із подлым здоровьсм нѣчего там пудыймати:
хоч ма́ло знемощнѣет, мусѣт вари́ть престати.
Іли теж товарыша упро́сит допилнова́ть:
а сам пришедши к собѣ мусѣт также отвдяча́ть.
А особно й тое бурла́кам велми́ нудно:
же о солодкую воду не пома́лу трудно.
Мусѣт тосйже соли господарской частку отложи́ти:
жебы в мѣсто воды браги ся напи́ти.
А впятже немаш там жен, в Багмутѣ нѣкому кошул пра́ти:
му́сѣт взявши новую носи́ть по́кул зодра́ти.
І спаси́ их боже, же и так ся труждают:
же господарские сковороды не гуля́ют.
Сам господар не может згола соли вари́ти:
гды и без вареня ест чим завше жури́ти.
Тутже и то мовлю же сол ест розна на свѣтѣ:
а около жадной так немощно трудност мѣти.
Як то запорозкая ест крымка, й ледянка:
а не будет з такою [вѣм] працею [й ко́штом] як торянка.
Зачим бурлакам [:торским:] вѣрши сие покладаю:
и працу їх и пильный дозор похваля́ю.
Дай им господи то́е чего в тебе жела́ют:
бо так же имя твое́ и они́ выславля́ют.
І дай боже им щастя и долгого вѣку:
вся́кому бурлацѣ до́брому чоловѣку.

О лѣтех и о зымах: и о стра́нах те́плых, и о зи́мных

Яко вся дѣла твоя боже неійзреченна:
та́ко и сыя нам вещ отнюд недомысленна.
Жес посадил еси нас вѣрных на земли́ хладной:
и на ча́сти свѣта сего́ по части и гла́дной.
А невѣрным пога́ном дал еси ввес ужыток:
и лучшый оставилес в странах їх им пожы́ток.
Яко то в ных драгіе кореніе ся родят:
и овощы дивные в нихже страна́х ся пло́дят.
І два́ крот в лѣто слы́шим овощы ся рождаю́т:
и зымност в месцах тѣх, что в нас, либо небыва́ет.
А христіянский край тым еси́ неудоволи́л:
але и студености зимные постанови́л.
І бывает в нас зыми́ нежели лѣта бо́лшей:
и пудчас в лѣтѣ студен случает, то нам горшеї.

Климентій Зіновієв. Вірші про палітурників. З рукопису поч. XVIII ст. (ЦНБ АН УРСР).

І хочай быс зым лютых и нам не останови́л:
жаден бы вѣм чоловѣк по них ся не журы́л.
Да жебыс и в месцах зы́мных подавал лѣто:
не страдал бы мир мра́зом, и велми былоб лѣпо.
Жебыс безпреч лѣтные теплости укорення́л:
а студености зы́мны хоч быс на вѣк скорення́л.
І кгды быс теж и от нас лютост зымную отня́л:
кождый бы по зымѣ из меж нас главы́ не звяза́л.
А за тым не що іно мѣем боже чини́ти:
гда́ посады́лес нас и як да́лес то да́лес: мусѣм жи́ти.

За наши всегдашные прінамнѣй терпенія:
прости́ нас и сподоби вышняго селенія.
Котрое дай нам Христе конечно получи́ти:
быхмо́ со святы́ми тя могли в небѣ хвалити.

Тому́же подо́бное Автор докладае́т:
хо́ч него́деи, на́ки имя́ покладае́т.

Изложи́тЕль вѣ́РшОв сих МнОгих благ вам желае́т:
а НайпАче небесныХ до́бр, щы́ро прия́ет.
то́ ест всяКому чи́ну бЛагостИ христовой:
Милости бозской всЕгда́ гото́вый.
вѣчНая бо заплаТа созданна впрод вѣка:
звла́ща христолю́бного ра́ди человѣка.
І милостям вашим зИчит то получи́ти:
по Земном вѣку радост вѣчну Наслѣди́ти.
А нынѣ чту́щые се спасенно здраВствуйте:
І весЕло о христѣ Вси многолѣтСтвуйте.
сего И паки о́бще [:всѣм:] желателству́ет:
й вседуше́вНо христа спаса молебству́ет.
І покорно за си́е просит прощѐнія:
зычачи божіяго благословенія.

ІОАН ВЕЛИЧКОВСЬКИЙ

Іоан Величковський — маловідомий український віршописець кінця XVII — початку XVIII ст. Біографічні дані про нього дуже обмежені. На початку 1680-х років він, треба гадати, належав до працівників чернігівської друкарні Лазаря Барановича, а трохи пізніше, в середині 80-х років, переселився до Полтави, де одержав посаду пресвітера Успенської церкви. Тут він і помер в 1726 р. Відомий письменник XVIII ст. архімандрит Нямецького монастиря в Молдавії Паїсій Величковський довелився йому, здається, онуком.

Літературна спадщина Величковського, що збереглася до нашого часу, обмежується головним чином трьома творами. Це, по-перше, писаний сафічними строфами латино-польський панегірик, піднесений архієпископові чернігівському Лазареві Барановичу від «towarzystwa kunsztu typographskiego» і надрукований в Чернігові, приблизно в 1680—1683 рр. Панегірик зберігся в єдиному дефектному (без заголовкового аркуша) примірнику; на останній сторінці його зазначено: «Lucubratiuncula Joannis Wieliczkowski». Крім «Lucubratiuncula», Величковському належать ще два слов'яно-українські збірники, що мають назву «Зегар з полузегарком» і «Млеко от овцы пастыру належное». Обидва вони були «офѣрованы» (піднесені) київському митрополитові Варлааму Ясинському, перший — в 1690, другий — в 1691 р.

В усіх названих творах Величковський прагне наблизитись до того своєрідного літературного стилю, який оформився в Європі, зокрема в Польщі, в XVI—XVII ст., в епоху феодально-католицької реакції, і який поширювався на Україні в шляхетських колах у другій половині XVII ст. Стиль цей в сучасній науці зветься то «схластичним стилем», то стилем «барокко». Характерною ознакою його є надзвичайно гіпертрофований розвиток словесно-декоративного орнаменту: в художньому творі

на перше місце висувається форма, змістові надається другорядного значення. Мета мистецтва за часів «барокко» — вразити, зацікавити читача несподіваними стилістичними ефектами.

Нижче наводимо уривки із збірника «Млеко», в якому Величковський подає зразки так званих «carmina curiosa», або, за його висловом, «поетицьких штучок», тобто зразки віршів з технічно важкими засобами версифікації. Види «штучок», що знайшли місце в збірнику «Млеко», такі: «ехо», різні форми «раків», акростих, «лабіринт», «многопремѣнительный вѣрш» та ін. До кожного з цих видів Величковський додає пояснення характерних його ознак. Отже, «Млеко» становить ніби частину поетики, присвячену спеціально теорії «carmina curiosa».

Відомості про життя та діяльність Величковського і уривки з «Млека» взяті з виготовленої до друку монографії С. І. Маслова «Іоан Величковський, маловідомий український письменник кінця XVII — початку XVIII ст.». В прямих дужках — реконструкція попсованих в оригіналі місць «Млека».

МЛЕКО

1

Предмова до чителника

Уважаючи я, иж многіи народове звлаща в науках обфитуючіе много мают не тылко ораторских, але и поетицких чудне а мистерне природным их языком от высоких разумов составленных трудолюбій, которыми и сами ся тѣшат и потомков своих, довдѣпы острят, а яко истинный сын Малой российской отчизны нашей болѣючи на то сердцем, иж в Малой нашой Россіи до сих час таковых нѣ от кого тыпом выданых не оглядаю трудов, з горливости моеи ку милой отчизнѣ, призвавши бога и божію матку н[а помощ], умыслилем иле зможность подлого [довцѣ]пу моего позволяла, нѣкоторые значнѣйшые штуки поетицкіе руским языком выразити не з якого языка на рускій оные переводячи, але власною працею моею ново на подобенство іногродных составляючи, а нѣкоторые и цѣле русскіе споробы вынайдуючи, которые иншым языком а нѣ ся могут выразити. Найдовалем теж в штучках іноземных многіе оздобные и мистерніе штучки, але не на славу божію, тылко на марные сего свѣтные жарты выданые, з которых я тылко способ взявши ложилем труд не ку якому, не дай боже, тщеславію, але щегулне ку славѣ бога славы, и славнои владычици нашей богородици и приснодѣвы Маріи, а на оздобу отчизни нашей и утѣху малороссійским сыном єи, звлаща до читання охочым и любомудрым.

Упевняю теж ласкавого [читат]еля, иж если сіи вѣрши моѣ скор[о про]йдет, неуважаючи, що ся в кождом за штучка замыкает, малю або жадного не отнесет пожитку. Леч єсли над кождым вѣршиком так ся много забавит, аж поки зрозумѣет, що ся в нем за штучка замыкает, велцеся в них закохает. Гдыж тут жадных простых (которых и простаки складати могут) немаш вѣршов, тылко штучки поетицкіе, которые любо сут короткіе, маленкіе, але великую компонуючым их задают трудность и долгого, покися зложат, потребуют часу. Суть з них нѣкоторые яко то рак лѣтералный и вѣрш чворограністый, которые и за мѣ-

сяць ледвося зложат. Хто [то знае]т, певне ми то признает, а прето ласка-[вый] [ч]ителнику если з них хочеш отнести утѣху, долго поймуй их, и если бы ся которая штучка здала быти до поймованя притрудною, слушная рѣч сдного и другого призвавши сполнеся домышляти, гдыж всѣ все можем, а сдин всего знати не может, кромѣ всемогущаго бога, который як дал мнѣ охочо в том попрацовати, так и любвѣ твоей да подасть охочо читати и поймовати. В недостойных молитвах моих горячо о тое всемогущую его помощ благаю.

Любвѣ твоей всѣх благ желатель и бого[молец] Іоанн В[еличко]вскій, недостойный з презвитеров.

2

Е х о єст вѣрш, в котором яко бы нѣкое ехо, то есть одзов, до кождого стихов конца двѣ силлябы з конечных же лѣтер уформованыс отзываютъся.

Что плачеши Адаме: земнаго ли края?
Рая.
Чему в онь не вшійдеши, боиш ли ся браны?
Раны.
Не м[ожеши] ли внійти внутр сго побѣдно?
Бѣдно.
Или возбранен тебѣ вход єст херувими?
Ими.
Откуду дѣет ти ся сицевая досада?
С сада.
Кто ти в садѣ снѣдь смертну подаде от древа?
Єва.
Ктоже Єву в том прелсти, змий ли вертоградскій?
Адскій.
То сѣеши слезами не без вины поле;
Оле!
Отселѣ вся будеши со трудом стяжати,
жати,
Отселѣ тебе, чаю, смерть возмет ко гробу
обу.
То смерти уже єсте во вѣки предани,
Ани.
Откуду же жизнь паки начнете взымати
Мати.
Мати чаю отродит вас [от пут] Христова
Ова.
Плодом ли пречистыя матере ожисте?
Исте.
Обы и нас спасл тот плод дѣвыя утробы
Обы.

Р а к л ѣ т е р а л н ы й єст вѣрш, которого лѣтеры и вспак читаючися той же текст выражают.

Мене ради на радость богом міру данна
Анна во дар бо имя ми обрадовинна.
Анна дар и мнѣ сѣнь мира данна.
Анна ми мати и та ми манна
Анна пита мя я мати панна.
Знай всяк, аз в небѣ єсм чиста нива
А вѣдай там Я мати а дѣва.
Знай о [нас в] небѣ чистая ниво.
[О вѣда]й тамо мати а дѣво.
Тебѣ силной все небо отверзеся само
О мати великая аки лев и тамо
Аки лев и тамо о мати велика
Аки Лот о мати и тамо толика.
Лот з святых чина, ты з святѣйшых лпка
Марія в небѣ и по смерти жива:
А вѣдай тамо то мати а дѣва.
Або так:
А вѣдай там єст се мати а дѣва.
Аще бы и под морем могл люд пребывати
И тамо вѣдом Ісус ім о дѣво мати.
От гроба Климентіа мощно то познати.

Вѣдай читателю иж гроб святого Климентія папы римскаго был на днѣ моря, а кождого року во память єго море уступовало, где правовѣрніи при гробѣ его славили Ісуса, дивнаго во святых своих.

И се назад читат[и].
И там Ісус і [мат]и.

Р а к с л о в н ы й єст вѣрш, которого не лѣтеры, але слова вспак читаютъся.

Высоко дѣва єст вознесенна
Глубоко яко бяше смиренна.

Р а к п р е к о с л о в н ы й єст вѣрш, которого слова вспак читаючися противный текст выражают.

Богородица — Со мною жизнь, не страх смерти, — Єва
Мною жити, не умерти

Авель — Богу пожру жертву тучну, не худую, — Каін
Многу, не малую, бла[гую, не] злую

Abel — Sacrum pingue dabo non mac[rum sa]crificabo — Cain

4

Жартовный сст вѣрш, который гды читается як вѣрш идет жарты тылко строит, леч гды в нем кождое словко першои строки з словами другои противко стоячыми злучати будеш, зараз иншый сенс правдивый укажет.

Остав молитву, дѣвство растли, злых чти, друже,
Лѣность люби, сохраняй злость, лай добрых дуже.
Возненавижд трезвенных, пяниц люби зѣло
Гордых почитай. злослов смиренных всецѣло.

Сіи вѣрши не о пресвятой богородици, тылко для штучки поетицкои тут ся положили.

5

Многопрсмѣнителный сст вѣрш, который килка десят разый перемѣнятися может, яко нижей обачиш. У римлян называется тот вѣрш протеус.

Яко ниву рясно плоды украшают,
  тако дѣву красно роды ублажают.
Ниву рясно плоды украшают яко.
  Дѣву красно роды ублажают тако.
Рясно плоды украшают яко ниву,
  Красно роды ублажают тако дѣву.
Плоды украшают яко ниву рясно,
  Роды ублажают тако дѣву красно.
Украшают яко ниву [рясно пло]ды,
  Ублажают тако д[ѣву красно род]ы.
Яко плоды рясно ниву у[крашают],
  Тако роды красно дѣву ублажают.
Ниву украшают рясно плоды яко.
  Дѣву ублажают красно роды тако.
Рясно яко плоды украшают ниву,
  Красно тако роды ублажают дѣву.
Плоды яко ниву украшают рясно,
  Роды тако дѣву ублажают красно.
Украшают яко рясно ниву плоды,
  Ублажают тако красно дѣву роды.

Таковым способом сей вѣрш и далей можетъся перемѣняти до килка десят разый, волно кому досвѣдчити. А з мене тепер досыт же способ наменилем.

6

Остання штучка[a]

Іисуса Христа ВЕЛИЧаймО, яКО Ввесь есть СлАдКІЙ
  зНаймо.
Із несОздАННа отца восіявый чисте,
ВЕЛИЧаю з МатКОю Тя, ВсеСладКІЙ Христе.

Автор до чителника.

НАстрОЙ навспак цинобру. Если угадаеш,
ГоршНІЙ Кто з Сих, ВОлК ЧИ ЛЕВ,—
  То мене познаеш.

ІОАН МАКСИМОВИЧ

Вихованець Києво-Могилянської колегії, в 1680 р. ієромонах Києво-Печерської лаври, в 1697 р.— чернігівський архієрей, в 1712— тобольський митрополит (помер у 1715 р.) — Іоан Максимович, що був і проповідником, і видавав книги церковно-повчального характеру, з особливою пристрастю віддавався писанню віршів, уже в сучасників набувши собі репутації типового метромана. Діставши в подарунок від Максимовича видану ним у 1707 р. книгу «Богородице дѣво» (понад 23 тис. віршованих рядків), Димитрій Ростовський (Туптало) писав Стефанові Яворському: «Бог потребные вещи на свет происходят». У своїх віршованих творах (крім згаданої книги, в 1705 р. видано «Алфавит рифмами сложенный», в 1709 — «Отче наш» і «Осмь евангельских блаженств» та ін.). Максимович переповідає прочитані ним книги, наводячи для ілюстрації абстрактного міркування «приклады» — легенди й оповідання повчального змісту, що являють певний інтерес для історії повістевої літератури. Книги призначалися для читання студентів заснованої Максимовичем у Чернігові семінарії й для широкого кола, як про це сказано в передмові до «Алфавита»:

...
Се ти черниговские Афины духовну
Предлагают трапезу, книгу рифмословну.

Типові зразки шкільного віршописання — твори Максимовича разом з тим є і наочним доказом розкладу й кінця даного жанру в літературі.

Наведені нижче уривки з «Алфавита рифмами сложенного» подаємо за виданням 1705 р.

АЛФАВИТ РИФМАМИ СЛОЖЕННЫЙ

Алфавит собранный, рифмами сложенный от святых писаній, из древних речений на ползу всѣм чтущим, в правой вѣрѣ сущим. Прежде от языка римска, а нынѣ слогом словенска, прочіих напечатася, во спасеніе собрася. Благословеніем ясне в богу преосвященного его милости господина отца Иоанна Максимовича, архиепископа Черниговского, Новгородского и проч. тщаніем (1705).

---

[a] З літер, набраних курсивом та жирним шрифтом (в оригіналі жирному шрифтові відповідають кіноварні літери), складаються ім'я і прізвище автора. «Настрой навспак цинобру» — тобто читай кіноварні літери навпаки, від правої руки до лівої.

Литургія

Предивно возвѣщают гисторики дѣло,
Удивителное всѣм, и престрашно зѣло.
В странах саксонских в року гисящ двадесятом,
В веси Коллюмбек царю при Генрику пятом
Ли втором неизвѣстно, тамо прилучися,
Всяк слышай собывшее зѣло удивися.
Іерей веской церкви службу совершаше,
В день рождества Христова, нѣкто собираше
Прозваніем Олберт, з дванадесятма людми,
Скоки, пляси творящи, и со трема женмы.
Безчинными же кличи твори препятіе
Іерею служащу, возбрани пѣніе.
Не можаху людіе литурги слышати,
Ради скоков и плясов пѣнію внимати.
Изшедши от олтара рече ко пляшущим:
Престаните в нощ святу людем ся молящим.
Прещенію служаща ни мало внимаху.
Бѣсом порабощенны чрез всю нощ плясаху.
Обрящшися к олтару іерей изрече,
Внуши, боже, молитву да ни един зтече,
Но всѣ да пляшут чрез рок на едином мѣстѣ,
Стояще неподвижны, як значала бѣстѣ.
Слышите и внемлите дѣло се ужасно.
В церковное пѣніе входѣте опасно.
На слово іерейско чрез весь рок скакаху,
Недвижны на едином мѣстѣ пребываху.
Безпрестанно скачуще хлѣба не вкусиша,
Одѣянія мѣста всем не измѣниша.
Чудо бѣ превеліе — в день и нощ скакаху,
Ни пищи, ни питія отнюд не пріймаху.
Не паде на них дожд, мраз, ни воздушна нужда,
Никая ина бѣда, ни противность чужда.
Сон отиде, очи их бяху непокойны,
Безпрестани движущесь во всем неустройны.
Вопрошающим словес не отвѣщеваху,
Движими яко нѣми чрез рок пребываху.
Одежды и сапоги бяху не сотренны,
Самы з перва, до колѣн в земли погруженны.
Таже и до пояса, тѣлом углебнуша,
Ни едина же зрящи оттоль исторгнуша.
Восхотѣ сын єрейскій изяти сестрицу
Скачущу со инимы, взем ю за десницу.
Начат звлекати з ями, исторже єй руку,
Не разлучи скачущих, болшу придал муку.
Обаче и там, чудо веліе явися,
Не истече кров з язвы, ниже прослезися,
Аки ничто пострада, не испусти гласа,

На подобіе з земли исторженна класа.
С прочіими творяще свое теченіе,
Не престающи с ними твори скаченіе.
Совершившуся року, Гирбертій Колюнскій
Архіепископ, приде к той веси саксонскій.
Разрѣши от союза при храмѣ скачущих,
Чрез все лѣтное время в тяжкой бѣдѣ сущих,
И достойных сотвори церковнаго в'ходу.
Женскій пол вскорѣ умре, мужеск на свободу
Пусти архіепископ, иныи по смерти
Чуда многа творяху, в житіи сотерти,
Долгим покаяніем богу угодиша.
Ины трясеніем удов, во живых пребыша.
В наказаніе многим, да ся соблюдают,
Ерейских заповѣдей да не преступают.
Се преславный учитель рымскій повѣствует,
От достовѣрных людей, в книзѣ описует.
Названной Оград, в ползу днешним учителем,
Всѣм потребен, духовным, мірским правытелем,
На листѣ шеснадцятом пятсот тамо чтѣте,
Грубо написавшаго, молю вас, простѣте...

Омега

...Кто от мудрых философ постигнет бытіе?
Видимых, невидымих каково житіе?
Откуду трасеніе престрашное земли?
Море превозносится шумом, волнам внемли.
Откуду есть начало быстрых источников?
Что град и что молнія? гдѣ начало громов?
Почто море широко и зѣло есть славно?
Почто воду кладежну во сладость подано?
Кто нам о различіи дуги на небеси
Возвѣстит? о магнитѣ изречет словеси?
Како простирается тонка паучина?
Юже всю растерзает, едина година.
Аще убо человѣч ум не постизает,
Что пред очима в руках, а в ынных дерзает
Постигнути? веліе есть неразуміе,
А совершенно искать вышных безуміе.
О тайна превелія пресвятыя троицы!
Молчаніем ю чтили святыи вси отцы.
Восхотѣ нѣкогда знать Августин блаженный
Пресвятую троицу; но бысть в том отверженный.
Имѣ сей архіерей обыкновеніе,
Совершивши правило творить хожденіе
Около моря градскаго, по трудех отраду
Немощная плоть себѣ да пріиметь прохладу.

Ходящи един узрѣ малого отрока,
Сидящего при брезѣ як країна пророка.
Он тамо ископавши ров мал десницею
Ліяше з моря воду в ров тот лижицею.
Зря блаженный Августин прилежно вопроси,
Что твориши, о чадо? Рече: не поноси.
Пречестный мужу, рек. хощу море в ров мал влити,
Исчерпавши до конца тот ров наполнити.
Сія слышав блаженный честно осклабися,
Реченным от отрока словам удивися.
Як, рекл, сладкій юноше, могут сія быти,
Малым черпалцем море велико прелити?
Отвѣща отрок: могу сотворить удобно,
А яже ты мыслиши, вѣдать неподобно.
Хощеш постигнуть умом непостыжимое,
На небеси и земли невомѣстимое
Море — свята троица, рекл, невидим явися,
А блаженный Августин зѣло наставися,
Воздав усердно богу благодареніе.
На ползу се написа и в наставленіе...

ДРАМАТИЧНА ЛІТЕРАТУРА XVII — поч. XVIII ст.

Датованих пам'яток драматичної літератури, що в другій половині XVII — на початку XVIII ст. міцно ввійшла в шкільний вжиток, поширившися, можна думати, і за його межами,— ми знаємо порівняно небагато. З київських шкільних драм найстаріша п'єса *Олексій чоловік божий*, написана невідомим автором (очевидно, одним з професорів піітики Київської академії) в 1673 р. і виставлена 17 березня 1674 р. в день іменин царя Олексія Михайловича в присутності князя Ю. П. Трубецького, призначеного в Київ воєводою. П'єса збереглася в єдиному рукописі; друковане видання її тексту до нас не дійшло. Зміст п'єси взято з раннього (V—VI ст.) житійної легенди про св. Олексія, дуже популярної в середньовічних літературах, що не раз набувала і драматичної форми. Найближчими джерелами п'єси були: житіє Олексія, вміщене в друкованому збірнику «Анфологіон сі есть цвѣтословіе», виданому в Москві 1660 р., і польські «Житія святих» єзуїта Петра Скарги. Названа «діалогом в честь царя і великого князя Алексѣя Михайловича», виставленим «в знаменіе вѣрнаго подданства чрез шлхетную молодь студентскую», п'єса складається з пролога, двох актів («дѣяній»), з яких у першому п'ять, а в другому шість сцен (названих «видоками» від дієслова «видѣти»), і епілога. П'єса — типовий зразок стилю барокко, що позначається і в поєднанні образів християнської міфології з античними міфологічними фігурами, і в стилізації «царства небеснаго» й Рима часів імператора Гонорія (V ст.) під сучасну авторові Польщу та Україну, і в аристократичних тенденціях (див., наприклад, діалог архангелів Гавріїла і Рафаїла в першій яві першої дії), так само як у закінченні, що панегірично вихваляє царя Олексія і його «небесного патрона» — героя п'єси. В діалогах є також натяки на сучасні політичні події — війну, яку готував московський уряд проти турків, що за кілька років до вистави п'єси напали на

Україну. Особливістю п'єси є два введені в її текст «игралища» — дві інтерлюдії, з яких до нас дійшла перша (після третьої сцени першого акта) — «игранне свадьбы», що являє собою сцену з натури — бенкет «мужиків», які прийшли привітати Олексійового батька («пана-сенатора-Евфиміана» з одруженням сина.

Інший характер має друга з наведених нижче п'єс: *Царство натури людской прелестию.... разоренное, благодатию же Христа... паки составленное.* Вона була виставлена в тій же Київській академії (в «Кіевских Афинах») у 1698 р. П'єса належить до циклу великодніх драм; щодо стилю вона також може бути зразком алегоричних драм, так званих «моралітє», в чистому вигляді відомих і в нашій літературі (див. нижче «Воскресеніе мертвых» Гр. Конисського). Дійовими особами в п'єсі є персоніфіковані сили, що борються одна з одною за «Натуру людскую» (Людину): з одного боку, «Всемогущая Сила» (атрибут божества), «Вера», «Надежда», «Милость» (Любов) і ангели, з другого — володар пекла Люцифер, його слуги і помічники, у тім числі «Злость», «Прелесть» (Спокуса), «Отчаяніе», «Гордость», «Смерть» і т. д. До нас дійшов тільки пролог, перший акт (із дев'яти сцен) і дев'ять сцен другого акта, решта втрачена. Дія, що починається з боротьби ворожих сил у раю, де слугам Люцифера вдається таки добитися гріхопадіння, переходить далі до подій старозавітної історії — виходу євреїв з Єгипту і, очевидно, мала дійти до пришестя Христа на землю і його воскресіння — рішучої перемоги небесних сил над хитрощами диявола. Автор п'єси добре знає античну міфологію, теорію і практику шкільної драми, легко володіє силабічним віршем, застосовуючи різні типи його будови; ліричний елемент взагалі переважає над драматичним, хоч ремарки, які збереглися в тексті, показують, що її сценічне втілення не випадало з поля зору автора. Очевидно, п'єса може вважатися типовою для цілої групи таких же шкільних п'єс,— той же мотив гріхопадіння і спасіння роду людського опрацьований, наприклад, у драмі «Свобода от вѣков вожделѣнная Натурѣ людской», 1701 р., від якої дійшов до нас тільки сценарій; є збіги тексту «Натури людської» з «Успенською драмою» Димитрія Ростовського і т. д.

Скорочені тексти обох п'єс наводяться за виданнями: *В. Резанов*, Драма украінська, вип. III, Київ, 1925 («Царство Натури»), вип. V, Київ, 1928 («Олексій чоловік божій»).

ЦАРСТВО НАТУРИ ЛЮДСКОЙ,

ПРЕЛЕСТИЮ, ЕЮ ЖЕ СМЕРТЬ ЦАРСТВОВА В НАС НЕПОГРѢШИВШИМИ РАЗОРЕННОЕ, БЛАГОДАТІЮ ЖЕ ХРИСТА ЦАРА СЛАВИ, ТЕРНОВИМ ВѢНЦЕМ УВЯДЕННАГО, ПАКИ СОСТАВЛЕННОЕ И ВѢНЧАННОЕ, СМУТНИМ ЖЕ ДѢЙСТВОМ В КИЕВСКИХ АФИНАХ, ПОД ВЛАСТИЮ ПРЕСВѢТЛАГО ТРИВѢНЧАННАГО СУЩИХ, ОТ БЛАГОРОДНИХ РОССИЙСКИХ МЛАДЕНЦОВ ИЗВѢЩЕННОЕ. РОКУ ВОНЖЕ ХРИСТОС ЦАР СЛАВЫ РАЗОРИВИЙ АДОВО ЦАРСТВО 1698.

ПРОЛІОГ

Извѣствует, како Натура Людская, во Едемѣ царствующая, царство свое погуби, како бист радостна царствующой смерти и како па первое царства райскаго возвратися достояние.

Бог, прежде вѣк царствующ и во вѣки вѣка,
На образ свой створи в часѣ человѣка,
Составив и царствие пресвѣтлаго рая,
Да человѣк в нем царствует весело играя;

Повеле царством райским ему обладати,
А на яблко едемско рук не простирати.
Натура человѣча, змиинним совѣтом
И ласкателним милости прелщена привѣтом,
И сим: «будете бози» прелщена обѣтом,
Простре руку на древо и коснеся древу,
И тако царску в раи погуби породу.
Ах, царица райская по роскошной волѣ —
Уви! Уви! — данна ест прегоркой неволѣ,
За злобопосящую зла преступлства руку
Предадеся в тяжкую уз темничних муку,
Идеже трисѣянна зрѣти не возможе
Свѣта лица твоего, цару вѣков, боже,
Но еще смертелными связанна окови
И в глубокие ада воверженна рови,
Вѣчнѣ би не свободна пребиваше тамо,
Аще бы ю Христово пришествие — amo[a]...
Не свободи оную кровавими рѣки.
Вся сия како биша, здѣ возвѣстит наше
Дѣйствие; токмо буди вниманіе ваше.

АКТ I

СЦЕНА 1

Л ю ц и ф е р видяй, иж сын божи Натуру Людскую на себе приймет и возвеличит, возбуждает на бран аггелов, хотя равен быти богу, но гординю его аггел Михаил побѣждает.

Аз есм всѣх звѣзд небесних свѣтлѣйша Денница,
Всевидящего бога едина зѣница,
Аз есм чинов безплотних крѣпкий воевода,
Избраннѣйши от всего аггелского рода;
Аз аггелску воинству есм архистратигом,
Которое под моим воинствует игом;
По моему разуму вся содѣловает,
Дѣло моея волѣ всегда исполняет.
Мнѣ сущу старѣйшинѣ в небесном дворѣ
Чест, славу, хвалу дают аггелскии хори;
Моей остротѣ умной мудри херувими
Чудятся, огнени ю любят серафими;
Област имею сѣсти и межи престоли,
Паче господств гдѣ естем господствием волѣ:
В сили мужественнѣйший над самие сили,
Властителним власти превосхожду дѣли.
Началствію моему и что ж сут начала?
Началствую паче всѣх первѣйши з начала.

[a] Дальший вірш. очевидно, пропущено.

Аще ест и архаггел, но и то ми ест равен,
Иншій от архаггелов не ест тако славен,
И Михаил архаггел но нѣст мя достоин.

М и х а и л.

Аз есм цара архаггелска недостойни воин.

Л ю ц и ф е р.

Добрѣ ти глаголеши: аз бо достойнѣши;
Ти разумѣеши, что паче тя честнѣйши;
Добрѣ ти глаголеши: аз бо достойнѣши;
Ти разумѣеши, что паче тя честнѣйши,
Честнѣйшій есм, красен, добр, нѣст во мнѣ гординѣ,
Мене слушает всякой всяк аггел години,
Той мою великую величает славу,
Яко старѣйшинѣ свою прекланяет главу;
Что множает бог велій предивние тайни,
Моему видѣнию изяви нетайни,
Ибо преждевѣчніе мнѣ откри совѣти,
Что на престолѣ райском имѣет сидѣти
Человѣчска Натура, як дражайше злато.
И кто видѣ в чести прах, пепел, черв, блато?
Может ли тма с свѣтом, а нощ со днем жити?
Огн и вода вкупѣ без вреда пребити?
Будут сия, когда бог на престолѣ райском
Посадит человѣка в величествѣ царском,
Котрому недостойно в толикой бит чести,
Никтоже бо с правдою не смѣшает лести.
Аз есм токмо достоин райские держави,
Яко в себѣ содержу всѣ аггелов слави;
Нѣст во мнѣ жадной лести, вся правда со мною,—
Сего ради возмогу сѣсти и с тобою,
Боже, на престолѣ: свѣт есм ибо Денница,—
Лѣпо, да мя обиймет божая десница.
Прах, пепел, черв нѣст подобен блату:
Хощу да мя бог мѣет равна драгу злату;
Треби ему садити мене на престолѣ,
Тако бо угожденно будет моей волѣ.
Аще же он моего не вознесе рога.
Сие и на самого простру руцѣ бога.

Hic ostendit ungues [1].

Ви токмо зволте моя здравия совѣти
Вси единодушно днес скоро исполнити,
Ти первий, Михаиле, что на сие слово?

М и х а и л.

Твоих совѣтов мое сердце не готово
Исполнити, понеже всѣм нам не сут здрави,
Яко лжеглаголивии, суетни, неправи.

[1] Тут показує кігті.

Л ю ц и ф е р.
Что, что ти глаголеши?
М и х а и л.
Се глаголю тако:
Богу противитися не возможет всяко
Созданіе, и что он един уставляет,
Тому ся всяк человѣчій раб не спротивляет;
Жестоко ест противу остра рожна прати,
Побѣжден ест хотяй ся со лвом крпким брати.
Бог что хощет, то творит: вся во его власти,
Идеже би не владѣл, нѣст таковой части;
Волю имат человѣка, як бог и владика,
Уставити цара и господа велика
И над нами.

Л ю ц и ф е р.
А то что, дабим мою вию
Человѣку преклонил? Я его подбию
Под мое владѣние! Аггелскую силу
Возбужду на бран, бо ест под моею крилу;
Человѣчу Натуру возму в сии руцѣ,
А з царственной роскоши горкой предам муцѣ.
Аггели, мнѣ послушни, мѣйтеся до брани:
Поставлю во вишних мой престол и през рани!
Егда ли нам не лучше земну человѣку
В небѣ господствовати, аггелскому лику?
А г г е л п р о т и в н и й.
Ей, лучше, Люциферу, и ми утверждаем,
Тому же Михаила гласу не внимаем.
А г г е л д о б р и.
Добрѣ таковой всегда слухати поради,
Котрая в себѣ жадной не имѣет зради!
Внимаем ми глаголом Михаила здравим,
Скланяем и ушеса ко совѣтом правим.
А г г е л п р о т и в н и й.
Яко то не имѣет рада архаггела
Сего человѣка садит вижше над аггела.
А г г е л д о б р и.
Внимайте: не он садит, сила всемогуща,
Сия на престол райский человѣка ведуща.
А г г е л п р о т и в н и й.
Так ест, но и то, честнѣйшии, разсудѣте дѣло,—
Дух ли ил человѣк имѣющий тѣло?
А г г е л д о б р и.
То дѣло разсуждати ум изнемогает,
Котрое сам бог своим умом разсуждает.
А г г е л п р о т и в н и й.
И сие измѣрити умом не глубоко,
Что божие аггела переносит око.

А г г е л д о б р и.
Безумний твой глагол. Нас созда того ради
Бог, да не отмѣтает з своея ограды.
А г г е л п р о т и в н и й.
З коея то ограды? Гдѣ насажденна?
Славою, роскошею ест ли исполненна?
А г г е л д о б р и.
Ограда — само небо славно и роскошно,
Возийти же на божій престол нам немощно.
А г г е л п р о т и в н и й
Почто возийти не мощно? Мощнѣе ли праху
Летѣти по воздуху ко горнему даху?
Ми дух разсиплем его, вознесемся сами,
Идеже з Люцпнером царствоват имами.
А г г е л д о б р и.
Не хвалися, но бойся, не шатайся всуе:
Гординя твоя барзо снийде во ад буе.
А г г е л п р о т и в н и й.
Снийде? в сердцу нашпе не имѣет гордини!
Взийдем на вишний престол нынѣшной години.
А г г е л д о б р и.
Глаголем, яко воскорѣ снийдеши до ада,
Всегда вас грызуща, невсипающа гада.
Л ю ц и ф е р
Я, я до ада снийду? Возийду па небо!
Возийду вишше облак, узрите вси се бо,
И престол позлащенний на горѣ висоцѣ,
Верх звѣзд постановлю при самаго боцѣ
Бога сил Саваофа.
М и х а и л.
Люциферу ражу,
Не дерзай: низринет тя бог и твою стражу
Разсиплет: во ад слава и с тобою спадет.
Веселие отидет, червь ти во покров прийдет!
Образ божій человѣка нареки еси блатом,—
Ко адским, пепел, гной, черв поползеши вратом;
Змию, аспиде глухи, во пекелну яму
Поползеши, будеши на руку и раму
Двигати желѣзние тяжкіе окови,
Не скипетр злат; адска тма смѣрит твоя брови.
Л ю ц и ф е р.
А то что изрекл еси, аггеле безумний,
Во глаголех, совѣтѣх твоих малоумний?
Возийду, вишнему равен на небесех буду,
И тамо во свѣтлостех на вѣки пребуду.
Кто яко бог?
М и х а и л.
Кто яко бог вѣчни? Святая
Святих! Богу противится ерес проклатая.

СЦЕНА 2

Всемогущая Сила Натурѣ Людской, с небес увѣнчанной, царство райское, Роскош и Волю вручает, от древа же выдуща зло и добро ясти возбраняет.

Всемогущая Сила.

Вся могу, разумѣю, вся вижду, вся знаю,
Всемогущая Сила аз ся нарицаю.
Единому бозтву всесоединенна,
От нераздѣлной троици ни нераздѣленна,
Тричисленному лицу, богови едину,
Хвалою и славою равно честна вину;
Я богом, а бог мною все что начинаем,
То со собою вкупѣ всегда навершаем;
Воли, ума, совѣта и единой власти
Есм, никогда могу от его отпасти
Мисли, цару богу и горѣ и долѣ
Царица соцарствую на вишнем престолѣ;
Не имат моя битность конца ни начала;
И конец и начало велика и мала
Вещ имѣет от сего вседержавна перста;
Ей же, нам во бытие врата сут отверста.
Первое всѣх созданий небеса создаста
И землю мои руцѣ, свѣту и тмѣ даста
Бытіе; именовах свѣт з днем доброзрадним,
Тму назнаменовах нощним видом мазним,
Тогда зданих аггелов услишати гласи,
Возхваляющии вся во вѣчние часи.
Второе, сообручих твердь звѣздогорящу,
Нощ просвѣщающу, во мрацѣ лежащу;
Твердь сия раздѣляет кришталние води,
Напаяющия животния роди.
Третее, от моих уст вѣтри повѣнуша,
Собрася вода в сонмѣ, и явися суша.
Сушу землю нарекох, водния состави —
Моря, прорасти земля цвѣтоносни трави,
Древа плодовитие и тучние класи,
Одѣвающи себе аки главу власи.
Четвертое, устроих велицѣ двѣ твари,
Свѣтозарна небесе красніе утвари:
Тие нощним и дневним временем владѣют,
Солнце, луна имена сицева имѣют.
Пятое, велѣх морю, да изведет кити,
Имже я глубынами завѣщах владѣти;
Моим повелѣнием от моря глубока
Пернат птенец изиждет во мѣста висока.
Шестое, составих плод коегождо звѣря,
Живущаго во селѣх пространного мира.
Посем взях персть от землѣ и создах разумну — *умну*[а] —

а Слова, поставлені між тире, в рукопису дописано й підкреслено: це «луна».

«Совѣт злобы». Гравюра з видання: «Ифіка іерополітика», Львів, 1760 р.

Человѣку Натуру, звѣра небезумну — *умну*.
Мнѣ вожделѣнна еси от персти созданна — *зданна* —
Людска Натура, паче тебе несозданна — *зданна*,—
Твар благолѣпнѣйша по виду моему — *твоему*,—
По образу як бог украси своему — *твоему*;—
Дух божий оживи тя, много прийми ухом — *вчухом*!—
Сила моя укрѣпи, се слыши слухом — *духом*! —
Насадих веселие едемскаго сада — *рада*! —
Ограда ест радости того вертограда — *рада*! —
Изгнах горда аггела из райского края — *з рая*,—
В том Натуру Людскую вомѣстити маю — *раю*: —
Хощу, будет царица в Едемѣ от поля — *воля*,—
Владѣти царством райским ест то ей доля — *воля*.
Созданна от мене Натура Человѣча!

Натура.
Чаю твоей милости, стоящи здалеча.

Всемощная Сила.
Прийди сѣмо, Натуро, прийди, возлюблена:
Будеши на престолѣ райском посажденна
Натура.
Повинуюся тебѣ, всесилна госпоже,
Аще и нѣсм достойна тои чести, о боже.
Всемощна Сила.
Дажд ми перст, любимице, а иди со мною.
Натура.
Обемлю, лобжу стопи и иду с тобою.
Всемощная Сила.
Се имаши престол райск, взийди нан и сяди.
Натура.
Будь благословение твоея поради.
Всемогущая Сила.
Посли, Небо, воскорѣ царску диядіму:
Людскую увѣнчаю Натуру любиму.
Небо.
Указ твой, Всемогущая Сило, исполняю,
И царску диядиму возми — посилаю.
Всемогущая Сила.
Се тя царска вѣнчает от небес корона,
Благословит господня рука от Сиона.

Manus benedicit de coelis [1].

Натуро чловѣча!
Натура.
Что, Всемощна Сило?
Кое ми повелѣваеш сотворити дѣло?
Всемощная Сила.
Естес уже, Натуро, райская царица:
Благослови тя с вишних божая десница,
Имаши рая красна царство пребогато,—
Блюди, дабы от тебе не было отнято;
Волю, Роскошь под твоя покораю нозѣ,
Роскошуй, веселися, радуйся о бозѣ.
Воля.
Воля есм от разума всемощнѣйша силы,
На вся дѣла данна ти под царские крилѣ.
Роскошь.
Роскот мя мѣет, тѣшся на всякое время,
Не отягчит тя буди скорби, плачу бремя.
Всемогущая Сила.
От всяка древа красна, в рай насажденна,
Да будут, велю, твоя уста наслажденна;
З древа же, еже знати добро и лукаво.
Не яжд,— тако бо твое царство будет здраво;

[1] Рука благословляє з неба

В он же день аще снѣси, царства отпадеши,
Что более — горкою смертію умреши.
Помни сия, а храни данния завѣти.
Натура.
Готовам яко раба оная хранити.

СЦЕНА 3

Злост Люциферова на Натуру Людскую в рай царствующую шатается и гласит Прелест, да на вкушение заповѣданаго древа прелстит Натуру.

Злость.
Что аз? От кого прийдох, кое ми ест дѣло?
Лютим всѣх злостей огнем гору, киплю зѣло.
Свою же да угашу чужим плачем жажду,
Вибухаю на землю злохитрую вражду.
...Сердце Люциферово, оно мнѣ обител,
Которого низверг во ад наднебесний жител.
З сердца Люциферова аз тогда смотрила,
Когда вѣнча Натуру Людску божа Сила.
Ай! достойна ли бист она вѣнца пренебесна?
О вещ. паче всѣх вещей разуму чудесна!
Люцифер мой сожител, приятел сердечни
Всего дѣла моего хранител безпечни.
Дух чист и созданіе красно, велелѣпо,—
Ему бит цару райску не било би лѣпо?
Натура Человѣчска ест ли лѣпотнѣйша?
И паче Люцифера еда ли честнѣйша?
Злуплю, здеру вѣнец царск з Людской Натури,
Не удержат райские, не сохранят мури;
Низрину со престола того трупа гнила:
Крѣпкая моя крѣпка злосливая сила;
Сокруши еи главизну от сими руками,
Паперу, убю в землю моими ногами,
Разору, распровергу райское господство,
А ю самую отдам в пекелное родство.
Маю я добрий способ, як ю уловити
И якіе на ню закинути сѣти:
Сѣт моя — мудра Прелест, любима другиня,
Пекелних смопийцов роскошна богиня.
Та прелстит ю, что вкусит завѣщанна древа,
И тако ю до царска запровадит чрева...
Прелест. Прелест, Прелести! Стан пред очима!
Прелест.
Се послушлива стою, Злости, пред твоима.
Злость.
Пойди, прелсти Натуру, молю ти, ласканми,
И урви завѣщанний плод твоима дланми,
Совѣтуй пресладкое яблко бити снѣди,
Им же ей прегоркие уготовиш обѣди.

Прелест.
О чом мя молить твое злосливое слово,
Лстивое ми сердце то справити готово.

СЦЕНА 4

Прелест Натурѣ Людской совѣтует плод древа заповѣданаго добр бити во снѣд, его же Натура ясти изволяет, и тако гласом со небес престрашенна, царствия райскаго отпадает.

Натура.
Что еси, и откуду? и что зде твориши?
Чего без моей волѣ так смѣло ходиши?
Прелест.
Хожду, удивляюся сему мѣсту злачну,
Хожду, велми чуждуся древу доброзрачну:
Зру тя, царицу райску, царство твое красно,—
Но что всѣм не царствуеш, се ми ест ужасно.
Натура.
И како не царствую? Всѣм аз обладаю:
Его же хощу древа, того и вкушаю.
Прелест.
Се древо плодоносно в твоей царской власти,—
Почто ж его не смѣеш добра плода ясти?
Натура.
Ай! Всемогущая Сила твердими уставы
Завѣща ми, а храню судби ея прави;
Рече бо: не вкусиши, ни ся му коснеши,
Древу оному, ибо смертїю умреши.
Прелест.
Не бойся, не умреши: завѣт Всемогущой
Сили не одержит, вѣр ми глаголющой.
Натура.
Како ж ся разумѣет, повѣжд да узнаю.
Прелест.
Слухай, царице райска, аз та викладаю:
Видѣ Всемощна Сила, яко тебѣ оцѣ
Отверзутся, и будеш в мудрости глубоцѣ,
Соравнишся богу, зло, добро вѣдущи,
Егда со древа того будеши ядущи,—
Вѣрен ест сей глагол мой,— рече того ради.
Натура.
Поколѣбахся умом на твои виклади.
Прелест.
Стой неподвижно умом; тое егда снѣси,—
Виж снѣд, кол красно яблоко,— вся сия увѣси.
Натура.
Зру плод от внѣшних быти прекраснои плоти,
Внутрнии же не знаю, что суть его соти,
Горкие или сладки.

Прелест.
Аще отвнѣ драги,
Колми отвнутр, царице, явлат ти ся благи;
Явѣ свѣтовѣднѣйше злато ест от вреди,
Порфировиднѣйши внутр шипок паче преди.
Натура.
Вѣм, но древо внѣ злачно, внутр бивает гнило;
Мед сладок, и что в нем ся жало утаило.
Прелест.
Дерзай, не сумнися, се яблко не таково,
Як мед сладок со жалом, яко древо ово;
Есть як копка: внѣ драго, внутр еще дражайше,
Внѣшним видом сладкое, внутрним же сладчайше.
Натура.
Аще таково, добрѣ, принеси ми сѣмо.
Прелест.
Вели, царице, Натурѣ.
Прелест. Роскоши, ходѣмо!
На, возми плод, Роскоши, и царици подажд.
Человѣчска Натуро, не умреши, яжд, яжд!
Воля.
Се имаши плод древа.
Натура. Добра ли ест вкуса?
Прелест.
Добр, добр!
Воля.
Имаши волю, вкуси без муса.
Глас с неба.
Натуро человѣчска! Почто вкуси яди?
Почто завѣт преступилес? Но ими виклади!

СЦЕНА 5

Гнѣв божий на Натуру Людскую, преступившую заповѣд Всемощной Сили, зѣло ярится и молнию с небес низводит, его же Милость божая благает, но Истинна Суд божий принуждает на отмщение, и Натуру Людскую внѣ рая изгнати Декрет повелѣвает Херувиму.

Гнѣв божий.
За дерзость, за лакомство, за преступство збуру,
Винищу и потреблю Людскую Натуру,
И нѣст иже измет ю от моею руку;
Пошлю огненны стрѣли з напраженна луку.
...Даде ей божа Сила в Едемѣ свободу
И благопоспѣшную во жизни свободу,
Толиких же даяний быст неблагодарна:
Сего ради найде нан непогода марна.
Херувимской мудрости причасница бяше,

Умудраше ю свято дихание наше,—
Измѣни толик разум и волю неистову,
Затми несмислена буйства умной мисли брову.
Всемогущая Сила созда двѣ свѣтилѣ.
Даби во дни и в нощи Натурѣ свѣтили
Людской,— та же божія отвержеся свѣта:
Затвору ю в темници на многие лѣта.
Волю в руках держати не умѣ зажити,—
Неудобно в райских обителях жити:
Буде же рабско жити, в неволѣ стенящи,
Смертном на тѣлѣ своем желѣза носящи,
Плод наситителний от райска винограда
Ввес во снѣд предложен бист, не било еї глада,—
Почто ж завѣт преступи неситое чрево?
Возалчется на мнозѣ, зане яде древо.
Всемогущая Сила, як зѣницу ока
Храни Людску Натуру, и орла висока
Свойстви покри своея благости крилы,—
Достойна ли бист тоя от Всемощной Сили?
Раскаяся бог, яко зозда человѣка,
Что его Натура бѣ во злобах велика.
Посла мя, Гнѣв божий, да отмщу обиди,
Предам Людску Натуру в незноснии бѣди.
Воятумѣте, небеса, престрашними громи!

Deus e coelis tonitrua et fulmi[na]... [1]

Сосжѣте молниями мерския содоми!
Хощу, на человѣчску Натуру падѣте,
Законопреступницу в пепел обратѣте!
Тажко аз разгнѣван на людские злости
Человѣка, ходяща во стезя непрости.
Со мною и Всемощна равна богу Сила
Розярися на Людску Натуру дозѣла.
Не буду умилний человѣком доселѣ,
Донелѣже на смертной почиет постелѣ.
Не умолят плачевны человѣчски гласи,
Аж поки в адские не снийдут тараси.
Меч мой молниелучний снѣст от сего часа
Грѣховни Натури Человѣчской мняяса,
Упою стрѣли моя во твоя гортани,
Отступнице от бога, смертни приймеш рани.

Милосердие.
Стуй, умилосердися, Гнѣве, божи прави,
Не погубляй Натури, юже бог создави,
Остави согрѣшившой, падшую помилуй,
Судом ю скарати, Гнѣв божи, присилуй.

[1] Бог в неба грім і блискавку... (далі ремарку обрізано при оправлянні)

Гнѣв.
Добре, но и Суд божи так будет судити,
Иж но схощет без казни ей отпустити.

Скарга Гнѣва божия.
Суде божи, который не на лица зриши,
Но право, а не ложно вся вини судиши,
Молю, осуди Людску Натуру так смѣлу,
Иж простре руцѣ свои на Всемощну Силу.

Суд.
Як же то «простре руцѣ»? Еда ли в ланиту
Вдари? Или зауши? Не медли ответу.

Гнѣв.
Сама да ответщает; ти рече — удари.

Натура.
За едино яблко тѣ на мя потвари!

Гнѣв.
Потвари то, потвари? Уста завѣщаша
Всемощной Силѣ плод, а твои руцѣ взяша!
Вѣжд се, что завѣт божи цѣл не сохранити
Ест то в уста вдарити, купно заушити.

Милосердие.
Правда, взяша еи руцѣ яблко завѣщано,
Но что ж? Ей Прелест прелсти, той рукама данно.

Істинна.
Аще и тако ест, но ясти и не ясти
Волю имѣ; когда же от яблка снѣст части
Заповѣданного, то завѣт покри дерзко,
И тако божу Силу обезчести мерзко.

Гнѣв.
Сего ради молю тя, справедливий Суде,
Винной Натурѣ Людской да скоро казн буде.

Істинна.
Суде божи, декретуй, изжени из раю
Натуру Человѣчску: аз повелѣваю.
Нех за сия сладкия едемския снѣди
Снѣсть во потѣ лица хлѣб свой и понесет бѣди.

Суд.
Декрете божи, читай Істиннѣ угоду.

Декрет.
Юж Натура Людска не снѣст райски плоду:
До того херувим ю изженет из рая,
Да будет внѣ сѣдяще плача и ридая.

Херувим.
Бѣжи, окаянная, грѣшная, особо!
Полкнула[1] еси Едем, несита утробо!
Отселѣ не внийдеши, изгнанна отсюду:

[1] пожерла

Аз, херувим, едемских врат хранит буду,
Довелѣ же двер свят не отвержет сия
Ктос, претерпѣв за тя страсти пресвятия.

СЦЕНА 6. Muta[1]

Вулкан в пеклѣ уготовляет вериги, ими же Неволя Натуру Людскую, изгнанную з рая, связует и в темницу отводит.

Н е в о л я.
Даждь позѣ, заблудшия от истинна пути!

Связуи позе.

Более да не блудят, ужами свяжу ти.
Простри руцѣ, согну ти, лакомая Ево:
Болше их не простреши на райское древо.
Преклони невоздержни от яблка гортани:
Воздержанию тѣсни научат кайдани.
Горѣ руцѣ поднеси, стягну ти и бедра:
Уже не утолстѣют от роскошна ведра.
Иди з свѣта в темницу! Юже слѣпия ночи
Темними слезми твоя запорошат очи.

До темницѣ отводит.

СЦЕНА 7

Плач Натури Людской ридает падения, изгнания своего з царствия райска, ему же и аггели смутним пѣнием з небес соболѣзнуют; но Благодать божая пришедши плач утоляет.

П л а ч.
З рая четире текущия рѣки
Источѣте ми воды слез велики
Слезное море!
Источите ми крававих слез токи,
Фѣзон, Геон, Тигр и Ефрад, глубоки!
Горе мнѣ, горе!

А г г е л и.
Кий глас во мирѣ райских рѣк взивает?
Кто по всей земли зѣло разливает
Слезния води?
Что за вѣтр слезни так подносит волни,
Иж велми ими колѣблет вся волни
Аггелов роди?

П л а ч.
Нехай утону во слезах во вѣки,
Нехай не жию между человѣки
В тяжкой печали!
Обтечити мя, слезния потоки,
Точащиися з сердечной опоки,
Твердшой над скали.

[1] німа

А г г е л и.
Кто стенанием движет небо с нами?
Кто угашает зѣлними слезами
Небес свѣтила?
Коего рода во мирѣ жиюща,
Неподвижною твердию движуща
Толика сила?

П л а ч.
Есм неутолим Плач Людской Натури,
Утопающей во грѣховной бури,—
Кто ж поратует?
Уви мнѣ! Уви! Не имат отради!
Даждте ей помощ, небесние гради:
Смерть гроб готуе!

А г г е л и.
О, грѣховни нещасни потопи,
В них же оловом погразают стопи
Людской Натури!
О, нещасливо наступило время!
Кое так тяжко и незносно бремя
Топит ю в бури?

П л а ч.
Ах, тяжко бремя — яблко завѣщанно,
Натура Людской в вии навязано
Лести руками!
Тое як камен в бездну погружает
И лакомими оной заспает
Гортан водами.

А г г е л и.
О, почто ж прият прелести змиини?
Почто подступи под древеса сѣни
Завѣщание?
Прелест и древо било обродити,
Котрого плоди мѣли утопити
Навязанние.

П л а ч.
Ах мнѣ, горе мнѣ! Плачте, плачте, очи,
Плачте все дние, плачте и вся ночи,
Плачте вся ночи!
Временотворни, плачся о мнѣ, свѣте!
Уми небесни, мцѣ соболѣзнѣте!
Скорбними гласи!

А г г е л и.
Плачем ми, плачем, небеснии хори,
Вси аггелские ридаем собори
Людску надежду:
Свѣт часоносний плачем заливаем,
Во сердца наша твоего здихаем
Сердца мятежу.

Плач.
Весна с цвѣтами, тучно лѣто с класи,
Осѣн з гроздием, а зима со часи
Хладними, плачи!
Луно полная, плачу к измѣни
Людской Натурѣ райские отмѣни,—
Утоли плачи!

Аггели.
Людску Натуру и стихия сами —
Огнь, воздух, земля и вода — со нами
Горко ридайте!
Птенци, зверие, древа плодовити
Такой отмѣни и морские кити,
Всѣ соридайте!

Плач.
Райские рѣки, лийте моя слези,
Идѣ же ваша проходатся стези
В пространом мирѣ!
Промийте жалем очи мирянину,
Да зрит на Людской Натурѣ отмѣну
Плачем без мѣри.

Аггели.
Гдѣ твой, Едеме, властителний жител?
Райские звѣри, гдѣ повелитель?
Раб ест на волѣ.
Ридай, Едеме, плачте, звѣри рая!
Жител ваш плачет, в темници ридая,
По райской волѣ.

Плач.
Бист прежде рая прекраснаго пани,
Роскошь и Воля в ей руцѣ дани
Быша от бога,
Нинѣ же — ах, жаль! — подана во юзи,
Аки рабою владѣют недузи,
Болест премнога.
. . . . . .

Аггели.
Десница божа — Милости то дари —
Людской Натурѣ датис як твари
Скоро готова;
Токмо лий слези, Плачу невтолимий,—
Згасиш горащий гнѣв неутолимий
Бога Егова.

Благодать божая.
Престани юж от плачу слези проливати,
Престани паденія Натури ридати:
Обфити истощилес слезния потоки,
Ими же наполнилес ввес свѣт ей широки.
Возлияся и в небо вода слез велика,
В ней же Натура втопит адска Амалика,
Втопит — есм излияна божа Благодати,—
Сама же заплинет в рай паки царствовати:
Сего ради от плача горкаго престани.

Плач.
Изведи из глубини слез, прийми за длани.

СЦЕНА 8

Злост благодарствует Прелести, же Натуру Людску прелстила на вкушение древа заповѣданнаго.

Злост.
Га-га-га! Цѣлую тя, Прелести послихо,
Всего пекелна кола любима утѣхо,
Обемлю тя усердно, лобизаю длани,
Кланяюс ти до ног, милостивая пани,
Же с того щос собрала доброго ми жнива,
Злаго Людской Натурѣ наварила пива;
Тѣх твоих цнот, Прелести, нігди не забуду,
Рознесу твое имя хвалами повсуду;
Нех же слишат твою чест вся ония конца,
Котрими огнистия перуть кони солнца.
Где егр, борей, где зефір, где аквиля вѣет,
Там мой глагол славу ти похвалми розсѣет.
Идеже вход виходит, заход западаеть,
Полуден возносится, полунощ смирает,
Там твоя чест, Прелести, прославится мною,
Прославила бо еси мене Злость тобою.
Многи слави язики твой язик лесттивий
Моим язиком злосливим славити скваплівий.
Тис радост Презерпѣнѣ, радост и Плютона,
И тобою ся тѣшит в пеклѣ Тизифона,
Торжествует Алекто, рада и Мегера,
Танцует невоздержно Иксиона сфера;
Випудилас Орфея всяк плач из геени.
В котрой не слышатся плачородни, трени;
Плавлет во радости сердце Танталово,
Не алчет веселия, имѣет готово.
Зизиф каменодвижей не працуе нинѣ;
Адские веселятся, ликуют богинѣ.
Ляхезис и Атропос и Клото при смерти;
Белѣди ако води радост разливают,
Дай нѣмфи пекелние во ней ся купают.
Рад, рад, и Люципер, я смѣюся зѣло —
Га-га-га-га-га! Тепер же мнѣ мило,
Тепер же ми як масло помазало груди!
Вся от радости растаются уди!
Пеклу тепер торжество от твоих рук приде,
Ими ж Натура Людска из рая изийде.

Люциперас як па два тузп посадила,
Гди Натуру Людскую сладким яблком зила.
Егда снѣде Натура плод, тобою даний,
Тъгда Люциперу бист уготовани
Обѣд изобилен радости кипящий,
На которомь со мною пласал он многащи:
Отворилас ему двер до радости края,
Егдас Людскую Натуру отвергнй из рая.
Бѣхом во веселие тогда превелицѣ,
Егда извержену вела ко темницѣ.
Але тогда найпаче Люципер скакаше,
Егда с плачем аггелский лик горко ридаше.
О, заправди, Прелести послихо, велие,
Пеклу, Люциперу, мнѣ естес веселие.
Чго пекло, Люципер и я вожделѣла,
Твоя нам, о Прелести, сооружи сила.
За котории труди всѣ дякуют мѣле
Пекелни жителѣ, твою славу смѣле
По всем вселеном крузѣ всегда разглашают,
До радости же в пекло много запрошают.

П р е л е с т ь.

Скоро до услуг моя вся труди прийміте,
З того же, что сотворих, всѣ ся веселѣте.

СЦЕНА 9

Отчаяние а Прелест нѣкогда же надѣятися Людской Натурѣ от бога помилования. Но Милость божая, Вѣрою и Надеждею его побѣдивши, Натуру Людскую, в темницѣ сѣдящую, о свобождении упевняет.

О т ч а я н и е.

Згрѣши Людска Натура кол много, кол крати,
Егда божию дерзну заповѣдь попрати;
Сего ради горе ей з своими грѣхами,
В раи падшой и спадшой в геенские ями.
Я вѣм вся слиша, та же радость самому
Люциперу, Злости и пеклу цѣлому:
Натура Человѣчска упала у клюби
Темничние, горшие паче львових зуби.
Нѣкогда не изидет з темничнаго кита,
Поки бог богом будет, поки станет свѣта.
Там уже зѣло будет во муках страждати,
О свобождени же а нѣ помишляти:
Первѣе солнце згаснет, звѣзди потемнѣют,
Первѣе свѣтозарнии небеса истлѣют,
Первѣе вся стихия будут в еднем лѣцѣ.
Неже Людска Натура изийдет з темницѣ;
Мощнѣе вкупѣ бити лѣту со зимою,

а Тут, треба гадати, пропуск.

«Вѣра». Гравюра з видання: «Ифіка іерополитіка», Львів, 1760 р.

Мощнѣе огнь сочтений грѣти со водою,
Мощнѣе нощ со днем видѣти, вещ странну,
Неже волну Натуру Людску отчаянну.
Скорѣе истощатся источники во морѣ,
Скорѣе непроходна во путь пойдут гори,
Скорѣе камения возглаголют стѣни,
Неже ю помилуют бога благостини:
Яко не помилуют, оттол знати треба,
Же з нея пекло тѣшится, а плачут с неба.—
...З юдолѣ веселие, з желчи не идет сладость,—
Тако и от плачу небес не спливает радост.
Слиши, Людска Натуро, слиши и смутися,
Болшим днес, неже прежде, плачем прослезися,
Яко в той темницѣ на вѣки ся мучиш,
Милости ж божой отнюд не получиш.

Вѣра.
Кто ти, о безумнѣйший, сие неистово
Ко Натурѣ Чловѣчой глаголеши слово?
Надежда.
Кто ти на вѣк оную во тмѣ затворяеш,
А божию от ней милость удаляеш?
Отчаяние.
Вѣчну Людской Натурѣ погибел мя знайте,
Имя Отчаяние мое нарицайте.
Вас же триех, кто есте, рцѣте, вопрошаю.
Милость божа.
Аз ти за обоих тѣх сама отвѣщаю:
Если Людской Натури помощ поне з нами,
Бога помощника ей крѣпка имами.
Отчаяние.
Кто ест уже погибшой помагати смѣя?
Милость.
Аз, Милость божа!
Вѣра.
Аз, Вѣра!
Надежда.
Аз, Надѣя!
Отчаяние.
Затикаю ушеса: вѣтр, смѣх — вашѣ гласи:
Згибшой не поможете во вѣчние часи.
Ти, Вѣро, ти, Надеждо, грѣшной не поможеш;
Ти же, Милости бога, як помощи можеш?
Гнѣв божи, Истинна, Суд, Декрет правосписний
Изгнаша ю з рая на вѣк во край тѣсний.
Егда една тим чтирем можеш одолѣти?
Ужасно ест самому з многими ся прѣти.
Милость божая.
Что ти, Отчаяние, празно глаголеши?
Божей моей Милости почто небрежеши?
Вижд: Гнѣв божий укрочу, Суд умилоствую,
И с тѣми же угожду Декрет и сказую;
Видиш, что свѣт солнечний на ввес мир сияет,
Так и Милость божая всѣм ся подавает.
Аз изведу з темници плачливую душу
И, да ю помилует, бога сердце взрушу.
Отчаяние.
Нѣст мощно ти, Милости, сего сотворити:
И сам ся себѣ бог будет противити.
Милость.
Нѣст мощно по твоему мниманию злому,
По божию же мощно разуму благому.
Вѣришь ли речениям моим, Вѣро?
Вѣра.
Вѣру!

Милость.
Прийми крест — знамение твое, вѣри мѣру.
Ти же, Надеждо, что ко сим?
Надежда.
Ей-ей, ся надѣю.
Милость.
Прийми ж и знамение — мою котву сию.
Стойте, Вѣро, Надеждо, непоколѣбими,
Крѣпко утверждени знаменми своими,
Вѣруйте, надѣйтес моему обѣту,
Иж Натура Людская прейдет з тми ко свѣту.
Отчаяние.
Юж сут тия глаголи: грѣшница во свѣтѣ
Из темници отшедша не будеть ходити.
Милость.
Горѣ та знамения ваша поднесѣте,
Амалика лживаго скоро побѣдѣте!
Cadat hic Desperatio [1].
Вѣра.
Побѣдихом, Милости, лжива супостата!
Милость.
Тецѣмо ж торжественно пред темнична врата!
Там Натура Чловѣча знамение прийметь,
Же ю избавление з темници изимет.
Eant ad carcerem [2].
Милость.
Чловѣчска Натуро, сѣдящая в сѣни,
Даю ти, Милость божа, розгу от милостини —
То тебѣ знамение от будущой жизни.
Вѣра.
Вѣруй!
Надежда.
Надѣйся!
Милость.
Внийдеш до райской отчизни!
Натура.
Вѣрую, надѣюся, иж внийду о бозѣ,
Твои же, о Милости, лобизаю нозѣ.
Хор
оглашает милосердна быти бога над Натурою Людскою.
О кто ж исповѣст, як есть бог богати
И во милости и во благодати?
Людской Натурѣ, яже днес отпаде,
Днес милость даде,
Преврати гнѣв свой во любов велику,

[1] тут Відчай падає [2] ідуть до в'язниці

Божію Милость посла к человѣку;
Нинѣ юж кипит огнем любвѣродним,
Не гнѣвохлодним.
Свѣт — бог правдивий во своєю дѣлу
Уѥодобися солнечну свѣтилу:
Яко бо солнце заход и всход мѣет,
Так и бог дѣет.
Зайде он тогда, егда разярися,
Взийде же нинѣ, гди уласкався;
Людску натуру облиста свѣт в нощи
Божой помощи.
В плачи, Натуро, не пребуди косно:
Восия ти бог — солнце свѣтоносно;
Тое развѣет твоя непогоди
Слезния води.
Богат во благости, боже достовѣрни,
Отчаянием лживим неизмѣрни,
Безчислена тя во милости знаем,
Пѣснѣ ти спѣваем.

АКТ II

СЦЕНА 1

Злост Люциперова, слишащи милосердие божие над Натурою Людскою оглашенное, паки ярится и гласит Неволю, да Натуру Людскую предаст в работу фараонови.

З л о с т.

. . . . . .

...Добрѣ же ти свобода внийде в моя слухи,
Блюсти ю крѣпко буду пекелними духи.
Нехай здѣ и вся сили небесния прийдут,
Без успѣха, без слави со встидом отийдут.
Тяжко ест желѣзними ужи обложенна,
Но тяжчайшими будет окови язвленна;
Яростію Неволи распалю состави,
Немилостію разжу вся ей злия нрави.
Неволя фараону, египетску пану,
Даст Натуру, в юдеях лютому тирану;
Тако будет на вѣки тажко работати:
Увижду, кто ю дерзнет от уз свобождати.
Неволе! о Неволе! Другине любима!

Злост гласит Неволю; Неволя приходит.

Н е в о л я.
На что мя глашаеши? Стою пред очима.
З л о с т.
Молю тя всеусердно: се сотвори дѣло,
О нем же ся все пекло возрадует зѣло.

Н е в о л я.
Кое? Повѣжд, да знаю: сотворит готова.
З л о с т.
Хощет Натуру Милость свободит Егова;
Но ти намѣреную препни сию волю,
Во образѣ юдейском возми ю в неволю...
Н е в о л я.
Рада повелѣное сотворю воскорѣ;
Не воздвигнет Натура очес своих горѣ.

СЦЕНА 2

Спящу фараонови Фортуна является, предсказующи власт имѣти над Ізраилем, з чого фараон возбуждений гетманом своим тѣшится со велможи, воини и в тим [часѣ] Неволя приводит Ізраиля и в работу египтяном предает.

[Ізраїль дійсно потрапляє в неволю до фараона (сц. 2). Але бог посилає Мойсея вивести народ ізраїльський з неволі єгипетської (сц. 3). Фараон, що погнався за євреями, гине в Чермному морі (сц. 4)].

СЦЕНА 5

Злость Люциперова, видящи Ізраиля от работи фараона освобождена, ярится на Мойсея и Смерть царицу над Натурою уставляет.

З л о с т ь.
Волхв Мойсей, что я вижду, волшебними чуди
Египетски дерзну устрашити люди;
Устрашу его и аз,— пожди тилко мало,
Не будет его болшей чудо волхвовало!
Неволя Ізраиля даде фараону,
А он того во свою прият оборону.
Пожди токмо, Мойсею, пожди токмо мало:
Люд прежде ізраилский взях в руку силну
И вовергох в работу египетску зѣлну,
А он его извлече! Почекай, Мойсею,
Болш ему не поможеш мищею твоею.
Ізраил, во Египтѣ работѣ угоден,
Днес ест благодатию Мойсея свободен,—
Узрит твоя болш, Мойсею гугнивий,
Которими ся почтет благодарно дивий!
Взя Моисей с-под воскрилия фараона шати
Ізраиля: но что потом призначати
Имѣет? ли егда, чи чим? Мойсей извѣщает,
Же и Людска Натура бит свободна мает,—
Никакоже! Уставлю над нею госпожу
Смерть, посажу на престол оную, умножу
Заболест, избию вся Мосея пророки,
Возлиются от Смерти крававими потоки;
С-под области же Смерти не изийдет она

Так, як изшедл Ізраил от рук фараона.
Будет в той темници в болѣзни ридати,
Нѣкогда умирая, всегда умирати.

СЦЕНА 6

Смерть, царствующая от Адама даже до Христа, смертелними Грѣхами па престолѣ почтенна областію же пад Людскою Натурою вличается.

Смерть.
Возведенна на престол, посажденна вама,
Царствовах и царствую даже от Адама:
Той во мир воведе, и есм мира пани,
Вся конца в област мнѣ през него дани.
Мнѣ то Азия служит, Европа голдует,
Америка, Африка всегда услугует,
Всходом, югом, заходом, полнощію владѣю,
Царствия, княженія в сей длани имѣю...
...Крипкие разораю твердини и гради,
Трепещут мя мужіе старии и млади;
Младенцев яко шипков коса посѣкает,
А як травно билие старих подтинает;
Гди такие плевели терном исторгаю,
П пшеницу оную през искореняю,
Связавши в смертние потреблю гроби,
Аки в дебр огненую. Нѣсть таковий, кто би
Того мнѣ забронил смертелного жнива.
Нѣким, точию мною, свѣта зжнется нива;
Ни един человѣк моей не избѣгл власти
В пути бѣгством,— отнюд мусит мною пасти.
Скора есмь, би во концех свѣта постигнути,
Котрий би моей власти хотѣл избѣгнути;
Немаш мѣстца такого на земли и в мору,
Еже би без моего стояло дозору;
Страни вся предо мною сердцем одолѣвают,
Ни от кого тих ся сил юж не сподѣвают.
Сим страхом и Натурѣ будет сердце тлѣти,
Поки буду на вѣки землею владѣти;
Ибо Людска Натура приде в мои руки,
Аще и Мойсеом ест от египетской муки
Избавлена: владѣю и керую ею,
Господствую, як пани рабою своею.

Пиха.
Пануй, царице, на вѣк! Моя ти ест сила:
Смиряй чловѣку Натуру дозѣла...

[Тут рукопис уривається].

ДРАМА ПРО ОЛЕКСІЯ ЧОЛОВІКА БОЖОГО

(1673—1674)

ПРОЛОКГ, ПРЕДОСЛОВИЕ

Диоенес, философ, среди дня з свичою
Человѣка некгдыс (шукал)[а] меж тижбою своею
Шукал, але не знайшол: жаден не дал быти,
Человѣчим кого б мѣл гонором учтити.
Если мудрец не найшол проста человѣка,
Шукаючи посреди лукавого вѣка,
То барзѣй божиего человѣка не найдеш...
От такой вашмосцов уволняючи працы,
Алексѣя покажем ото на сем пляцы.
Тут же обачите, за якие справы
Божиим человѣком стал в небесной славы.
Будет то на пожиток вашмосцом душевны
Сей наш акт працовитый, тылко не вседневный.
Будет то и на славу (пресвѣтлому и благочестивому)[а] царю Алексѣю,
Который и в бозѣ и в святых маючи надѣю,
З неприятелем креста (христова)[а] дѣло зачинает,
Але, яко Костянтин, нигды не програет.

ДѢЯНИЕ ПЕРВОЕ

ВИДОК ПЕРВОЙ

Пѣние начинается ангелское: Слава во вышних богу!

[Ангел Рафаїл, покровитель шлюбів, дивується, чому останнім часом люди не хочуть одружуватися. Архангел Гавріїл, нагадавши про «руїну ангельську», викликану Люципером, пояснює, що число ангелів після падіння Люципера дуже зменшилось; бог і поновлює їх праведниками, вибираючи «найбарзей з достатных фамилий»].

Гаврии л.
. . . . . .
...Сын божий в двор мя сенаторский
Евфимиянов послав, у способ таковский,
Бы дал тую мысль его единачку сыну,
Абы в дѣвстве одишол албо на пустыню,
Албо гдѣ индей служит чисто богу
И просту себѣ в небо тороват дорогу:
Бо родичы женитбу ему обмысляють
И до тоей усилне его намовляють.

Рафаил.
Бог неплодства не любит; а чему ж паненство
Лѣпш себѣ поважает, нежели малженство?
Вшак то не кождая есть плодовита панна;
Одной родити в дѣвстве благодат есть данна.

[а] Слова в дужках порушують вірші, хоч вони є в рукописному оригіналі.

Г а в р и и л.
Усѣ панны сут плодны, гды панна зродила
Едина, плодство з дѣвством гды совокупила.
Плоды духовные сут то чада паненские,
Далеко досканалшыи, нежли малженские:
Бо як дух есть далеко зацнѣйши от тѣла.
Так плоды духовные лучши сут и дѣла.

Р а ф а и л.
Юже ж вижу, же тылко землю наполняет
Малженства, а дѣвство зас в небо впровожаст.
В том меншие ангелы нехай служат людем,
А мы с тобою дѣвства пилновати будем.
Ходим того паненца на то намовляти.
Дай нам, боже, щасливе почат и скончати!..

Ту ангелом, низходящим от степеней высоты, носящим цвѣты, Алексѣй им показуется в стрѣчу.

Г а в р и и л *(до Алексѣя)*.
Аще хощеши божим человѣком зван быти
И в найвышшом ангелском хору в небе жити,
Храни до смерти чистость: она есть дорога
Найпростѣйшая в небо до самого бога.

ВИДЕНИЕ ДРУГОЕ

Пѣние ангелское являетца: Святый боже! святый крѣпки! святый безсмертны! спаси люди твоя!

[Олексій наважився стати на шлях самозречення].

Юно богиня и Щастье выходять.

Ю н о.
Стой, шляхетны младенче! Злес собѣ порадил.
Будеш потом каятся, жес сам себе зрадил.
Моей почуй рады, котрую ти дат маю.

А л е к с ѣ й.
Почую; лечь кто естесь, нех вперед познаю.

Ю н о.
Юно есм потужная и славна богини,
На земной и небесной паную краине.
Малжонка есм Иовиша, наивышшаго бога;
До щастя и нещастя през мене дорога.
Я богатства, я славу, я даю гоноры;
Панские и царские в моих руках дворы:
Бо, если на цесарском кто седит престоле,
Мает кто скипетр царский, з моей то воли.
Я крѣсла сенатором, булавы гетманом
Даю; якого хочю, того чиню паном.
Дорогие кто скарбы и богатства мает,
Тые всѣ же от мене принял, нехай знает,

Не от Фортуны, яко люде звыкли правит
И Фортуну за добра и богатства славит,
И Фортуна моим то все добром шафуеть:
Що якому кажу дат, то она даруеть;
На кого я веселым оком погледаю,
На того и Фортуна: лечь на кого маю
Гнѣв, тому не поможе Фортуна ничого,
Хиба барзѣй зашкодит и вчинит що злого.
Парыс троянчик, знаеш, щасливым был поты,
Поки моей дознавал ласки и охоты;
Леч скоро мя на себе розгнѣвал за тое,
Же Венеры присудил яблъко золотое,
Не тылком Фортуну от него отвернула,
Лечь и самую Трою в попел обернула,—
От Венеры помочи не мѣл никоеѣ.
Если бы был рады послухал моеѣ,
И облюбеницу б мѣл собѣ ведлуг воли,
И не згинула б его отчизна николи.
В далекуюм зашла рѣчь. Понехавши тую,
Едным словом правдивым тобѣ обецую
Богатства и гоноры и роскоши дати,
Тылко не хтѣй, млоденче, свѣта покинути.
Ты родычем едина утѣха и слава;
Оставиш их в старости,— чи пенкна ж то справа?
Славный их дом без тебе прудко ся обвалит,—
Азали ж тобѣ хто той учинок похвалит?
Перестан тоей мысли, а заживай свѣта,
Маеш власне потому молодые лѣта.
Ото до всѣх роскошей стелю ти дорогу!
Ходи по ней, а будеш мѣт утѣху многу.

Ту Юно богиня дорогу стелет ковр Алексѣю до сует мирских.

То от мене певную обѣтницу маеш.
А ты, Фортуно, к нему з чим ся одзываеш?

Щ а с т ь е.
Надто юж не треба больш, щос обецала,
Гдыс му до всѣх роскошей дорогу услала,—
Нехай заживает щасливе в покою.
Тых нехай заживает щасливе в покою.
Я зас в марсовом ему прислужуся бою,
Бо ежели где яко на пляцу марсовым
Щастя тому треба, хто хочет быт здоровым.
Нехай станут жолнѣров, добре узбройоных,
Незличоные полки,— ничого по оных:
Если мене, Фортуны, при собѣ не мают,
Латво на пляцу мертвым трупом полегают.
А зас при котром ся я рыцерству поставлю,
Тому з неприятелей значный триумф справлю.
Тому з неприятелей значный триумф справлю.
Юж то правду мовлю, в том абыс ми дал вѣру,
Обач, що валечному тому кавалѣру

«Суета суетствій». Гравюра з видання: «Ифіка іерополитіка», Львів, 1760 р.

Тимофеушу справлю: спит он, леч я чую;
Успокоился он, я за него воюю.

Ту Тимофѣй Афинскый па телѣги спячи показуется.

Котрых бы мѣл провинцый през меч добывати
И в небезпеченство ся для них удавати,
Тые я доброволне до него скланяю
И до сѣти их, яко звѣрят, заганяю.
Провинциѣ! до сѣти сееѣ ступайте,
Тимофеушу, яко пану, поклон дайте.

З е м л я Б е о ц і я.
Беоция краина тобѣ ся скланяю,
Тимофеушу! тебе собѣ пана знаю,
Под твоею рукою буду зоставати
И цале тобѣ, яко пану, голдовати.

П р о в е н ц и я Л а ц е д а й м о н я.
Я Лацедомония, котрая за пана
Пред тым тя не знала, днес есть поддана;
А жем ся дотол твоей власти спротивляла,
Прошу, абым за то наметы от тебе не мала.

З е м л я Е в в о н и я.
Под твою власть и мене, Еубоею страну,
Приймн; вѣрне ти буду голдовати, пану.

Ту Тимофѣй з очей людских взятый.

Ф о р т у н а.
Видиш, щасте поткало от мене якое:
Тимофеуша? Будет и тебе такое:
Всегда правица твоя мечем то докаже,
Же всяк твой неприятель от него поляже;
Жадна противу ти стать не возможе страна,
Овшем вес свѣт знат будет тебе собѣ пана.
Певную обѣтницу то от мене маеш,
Котрую ежели ни во что вмѣняеш,
А от мира цале ся мыслиш удалити,
По ним же модно ся будеш на тое болѣти.
Ото до всѣх роскошей маеш пут пространный,—
Ходи по нем безпечне: бо тобѣ посланны.

Ю н о.
Досыть му юж правити; отпдем, Фортуно.

Ф о р т у н а.
Учини ж, як радила тобѣ я и Юно.

Ту Юно богиня и Щастье отходят, и пѣсни стаются.

А л е к с ѣ й.
Що мнѣ чинит? Возму я раду собѣ ину,
Першую предсявзятя безмал не покину:
Бо не добре, як бачу, родичев оставить
И, в далеки одшедши страны, там ся бавит
Так молодому: будет велми то жалосна,
Сенаторскому сыну нищета незносна
Буде; юже ж, хоч ми кто нестаток признает,
Пойду тым путем, котры свѣт мнѣ поставляет.

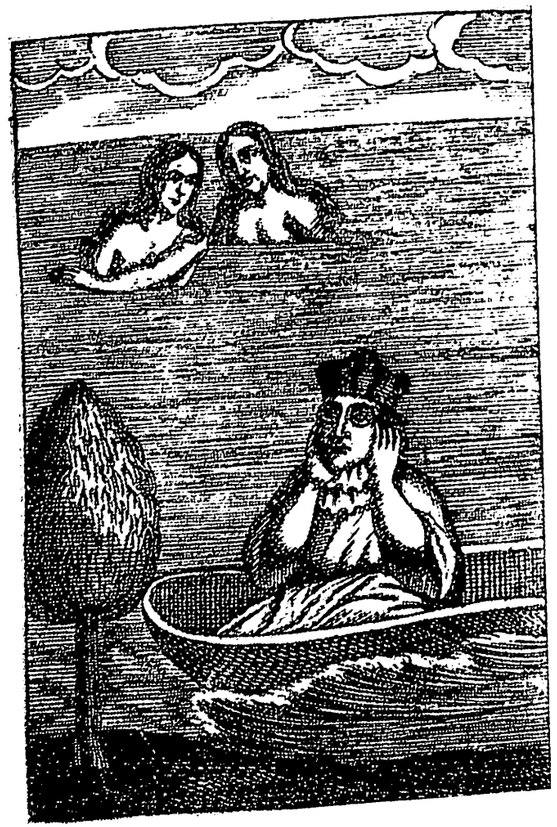
Ту Алексѣй поступает на ковр...

В и р т у с (*ад Алексим*)[1].
Алексѣй! стой, Алексѣй! назад оглянися.
Жал ми тебе, младенче! Злес пошол, вернися!

Чистота терние и лилию руками посит.

А л е к с ѣ й.
Ты кто естес, панно? Що на мене волаеш?

[1] Virtus ad Alexim — Чеснота до Олексія

«Сирены міра сего». Гравюра з видання: «Ифіка іерополитіка», Львів, 1760 р

В и р т у с.
Цнота естем,— азали ты мя не знаеш?
И не див, же не знаеш: бо́м тылко самому
Тепер богу знаема, а з людей никому.
Тепер тылко честь маю у бога самого,
А у людей зас естем власне як що злого;
Ниякие же богини перед себе ставят,—
Юнону и Фортуну, тых высоце славят,
Як бы то од ных добра и богатства мают
Безумные людие; чем того не знають,
Же богатство и слава, долгота лѣт многа,
Все то есть от самого наивышшаго бога.
А не от якоис там вымыслной Юноны:
Бо то сут поганские тылко забобоны.
З Тимофеуша маеш на то приклад явный:
Тимофеуш гетман то был и рицер славный;

Той же звитяжил краин много, за ту справу
И одвагу заробил на вѣчную (од вас) славу.
Инши же доказат того не зумѣли,
Так змыслили, бы его славу затлумили,
Же то ему спячому всѣ краины тые
Фортуна в сѣти значила[1], звитяжит котрые.
Ово ж видиш, иж то все люде вымышляють,
А Фортуна сам бог есть, леч его не знают;
Всѣх роскошей дочасных всѣго свѣта пильнуют,
Всѣ пространным тым путем охочо вандруют,
Котрым и ты, як вижу, пойти замышляеш.
Жал ми тя: неуважне собѣ починаеш.
Обачь тылко, куды той ведет пут пространный,—
Ото в пагубу и в огнь, злым уготованный.
Ту зми рот роззявит и дым испущаеть.

А л е к с ѣ й.
Велми тобѣ дякую, Цнота, богу мила,
Жес ми от пагубного пути отвратила
Яки же пут, скажи ми, провадит до бога?

В и р т у с.
Узкая и прикрая к нему есть дорога,
Тую пред тобою ото постилаю,
Ту тѣсны пут Чистота с терпия стелеть Алексѣю, котрый до неба ведеть.
Ходи по той дороге, тя напоминаю.
Рожа, знак дѣвства, межи тернием ся родит;
Дает то знат, иж по сей кто дороге ходить
Тернистой, то цвѣт дѣвства цѣло сохроняет
И межи ангелские хоры ся вселяеть,
С которыми ежели и ты хочеш жити,
Не слухай мира, а хтѣй при мнѣ, Цнотѣ, быти.

Н и щ е т а у б о г а я.
И я признаю, же всѣх на небо возводить
Цнота, хто колвек тылко в слѣд за нею ходит.
Леч при цноте и много погаржат не треба
Убозством, бо и мнѣ есть простый пут до неба.
Сам бог мною не згордит, будучи царь славы:
Пришедчи на свѣт, не мѣл гдѣ приклонит главы;
Богат сый, так обнищал, же царские дворы
Минувши, народился в быдлячой оборѣ.
Дал то бог з себе приклад, абы надгледѣли,
А мною, Нищетою, люде не гордѣли.
Якож имѣлам любов перед тым у многих,
Полно было на свѣте для Христа убогих;
А тепер, як що злого, всѣ мя ненавидят...
Иншие пред ся цноты и людей мѣсца мают,
А мене ся, Нищеты, цѣлком всѣ цурают.

[1] знадила (пол.— znęciła)

Юноша ангелский досыт мѣл двѣ цноты,
А до убозства не взял, як жива, охоты
И совершенства не хтѣл приняти от бога,
Были бы стяжания не утратил многа:
Бо совершенным господь того называет,
Кто при цнотах в волном ся убозствѣ кохает;
Прето и ты, если быт совершен желаеш,
Остав всѣ достатки, которые маеш,
А живи во мнѣ, нензном убозстве, на свѣте:
Будеш на небе многа сокровища мѣти.

[Олексій вирішує зробитися вбогим і, покинувши батьківську оселю, піти в чужі краї].

ВИДѢНИЕ 3-е

[Евфіміан висловлює бажання одружити сина і, пославши по дружину Агляїс, радиться з нею про наречену. Покликавши Олексія, довго переконують його одружитись; він, нарешті, погоджується. Батько і мати виходять, щоб приготувати все для весілля. З'явиться архангел Михаїл і умовляє Олексія повернутись до попереднього наміру].

А л е к с ѣ й.
Поневаж же так, иж смерть не глядит никого,
Влечет до гробу ровне старого и малого,
Шкода ж в марных роскошах бавится на свѣте,
Треба о спасениї все старане мѣти.
Юже ж тепер правдивым обѣцую словом,
Же трват буду до смерти в житиї суровом,
А богатства и гонор, о котром ми правят
Родичи, кому хочут, тому нех оставять.
А що мнѣ уготують малженское ложе,
Шкода их и заходу, бо то быт не може,
Бым, дѣвство оставивши, жил в малженском стане:
Юж и в дому не буду жить, леч в чужой стране.

Играние свадбы.
Рѣчь, взывающея на свадбу.

Велможный его мосць пан Евфимиян, сенатор рымский, маенц особливой ростропносци[1] и годносци[2] ве вшитким панстве рымскем заволани[3], майонц[4] единего сына собе наймилшего Алексѣя, з которего в своей старосци подпоре, в ченсцу оздобе, в несченсцу поцехе, своей славней фамилией помножене мець жадаонц, тераз[5] за ласко божа, акт ему свентего малженства веселный справує, на который вашесцов моих велце мосци панов покорне запроша.

С л у г а д р у г о й Е в ф и м и я н о в (*в худшом платию зовет мужиков на свадбу*):
И вас, мои гречные мужеве, покорне
Пан Евфимиян просит усѣх невыборне.
Выставити вашмостям мает бочку соли

[1] розважливості [2] гідності, сану [3] славетний, знаменитий [4] маючи [5] тепер, зараз

И самой оковитой бречки[1] дасть до воли;
Будет там и твердой головицы[2] полно:
Хто чего схочеть, того зажит будет волно,
Лиш не будте отмовны, да таки прийдѣте,
А панскою прозбою его не гордѣте.

М у ж и к п е р в о й.
Уховай боже, чтоб мы прозбою гордѣли,—
Ставимося[3] до ёго милости по фили[4].
Ознайми вашмость, нехай пан ся прибираеть,
А нас к собѣ запевне нехай сподевает.

По отшести слуги, зовущего на свадбу, той же

М у ж и к п е р в о й.
Вакуло, братче, ходи! и ты, Селивоне!
Скажу вам щос, ходи лиш и ты, Харитоне,—
Иж господь бог веселе дал Евфимияну,
Сенатору рымскому, а нашому пану.

М у ж и к д р у г о й.
А що то за веселе Евфимиян чинит?

М у ж и к п е р в о й.
Алексѣя, милого сына свого, женить.

М у ж и к т р е т е й.
Боже ж ему помагай! Дай боже час добрый!

М у ж и к ч е т в е р т о й.
Дай боже, чтоб и сын так быв, як батко щодры!

М у ж и к п я т о й.
Ой, ну пак уже батко зраилтянин правый,
Никого не засмутит, всѣм есть ласкавый,
Досыт есть пан сенатор, и слуг мает многих,
А властиве як батко до всѣх есть убогих:
С убогими то ему и зѣсти и спити.
С того можемо его ласку зрозумѣти,
Гды и нас велце на веселе запрошает.
Напитку вшелякого достаток дат мает,
І вы пак може чули, як тут голосили
Его слуги, а нас всѣх покорне просили?

М у ж и к 6-й.
Нѣт, бачитца, не чули; я, правда, быв з дому
Отгодився, ходив там в луг по солому.

М у ж и к 7-й.
Уже ж я чув; мнѣ вѣрте, я муж однословный,
Я вже і обецався не быти отмовный,
Да й вы й зо мною пойдѣте: людей повидаем
Да и з сенаторами собѣ погуляем.

М у ж и к.
Гаразд, першей же еще по домах пойдѣмо,
Да и инших с собою сосѣдей звовѣмо.

[1] браги [2] вид браги [3] з'явимося [4] за хвилину, незабаром

Да хто курку озмемо, хто пирожков пару,
И то Евфимияну понесем в подару.

Мужик 1-й.
Добро велми то мовиш. и я так вам ражу,
А сам вас на веселе я и поправажу.

Ту Евфимиян покажеся радостен на свадбе сына своего.

Евфимиян.
Рад естем и весел, же ми дал бог дочекати
Веселны акт сыну моему справовати!
Будте веселы і вы, охоче гуляйте.
Музыки! Вдарте в струны, охоты додайте!

Ту цымбалысты и скрыпки играють; потым мужики на свадбу к музыкам приходять и пьют и играють.

Мужик 1-й.
От уже й цынбалы на веселе играють,
В час идѣмо: уже нас давно гдес чекают.

Мужик 1-й *(до Евфимияна рѣчь говорить)*:
Челом, добродѣю наш, сенатору пане!
Нехай в твоей домовце все доброе стане!
На прозбу твою отмовны быти не хтѣли,
На веселе смо к твоей милости поспѣли,
Осе ж прийми и сию курачку, котрую
На господарство твоему сыну охвѣрую.

Мужик другой.
Я хлѣб тобѣ приношу, пане добродѣю,
А верецѣи[1] болшей говорит не вмѣю.
А ты живи здоров с сыном и с приятелми всѣми!
Дай боже, щоб и сын твой был сенатор в Рыме!

Мужик 3-й.
Пане Евфимияне! и я, твой подданый.
З хлѣбом к тобѣ прихожу на веселе званы;
Тое от мене завдячне рач, пане, приняти,
А на болшое, прошу, не хтѣй дивовати.

Мужик *(утку носить)*.
Ос и я, добродѣю, пане сенатору,
На веселе приношу уточку в подару,
Да зычю, чтоб дал ти бог щасливе скончати
Се святы акт, котрый рачилес почати.

Мужик *(яблоки носить)*.
А я уже яблочки приношу вашети:
Прийми их, добролѣю, здадутся наветы.

Ту Евфимиян до мужиков рѣч говорить.

Евфимиян.
Дякую вам, мужеве; рад естем вашмостем.
Слуги! дайте стол в ызбѣ столовой тым гостѣм!

[1] промови

. . . . . .
А тепер кождому з них по тавални[1] дайте.

Ту слуги дают полотенца мужиком, которым сѣдают у стола.

Мужики.
И мы ся подарками и сими кунтуем[2],
И вашей панской мости велце денкуем.

Евфимиян *(до мужиков)*.
Рачте ж собѣ в столовой избѣ посѣдати.
Кажу я там всякого напитку вам дати.
Слуги! вынесѣте им стол, заславши коберец[3].
Дайте преднего трунку им скилка ведерец.

Ту стол на игралище поставлен. Ту слуга другой стулы носить.

Слуга.
Панове мужеве! тут изба столовая,
Жадных в собѣ николи лав не мает тая.
Овож вам крѣсла его милость высылает,
А инший пан и доле нехай кто сядает.

Мужик.
И мы, наш добродѣю, не пышные люди,
Хорошое нам мѣсце тут и доле буде.
Ось я перший на земли гречи[4] собѣ сяду
Да и ноги звѣшаю; сяд тут и ты, дядю!

Слуга.
Осе же и напиток вам, мужеве, выносим,
Од пана сенатора и на той вас просим,
И сам пан Евфимиян просит вас на тое.
Будте веселы, тепер веселе святое.

Мужик 1-й.
Почни ж сам, паниченку, щоб и мы посмѣли
И лѣпшую охоту напитися мѣли.

Слуга *(мовит: «Барво добре!»)*.
— Пану Евфимияну нехай лѣта многа,—
Зычю его милости всѣх добр от бога!
Дай боже, щоб дочекал он з сына потомства
На помножения своего зацного домовства!
А вашмость щоб потѣху з своих дѣток мали,
Щоб они вас в старости кием подпирали!
Нехай ваши волики, козки, козенятка,
І ввес статочок здоров и егнятка!
З ними і вы здоровы! Того вам виншую,
А пью заздоровною до вашмости сию.

Мужик.
Дякуем, паниченку, що добрым здоровем
Повинчовал еси нас і всѣм поголовем,
Суди ж боже нашому пану Фимияну
Сынка своего бачити в малженскому стану!

[1] по рушнику [2] задоволені [3] килим [4] добре, як слід

Ос веселився на вѣк зо всеею
Панскою фамилѣю зацною своею.
За здоровечко ж его милости сповняю
И отждужать випити...

С л у г а.
Ласкавы ж будте, уже сами ся частуйте:
Я мушу пойти к пану; прошу, не здивуйте!

М у ж и к.
И будемо и сами, коли есть що пити.
Здоров, Зѣнку, к тобѣ пью, щоб ты жив на свѣте!
Але ж добры напиток, щира малзамѣя![1]

М у ж и к.
Чи диво ж у такого пана добродѣя?
Господи ж благослови! Ос и я скоштую:
Здоров, куме Свирид, к тобѣ охверую.
А не жартом, же добры зараз ся почувся.
На, да не духом пий, щобес не заслынувся.

М у ж и к.
Але ж добры напиток! Не выпю я много,
Бо и молодиком не пивав такого.

М у ж и к.
До вечера, як бачу, вы ся честовати
Сами лиш будете и собѣ росправляти,
А до мене то черга колис прийти мает?
Нахилю ж я из цебра, нехай хто звягает.

Ту мужик из шата пьеть.

М у ж и к.
Да тамся, стары, що тобѣ приступило?
Напиток власне огон, а так жереш смѣло!
Ед зараз тебе кинет, що отсюл не трапиш.
От уже черга пришла: здоров! Що ся квапиш?

М у ж и к.
До мене вже пий, уж у ему очи
Посоловѣли, власне як у поторочи.

М у ж и к.
Добре наш старый почав. Що маем ся бавит?
Озмем з конвы нахилят; пан еще поставит.

Ту вино мужики всѣ из шата пьют.

М у ж и к.
Да тямтеся, щос то вам нелапшое стало,
Коли ж еще напитку вам гетого мало!

М у ж и к.
Мало, ой мало! булш! Треба не зват было;
А келиш мнѣ цебер, ос еще напьюся.
Ой, хоч стар, да молотчал, не хутко звалюся.

[1] мальвазія

За добре здорове пана Фимияна! многа лѣта!
Пойте всѣ: многа лѣта! пуйте голоси[те]!

А ту всѣ рекут: «Многа лѣта!»

С л у г а.
Змилуйтеся, мужеве! Спокойне гуляйте!
Тепер пан обѣдает, не перешкожайте;
Зараз и вашим милостям обѣд дати маеть;
Тепер паштеты з столу свого присылает:
Тым перекусѣт собѣ, а напотом пийте.
Тылко, прошу вас, болшей, як волки, не выйте.

М у ж и к.
Уже ся мы, паничу, напитком кунтуем,
А обѣду не хочем и не потребуем.
Пойди ты от нас пану поклонися гречне,—
Хочут мож выскочити мужеве конечне.
Нехай нам тута каже цымбалом заиграти,
По чом же будем его и веселе знати.

М у ж и к.
Аковотее[1] мы коли б скоштовали.

М у ж и к.
Тху, пек вам,— як собаки усе похватали!

С л у г а 3-й *(до Евфимияна рѣч говорит)*:
Велможности вашой свой поклон пресылають
Презацные мужеве, да цымбал желают.

Е в ф и м и я н.
Барзо добре; нехай до них музыки поспѣшат,
Ачей и нас мужеве танцом своим утѣшать;
И ты, ежели хочеш, туды ж завернися,
Перед ними наперед пойди, не ленися.

С л у г а.
На росказане вашей велможности учиню тое,
Выйдите, музыки, за мною.
Осе ж вам и музыку пан наш высылает,
Выскочте собѣ гречне, нехай вам заиграет,
А я перед поведу, на мене ж глядѣте:
Як я буду танцоват, так и вы скочите,

Ту танцовати будуть.

Танцуйте уже сами, заваже не хочу.

М у ж и к.
А вже ж як знаеш; я попереду скочу.

М у ж и к.
Пойти, бачу, и собѣ, туды ж поскакати;
Ходи зо мною, будем наперед ступати.

Ту мужики с собою перегаваривают.

[1] оковитой

Мужик 1-й.
От, поганые сыны, перешли дорогу!
Ад я вам которомус переломлю ногу.
Мужик другой.
Е, от пак пришли збоку,
Да перебилї строку.
Мужик.
А кого то ты, старый псе, так зневажаеш?
Який ты венат, що нам ноги ломат маеш?
Мужик 1-й.
Ос такий, сюда лишен подай мнѣ чуприну.

Ту цымбалисты от мужиков прочь идуть.

Мужик 4-й.
Чи гак ты почав? стуй же лиш, собачий сыну!
Осе ж и у мене руки есть.

Ту свар и битва всѣх мужиков стается; посля мужик 5-й будто иных менше пьян, мирит их.

Мужик 5-й.
За якую вы трясцу бьетеся? Да стойте!
Принамне сенаторскиї двор сей пошануйте:
Що хто кому есть винен, до пана пойдѣте.
Сами ся не перечте, там ся розсудѣте.

Ту всѣ мужики кричат и отходят с позорища. Ту, по отходѣ мужиков, мужик 5-й от людей прощение просить.

О дав бы вам золы пит, а не малзамѣи!
Якой наробили онѣ голосѣи!
Хмел — не вода, як кажут. Панове! пробачте,
А на их пьяных за то дивоват не рачте!

Конец игралищу первому.

ВИДОК ЧЕТВЕРТОЙ

Выходить Алексѣй: оставивши дом родителей и жену, пойшол прочь.

[Зустрівши жебрака, Олексій міняється з ним одягом і радить йому продати одяг Евфіміану. За порадою архангела Уріїла поспішає «во Мезопотамию до Едеса града». Прибувши до Едеса, молить діву Марію про підтримку].

ВИДОК ПЯТИЙ

Ту виходит Евфимиян плачливый.

[Засмучений Евфіміан нарікає на свою долю й розповідає, що син «пас рицерский и перстен свой давши невѣсте, пошол от ней з ложницы чист без жадной вѣсти, пошол таемне з моего отцевского дому». Сум Евфіміана збільшується, коли він бачить Олексіїв одяг, принесений жебраком. Слуги потішають Евфіміана. З'являється Агляїс і виявляє свою тугу голосінням. Евфіміан посилає слуг із жебраком шукати Олексія].

ДѢЯНИЕ ВТОРОЕ

ВИДОК ПЕРВОЙ

[Гопорій, цесар римський, розмовляє з боярами і думним дяком про підозрілу поведінку свого опікуна й наказує покликати Евфіміана, щоб з ним порадитись. Евфіміан «плачливый к цесару выходить» і розповідає про своє горе. Гонорій і бояри вислювлюють Евфіміанові співчуття. Гонорій обіцяє послати по всьому світові придворних і «килка рот добрых жолнѣров и збройных» шукати Олексія. Евфіміан дякує цесареві].

ВИДОК ДРУГОЙ

Ту выходять слуги: пят цесарских, а пят Евфимияновых в далекие страны искати Алексѣя.

. . . . . .

Слуга первый цесарский.
Далей отсюду, далей поступаймо,
От того еще жебрака спытаймо.

Ту сказуеть Алексѣя нищего, сидящего перед образом пресвятой богородицы. Ту слуги всѣ сошлис до Алексѣя; его не познавши, вопрошают его, не видал ли Алексѣя:

Слуга первой цесарский.
Буд здоров, старче! Так тебе витаем.
Скажи нам, о чом, тебе запытаем:
Чи не видѣлес панича якого
В шатах коштовных, в лѣтах молодого?
Был сенатора сын Евфимияна,
Заволаного в римском панстве пана.
Той панич пошол з отцевского дому,
Не знат куды, не сказался никому.
Алексѣй.
Нѣт! Не видал панича такого.
Слуга другой цесарской.
Чи не слышалес же о нем от кого?
Алексѣй.
Яж бо не знаю, як его и звано.
Слуга первой цесарской.
Алексѣй имя ему было дано.
Скажи, еслис чул: будеш плату мѣти.
Алексѣй.
Нет! не слышалем; на що ж бы таити?
Слуга третей цесарский.
Далей пойдѣмо: даром ся тут бавим:
Юж вижу, тута ничого не справим.
Слуга первой цесарской.
Даймо ж мы сему жебраку алмужну[1],
Здасться то ему на потребу нужну.
Слуга первой Евфимиянов.
Даймо и мы: нехай за нас молит бога,
Же бы щаслива нам была дорога.

[1] милостиню

Алексѣй.

Миле из рук ваших елмужну примаю,
Щесливой вам дороги сприяю.

Алексѣй встал.

Боже! хвалю тя, жес им не дал мя познати,
И сподобил мя от слуг елмужну приняти!
Даждь ми по вся дни стале в сей нищетѣ трвати.

Ту игралище.

ВИДОК ТРЕТІЙ

Ту Невѣста Алексѣева вышла плачлива.

Алексѣева же естем, не таюся,
Облюбеница; але признаюся,
От Алексѣя же есм посрамленна
И оставленна.
Найславнѣйшими меж паннами всѣми
И найщасливша былам колис в Римѣ,
Бо з дому естем царска урожона,—
Тепер згоржона.
Сенаторские не тылко сынове,
Але ксенжента и славны панове,
Абы мя собѣ за невѣсту мѣли,
Сердечне хтѣли;
Але усѣм тым сталем ся отмовна,
Бо мысл моя к ним была нелюбовна;
До Алексѣя серце мя склонило,
А тым вчинило
Мнѣ облюбенцом его укоханным,
В союзе любвѣ, нет, нерозорванным:
Обецывалем з ним жити до смерти
В том и умерти.
Он взаем словом шлюбовал стократным
Приятелем мнѣ быти доживотным;
Лечь тому не стал паном своему слову,
Отминул мову.
Так же то в гебе милость мѣсце мала,
О Алѣксѣе, и так была трвала,
Же ю отменил без жадной причины
В едной годины!
Чи на то ж тобѣ за невѣсту дана,
Же бым от тебѣ была ошуканна?
Был шлюб, быс живот зо мною провадил,
А тыс мя зрадил.
Причину того знати бым хотѣла,
Для чого тобѣ сталем ся немила.
Хиба жем смѣла к тобѣ любов мѣти,

С тобою жити?
Ежели тобѣ дѣвство было мило,
Серце твое чем не ознаймпло?
Жила б с тобою до смерти чиста
Твоя невѣста.
Ах! нихто мнѣ не хотѣл порадит,
. . . . . .
Иже мѣл мене напрасно оставйт,
Смутком набавит!
Пас и перстен свой гды мнѣ давал в руки,
Не моглам тое зрозумѣти штуки,
Же для памяти дал мнѣ знаки сие,
Абым на тые
Глядячи, всегда его вспоминала,
А тым болши жал в серцу своем мала,
Яко ж и так есть, же по нем не в малѣ
Естем печали.
И з жалю сама хтѣлам за ним гнати,
Задержаламся, же его шукати
Цесар и отец слуг своих послали:
Тые азали
Где его знайдут, так ся сподеваю
И на их поглед миле выглядаю.
Давно посланы, а чемус бавять,—
Чей добре справять.

[Слуги царські, повернувшись, повідомляють про невдачу шукання].

ВИДОК ЧЕТВЕРТОЙ

[Сумний Евфіміан жде слуг, його кличуть до цесаря. Повертаються слуги Евфіміана і сповіщають, що всі розшуки лишилися марними].

ВИДОК ПЯТЫЙ

Ангел Уриил Алексѣя человѣка божия людем обявляеть.

Алексѣя божого человѣка знайте!
До него ся в потребах своих утекайте!
До него ся в потребах своих утекайте!
Бо хто до бога его о причину просит,
Той великую ласку от бога односить.
Так абовѣм далеце бог в нем ся кохаеть,
Же своим человѣком его называет,—
А то за его цноту и милость к богу,
Же узкую обрал себѣ на свѣти дорогу.

Два из рядовых людей пришли ко Алѣксею, вспоможения просячи.

Первой *(прошаеть)*.

Знаю, же естес ты муж благочестивый
І велми, вижу, до бога горливый;

Прето хтѣй о мнѣ бога помолити,
Же бым я в добром могл здоровю быті,
В своем абовѣм здоровю шванкую
И барзо часто смертелне хорую.

Другой *(просячи)*.
И я тя быти мужа свята знаю,
Прето покорне тебе упрашаю:
Молитвы о мнѣ творити изволи,
Абым был в небѣ по земном подоле.

Алексѣй *(до них отвещаеть)*.
Я и сам абым был в небѣ, дай боже!
Лечь, если моя що у бога може
Молитва, буду ей к нему возсылати,
Абы вам, що потреба, все то рачил дати.

По отшестии просящих.

. . . . . .

Вижу, же мене тута люде познавають,
Прето чим прудшей где индей отсюду:
Там, никому не знаем, богу служить буду.

Алѣксей *(смотря на Рим)*.
До Риму, бачю, тая дорога провадить;
Лечь до него мысль моя мнѣитти не радит.
Одно ж пойду там, прикрым жеб не быть никому,
Буду я жить незнаимо в отцевском дому.

Евфимиян *(от цесара возвратився)*.
Великую з цесарем справу есмо мѣли,
Але тую на инши час мы отложили,
Бо знат дано, же мои слуги в Рим поспѣли;
Для того смо з цесаром бавится не хтѣли;
Йду к ним; що ти скажут доброго, почую,
И Алексѣя з ними быти обецую.

Алексѣй *(пришол до Евфимияна, отца своего, и так до него рѣчь говорить)*:

Велможны мосци пане! слышалем, же маеш
Милость к убогим и их в свой дом приймаеш,
Особливе которые пути отправують,
Христа ради по розных краинах странствують.
Рачь и мене, пелгрима бѣдного, приняти,
При дому твоем нехай мѣсце буду мати.
Ежели хто из твого роду пелгримуеть,
Нехай его бог хранит! Нехай он здравствует!

Евфимиян *(отвещаеть)*.
Маю сына пелгрима. Нещасна година!
Где тепер естес, моя потѣхо едина?
Тобѣ при моем дому позволяю житі,
Особливого слугу будеш собѣ мѣти.

а Пропуск у рукопису.

Алексѣй.
Жес мнѣ ласку показал в сей моей потребѣ,
Да воздасть тебѣ господь за тое мзду в небе!
Позвол же в дому твоем мнѣ будку вчинити,
Бым в ней якую колвек могл выгоду мѣти.

Евфимиян *(до Алексѣя)*.
Став кущу в дому моем! Будеш мѣти выгоду
Ты ему служити, завше дам ти нагороду.
Теперь тебе до своего запрошаю столу,
Бо и завше зо мною будеш ѣсть посполу.

Алексѣй.
Не могу у твоего столу я бывати:
Если ласка, тут мнѣ рачь хлѣба присылати.

Ту Алексѣй хижину себе устроил.

Евфимиян *(до слуг своих)*.
Слуги! от мене назад ся вернѣте,
До столу моего убогих звовѣте.
Пелгриме! чого треба, до мене мѣй слово,—
Все, що треба, будет ти през мене готово.

Слуги.
(нищих ведут до Евфимияна по приказу Евфимияна).
До вашей мосци убогих созвали.

Ту Евфимиян стол велит готоват.

Евфимиян *(до нищих глаголеть)*.
Изволте, Христа ради, хлѣба у мене зѣсти,
Рачте собѣ безпечне в моего столу сѣсти.
Дай боже мнѣ и в небе з вами ся втѣшати,
Там през ваши молитвы хиба ся достати!
Слуги! тому пелгриму тое понесѣте;
Иже бы миле принял от мене, просите.

Ту слуги Евфимияновы приказные есть вынесли; що лучши, сами поѣли, а Алексѣю сухи хлѣб принесли.

Слуга первой.
Не лѣпш самим поѣсти, ниж жебраку дати?
Сухим хлѣбом будет ся он контентовати.

Слуга другой.
На! от хлѣб пан наш тебѣ присылаеть,
А болш нацотым щос прислатї маеть.

Алексѣй.
От Евфимияна сей хлѣб миле приймую,
И за его милость бога обецую.

Глас *(слышит з неба)*.
Прийдѣте ко мнѣ всѣ труждающися и обремененныи, и аз упокою вы.

Алексѣй.
Уже мнѣ, вижу, стелется дорога
З сего земного подолу до бога.

Претож, ним сей дочасны живот пожегнаю,
Гисторию о себѣ написат желаю.

Алексѣй *(до слуги, которой ему служил)*.

Пойди, брате, ежели цнота тебѣ мила,
Принеси трость, паперу и трохи чернила.

Слуга *(которой служит Алексѣю)*.

Пойду и причинюся до Евфимияна.
Жеб ти лѣпшая была потрава давана.

Алексѣй.

Уже мнѣ не треба жадной потравы.
Насыщуся божои в рыхлом часѣ славы.

Глос *(повторе с небесе)*.

Человѣк божий исходить ис тѣла.

Ту слуга приносить бумаги, перо и чернило Алексѣю; Алексѣй житие свое описуеть.

Алексѣй *(описавши житие свое)*.

Время мое приспѣло; юж сей свѣт жегнаю;
Еднак же не овшеки его оставляю:
Тѣлом бовѣм отхожу, духом в нем жит буду,
За Рим и ввес мир бога молить не забуду.

Рекл и преставис, писмо свое руками держа. Архаггел Михапл послал два ангела з неба по душу Алексѣеву.

Михаил.

Человѣк божий Алексѣй скончася.
Слыш, Гаврииле, и ты, Рафаиле!
Пойдѣте, душу его приймѣте миле,
В найвышши хор наш справте ей дорогу,
Бо угодна есть душа его богу.

Гавриил.

Повелѣнное нам от бога сотворѣмо,
Алексѣеву душу во руцѣ приймимо.

Рафаил.

Приймем и перед стол божий ставмо;
Що нам казано, без забавы справмо.

По отшествії ангелов глас третей з неба:

Ищите человѣка божия, еже сотворити о граде молитву, яко да пребудете нестужими.

ВИДѢНИЕ ШЕСТОЕ

[Цезар Гонорій за веліпшям голосу з неба шукає в Римі «человѣка божия». Виявляється, що це Олексій, який тільки що помер. Батько, мати й наречена оплакують померлого, Гонорій їх заспокоює. В цей час «святый Алексѣй тѣшится на небеси посреди ангел»].

НАВѢРШЕНИЕ РѢЧИ

Человѣка божия, Алексѣя свята,
Який был живот и якая в небѣ плата,
В сем актѣ, милость ваша, видѣлисмо ясно,
Котрый же бы ся кому не вдал быт напрасно.

Поневаж о том есть повѣсть в книгах здавна,—
Есть, признаем, лечь тая не кождому явна,
Особливе тому, хто книг не оттворяеть,
А видѣние паче слуха увѣряеть.
Прето смо видѣнием живым показали
Алексѣя святого, яко во зерцале.
На то видѣние же панским очом вашим
Весело глядѣлисте, а к дышкурсом[1] нашим
Ласково охотное ухо наклонили
И до конца послухать не стескнили[2],
Благодареніе вам за то возсылаем
При найнижшом поклоне, а того желаем,
Абысте Алексѣя в небе оглядали
И з ним того ж блаженства вѣчне заживали.

Finis.

ЦЕРКОВНО-ОРАТОРСЬКА І ПОВІСТЕВА ПРОЗА

ІОАННІКІЙ ГАЛЯТОВСЬКИЙ

Представник церковного красномовства XVII ст. і теоретик схоластичної проповіді, Іоаннікій Галятовський вчився в Києво-Могилянській колегії і був учнем церковного діяча Лазаря Барановича; деякий час він був учителем колегії, а пізніше (1657 р.) і ректором її. В 1669 р. Галятовський став архімандритом Чернігівського Єлецького монастиря, де й помер у 1688 р. Він написав збірник проповідей «Ключ разумѣнія» (1659 р., перевиданий у 1663 і 1665 р.), додавши до нього трактат «Наука албо способ зложеня казаня»; видав збірник оповідань про чудеса богородиці «Небо новое» (вид. 1665, 1677, 1699 рр.) і збірник «Скарбница» 1676 р.; польською мовою написав трактати «Zabedź z piórami swemi», «Alphabetum rozmaitym heretykom», «Fundamenta» та ін.

Подаємо тут уривки з «Ключа разумѣнія», видання 1665 р.: «Казанье на покров пресвятой богородици» (із скороченнями) і трактат «Наука албо способ зложеня казаня», а також кілька оповідань із збірника «Небо новое» 1665 і 1699 рр.

КЛЮЧ РАЗУМѢНІЯ

Казанье на покров пресвятой богородици

Изважи ми огня тягость, или измѣри дыханіе вѣтра, или возврати воспять день, иже мимо иде. 3. Ездра, 4.

Слушне аггел Гавріил назвал пречистую дѣву благословенною межы невѣстами[3], мовячи: «Благословенна ты в женах», бо що колвек[4] знаменитого якіи невѣсты учынили, тое все учынила пречистая дѣва. Іаиль

[1] розмовам [2] не занудились [3] жінками [4] будь-коли

была валечная, Сісарѣ гетманови мадіамскому спячому гвозд молотом в голову въбила, и на той час сон его в смерть перемѣнилъся; и пречистая Дѣва єст валечная, скрушила голову Сісарѣ некелному през Христа, сына своего. Царица Савская была мудрая, пришла до Іерусалиму слухати мудрости Соломоновои, и принесла єму подарунки, золото, дорогое камѣнья и пахнучіи зела; и пречистая дѣва єст мудрая, пошла до Іерусалиму небесного слухати мудрости бозскои и понесла богу великіи дары: цноты свои, которыи золотом, дорогим камѣньем и пахнучим зѣльям называютъся. Єсфир была милосердная, гды Артаксерксес, кроль перскій, хотѣл выгубити въвесь народ ізраилскій; на той час Єсфир пошла на палац до кроля просити его, жебы не губил люду ізраилского, и для сси прозбы не губил кроль ізраилтянов; и пречистая дѣва єст милосерднаа, пошла на палац небесный причынятися до бога, который єст кролем всего свѣта, жебы он не затрачал за грѣхи народу людского, и для єи причыны не затрачает бог людей грѣшных... Анна пророчица была чистая, побожная и повстягливая, по смерти мужа своего жыла осмдесят и чтыри лѣта при церквѣ в чистости, уставичне постила и богу ся молила, и пречистая дѣва была чистая, побожная и постница, от дитинных лѣт своих, аж до конца живота своего, жыла в чистости, в постѣ и в молитвах, зачым пречистая дѣва єст благословенная межы всѣми невѣстами, поневаж що колвек знаменитого якіи невѣсты учынили, тое и она учынила, не доказали зась того иншыи невѣсты, чого доказала пречистая дѣва: зважила огонь, зм рила вѣтер и завернула назад день прешлый. Не поднявся того чынити про рок Єздра, гды мовил до него аггел Урінл: Изважи ми огня тягость, или измѣри дыханіе вѣтра, или возврати воспят день, иже мимо иде. Отказал пророк Єздра: «Єда ли сія человѣк сотворит?» Хочу теды дня нынѣшнего, под час покрова пресвятои богородици показати, як пресвятая богородица зважила огонь, змѣрила вѣтер и завернула назад день прешлый...

Изважи ми огня тягость. Огнем єст бог, так мовит апостол Павел: «Бог наш огнь поядаяй єст». Огонь отлучает єдни речы от других, єдни палит, других ся не дотыкает, в печи Вавилонской не спалил огонь трох млоденцов вѣрных, а около печи далеко спалив невѣрных поганов; так гды свѣт будет чиститися огнем пред страшным судом, на той час грѣшных тылко людей, непріятелей божих, огонь спалит, а справедливых не доткнетъся... Огонь твердое желѣзо мякким чынит, гды его роспалит, глину зась мяккую твердою чынит, гды оную зъсушит. Желѣзом сут люде грѣшныи, ведлуг пророка Іеремѣи: «Желѣзо вси растлѣнны сут». Глиною називаютъся люде справедливыи, так мовит апостол Павел: «Имамы же сокровище сіе в скуделных сосудех». Маемо скарб той (науку єванґелскую) в глиняных начынях: в тѣлах наших; тепер тое желѣзо твердо: люде грѣшныи, а глина мяккая: люде справедливыи, бо тепер люде грѣшныи мают власть над справедливыми, а в остатный день бог, который єст огнем, желѣзо твердое мякким, а глину мяккую твердою учынит, бо на той час праведныи люде над грѣшными будут власть мѣти. Тепер люде злыи добрых, невѣрныи вѣрных, богатыи убогих судят, мучат и губят, а в остатній день люде убогіи богатых, добрыи злых и вѣрныи невѣрных будут судити посполу з Христом, и пошлют их до пекла на вѣчные муки... Тут Антіох, кроль сірійскій, судил и замордовал семи братов Маккавеов, а в остатній день Маккавеи будут Антіоха судити и будут до него мовити:

«Чи памятаеш ты Антіоху кролю сірійскій? же нас невинне мучилесь за бозскій закон и замордовалесь? Идиж тепер окрутный мучителю за тое до пекла, жебысь там на вѣки умирал и мучилъся»... Той теды огонь звожила пречистая дѣва (бога) завше єго в сердцу своем носила, єму завше служила и жаднои речы опроч бога мѣти не хотѣла...

Огнем называетъся и любов, так мовит дух святый в Пѣснях пѣсней: «Угліе огненно плами єя, вода многа не может угасити любве». Гды збудовали ізраилтяне прибыток[1] богу на мешканье, на той час дал бог ізраилтяном огонь з неба, жебы тым огнем палили оффѣры, и росказал[2], жебы той огонь завше знайдовалъся в прибытку на олтарѣ, жебы нѣгды не згашал... Прибытком называетъся кождый человѣк побожный, бо як в прибытку бог мешкал, так и в добром человѣку мешкает. Олтарем єст сердце человѣчое, бо на олтарѣ завше горѣл огонь и нѣгды не угасал; так в сердцу человѣчом завшеся мает знайдовати любов и нѣгды не мает угасати, поневаж любов огнем ся называет... Пречистая дѣво южесь звожила огонь, бо завше мѣла єси в сердцу своем бога, который ся огнем называет, завше мѣла єси в сердцу своем до бога, до ближнего и до непріятелей любов, которая называется огнем.

Єще пречистая дѣво *измѣри дыханіе вѣтра.* Вѣтром называетъся житіе наше теперешнее дочасное, так мовит праведный Іов: «Помяни же убо, яко дух мой живот». Вѣтер бывает нестатечный, часом теплый, часом зимный, и житіе наше єст нестатечное, сего дня человѣк веселый, завтра смутный, сего дня щасливый, завтра нещасливый, сего дня тріумфует, завтра ляментует. Дознал нестатечного житія Сеян великій, сенатор рымскій, которому погане, як богу, оффѣры чынили, который на золотом возѣ ѣздил, и посполу з цесарем Тиверіем подписовалъся на листах, потым єго тое щастя отмѣнилося, утято єму голову и труп єго волочено по улицах рымских, на остаток в Тибер рѣку вкинено. Дознал нестатечного житія Белѣзарій, гетман грецкій, который килка кролев звѣтяжил, потым єму вылуплено очи и зостал жебраком убогим, так, же стоячи в Константинополю на рынку, просил людей о ялмужну[3] мовячи: дайте пенязь Белѣзаріевѣ гетманови. Дознал нестатечного житія Баязет, кроль турецкій, валечный, пред которым Егіпет, Сірія, Арменія, и инщыи панства[4] держали, потым єго Тамерлянес, цар татарскій, поймавши на войнѣ всадил в клѣтку, и всѣдаючи на коня, ступал єму на шыю. Дознал нестатечного житія Адонѣвезек, кроль хананейскій, который мѣл у себе под столом сѣмдесят кролев з отятыми руками и ногами, збѣраючих и пожываючих одробины падаючыи з столу єго; потым его поймали на войнѣ ізраилтяне и оттяли єму руки и ноги, що он людем чынил, тое и єму люде учинили, ведлуг слов Христовых: «Мѣрою, єюже мѣрите, возмѣриться вам».

Змѣрила той вѣтер пречистая дѣва, бо вѣдала, же житіе наше єст короткое, и прудко як вѣтер премѣняет... Для того пречистая дѣва жыла на свѣтѣ побожне, жебы побожным житіем дочасным могла доступити в небѣ живота вѣчного...

...У Даріуша кроля перского три покоіовыи учынили квестію[5], що єст наймоцнѣйшого на свѣтѣ? єден мовил, же наймоцнѣйшое вино, бо

[1] церкву, скинію [2] наказав [3] милостиню [4] держави [5] питання

кождого человѣка з ног звалит, кто єго пъет много, другій мовил, же наймоцнѣйшій крѡль, бо он всѣми людми и на земли и на морѣ, в своем панствѣ влѧднет, третій мовил, же наймоцнѣйшая невѣста, бо она и кроля и тых, которыи виноград для вина садят, породила, и мы мусимо признати, же наймоцнѣйшая єст невѣста, але тая невѣста єст пречистая дѣва, матка Христова наймоцнѣйшая, бо она зважила огонь, змѣрила вѣтер и завернула назад день прешлый, чого не может жаден человѣк учынити. Погане шановали Артемиду богиню фалшивую, и в Ефесѣ збудовали сй божницу, на срѣбрѣ си рысовали, и хвалили волаючи: великая Артемида Ефеская. Православныи христіяне, мы шануймо пречистую дѣву, правдивую богородицу, будуймо церквы на си имя, рысуймо си на срѣбрѣ и на злотѣ, и хвалѣмо си, мовячи: Великая єсть Марія, матка божая, бо великіе речи учынила: зважила огонь, змѣрила вѣтер, и завернула назад день прешлый...

Наука албо способ зложеня казаня

Кто хочет казанье учынити, найперше мает положити з писма святого фему[1], которая єст фундаментом всего казаня, бо ведлуг фемы мусит ся повѣдати все казанье, в котором знайдуются тры части. Першая часть *ексордіум*, початок, в котором казнодѣя приступ чынит до самои рѣчи, которую мает повѣдати и ознаймует людем пропозыцію свою, остановленье умыслу своего, що постановил и умыслил на казанью мовити и показати, о чым хочет казанье мѣти, и просит бога албо пречистую дѣву о помоч и людей о слуханье. Другая часть *наррація*, повѣсть, бо в той части повѣдает юж казнодѣя тое людем, що обѣцал повѣдати, юж показует тую реч, которую обѣцал показати; тая часть єст найболшая, бо в ней все казанье замыкается и до неи иншыи части стягаются. Третяя часть єст *конклюзія*, конец казанья; в той части казнодѣя припоминает тую реч, которую повѣдал в наррацыи, и напоминает людей, жебы они в такой ся речы кохали, єсли будет тая реч добрая, єсли зась злая, напоминает людей, жебы ся такои речы хронили. Тыи тры части в всѣх казаньях моих обачиш, бо в каждом казанью моим єксордіум и наррацыя и конклюзія почынается от краю и от болшои рѣзанои лѣтеры, для того так умыслне учынилем, жебысь, тое зрозумѣвши, могл сам латвѣй и прудшей казанье учынити и повѣдати.

Тыи всѣ части мают ся згажати з фемою, бо як з малого жродла выходит великая рѣка, єднак вода в рѣцѣ згожается с тоею водою, которая єст в жродлѣ, так з малои фемы великое походит казанье, зачым части, которыи ся в казанью знайдуют, повинны ся з фемою згажати, жебы що ся в фемѣ знайдует, тое в єксордіум, и в наррацыи, и в конклюзіи ся знайдовало, а найбарзѣй мает того постерѣгати казнодѣя, жебы з пропозыцыею єго наррацыя згажалася, жебы що обѣцал в пропозыцыи мовити, тое в наррацыи мовил и от речы не отступовал, бо гды бы обѣцал будовничій якому кролеви, цареви, монарсѣ выставити коштовный палац, а потым бы выставил браму албо иншый будынок, розгнѣвал бы ся той монарха на будовничого и мѣл бы єго за простака; так и казнодѣя, гды що обѣцует людем показати, а потым того не покажет, не мило тое людем будет, и жаднои мудрости єму не припишут.

Способ зложеня казанья, которыи тут написалем, обачиш в всѣх моих казаньях, бо кождое казанье мое ведлуг фемы написано. Що в фемѣ, тое в єксордіум, и в наррацыи, и в конклюзыи знайдуется, и в кождом казанью моем наррація з пропозыцією згожается,— що в пропозыцыи обѣцалем мовити и показати, тое в наррацыи мовилем и показалем. Наприклад в казанью на рождество Христово фема— бог явися в плоти; єксордіум — в розманитых знаках показовался бог и прочая; наррацыя — подобенства и фѣгуры зъєдноченя божого з натурою человѣчою, бо подобенства и фѣгуры обѣцалем в пропозыціи показати; конклюзыя — гды апостол Павел в Листрех и прочая. И в другом казаню на рождество Христово фема — не от аггел убо когда пріемлет, но от сѣмени Авраамля пріемлет; єксордіум — двѣ натурѣ найзацнѣйшыи бог учинил и прочая. Нарацыя — причины, для которых взял бог на себе натуру человечую, не аггельскую, и знову причины, для которых сын божій взял на себе натуру человѣчую, не иншая персона бозская, бо тыи двоякіи причины обѣцалем в пропозыцыи показати. Конклюзыя — православныи христіяне, выстерѣгайможъ ся пыхи, поневаж за пыху аггела бог струтил з неба до пекла, за пыху и человѣка выгнал з раю и проч.

Єксордіум найлѣпшое будет, гды оное з самои фемы учыниш, яко я в обох казаньях своих на успеніе пресвятои богородици з фемы самои єксордіум учинилем; в першом казаню фема— пресвята царица одесную тебе в ризы позлащенны одѣянна прекрашенна; з тоеи фемы єксордіум учынилем, в которым мовилем о царицѣ и о шатѣ. В другом казаню фема — знаменіе веліе явися на небеси, жена облеченна в солнце, луна под ногама єи, и от двоюнадесяти звѣзд вѣнец на главѣ єя; з тоеи фемы єксордіум учынилем, в котором мовилем о невѣстѣ, о солнци, о мѣсяци и о звѣздах, з которых корона учинена. Знайдеш такое єксордіум и в иншых моих казаньях з фемы самои учыненое.

Єсли єднак схочеш, можеш єксордіум учинити з подобенства якого албо з прикладу. Такое єксордіум, з прикладу, єст в казаню моем вторым, на страсти Христовы, котрое починаетъся: видѣли єдного часу іерусалимляне на повѣтру войска, и проч.; и в казаню первом на богоявленіе, з прикладу, єкзордіум учинено, гды збудовал Моисій прибыток богу на мешканье, и проч.; и в инших моих казанях такое єксордіум з прикладу учиненое обачиш, а в тым якое можеш собѣ єксордіум учинити, учини, тылко гляди, жебы ся з фемою згажало. Конклюзыю такъже можеш учынити з подобенства якого; такая конклюзыя єст в першом моем казаню на стрѣтеніе господне, котрая починается: Подобный єсть бог зверцадлу, и проч.; можеш конклюзію учинити и з прикладу якого; такая конклюзія єст в обох казанях моих на успеніе пресвятои богородици.В першом казаню конклюзія починается: Юстиніян, цесар грецкій, мѣл на шатѣ своей вырытыи мѣста, и проч.; в другом казаню конклюзія починается: Александер, кроль македонскій, мѣл на коронѣ своей написаныи такіи слова и проч... И в иншых моих казанях такую конклюзыю з прикладу учыненую обачиш, а в тым з чого хочеш учыни собѣ конклюзію, тылко гляди, жебыся она з фемою твоею згожала.

[1] тему

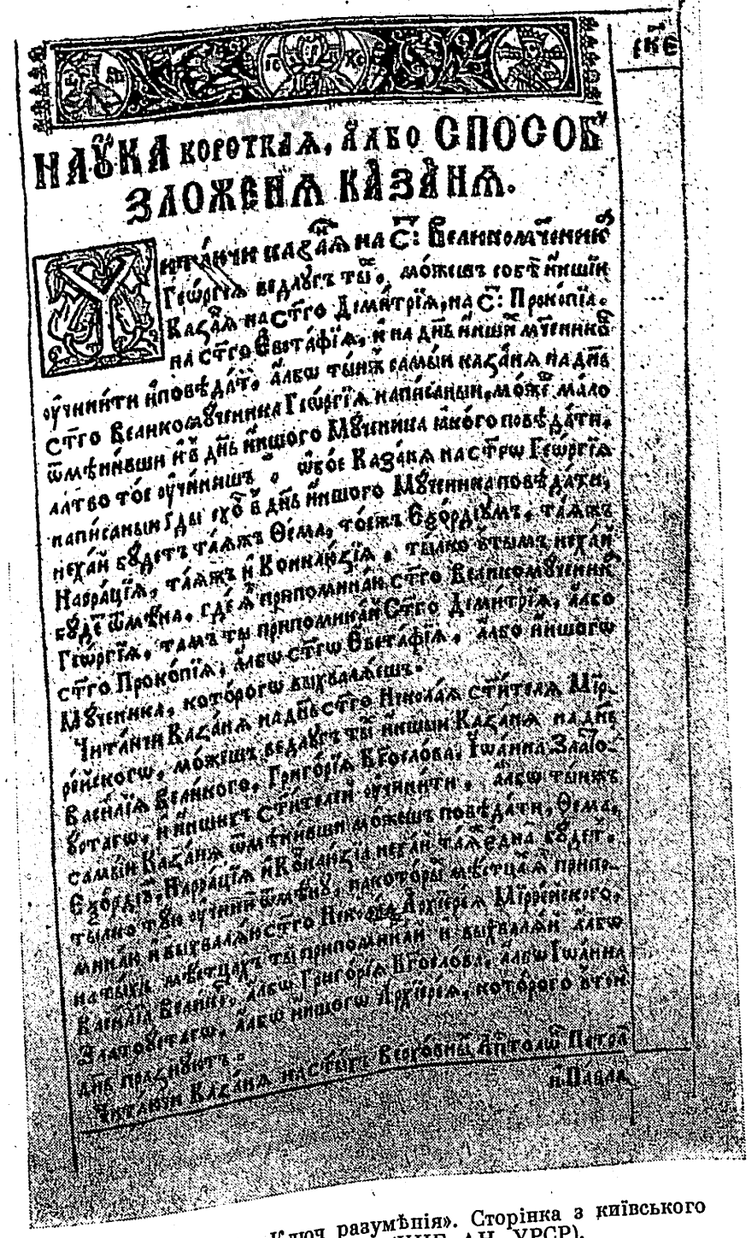
Єксордіум можеш часом написати попижаючи себе, приписуючи собѣ недосконалость, слабость и неумѣетность, гды хочеш що великое мовити албо кого великого хвалити, наприклад гды хочеш мовити о богу, о троиці пренасвятѣйшой, о пречистой дѣвѣ. Такое єксордіум в двох казанях моих знайдуется, єдно на рождество пресвятои богородици — написал пророк Давид: Бездна бездну призывает в гласѣ хлябій твоих, и проч.; другое на благовѣщеніе пресвятои богородици,— гды посылал бог Моисея до фараона, кроля єгіпетского, и проч. Належит вѣдати, же з єдноі фемы могут розныи двое албо трое быти казанье; знайдеш в моем Ключи такую фему: Ищѣте прежде царствія божія и правды єго, и сія вся приложатъся вам, Матфея, 6. З тоеи фемы я двое казанья розныи учинилем; єдно на святого Ніколая, в котором наррацыя учит, же розными способами люде неба доступуют, гвалтом порывают, купуют, выпрошуют, знаходят; з тоеиж фемы другое казанье в недѣлю третую по сошествіи святого духа учинилем, где наррація учит, же царством небесным называется Христос, наука Христова, вѣра христіянская, церков святая, которого царства небесного маемо шукати; учинилем я двое казанье и на обрѣзаніе Христово з єдноі фемы: в первом казанью наррацыя показует имена, которымися Христос называет, в казанью втором наррацыя показует имена, которымися зъбавленье наше называет.

Наука другая албо способ зложеня казанья

Треба роздѣлити фему на части в наррацыи, и кождую часть фемы особно повѣдати; такое у мене казанье знайдуетъся на воскресеніе Христово, в котором фема — Солнце возсіяет в пощи, и луна трыщи на день, и каплет кров от древа, и камень даст глас свой. Тую всю фему я роздѣлилем на части в наррації, и кождую часть особно повѣдалем, єксордіум зась и конклюзія звычайным идут трыбом, як и в иншых казанях. Єксордіум починаетъся: Чворакій[1] єст сенс в писмѣ святом, и прочая; конклюзія починаетъся: Православныи христіане, вѣдаете, же солнце в ночи засвѣтило, и проч. Єст у мене и другое такое казанье на покров пресвятои богородици, в котором фема: Изважи ми огня тягость, или изъмѣри дыханіе вѣтра, или возврати въспят день, иже мимо иде; тую фему я в наррацыи роздѣлилем, и кождую часть особно повѣдалем; єксордіум зась и конклюзія также идут, як в иншых казаньях. Єксордіум починаетъся: Слушне аггел Гавріил назвал пречистую дѣву благословенною и проч.; конклюзыя починаетъся: У Даріуша, кроля перского, тры покоіовыи учынили квестію. и проч. Знайдеш у мене такое казанье на святого Ніколая и на святых верховных апостол Петра и Павла, где фему в наррацыи на части роздѣлилем.

Єсли в недѣлю схочеш казанье повѣдати, обѣцуй в пропозыцыи що доброе хвалити, на приклад: покору, пост, ялмужну, странноліобіе, терпеніе, молчаніе, молитву, послушенство, чистость девическую, живот законничый[2], кротост, справедливость албо иншую цноту, потым тое повѣдай в наррації, в конклюзыи напоминай людей, жебы ся они в такой цнотѣ кохали; єсли теж схочеш, обѣцуй

[1] четвероякий [2] життя чернече

НАУКА КОРОТКАЯ, АЛБО СПОСОБ ЗЛОЖЕНЯ КАЗАНЬ.

І. Галятовський, «Ключ разумѣнія». Сторінка з київського видання 1659 р. (ЦНБ АН УРСР).

в пропозыцыи що злое ганити, на приклад, пыху, гнѣв, заздрость, лакомство, пянство, вшетеченство, албо иншый грѣх, потым в наррації тое будеш повѣдати, в конклюзыи напоминай людей, жебы ся того грѣху хронили; сксордіум якое схочеш, можеш до своего казаня приложити, любо що хвалиш, любо ганиш. На приклад в недѣлю двадцят вторую, по сошествіи святого духа, положи фема з свангеліи, на службѣ божой чытаного, такое:

Не десять ли очистишася, да девять гдѣ? како не обрѣтошася возвращшеся дати славу богу? Токмо иноплеменник сей? Лука, 17.

Ведлуг тои фемы обѣцуй в пропозыцыи хвалити вдячность, ганити невдячность, потым в наррацыи повѣдай тое, щось обѣцал; в сксордіум можеш проказу троякую припомнѣти, которая бывала на людех, и на шатах, и на домах, поневаж свангеліе недѣлное десяти мужей прокаженных споминает, в конклюзыи напоминай людей, жебы вдячными были, а невдячности ся хронили.

Єсли зась в свято схочеш казанье повѣдати, на том казаню хвали того святого, которого в той день празднуют, на приклад, пречистую дѣву богородицу, албо апостола, албо пророка, албо мученика, албо мученицу, албо святителя, албо пустелника, албо иншого святого, припоминай его цноты и добрыи учинки, которые он мѣл живучи на свѣтѣ, як служил богу и церкви святой, що за Христа теръпѣл, якіе чинил чуда, и тепер якіи чинит людем утѣкаючимъся[1] до его добродѣйства, а яко в недѣлю, так и в свято, можеш на казаню пожытки кой речы выличати, можеш причины повѣдати, для которых що ся дѣяло албо дѣет, можеш повѣдати имена, которыми ся якая реч называет, можеш показати способы, которыми можемо чого доброго доступити, а злого ся ухоронити.

Можеш повабити людей до слуханья, гды любо в неделю, любо в свято, будеш им на казанью обѣцати якую новую реч показати, которои они не видали и не чували, гды им обѣцатимеш показати на казанью якую дивную и неподобную[2] реч. Читай першое мое казанье на покров пресвятои богородици, там я в пропозыцыи дивную и неподобную реч обѣцалем показати, же пречистая дѣва зважила огонь, змѣрила вѣтер, и завернула назад день прешлый, потым тое в наррації показалем.

Можеш повабити людей до слуханья, тлумачачи якое имя, и можеш цѣлое казанье часом з имени учинити, наприклад, в недѣлю, гды будеш повѣдати, отчого бог называетъся, от богатства, же богатый єст в милосердіе, ведлуг апостола Павла: Бог же богат сый в милости, еще и оттого бог называетъся, же богатый єст в мудрость, ведлуг тогож апостола Павла: О глубина богатства премудрости и разума божія; недѣля мовитъся от недѣланія, бо в той день не дѣлати ничого, хиба тылко богу молитися належит. Так же и в свято можеш з имени казанье учинити, наприклад, на святого Владимира; можеш мовити, же Владимир мовитъся оттого, иж владнул миром, свѣтом; Христофор, христоносец, называетъся от того, же Христа носил в сердцу своем, мыслячи о нем уставичне, и могл мовити: Живет в мнѣ Христос; на святого Василія можеш мовити, же Василій значитъся кроль,— и слушне, бо он кролевал над тѣлом своим, над пожадливостями телесными, и тепер в небѣ кролюет. На святого Ніколая

[1] що вдаються, звертаються [2] незвичайну

можеш мовити, же Ніколай значится звѣтязъство, и слушне, бо он одержал звѣтязство над трома непріятелями душными[1]: над свѣтом, тѣлом, діяволом, з которыми воіовал, и тепер по том звѣтязствѣ в небѣ тріумфует...

Єсли в коротком часѣ притрафит ся великая и пилная потреба повѣдати казанье, а не можеш знайти фемы в писмѣ святом, в библѣи, на той час можеш взяти фему з святого отца якого учителя церковного, албо з тропаря... албо з иншого гимну церковного, и ведлуг тоеи фемы казанье повѣдати, на приклад, на рождество Христово можеш положити фема: Удивися убо о сем небо, и земли ужасошася конца, яко бог явися человѣком плотію; на честнаго креста можеш положити фема: о треблаженное древо, на немже распяться Христос, цар и господь.

Может часом казанье быти и без фемы; обачиш такое казанье у святого Василія Великого, на чтырдесят мучеников, и у святого Іоанна Златоустого, на похвалу святых верховных апостол Петра и Павла, але того стилю казнодѣи теперешнего вѣку рѣдко зажывают.

...Любо в недѣлю, любо в свято, люб на иншой окказыи можеш конклюзію в казанью своем учинити, обернувшися и мовячи до Христа, албо до пречистои дѣвы, албо до иншого святого, и просячи их о що. Наприклад, гды ся притрафит на святого архістратига Міхаила повѣдати казанье, можеш в конклюзіи до святого Міхаила обернутися и мовити: святый Міхаиле, заступилесь негдысь з мечем на дорозѣ Валаамови, который ѣхал люд божій проклинати, и оборонилесь от проклятства ізраилтянов, и тепер, святый Міхаиле... заступи на дорозѣ непріятелем нашим и борони нас от наѣздов непріятельских...

Старайся, жебы всѣ люде зрозумѣли тое, що ты мовиш на казаню, бо святый Іоан Златоустый мудрый был казнодѣя, єднак его ганила невѣста[2] за казанье трудное, же ся з него нѣчого не научила и не отнесла пожитку душевного, и от того часу будучи перестереженый, святый Іоан Златоустый завше ся потым старал ясне, виразне и просто до зрозумѣня людзкого казанье повѣдати; бо многіе суть казнодѣи мудріе, сами добре що умѣют, а не могут албо не хотять иншым людем того ясне выразити и протолковати, овшем латвую речь мовою своею затрудняют, затлумяют и завѣклавают[3], такіи в церкви святой не мают похвалы. Иншыи зась казнодѣи, трудную и не понятую реч ясно выражаючи и толкуючи, латвою и понятою чинят, и таким казнодѣіом церков святая мудрость приписует и похвалу чинит...

Может кто спытати, где маемо взяти матерію, з которои бысмо казанье могли учинити? Отказую: треба читати быблѣю, животы святых, треба читати учителей церковных, Василія Великого, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Афанасія, Феодорита, Іоанна Дамаскина, Єфрема и инших учителей церковных, котрыи писмо святое в библіи толкуют; треба читати гисторіи и кройники о розмаитых панствах и сторонах, що ся в них дѣяло и тепер що ся дѣет, треба читати книги о звѣрох, птахах, гадах, рыбах, деревах, зѣлах, камѣнях и розмаитых водах, которыи в морю, в рѣках, в студнях и на инших мѣстцах знайдуются, и уважати их натуру, власноти и скутки и тое собѣ нотовати и аплѣковати до своеи

[1] душевними [2] жінка [3] заплутують

речи, которую повѣдати хочеш. До того читай казаня розмаитых казнодѣов теперешнего вѣку и их наслѣдуй. Єсли тыи книги и казаня будеш читати, знайдеш в них достатечную матерію, з которои можеш зложити казанье на хвалу божію, на отпор геретыком[1], на збудованье вѣрным и на спасеніе души своей.

[Цікаві міркування Іоаннікія Галятовського про застосування прийомів складання казань на випадок похорону в розділі «Наука албо способ зложеня казанья на погребѣ». Після загальних вказівок про тему з святого письма й ексордіум, де висловлюються звичайні для проповідника думки про немпучість смерті, недовгочасність життя людського та зрадливість і нестійкість світу цього, наприклад, порівнюючи його з описаним натуралістами «хамелеонтом», «же ест отмѣнный, разныи на себе фарбы берет», автор переходить до нарації. Тут слід вихваляти померлого, «выличаючи его цноты и добрыи учинки», приписані правилами християнської поведінки. Далі Галятовський дає таку пораду]:

Тут же в наррацыи (гды схочеш) можеш припомнѣти фамилію єго, в которой он уродилъся, и можеш хвалити фамилію албо дом его от старожитности, же то ест старожитный дом, юж килка сот албо тысячу албо и болше лѣт на свѣтѣ трвает, можеш мовити, же в том дому были перед тым зацныи люде преложоные люб свѣцкіи, люб духовныи и тепер знайдуютъся... тутъже мов, для чого в тым дому герб якій, албо гелм вышше гербу, албо титул знайдуетъся...

...можеш показати зброю, панцыр справедливости, тарчу вѣры, шышак збавленія и меч духовный, которою зброею умерлий человек боронивъся от непріятелей душных... той концепт можеш взяти з гербу умерлого человѣка, бо на гербѣ мечѣ и зброя бывает... подобный же концепт можеш взяти и з гелму, который над гербом бывает, можеш учынити казанье и з шляхетства, албо з прозвиска, як ся кто по шляхецку зовет, наприклад, Бронѣцкий,— для того так называется, же боронил отчызну и церков божію от непріятелей, Любомѣрскій для того так называетъся, же любив мир... Можеш учынити казанье з имени человѣка умерлого, наприклад, если его звано Стефан, будеш мовити, же Стефан значитъся корона, и покажеш людем корону, которую умерлый человѣк албо з квѣтов, албо з дорогого камѣнья собѣ учынил, дорогим зась камѣням и квѣтами розмаитыми розмаитые цноты его будеш называти...

[В конклюзії рекомендується від імені померлого попрощатися з приятелями і взагалі присутніми на похороні, подякувавши їм за цю останню послугу й попрохавши пробачення за образи та нагадавши, щоб вони молилися за душу померлого].

НЕБО НОВОЕ

(РІК 1665)

Батій цар татарскій, гды пустошил землю Рускую, татаре єго притягнули до Холму, и хотѣли єго добывати. В той час двѣ девици княжны рускіи в Холмѣ молилися пречистой дѣвѣ богородици, жебы их боронила от тых непріятелей; потым образ пресвятои богородици на вал мѣсцкій вынесено, и зараз гора холмская здалася татаром быги высокая аж под оболоки, и що мѣли приступати ближей до Холму, то далѣй отступовали.

(Чуда п. б. от образов єи, чудо 29).

[1] єретикам

В Рымѣ был в яскинѣ[1] базилѣшок[2], который ядом своим много людей заразил и морил; теды Лео третій, папа рымскій, на успеніе пресвятои богородици зо всѣм людом рымским учынил процессію до церкви пречистои дѣвы, и за єи помочу зостали волными рымляне и безпечными от ядовитого базилѣшка.

(Чуда п. б. в церквах єи, чудо 24).

Грыфон законник маранѣтов[3] невѣрных наворочал наукою своею до вѣры христіянскои, а гды з науки єго шидили[4] и смѣялися, мовил он до княжат их: чи увѣрите в Христа, єсли солнце назад вернется? Отказали маранѣтове: увѣримо. В той час Грыфон павши колѣнами на землю, почал молитися богу, жебы над тым народом умилосердилъся и навернул єго до вѣры правдивои, для молитов пречистои дѣвы богородици, которои в той день успеніе хрістіяне праздновали; и зараз за предстательством матки божеи, солнце назад от заходу на всход и знову от всходу на заход вернулося, що видячи маранѣтове, з князем своим до Христа навернулися, и в него увѣрили.

(Чуда п. б. межи законниками, чудо 6).

Гды єдного часу войско полское приступило под монастыр Печерскій и хотели єго збурити чуючи, же там Шулга полковник з рыцерством зазрожим знайдуетъся, в той час пресвятая богородица монастыр свой от небезпеченства оборонила, бо за єи предстателством огнистый дожч зъпал з неба на войско польское, и одогнал єго от монастыря Печерского, що потым сами ляхове и нѣмци, которыи были з ними, повѣдали; над тым войском Бутлер и Жолтовскій были преложоными[5].

(Чуда п. б. печерскои, чудо 26).

В Фляндріи єден маляр маліовал образ пресвятои богородици яко могл найпіенкнѣй, а діавола маліовал яко могл найшпетнѣй; показалъся єму в снѣ злый дух з гнѣвом великим и напоминал єго и грозил, жебы єго так шпетне не маліовал, але маляр єще барзѣй тым побудилъся и намаліовал под ногами єй. Гды тое страшное дивовиско маляр в церкви на стѣнѣ маліовал, стоячи на рыштованю з тертиць учыненом, знагла великій вѣхор повстал и оное рыштованье на землю обалил[6]. Видячи тое маляр почал пресвятую богородицу о ратунок просити, теды образ пресвятои богородици руку протяг и оного маляра задержал, от раны и от смерти заховал.

(Чуда п. б. межи злыми духами, чудо 5).

(РІК 1699)

В Малой Россіи, в повѣтѣ Галицком єст мѣсто Завалов, названное от валов давно высыпаных, которых єст три над тым мѣстом на горѣ; межи тыми трома валами знайдуется монастыр при церквѣ святого архіерея Ніколая. Повѣдают люде старыи духовныи и свѣцкіи, которыи от дѣдов и прадѣдов своих чували, же Буняк (яко они мовят), але рачей Ба-

[1] в печері [2] василіск, дракон [3] мароніти — християнська секта в Сірії [4] глузували [5] начальниками [6] повалив, перекинув

тій цар татарскій єгда воевал землю Рускую, на той час єден воевода на имя Роман, з землѣ Рускои вышол з войсками своими против ордам татарским, а видячи великую потугу поганскую, а свое малое войско христіянское, окопался трома валами и фрасовалъся и фрасуючися заснул; которому в снѣ показалъся святый архіерей Ніколай и казал єму ити смѣле на орды бѣсурманскіи и где бы нагонил поганов и звытяжил их; казал єму на том мѣсцу церков збудовати на честь пресвятои богородици, за которои помочу мѣл махометанов звытяжити, межи тыми зась трома валами казал збудовати церков на честь святому архіерею Ніколаю; очкнувшися от сна, Роман воевода рушилъся смѣле з войсками своими на татаров и погнал их и утѣкаючих гонил и доганял на тых полях, которые недалеко за местом Тысменицею знайдуютъся, и славное над ними одержал звытяство, по котором звытязтвѣ на тым полю збудовал церков успенія пресвятои богородици, за которой предъстателством звытяжил орды поганьскіи. В той церквѣ єст намѣстный образ пресвятои богородици чудотворный, при той церквѣ знайдуетъся монастыр, который называетъся Погоня для того, же там Роман воевода погнал и догнал и розогнав татаров непріятелей своих и могл мовити слова Давыдовы: Пожену враги моя и постигну я и не возвращуся дондеже скончаютъся, оскорблю их и не возмогут стати, падут пред ногама моима. По звѣтязствѣ же межи трема валами збудовал церков святого архіерея Ніколая, который єму там в снѣ показался и казал єдну церков на честь пресвятой богородици, другую на имя свое збудовати.

(Чуда п. б. розпын, чудо 17).

ЛАЗАР БАРАНОВИЧ

Лазар Баранович народився в 1620 р. Є звістки, що вчився він у Віленській, Київській і Калішській колегіях. З 1642 р. почав викладати граматику й риторику в Київській колегії. В 1647 р. став ректором колегії в Гощі на Волині, в 1650 р.— ректором Києво-Могилянської колегії, а в 1657 — чернігівським і новгород-сіверським архієпископом. В 1674 р. заснував у Новгород-Сіверську, а потім у Чернігові друкарню. Почав організацію в Чернігові колегії на зразок Києво-Могилянської. Помер у 1693 р. Лазар Баранович відомий як автор багатьох творів, написаних віршами («Лютня Аполлонова», «Життя святих», «Вінець божої матері» та ін.) і прозою. З останніх найбільш відомі два великі збірники проповідей: «Меч духовный» (1666 р.) і «Трубы словес проповѣдных» (1674 р.). Два уривки з цього останнього збірника ми тут подаємо.

ТРУБЫ СЛОВЕС ПРОПОВѢДНЫХ

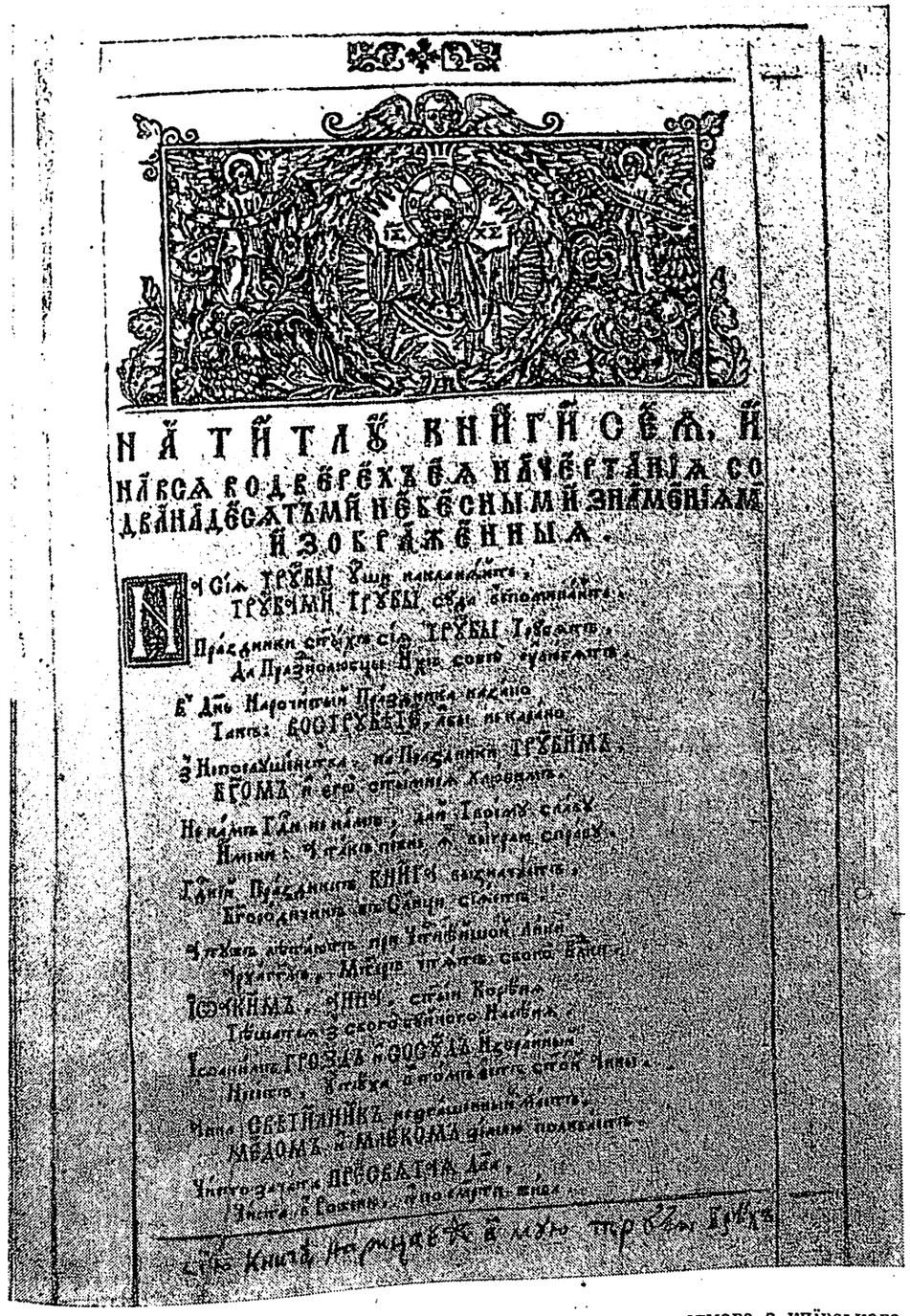
(1674 р.)

Слово первое на воздвиженіе честнаго креста господня

Аще аз вознесен буду от земля, вся привлеку к себѣ.

Словеса суть бога слова, написанная от богослова святаго и евангелиста Іоанна...

Вышшее креста, или высота, восток єст, глубина же или нижайшее, запад єст. Рог десный єст сѣвер, шуий же єст полудне. Крест єст сокруше-

НА ТИТЛѢ КНИГИ СЕЯ, И
НАРСА КОДОБРЕХВАЛА НАЧЕРТАНІА СО
ДВАНАДЕСАТЪМИ НЕБЕСНЫМИ ЗНАМЕНІАМИ
И ЗОБРАЖЕННЫА.

Jl. Баранович, «Трубы словес проповѣдных». Віршована передмова з київського видання 1674 р. (ЦНБ АН УРСР).

ніе сердца: понеже богу не лучше работаем, должны єсмы имѣти страданіе. Яко не толико укараемъся о господѣ єлико должны єсмы: и сіе єст глубина креста. Яко не толико хвалим и любим тя, єлико благость твоя требует, и сіе єсть высота. Яко нѣсмы толико вѣрны, да быхом иных к твоей хвалѣ привлекли, и сіе єст широта. Яко не всегда хвалу твою проповѣдуем, и сіе єсть долгота. Да возможете разумѣти с всѣми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота; аз сія Павла словеса тако разумѣти навыкох: в широтѣ добрыи дѣла любве. В долготѣ же терпѣніе даже до конца. В высотѣ же надежду небесныя мзды. В глубинѣ непостыжимыя божія совѣты. Древо крестное бѣ прежде в проклятіи. Православный слышателю, бяше сей глагол о нем: проклят всяк висяй на древѣ, бѣ разбойников казнь лютая, днесь паки крестное древо вездѣ возносится. Поставленнаго на горѣ Голгофѣ поставляют христіане на церквах, аки на горѣ Голгофѣ; архіереи на мітрах, на персѣх, в руках. Православныи царіе на вѣнцах царских. Воини на знаменіих воинских, на оружіях. Крѣпціи грады на столпах и градовых вратах высочайшее мѣсто дают. Всѣ христіане возносят єго, знаменающе на челѣх своих, яко печать бога живаго. Єгда Христос вознесеся на древо, отъять проклятіе от креста: сый сын благословеннаго ублагослови крест благословенныя плоти своея прикосновеніем. Омы кровію на крестѣ и очисти вся нечестія наша. Вся привлече ко кресту, вознесен быв на нем по обѣщанію: аще аз вознесен буду от земля, вся привлеку к себѣ.

И вы всѣ их же любов Христова собра, привлечени єсте к Христу вознесенному на крестѣ: возносѣте мысль вашу, обѣма вас привлекает к себѣ рукама, в отверстом копіем сердци гнѣзда не возбраняет. Всяка к умершему на кресте Христу да прійдет плоть, всѣх бо Христос привлекает, глаголя: аще аз вознесен буду от земля, вся привлеку к себѣ...

Слово третее на рождество пресвятыя богородицы

Рождéство твое, богородице дѣво, радость возвѣсти всей вселеннѣй, церковь божественная воспѣвает в тропарѣ.

Радость землѣ: раждаетъбося яже породит сего, иже проклятую землю шествіем своим освятит, терніе єже аки проклята породи, в вѣнец себѣ вземлет.

Радость водѣ: породитъбо сего, иже будет ходити по водам, и освятит воды, да будут превышше небес, покажет нам путь водою к царствію: иже не отродится от воды и духа, не внійдет в царствіе небесное, яко дожд с небесе на руно снійде.

Радость воздуху, очистит бо шествіем своим воздух: радуйся, лѣствице небесная, по нейже снійде бог.

Радость огню, сія бо невѣста вожжет свой свѣтилник, и обрящет изгибшую драхму.

Радость небу, родитъбося родити имущая сего, иже исполнит паденія на небеси, иже человѣком мѣсто праздно низпадших аггел исполнит.

Радость аггелом, родитъбося, к нейже посланы архаггелы будут, радость ей благовѣствующіи: яко родит сего, о єгоже имени поклонитъся колѣно небесных.

Радость пророком, их же пророчествіе исполнитъся в Ісаіи: се дѣвая родит. Радость пророком, якоже родит пророчица: се бо отнынѣ блажат мя всѣ роды.

Радость апостолом, родитъбося, яже породит избравшаго апостолы. Не вы мя избрасте, но аз избрах вы. Посадит же на дванадесяти престолах судити вселенной.

Радость мучеником: родитъбося, яже породит Христа, за єгоже мученицы кровь проліют глаголюще: Кто ны разлучит от любве Христовы? Скорб? Или гоненіе? Или глад? Или нагота? Или меч?

Радость исповѣдником: родитъбося, яже породит вѣнчающаго исповѣдников: аще кто исповѣсть мя пред человѣки, исповѣм єго и аз пред отцем моим, иже єст на небесех.

Радость пустынником и пустынницам: родитъбося, яже породит духом веденнаго в пустыню и постящагося днiй четыридесят и нощій.

Радость дѣвственником и дѣвственницам: родитъбося, яже породит сама дѣвая. Радуйся дѣвство и рождество сочетавшая. Чужде єст дѣвам матерем быти, и странно дѣвам дѣти раждати: єдина будет носити на главѣ вѣнца, на руках младенца.

Радость преподобным; преподобным радованіе.

Радость святителем: родитбося яже родити имат пастырем и святителем началника. Сама же им и омофоры содѣлати имат, яко содѣла Лазару.

Радость патріархом, Авраамy, Ісааку и Іакову: родитъбося яже родити имат бога Авраамy, Ісааку и Іакову.

Радость черноризцем: родитъбося яже родити имат черноризцем наставника, иже обнища богат сый, сице чистоту возлюби, яко из чистыя лѣвици родитися изволи: послушлив бѣ даже до смерти.

Радость проповѣдником: родитъбося яже породит имущаго проповѣдати приближившееся царствіе и покаяніе.

Радость вдовам: родитъбося яже породит Христа, иже сира и вдову пріемлет, иже от вдовы пріят двѣ лептѣ.

Радость гробом, аду: родитъбося яже породит испразднившаго гробы и ад.

Радость древам, родитъбося яже породит, ємуже рождшемуся земля дасть вертеп, умирающему дасть на крест древо, от певга, кипариса и кедра. Умершемуже дасть камень на гроб.

Радость горам: родитъся яже породит, о немъже поет Давид: и высоты гор того суть; и о ней: гора божая, гора тучная, гора усыренная...

АНТОНІЙ РАДИВИЛОВСЬКИЙ

Біографічні відомості про Антонія Радивиловського дуже неповні. У 40-х роках XVII ст. він вчився в Києво-Могилянській колегії. По закінченні колегії, прийнявши згодом монашество, був якийсь час архідияконом Чернігівської кафедри. З половини 1650 рр. Радивиловський виступав в Києві як печерський проповідник; у 1671 р. був, як видно з його рукописів, намісником Печерського монастиря; наприкінці 1683 або на початку 1684 р. став ігуменом Пустинно-Миколаївського монастиря. Помер у грудні

1688 р. Свої проповіді Радивиловський видав у двох книгах: в 1676 р. вийшов збірник «Огородок Маріи богородицы», в 1688 р. «Вѣнец Христов з проповѣдій неделных». Серед інших українських проповідників XVII ст. А. Радивиловський відзначається як більшим інтересом до питань сучасності (характерні згадки про розбрат між старшиною й трудящим народом, про тяжке становище жінки в сім'ї, про неправосуддя), так і широким використанням у проповідях «прикладів» з популярних збірників «Римські діяння», «Велике зерцало» та ін.

Наведені тексти подаємо за виданням: *М. Марковский,* Антоний Радивиловский, южнорусский проповедник XVII в., К., 1894.

СЛОВО І, ЧАСУ ВОЙНЫ, ПОБУЖАЮЧЕЕ ВОИНОВ ХРИСТІАНСКИХ ДО ПОТКАНЯ СЯ З ТУРКАМИ И ТАТАРАМИ

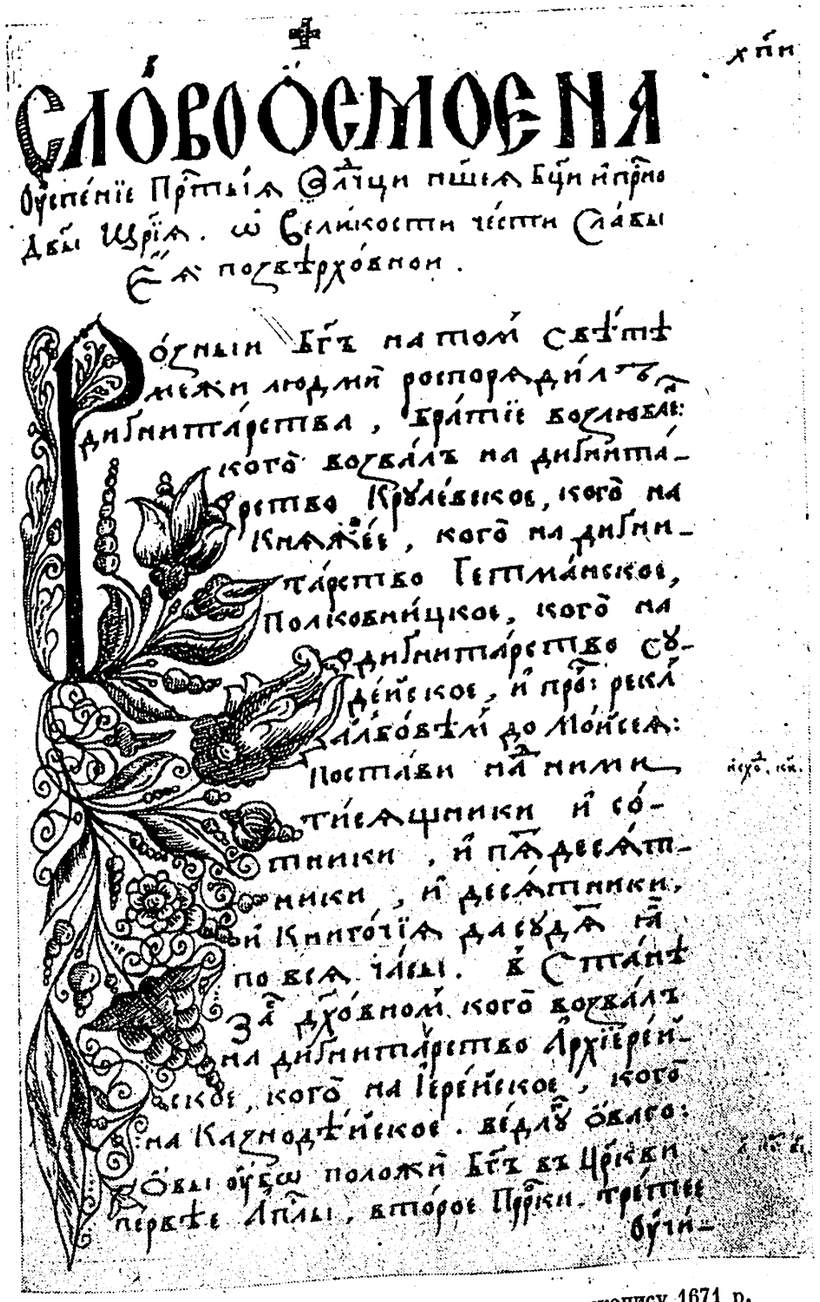
Ополчитеся за братію вашу, сынов ваших, и жены ваши, и домов ваших: Неемія, глава 4...

Кгды на якое панство без жаднои вины непріятель якій окрутный з войском наступует, нетылко оное спустошити и до панства своего прилучити, але навет самых рейметаров албо справцов онаго, и люд посполитый, жены их, чада, братію и любимых другов в тяжкую неволю запровадити, албо под меч пустити усилуючи; таковому войною ся спротивляти, и отймовати писаніе святое не забороняет, слухачу православный. Наступовали негдысь невинне мадіанитове на люд ізраилскій, хотячи их мечем искоренити, жены, чада, братію, и пріятелей и вес их набыток выгубити албо в неволю забрати; щож рекл на он час бог до Моисея гетмана их? — казал абы войско як найрыхлѣй собрал и войною ся так окрутному и страшному непріятелеви одоймовал... Чи можетже быти окрутнѣшій и страшнѣйшій нам непріятель яко турчин, который хотячи отчизну нашу милую до конца спустошити, церкви божіи сплюгавити, в мечеты албо стайнѣ обернути, жены ваши, чада ваши, братію и приятелей ваших и всѣх нас албо мечем выгубити, албо в неволю запровадити. Якож ся так окрутному и страшному непріятелеви спротивити маете, если не войною? взявши теды себѣ бога в помощ и пресвятую богородицу, ополчитеся за братію вашу, сынов ваших, и жены ваши, и домов ваших.

Чтобы вас до росправы военной з тым окрутным и страшным непріятелем порушити могло, о том до любви вашей сіе слово мѣти желаю.

Презацное христіанское воинство, двѣ речи набарзѣй вас порушити и сердца ваши запалити могут к мужественной росправѣ военной з тым окрутным бисурмянином на нас невинне наступуючим. Першая — честь божая, другая — любов отчизны. Что ся ткнет чести божей, за тую так мужественно ставати повиннисте, же хочбы пришло и здорове свое тратити, з пляцу непріятелеви не уступовати, уважаючи тое, же такового воина бог в небѣ несмертелною вѣнчает славою...

Ей презацныи войнове, если коли яко тепер мужайтеся и да крѣпится сердце ваше протівко того непріятеля, подвизайтеся в ним до смерти, поистинѣ (то ест за честь божую, за вѣру святую, за церкви божіи) и господь бог поборет по вас. Припомните себѣ Константинов великих, Феодосіев, Іракліев и их гетманов, яко ся они за честь божую и вѣру право-

СЛО́ВО ӦСМОЕ́НЯ
Оўспе́нїе Пр҃тыѧ Ѳ҃ѣцы на҃шегѡ Бц҃ы и҃ пр҃ныѧ Дв҃ы Мр҃їѧ. ѡ҃ Великомъ҃ чести҃ и҃ сла́вѣ Ея҃ на҃ небесѣхъ҃.

Хпн

Оўслы́шимъ Бг҃ъ на томъ свѣ́тѣ мнѣ́ніи людмі҃ роспорадилъ҃ дв҃ныѧ пра́вства, бра́тіе возлюбле́: кого҃ возвы́лъ на дв҃ныѧ пра́вство Крулѣ́вское, кого҃ на кнѧжѣ́, кого҃ на дв҃ныѧ пра́вство Гетма́нское, Полковни́цкое, кого҃ на дв҃ныѧ пра́вство Судѣ́йское, и҃ пр҃а: рекл҃ бы́ лъ҃ово҃ѣмъ҃ до Моѷсе́а: Поставѣ́й на нихъ҃ тѣлѣ́сники и҃ со́тники, и҃ пѧ́десѧтники, и҃ десѧ́тники, и҃ Кни́гою҃ Дв҃да҃ пр҃а: по вс҃ѣ҃ чины҃. К Стѣ́ѣ҃ Зв҃ѣ҃здно҃мъ҃ кого҃ возвы́лъ҃ на дв҃ныѧ пра́вство Архїере́йское, кого҃ на Іере́йское, кого҃ на Кѵѵодѣ́йское. вѣ́дѧ҃ о҃бо҃: Ѡ҃бы҃ ѡ҃ўбѡ положи҃ Бг҃ъ҃ въ Цр҃кви҃ свое҃ѣ҃ Апы҃лы, вторые Пр҃роки. трет҃іе Оўчи҃-

А. Радивиловський, «Огородок». Сторінка з рукопису 1671 р. (ЦНБ АН УРСР).

славную з непріятелями потыкали, яко свой живот, свое здорове в небезпеченство непріятелское подавали; припомните себѣ своих стародавных продков, гетманов, полковников, сотников, асаулов и инших молодцов добрых, запорожцов, яко з тым поганином отважне морем и полем валчили, яко их за помощію божею и пресвятої богородици звѣтяжали, яко их много на пляцу клали, яко много в неволю брали. Мѣйте надѣю в богу, же и вы их звѣтяжите, поневаж справедливе, бо за честь божую, за вѣру святую, за отчизну милую, за себе самых, за жены своя, за чада и за братію свою противко того выправуетеся непріятеля. Если в силѣ божей дуфаючи споткатеся з тым непріятелем, вѣруйте, же господь немощна сотворыт того супостата нашего..., дасть крѣпость благочестивому царю нашему и вознесет рог его.

Что ся ткнет отчизны, и тои любов мает сердца ваши порушити до мужественнаго потканя ся з тым непріятелем креста Христова.

Чтож албовѣм в мірѣ сем может вам быти милшого над отчизну? Если милое ест вам здравіе, если милые жены, чада, братія, отчизна далеко милшею быти повинна; бо она вас уродила, она вас выховала, она вас всѣми добрами збогатила, шо выражаючи еден з ораторов римских так мовит: над отчизну ничого сладшого, ничо́го милшого в животѣ быти немает (Цицерон). Милы суть чада, ближніи и знаемыи, але всѣх едина отчизна обоймует, за которую кто з добрых умрѣти не восхощет, если ей пожитечным быти мает?

Кгды бы вас кто запытал презацныи и отважныи воінове: что вас порушило по чести божей, же оставивши домы, жены, чада, братію, сестры и други, оставивши вси роскоши домовые, з такою отвагою здоровя своего выправуетеся на того непріятеля креста Христова? речете вси згодне: любов отчизны. Гды бы кто запытал, кто вас провадит на такіе небезпеченства военные, на острые джиды, мечи, шабли и стрѣлы поганскіе? иначей не речете: тылко честь божая и любов отчизны. Отважайтеж теды здоровье на вси военные припадки за милую отчизну вашу; заслоняйте ю от куль, от стрѣл, от копій и шабель поганских, як муром нѣяким персями вашими рицерскими, если хочете блаженства вѣчного и славы не смертелноі на земли и на небѣ доступити; бо мовит єден з історикоѵ: Блаженніи, которыи колвек бьючися за отчизну звѣтяжцами стаются; оным албовѣм барзо веселый день засвѣтит; блажени теж и тыи, которыи на пляцу полѣгают, албовѣм вѣчноі памяти над всѣ богатства зацнѣйшеи доступят (Ксенофон, О справах греческих, книга 2).

Кому ся за честь божую и за отчизну милую трафит на пляцу умрѣти, люб от кулѣ, люб от шабли, люб от копіи, албо иншого якого военного оружія; таковый нехай будет певен великоі награды в небѣ, бо мовит сам Христос: иже погубит душу свою мене ради, сей спасет ю... Єсли бовѣм тыи, которыи оставуют дом, отца, матер, жену, чада, сестры, братію для любви Христовой, а жіют в убозствѣ, не выдаючи здравія своего на так видомые розные небезпеченства, сторицею в небѣ пріймуют, щож розумѣти о себѣ мают тыи, которые оставуют дом, отца, матер, жены, чада и братію, а для любви и чести божеи, для любви отчизны самых себе выдают на розмаитые смерти? тыи заправды двоякую в небѣ от Христа пріймуют сторицу, єдну рицерскую, а другую мученическая. Сторица мученическая ест палма, яко Іоан святый в апокалипси выразил: видѣх и се народ мног, єгоже изчести никтоже возможе, стоящ пред престолом и пред агнцем облечены в ризы бѣлы, и финици в руках их... Где през народ мног никто иншій не разумѣтеся тылко мученикове, яко там же єден от старец рекл до святого Іоанна: сіе сут иже пріідоша от скорби великія, и испраша ризы своя, и убѣлиша ризы своя в крови агнчей. Сторица рицерская ест вѣнец правды, о котором мовит Павел святый: подвигом добрим подвизахся, теченіе скончах, вѣру соблюдох прочееже отложимися вѣнец правды, егоже отдаст ми господь в день праведныі судія: не токможе мнѣ, но и всѣм возлюблшим явленіе его...

Пишут історикове о Помпеюшу великим: тоі так велце себѣ важил цѣлость отчизны, же за ню живот свой и здорове свое в великіе морскіе подал был небезпеченства; а то з такои оказіи: трапил едного разу великій недостаток хлѣба Рим, отчизну его; он хотячи ю в том ратовати нещастю, для набытя збожя розного сам пущается окрутом до Африки, Сардиніи и Сициліи; где гды ведлуг потребы набыл збожя, а споро поспѣшалъся до Риму, повстанут великіе навалности на морю; кажет кормником, абы окрут от берега отвязовали и ѣхали; не хотят для небезпеченства морскаго. Щож любячий отчизну Помпеюш? сам першій входит в окрут, подносит котвицы и мовит до жегляров: абысмо жегліовали, вытягает по нас того потреба, ажебысмо жили — не вытягает. През что давал знати Помпеюш, иж кгды в яком небезпеченствѣ зостает отчизна, теды кождыі цар, князь, гетман повинен борзѣй взгляд мѣти на отчизну свою, нежели на власный свой живот и здоровье...

ПРИКЛАДЫ

Цар един мѣл двѣ дщеры. Една была барзо сличноі уроды и всѣм милая, другая чорная и всѣм непріемная, з которых цар першой дал имя Розимунда, другой Граціа плена, то ест ласки полна. Тыи гды доросли лѣт, цар выправует посланца, абы по всем панствѣ его извѣстил, жебы до дщерій его, кто бы был годный удавался в зальоты, тое придавши, же кто колвек піенкную дщер на имя Розимунду поймет, нѣчого болш с нею не озмет, опроч піенкности; кто зась поймет чорную, которая ся называет Граціа плена, то ест ласки полная, на того по смерти его все царство спадет. Что многіе слышачи до двору царского прииждают, а, видячи двѣ дщеры, вси ся до Розимунды, яко піенкноі, скланяют и за жену еи просять. А Граціа плена, то ест ласки полная, видячи тое; же оною погоржают и очи свои от неи отвращают, почала ревливе плакати и на недолю свою нарѣкати. До которои рекл отец: о дщеро моя! для чого бы так жалостное было сердце твое? Аж она отповѣдает: о наймилшій мой отче! для того естем жалосною, же жодного немаш, который бы мене навѣдил и зо мною мовил, вси до сестры моеи Розимунды удаются, а мною, же естем чорною и на твари шпетною, погоржают. Речет до неи отец: о дщери моя милая! азаж не вѣдаеш, же вся моя твоя и кто тебе себѣ поймет в жену, царство мое одержит. Она тым змоцненая зоставши, от плачу престала. Потом приѣхал един цар а, обачивши Розимунду, просил онои за жену тылко з піенкностю, болш ничого не потребуючи. Позволил отец и з радостю дал ю ему в жену. Потым приѣжджает един

Гетман, але убогій барзо, мыслит, же любо дщер его другая ест чорная, леч, уважаючи тое, же кто колвек оную за жену себѣ поймет, все царство с нею одержит, идет смѣле до царя и просит, абы ю ему дал в жену. Отдал цар з веселіем и, гды сам умерл, все царство его ему зостало.

(Із «Gesta Romanorum» — в збірнику «Вѣнец Христов», 1688 р.).

Был еден император, который в оборѣ своей мѣл слоня, до которого жаден з дворян его не смѣл приближитись. Послышавши то, император бадался[1] от философов, что была за натура слоня. Отповѣдили, же слонь кохается барзо в чистых дѣвах и спѣваню. Император зараз росказал, абы шукали в всем его панствѣ что найпіенкнѣйших и найчистших двох дѣв, до того спѣвати умѣючих. Гды знайдено, припроважено их до царя. Казал цар, абы, обнажившися, до обори войшли, една з мѣдницею, а другая з мечем вступила, а входячи, піенкные и весолые спѣвали пѣсни. Услышавши то, слонь пришол до них и перси их почал лизати; а дѣвы поты спѣвали, аж ся слонь на лонѣ единой уклал девицы. Девица другая, видячи слоня успокоившагося на лонѣ товаришки своей, забила его мечем; оная зась, наполнивши мѣдницу кровію слоня, приходит до царя. Цар, увеселившися, зараз все казал, что колвек было в палацу, кровію почервонити.

(Із «Gesta Romanorum» — в збірнику «Огородок», рукоп. 1671 р.).

Пишет един з историков о двох славных купцах, которыи, в доброй з собою жіючи пріязни, куплями себѣ выгажали, един в Египтѣ мешкал, другій в Балдаху; той до Египту ся выбрал, где от пріятеля своего з охотою принятый, утѣшенный и обдарованный зостал. А гды там тыжден промешкал, уподобал себѣ дщер его и просил, абы оную дал ему за жену; на що он господар барзо охотне призволил, выдал за него и з достатным посагом до дому выпровадил. Трафилося потом, же той купец в Египтѣ все стратил и нощію до Балдаху на полы нагый и голодный крыемо уйшол. И гды до еднои входил церкви, нападает на него страж мѣйская, которая едного забойцы шукала, и зараз его порвали и обвинили. Он теж, хотячи конец своеи нендзы мѣти, признался до забою, и, гды его на завтрее на смерть проважено, ов пріятель его поуфалый[2], который за собою мѣл дщер, з иншыми на дивовійско выйшол и, обачивши пріятеля своего в тяжком разѣ, крикнет на оправцов[3]: потерпѣте, нѣчого той невинен, ям его забил. И зараз той пойманый. Аж там же власный забойца, задивившися тому, сумненьем порушоный, заволает: «ей, слухайте, ям власный забойца». Ставши теды, судіе кажут его взяти и з двома уволнеными провадити до царя, который, правды дошедши, задивился так стислой пріязни и обох поступок похвалил, а винному каранье отпустил. А оный купец з Балдаху зубожалому своему пріятелеви половицу добр своих удѣлил и до отчизны его выпровадил.

(Із «Gościńca Dzielowskiego» — в збірнику «Вѣнец Христов», 1688 р.).

[1] дізнавався [2] близький [3] катів

ДИМИТРІЙ ТУПТАЛО

Данило Савич Туптало, син козацького сотника (народився в 1651 р., помер 1709 р.), вихованець Києво-Братської школи, з 1668 р. монах з ім'ям Димитрія; до 1701 р. жив і працював тільки на Україні. Першим друкованим твором його була книга «Руно орошенное» (1683), складена з доручення Лазаря Барановича,— збірник оповідань про чудеса від ікони богородиці Чернігівського Троїцько-Іллінського монастиря (збірник типом своїм аналогічний з «Небом новим» Галятовського). З того ж року, оселившись у Києво-Печерській лаврі, Димитрій віддався складанню великого збірника житій святих — «Четьи-Минеи», початого друком у 1684 р. (в чотирьох частинах: друга — 1695 р., третя — 1700 р., четверта — 1705 р.), що став згодом однією з найпопулярніших книг серед письменних людей різних станів і перевидавався із змінами до XX ст.

Одночасно Димитрій почав виступати як церковний оратор: перша з його промов, які збереглися,— на роковини смерті відомого церковного діяча й письменника Іннокентія Гізеля, виголошена була в 1685 р.

З 1701 р. діяльність Димитрія переноситься до Москви, а з 1703 р. він стає митрополитом Ростовським. Тут Димитрій продовжував свою діяльність і як письменник, і як оратор. Опозиційно настроєний проти методів проведення реформ Петра I, він, проте, не пристав до ворогів реформи, активної участі в церковно-політичній боротьбі не брав, віддавшися справі організації заснованої ним у Ростові на український зразок школи, для учнів якої він писав, між іншим, і драматичні твори («Комедія на рождество Христово»). Мова його творів, написаних у Ростові, так само як мова «Четьих-Миней», церковнослов'янська з рідкими українізмами; найближча до української народної мова його ранніх проповідей, побудованих за правилами київської шкільної риторики.

Проповіді ці видані Ан. Тітовим («Проповеди святителя Димитрия, митрополита Ростовского, на украинском наречии», М., 1909), за виданням якого й наводиться поданий далі уривок з «Пирамиды».

РУНО ОРОШЕННОЕ

(1683 р.)

Роса устрашенія врагов
Нравоученіе

...В имени богородичином личу пять лѣтер МАРІА. Пять то суть каменій, убивающих адскаго Филистина: магнит, адамант, рубин, іакинф, амефіст. Кождо же их свойством своим нѣкую добродѣтель Маріину изобразують. Магнит, влекущій к себѣ желѣзо, образует смиреніе Маріино, еже привлече бога на землю, в словесех бо ея смиренных сих: се раба господня, буди мнѣ нынѣ по глаголу твоему; снійде бог с небесе и воплотися от нея. Адамант твердый являет мужество Маріино. Рубин червленный цѣломудріе. Іакинф небеснаго видѣнія показует богомышленіе ея. Амефист огневидный любов палающую. Сими пятьма мысленными каменми аще и вси голіяды пекелныи изряднѣе же пять болших побѣждаются. Магнитом смиренія убиваетъся бѣс гордости. Адамантом мужества уязвляется бѣс, страхованія наносящий и ослабляющый к подвигу. Руби-

ном цѣломудрія бѣс безстудія и нечистоты. Иакинфом богомышленія поражаетъся бѣс земнаго пристрастія. Амефистом любве бѣс ненависти. И недивъно, что имени сего пресвятаго боятся и трепещуть бѣсы. Еще бо в ветсѣм завѣтѣ пять вещей обрѣтошася, починающихся от пяти лѣтер имени Маріина, иже силу сего имени прознаменоваша: Море чермное, Аред источник, Руно Гедеоново, Іордан рѣка, Арарат гора...

Прилог

...Пишет Іаков де Вораине о нѣкоем благороднѣм, иже, богат быв, обнища зѣло и в великой печали бысть, сѣтуя о погубленном богатьствѣ; явижеся єму діявол в образѣ воина, яздя на конѣ чернѣм, иже вины печали єго вопрошаше и увѣдав не скорбѣти повелѣваше. Аз, рече, обогащу тя и славна сотвору, точію ты єдино мнѣ обѣщай. Той же с клятвою обѣща єму сотворити то, єже востребует. И указа єму діявол єдино мѣсто; зде, рече, копай и обращеши множество многое злата, сребра и каменія драгаго; обаче за сіе приведеши ми на се мѣсто жену твою. Копав же на мѣстѣ том человѣк оя и обрѣте, яко повѣда єму бѣс, сокровище от многих лѣт сокровенное, єже помалу възымая, обогатися зѣло. Купив села многа, рабы же и рабыня, и полаты, и прославися паче инѣх велмож. Пришедшу же времени тому, коєго обѣща со клятвою поставити жену свою бѣсу в унареченном мѣстѣ, идѣже обрѣте сокровище. Рече єй нощію: пойдеви на оно мѣсто поблизу нас, имамы бо тамо нѣкое орудіе. Не повѣда же окаянный вещи, соглашенной с дѣмоном; она же трепешущи и боящися не хотяше ити, обаче и не хотя повинуся мужу. Бѣ же зѣло благочестива и честнаго житія, к пресвятѣй богородици по вся дни многи возсылаше молбы. Идущи же ей въслѣд мужа, случися има ити мимо церков недалече пути стоящую, и моли мужа своего жена пождати ю мало. Аз, рече, иду и совершу обычное мое правилце, к пресвятѣй богородици пред церковію и паки скоро возвращуся. Повелѣвшу же мужу ити єй, иде и пред дверми церковъными себе поверже плачущися и молящися прилѣжно, поручающи себе своей покровителници пресвятой богородици. Оле чудеси и милосердія богородичина! Како не оставляеть в послѣдней бѣдѣ сущих тѣх, иже усердно к ней прибѣгаютъ. Наведе на ню сон, яко же древле в раи бог на Адама, и лежащи ниц на землѣ в молитвѣ усну крѣпцѣ. Владычица же наша въмѣсто жены иде к оному человѣку, ждущу жены своея на пути, и послѣдствова єму, мнѣв он, яко жена єго єст. Дошедшим же им унареченнаго мѣста, се князь тмы со тщаніем градяше к ним веселяся, да яко же близ бысть встрепета и возопи: «О клятвопреступниче, погубил мя єси: аз ти рѣх привести жену твою, да отмщу єй пакости многія, иже ми сотвори, ты же привел єси матер владычню, да мучит мя». Се єму со воплем глаголющу, опален бысть силою богородичиною, яко же огнем, и вринен в адову пропасг. Владычица же наша бысть невидима. Видя и слыша сія вся, человѣк он паде на землю, яко мертв от великаго страха, не оста бо в нем дух от видѣнія ужаснаго сего, и долго лежа; едва быв в себѣ востав и пойде дрижащи по пути, возвращаяся к дому своему, недоумѣваяся о женѣ своей, где єст. Мимо ходящу же єму церков, съвратися к ней, да тамо молит ся о грѣсѣ своем. И се обрѣте жену свою при дверех церковных спящу, юже возбудив все подробну повѣда єй. Она же слышащи изнемагаше духом

от боязни и помолишся обое со плачем возвратишася в дом. И исповѣдавъше грѣхи своя, оставиша все богатство бѣсовское и прочее время пожиша богоугоднѣ, благодаряще заступницу свою пресвятую дѣву, яко их от толикія спасе погибели милостію своею. Виждь, како хранит владычица своих подкровников.

ПИРАМИС

АЛЬБО СТОЛП ВО БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ ПРЕСТАВЛШАГОСЯ ВЫСОЦѢ В БОГУ ПРЕВЕЛЕБНАГО, ЕГО МИЛОСТИ ГОСПОДИНА ОТЦА ИННОКЕНТІА ГИЗЕЛЯ, АРХИМАНДРИТА СВЯТОЙ ВЕЛИКОЙ ЧУДОТВОРНОЙ ЛАВРЫ ПЕЧЕРСКОЙ КІЕВСКОЙ, КУ ВѢЧНОЙ ПАМЯТИ В ГОД ПО ПОГРЕБЕНІИ ЕГО ПРИ СОБОРНОЙ ПОНАХИДѢ ПРОПОВѢДІЮ СЛОВА БОЖОГО ПОСТАВЛЕННЫЙ РОКУ 1685 МѢСЯЦА ФЕВРУАРІА В 24 ТРУДОМ ГРѢШНАГО ІЕРОМОНАХА ДИМИТРІЯ САВИЧА, НА ОН ЧАС КАЗНОДѢИ ПЕЧЕРСКАГО

Смерть а час на то настоят здавна, абы и людій и их памяти пречь гладили з свѣта, слухачу презацный, якож и доказуют своего: смерть людій в нелюде, час людскую память в непамять обертает; смерть кождого в гроб, час немал кождого пускает в забвеніе. Смерть, о як много от Адама людій змѣшала з землею! Час то як много от потопа дѣл людских сровнал з землею! Смерть человѣки посѣцает, а час и памяти их поядает, отколь поядачом рѣчій от мудрых есть названный. Лечь гды и острая коса смертная на камень, и гартовни часа зубы на мармур трафят, налатво чого докажут: гды, мовлю, трафят на так святобливаго человѣка, которого смерть не есть смерть, але начало вѣчныя жизни, когораго добріи дѣла и в книгах небесных и в сердцах людских на вѣчную записаны память,— там и коса смертная тупѣти, и зубы всѣх рѣчій поядача часа крушитися мусят...

...Таковому человѣкови в богу зешлому, высоцѣ превелебному его милости господину отцу Иннокентію Гизелю, архимандритѣ сей святой великой чудотворной лавры печерской Кіевской, отцу и пастыреви нашему, рочную нынѣ отправуем память, котораго память не отидет, а имя его и в потомніе вѣки жити будет, котораго мудрость и посторонним значна, а за добріи свои дѣла в устах всѣх мѣет похвалу. Тут и ты, смерте, не верх водишь, бо упованіе его безсмертія исполненно, и ты, часе, своими забвенія зубами такого человѣка не згризешь памяти, бо во память вѣчную будет праведник (Псал. CXI, 6).

Старовѣчни люде, пилно ся о том стараючи, абы их память могла быти вѣчна, трудом великим и коштом немалым будовали недобыти грады крѣпкіи, столпы великіе, вежи высокія, пирамиды...

...Нынѣ поминаемый высоцѣ в богу превелебный его милость господин отец Иннокентій Гизель, архимандрит печерскій, отец и пастырь наш, вѣчную по себѣ зоставил память,— в чом же? не в мармурах и алябастрах, не в подлеглих забвенному часови вежах, столпах, пирамидах, але в добрых, побожных, благоразумних и богоугодных своих дѣлѣх, которыя и пред богом нѣгды незабвенныи, и пред людми долгопамятныи, зоставил память в великой святобливости своей, праве несмертелную... Которую его память бысь могл лѣпш видѣти и должей памятовати, презацный слу-

хачу, умыслилем помощію божіею, подражаючи древних родов, при гробѣ его поминателными похвалными словесы, хочь неумѣетный, создати пирамиду альбо столп не з бренных, але з духовных матерій и вложити на него знаменіа, а знаменіа особливших в житіи преставльшагося дѣл добрых, а то ко памяти вѣчной. И не треба мнѣ тут хотящему столп создати, сѣдши разчести имѣніе, аще имам еже на совершеніе, гды скарбница высоких цнот в богу зешлаго высоцѣ превелебнаго архимандрита, в памяти ласк ваших еще забвеніем незатворенна. Тылько ты, Христе спасителю, повелѣвый, чрез апостола нам поминати наставники наша, в зачатом дѣлѣ благодатію своею поспѣши, а ласки ваша нетескливым слуханіем поможете.

Не отидет память его, и имя его поживет в род и род, премудрость его повѣствуют языцы, и хвалу его исповѣсть церковь.

Пирамиду альбо столп ку вѣчной памяти в богу зешлому высоцѣ превелебному его милости господину отцу Иннокентію Гизелю, архимандритѣ сей святой великой чудотворной лавры печерской Кіевской, отцу и пастыреви нашему, здати начинаючи, слухачу презацный, шукаю себѣ образца, которым бы кшталтом тое зачати зданіе. Не подобалмися кшталт вежи Ноевых потомков, альбовѣм и сам господь бог в ней не благоволил: сниде господь видѣти град и столп, иже здаша сынове человѣчестіи, и рече: пріидите, сошедшеся, размѣсим языки их (Быт. XI, 5—7).

Не подобалмися и образец столпа Авессаломова, альбовѣм и сам в нем не сподобился, яко мыслил, быть положен, але гдѣсь в глубокую пропасть, яко здрайца, вкинен, и каменіем завалян. Не подобалмися и визерунок пирамид Маккавейских; альбовѣм тыя подобны были таковым пирамидом, яковыя Мемфис, полный балвохвалства и чаров град египетскій, над власцов своих трупами ставил. Иншим кшталтом так зацнаго в церквѣ божіей прелата гроб и память пріоздобити треба. Знахожу в церкви Соломоновой образец столпов надобный, которых столпов была матерія мѣдь и золото, оздоба их золотая, сѣть лѣлѣй и яблка, в тожь злотом оздобленніи и вѣнечным колом на капителях вложеніи. Таковым кшталтом збудуймо пирамиду в богу зешлому высоцѣ превелебному архимандритѣ, таковый столп ему духовнѣ поставмо; мовлю, столпу его, в церкви Соломоновой стоячому, золотою сѣтю лѣлѣями и яблками пріоздобленному, уподобѣмо; альбовѣм был он заправдѣ единым столпом в церкви божой, яко згоднѣ всѣх россійских сынов уста завше твердили, же Иннокентій Гизель, архимандрит печерскій, есть то столп, есть филяр[1] в церкви божой. Яко теды за живота своего был сам столп церкви, так по смерти вспомнѣнное его добродѣтелное житіе пред умными очима вашима нехай стает столпом, а столпом в святая святых стоячом: якоже и не вонтпіим, же як прежде в церкви воюючой, так теперь в церкви тріумфуючой, есть столпом таковым, яковым кождого оборонцу церковнаго учинити обѣцует господь, мовячи: побѣждаючаго сотворю столпа в церкви бога моего (Апок. III, 12)...

...На столпѣх обычно знаменіям яковым, для памяти вѣчной возложенным, бывати: на столпѣх цесаров римских бывали кумири, их подобіи; на столпѣх Александровых бывали писанія на памятку звитязств

[1] стовп

его; на пирамидах Маккавеовых были корабли и оружіа; на гробѣ Іосифовом в Египтѣ были снопки каменные, на память того, же он прекормил землю Египетскую под час голоду; на столпѣ Давидовом щити, стрѣлы: тысяща щитов висит на нем, и вся стрѣлы силных; на столпах Соломоновых в церкви, якося первѣй рекло, были золотыя сѣти, лелѣи и яблока.

Сей церкви Христовой столп, в богу зешлый, высоцѣ в богу превелебный, его милость отец архимандрит печерскій, подобіем не инных, ено[1] мудраго Соломона столпов, в святая святых стоячих, знаменія в житіи своем носил, а нынѣ в памяти нашей носит. Видѣти можем памятным взроком на том мысленном столпѣ златая мрежа, а тимы суть премудрая его ученія. Мудрость в писмѣ святом называется рѣкою и морем... Тых рѣк и моря мудрости неизчерпаемой сѣтми суть ученья. Так Дамаскин святый до святых апостолов мовит: «мрежею ученій ваших вселенную уловисте». Искусный был в таковой ловитвѣ в богу зешлый отец наш, гды от молодых лѣт почал мрежею ученія словесныя ловити рыбки, приводячи их к розуму. Добрѣ бовѣм премудрости вод напившися з рѣк разных, з разных, мовлю, школ чужоземских, до которых и через моря отправовал дороги, напоток зачал учити працовите в школах братских кіевских, гдѣ як много студентов в квѣтнучой молодости вразумили искусних в книжной премудрости показал, так много уловил менших рыбок Христови; поступил потом в глубину до ловенья риб болших, гды с катедры простирал цѣлый невод проповѣди слова божого о царствіи божіи, а тым ловил людей до скрухи и побожности. Еще далѣй поступил во глубину з ученія мрежами, гды на ректорствах, на игуменствах не тылько словом, але и житіем в иночествѣ полезным, в водах духовной премудрости, чистотою, нищетою и послушаніем пливаючія рыбы до столу приспособлял Христоваго. Наиглибей з тимы духовными поступил сѣтми, гды для высоких своих цнот поднесен зостал на пречестное в сей святой обители мѣсце, на архимандрію. Тут сѣти премудрых своих ученій и золотом болших прац, подвигов и трудов пріоздобил, же смѣлѣ о нем реку: на столпѣ мрежа златыя. Духовнаго того столпа нашего здобила сѣть, а сѣть непростая, лечь золотая. Словеса бовѣм полезнаго ученія ак в мрежѣ очка, единыи з другимися вяжут и стаются великою мрежею. Великим ученіем слов зась тых учителных самым дѣлом в себѣ оказанье есть истое злото, и не так словесныя рыбы простою, яко золотою, сѣтью ся ловят; не так, мовлю, люде з слов вымовных, яко з добрых дѣл учителя своего и з цнотливаго его житія, берут ползу. Нехай хто тут речет, же в богу зешлый пастир, вставши на преложенствах, а особливе на сей высокой в святой обители годности, не ставал уже на катедрах, не мовил казаней, таковому отповѣм: болш тот премудрый ловец Христов уловил самым добрым дѣлом, нѣж кто словом; болш научил побожным своим житіем, нѣж кто мудрым казаніем; болш тот ползовал молчачи, нѣж кто много мовячи, гдыжь далеко голоснѣйши и скутечнѣйши есть голос дѣла, нѣж голос слова. Будь кто надобным оратором, яко другій Демостен; будь добрым філіозофом, яко другій Аристотель; будь сладкомовним, яко другій Цицеро; а без дѣл добрых нѣгды того не докажешь, що гугнивый и косноязычный Моисей з добрыми дѣлы...

[1] тільки

Едного часу в Рымѣ знайдено неякись давный каменем приваленный гроб, знать якогось великаго пана, в котором при костех была табличка, маючая на себѣ таковыя в двѣ стручки написанныя слова:

истощих, даровах, сохраних,
имѣх, имам, погубих.

Шо бы тыя слова мѣли значити, нихто разумѣти не могл. Зезвано потым людій мудрых, которыи могли на тот час там быти. Тыи, по долгому уважаню, згодилися вси на едно, тлумачачи знайденныи слова так: еже истощих — имѣх, еже даровах — имам, еже сохраних — погубих; якобы тот мертвец тым своим писмом так до живых мовил: то тылько само, що колвѣк за живота моего учинилем кому добрѣ, що даровалем требующому, що далем неимущему, то по смерти моеи знайшолем, то мнѣ не пропало, то мѣю навѣки: а що колвѣк на свѣтѣ ся остало, до шкатулы ся вложило, в скарбницы ся замкнуло, що ся в земли заховало,все тое пропало, жаднаго оттолѣ не маю прибытку: еже даровах — имам, еже сохраних — погубих. А ктож вонтпит, же в богу зешлый отец наш знайшол то теперь в небѣ, що за живота дал убогим? Хлѣб той святой ялмужный, на лице воды пущенный, мовлю, убогим данный, обрѣл на водѣ покоінои, обрѣл благодать у бога, и власнѣ нынѣ до нас мовит: еже даровах — имам; що-м истощил убогим, то маю у бога; що-м роздал на землѣ, то збираю на небѣ; що-м даровал калѣкам, то нынѣ сторицею отбираю и живот вѣчный наслѣдствую...

ІСТОРИКО-ЦЕРКОВНА ПРОЗА

СИНОПСИС

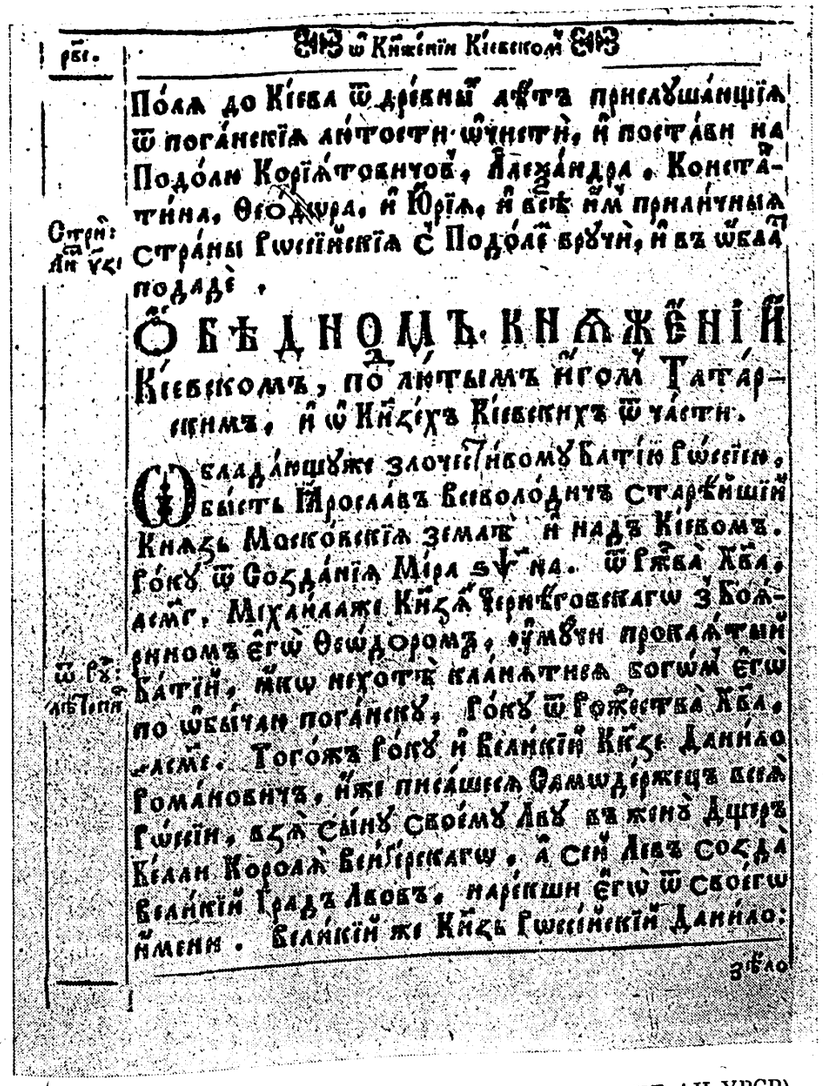
Найвидатніша історична праця XVII ст. «Синопсис» (грецьке слово — «огляд») — перший підручник з історії, надрукований у Києві 1674 р., перевиданий потім багато разів аж до 1836 р., поширений в рукописних копіях на Україні і в Росії. Починаючи з легендарної історії давніх слов'ян, «Синопсис» переходить до київських князів, викладає події з історії України і Московської Русі, кінчаючи 70-ми роками XVII ст. (добою царювання Федора Олексійовича). Твір приписувався довгий час, без достатніх підстав, ректору Києво-Могилянської колегії Іннокентію Гізелю. «Синопсисом» широко користувалися російські і українські письменники XVIII — початку XIX ст., розробляючи в своїх творах сюжети з рідної історії.

СИНОПСИС[а]

О КНЯЖЕНІИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА В КІЕВѢ И В ВСЕЙ РОССІИ И О САМОДЕРЖАВСТВІИ ЄГО

Року от созданія міра 6486, а от рождества Христова 978 великій князь Владимір Свѣтославич от корене Августа кесара римскаго, владѣвшаго всею вселенною, внук Игоров, правнук Руриков, по смерти братіи

а Видання 1678 р.

«Синопсис». Сторінка з київського видання 1674 р. (ЦНБ АН УРСР).

своея, Олга и Ярополка, объемши их княженія и всю Россію Полунощную, Восточную, Полуденную, Бѣлую и Чорную к своей власти приведши, нача писатися царем и великим князем и самодержцем россійским. Созда же и град велик и красен пятънадесят верст от Кіева, нарекши его Бѣлъгород, и престол княженія Великоновгородскаго в Кіев пренесе. Поминая же братію убіенную, нача ставити богомерзкія ідолы в Кіевѣ и по окрестных горах и долях кіевских, творя им честь и поклоненіе божественное сам и всѣм людем тожде повелѣваше творити, а противным имѣнія, отчины и достоинства отемляше.

О идолѣх

Въпервых постави началнѣйшаго кумира именем Перуна бога грому, молнія и облаков дождевых на пригорку высоком над Буричовым потоком по подобію человѣческу: тулуб его бѣ от древа хитростнѣ изсѣчен; главу имущ сліянну от сребра, уши златы, нозѣ желѣзны, в руках же держаше камень по подобію Перуна палающа, рубинами и карбункулем украшен, а пред ним огнь всегда горяше; аще же бы по нераденію жрецескому ключилося огню угаснути, того ради жерца, аки врага бога своего, смертію казняху.

Вторый ідол бысть Волос, бог скотов. Третій Позвизд, иніже прозваша его Похвист, нѣціи нарицаху вихром, исповѣдающе бога быти воздуха, ведра и безъгодія.

Четвертый идол Ладо: сего имѣяху бога веселія и всякаго благополученія, жертвы ему приношаху, готовящійся к браку помощію Лада мняще себѣ добро веселіе и любезно житіе стяжати. Сіяже мерзость от древнѣйших ідолослужителей произыйде, иже нѣкіих богов Леля и Полеля почитаху, ихже богомерзкое имя и до нынѣ по нѣким странам на сонмищах игралищных пѣніем Лелюм Полелюм возглашают. Такожде и матер Лелеву и Полелеву Ляду,— поюще Ладо, Ладо и того идола ветхую прелесть діаволскую на брачных веселіях руками плещуще и о стол біюще воспѣвают, и от сего православному христіянину всячески блюстися подобает, да не возбужденіе казни божія бывает.

Пятый ідол Купало, егоже бога плодов земных быти мняху, и ему прелестію бѣсовскою омраченныи благодаренія и жертвы в началѣ жнив приношаху. Тогожде Купала бога, или истиннѣе бѣса, и доселѣ по нѣкіим странам россійским еще памят содержится, найпаче в навечеріи рождества святого Іоанна Крестителя, собравшеся в вечер юноша мужеска, дѣвическа и женска полу, соплѣтают себѣ вѣнца от зелія нѣкоего и возладгают на главу и опоясуютъся ими, еще же на том бѣсовстем игралищи кладут и огнь и окрест его, емшися за руцѣ, нечестиво ходят и скачут, и пѣсни поют, сквернаго Купала часто повторяюще и чрез огнь прескачуще, самых себе томуж бѣсу Купалу в жертву приносят. И иных дѣйств діяволских много на скверных соборищах творят, ихже и писати не лѣпо ест. Посем святаго Іоанна Крестителя празднику еще и о праздницѣ святых верховных апостол Петра и Павла свою сѣть діавол запинает чрез колыски, на них же бо колычущимъся приключается внезаапу спасти на землю, убиватися и злѣ без покаянія душу свою испущати...

О обліянін водою на велик день

Нѣціи от древних беззаконій источником и єзером умноженія ради плодов земных жертвы приношаху, а времснем и людей в водѣ топяху. По нѣкіих странах російских еще и доселѣ древнего того безъчинія отновляется память, єгда в время пресвѣтлаго дне воскресенія Христова собравшеся обоего полу юноты иди и старыи друг друга по подобію нѣкоего утѣшенія в воду вькидают, и случается наваждением бѣсовским вьверженному в воду или о камень, или о древо разбитися или утопати, и злѣ испущати душу свою: иныи же аще не вкидают в воду, то поливают водою, томужде бѣсу жертву древних забобонов отновляюще, а нынѣ в обычай утѣшенія, а не жертвы ідолскія творят. Обаче лучше бы и тому не быти.

Шестый идол Коляда, бог праздничный, емуже праздник велій мѣсяца декемврія 24 дня составляху, обаче аще людіе россійскіи и святым крещеніем просвѣтишася и ідолы искорениша, но нѣціи памяти того бѣса Коляды и доселѣ не престают отновляти, наченше от самаго рождества Христова, по вся святые дни собирающеся на богомерзскія игралища, пѣсни поют и в них, аще и о рождествѣ Христовом воспоминают, но здеже беззаконно и Коляду, ветхую прелесть діяволскую, много повторяюще присовокупляют. К сему на тыхже своих законопротивных соборищах и нѣкоего Тура сатану, и прочія богомерзскія скареды измышляюще, воспоминают. Иныи лица своя и всю красоту человѣческую по образу и по подобію божію сотворенную, нѣкими лярвами или страшилами, на діаволскій образ пристроенными закривают, страшаще или утѣшающе людій...

Развѣ тѣх бѣсовских кумир, еще и иные идолы мнози бяху по имени Усляд или Осляд, Корша или Хорс, Дашуба, или Дажбог, Стриба, или Стрибов, Симаергля, или Семаргл, и Макош, или Мокош, имже бѣсом помраченныи людіе аки богу жертвы и хваленія воздаваху. Сіяже мерзость в всем государствѣ Владиміровом по повеленію его содѣвашеся...

ПОЛЕМІЧНА ЛІТЕРАТУРА

МИХАЙЛО АНДРЕЛЛА [a]

Михайло Андрелла (Оросвигівський) народився в 1637 або 1639 р. в селі Росвигово (Оросвигово), яке є тепер передмістям Мукачева на Закарпатті. Богословську освіту здобував у Відні, Братіславі і Трнаві, звідки вернувся в рідний край уніатським священиком. Як вірний син свого народу у 1669 р. він поривав всякі стосунки з «проклятою тщетною уніею чужою», що 1649 р. була насильно нав'язана українському населенню Закарпаття, та став палким проповідником православ'я, непримиренним борцем проти засилля чужоземних колонізаторів і Ватікану. Зазнав

[a] Цей підрозділ (вступна стаття і уривки з творів Михайла Андрелли) підготував кандидат філологічних наук, доцент В. Л. Микитась спеціально для цього, 3-го видання «Хрестоматії».

жорстоких переслідувань і катувань з боку католицьких світських та духовних владик, які заборонили йому попувати. Однак Андрелла обійшов майже всі села та містечка Закарпаття, де гнівно викривав злодіяння уніатів і агітував населення дивитися не на «смердящий Рим», а звертати свої погляди до православної Москви. Помер 1710 року в селі Іза, Хустського району.

М. Андрелла написав кілька полемічних творів, з яких збереглися лише «Логос» і «Оборона вѣрному человѣку». Повністю ці твори опубліковані О. Л. Петровим під назвою «Духовно-полемические сочинения иерея Михайла Оросвиговского Андреллы против католичества и унии. Тексты», Прага, 1932, звідки ми й подаємо уривки.

ЛОГОС

Предмова в кратком времени сем до любящих писанія святая.

Аз, съкровенное съкровище на селѣ взыскающе, зѣло копах землю очима моима старыма, обрѣтох в св. писаніих живот наш. Мой труд, а ваше богатство е, вѣрующих всѣх словесем сим.

Уныніе, лѣность до читанія — сон, не точію сон, но слѣпота душевна, волк и окраденіе богатст(в)а духовнаго. Дручает сон лѣнивого от животворящаго пресвятого духа, дверь затворяет души враг сонливому человѣку от Христа, да не бесѣдует псалом: «просвѣти очи мои, да не когда усну в смерть», рече дух божій. Будил апостолов на молитвы сам Христос, глаголал им: «въставше, молѣте ся, да не внійдете в напасть». Подобно, не знаша, что то ест за молитва: «но избави нас от напасти» (от лукаваго человѣка). Чтѣте св. отца нашего, Макарія Егіпецкого, или св. Анастасія Синайскаго, Въпросы и отвѣты, 96.

Яко твое есть царство, и сила, и слава!..

...Рімянінови, татаринови, лютеранінови, калвинови, турчинови и прочіим поганом, яко и унѣятинови отступникови глаголет ся сіе всѣм. Котрое сіе? Же попа легко обернути до бѣса, отхилити от Христа Бога, страхом устрашивши, грозбою. Прозбу котрый не слуха, легко (лацно) до ланца вложити та судити, як воля, як хотѣти. По том злым безбожным римяном и иным таким лацно (легко) и без ката катовати. Не кат или говгер[1] душу мучит, але отступники, толко не знают, же сами себѣ ров копают, сами в нем и будут, аще (ся) не узнают, что ся чтет: «ров изри и ис копа и, в въпадет (ся) в яму, юже с дѣла»; и инде псаломник учит: «изрыет ся грѣшному яма». То ся мовит, речено ест юж: попа, учителя кождого таковыи, котрыи правду не любиша, убиша, и царя Христа, и многих святых мужей, и жен, и дѣвице.

Ци тако? Прочитай первіе себѣ, потом людем проповѣжд апостолское — скорб в телесных, радость в духовных: «в скорби мнозѣ с радостію Духа святого», апостол рече. Комус сполняти писанія от незнающих и сіе, и оное: «зане таяжде пострадасте от своих сѫплеменник, якоже и тіи от жидов, убивших господа Іисуса и его пророки и нас изгнавших, и богу не угодивших, и всѣм человѣком противящих ся».Таковіи сут римяне, «боронят нам глаголати языком», 276 зачало. Аще кто вѣрен и невѣрен, чтѣте. Вѣрный для утвержденія, невѣрныи — для знаня того, же всѣм

[1] hóhér (угорське) — кат

не заткати уст ниже не зашити, яко чтет ся: «зашіем им» — антіхрист унѣятом — «уста их», лист 2342.

Аще кто, не разумѣв, и не разумѣвает, яко той зашивает уста трояким способом или образом, кипом[1]:

1. чтѣте, научите ся от Богословцова апокалипсис(а), гл. 12, в ст. 3: лицемѣрнѣ молит ся и мнѣ оного слузи, предитечѣ антіхрістовы, молиша-(ся);

2. страшит, грозит боязливых. Котрых не может напудити, ужаснути, видит, же человѣк памятает на смерть, «бойте ся господа вси святыи его» в умѣ носит и в сердци сіе носит: аще святыи повинни ся бояти бога, а мы, грѣшніи, игеніш[2], еже е: и овшем, кольми паче и барзѣй. Приходит многократ, мыслит, як бы изрушити вѣру — не желѣзну, ниже из оцеле;

3. берет в руки бога(т)ства міра сего красная; кто имѣет — вся имѣніа ст'имует и глаголет: «кто ся поклонит, вся тому дам» — и тое дам, что и сам не имат. «Бикешигом[3] останет при мнѣ, у покою поживем из унѣятами, они же из нами, яко брат с братом».

... «Блажен муж, иже претерпѣт искушеніе, зане, искушен быв, пріимет вѣнец жизни, егоже обѣща бог любящим его» — зачало апостолское, 50.

Котріи любят бога, моцно крѣпьти ся требно е таковым, памятати: «мужай ся, и да крѣпит ся сердце» человѣче, и твое, якоже мое.

Сам Христос укрѣпил мя был, егда хотѣша звѣріе рімскіи главу мою оголити от власов, и брады и уса — да хожду, яко покуса. Може не знано вам або и не разумно, что пишу дѣянія злая римян.

Видѣвши они — пек им от наших!— же ани на их страх, ани на прошеніе, на моленіе не дбах нич а нич, умыслиша злым духом своим призвати унѣата владыку. И призвавши до полат Волошиновскаго Іосифа[а] и панов своих, на имя Лазар Тамаша Жигмонта, прозвищем Борнемиса, дворника[б], и префектуша[в], Орос Паль именем сут, и мене в претор представиша предь собою, яко жидове Петра и Павла святых. Тамо поставиша на столѣ мою честь и безчестіе в едно.

Видѣх все ту: владыку, патров діаволов и цанув. И позинув, тое, отворил уста своя мой владыка: «ото видиши красных честных патров и панов пред собою. Чтож ты гадаш, мыслиш, на свѣтѣ живучи?! Цезар нѣмецкій, кроль полскій, иншіи монархи, великіи панове, все сут папежници, и мы с ними юж. Дай ми руку свою на твое, же быс с нами у едности зоставал и ты»!

Не изволих по совѣту их. Они мене, ухвативши, приведоша к столу своему в полатѣ и даша владыцѣ до рук стригалню свою, ножицѣ, рекоша: «обстризи ему власы вся, браду и главу, еще же не лиши и уса, да будет простаком, хлопом, па(н)щину робити, а не поповати».

Просит мя владыка: «небоже, не чини срамоту в стыд сам себѣ, опамятай ся, что ти ся стало?! Послухай всѣх нас, у чести людской и ты буде из нама».

Не изволила душа моя временной (их) славы. Изволих терпеніем,

[1] kép (угор.) — образ [2] igen is (угор.) — точно так [3] békesség (угор.) — мир, спокій

а Іосиф Волошинський— Мукачівський єпіскоп.
б Управитель Мукачівської домінії.
в Комендант Мукачівського замку.

яко осужденик, молчати, стоаще пред ними ждати от Господа Бога помоще; и «дадет всѣм, боящим ся его», и мнѣ в той же день и час: «и недостойным извыкл. Саваоф силный дѣяти сам».

Егда юж до того пришло, стризи ты, пушпеку Іожефу[a] наш!

Яко юродивый или буй Христа ради, аз начах слезы проливати, каплѣ дождевная очеса моя испущаху (але не знал, про што). В той же час, тое видѣвши, оніи панове рімскіи рекоша: «дайте ему покой, не творите тое! Что ему дано, не изнимайте вы из него, священство, точію не дайте под нашею властію поповати. Аще будет нашим, дайте. Шкода, квар[1], Мигаль поп, тебе! Чему не хочеш наш остати»?! Потом тіиж рекоша патрум: «дайте ему книги, негай смотрит и чтет себѣ. Ачей просвѣтит ся ему от книг душа».

Правду рече тое, же книги душу просвѣщают и учат знати, что человѣк, и звѣр, и живот вѣчный и прочыя. Христос о том учит: «Испытайте писанія, яко вы мните в них имѣти живот вѣчный»: 17 Іоанново пробалуйте зачало.

Даваша мнѣ они своих книг досыт, в нихже не живот, но смерть вѣчная. Читат аз, але все мыслих, что есть тое послѣдное слово у нашом Отче наш: «избави нас от лукаваго».

... Они сице о мнѣ мыслиша: еще молодый, еще не знает правду всю. Нех ся учит, научит ся папу знати, яко иніи отцем назвати, святым человѣком. Не спал оп из моею мамою, же бых отцем его звал, а нѣм го видѣл, ниже мнѣ дает остію! Оплатка его не хощу, анѣ грошій его. Ещем в (о)нен час плюнул на него, егда отрицал и кум нянув, а мой батенько (по нашому языку нунашко) или въспріемник мой при св. крещеніи. Боже, их всѣх от грѣхов прости, котріи мене окрестиша из священником! Почах свѣта чистого видѣти без рімскаго — не отца, но, по науцѣ Христа и пророк, антіхріста.

Великое то дѣло и реч не мала, же бы не вѣровати пророком всѣм и самому нашому Іисус Христу и евангелію. Дуже отвори очеса своя, что о оном пишет ся вѣрному человѣку: «аще ин прійдет в имя свое, того пріемлете». Пророковал сам о том и мнѣ, и вам Христос. Сполнило (ся) слово Христово на мнѣ. И аз бѣх темником, слѣпцем от зачала 17. Нынѣ (от лукавого) знаю, где пишет ся мнѣ и вашим душам Павлом, 273: «и открыет ся человѣк безаконія» и проч. «Отступленіе» что ест? Того самого антіхриста нарицает отступленіе.

...Унѣтове, а хочай вы, римяне премудріи, повѣдайте, възвѣстѣ те людем своим, чтс сут словеса и в котрых псальмѣх сут: «о, горе всѣм невѣрным вам! Оружіе же (сіе) являет наведенную нечестивым и грѣшным муку по праведнѣм суду и повеленіи, из Божественных уст изнесенным, чрез негоже несломимым безконечных мук к недѣланію многоразидительныя злобы» «пасомы будут жезлом» от 2 псалма, ст. 9, «имже святі пребывают неискусими», «яко не»(оставиши) «оставит Господь» на них «жезла грѣшных» по псаломскому словеси.

... Учит Дух и тое наших: «благоволеніе Господне ест отступити грѣха, и очищеніе ест отступити от неправды», яко оная притча повѣдаема:

[1] квар (болгар.) — жаль
[a] Єпіскоп Іосиф.

Едип христіянин ишол из торга, мал грошій много, котрого стрѣтил поганин Ассур, исмаильтянин, турьчин в пути его, бывшій из еднаго повѣту, сусѣд и знаимиця. Христіянин оному на прозбу турчинову позычил ему таляров 5 сот (500), поневаж были себѣ знаемыми, единограждане.

Опый человек христіянин мовит ему: «треба бы свѣд(к)ов» (бизонщагов)[1], «можеш потом таити ся, а ту есмо у поли сами, не у градѣ есмы, анѣ у селѣ». Турчин, узривши едно живое древо, по латинску арбор, речет оному христіянинови: «подмо под древо оное». Пришедши, почнет мовити ему: «тое зеленое розвиток красное древо Бог даде, и стоит, яко древо, на том своем израстше мѣсцу. Прошу тя, дай ми под ним зычаным способом, из накладом отдам ти в рук. Не гай ся, грошми, яко купец, измагаю, керешкедую[2]. Вѣруй ми, отдам ти, отдам ти, еще и пожед дам ти».

Оный христіянин знал, что евангеліе святое учит наших христіян: «просящему у тебе дай» и «добро творите ненавидящим вас», паче же домашным, по св. апостолу, дал ему и ждал до року. А в рок, пришедши, просил от него свое. Он же почал таити ся, гнѣвати ся; яко чловѣк земный, мыслил, же тое никто не знает и не вѣдѣл.

Тому христіянинови даде ся от господа Бога нашего мысл, и пойде до турецкого кликуна их, до патра, котрый кличе к себѣ всѣх дурных на молитву мерскую, тое, скарѣдную богу и нашим душам.

Притовши, скаржит ся на того турчина, же не признавает (ся) довжным быти ему и мовит, же и не просил, и не знает нич о том человѣку. Выслухавши турецкій учитель кварного, послал по того турчина. Пришедши, стал ему мовити: «чему не отдаеш должное ты?» Отвѣща же: «не тылко, абы ему должен, ниже знаю сего гаура человѣка. Лжет он»! Паки рече кликун христіянину: «пред ким и где еси да ему грошѣ твои, человѣче? По правдѣ кажи, бо видит все Валлага, Адонай, в небѣ сущій, Саваоф, моцный Господь Бог». Христіянин повѣл: «в полю под древом, дичкою едною, стоящею горѣ верхом; сырая ест, в поли нашом стоит». Речет кликун Турчин ему: «Иди ты, человѣче, борзо до того древа и призови пред мене оное скоро а скоро. Кажи ему, нех ти будет свѣдчити на сего турчина».

Оный бѣдный человѣк, поскробавши ся у главу свою, не хотѣл ся потрудити, мусѣл потом пойти, поневаж старшого кто не слухает, біют, фукают, безчествуют, лают, изганяют. Пошол из дому вон. Кликун поличет: «борзо ходи, и пріидѣте, бо я сего не пущу вон до твоего приходу, ждати буду тя».

Он, сиромах, побѣже, а той ся издрѣмал турчин, стояще пред ним. Едного разу речет(ся) ему: «гей, ци чуеш?! Як розумѣеш ты, до того дерева дойде ли юж той человѣк или ни?» Отвѣща: «ни, бо тое было далеко отселѣ».

Кедис, некеди, с страхом пріиде той человѣк пред лживаго попа турецкого. Речет ему: «Ци идет»? «Нет, пане, не пріидет». Отвѣща ему: «давно ту пришло, перше от тебе. Поразумѣх аз от слова его, же должен ти ест, повѣлѣ едным своим словом. Иди до дому, юж не жури ся. Мусит

[1] bizonyság (угор.) — свідок [2] kereskedik (угор.) — торгувати

отдати. Ведѣте сего у робшаг[1] зараз, у темницю, яко должника христіянинови. Повѣл, же еще не дошол, где тое Арьбор».

... Скоро мя почал діавол пытати толмачем своим, кто мя хиротонисал, котрый владыка? Ис того едного слова познах владыку — и не владыку, но врагов, бо двае быша, пред нимиже стоях; бѣскупове, а не пастыріе обае сут. Мѣсяца марта и апрѣля дня пятого пред ними стоях, аки осуяденый — языка ли рѣзати, или отсѣщи руку, или воды и сѣна преставити и замуровати его у стѣну каменную. «Буй буя възглаголет».

Мнѣ болша будет слава, а о чести и славѣ земной нич не дбаю, яко «той рече, и быша», же «блажени есте изгнаны правды ради». Покажет ся и наша правда на судном оном страшном дни, яко оного брата христіянина из поганином турчином. Он не мал бизоншага ни едного человѣка, але бо аз много имаю и папѣштаков, ляхов же.

Псы выют, горѣ главы держат, але тых глас не слухают св. пророки, ани апостолове, ниже мученикове, анѣ всѣ св. угодници божіи, сущіи в раю. Яко пса, егда избѣсит ся, сице храни ся, унѣяте брате, патров, бо прокажена ему не плот, но дух ему нечистый е.

Читай, знайдеш в писаніях Божіих многая благая,знайдеш, яко и аз.

Не водою руки мыют, ниже мылом от нечистых римлян нашѣ ноги, и руцѣ, и смердящая уста, но правдою и добродѣтелію. Не языком молим ся милостивому Богу, но держим ся святых колѣн самого Христа и знаем повѣсти, кому бы потребно знати, где Христос живет — и мы с ним же.

... Богат еще и той, котрый читал о том, же жона у старом Римѣ, папою бывши, осмая Иванка уродила, може, от пса, латька, зачала была. Читай, знайдеш друкованую книгу о том, 121 лист, и далѣ читай, узриш лист 143: чему на Іордан воду не ходят и не дръжат св. богоявленіе, празник празником; чему папѣж един позволял попом своим держати жен, а подложниц, колко сам схочет, курв (волно).

Нашим не папа Формос законоположником, анѣ Александрове вашѣ сут, але таковыи, котрых не знают не точію римляне, унѣты — самаряне, але ктось и простачок, смиреный брат наш.

...Тое ся стало, было с мною перше, егда не читах св. писанія. Бывах многажды при пожарѣ великих домов живых человѣк. Дом О(т)чій горѣл, аз же смѣях ся тому, же церков горѣла. В людех діавол из них палил. И при таких жих людех!

Аз же, егда дом сусѣда горѣл, сѣдѣх в дому моем, окна позапирающе, мыслих: «негай горит, добре, так ему треба!» Вызоры або окна хижняя для того имѣх заперта, дабы мыслили видѣвшіи дом мой, же нѣман мя в дому моем, пусто стоит, без господаря ест.

В той же день, егда горѣло и сусѣдов близко моего дому дом, пріидет един человѣк под мой дом, пріятель, и рече: «кто е в дому, утѣкай из дому. Горит над тобою юж и твой дом, Михаиле Оросвигувскій, поповскій дом, зри!» Отвориши окна, вызоры мои, увидѣх свѣтло от огня, в ночи бывши. Утекох из дому, лишивши все в дому, да сам огнем не скончаю ся при огни оном, писаном у псальмѣ 57: «паде огнь на них, и не видѣша солнца»—

[1] rabság (угор.) — рабство, темница

римяны с моими браты унѣтама. Смотрѣте, узрите от Златослова, листы шест.

«Едино тѣло, един дух, яко же и звани бысте в едином упованіи званіа вашего. Един Господь, една вѣра». Была в том любов и вѣра, еще же и пріязнь, котрый человѣк мнѣ рече у Росвиговѣ, под Мукачовом селѣ: «вражій попе, устань, скорѣе иди!» Добре знал той 37 псалом, не так, како мы, священики, попове: «възвеселит ся праведник, егда сидит отмщеніе нечестиваго, руцѣ своиго умыет в крови грѣшника».

ОБОРОНА ВѢРНОМУ ЧЕЛОВѢКУ

Сія книга, глаголемая «Оборона вѣрному каждому человѣку», списанна правовѣрным и, могу рещи, достойным іереем, Міхаилом Феодулом и Христодулом, року того, котрого зѣло рімляне на нас наступали и гонили нас восточных, и во кладах и затворах нас держаще и пакость велію нам вѣры ради православной задавающе, но сих всѣх нас Господь избавил, якож и Петра и Павла от узилищ. Прошу и молю вас, братіа... (Далі один аркуш втрачений).

...Чуйте, слышите, что Христос речет вѣрной человѣчой души. Глаголю бо вам, моим самым вѣрным овечакм: что имает ворог наш, папѣж граду римскаго, вся возмет ся, а што учу аз вас, не хотят враги Божіи слышати сія слова: «не хотѣвшія мнѣ царствовати над ними приведѣте сѣмо и иссѣцѣте предо мною». Обаче оны, як римчиковы, сице унѣты врагы сут мои. Христос враги кажет учити, любити и доброе творити им. Доброе творю же, апостолскую милостиню даю им. Кто от вас такій човѣк, каковый не въстребует от мене наученія, но от книг св., каковую милостиню апостоли Христовы даваша. Поутеж, прочтѣте своей убогой власной души от гл. 71 в Дѣяніи, л. 244, учинѣтеж, сътворѣтеж, грядѣте, своими очесы зрѣте: каковую милостиню пророци, апостоли, и аз такую, такову вам. Милостыня моя доведет до душѣ, кто ю не имѣет, но нынѣ никтоже сіе творит.

...Негай крегче, яко жаба, Матеаш Жамбар римчик[a]. Глаголет евангелиста святый Мафеи о том, же неправа вѣра тота, в кого душевный пастыр лож. Они, римляны, самая лож сут. Ст. 11, гл. 24 смотри: «и мнози лжепророци востанут и прельстят многіа»; отож тыи сут то. Пишет тож великую лож, же нѣт вѣрного человѣка, опроч у них. И тое пишет, же требно знати, же Лютер Мартон и Кальвин Яношпапѣштаки были, обае от них ся отлучиша: «злое древо гнилое, и плод его зол, гнил есть». Христос тое рече, бо они, папѣштаки, сут сами недоброе древо, для того тоты от них — плод зол. Ертеди[1] сіе, братє христіянине? Пророка Іезекиил я, гл. 44: «яко же мати, тако и дщи», дщи матере твоея ты еси, отринувшіа мужа своего. Яко курва една, тако и друзи, поневаж лишиша правду, не мою, но общую всѣх, всю вѣру, и жидовствуют субботою и оплатками безквасны(ми). Лютер и ормянове с нима, також quicunque

[a] Matiaш Жамбор—єзуїт, автор книги «Három üdvösséges kérdés» («Три душекорисних питання»), яка багато разів перевидавалася (1661, 1672, 1690, 1745 рр.).

[1] ertedy (угор.)— розумієш

и ин; кто унѣю помагают; всѣ не знают глагол сѣй святый: речено е: «кленущу нечесивому сатану, сам кленет свою душу».

...Римлянове, калвинове, лютаропове и иныи столицю, престол нарушиша юж, бо сами не читают, а кто читает, св. божого писма не вѣруют. Ненавидѣти убо не онѣх же, но вѣру или догму, устав, не человѣка; но злое дѣяніе, растлѣный разум. Человѣк убо е дѣло Божіе, прелесть же дѣло дяволе (діаволское): «не смѣсиши убо яже Божая и яже діаволская» ...

...Патер мовит не от св. писма, глаголет, же Рим гора святая. Лжет у своей лживой книзѣ, абы точію у двох предѣлех находила ся наша святая вѣра, котріи папу римского не пріимують; о той лжи его 34 лист. Ага, власный искуситель, яко ся правдѣ божой смѣеш явити ты, яко ся опираеш и лож боронити смѣеш? Аз же бороню правдивую Христову церков, в ней же родиховѣ ся не пятсотного року, ани теж 805 лѣта, яко ты и прочіи твои сынове. Лютер Мартон отступил вас 1570 року, другого такого сына 1734 року костел твой сплодил. Злое сѣмя, плевелы, то сут твои сынове, мы же божіи есмы сыны, котрыи держимо ся св. писма. «Гора Сіон си, яже всели ся в ней»; гора — вѣра; сице учит 73 псалом. Въскую унѣятове не знаете и вы той увес св. псалом? «Враг поноси господеви и людіе безумніи раздражиша имя твое. Не предажд звѣрем (рі(м)ским) «душя исповѣдающих ти ся. Душ убогих твоих не забуди до конца» и прочая.

...Брешет, яко латько оный, котрый мнишьцѣ едной дитя, чадо, именем, Петра гугнива (сплодил); мнишка сплодила от пса,зачат ся в ней пес, пса Петра гугнивого уробил. Той из них на православных щекат, не может сынов своих, лютров и кальвинов, обратити к себѣ. Давно силуют ся извести их, але тоты боронят ся, моцною их лжею спротивляют ся, писмом, хоч и не своим, vae! А нашѣ, убогіи суще наученіем Параклита, духа святого, не знают, что на нѣ, яко песь, выет, горѣ пысок гордостю діаволевою изнявши. Слухайте и, чувши, чуйте. Гварят, мовят, глаголют: «чак Муска орсагба, точію у Москвѣ и межи турками сут отщепенце», бо мовит, же не правый дух е, дѣ(й)ствующ с церковію святою; тото великая бѣда их. А чемуж волокут, тягнут силою нашу церков, и рады бы они мнѣ погибнути скоро, борзо, просят, молят мя обратити ся. На що? На унѣю их. Пге, плюю на ню, не хощет ниже одежда моя, ани кость, ани прах одежды моея: нем, кель маш некем иштен[1], сирѣчь, не потребно минѣ Бога их, есть Бог. Пророки прорекоша, же римского папежа, бога, megkötik[2] и «славныя их ручными оковы желѣзными», апокалипс. о сем. Чему ся богом творит, святых ся не боит; свята перемѣнил, не мы, он.

...Тож проклятая сатанина тых вѣра злая будет скоро юж воняти, смердѣти нашим, скоро. Як тое розумѣти треба, же папѣж римскій всѣм отец? Ачей на едном ложи спал ти из матѣрю, из усѣма унѣятома матерію, пек ему от наших, пропад, и соромота человѣком не знати тое, еще же и студно. Что по сему хощу от св. евангелистов чернилом писати вам: «и отца не зовѣте себѣ на земли». Ертеди, ци розумѣете, унѣятове, што пишу вам: патѣр, что сіе? Паки въпрошаю вас, повѣжте себе вы, а не мнѣ,

[1] nem kell más nekem Isten (угор.)—не потрібно мені іншого бога, [2] megkötik(угор.)—зв'язувати

квид гок, цо то есть патер ваш? Я вѣм, тому тлъкованя е, не точію у св. апостолѣ, але у самом евнгеліи, зач. девятдесяттретем: «един бо Отец ваш, иже на небесах». Римскій отец ваших патрув и тое с вами не знает, же и съй, котрый жену не имѣл, имает чада нынѣ. Многих чадами знаю, же их Павел апостол, а не жена родила, але Павла святого жадеч сын духовный не смѣл отцем звати, бо вѣдаша знаша евангеліе: «и отца не зовѣте себѣ на земли, един бо отец ваш, иже на небесах». Горазд просмотри евангеліе, еще и тое тамо знайдеш, что я сам от себе не знаю, но от духа пресвятого жду, чекаю: брань будет еще велика или рать Павлова, Даніилова и Іоанова.

...Люблю аз тѣло ваше. Але чтож, чемуж вы христіян мучите? Бо у вашому тѣлу нѣт духа истинна. Христос учил и тепер же той Христос, а у вас папа есть. Але, прошу, послушай-ко, а чем же нас обнажают плотскіих рпз?! «Дайте», Христос учит, а не силою з них бери. Чем же разбоем пред многима попами шарпали, како звѣрове, нас, беручи хитоны. Даю и сорочку, бо евангелиста святый и апостол глаголет юж в зачалу, что тераз учу ся, яко от духа своего дал е тое знати, еже и мы не знали, а тераз вѣмы, знаем: «Бога никтоже нигдеже видѣ», «бог любы ест» и проч., «и пребываяй», рече, «в любви божой, и бог в нем пребывает. О сем совершает ся любы с нами, да дерзновеніе имамы в день судный, зане, якож он е, и мы есмы ту, в мірѣ сем. Страха нѣмаш в любви божой, но съвершенна любы вон изгоняет страх чловѣчій, яко страх муку, мученіе вѣчное имат. Бояй же ся не совершает ся в любви».

Мы духовная, а вы плотьская, мы в небѣ, а вы в Римѣ остаете, бо евангеліе силою из моих (рук) взясте.

...Антіхріст не токмо ваш Риму папѣж, папа, но и вси тоты, «котрій люд не вѣсть закона, прокляти суть...» Проклятый сын е таковый чловѣк, и женска пола, хочай дѣвка, хотяй папѣжтак, хотяй кто грек, хочь руснак, хотяй пан котрій, хочай монарьха, властилин свѣта краткаго, дочаснаго, временнаго, прейдущаго и пр. Кто закона, божого права не знает, тот род проклинает св. евангелиста Іоанн в зачалѣ церковном — не засудте — двацятсемое: «но народ сей, иже не вѣст» — по просту глаголю — «закона, прокляти суть».

...Зри смерти отступующих св. православія нашего в Полщи:

1. Полоцкаго владыку Германа дух злый манѣата мордовал, же, вѣру охабивши, хулил ю.
2. Пѣньского Гоголя мучил сатан, шатан, в церкви пред людми.
3. Владика Хель(м)скій отступил от правил св. отец, из женою своєю еретицко(ю) живым еще мордован от злого Духа.
4. Wladika унѣат Луцькій, Терлецькій прозвищем, котрый до Риму ездѣль поклонити ся антіхристу самому, папежу, о котром вшитци Луцкіи повѣ(дают?) барзо dobre wie, знает, іж[1] іта.

Пръвей тых чтырех якійсь Michaél Rahoza бысть uniatem, бо был лакомца и блазнем рімским, не знал истинную святых едну христіянскую вѣру, от Христа посѣянную пшеницю. Откуда имат плевелы? Враг е чловѣк(ом) діавол, всія между чистую вѣру полову свою — плевелы рімскіи; Лютер Мартон калвиністов имает внуков своих. Папѣж сплодил сына

[1] bardzo dobre wie, iz — дуже добре знає, що

и внуков, октавус Angyelczék Ioannes. А ну, Hungaria оноеж откуда посѣял враг плевелы? Сей чловѣк сосуд вражій, чрътув, Петр Петрович Парфеній, megszakat belü[1] то е, слѣпый и килы носящ между голенома своима, из села, названого Секоул. Знаю ego я, его, бом я был в дому егож в тых же Секулах, при св. Йоаннѣ блиско тое, в Нѣмецкой земли.

Человѣкови мнѣ устнѣ, языка, не рімскіи бѣскупове ани папа дали, но Еммануил наш! мушу мовити.

ПОУЧЕНІЕ ВСѢХ ОТВОДИТ НЕДОБРЫХ, ЗЛЫХ

Поученіе всѣх отводит злых и от будущеа муки избавляет. Глаголю истинну от книг: «Мнози очи свои». Духом глаголет апостол, «погубиша, мнози в недуг зѣло тяжчайш впадоша. Терпяй убо доблественнѣ, вся претерпит удобнѣ». Множество злостій ест в римской щербой вѣрѣ их, яко во оном Ноевом вранѣ (воронѣ), иже на трупѣх мертвых оставши, не возвратил ся в корабль; е о нем и большая наука. Тако, нѣціи падающіи унѣтовы попы писменіи, твориге и вы; обратѣте ся, како голубиця Ноева, сирѣч, душе грѣшная. Молю, опамятай ся, человѣче мизерный, како Петр апостол изиде, вышел плакати ся грѣха. Церков Божія, человѣче, з м(н)огих члонков сплоена, будучи една сама едною, многих сынов мает, на каждый час их родит, не е бовѣм неплодна, анѣ может быти, имѣючи обрученіе духовное с Христом Богом, котрый е твердым каменем краеугольным. О той камень споминают пророцы нашым вѣрным братіям, такожде евангелистове, и Петр апостол, Павел також, апостоли святыи, а невѣрниковы сынове шпотают ся, претыкают ся мнози, бо суть внутр без очій, слѣпыи...

ІСТОРИКО-МЕМУАРНА ПРОЗА XVII—XVIII ст.

КОЗАЦЬКІ ЛІТОПИСИ ПОЧАТКУ XVIII ст.

ЛІТОПИС САМОВИДЦЯ

За браком точних даних цей анонім не розкритий аж до останнього часу. Проте з тексту виявляється, що автор — козацького походження, жив на Україні в другій половині XVII ст. і брав активну участь у політичному житті.

Літопис починається статтею про початок повстання українського народу під керівництвом Богдана Хмельницького 1648 р. проти польського панування, продовжується висвітленням подій та окремих епізодів цієї боротьби часу приєднання України до Росії. Далі — політичне життя України в складі Росії до 1702 р. включно. Поруч з цими оповіданнями автор подає чимало відомостей про Російську державу XVII — початку XVIII ст., а також звістки про події в європейських країнах. Помітне прихильне ставлення автора до російських царів, зокрема до царя Федора.

[1] Megszakadt bélü (угор.) —з прорваними нутрощами

Дехто з радянських істориків України висловлює думку, що автором цього твору міг бути генеральний підскарбій Роман Ракушка-Романовський, який виконував відповідальні доручення гетьмана Брюховецького дипломатично-воєнного характеру.

Подані тут уривки кидають світло на політичний світогляд автора, на його загальнокультурний високий рівень: автор володів тогочасною книжною літературною мовою, знайомий з латинською і польською мовами, вживає давні українські вирази й прислів'я. В деяких місцях виразно почувається церковщина й моралізація. Всі ці дані доводять, що автор справді належав до верхівки тодішнього суспільства на Україні. Оригінал літопису не зберігся, а дійшов у кількох повних і скорочених списках. Уривки подаються за виданням «Киевской временной комиссии для разбора древних актов»: Лѣтопись Самовидца по новооткрытым спискам, Киев, 1878.

ЛІТОПИС САМОВИДЦЯ

О началѣ войни Хмелницкого

Початок и причина войни Хмелницкого есть едино от ляхов на православіе гоненіе и козаком отягощеніе; тогда бо оным не хотячи, чого не звикли были, панщини робити, на службу замковую обернено, которих з листами и в городѣ до ханджоженія[1] коней старостове держали, в дворах грубу то есть печи палити, псов ханджожити, дворѣ зъмѣтати и до инших незносных дѣл приставляли. Знову зась которіе зоставали козаками реестровимы, а над оними полковникове шляхта панове от гетмана коронного насиланніе были, которіе б от их волности бинамнѣй[2] не дбаючи, але, якомогучи, оных мѣрали, легце поважаючи; плату, которая постановлена была на козаки от короля его милости и Речи посполитой по золотих тридцять на рок, тое на себе отбѣрали, з сотниками дѣлячися; бо сотников не козаки оббырали и настановляли, але полковники кого хотѣли з своей руки, жебы оным зичливими были. Так же полковникове козаков до всякой домовои незвичайнои роботи пристановляли; в поля зась пойшовши, любо якій козак достане у татар коня доброго, того отоймут; з Запорожжа през поля дикіе з рарогом[3], яструбом, орлом, албо с хортом козака бѣдного шлет в городи, кому подарок шлючи, якому пановѣ, не жалуючи козака, хоча й бы згинул, як не трудно от татар. Знову зась, хоча й бы якого язика татарского поймали козаки, то з язиком татарским, на кого ласкав полковник, якого жолнѣра своего высилает до гетмана коронного, а козацкую отвагу потлумляют[4]. В городах зась... неволно козаковѣ в дому своем жадного напитку на потребу свою держати, не тилко меду, горѣлки, пива, але и браги. Которіе зась на рибу хожували козаки за Пороги, то на Кодаку на коммисара рибу десятую отбѣрали, а полковником особливо треба дати и сотникам, и асауловѣ, и писаревѣ,— аж до великого убозства козацтво прийшло. А болше шести тисячей неповинно козаков бити; хочай и син козацкій, тую ж панщину мусѣл робити и плату давати. Тое над козаками было. Над посполством зась, любо во всем жили обфито[5] в збожах, в бидлах, в пасѣках, але однак, чего не звикла была Украина терпѣти, вимисли великіе были от старостов и от намѣсников... бо сами держав-

[1] чистки [2] пі трохи [3] кречетом [4] затьмарюють [5] багато

ци на Украинѣ не мешкали, тилко уряд держали, и так о кривдах людей посполитих мало знали, албо любо и знали, толко заслѣплени будучи подарками от старост и... арандарей, же того не могли узнати, же их салом по их же шкурѣ и мажут: з их подданних выдравши, оним даруют, що и самому пану волно бы узяти у своего подданного, и не так бы жаловал подданній его. А то леда плевлюга [1],... богатится, по килко цугов коней справляет, вимишляючи чинши великіе, поволовщини, дуди, осип, мѣрочки сухіе, з жорнов плату и инное, отнимання фолварков,— що натрафили на чоловѣка одного, у которого отняли пасѣку, которая всей землѣ Полской начинила бѣды...

Починается война его царского величества. Року 1654

На початку того року присланній бывает от его царского пресвѣтлого величества Алексѣя Михайловича, всея Россіи самодержца, ближній боярин и дворецкій Василій Василиевич Бутурлин, из иними бояри и многими столниками и дворянами, великим послом до гетмана Хмелницкого на жаданя его и усего войска запорозского, чинячи повстанову, як мають зоставати под високодержавною его царского величества рукою. Задля которих великих его царского величества послов зложил гетман Хмелницкій з'езд в Переясловлю усѣм полковником, сотником и атаманнѣ, и сам приехал в Переясловле на день богоявленія господня, и там рада была, где усѣ полковники и сотники с товариством, при них будучих, позволилися зоставати под високодержавною его царского величества рукою, не хотячи юже болш жадним способом быти подданними королю полскому и давним паном, а нѣ теж примати к себѣ татар; на чом на той-то радѣ в том мѣсяцю генварѣ и присягу виконал гетман Хмелницкій зо всѣми полковниками, сотниками и атаманею и усею старшиною войсковою, и узяли великое жалованне его царского величества соболями, и зараз по усѣх полках розослали столников с приданням козаков, жеби так козаки, як теж войти, со всѣм посполством, присягу виконали на вѣчное подданство его царскому величеству. Що по усей Украинѣ увесь народ з охотою тое учинил. А боярин и дворецкій Василій Василиевич Бутурлин повернул на Москву до его царского величества, и немалая радость межи народом стала.

Того ж року, зараз на весну, его царское величество, обвѣстивъши през своего царского величества послов королевѣ его милости о своих кривдах и о наступленію на православную вѣру, уводячи римскую, а найбарзій унѣею стисненних християн,— ознаймует, же войною идет на короля полского, и сам своею персоною царскою рушает з столици з многими войсками, простуючи под Смоленско; а боярина Василія Василиевича Бутурлина з многими войсками висилает до гетмана Хмелницкого. А гетман Хмелницкій висилает своего войска полк нѣжинскій, чернѣговскій, при которих и охочих много козаков, и инних полков нашло немало, з которих осмь полков стало, бо Івану Золотаренковѣ наказное гетманство вручил, давши ему булаву и бунчук, и армат узял из

[1] який-небудь мерзотник

собою немало, которій просто ишол на Гомель, и там заставши жолнѣров литовских немалую купу, Гомель осадил, под которим немалій час стоял, не могучи оных узяти. А его царское величество просто под Смоленск подступил и там оного доставал розними способами, где и козаков пришло немало з братом Золотаренковим до его царского величества под Смоленск, где собѣ отважне починали в приступах аж на мурах наверху смоленскних по лѣствицах были; аже оных нѣмцѣ вспирали [1], але многіе, и в город упавши, погинули. Що выдячи его царское величество их отвагу, барзо их улюбил. Жолнѣре зась з воеводою смоленским Глѣбовичем, видячи так великіе сили его царского величества и налогу щоденную — день и нощ, звонтпивши [2] собою, просили его царского величества о милосердя, жебы зоставали при здоровю, що и одержали. И так поддали город Смоленск, поклонившися, и так в цѣлости отпущены в Литву. А его царское величество своими воеводами и ратними людми осадил Смоленско и, из костелов церкви посвятивши, и муры посвящали, по которых сам его царское величество ходил при том посвященю. И оттоль послал его царское величество под Витепско и Полоцко, и тые городы повыймали люди ратние его царского величества аж по самую границю курляндскую, и нв Друи зоставал воевода. Также того ж часу Дубровную, Оршу, Шклов, Копись повиймано, Могилев поддался его царскому величеству,— и там воевода зоставал и Поклонскій полковник,-- и інние многіе городи литовскіе Бѣлая Русь. И от того часу титул стал «и Бѣлыя Россіи». А Золотаренко Гомель державши в облеженю немало, що видячи жолнѣрове, же юже трудно отседѣтися, здали Гомель Золотаренковѣ, которій осадивши своими людми, потягнув под Быхов, городы приворочаючи собѣ. Що усе привернулося и поддалось, опроч тилко сам Старій Быхов не поддавался и держался. А Золотаренко, ставши в Новом Быховѣ, бил сам с козаками своими не в малой купѣ у его царского величества в Смоленску. Аже осѣнь наступила, его царское величество повернул до Вязмы и там зимовал, а на Москвѣ мор великій был. А козаки з Золотаренком зимовали у Быховѣ Новом. А у Старій Быхов притягнул князь Радивил, гетман литовскій, и ходил доставати Могилева, и ничого не вскуравши [3], отишол и повернул под Новій Быхов доставати Золотаренка с козаками, и там ничого не вскуравши, з великою шкодою отишол и, осадивши Быхов Старій накрепко людми военними, повернул у Литву. А гетман Хмелницкій того року стоял з войсками своими и его царского величества под Хвастовом, и от его царского величества присилано козакам жалованя копѣйки золотые, которая важила полталяра. Того ж часу и мѣдяніе копѣйки повстали, которые розною цѣною ишли з срѣбрними. А таляр битій под печатю царскою был, которого по шести золотых брано.

Того ж року слонце барзо мѣнилось у середу у спасовку першои недели.

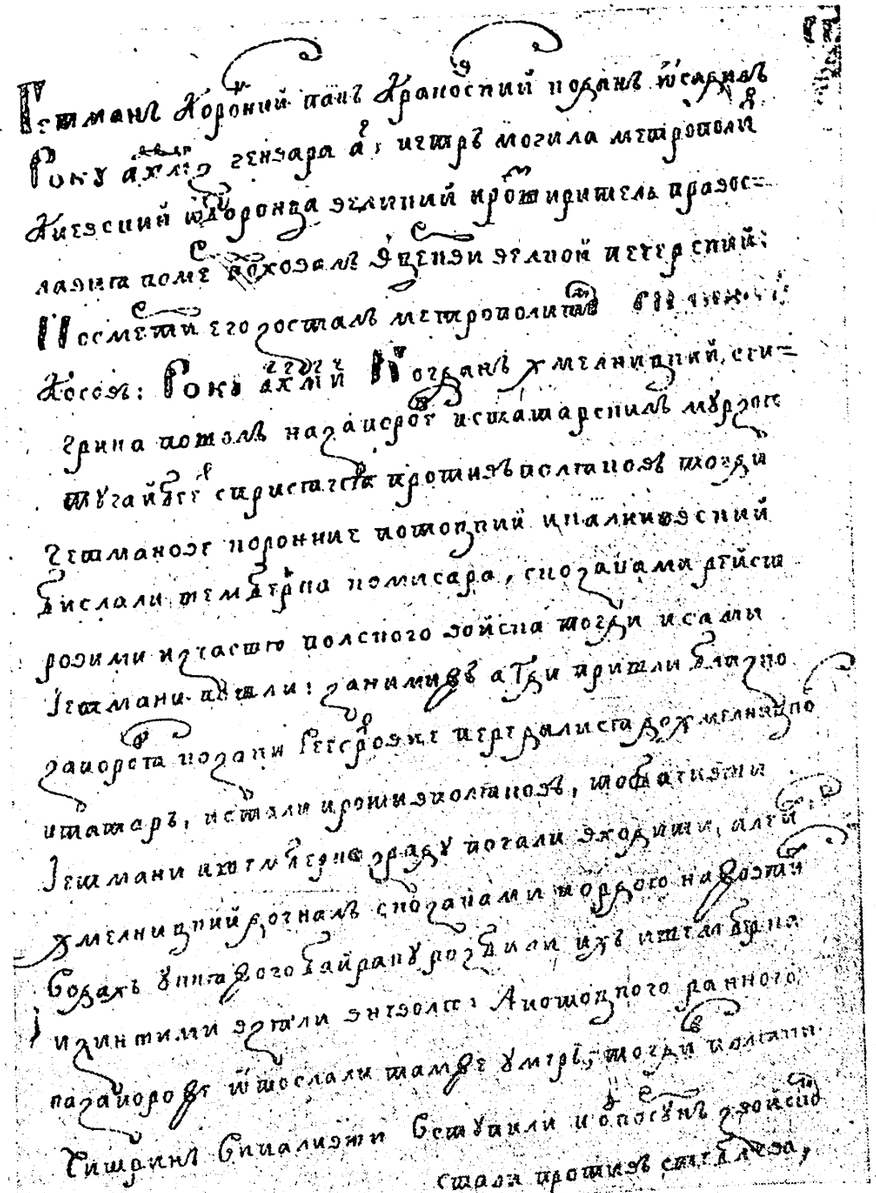
Того ж року швед на Полщу повстал и многіе городы побрал. А король полскій уступил с Полщи на Цѣсарскую землю.

[1] відбивали [2] вдавшися в розпач [3] не встигнувши

Року 1663. [Чорна рада у Ніжині]

Зараз по веснѣ заводится на новое лихо, чого за иних гетманов не бивало, то есть чорной ради. А то зараз фортеліов заживает[1] Бруховецкій и докучает его царскому величеству, о той радѣ просячи, жеби кого зволил его царское величество на тую раду послати. И так на жадання запорожцов и тих полков, которіе ся привязали до Бруховецкого, висилает его царское величество околничого князя Великогагина и столника Кирила Юсифовича Хлопова, о которих збливженню взявши вѣдомость, Бруховецкій зараз, випловши з Гадячого, простует ку Батурину, переймаючи тых посланих от его царского величества, а своих розсилает по всѣх полках с писмами, жеби усе посполство стягалос под Нѣжин у раду и Нѣжин рабовати[2], на которіи писма що живо пришли з домов не тилко козацтво, але усе посполство купами, а не полками. А гетман Сомко, козаков значних с полковниками скупивши, притягл под Нѣжин, где и полковник нѣжинскій увесь полк свой скупил зо всего Сѣвера, бо то один полк бил и Стародубовщина. Але тое собрання Сомково нѣ на що обернулося, поневаж юже Бруховецкій лѣпшую ласку з запорожцями мѣл у его царского величества, а то за сталым єпископа Мефтодія, которого Бруховецкій запобѣгл подарунками и обетницями розними, яко то люде звикли дарами уводитися. И так з другои сторони мѣста Бруховецкій, зейшовшися з околничим Великогагином, з которим немало люду военного от царского величества было, подступили под мѣсто войска немаліе, а найболшей посполства, где москва не бавячися[3] в полю, увойшла уся у город Нѣжин и стала по господах в обох мѣстах — старом и новом. И постоявши килка дней, у которих началних людей, то есть в околничого, запрошоній Сомко гетман и Бруховецкій з старшинами, оповѣли оним о зволенню его царского величества, же, по жаданю и прошенію усѣх козаков, зезволив быти чорной радѣ на обраня одного совершенного гетмана, чому любо Сомко, яко уже маючій гетманство от подручних собѣ полковников и сотников и козаков, подтвержденное присягою ново у Ичнѣ, суперечали тоей радѣ, але же болшая била купа при Бруховецкому зо всѣх полков, мусѣли на тое позволити, исподѣваючись того доказати, же при нему старшина стоит. И так зложили час радѣ юня 17, зараз уступивши в пост петров, на которую раду так постановили были, жеби в тую раду ити пѣшо, без всякого оружжа. И за мѣстом розбито намет великій, на тое присланній от его царского величества, при котором намѣтѣ и войско московское стало з оружжем задля унимання своеволѣ, але тое мало що помогло. Як вдарено в бубни на раду, Бруховецкій, ведлуг постанови, пѣшо войско припровадил ку намету своей сторони на тую раду, а Сомко не зозволився: и сам и усѣ козаки, при нему будучіе, яко люди достатніе, на конях добрих, шатно и при орюжю, як до войни, тоей интенціи будучи, же ежели би не ведлуг мисли оных рада становитися бы мѣла, то межи собою битву мѣти, бо при таборѣ Сомковом и гармат было не мало. Але тое нѣчого не помогло, поневаж запорожцѣ, ласкою его царского величества упевнени, и скоро тая рада стала и боярин вишол

[1] вживає хитрощів [2] грабувати [3] не гаючись

«Лѣтописец, албо кройника...» 1673 р. Сторінка тексту з рукопису кінця XVII ст. (ЦНБ АН УРСР).

з намету и почал читати грамоту и указ его царского величества, не дано того кончити, а нѣ слухаючи писма царского величества, зараз крик стался з обох сторон о гетманство: одни кричат: «Бруховецкого гетманом», а другіе кричат: «Сомка гетманом» и на столець обоих сажают, а далѣй межи собою узяли битися и бунчук Сомков зламали,— заледво Сомко видрался през намет царскій и допал коня и інная старшина, а инших позабивано до килка человѣка. И так сторона Сомкова мусѣла уступати до табору своего, а сторона Бруховецкого на столець всадили Бруховецкого, зопхнувши князя, и гетманом окрикнули, давши оному булаву и бунчук в руки; що заледво и нескоро той галас ускромился. Але того часу князь Великогагин не потвержал гетманства Бруховецкому, бо и до себе прити не могл за великим шумом межи народом. И так Бруховецкій с тими знаками пойшол до своего табору, іде стоял над Остром, у кутѣ Романовского. А Сомко в'ехал до своего табору, юже не маючи бунчука а нѣ булави, бо тое запорожци видрали оному. Зачим войско почало Сомково собою тривожити, отступаючи Сомка, любо Сомко послал с тим до князя, же на той радѣ з войском своим не перестает и Бруховецкого гетманом не приймует, и ежели знову не будет рада и жеби Бруховецкій положил знаки войсковіе, то отходит з своим войском ку Переясловлю и знову до его царского величества слати, же гвалтом гетманство дано Бруховецкому, которого войско не приймует. Що видячи князь тое розервання [1] и обавляючися [2], жеби с того не вросло що злого, знову на третій день тую раду складает и приказует Бруховецкому, жеби в тую раду пришовши, знаки войсковіе положил, жеби уся старшина уступила до ради до намету, а чернь войско жеби гетмана настановляли кого улюблят; чому барзо Бруховецкій сперечался, аже видячи, же князь почал на Сомкову руку схилятися, которому старшина порадила, жеби не будучи спротивним за-для ненарушення ласки его царского величества, тилко ж жеби не идучи ку намету, где войско стояло московское, але межи своими войсками тую учинили раду, на що и Бруховецкій позволився. Але несталость наших людей тое помѣшала; бо козаки сторони Сомковой, отступивши своей старшини, похапавши корогви каждая сотня, и до табору Бруховецкого прийшли и поклонилися, и отвернувши, зараз напали вози своих старших жаковати [3]. Що видячи Сомко с полковниками своими и инною старшиною, впавши на конѣ, прибѣгли до намету царского до князя, сподѣваючися помочи и оборони своему здоровю, которих зараз князь зовсѣм отослал в замок нѣжинскій. Того ж часу усе у них поотбѣрано — конѣ, ринштунки [4], сукнѣ, и самих за сторожу дано. А Бруховецкій зо всѣм войском пришол к намету царскому, которому юже князь здавал з своих рук булаву и бунчук, подтверждаючи гетманство, и попровадил в соборную церков святого Нитколая, где присягу виконал Бруховецкій зо всѣм войском, и вийшовши з церкви, того ж дня своих полковников понастановлял з тих людей, которіе з ним вишли з Запорожжа, по усѣх городах, а нѣжинскій полк на три полки раздѣлил. При котором настановливаню полковников много козаков значних чернь позабивала, которое забойство три дни тривало. Хочай якого значного козака забили или человѣка, то тое в жарт

[1] розрив, незгоду [2] боючися [3] грабувати [4] зброю

повернено. А старшина козаки значніе, яко змогучи, крилися, где хто могл, жупани кармазиновіе на сермяги миняли. И так тое забойство тремого дня почало ускромлятися, и заказ стал, жеби юже правом доходил, хто на кого якую кривду мѣет. Тих зась полковников, которіе у замку нѣжинском зоставали у вязеню, усе пожаковали, и в домах мало що зостало.

Того ж дня, як тая рада стала, мѣсто Ічня, в котором рада была, и церков тая, в которой Сомковѣ присягали на послушенство гетманское, усе згорѣло до знаку тоей же годины, як Сомка взято до вязення.

Гетман Бруховецкій, одержавши цале гетманство, вислал послов до царского величества болшей ста человѣка, дякуючи за уряд гетманства, же одержал, и на Сомка з его полковниками, которіе сидят в нѣжинском замку, нѣкоторіе рѣчи змисливши об их незичливости ку царскому величеству, чего и не было; также и епископ Мефтодій протопопу послал при тих же посланних, от себе стараючися о их згубѣ. Чому царское величество повѣривши, здал их на суд войсковій, которих потратити, а инних живити, толко ж у силку зослати в Москву...

Року 1667. [Звістка про селянське повстання під проводом Степана Разіна]

...Того ж часу нѣякийсь Стенка Разин з Дону поднялся с козаками своеволними и пойшол на Хвалинское море и там прибрал много своеволѣ и по городах воевод мордовал, а людей посполитих собѣ приворочал, аж і Астрахань узял. На которого по-килка крот посилали и нѣчего оному радити не могли, же стрелци до него на тую своеволю приставали. Которій през килка лѣт тое робил, поколя оного зрадою узято, як уже повернул ку Дону, и на Москвѣ оного чвертовано...

Про пожежу року 1677 в Стародубі

...Того ж року, мѣсяца мая семогонадцять дня, в четверток, в обѣдной годинѣ, по службѣ божой в полгодини может, занялася церков рождества Христова, стоячая в ринку, близко комор крамних, в Стародубѣ, от которого запалення церкви, не вѣдати яким способом, подобно, з неопатрности [1] паламаровой, а особливо гнѣв божій за безаконія наша,— так великое будованя церквей божіих чотирох, стоячих у самом городѣ, зо всею оздобою их, которая, на усю Украину славна была в маліованню образов, в инних достатках, так теж великостію звонов,— зовсѣм погорѣло, яко теж и в будинках дворов зо всѣми немал мастностями так срокго [2] вигорѣло усе мѣсто, же жадная не тилко хата не зостала, але а нѣ башта, навет и саміе вали погорѣли, нѣчого не зоставивши, а и за мѣстом на килко сот подимя погорѣло. Так страшній пожар бил за скаранням бозским! Бо в том мѣстѣ всчалася ненависть першая: полковник против гетмана, священники межи собою, осм на двох немал цалій рок турбовались; межи козаками и посполитими свари, позви, а знову зась корчми, шинки немал в каждом дворѣ, а при шинках безецности [3] и частіе

[1] недбайливості, необережності [2] сильно [3] безчестя

забойства, а за вшетечность [1] жадной карности не чинено, але тое в жарти оборочано, любо якая явная курва, пиятики без удержання, набожества оспалость [2]; бо духовних нѣ за що не мѣли, хлюбячися оздобою церквей божіих; отказаючи, же «нам не трудно о попов и священников»; любо напоминали, не слухали, але от такових, которіе их за ябродънѣ до покути приводили, з гнѣвом отходили и по своих волях собѣ духовних шукали, не жалуючи за грѣхи. И так господь бог, не терпячи тих злостей, отнял тую оздобу того мѣста, то есть церкви божіей, в которих щоденная служба божая отправовалася, также и тую фортецію, которая на усѣ сторони славная была, навет же и гармати погорѣли. Тилко ж еще щось милосердія своего господь бог задержал, же не до останку згубил: же зостала скарбница в цѣлости, в которой немалая куга бочок с порохами; бо, зарятуй боже, ежели би ся тое было заняло, у мурованном склепу, то немало би народу людей вибило и вигубило. Еднак же народ жадной злости своей не признавал и грѣхов, але усе на священников складал, а найпервій тая церков загорѣлася святого Николая, в которой проклятіе читано пастирское при службѣ божой и свѣчки гашепо на проклятіе Шубою, священником чернѣговским, зосланним от архиепископа, и от тоей церкви усе мѣсто вѣгорѣло.

Року 1682. [Про повстання стрільців]

Мѣсяця мая государ цар московскій и всея Россіи Феодор Алексѣевич помер з жалем усего християнства в молодих лѣтех, которій великую любов до нашого народу мѣл, бо и набоженства на Москвѣ нашим напѣвом по перквах и по монастирах отправовати приказал, и одежу московскую отмѣнено, але по-нашому носити позволил. А на его мѣсце обрано царем брата его молодшого, Петра Алексѣевича, у молодих лѣтех у девяти; наступил на панство мѣсяця мая 6 дня, которому бояре присягли, а стрелци московскіе не хотѣли присягати за-для того, же старшій брат зоставал у лѣт осминадцяти, царевич Іоан Алексѣевич з першой жони, и того стрелци хотѣли царем. Що видячи покревніе царини Наталіи, матки цара Петра, почали старатися, жеби як уморити старшого царевича Іоанна, и до того пришло было, же почали били душити брати царици Наталіи рожоніи, которих прозивано Наришкини, що постерегли молодая царица небожчика цара Феодора и царевни, на стрелцов крикнули, що стрелци, припавши, оборонили и тих Наришкиних, дядков царских, побили, а инних давали на спитку — хто причиною был смерти небожчика цара Феодора; чего допитались, же оному дано трутизну за поводом мачехи его, царици Наталіи, которая о здоровя их старалася, намовивши доктора царского, перехриста, а то для того, жеби син оной, царевич Петр, наймолодшій, осѣл царство; которую то царицу насилу сам цар, молодій Петр, яко матку свою, отпросил у стрелцов, же не стратили, а народ оной увесь вигубили срокго, на штуки рубаючи, а отца царичина там же, отпросивши, у чернъци постригли и в монастир Соловецкій отослали. И так великіе бунти повстали на Москвѣ от стрелцов на сенаторов всѣх, обравши царем Іоанна Алексѣевича того ж часу,

[1] за розпусту [2] недбайливість, байдужість

жеби оба царами были: Іоан, яко старшій, и Петр, яко молодшій; и так два цари на Москвѣ стало, и обоим присягали на послушенство. И так стрилци, вивѣдуючи, хто незичливим бил цару Іоанну, то тих брали и транско забивали, з ганков от палацов царских кидали на дол; а тут на копіи брали, и на площади на штуки рубаючи и на копіи винесши и псом кидаючи; с которих найзначнѣйших персон сенаторов з пятдесят поморовано, и царевича Касимовского чвертовано, Долгорукого князя з сидом, князя Ромодановского с сином, которіе вожами славними были у войсках московских, и инних многих. Такъже стрелци подавали чолобитную на своих полковников, голов, сотников, же их роботами обтяжают, плату им належимую собѣ берут, по которой чолобитной многих полковников, голов, сотников московских стрелцѣ своих помордовали, позабивали, а з добр их, що было задержано платн, нагорода стрелцом была. И не тилко тих голов, полковников, що на Москвѣ зоставалп, так сродзе [1] мордовано, але и которіе и в городах украпнских были — в Киевѣ, в Чернѣговѣ и инних, то по чолобитной стрелецкой зискивано и мордовано, на Москву привезши, и сродзе трачено, задаваючи муки великіе; такъже и тих многих, що боярами и думними дяками над приказами зоставали на Москвѣ, витрачено за нечинене слушной справедливости. Сродзе великая тривога на усѣх жителей московских была от стрелцов, якой нѣколи не бивало, а то знати; же гнѣв божій; а звлаща тих бояр губили, хто причиною смерти небожчика цара был, бо визнал доктор перехрист, которого призвано, за чиею радою отруено, з чого царицу и патриярху поволано.

Того ж року господар волоскій, зогнавши волости немеровскіе и усѣх побожан, будовал собѣ двор у Цекийновцѣ, на сем боцѣ Днѣстра, на мешканя, и у Немеровѣ от себе наказного гетманом зоставует. И от того часу особливій господар стал над Украиною, почавши от Днѣстра до самого Днѣпра, а у Волохах инїй господар над волохами; бо на Украинѣ дано свободу от турчина, уволняючи от дани до якого часу, жеби ся люде до своего наворочали украинніе; а Подоля особливе привернено до Камянця Подолского, и тіе городи паша камянецкій справовал и по горо-дах свою старшину турецкую з войсками поставил, яко то: в Бару, в Меджибожу и инних; юже до тих господар Дука справи не мѣл.

Вишменнованніе бунти, яко ся вишшей наменило, того ж року в самой столици що далѣй гору брали, то есть от стрелцов, которіе юже не стрельцами називалися, але надворною пѣхотою царскою, а напотом умисл свой засадили, хотячи усѣх бояр вигубити, тилко собѣ маючи у великой чести князя Андрѣя Івановича Хованского, которій уже усѣх на столицѣ справовал, и при нему завше килка сот стрелцов зоставало неотступно. И хтось зичливій царей остерегл, же юже и о царство промишляют. И царіе виехали з столици на свои царскіе фолварки з матками и сестрами, и час немалій мешкали у Воздвиженском, ведле Троицкого монастира, где стрелцов килко, пришовши до их царских величеств, оповѣдали раду князя Хованского злую: же скоро би царіе повернули на столицу, то оних потратити, а сина князя Хованского царем наставити; о чом их царскіе величества увѣдомившися, по колко крот посилали

[1] жорстоко

по князя Хованского, которій на царскіе писма не ехал, аж боярин князь Ликов ездил по него, и на слова его поехал до их царских величеств до Воздвиженского, и там оному з сином голови поутинано обом Хованским, и войска великіе скуплено под Троецкій монастир на знесення оних стрелцов своеволних, которих у столици сорок пять тисяч было, и сами собою справовали, нѣкого не слухаючи; бо и скарбници с порохами и кулями и всяким оружем в моц свою взяли и бунти противко усѣх сенаторов и против их царских величеств чинили; поневаж оним зразу допущено своеволѣ, где юже жадного полковника а нѣ сотника з старших не мѣли над собою; бо которих не вигубили, то поутѣкали до боку их царских величеств; где уся Москва у великой тривозѣ от оних била и, як на яких неприятелей чужостороних, усей землѣ войска купилися до царского боку и промисл о оной своеволѣ чинили. Же видячи стрелци, же своего предводителя, то есть князя Хованского, утратили, мусѣли ся упокорити их царским величествам,— вислали с промежку себе сот двѣ стрелцов, просячи о милосердіе, сами плахи и сокѣри на себе приднесли; которих до ласки своей царской их царское величество приняли, и пославши, у оних усю казну военную отобрали и город, и их без оружя учинили. И так их царское величество по многом времени уехали в Москву мѣсяця..., где уехавши, не без карности было предводителем тих бунтов: одних на горлѣ, а инних силкою карано, а остатку не позволено при оружю зоставати, опроч тих, которіе на вартѣ зоставали. А бояре и слуги боярскіе неотступно з оружем ходили осторожними будучи от тих бунтов, и оних стрелцов при назираню по городах розослано, так в украинніе, як в московскіе. И так тіе бунти ускромились великіе на Москвѣ.

Року 1687. [Характеристика гетьмана Самойловича]

...Той же попович зразу барзо покорним и до людей ласкавим бил, але як юж розбогатѣл, барзо гордий стал не тилко на козаков, але и на стан духовний. Прийшовши до него старшина козацкая мусѣли стояти, нѣхто не сидѣл, и до двора жеби не йшол з жадною палицею; также и духовенство священници, хочай який значний, мусѣл стояти непокритою головою. А у церквѣ нѣгди не йшол дари брати, але священик до него ношовал, также и сини его чинили; и ежели где-колвек виездил, любо на полювання, жеби нѣгди священика не побачил,— то собѣ за нещастя мѣл. А будучи сам попович, из великою помпою ездил: без карети и за мѣсто не поехал, а нѣ сам, а нѣ синове его, и у войску усе в каретѣ,— так великую пиху мѣли, которая в жадном сенатору не живет. А здирства вшелякими способами вимишляли так сам гетман, як и синове его, зостаючи полковниками: аренди, стаціе великіе, затягował людей кормленіем,— барзо на людей трудность великая била от великих вимислов,— не мог насититися скарбами. И щось противко монархов наших московских хотѣл почати, бо и в походѣ с тими великими войсками на Крим незичливость его постережена, же не йшол просто на Крим, але по степах блудил, и повѣдают же з умислу казал степ палити своим зичливим, жеби тим отмовитися, же неможна до Криму ити за для конского корму. Так же и прошлой войни за своею незичливостю Чигирин утратил и людей военних много запропастил, которих мало жаловал; а то для того, жебы

его панство з синами ширилося, которіе не полковниками, але панами називалися, о жадной юж перемѣнѣ панства своего не мишляючи,— а то надѣю маючи на люд грошовий затяговий и на великіе скарби зобраніе; бо юж козака собѣ городового, так посполитих, яко и значних, нѣзащо важили и в двори не пускали, маючи у дворах своих на килка мѣсяцах сторожу сердюцкую, которим плачовали роковий юригелт [1]. А священик и в килка дний не могл ся до двора упросити, хочай якая пилная потреба. Ово згола усѣх людей нѣзащо мѣли, не помишляючи на подлость своего рожаю, же господь бог тим барзо ображен бывает, хто в пиху подносится; и за тое скарани зостали, же перше от чести всякой отдалени и як якіе злочинцѣ з безчестіем на Москву голо попроважено, а напотом от жон розлучени, а маетности и скарби, которіе многіе били, усе отобрано, в которих мѣсто великое убозство, вмѣсто роскоши — срогая неволя, вмѣсто карет дорогих и возников — простий возок, телѣжка московская с подводником, вмѣсто слуг нарядних — сторожа стрелцов, вмѣсто музики позитивов — плач щодений и нареканя на свое глупъство пихи, вмѣсто усѣх роскошей панских — вѣчная неволя. На том скончилося гетманство поповичово 25 июля, в субботу...

Року 1695 [Азовські походи Петра I]

...Того ж року, на весну, повелѣл его царское величество Петр Алексѣевич ити войною под Азов и гетмановѣ Івану Мазепѣ под городки Касикермен, що и вараз вийшли и царского величества боярин Борис Петрович Шереметов, и у Переволочной тие войска переправились на тот бок Днепра, о святом пророку Іліи, и пойшли под городъки войска великіе.

Того ж року солтан з ордою бѣлагородскою, зайшовши у Полѣся несподѣвано, слободи попустошил и Хвастов опалив по самий город, що било коней, бидла — усе позабирали. А войско з Палѣем не било скуплено, и по станціи много их пропало, и жадного отпору не дали тарам. Полковник Палѣй пѣшо ухопился у городок, а напотим з солтаном розмовлял и хлѣба и напою оним вивозил, один другого даруючи.

Мѣсяця іюля стали наши войска под Казикерменом и оточили войска шанцями армати около муров, и подъкоп один учинили, которіе вал вирвали; там же великіе гранати в город пускали, которіе барзо великую трудность чинили турком, в городѣ зостаючим, чого не могли витривати турки — почали просити узгоду и тот город отдали, але и самих побрано в неволю и розобрали часть Москва и часть гетман межи свои войска. Также и другіе городки: Ослам-городок и Тавань учинили, и усѣ, що там били, в козацких руках зостали. И в той потребѣ полковник миргородский, Данило Апостол (которий послѣ и гетманом бил) знатную напаче протчих показивал храбрость. И того ж часу Казикермен розвалили войска до грунту, а в других городках войска козацкие стали, за росказаніем гетмана запорожского, Івана Мазепи. А тое стало іюля 31.

Того ж року вийшли войска великіе его царского величества конъніе и пѣшие под Азов, и сам его царское величество Петр Алексѣевич висо-

[1] річну платню

кою своею царскою особою водою, суднами, з войсками великими, Доном рѣкою подъступил под Азов, город турецкий, и оного доставал, около попустошил, тилко ж самого города не достали, около которого усе лѣто стоялй; и зоставивши войска поблизу Азова свои, его царское величество на зиму повернуть на Москву изволил.

Року 1700. [Початок Північної війни]

Стала згода его царского величества с турчином на роков тридцять и отпущено посла московского з Царигорода Украинцова з честю.

Того ж року король полский Август Вторій зачал войну с королем шведским Каролюсом и войском своим потягнул под Ригу, опроч войска коронного и литовского, где стояли усе лѣто. А о воздвиженіи честного креста, по указу его царского величества, гетман запорожский Іван Мазепа послал своего войска на помоч королевѣ полскому часть, з розних полков. Тоей же осени, по указу его царского величества, войска запорожского немалую часть послал гетман Мазепа з своим сестренцем, полковником нѣжинским, Іваном Обидовским, и з гарматами, до Великого Новагорода. Тая война зачалась зразу щасливо, бо городов войска царские, с козаками с полковником полтавским и иних полков частю наперед присланих, побрали и самий Ругодев облегли, але за злою радою нѣмецкою не доставали, тим убезпечаючи царское величество, же подъдадут город добровольне, и тая зрада от тих же офѣцеров нѣмцов, зостаючих у войску московском послѣдовала, же доставання города пойшло у проволоку. А тим часом притягнул король шведский з своими войсками немалими, а передное войско почувши, Шереметов и козаки, с ними споткалися и добре шведов сперли и рубали под городом Ковлем. Любо перешей московское и козацкое войско сперли, где и шляхти смоленской немало полегло, але наши шведов того ж часу много побили, и видячи и маючи певних язиков, же сам король шведский з великими потугами наступает, мусѣли до окопов царских уступити, а шведи вслѣд за ними прийшли. А царское величество на тот час с под Ругодева з окопов виехал до Новагорода Великого в понедѣлок, а у вовторок шведи, маючи, подобно, змову з нѣмцами офѣцерами московскими, бо их там проважено на тую квартиру, где мало люду было московского бойного, а уся старшина была нѣмецкая межи войском московским,— и так що схотѣли, шведовѣ учинили, навет з армат тилко килко разив вистрелили, и то вгору. А шведи безпечне ишли в окопи и того ж дня усѣ сили царскіе розбили, иле змогли рубали, бояр високородних побито, а иніе на рецѣ Норов, которая межи Ругодевом и Івангородом барзо бистрая идет, многіе потонули. Борис Петрович Шереметов ледво уйшол, а царевича Мерегинского, которий бил енералом, князя Якова Долгорукова, князя Луку Долгорукова ж, да князя Івана Долгорукова ж, да князя Івана Юріевича Трубецкого и инних многих князей и енералов в неволю взято, армати усѣ и скарби царскіе и запаси военіе шведи побрали, а оних армат болших двѣстѣ штук узяли, а мѣлких, иле в полках било, усѣ побрали. Адам Адамович Вейд, енерал, з своими полками одержался бил, але и тот мусѣл ся здати, казну его царского величества грошовую палобув тридцять шесть шведом отдал. И так тие три полки, обобравши оружже и сукнѣ, самих голих чрез мост часть пустили, и тот мост подрубавши, много потопили, а самого енерала в неволю взяли. А войско козацкое, которое послано било з сестренцем гетманским, полковником нѣжинским, Обидовским, на тот час не поспѣшило, которых било тисячей з двадцять, и юже тое войско козацкое там на границѣ стояло под мѣстечком Печерами и не давали шведом пустошити городов московскіх; бо войска московскіе розно пойшли, которих знову зобрано и к войнѣ построено. А его царское величество, на Москву зъехавши, знову войска великіе собрав, и армати построили,— на них спѣж[1] четвертую часть звонов зо всего панства московского з церквей и монастирей збирано, и усе споражено, як надлежит до войни.

Року 1701

Его царское величество з королем полским Августом мѣл съезд в городѣ Друи, над Двиною рѣкою, ниже Полоцка.

Того ж часу войска запорожъского з Сѣчи на килка тисячей, по указу царском пойшло до Пскова, и полк гадяцкий увесь, а компанія и сердюки там зимовали, а полки отпущени до городов, по смерти небожчика Обидовского, полковника нѣжинского, которий там своею смертію умерл в лѣтех молодих.

Того ж року, по указу его царского величества, приказано, по першом одѣяніи нѣмецком и венгерском, инній новій строй или одѣяніе нѣмецкое носити усѣм людем на Москвѣ, а ежели би хто не хотѣл, того карано.

Того ж року вибирано московских людей з жонами и з дѣтми и зосѣм проважено на мешканя в новий город ниже Азова ку морю.

Того ж року, по указу его царского величества, гетман же Мазепа, со всѣми войсками и з арматами, вийшол на войска против шведов, тракто Могилев, где в Могилевѣ на Днѣпрѣ мост намостили за-для переходу; але указ царский прийшол, жеби гетман послал наказного гетмана, с ним двадцяти тисячей пославши, и наказним гетманом пойшол полковник миргородский, Даниил Апостол, з иншими полковниками, а гетман, з арматами войсковими и инними, вернулся назад; що юж полк стародубский з Могилева назад вернулся.

Того ж року войска литовскіе, межи собою учинивши списковое войско, межи собою почали, а звлаща городи Сапѣжини воевали, мѣсто Дубровную и Гайшин вирубали, монастирь Кутенскій зрабовали, в котором много скарбов побрали.

Того ж року войска, которіе посилани били от его царского величества з боярином Репнином на помощ королевѣ полскому под Ригу, там розбито, и королевское войско сасов, и городи, которіе бил король полский побрал, знову шведи отшукали, в Курляндіи Митаву и Бѣрже опановали и своими войсками осадили. Бо сам король полский не бил у войску, а король шведский сам был, при котором и войска французского немалие сили. А городок албо замок Диямунт под Ригою людми московскими осажено, которіе отдержалися — не подалися войску шведскому. А войска коронного а нѣ литовского жадного жолнѣра не

[1] мідь

било под Ригою у войску королевском, бо на тую войну не зезволяли королевѣ з шведом.

Того ж року войско козацкое запорожское, що з Сѣчи било пришло, по указу цареком, до Пскова на шведское войско, которіе землю шведскую воевали, отпущено назад, же кривду чинило и московским людем, и плата на них виходила великая; которіе назад ишли краем литовским на Полоцко, и их затягнено на службу к Сапѣги от слуги его Юрьевича противко войска спискового (которое было с Потѣем, воеводою витепским), которіе плюндровали маетности Сапѣжии и монастир Кутенский зрабовали, и мѣсто Дубровную и Гайшин вирубали. И так тот Юрьевич с тими козаками перше под Могилевом мѣл потребу и их (спискових) козаки прогнали; а списковое войско, с княземь Огинским, Стеткевичом и иними панами станули у Головчинѣ, прибираючися на оного Юрьевича и козаков запорожцев, которіе упередили оних и на свѣтаню розбили списковое войско, так що их мало увойшло, и тот Головчин зрабовали и в нѣвець обернули; и козаки запорожцѣ, оставивши того Юр'евича, пойшли на Украину, хочай оним и платил добре, а иніе там зостали и под Могилевом того ж часу были ся и много там шкоди починили.

Того ж року войска царского величества з козакамы, з полъком миргородским и гадяцким и инимы, ходилы под город Юрьев ливонский, где войска шведскіе зоставалысь, и там з нимы мѣлы великую войну, и войска шведскіе не додержалы, и так, за ласкою божіею, розбиты дощенту, и город Юрьев ливонскій люде царскіе опановалы и армат штук на чотириста у шведов отнялы й з побѣдою вернулися. А наши войска козацкіе з наказним гетманом Данилом Апостолом домов отступилы, тилко зоставивши там компаніи охочого войска два полки.

Того ж року войска шведскіе в краи литовскіе увойшли и Ковно опановали были и чатами коло Вилнѣ грассовали[1]; що мѣщане виллинскіе многіе до Гданска з маетностями уходили, бо Сапѣга з шведами зоставал против короля и Речи Посполитой; где великое спустошеня сталося в краях литовских от списковых и их противних сапѣжинцов, и от Юр'евича, и от людей от него затягових на тую войну за гроши.

Року 1702

Войска шведскіе Вилню, мѣсто столечное литовское, опановали и иніе мѣста литовскіе и Жмудское воеводство, которим не могли ся войска литовскіе оперти.

Того ж року на веснѣ просили пани литовскіе о посилок гетмана запорожского Івана Мазепу, жебы шведов до Бихова не допустити. И, за позволеніем его царского величества, послано туда часть полку стародубовского и войска охочого на килко тисячей, з Радичом, а полк чернѣговскій увесь пойшол до охочого на килко тисячей, з Радичом, а полк чернѣговскій увесь пойшол до Пъскова, по указу его царского величества.

Того ж року король шведскій з войсками своими прийшол до Варшави и там станул. А тое усе стало за незичливостю сенаторей полских

[1] грабували, плюндрували

к королю своему Августу, за поводом Сапѣги и иных сенаторей полских, хотячи короля Августа з королевства согнати, на що иніе реши нѣмецкіе король шведский поднял и войска позатягал за тіе скарби московскіе, которіе под Ругодевом побрал, розбивши войска московскіе.

ЛІТОПИС ГРАБЯНКИ

Літопис цей складений на початку XVIII ст. й опублікований вперше в 1793 р. без прізвища автора в журналі «Росспйский Магазин» (ч. II, III). Автор — Григорій Грабянка, або Гребенка, провів своє життя в воєнних походах і на різних козацьких посадах у гадяцькому полку: полковий обозний (з 1710 р.), осавул, суддя (1717—1726 рр.). В 1734 р. був у поході Мініха на Крим, в поході й помер.

Літопис починається зверненням до читача, далі йде огляд подій на Україні від найдавніших часів до 1708 р. Найбільше розділів цього історичного твору присвячено, в формі окремих оповідань, бурхливим подіям на Україні 1648—1655 років. З 1664 р. поруч з оповіданнями ідуть літописні записи. Оповідання написане тогочасною риторичною мовою, з окремими українськими словами і виразами серед «славяно-русского» тексту.

Оригінал рукопису не зберігся, проте до нас дійшло багато списків різних років. Подані уривки друкуються за виданням: «Дѣйствія презѣльной и от начала поляков кровавшой небывалой брани Богдана Хмелницкого, гетмана Запорожского, с поляки за найяснѣйших королей полских Владислава, потом и Казѣмира, в року 1648, отправоватися начатой и за лѣт десять по смерти Хмелницкого неоконченной, з розних лѣтописцов и из діаріуша, на той войнѣ писанного, в градѣ Гадячу, трудом Григорія Грябянки, собранная и самобитних старожилов свѣдительстви утвержденная. Року 1710». Издана Временною комиссиею для разбора древних актов, Киев, 1854.

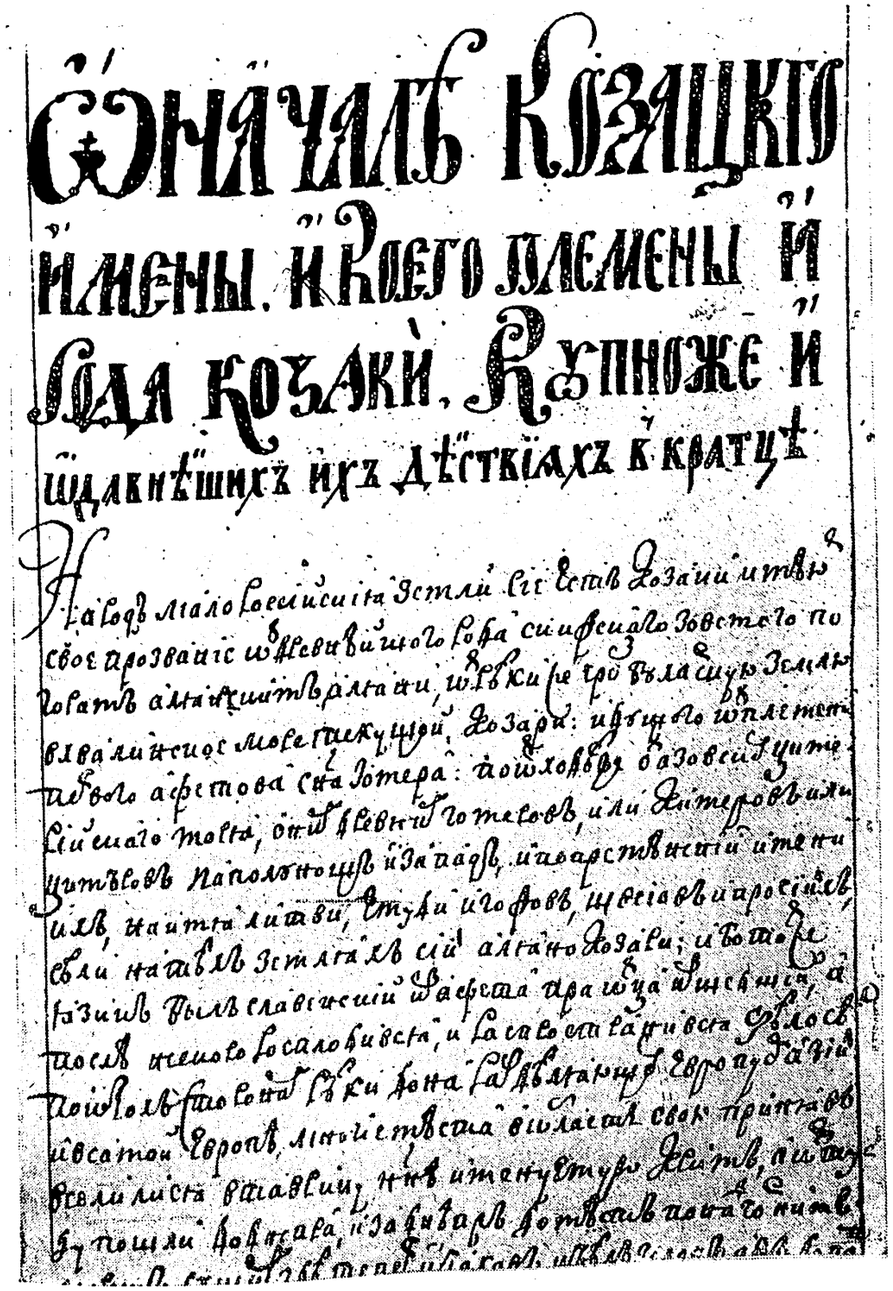
ЛІТОПИС ГРАБЯНКИ

Объявленіе к читателю, коея ради вини сія исторія начатся писати

Понеже в книгах древними историографи, римскими и полскими, Кромером, Бѣлским, Стрійковским, Гвагнѣном, Коховским, також нѣмецкими, Пофендорфом и Гибнером, составленными, а нинѣ повеленіем Петра Перваго, императора всероссійскаго на славенскій язык преведенних, вездѣ о многих козацких противу бѣсурман бранех обретается написано, яко козаки в пустих лугах окрест реки Днѣпра и Богу издревле собирающеся не мздою коею держими, но хотѣніем разширенія вѣри христіанскія привлащаеми, вездѣ на морю и на землѣ множицею турков и татар розбивали, и под образом самоволства сугубую добродѣтель творили: едину, яко от хищников татар плѣнених христіан отемлюще свободою даровали, другую, яко Полское королевство и Русь от всяких им наносимих татарами озлобленій крѣпко защищали. Тѣм же в брани искуством не точію слави, но и предѣлов землѣ своей от хотящих ею заобладати доселѣ цѣло соблюдши и разширеніе пристяжали, что яснѣй землемѣри

[1] грабували, плюндрували

на маппах свѣту явили, положивши у оних воеводство Кіевское, Чернѣговское, Браславское и Подолское, идѣже текут рѣки Днѣстр, Буг, Горѣн, Днѣпр, Десна и Сурж, а оттуду по Черное море. Тое ради толь знаменитая их дѣйствія за предводителством благополучних вождов бившая, пачеже за Богдана Хмелницкого, преславного вожда Запорожского, за отъятіе волностій Руссѣ с поляки содѣянная и за совѣт, даби в землях Русских не были з руссов воеводи, кашталяни, старости, судьи и прочіи власти, якіе король Казѣмир Первый, в року 1340, по присягѣ наслѣдником своим тот устав хранити повелѣл, и за отятіе волностей, от королей козакам наданних и за инніе нестерпиміе от поляков обиди с найяснѣшими королями полскими Владиславом и Казѣмиром с неоплаканним и никогда возвратним поляком убытком воздаваемая, да не пріідут в крайнее забвеніе, умислих исторію сію в память послѣднему роду написати, собирая ово от *діаріуша* наших воинов, в обозѣ писанного и от *духовних и мерских лѣтописцов*, елика в них возмогох обрѣсти достовѣрнѣе написанного, ово от повѣствованія *самобытних* тамо *свѣдителей*, еще в живих обрѣтающихся, их же повѣсть вѣроятно лѣтописцов утверждает. Не буди убо чтущим разумѣти, яко нѣчто где от своего умствованія приложих, но якоже рѣх от достовѣрних историков написанная и от очевистих свѣдителей сказуемая, собрах и написанію предах. А яко многіе мимо нынѣшная преславная дѣйствія воинская древнѣйших царей славою писанніи откровенною новая молчаніем угнетают и в слух послѣдним родом даятися упущают. Но кто би сих времен вѣдал богом устроенного вождa Мойсея, род еврейскій от египетской работи чудеснѣ чрез море Черное по суху проведшого, и в нем цара египетского со вои потопившаго, аще не бы писаніе о том свѣдителствовало? Кто би Навходоносора в славѣ на земли первѣйшого, кто Кира, первѣе кораблями море наполнившаго, Александра, в славѣ превознесеннаго и Августа, вселенною единовластвующаго, напослѣдок и Димитрія, князя Московского, милліон и двѣстѣ тисячей гордящихся в своем Мамаи татар истребившаго и их царства Татарская росіаном подчинити принудившаго, коих всѣх, аще иногда слави и мір не вмѣщаше, но нынѣ не преплили б забвенія пучини, но весма в глубинѣ невѣдѣнія были би погружени, аще би святое писаніе не поставило дѣйствіи их на всемірном поприщи и слова божія проповѣдником и краснoглаголивим вѣтіям не подало им сими украшати своих трудов? Тих убо и тим подобних побѣдителей исторіи мнѣ многочастнѣ всладок чтущу и ползу народом их еже к безсмертной им славѣ проразумѣвшу, соболѣзнова не мало, яко и нашого отчества ничим же от иних во воинских трудах разнствующого, в толикой забвенія пучинѣ дѣла видя погруженна; сего ради не коею либо любострастною славицею, но общою возбужденій ползою судих и сего вѣрнѣйшаго россійского сина благоразумного вождa Богдана Хмелницкого, Малую Россію от тяжчайшаго ига лядского козацким мужеством свободившого и россійскому монарсѣ, из столними гради в первобытность приведшого, немолчная дѣйствія не оставляю в пепелѣ погребенних повѣстми свѣту явити, являя во вся народи, яко не точію сами славенноросійскіе монархи мужества своего страхом обносили вселенную, но и раби их за отчествіе собственних государей и за обиду росіян могут и премощнѣйших чуждих монарх силам вооружившись противустати.

Літопис Грабянки. Сторінка з рукопису XVIII ст. (ЦНБ АН УРСР).

Сказаніе о различних бранех и оружіи козацком и о пищи их

Воспріявши убо во област свою поляки Кіев и Малороссійскія страни, по доволномъ времени усовѣтоваша в работѣ имѣти живущія в них люди; но иже бяху от сих воинского чина отдревле и мечем упражняхуся, а не работним игом, сіи рабского не навикше ига и дѣла, изволиша самоволно около реки Днѣпра нижае порогов в пустих мѣстех и в диких полях пребывати, кормлящеся рибними и звѣриними ловли и морским на бѣсурман розбоем. Но в року 1516, егда Жигмонт, первій того имени король полскій, пойде бранію на великого царя Московского, хан татарскій Мелин-Герей усмотрѣвши время, не хранячи утвержденного себе мира з поляки, насла свою силу в Рускую землю, огнем и мечем повоеваша гради и веси, и много плѣни взем, в Перекоп возвратися. Тогда король, видя поношеніе, охотного воинства от козаков и поляков собра, посла их под Бѣлгород, гдѣ такожде множество користей заемше возвращахуся в Русскую землю, но турки и татаре на их нападоша; обаче бран сведше премогоша христіянстіи вои турков, и от того времени козаками нарицахуся, аще кто и поляк бяше, си есть свободное воинство, яко без найму, своею волею на татаре хождаху. И оттуду многократних ради браней велми козаки в храбрость и силу возрастоша, гладу же, жаждѣ и зною и всяким воздушним нахожденіям велми обикли. Пища их бѣ житное тѣсто квашеное, зовомое *саломаха* рѣдко сваренное, и тим суть доволни; а когда случится с рибною, яко козаки глаголют, *щербою*, то за найпереднѣйшую трапезу имѣют. Живут же в куренях по стопятдесят и болѣе, и вси пищу вишереченную имут едину. Единого же старѣйшого в куренѣ имѣют, в воинских дѣлех воина искуснѣйшого, и того почитают и повинуются ему, аки найвишому по кошовом атаманѣ началу; но и старѣйшини их живут купно с опаством, аще бо бы чим нѣбудь их оскорбил над право, то абіе бѣднѣ и безчестнѣ предают их смерти. Татба же и блуд между ими отнюд не бывает, и за едно путо или плѣть вѣшают на древѣ. Одежда в их бѣ една или двѣ.

По сем еда воеваша Турскую и Татарскую землю обогатишася зѣло и исполнени суть доволством всякого богатства. Оружіе имут самопали, шабли, обухи, стрѣли и списи; и до сих тако суть искусни, яко и найлучшій полскій гусарин и нѣмецкій райтарин примѣрен быти им не может. Сколко конних, столко и пѣших, и колико у Малой Россіи людей, толико и козаков; их не требѣ нуждою собирати, яко по иних чужоземских странах творят, не требѣ найму обѣщевати: рече старѣйшій слово или реймент держащій на охотника, и абіе сколко треба воинства, аки трава соберется; и добре реченно турскому цару на вопрос о коликости Козацкого войска: *въ нас* (рече), турскій цару, *що лоза то козак, а где байрак, то по сто и по двести козаков там.* И всѣ тіи на войнѣ зѣло храбри. Тако бо о них пишется:

Росси богатство веліе мают,
Хитрост и храброст до войни знают.

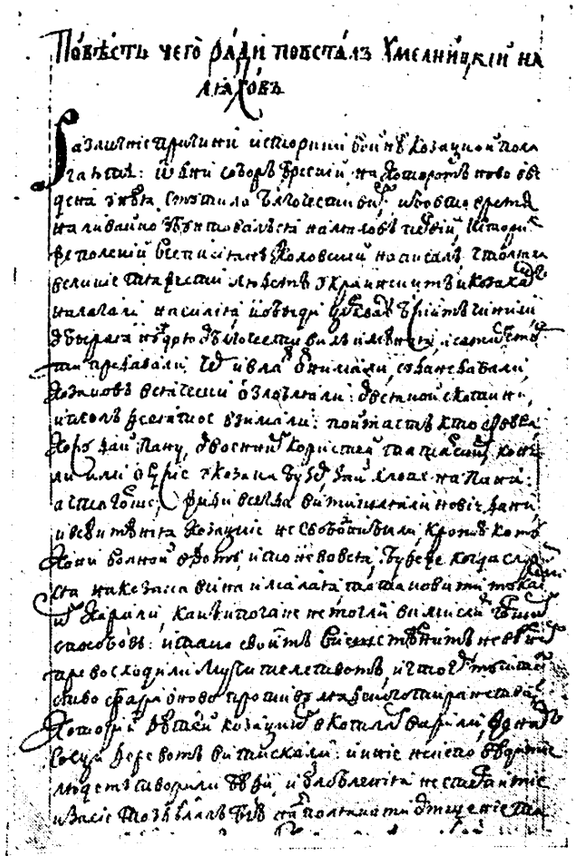
О которих и солтан турскій изрек: *когда окрестніе панства на мя возстают, я на обидвѣ уши сплю, а о козаках мушу единим ухом слухати.*

В мирѣ же жити никогда не хощут, но егда в землѣ их мир оглашен будет, то самоволно идут на помощь иним царствам, и малія ради користи велику нужду подіймут, море перепливати дерзают в еднодревних суднах. И сих ради славних их военних дѣл, не возгнушалися им быти гетманами великородних сенаторских домов знатніе люди; ибо в року 1506 был первим козацким гетманом Прецслав Лянцкронскій, а в року 1514, будучи гетманом Запорожским, нѣякійсь козак Венжик Хмелницкій розбил великую Орду в Полщѣ под Заславем; потом был гетманом Димитрій князь Вишневецкій, а по нем Евстафій князь Ружинскій. За якіе знатніе козацкіе служби кроль полскій Жикгмонт Первій дал козакам по обоих сторонах Днѣпра увиш и вниз коло порогов землю во владѣніе вѣчное, аби туркам и татарам у чолѣ ставши нападати руских и полских земель не допускали. Року 1574, за Генрика короля полского француза, за упрошеніем Ивонѣи господара волоского, собравшеся тисяча четириста з гетманом Свѣрговском пріндоша в Молдавскую землю, и тамо при господарѣ волоском, чтиренадесят крот бран з турки зведше, силу их поразиша; наконец же от множества турков отгорненни всѣ мечем умроша. Но вскорѣ козаки турком и татаром отмстиша за сіе, ибо, в року 1575, послании бывше от кіевского воеводи з Черкас и з Канева чолнами, Днѣпром на Орди нападоша, и много побивше и плѣн вземше возвратишася к своим з користми; обаче татаре, собравшеся со трема солтани и седм синов Перекопского хана, со множеством Орд найдоша на Подолле, и много людей плѣниша, и сожгоша огнем гради и села. Вскорѣ козаки воздали им и за сіе, егда вшедше за Перекоп з вожем своим Богданком, такожде огнем и мечем повоеваша. А в лѣто 1576 за Стефана Баторія короля полского козаки в лучшій еще строй учиненни. Тойже король, видя у козаков мужество великое и з татари на бранех, постави им гетмана, присла им корогов, бунчук и булаву, и на печати герб, рицарь з самопалом и на головѣ колпак перекривленній, армат и всяких военних припасов и сами козаки замки турецкіе воююще много набрали, и учинив им строй, и начаша по гетманѣ быти обозніе, судьи, асаули, полковники, сотники, атамани, и повелѣ стрещи от татар около порогов. Но всегда король Стефан от храбрости козаков поразумѣвая пророчески глаголаше: «*будет* (рече) *когдась от тих юнаков Речь Посполитая волная*». Еже собится послѣди. Той же король Баторій опроч давнего старинного града складового Чигирина дал еще низовим козакам в пристанище град Терехтемиров з монастиром, да во время зими тамо всегда пребывают, и в год платил им по червоному и по кожуху; и сим козаки бяху надолзѣ доволни и многія брани имѣяху с татари на земли, а с турки на мору, обаче всегда побѣждаху их. В то время Азію козаки нападше на тисячу миль повоеваша и Трапезон взяша и изсѣкоша, Синоп до основанія опровергоша, и под Константинополем многія взяша користи. А оттолѣ болѣе в силу козаки растяху, еже видѣл король Стефан смущашеся зѣло, вкупѣ и бояся, да не како укрѣпившеся козаки тяжци будут ляхом, и хотя внизу около Днѣпра побити их; но козаки, разумѣя кролевскій замисл, пойдоша от кочевиск своих к донским козаком и отсюду еще в болшій страх ляхи впаша, обаче до времени король остави козаков тако пребывати; они же паки з Дону возвращшеся в луги Днѣпровіе мечем и бранію на татар упражняхуся.

Сказаніе чесо ради воста Хмелницкій на поляков

Различніе вини лѣтописци войнѣ Козацкой полагают, едини собор Берестейскій, на нем же новоуведенна унія смути благочестивих, ибо в то время Наливайко воста на ляхи первій. Литописец же полскій Веспесіан Коховскій написа, яко ляхи великіе тяжести людем украинским и козакам налагаху насилія, и обиди церквам божіим твораху, отемлуще нуждою от благочестивих имѣнія и самих смерти предаяху, от чести и власти изгоняху, суду не даяху, козаков всячески излобляху, от всякого бидла и пчел десятое взимаху. Имет ли кто звѣра? кожу дай пану; имет ли рибу? дай урочную дань оттуду на пана; от военних користей татарских конь или оружіе в козака будет, дай хлопе на пана... Аще же когда случится на козака вина и малая, то таковими муками их казняху, яко ниже погане таковых смишляху мученій, и тако, в казнех сих проливающе излиш мѣру, невѣрних превосхождаху мучителством. И что есть мучителство фараоне противу поляков тиранству? Дѣтей в котлах варяху, женам сосци древіем изгнѣтаху и иная неисповѣдимая твореху бѣди, не воспоминая, же наступство чинит осторожность, ибо, по звитяжствах звитяжецких, упадок добре можется напрововати; занеже звитяжци, живучи в великой свободѣ всегда земли доброволне подданніе и завоеванніе начинают озлобляти и права им природніе ломати. Для чего аще бысть от крайней нужди которая прилеглая кролевству земля в чом стала сопротивна, то их нужду разѣмотрѣти, еднак, и по винѣ укараню, снисходя не перебирати мѣри и в неволничой их грозѣ не держати, и не приводя их до роспачи до щенту не зносити; ибо которая присяга при гвалтѣ твердо устоит, и як той не зрадит, кто всегда боится. Яко и зде от малія вини сотвори бог ляхом отмщеніе сицевим образом: егда, в лѣто 1647, ляхове, пришедши з полской земли, сташа в Чигиринѣ и в Черкасах, и людей в тѣх градѣх живущих зѣло озлобляху (яко им всегда обичай), тогда и Богдан Хмелницкій многія понесе обиди от ляхов за вину сицеву. Прежде еще Михаил, отец Богдана Хмелницкого, храбрости ради своея имѣяше любов в Ивана Даниловича, старости Чигиринского, иже даде ему землю, примѣрно рѣченную Суботов. На ней же егда сей Богдан Хмелницкій от короля пришед начать людей населяти, надѣючися на отца своего и свои в Речи Посполитой великіе заслуги, ибо отец его, будучи сотником чигиринским, з гетманом Жолковским на Цоцорѣ за Реч Посполитую Полскую голову положил; кгде и он, взятій в неволю, сидѣл, таже козаки плѣном татарским его викупили; но и по викупѣ, ходячи в чамбули, Орду бивал, и язиков до кроля привождал, а в року 1629 двох Кантимѣров живо до кроля привел (от которих король много о тайних замислах турецких на ляхов извѣстился), чрез що мѣвал у кроля милость великую: бо был з природи разумен и в науцѣ язика латинского бѣглій. Изваживши кроль его разум допустил себѣ за совѣтника, ибо когда умислил мстити на турчину за перешкожованную войну Московскую, будучую в року 1635 под Смоленском, то мимо своих сенаторов з ним радился, и великій регимент морской всей армати ему вручал; чему (за пришествіем его от двору кролевского на свою отчизную землю) завиствуючи, якож и слободѣ поселенной подстаростій Чаплинскій, за неслушность разумѣл Хмелницкому быти богатим и в мѣста фундоватися; за что старостѣ

Чигиринскому Ивану Даниловичу обнесе завистно: *не достоит* (рече) *просту человѣку села и подданних имѣти*. Иван же Даниловичь повелѣ отяти село оно Чаплинскому, Хмелницкій же таково насиліе видѣв и отятіе села своего и услуги вспомянув полской коронѣ, за ня же мѣсто воздаянія чести принял от Чаплинского обиду, изрече: *Ляхи нас козаков озлобляют, еще козацкая не умерла мати!* Сіе услиша Чаплинскій, повелѣ Хмелницкого яти и в темницу воврещи, сина же Хмелницкого Тимоша, велѣ двома палицами посреди града Чигирина бити. Видѣв же Хмелницкій, яко ни откуду помощи не надежен, не вѣдяше что творити; бог же преклони сердце на милость жени Чаплинского, да упросит мужа своего и повелит Хмелницкого з темници отпустити, и тако испущен живяше, ожидая что время впред покажет. Токмо рек: *Жив бог и козацкая не умирала мати! Не все еще Чаплинский у мене побрал, когда шабелю в руках маю.* Не токмо же Хмелницкому, но и всѣм козакам ляхи великія обиди твореху. Козаки же аще кролевѣ полскому Владиславу и плачевним челобитіем возвѣщаху, но той козаков и ляхов жалѣя надолзѣ снисходяше, размишляя, не вѣди что творяти; понеже и прежде от всей Руси много челобитних подаванно до королей полских, и князь Острозскій Константин Иванович (нинѣ в Печерском з каменя вибитій лежащій) будучи сам греческого закона до всего сенату за творимія Руси обиди суплѣковал, и кроль Владислав межи всѣм сенатом на трибуналѣ медіятором[1] для облегченія Русѣ был; обаче тіе тако високих лиц улженя[2] и русскія суплѣки нѣчто завзятости поляков не погамовали:

Літопис Грабянки. Сторінка з рукопису XVIII ст. (ЦНБ АН УРСР).

[1] посередником [2] утіхи

Сказаніе, чесо ради Хмелницкій поддадеся россіянам, и о войнѣ дрижиполской, року 1654

Взем убо хан от кроля двох сенаторов в откупном залогу под Жванцем, возвращаяся до Криму, не бѣ доволен тим, но еще пусти загони татарскіе в полскіе краи, где от Припети, Пини и далѣе без числа людѣй бѣдних в полон взял. Яко повѣствуют, самих шляхетских домов з жонами и дѣтми пять тысяч, дѣв и мужаток, пошло в бѣсурманскіе руки. О коликое горе, плач и стенаніе бѣ тамо, язик исповѣсти не может! Тамо бѣ жен обруганіе, дѣв растлѣніе, безмилостное вязаніе, гладом и жаждою сих удрученіе, внѣ уду смерт видиша, внутр же страх непоносній. Паче же сего на Косаковского веселлю множество шляхти, свашек и панен шляхетских з музикою стройно и со всѣм веселним прибором погнано в татарскую неволю. Сам же хан, идя до Криму, на Украинѣ много також-де сел и мѣст единих во плѣн взял, других мечем велѣл посѣщи. Хотяше бо хан и козаков сим образом погубити, первѣе принудити со собою их мишляше ити на Москву войною, яко да тѣм раздражить на Украину Москву; с нею же послѣди татаре и поляки от трох сторон воставше Украину в конец погубять, а наконец снешеся татаре з поляки и Москву или в подданство себѣ возмут или разорать богом укрѣпленное то царство и свое паки Астраханское в первое приведут могущество. Бог же, запиная лукавих в коварствѣ, обрати и постави, яко же б ему вѣстно в неизслѣдимом совѣтѣ. Ибо аще и прежде Хмелницкій знаяше в кій конец татаре дають ему помощ, яко своея болѣе користи от обою страну, нежели христіанам добра хощут, им же природнія суть врази агарянское сущи племя. К сему и о том Хмелницкій давно известися, яко хан прирек королю слово паки Полщѣ покорити Украину, того ради посовѣтоваша з полковниками своими, послал к великому государу цару Алексѣю Михайловичу Григорія Гуляницкого, возвѣщая о своем намѣреніи; но потом вскорѣ вислал нарочних послов, по которих прислал его царское величество ближного боярина и дворецкого Василія Бутурлина з инними бояри и многими столники и дворяни, великим послом до гетмана Хмелницкого и всего войска Запорожского, чинячи постановленіе, на яких волностях мають зоставати под високодержавною его царского величества рукою. Для чего сам Хмелницкій з енералними особами и з полковниками и з старшиною полковою и сотниками и атаманею на богоявленіе господне в Переяславль пріехал, и там раду учинили, где всѣ полковники и все при них будучое войско позволилися быти под единовѣрним себѣ монархою его величеством царем московским, а не под кролем полским римскія вѣри, також и татарам всѣ постановили от себе отказати. На чом гетман Хмелницкій со своими енерали и полковники и со всѣм войском, року 1654, генвара [6 дня] присягу виконали и пребогатое жалованя царское соболями и прочіими дари, також и знамена войсковіе приняли, и по всѣх полках столников, придавши им козаков, разослали, аби також старшина градская, духовенство, козаки и все посполство царскому величеству присягу на вѣрность виконали. Что по обох странах Днѣпра во всей Украинѣ всякая душа з охотою учинили, и бысть радость великая во всѣм народѣ, ибо всѣ были благонадежни под единовѣрним себѣ монархою тихо-мирного во всем пожитія.

Что божіим поспѣшеніем и всего малороссійского народа (со надеждою всякого добра) благоволеніем окончивши, и великих послов его цардою всякого добра) благоволеніем окончивши, и великих послов его царского величества з подобающою честію отпустивши, казал Хмелницкій наготоватись от себе и от всего войска до царского величества особам з грамотою, якая зде прилагается...

[Характеристика Богдана Хмельницького та про його смерть]

Муж по истиннѣ имени гетманского достоин, много дерзновен в бѣдствія входити, множае совѣтен в самих бѣдствіях бяше, в нем же ни тѣло коими либо труди изнуренно, ни благодушенство противними навѣт побежденно быти можаше; мраза и зноя терпѣніе равно, пищи и питія не елико непотребное иждивеніе, но елико естеству довлѣяше толико вкушаше; сном ни в нощи, ни во дни побѣждашеся; аще же когда от дѣл и упражненія воінского времени избываше, тогда мало почиваше, и то не на многоцѣнних одрѣх, но на постели яже воинскому мужу приличествует; спящи же паки не печашеся, дабы уединенное коему мѣсто избѣрати, но и между немалим воинским кличем, ничто же о том радящи, з тихостію сна пріимаше, одѣяніе ничим же от прочіих разнствующее; оружіе точію и кони мало что от инних лучшее; мнози многажди его воинским плащем покровенна между стражми от труда изнемогоша почивающа созерцаху; первій на брань, послѣдній по уставшей брани исхождаше. Сицевія и сим подобнія в нем добродѣтели разсуждающе, что дивно есть внести, яко побѣдителем и страшилом ляхов сотворися, иже сладостем мирским всецѣло себѣ вдавше, воинских дѣл и обученій весьма устранишася. Сего ради не точію воинство свое, но аще бы (яко же вишше речеся) Хмелницкій их тайно не пощадѣ, то бы и всю Полщу во вѣки погубили.

Умершого убо (по вишеписанному) Хмелницкого в день успенія пресвятія дѣви, вси на погреб его сошедшіися генерали и полковники, старшина их и чернь з превеликим плачем и жалостію, купно же и войсковими обрядами попровадиша з Чигирина в Суботов и тамо в церкви каменной, от самого ж иногда созданной, в недѣлній день пред Семеном погребоша и плакавше немало над гробом вожда своего разійдошася во-свояси.

Повѣствуют достовѣрно нѣціи, яко поляки не могущи инним образом Хмелницкого умертвити, совѣт сотвориша, дабы смертним ядом его отруити. Еже случися тако: притвориша нѣкоего великородного юношу, аки бы он хощет у Хмелницкого дщерь себѣ в жену пояти, которій, пріехавши в Чигирин, притворно пошлюбил оную. Таже при отъѣздѣ провождающого Хмелницкого, нареченного тестя своего, почастовал за здравіе панни своей фляшечкою полною водки, ядом не скоро умерщвляющим, наполненною, сам первѣе одну подобную первой с единого и тогожде пуздерка[1] випивши. И тако он простого испивши питія пребыст безвреден, Хмельницкій же бѣдній от таковой проклятой пріязни и живота лишился. Что доводно может быти оттуду яко лестній он зять никогда же послѣди на Украину не являлся.

[1] погребця

Откуду Палѣй повстал — повѣсть

По примиреніи короля полского з россійскими монархами и по согласію папѣжа и цесара, даби всѣм христіянским монархам на турков и татар воевати,— в тот час, яко з малороссійских, тако и з запорожских отважних юнаков многіе, собравши себѣ охотников козаков и подѣлавшися ватагами, сѣрич полковниками,без всякого указу, своею охотою, ради защищенія от нападенія бесурманского христіян и границ обороняючи, по диких степах на обю страну Днѣпра, кормячися от диких звѣрей мясом и кріючися, татарскіе загони, з Полщѣ и з Россіи з людми набранними, в Крим и в Бѣлоградщину в неволю проваженними, розбивали, и користей з конми и оружіем татарских доставши, употребляли; христіян же мужеска полу и женска, з их дѣтми, в землѣ и отчества свои свободно отпущали и провождали. На которих широких и пустих степах тихъже от усердія всему христіянству без найму служащих козаков со удивленіем надлежит ход разсуждати; понеже на тих диких и широких степах не имѣется ни единой стезѣ, ни слѣду, яко на морѣ. Обаче тіе вишеписанніе ватаги, добре знающи проходи, аки би по широких извѣстних путех, з великим опасеніем, даби не были где от татар изслѣдованни, не имѣющи себѣ чрез нѣсколко мѣсяцей огня, и единожди в сутки зѣло скудной пищи— толокна и сухарей толчених вкушаючи и коням рзати не дающи, аки би дикіе звѣри кріючися по тернах и комишах, и з великим опасеніем, пути своя — разно розъездяся — гублящи,— хождаху; познаваху же на тих диких и широких степах себѣ путь в день по слонцу и кряжах високих земних и могилах, в нощи же — по звѣздах, вѣтрах и рѣчках,— и тако татар висмотривши и нечаянно нападши, малим людом великіе их купи разбиваху, и отпустивши христіян в их отчество свободно, самих турков и татар в Москву, а инних в Полщу к королю отвозяху. Их же тамо пріймовано и доволно обдаривши, при милости монаршой и при всякой всему Войску Запорожскому свободѣ, в Малую Россію и на Запорожа отпускано.

З тих убо запорожских ватагов или охотних полковников називаемій Семен Палѣй, родом з Борзни, оженившися на Заднѣпру в Фастовѣ и держачи войско при себѣ охотное, не токмо не допущал татарам Полщи и Россіи воевати и опустошати, но ходящи и сам и посилающи на Бучаки и в Бѣлоградщину, села татарскіе и Очаков не единожди разорял. Противу емуже где являхуся татаре, он мужественно и щасливе чрез нѣсколконадесят лѣт их розбивал, з великою коронѣ полской и всему христіянству ползою. Утишивши же Заднѣпра и поосажовавши многіе гради, людми осѣл был, яко удѣлній пан, войска свои охотніе по Полщу, даже до Литовской границѣ, розстановляющи, десятини з пасѣк, индукти и всякіе приходи со всего Заднѣпра, даже до Днѣстра и Случи, на себе отбирающи. На негоже коликократнѣ солтани кримскіе и бѣлоградскіе, имѣщи при себе и янчаров, даже под самій град Фастов (гдѣ Палѣй резидовал) приходили, даби его достати, но он тако их побѣждал и проганял,— даже единого часу, и самого над войском началствующого солтана живо побрал. З нимъже, послѣди, татаре, приходящи в примиреніе, начали были частокротне дарами знатними обсилати его. Потом ляхи, забувши своих, чрез тяжкія татарскія нахожденія бывших, разо-

реній, чрез чіе мужество и промисл военній освобожденни были и мало в тишинѣ пожили,— на того от зависти повстали; и первіе, обманою вземши его, в град Майборок на зоточеніе заслали. Откуду , по доволном сидѣніи, на нарочно подведенного коня в кайданах спадши, к своему войску прибѣг. Потом виправил гетман коронній рейментара з кварцяним войском, такожде з нѣмецкою и полскою пѣхотою, при арматах и гранатах, под Фастов. Но Палѣй, не посилая против ляхов своего войска, сокрил оное в лѣсах, а сам затворился в Фастовѣ; когда же поляки под град подступиша, Палѣево войско утаенное з поля на обоз, а Палѣй з града на шанцѣ лядские ударивши, тако поляков поразиша, яко едва в обозѣ удержавшися, тамождe з Палѣем примирившися, в свою землю со стидом принуждени отійти. Послѣди же, любо имѣяше Палѣй от поляков на себе всегдашную тайную вражду, но имѣющи от царского величества и от короля полского к себѣ милость, жил при всѣх доволствіях, владѣющи всѣм Заднѣпрям по Днѣстр и Случ, акиби гетман, но не был гетманом,— токмо полковником паче всѣх полковников первѣйшій и в бранех мужественнѣйшій. А гетманом был тогда на Заднѣпру Самусь.

ЛІТОПИС ВЕЛИЧКА

Цей літопис дійшов до нас в оригіналі в трьох частинах (книгах), з 10 портретами гетьманів серед тексту рукопису. Є й пізніший список.

Автор — Самійло Величко — почав свою канцелярську службу в Полтаві, у генерального військового писаря В. Л. Кочубея (1690 р.), далі був у нього писарем до самої смерті Кочубея (1709 р.). Це дало Величкові можливість широко використати документи генеральної військової канцелярії для записів подій. Широко використовує він також деякі памфлети і тогочасні сатири. Літопис подає систематичний виклад подій на Україні, починаючи з 1648 р. до 1720 включно. Рукопис писано скорописом початку XVIII ст., важким канцелярським стилем, церковнослов'янською мовою. Трапляється чимало полонізмів, почувається іноді вплив української народної мови. Повна назва літопису у виданні «Временной комиссии для разбора древних актов» така: «Лѣтопись событий в Юго-западной России в XVII-м вѣкѣ. Составил Самоил Величко, бывшій канцелярист канцеляріи войска Запорожскаго,1720». Вміщені нижче уривки взято з другого тома цього видання (Київ, 1851).

ЛІТОПИС ВЕЛИЧКА

[Про похід турків і татар на Запоріжжя]

Раздѣл XVI

Року от роздѣленія стихій 7183, а от повитія пеленами въ Вифлееме младенца, небо облаки повивающего 1675 года... Турчин... прислал... кораблями в Крим от Константинополя... пятнадцять тисяч виборнейших стамбулских янчаров и повелел хановѣ Кримскому з ними и из Ордою Кримскою, наступовавшои тогда зими, постаратися конечне запорожцов вибыты и Сеч их в конец разорити... А так, скоро зима тогдашная, чрез

майстерство крѣпких морозов своих, Днѣпровіе глубини и инніе рѣчки полевіе твердими замуровала ледами и достатними приодѣла снѣгами, теди хан Кримскій велѣл зараз сороку тисячам Орди Кримскои быти готовим до. походу военного, неименуемого куда, и пятнадцати тисячам янчарам велѣл даты конѣ; а когда кончился пост филыповскій, тогда он хан сам зо .всѣм войском своим помененним рушивши з Криму, ишол до Сѣчи Запорожскои степами, оподаль в килко миль от берега Днѣпрового, аби не постережен был чрез запорожцов, по островах и вѣтках Днѣпрових зимовавших, о чом все войско Низовое цале найменшои вѣдомости не мѣло. Третои теди чили четвертои нощи по рождествѣ Христовом, о полунощи, зближившися хан до Сѣчи, знял чрез Орду сторожу сѣчовую, о версту чили о двѣ на мѣсцу приличном стоявшую; от которои сторожи гди увѣдомился, же уже болшей нигде индей а ни в самой Сѣчи нѣт сторожи, и же войско в Сѣчи пяное спит безпечне в куренях своих, рад тому был велце, и зараз едного лутшего з пойманних сторожов запорожцов вибравшы, и волю ему учинити з особливим награжденіем обѣцавши, приказал ему тоею фортою, якая по их-же сторожов ознайменню на тот час была не заперта, впровадити янчаров пѣхотою внутрь Сѣчи Запорожскои; и так з тим вожем запорожским послявши всѣх янчаров в Сѣч, приказал им вшедши в неи належитій военній учинити над пяноспящими запорожцами промисл. А сам хан з Ордою вколо Сѣч обехавши и густо обступывши, стоял не оподал ея на поготовю, жебы и духа утѣкати мѣючих не випустити запорожцов... А так о том полунощном часѣ, егда все войско жадной найменшои прежде не имѣло в себе тривоги и о намѣреніи бѣсурманском вѣдомости, зашпунтовавшися в куренях своих безпечне отпочивало, тогда янчаре пойманним войждом запорожским незатворенною фортою в Сѣч тихо уведенніи, всѣ оноя улицѣ и переулки собою наполнили и аки в церквѣ стѣснилися; готовое-же имущи в руках оружіе, богом всевидящим на разумѣ зостали помраченни, иж не помислилися що далѣй чинити и яким-бы способом тое рицерское Низо-Днѣпрових козаков, аки малтанских кавалеров, гнѣздо опровергнути и самих всех до конца там-же вибити; ниже началники их янчарскіи, тѣсноти ради тогдашнея, могли з собою зійтися и порадитися, як свое злое намѣреніе зачинати и кончиты. Всю теди, яко и вишей рѣхом, Сѣч собою янчаре наполнивши, всѣ армати сѣчовіе опановавши и всѣ згола мѣстца заступившы, бяху чрез килко годин в недоумѣніи и тихом молчаніи; егда-же з полунощи повернуло, и благоволи бог вседержитель от настоявшея тогда погибели соблюсти в цѣлости жребій свой тое православное и преславное войско Низовое Запорожское, тогда отгна сон в нѣкоем курѣне едному Шевчику; той убо на дѣло свое вставши а кватерку отворивши, гди скроз сщѣлину оконичную начал присмотрѣватися если еще рано или уже нѣт, аж увидѣл несподѣванних людей, купно же и непріятелев турков полно натѣсненую улицю; чого любо устрахнулся, однак зараз килконадцать свѣчок в куренѣ своем тихо засвѣтивши, ознаймил молчком пятом чили шестом товариству картникам в гомже куренѣ еще не спавшим, но в едном кутѣ закрившись тихо в карты игравшим; которіи тое услишавшы и карти покинувши, зараз кинулися тихо до всех окон куреня своего, и не отворяючи их начали в счилини оконничніи присмотруватися, аще то есть правда що им сказал Шевчик. Егда же и сами увидѣли полную Сѣч своих неприятелей турков, тогда зараз всех своего куреня товариства, которого было до полчварта ста, тихо побудили и бѣду предлежащую им ознаймили, которіи як найрихлѣй вставши, тихо поубѣравшися и до оружія припасавшися, за поводом атамана своего курѣнного такій учинили порадок, иж до каждого окна по килкодесят человѣка лутших стрѣлцов поставили, жеби тіи безпрестанно стрѣляли, а другіи мушкеты жебы заражали. Якій порадок тихо в куренѣ том устроивши и господу богу помоливши, абіе всѣ окна и оконницѣ разом отворили, и густо а безпрестанно в тѣсноту янчаров начали стрѣляти и велми их убывати; що инші куренѣ почувши и тѣх-же непріятелей своих явно увидѣвши, зараз зо всѣх сторон и зо всѣх окон курѣнних, по улицах и переулках сѣчових, силно густій и непрестаемій мушкетній огонь запалили, и аки молніею непрестанною темную тогда нощ в Сѣчи своей просвѣтили, так тяжко турков разячи, же от едного пострѣла два и три упадало; янчаре-же, тѣсноти ради своея не могущи оружія своего до окон курѣнних просто исправити, на воздух стрѣляли и аки козли между собою мятущися, часто густо убиваеміи на землю падаху и в своей истой крвѣ утопаху. Егда-же их в улицах и переулках порѣдшало так, иж заледво третая часть в живих осталася, тогда запорожцѣ обачивши, иж з куреней един против другого на непріятелей стрѣляючи и сами себѣ мусѣлы шкодити, крикнули единогласно до ручного бою; и так абіе зо всѣх куреней разом, з мушкетами, з луками, списами, шаблямы и дреколіем висипавшися, начали останок турков тих невистрѣленних ручним боем доканчиваты и нещадно убывати; и на самом свѣтаню оних докончили и всю Сѣч и всѣ куренѣ зо всѣх сторон, наветь и церков божественую и армати всѣ кровію бѣсурманскою офарбовали и осквернили, и всѣ улицѣ и переулки Сѣчовіе тимы непріятельскимы трупами, з их же кровію сполсмѣшеними и силним тогдашним мразом замороженними и склеенимы, наполнили так, иж з пятнадцяти тисяч янчаров заледво полтори тисячи з Сѣчи вихопилося, и от татар на конѣ вхопленно. Хан теди з Ордами около Сѣчи стоявій и помислного облову дожидавійся, неблагополучній чаемой ловитвѣ своей скуток увидѣвши, восплакал и як волк (подобіем Мамая древнего, от россіян на поли Куликовѣ и рецѣ Непрадвѣ побѣжденного) возвил, толь немалое число виборних стамбулских янчаров над сподѣване в Сѣчи Запорожской утративши и погубивши; з которого неблагополучія веліим страхом сгорненній от Сѣчи рушивши, днем и нощію поспѣшал до Криму, боячися жебы и самого его роздражненіе запорожцѣ на конь всѣвши не догнали и не разгромили. Скоро теди по хмурной и темной а многокровной нощи тогдашной, хмурній и невеселій день дался видѣти очам людским, тогда абіе з общого войскового совѣта, а найбарзѣй з кошового Сѣркового ординансу, под двѣ тисячи доброго панцерного товариства Запорожского на конь всѣвши, и вколо Сѣчи звичайную обездку учинивши, пошло в тропи за ханом; а мил о полтретѣ от Сѣчи прошедши и боязнь ханскую, иж без жадного коварства утѣкал цале до Криму зрозумѣвши, повернуло и само до Сѣчи, и на конец службы божой зостало. А по службѣ божой все войско общій благодарственній богу спасителю своему и пресвятой дѣви богородици и защитницѣ своей всеблагоутробной молебень отпѣвши, розійшлося до куренев своих, и чрез увес день тот во всех куренях гуляло и в оружія палило, и из армат

всѣх кровію бѣсурманскою доволно окропленних палиты велѣло, трупи побитих впул снѣгом и кровію смѣшенних, и аки вали и могили по улицах и переулках Сѣчових змерзжшихся оставивши янчаров. Переночовавши зась, скоро стало на свѣт займатися, зараз по приказу кошового вдарено в котли на раду, в которую гди войско зійшлося, теди радилося що дѣяти з трупами побитих янчаров; на которой радѣ едни радили — повиволѣкавши з Сѣчи трупи оніе звичаем бѣсурманским попалити; а другіе мовили — оподал от Сѣчи на снѣденіе звѣрам и птахам поотволѣкати; третіе говорили — в землю позагрѣбати: четвертіе совѣтовали — в воду повкидати. З яких совѣтов три зганенно, а именно, еже погрѣбати в землю, много часу забавить, и нихто даром працовати и крѣпко умерзлои землѣ копати не похощет; другое, еже палити, много дров пришлоби потерати; третое, гди бы дано звѣрем на снѣденіе, теди тим звѣри розстервившися и живому войску могли бы вперед шкодити; а на четвертом совѣтѣ все войско перестало, еже трупи оних побитих янчаров виволокши з Сѣчи Днѣпровим отдати глубинам и бистринам. По якой радѣ, зараз килко сот человѣка на Днѣпр, для учинення полонок, виправлено, а иншим трупи, в купи змерзшіеся, роздѣляти и до виволоченя готовати приказано: третим зас з конми и арканами готовим быты з ради общой повелено. А гдѣ о часѣ обѣдном козаки з Днѣпра дали знати кошовому и атаманѣ, же пять чили шесть полонок обширних на Днѣпрѣ уже учинили; теди зараз велено трупи оніе янчарскіе, в крвѣ своей истой угрязнувшіе и измерзшіеся силними морозами тогдашними, арканами чепляти, до стримен кулбачних привязовати, и преч з Сѣчи, по килконадцать, по двадцать и поболше, плитами и брилами виволѣкати и в полонок оставляти; а пѣхота, при полонках бывшая, оніе трупов янчарских змерзшіеся брили в полонки втаскивала и под люд вправовала; а же того дня всѣх трупов з Сѣчи не виволоченно, теди и на другій день до пори обѣдной в том дѣлѣ войско попрацовати мусѣло. Здобичи запорожцам з побитих янчарских трупов велмы мало що досталось кромѣ оружія: бо на побитих и измерзшихся трупах кафтани, кунтуши, кожухи, шарвари, шапки, пояси и чоботи, отнюд всѣ были в едной крвѣ бѣсурманской аки омоченны и в едну плиту измерзшіися, бы по едному трупу сокирою розрубувал и фанти здирал и если бы их кто похотѣл знимати и руки свои тим скверннти, то развѣ з него шматками; яко-ж и оружіе опослѣднее (гди-ж первое оружіе зараз по доконченю бытвы еще з между трупов добре незмерзшихся повитягано) зъмежи них витяганно, трупи розрубуючи сокирами, а роги и шабелтаси тож коло них обрѣзованно. Кгди прето всѣ трупи оніе Днѣпровим глубинам отдано, теди все войско обще кинувшися, всѣ улицѣ и переулки в Сѣчи, крвѣ бѣсурманской полніе, поочищали, повисколбювали и за Сѣч з снѣгом повимѣтували, также стѣни курѣнніе и аркомати сѣчовіе, кровію велми помазанніе пообтѣсували и всю Сѣч совершенно от тоеи скверни очистили. А переночовавши, и рано утреню а по ней и службу божію рано-ж отправивши, к тому молебень благодарственій отпѣвши и води освященіе учинивши, пойшли всѣ священники тамошніи сѣчовіи со всѣм клиром церковним по всѣх улицах, куренях и переулках сѣчових, безпрестанно молитви от осквернення читаючи и водою священною вездѣ окропляючи. По церемонѣи зас оной, от скверни очистительной, все войско в куренях своих, а инніи значнѣйшіи у Сѣрка атамана кошового, до самого вечера гуляло и подпивало, но уже тихо, без громов арматних и мушкетних.

В помененной Запорожской з турками бытвѣ и заверусѣ нощной забито и запорожцов пятьдесят человѣка, а ранено до осмидесять товариства; мертвих теди чесним и знаменитим погребеніем все войско, прежде янчарского похороненя, землѣ предавши, сорокоуст за всѣх общій священникам сѣчовим неотлагателно и непрестаемо, з награжденіем за труди гражденіе з скарбцу войскового им данное, лѣчити приказало. Султан турецкій дочувшися о пропалих его в Сѣчи Запорожской виборних янчарах, велми узлился на вейзера своего, же совѣтовал ему на запорожцов виправити тих янчаров; за що любо пощадѣл его голову, однак всѣ добра вейзѣрскіе до казни своей царской велѣвши забрати, самого его на вѣчную ссилку в Родос велѣл отпровадити. После того вибитя янчаров в Сѣчи запорожской, уже по всѣ часи не отважился турчин ни разу над Запорожцами и их кошем жадного найменшого чинити промислу ку их пскоренію.

ЩОДЕННИК ЯКОВА МАРКОВИЧА [а]

Маркович Яків Андрійович (1696—1770), український письменник XVIII ст. — автор єдиного в своєму роді щоденника, який він вів протягом рівно половини століття (з 1717 і до 1767 рр.) на тодішній українській літературній мові з ознаками північно-українського діалекту *(суль* зам. сіль, *принюс* і т. ін.).

Я. Маркович походив з української старшинської сім'ї, спорідненої з гетьманськими родами.

У 1720-х роках він був наказним лубенським полковником, а в 1740-х роках — генеральним підскарбієм. Учився в Києво-Могилянській академії під безпосереднім керівництвом ректора Феофана Прокоповича, з яким підтримував дружні стосунки майже все життя. Академію закінчив 1713 р. Писав вірші і промови слов'яно-українською, латинською і польською мовами. Мав власне велике зібрання книг, які ретельно читав. Був читачем таких книг давньої української літератури, як «Синопсис», приписуваний Іоакентію Гізелю, «Lutnia Apollinowa» Лазаря Барановича, «Alkoran Mahometów» Іоанікія Галятовського. З філософської літератури читав Декарта, Буддея, Бекона. Згодом засвоїв французьку мову і був читачем тодішньої західно-європейської газетної й журнальної преси, а також творів Фенелона, Роллена, Вольтера та ін.

У своєму визначному щоденнику Я. Маркович дав широку картину життя, побуту, економіки, класових відносин, загальнокультурних і літературних інтересів тодішньої козацької старшини.

Щоденник Я. Марковича виданий був спочатку в Москві 1859 р. онуком автора (незадовільно), потім О. М. Лазаревським в Києві в 3-х томах (К., 1893—1897) і В. Модзалевським у 1913 р. в Києві — Львові (IV-й том). Повністю ця дорогоцінна пам'ятка досі ще не опублікована.

а Цей підрозділ (вступна стаття і уривки з щоденника Якова Марковича) підготував член-кореспондент АН УРСР, доктор філологічних наук, професор П. М. Попов спеціально для цього, 3-го видання «Хрестоматії».